В. Ю. КОВАЛЬ

Керамика Востока на Руси

IX–XVII века

УДК 94(47)
ББК 63.4
К56

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 09–01–16045д

Ответственный редактор
Л.А. БЕЛЯЕВ

Рецензенты:
кандидат исторических наук М.Д. ПОЛУБОЯРИНОВА,
доктор исторических наук Е.А. РЫБИНА

Коваль В.Ю.

Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII век / В.Ю. Коваль ; отв. ред. Л.А. Беляев; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2010. – 269 с. – ISBN 978–5-02–037583–3 (в пер.).

Монография представляет собой свод археологических источников, относящихся к импорту всех известных на территории исторической Руси восточных керамических изделий (поливных и неполивных), привезенных из Византии, Сирии, Ирана, Турции, Китая, Золотой Орды, Волжской Булгарии, Северного Причерноморья. Основой работы стала впервые разработанная для разнообразной номенклатуры импортов классификация восточной керамики. Работа иллюстрирована цветными таблицами, включающими изображения целых вещей и обломочного материала. Наряду с описанием типов и вариантов керамики, а также наиболее интересных находок представлены экскурсы в вопросы терминологии, происхождения разных типов керамики, атрибуцию импортов. В приложениях к книге публикуются данные спектрального анализа глазурей с образцов восточной керамики, представляющие источниковедческий интерес, а также таблица с данными о местах находок амфорного материала. Предложены интерпретации материала, выводы о динамике импорта керамических изделий на протяженном временном отрезке, охватывающем более 600 лет. Книга может быть использована в качестве справочника-определителя новых находок, а также вещей из старых музейных коллекций.

Для археологов, историков, культурологов, музейных работников.

По сети «Академкнига»

ISBN 978–5-02–037583–3

© Институт археологии РАН, 2010
© Коваль В.Ю., 2010
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2010

Посвящается светлой памяти моей мамы Галины Спиридоновны Коваль (Александровой)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составление каталога (систематического свода) находок восточной керамики на территории средневековой Руси было начато в середине 1990-х годов. В 1997 г. по этой теме была защищена диссертация “Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX–XVII вв.)” (*Коваль*, 1997ж). Однако потребовалось еще 10 лет для того, чтобы обработать собранный материал, рассредоточенный по многим десяткам музеев в России, на Украине и в Беларуси, и подготовить его к печати. Проделать эту объемную работу удалось благодаря финансовой поддержке РГНФ (проекты 01–01–00018а и 03–01–00225а), а также программы ОИФ Президиума РАН “Роль славянских культур в истории мировых цивилизаций” (2005 г.), и, конечно же, благодаря постоянной помощи коллег – археологов, музейных работников, искусствоведов, которые не только предоставляли для изучения добытый при раскопках материал, но и помогали работать в фондах музеев. Без этой помощи, без теплой дружеской поддержки российских, украинских и белорусских коллег, этот свод не мог быть завершен. В частности, в него вошли многочисленные неопубликованные находки, любезно предоставленные для изучения руководителями раскопок в Белоозере, Владимире-на-Клязьме, Владимире-Волынском, Вышгороде, Городце-на-Волге, Гродно, Дмитрове, Друцке, Заславле, Киеве, Коломне, Курске, Лукомле, Луцке, Львове, Любутске, Минске, Москве, Мстиславле, Муроме, Нижнем Новгороде, Новгороде Великом, Новгороде-Северском, Новогрудке, Пронске, Пскове, Ростове, Рязани, Смоленске, Старой Руссе, Серенске, Смоленске, Старой Рязани, Суздале, Твери, Торжке, Турове, Чернигове, Ярославле и на многих других памятниках археологии.

Хочу сердечно поблагодарить всех коллег, предоставивших мне материалы из своих раскопок для исследования и публикации: Л.В. Алексеева, Н.И. Асташову, Л.А. Беляева, А.Г. Векслера, П.Г. Гайдукова, М.И. Гоняного, Г.Е. Дубровина, С.Д. Захарова, Н.А. Кренке, А.Е. Леонтьева, Н.А. Макарова, В.В. Мурашову, О.М. Олейникова, Т.А. Пушкину, Т.Д. Панову, К.И. Панченко, Е.А. Рыбину, В.В. Седова, М.В. Седову), И.Ю. Стрикалова, А.С. Хорошева, А.В. Чернецова, А.В. Энговатову и В.Л. Янина (Москва); И.В. Болдина, А.Б. Мазурова и А.С. Сыроватко (Коломна); В.М. Буланкина, В.В. Судакова (Рязань); Н.Н. Грибова и Т.В. Гусеву (Нижний Новгород); А.С. Дворникова, Е.В. Кобозеву, П.Д. Малыгина, Л.А. Попову, И.А. Сафарову (Дашкову) и А.Н. Хохлова (Тверь); Ю.Э. Жарнова, Т.Ф. Мухину и М.Е. Родину (Владимир); Э.М. Загорульского, Ю.А. Зайца, Я.Г. Зверуго, Л.В. Колединского и Г.В. Штыхова (Беларусь, Минск); В.Н. Зоценко, Г.Ю Ивакина, И.И. Мовчана и М.А. Сагайдака (Украина, Киев); И.М. Игнатенко, Ю.Н. Сытого и А.В. Шекуна (Украина, Чернигов); С.В. Терського (Украина, Львов); И.К. Лабутину (Псков); В.А. Лапшина, Е.Н. Носова и С.В. Томсинского (Санкт-Петербург); В.В. Праздникова (Ярославль); Н.А. Тропика (Елец); Н.Е. Чалых (Липецк); Г.А. Шебанина (Тула).

Работа потребовала изучения старых коллекций восточной керамики, хранящихся в различных музеях СНГ. Вспоминая с большой теплотой всех, с кем пришлось познакомиться в ходе работы по сбору материала, хотелось бы особо поблагодарить за помощь в работе с музейными коллекциями Т.Д. Авдусину, Н.И. Асташову, С.И. Баранову. Н.В. Ениосову, Д.О. Осипова, Г.Ф. Полякову, Т.В. Скоробогатову, Е.Л. Трегобову и Е.А. Чуракову (Москва); П.Г. Аграфонова (Ярославль); В.В. Бейлекчи (Муром); Г.И. Беленко, Л.В. Иванченко, С.И. Климовского, Л.В. Строкову и В.М. Хардаева (Украина, Киев); Е.В. Буланкину (Рязань); С.И. Валиулину, Л.Ф. Недашковского и А.Г. Ситдикова (Казань); А.С. Дворникова, А.Н. Пичугину и И.Н. Черных (Тверь); Л.В. Дучыц и В.М. Сидоровича (Беларусь, Минск); В.В. Внукова, Г.Ю. Стародубцева и С.П. Щавелева (Курск); В.П. Коваленко, Л.Ф. Сытую и Е.Е. Черненко (Украина, Чернигов), Г.Н. Кожину и Т.С. Матехину (Варфоломееву) (Великий Новгород); Б.С. Короткевича, И.В. Осокина и А.В. Плохова (Санкт-Петербург); В.И. Лабутина и Б.Н. Харлашова (Псков); Ф.Э. Модестова (Смоленск); В.Л. Мыца (Украина, Семферополь); М.Ю. Пицишин и А.В. Сытника (Украина, Львов); О.Л. Прошкина (Калуга); М.Е. Родину (Владимир); С.И. Самошина (Коломна); И.Б. Тесленко (Украина, Алушта); М.В. Цыбина (Воронеж); Т.Ю. Яшаеву (Украина, Севастополь).

Пользуясь приятной возможностью, приношу здесь свою глубокую благодарность моему учителю *Марине Дмитриевне Полубояриновой* и всем, кто оказывал консультативную помощь в работе или

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дискуссии с которыми были мне весьма полезны: Т.Б. Араповой, М.Г. Крамаровскому (ГЭ, г. Санкт-Петербург), Л.А. Беляеву, Э.В. Сайко (ИА РАН, г. Москва), С.Г. Бочарову (ИА Крымского филиала НАНУ, г. Симферополь), И.В. Волкову (Ин-т культурного и природного наследия, г. Москва), Ф.Г. Дельгадо (Археологический музей г. Кордовы, Испания), А. Денкем (Стамбульский археологический музей, Турция), С.М. Зеленко (Киевский университет, Украина), В.Н. Зоценко (ИА НАНУ, г. Киев), А.Н. Масловскому (Азовский музей), Н.В. Сазоновой (ГМИНВ, г. Москва), О. Уатсону (Музей Виктории и Альберта, г. Лондон, Великобритания), Г.А. Федорову-Давыдову (МГУ, г. Москва), С. Хедрат Абади (Музей Реза Аббаси, г. Тегеран, Иран).

Отдельную благодарность приношу тем, кто помогал мне в проведении анализов глазурей: А.И. Цепиину (ИГЕМ РАН) и Н.И. Чистяковой (ВНИИМС, г. Москва), и в подготовке иллюстраций для данной работы – С.В. Кожухова (ИА РАН).

ВВЕДЕНИЕ

Керамика Востока принадлежит к числу наиболее эффектных памятников материальной культуры, встречаемых в культурном слое средневековых поселений и в погребальном инвентаре на территории Восточной Европы. Значительная часть находок такой керамики до сих пор остается неопубликованной, а имеющиеся публикации в большинстве случаев ограничиваются упоминанием отдельных образцов без подробного их описания и, как правило, без иллюстраций (рисунки и черно-белые фотографии полихромной керамики также не всегда достаточны для ее атрибуции). Поэтому для полноценного изучения средневекового восточного керамического импорта прежде всего необходимо было с максимально возможной полнотой составить *каталог* (свод) таких находок. Именно такой каталог охвативший все находки восточных керамических импортов, обнаруженных на территории Руси до 2001 г., представлен в данной работе. Более поздние по времени находки включались в него лишь в той мере, в какой они были исследованы или представляли особенный интерес своей исключительностью.

Не менее важной задачей было подготовить каталог таким образом, чтобы он мог служить *практическим руководством* (своего рода иллюстрированным путеводителем) для самостоятельной атрибуции новых находок восточной керамики археологами и музейными работниками, не являющимися специалистами в области изучения восточных импортов, но сталкивающимися в своей повседневной работе с необходимостью установить происхождение и даты тех или иных образцов, принадлежащих к керамике Востока.

Настоящий свод включает большое количество специальных терминов, расшифровка которых дана в справочном словаре в конце книги. Однако некоторые из них требуют особого пояснения уже в начале изложения для правильного понимания авторской концепции. И прежде всего это касается основополагающих понятий “керамика Востока” (“восточная керамика”, “керамика восточного происхождения”) и “импорт”.

В отечественной археологической литературе бытует формально-географическое разделение импорта по “направлениям” на “восточный”, “западный” и “южный”. Однако эти направления лишь очень приблизительно указывают на происхождение и пути ввоза различных импортов. Особенно большие трудности возникают с разделением между “южным” и “восточным” направлениями. Так, под “южным” импортом обычно бывает зашифрован импорт из Византии (т.е. с территории западной Азии) и стран Причерноморья. Однако, согласно принятой в России европоцентристской терминологии, под “странами Востока” понимается все пространство Азии, а также Северная Африка. Причем такое понимание справедливо даже не столько для современной эпохи, сколько для средневековья, потому что сама культурно-географическая категория “страны Востока” формировалась в Европе именно тогда. Примыкающие к азиатским территориям регионы на Балканском полуострове, на северном побережье Черного моря (в том числе Крым), в Среднем и Нижнем Поволжье допустимо рассматривать в качестве составных частей “средневекового Востока”, поскольку в эпоху средневековья они в культурном, политическом и даже этническом отношении несомненно принадлежали к “странам Востока”. В доказательство этого положения укажем на то, что, с европейской точки зрения, все балканские владения Османской империи входили в состав “стран Востока” (БСЭ, Т. 3. С. 420).

Таким образом, единственным “камнем преткновения” в данном вопросе остается определение историко-географического места Византии. С точки зрения исторической географии значительная часть Византия находилась на территории Передней Азии, а в целом – в контактной зоне Востока и Запада, причем культура Востока оказывала на Византию несравненно большее влияние, нежели культура Западной Европы. Поэтому в настоящей работе керамика Византии рассматривается в качестве части керамики Востока, а сама Византия – как особый регион в составе “стран Востока”.

На практике предлагаемый подход использовался и ранее многими исследователями. Так, крупная работа, посвященная исследованию находок византийских и сирийских стеклянных сосудов, названа авторами “Восточное стекло в Древней Руси” (*Гуревич и др.*, 1968).

С учетом всего вышеизложенного, в число “стран Востока”, керамический импорт из которых является предметом данного исследования, включены:

– Византия (со всеми ее владениями на Балканах и в Северном Причерноморье) (IX–XV вв.);

– Ближний Восток (Сирия, Палестина, Египет, Месопотамия, Малая Азия) (IX–XIII вв.);
– Средний Восток (Иран и Закавказье) (IX–XVII вв.);
– Средняя Азия (от Каспийского моря до Тянь-Шаня) (IX–XVII вв.);
– Китай и монгольская Центральная Азия (XIII–XVII вв.);
– "Золотая Орда" (Поволжье, Подонье, Предкавказье, Северное Причерноморье, включая Крым) (XIII–XV вв.) и ее наследники: Крымское, Казанское и Астраханское ханства (XV–XVII вв.);
– Волжская Булгария (IX–XIV вв.);
– Османская империя (Турция), включая Балканский полуостров и Северное Причерноморье (XIV–XVII вв.).

Все керамические изделия, происходившие из этих стран именуются в настоящей работе "*керамикой Востока*".

Для ясности используемой терминологии заметим, что под *Ближним Востоком* современная география понимает страны Северной Африки, Малую Азию, Сирию, Ирак (Месопотамию), Палестину, Аравийский полуостров (БСЭ. Т. 3. С. 420), а под *Средним Востоком* – Иран, Афганистан (БСЭ. Т. 24, ч. 1. С. 376), а после развала СССР – и Закавказье.

Другим важным для настоящей работы вопросом является трактовка понятия "импорт". Учитывая, что способ поступления керамики Востока на Русь (товар, военная добыча, дары, личное имущество переселенцев, купцов или завоевателей) не всегда возможно достоверно установить, а критерии разделения этих категорий ввоза и достоверного определения "торгового" импорта не разработаны (*Коваль*, 1993в. С. 34–36), в работе принято расширительное толкование термина "импорт" – как всякого (а отнюдь не только торгового) ввоза в страну.

Выбор продолжительного временно́го отрезка (IX–XVII вв.), на котором исследуется импорт на Русь керамики Востока, объясняется необходимостью изучать данное явление в динамике, на максимально длительном интервале. Нижняя граница этого интервала (конец IX в.) определяется историческим моментом образования единого древнерусского государства ("державы Рюрика"), а верхняя (рубеж XVII–XVIII в.) – соответствует этапу превращения Московского государства в Российскую империю с резкой переориентации всех политических, культурных и торговых связей на Западную Европу.

Внутри обозначенного временно́го отрезка выделяются три эпохи:

1. Древнерусская (конец IX – первая треть XIII в.) – с момента возникновения Киевской Руси до монгольского завоевания, которое коренным образом изменило политическую и культурную ориентацию восточного славянства. Этот период характеризуется прочными политическими и экономическими связями с Византией, активным функционированием Волжского, Донского и Днепровского торговых путей.

2. Золотоордынская (середина XIII–XV в.) – с момента подчинения значительной части Руси Джучидскому государству (Золотой Орде) и вплоть до крушения последнего. В эту эпоху произошло разделение территории Киевской Руси между Литвой и Золотой Ордой, в зоне сюзеренитета которой на роль гегемона вскоре выдвинулась Москва. Соответственно, в политике, торговле и культурных связях Литовская Русь стала ориентироваться на Запад, тогда как Московская Русь – на Восток. Значение Волжского и Донского путей в этот период сохранялось на высоком уровне, а роль Днепровского – упала.

3. Эпоха Московского централизованного государства (XVI–XVII вв.) – с момента освобождения Московской Руси от золотоордынской зависимости и до превращения Московии в Российскую империю. В эту эпоху Западная и Южная Русь, находившиеся под польско-литовским правлением, стали полностью ориентированы на западноевропейскую культуру, но даже в Московской Руси восточное культурное влияние постепенно угасало, хотя территориальные приобретения в Поволжье и включение больших масс татарского населения в то же самое время заметно "ориентализировали" культуру этого государства. В это время для связей с Востоком использовался в основном Волжский торговый путь, а черноморская торговля сохранялась в неизмеримо меньших масштабах.

Территориальные границы исследования в Восточной Европе определяются для первой эпохи ареалом славянских племен в границах государства "Киевская Русь"[1], для второй эпохи границами русских княжеств под властью Золотой Орды и Литвы, а для третьей – границами Московского и Польско-Литовского государств в пределах зоны расселения средневековой русской народности.

В состав изучаемой территории не были включены Тмутараканское княжество (Керченский и Таманский полуострова) и Белая Вежа (Саркел). По нашему убеждению, включение импорта на эти территории в состав древнерусского неприемлемо по следующим причинам:

а) указанные регионы являлись небольшими по площади анклавами, не имевшими значительного постоянного славянского населения и находившимися в иноэтничном и инокультурном окружении, т.е., пользуясь современной терминологией, являлись оккупированными территориями, которые зависели от Киевской Руси немногим более одного столетия;

б) все торговые и культурные связи коренного населения указанных районов сформировались до их подчинения Руси и сохранялись в период русского господства, которое практически не отразилось на этих связях;

в) поскольку керамика Востока ввозилась в перечисленные регионы как до, так и после их вхождения в состав Руси, импорт той или иной ее разновидности именно в период русского управления этими территориями требует доказательств, которые весьма затруднительны ввиду небольшого числа закрытых комплексов и особенностей стратиграфии южных памятников;

г) датировка многих находок восточной керамики из Белой Вежи и Тмутаракани по данным стратиграфии именно XI веком (т.е. эпохой русского господства) вызывает сомнения из-за перемешанности слоев этих памятников[2].

Таким образом, восточный керамический импорт в Саркел и Тмутаракань не был вызван присутствием русских на данных территориях, а являлся результатом давно сформировавшихся торговых связей. Собственно, это признавала и Т.И. Макарова, подробно рассмотревшая импорт в Саркел (Белую Вежу) и Тмутаракань (*Макарова*, 1967. С. 34). Следовательно, импорт восточной керамики в Тмутараканское княжество и Белую Вежу не является "импортом на Русь" – это часть импорта в Северное Причерноморье. Рассмотрение такого импорта в составе древнерусского могло бы только исказить картину внешних связей Руси.

---

[1] Особенную трудность представляют находки с поселений роменской и боршевской культур, существовавших в VIII–X вв., т.е. как до, так и после образования Руси. Поэтому находки с широкими датировками в настоящем своде не учитывались. В то же время, находки восточной керамики с поселений этих культур, датированных X в. включались в настоящий свод.

[2] Судя по публикациям, многие образцы импортной керамики XII в. были найдены здесь в слоях, датированных X в., что свидетельствует о наличии незафиксированных перекопов в этом слое.

Раздел 1

ВОСТОЧНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ НА РУСИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

1. ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КЕРАМИЧЕСКОГО ИМПОРТА В РОССИИ

Яркие образцы керамики, привозившейся в средневековую Русь с Востока, всегда вызывали живой интерес со стороны археологов и искусствоведов, который нашел выражение в многочисленных статьях, в той или иной мере затрагивавших этот выразительный материал. Однако систематического изучения этой керамики как отдельной категории импорта, поступавшего на территорию Руси, долгое время не проводилось.

В истории изучения восточного керамического импорта в Россию отчетливо выделяются два периода:

1) с XVIII в. до 40-х годов XX в.;

2) с конца 40-х годов XX в. до настоящего времени.

Первый период характеризуется появлением обзорных работ по восточной торговле средневековой Руси, опиравшихся почти исключительно на письменные источники, причем керамика в них упоминалась редко, да и то почти всегда – как предмет исключительно торговых связей Руси с внешним миром. Еще реже появлялись публикации восточной керамики, происходившей из археологических раскопок или найденной случайно и столь же случайно попавшей в поле зрения археологов.

Начало этому периоду было положено семитомным изданием М.Д. Чулкова “Описание Российской коммерции”, в котором рассматривались только письменные источники, касавшиеся торговли Древней Руси со странами Востока (с Турцией, Персией, Средней Азией и Китаем) в основном в XVI–XVII вв., извлеченные из русских летописей и архивных документов (1781). С труда М.Д. Чулкова начинается ряд исследований, посвященных торговым связям Руси с Востоком, которые постепенно вводили в научный оборот письменные источники древнерусского и восточного происхождения, касающиеся восточной торговли Руси. В составе этого корпуса научных трудов можно выделить четыре отдела:

1. Общеисторические работы, в которых затрагивались и вопросы восточных связей Руси (*Соловьев*, 1893; *Ключевский*, 1903)[1].

2. Исторические и историко-экономические исследования, посвященные русской торговле, по необходимости затрагивавшие и восточную торговлю Руси. В этом ряду следует назвать “Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях” Н.И. Костомарова (1862) и работы ряда иных историков (*Мельгунов*, 1905; *Спасский,* 1910; *Довнар-Запольский*, 1910). В начале XX в. стали обращаться к этой теме и археологи, например, А.А. Спицын (1911. С. 235–253). Историко-экономическая проблематика привлекала и российских историков, переживших Октябрьский переворот. Для примера приведем книгу И.М. Кулишера “История русской торговли до XIX века включительно” (1923) и статью И.П. Козловского “Внешние сношения Древней Руси” (1930. С. 55–70).

3. Работы, посвященные собственно восточным (в основном – торговым) связям Древней Руси и Московского государства. Здесь следует отметить издание профессором Копенгагенского университета И.Л. Расмуссеном в 1814 г. сводки арабских письменных источников, переведенной на русский язык в 1828 г. (*Расмуссен*, 1828. С. 137–180). Крупнейшей публикацией архивных источников по данной проблематике явилось двухтомное издание документов, касавшихся русско-персидских отношений в XVI–XVII вв. (*Веселовский*, 1890; 1892). Интересную информацию представляют и отдельные статьи, посвященные восточноевропейской торговле с арабским Востоком (*Любомиров*, 1923. С. 5–38) и торговым связям Московии с Причерноморьем, Персией и Средней Азией в XV–XVII вв. (*Шпаковский*, 1915. С. 1–54; *Чулошников*,1932. С. 61–88; *Панков*, 1927. С. 20–47; 1929. С. 47–58; *Сыроечковский*, 1932. С. 193–237; 1935).

[1] Здесь и далее указываются лишь некоторые, наиболее интересные (по мнению автора) книги и статьи, характеризующие развитие научных представлений по данной теме.

4. Статьи и заметки, непосредственно касающиеся находок восточной керамики. Одной из первых подобных публикаций стало описание В.И. Сизовым восточной керамики из гнёздовских курганов (1902. С. 61–64, 94–95), которое сохраняет свое научное значение по сей день. К этой же группе публикаций принадлежат работы Э. Ленца (1904) и И. Хойновского (1896). Правда, последнее издание, подготовленное антикваром, имевшем смутное представление о хронологии древностей, не столько давало новую информацию, сколько вводило в заблуждение (в частности, в ней была издана графическая реконструкция амфоры, в которой по воле автора детали античного и средневекового сосудов были соединены в некий “гибрид”, которого в реальности никогда не существовало). В 1920–1940-е годы находки восточной керамики на Руси почти не публиковались. Исключением была работа Н.Н. Макаренко, посвященная публикации обломка византийской тарелки с полихромной росписью, найденной в Киеве в 1909 г., которая была снабжена цветной иллюстрацией (*Макаренко*, 1930. С. 97–110).

Для **второго периода** истории изучения керамики Востока на Руси характерно обращение исследователей прежде всего к археологическим материалам. Печатные труды этого периода можно разделить на пять отделов:

1. *Исторические и историко-археологические работы, посвященные торговым связям Руси*, продолжавшие традиции первого периода историографии и направленные на изучение общих вопросов внешней торговли средневековой Руси, в числе которых попутно рассматривался и импорт восточной керамики.

Во втором периоде таких работ было написано относительно немного, но их информативная насыщенность стала значительно выше. Начало данной серии исследований положила статья Б.А. Рыбакова о торговле Древней Руси (1948б. С. 315–369), в которой кратко упоминались находки из Гнездова и Киева, опубликованные ранее В.И. Сизовым и Н.Н. Макаренко (см. выше). Архивные сведения, касающиеся импорта восточной керамики, были приведены в работе М.В. Фехнер о торговле Москвы со странами Востока в XVI в., где впервые были описаны (в сопровождении черно-белых фотографий) образцы из клада поливных сосудов, обнаруженного в Благовещенском соборе Кремля в 1894 г., и фарфоровая сулея царевича Ивана, сына Ивана Грозного (*Фехнер*, 1956). Однако атрибуции и датировки этой керамики были приведены автором без каких-либо обоснований и в настоящее время сильно устарели (ошибки в датах достигают двух столетий). Особый интерес представляет книга М.Н. Тихомирова о внешнеторговых связях Руси в XIV–XV вв. (1966), в которой упомянуты практически все письменные источники, касающиеся данного периода. Однако в этой книге, так же, как в весьма информативной статье А.Н. Новосельцева и В.Т. Пашуто о внешней торговле домонгольской Руси (1967. С. 81–108), восточная керамика упоминается лишь вскользь, не становясь объектом внимания исследователей.

Торговые связи Древней Руси на базе опубликованных археологических данных были рассмотрены в статье В.П. Даркевича (1973. С. 93–103), однако и в ней восточной керамике было уделено небольшое внимание: учитывались только находки византийской и ближневосточной поливной посуды, причем совместно с находками восточных изделий из стекла. В ряде работ В.Б. Перхавко, посвященных торговле Руси со славянскими странами, высказывались предположения об участии Балканской Болгарии в импорте на Русь византийских амфор и глазурованной посуды (*Перхавко*, 1984. С. 99), однако аргументация этой гипотезы автором не приводилась. Значительно более подробно рассмотрены вопросы импорта керамики (и в первую очередь – амфор византийского культурного круга) в сводной работе В.Н. Зоценко о южнорусской торговле, подготовленной на материалах, добытых при работах украинских археологов (*Зоценко*, 1986. С. 470–485). В частности, втором подчеркивалось присутствие византийских амфор практически во всех южнорусских городах.

К этой же группе исследований примыкает свод изделий восточной торевтики на Руси, подготовленный В.П. Даркевичем (1976), в котором привлечены некоторые данные об импорте восточной посуды на Русь в домонгольскую эпоху. Эта работа интересна тем, что в ней предпринята попытка картографирования находок восточной керамики на территории Руси и сопоставления полученной картины с размещением находок восточных импортных изделий из стекла и металла. При этом некоторые выводы работы вызывают возражения. В частности, предположение о привозе на Русь иранской люстровой керамики не только Волжским путем, но и по маршруту Трапезунт–Херсон–Киев (*Даркевич*, 1976. С. 164) не обосновано: ничего не известно о фактах находок подобной керамики в названных пунктах и прежде всего – в Киеве (*Коваль,* 1993б)[2].

На сегодняшний день итоговым историко-археологическим исследованием в области изучения восточного керамического импорта на Русь является раздел “Международные связи” (написан В.П. Даркевичем) в монографии “Древняя Русь: город, замок, село” серии “Археология СССР” (1985. С. 387–411). В этой работе были суммированы сведения публикаций 1940–1970-х годов и проведен обзор гипотез о происхождении отдельных катего-

[2] Иранская (в том числе люстровая) керамика найдена в Херсонесе, но немногочисленные ее находки пока не опубликованы.

рий восточной керамики, времени и путях ее поступления на Русь.

2. *Сводные работы, посвященные изучению значительных серий восточной керамики на территории Руси*. В этом отделе первое место по праву занимает монография Т.И. Макаровой "Поливная посуда" (1967), представляющая собой полный свод археологических источников, касающихся поливной (как импортной, так и местной) керамики, относящейся к домонгольской эпохе и найденной на территории Руси к моменту составления свода, т.е. к началу 1960-х годов. Эта книга оставалась единственным каталогом византийской и ближневосточной глазурованной посуды, найденной на Руси, и практическим определителем для новых находок подобной керамики. В ней впервые было предпринято картографирование находок восточной керамики, позволившее сделать интересные наблюдения о путях ее проникновения на Русь. В то же время, этот свод не охватывал поливную керамику XIII–XVII вв. (в том числе, наиболее массовую на Руси золотоордынскую керамику) и *неполивную* восточную посуду, составлявшую огромный массив восточных импортов. За прошедшие со времени составления свода 40 лет число находок одной только поливной восточной керамики домонгольской эпохи возросло более чем в 20 раз. При этом следует подчеркнуть, что почти все датировки и атрибуции Т.И. Макаровой не устарели и сохраняют свое значение по сей день.

К этому же отделу относятся еще две работы М.Д. Полубояриновой – статья, в которой был опубликован полный свод находок неполивной керамики Волжской Булгарии на территории Руси (1989. С. 179–189) и дополняющая ее монография о русско-булгарских культурных и торговых связях (1993). Эти работы позволяют составить исчерпывающее представление о географии и масштабах импорта булгарской (прежде всего – лощеной) столовой посуды в русские земли на протяжении X–XIV вв.

Впервые свод находок средневекового амфорного материала на территории Руси (53 пункта) был представлен в обзоре Р.Л. Розенфельдта (1997. С. 35–36). В процессе составления аналогичного свода были учтены 154 пункта находок амфорной керамики византийского культурного круга (как обломков сосудов, так и целых форм) (*Коваль*, 1999а), а позже – 197 таких пунктов (*Коваль*, 2003а). Попытка создания подобного же свода предпринималась и зарубежными исследователями (*Noonan, Kovalev*, 1999), однако их свод оказался неполным и изобилующим неточностями (*Коваль*, 2003а. С. 343). В настоящее время количество таких пунктов возросло до 261.

В этот же отдел можно включить статьи, в которых были подготовлены своды византийской (*Коваль,* 2005а) и сирийской (*Коваль*, 2005е) керамики на Руси.

3. *Работы, посвященные восточному керамическому импорту в тот или иной город или регион Руси*. Первым подобным исследованием стала статья А.Ф. Медведева "Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде" (1963. С. 269–286), публиковавшая находки с Неревского раскопа. К сожалению, она не сопровождалась изображениями этих находок (вместо них были представлены фотографии аналогичных найденным обломкам целых чаш из золотоордынского Поволжья). Кроме того, в ней были допущены неточности в датировке и описании образцов, названия отдельных типов восточной керамики не соответствовали общепринятой терминологии.

Другой специальной работой, рассматривавшей импорт восточной керамики в города Беларуси (правда, совместно с импортом восточной стеклянной посуды), стала статья Ф.Д. Гуревич (1968. С. 34–36), однако керамика была описана в ней более чем кратко. Достоинством этой работы было наличие цветных фотоиллюстраций.

Статья М.В. Малевской "Амфоры Новогрудка XII–XIII вв." (1969а. С. 185–191) являет собой пример исключительно подробного описания находок, снабженного рисунками, точно отображающими морфотехнологических особенности амфор. При этом некоторые выводы автора (например, о сходстве ряда амфор с красноглиняными кувшинами из Саркела и Тмутаракани) оказались ошибочными. Весьма информативной является также статья Л.А. Голубевой, в которой опубликован амфорный материал из раскопок Белоозера (1973а).

Восточная поливная керамика, найденная в отдельных городах Руси, стала предметом изучения в трех специальных исследованиях. К их числу относится статья В.П. Даркевича и Т.Х. Стародуб, рассматривавшая восточную керамику из раскопок Старорязанского городища 1966–1979 гг., которая включала подробные описания найденных образцов и качественные цветные иллюстрации (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 183–194). К сожалению, при публикации были допущены многочисленные ошибки в шифрах отдельных находок (приведшие к неточностям в стратиграфических датировках); кроме того, на выводы авторов негативно повлияла их приверженность концепции о производстве люстровой керамики во множестве центров Ирана и Средней Азии (единственным несомненно существовавшим центром ее изготовления был г. Кашан в Иране) (*Коваль*, 2005г. С. 512–514).

В работе Т.Д. Пановой, (1986. С. 222–231) были не только подробно рассмотрены сами находки восточной поливной керамики из раскопок в Московском Кремле, но и предложена их типологическая группировка в соответствии с классификационной схемой Н.М. Булатова, общепринятой в археологии Поволжья. Импорт керамики Востока в Ростов Великий рассматривается также в статье Н.Г. Самойлович (1991. С. 71–73).

Важным событием в изучении восточной керамики на Руси стала группировка византийского амфорного материала, разработанная И.В. Волковым и использованная при публикации материалов Великого Новгорода (1996а. С. 90–103; 2006. Р. 145–159). В этой работе были предложены конкретные атрибуции и датировки практически для всех основных типов амфор византийского культурного круга, известных в археологических материалах средневековых городов Руси.

4. *Статьи и разделы в монографиях, рассматривавшие какой-либо один пункт (область) Руси по всему кругу импортов, в числе которых уделялось место и восточной керамике*.

Наиболее полно эта тема раскрыта в двух монографиях Е.А. Рыбиной о средневековой торговле Великого Новгорода (1978; 2001). Однако в них рассматривается только импорт амфор (да и то лишь суммарно, без характеристики отдельных их типов), а поливная восточная керамика охарактеризована в самых общих чертах (*Рыбина*, 1978. С. 27–29, 50–51).

Отдельные находки восточной посуды упоминались в статье Г.П. Латышевой о торговле Москвы XII–XIV вв. (1971. С. 213–229), где к числу иранских импортов по ошибке оказался отнесен также обломок испанской люстровой чаши (*Коваль*, 1996б). В монографии Р.Л. Розенфельдта "Московское керамическое производство XII–XVIII вв." имеется целый раздел, в котором рассматривалась привозная керамика из раскопок в Москве (*Розенфельдт*, 1968. С. 69–72), однако чрезмерно краткое описание этого материала не сопровождалось к тому же аргументацией в пользу приведенных датировок и атрибуций, часть из которых неверна. В то же время эта работа ценна цветными иллюстрациями (акварельными рисунками обломков найденной керамики). Последней по времени работой, в которой нашел отражение импорт восточной керамики в средневековую Москву, является монография А.М. Колызина о торговле средневековой Москвы (2001), в которой учтены все новейшие сведения об импортных образцах поливной и амфорной керамики, но представлены только черно-белые иллюстрации, не дающие адекватного представления о таких сосудах[3].

Находки восточной керамики рассматривались М.Е. Родиной в статье и монографии о международных связях Владимиро-Суздальской Руси (1988. С. 170–180; 2004) и в серии статей Ф.Д. Гуревич о связях Западной Руси с Византией (1983. С. 63–65; 1984. С. 31–32; 1988. С. 130–144; 1991. С. 76–82), к которым примыкают разделы о торговле в двух монографических публикациях результатов раскопок белорусского Новогрудка (*Гуревич*, 1981. С. 148–156; *Гурэвіч*, 2003. С. 211, 223–226). Но торговый характер импорта восточной керамики на Русь определен в этих работах априорно, а постулат о заметной роли Херсонеса в импорте восточной керамики остался недоказанным.

В этот же отдел следует отнести многочисленные монографии и статьи, посвященные описанию результатов раскопок различных городов Руси, где были найдены образцы восточной керамики (Белоозеро, Галич, Городец-на-Волге, Звенигород-на-Белке, Киев, Коломна, Переяславль-Южный, Полоцк, Рюриково городище близ Новгорода, Серенск, Смоленск, Старая Рязань, Суздаль, Чернигов, Ярополч-Залесский и многие другие), в которых публиковались или только кратко упоминались подобные находки. Большинство публикаций такого рода обладают общими недостатками:

1) в них публиковались изображения не всех находок восточной керамики, а лишь избранных образцов, причем представлена, как правило, прорисовка только одной поверхности обломка, без его профиля;

2) не проведено определение состава формовочной массы образцов (т.е. не установлено, из какого материала были изготовлены сосуды – из силикатных масс или глины) либо этот состав определялся наугад;

3) разнобой в терминологии: одни и те же типы керамики назывались по-разному (часто даже в одной и той же работе), в то же время разнородные типы керамики объединялись абстрактными (обычно не разъясняемыми в тексте) терминами, например, названием "фаянсы";

4) неправильное описание декора, проистекающее из незнания технологии его нанесения. Например, гравированный под глазурью орнамент "сграффито" часто называют "росписью темной краской по светлому (цветному) фону";

5) смешивание амфорного материала с высококачественной красноглиняной столовой и тарной керамикой золотоордынского Поволжья и Крыма;

6) атрибуция поливной керамики местного или западноевропейского производства в качестве "восточной".

На этом фоне выгодно выделяются некоторые публикации последних лет, особенно те, которые сопровождались цветными фотографиями находок (*Кабаев, Гальчук*, 2007).

5. *Публикации отдельных находок керамики Востока на Руси.* Таких работ немного, поскольку яркие керамические импорты хорошей сохранности встречаются вообще не часто. В этом ряду надо назвать заметки А.Л. Монгайта о находке целиком сохранившейся поливной кашинной чаши в погребении из Софийского собора Великого Новгорода (*Монгайт*, 1948) и А.Г. Векслера – об обломке декоративной поливной плитки, найденном в Смоленске (*Векслер*, 1959). Особый интерес представляют две публикации Т.Б. Шитовой (Се-

[3] Свод находок восточной керамики в Москве был опубликован нами ранее с графическими изображениями образцов (*Коваль,* 1997д; е).

ниченковой), вводившие в научный оборот самую раннюю на территории Руси находку ближневосточной керамики IX в. с люстровой росписью (так называемый "самаррский люстр"), происходившую из Старой Ладоги (*Шитова*, 1980. С. 238–239; *Сениченкова*, 1997).

* * *

Из приведенного списка работ (и перечня часто допускавшихся в них ошибок) видно, что тема восточной керамики в средневековой Руси еще только начинает разрабатываться. Весь круг импортной керамики до сих пор не был охвачен исследованиями. Амфорный импорт изучен лишь в нескольких городах (Новгород, Киев, Новогрудок, Волковыск, Белоозеро). Импорт золотоордынской керамики ранее системно не рассматривался (он лишь констатировался для отдельных городов Руси). Импорт восточной керамики XVI–XVII вв. на археологическом материале не был изучен вовсе. Таким образом, при обилии публикаций по столь незначительному, казалось бы, комплексу находок, проблема импорта восточной керамики на Русь в целом оставалась не разрешенной и изучалась в большинстве случаев локально – в пределах материалов из отдельных городов или древнерусских земель.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИВОЗНОЙ ВОСТОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА РУСИ

Принципы классификации

Авторами большинства публикаций находок керамики Востока, обнаруженных на территории средневековой Руси, вопрос об ее классификации, как правило, не ставился. Причиной тому было как малое число таких находок, так и относительно небольшое разнообразие образцов импортов. Поэтому имеются лишь две работы, в которых были предприняты попытки группировки керамики, привезенной на Русь из стран Востока – это монография Т.И. Макаровой и статья Т.Д. Пановой. В первой из них (*Макарова,* 1967) материал разделялся по происхождению керамики – на византийскую, ближневосточную и русскую. И хотя фактически атрибуции находок предшествовало вычленение их характерных признаков, этот важнейший исследовательский процесс оказывался скрыт от пользователей публикации, сталкивавшихся с трудноразрешимой задачей: определять происхождение керамики по неизвестным им принципам либо проводить самостоятельный поиск этих принципов. Все это крайне затрудняло использование данного свода для атрибуции и датировки вновь найденных образцов. Атрибутивно-хронологический принцип разделения материала вполне допустим при проведении обобщений (более того, это единственно возможный подход на заключительном этапе исследования импортов любого рода), однако для *создания источниковой базы* он представляется неприемлемым, поскольку ставит на первый план те определения, которые получаются в итоге длительного исследовательского процесса. На следующем этапе группировки Т.И. Макаровой применялось разделение керамики по цвету глины, однако не было дано объяснений, почему цвет глины определен в качестве более важного признака группировки по сравнению, например, с техникой нанесения декора, цветом глазури и т.д.

При систематизации находок восточной керамики из Московского Кремля Т.Д. Пановой (1986) была принята классификационная схема Н.М. Булатова и Г.А. Федорова-Давыдова (*Булатов*, 1968. С. 95–109), разработанная для материалов золотоордынского Поволжья. Эта схема прекрасно зарекомендовала себя в отношении золотоордынского материала, но ее применение при систематизации находок с территории средневековой Руси вызывает немалые трудности. Во-первых, золотоордынская керамика составляет лишь часть (хотя и весьма существенную) восточной керамики, поступавшей на Русь, а потому классификация этой керамики, приспособленная для вполне определенного круга изделий, оказалась не в состоянии охватить все многообразие ввозившихся на Русь изделий. Кроме того, в системе Н.М. Булатова основным классификационным признаком был избран *цвет кроющей глазури*, который (при всем удобстве пользования им) является все же второстепенным, поскольку отражает только декоративные качества керамики и не зависит от технологии ее производства.

Таким образом, в отечественной литературе отсутствовала классификация восточной керамики, которая могла быть использована для составления ее свода. Вместо нее имелись лишь различные систематизации, разветвленность которых зависела от объема группировавшегося материала. Не были также выработаны основополагающие принципы для классифицирования столь своеобразной категории памятников материальной культуры, каковыми являются разнообразные керамические изделия стан Востока.

Обращение к зарубежному опыту изучения восточной керамики, обнаруженной в регионах ее производства и бытования (т.е. в Иране, на Ближнем Востоке, в Средней Азии, Китае), показало разнообразие подходов к группировке такой керамики и полное отсутствие логических обоснований для выбиравшихся разными исследователями принципов группировки. Наиболее распространенным среди них оказался хроно-атрибутивный принцип изложения материала, который, как показано выше, не может являться основанием для классификации, нацеленной на составление свода (базы данных). В соответствии с этим принципом тот или иной корпус керамики разделяется на группы в зависимости от места и времени ее производства. Например, в европейской и американской литературе можно встретить такие группы восточной керамики, как "мамлюкская" (т.е. производившаяся в Египте эпохи мамлюков), "ильханская" (керамика Ирана эпохи монгольского завоевания), "керамика эпохи крестовых походов" и т.д. Иногда керамический материал просто разделяют на временные отрезки (X–XII вв., XIII–XV вв. и т.п.), внутри которых констатируется происхождение того или иного ряда схожих изделий из конкретной страны или города: "персидская", "турецкая" керамика, "керамика Ракки" и т.п. Такое изложение материала широко применялось (и до сих пор применяется) ведущими западными и отечественными специалистами в области изучения керамики Востока (*Кверфельдт*, 1947; *Pope*, *Ackerman,* 1964; *Lane*, 1957; 1958; *Fehervary*, 1976), однако оно ни в коей мере не является классификацией, за что подвергалось справедливой критике (*Сайко*, 1969. С. 14). Классификация не может строиться на атрибуциях, напротив – она сама должна быть инструментом для проведения атрибуции. А для этого она должна строиться на конкретных признаках, присущих самому предмету группировки (в данном случае – керамики).

Одной из первых попыток построения группировки восточной керамики, основанной на признаках технологии изготовления и декорировки изделий, явилась публикация Чарльзом Морганом глазурованной керамики средневекового Коринфа (*Morgan C.H.*, 1942). Правда, соблюсти принципы такой группировки до конца автору не удалось, поскольку он пытался совместить ее с хронологическим делением материала. Применение столь различных подходов в одной и той же системе изложения материала оказалось непродуктивно.

В том же направлении проводилась систематизация глазурованной керамики из раскопок в Армении Б.А. Шелковниковым (1952; 1957), глазурованной и неглазурованной керамики Грузии – В.В. Джапаридзе (1956), среднеазиатской глазурованной керамики – Г.В. Шишкиной (1979), керамики золотоордынской эпохи с территории современной Молдавии – Л.Л. Полевым (1969), Е.Н. Абызовой, П.П. Бырней и А.А. Нудельманом (*Абызова и др.*, 1981. С. 53–80), неполивной керамики золотоордынского Поволжья – С.Е. Михальченко (1973. С. 122–129). При этом исследователями применялись различные иерархии признаков группировки: одни из них (Б.А. Шелковников) ставили на первое место особенности керамического теста, другие (Н.М. Булатов) – цвет и химический состав глазурей, третьи (С.Е. Михальченко) – формы сосудов, четвертые (Л.Л. Полевой) – орнаментальные схемы.

Очень часто создавались своего рода "гибриды" хронологических группировок и технологических классификаций, когда керамический материал вначале разделялся по эпохам своего бытования, а затем уже группировался по признакам технологии производства. Одними из первых такой подход применили Н.Н. Вактурская при систематизации керамики Хорезма (1959) и А.Л. Якобсон при публикации поливной керамики из Орен-Калы в Азербайджане (1959), а затем Л.Г. Брусенко при обработке среднеазиатской глазурованной керамики (1986) и А.А. Кравченко при издании средневековой керамики Белгорода-Днестровского (1986. С. 46–80, 89–114). Подобные схемы группировки стали называть "хронологическими классификациями", а дальнейшие исследования показали, что именно этот путь является наиболее удобным при изучении керамических изделий, производившихся в том или ином регионе Востока.

Примерами группировки восточной керамики на базе одних лишь признаков декора являются классификации керамики из Баальбека (Палестина) Фридрихом Сарре (*Sarre*, 1925) и из раскопок Лашкари-Базара в Афганистане Жан-Клодом Гарденом (*Gardin*, 1963. P. 55). Эти исследования продемонстрировали, что при классификации декора наиболее важными являются признаки, указывающие на технологию нанесения этого декора. Значение стилевых различий этим ничуть не умаляется, но рассмотрение их на втором плане позволяет во многом избавиться от субъективного фактора (т.е. особенностей в эстетическом восприятии стилевых особенностей декора, характерных для индивидуальностей разных исследователей).

Интересен опыт И.В. Волкова, а вслед за ним – А.Н. Масловского, применивших при систематизации импортной керамики из раскопок Азова принцип разделения материала на группы в зависимости от конкретных мест ее производства, причем важнейшим критерием для различения этих групп предлагаются признаки технологии изготовления керамики – отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс, способов формовки (*Белинский, Масловский*, 1998; *Масловский*, 2006)[4]. Однако в этой системе отсутствует иерархия признаков группировки, что выводит ее из разряда классификаций. Если же обратиться к самой процедуре группировки материала в данной системе, то у керамики, отнесенной к разным группам, можно обнаружить одинаковые технологические характе-

[4] Данный принцип впервые был разработан И.В. Волковым в его неопубликованной диссертации, посвященной керамике средневекового Азова (*Волков*, 1992а).

ристики. Отсюда ясно, что соотнесение конкретного образца с той или иной группой невозможно без привлечения целого ряда второстепенных признаков (в том числе признаков технологии декорировки, морфологии и т.п.), которые при характеристике группы авторами не указываются, что создает немалые трудности при попытке воспользоваться такой систематизацией для самостоятельного разбора материала исследователями, не посвященными в ее детали.

Очевидно, что игнорирование иерархии признаков классификации материала допустимо лишь при работе с относительно небольшим корпусом образцов, относящихся к единому хронологическому периоду. Важно также заметить, что выявление групп керамики, связанных с конкретными местами ее производства, находится еще на начальной ступени исследования. До того, как эти места (регионы) будут достоверно установлены и выявлены различия в признаках керамики каждой такой производственной группы, увязывание конкретных артефактов с подобными группами будет неизбежно носить ультрагипотетический характер. Результаты такой группировки, проведенной специалистами столь высокого урвня, как ее авторы, не вызывают сомнений – они адекватно отражают группы производителей керамики. Однако при работе с крупными массивами разнородного материала использование этой системы возможно лишь при идеальном знании всего разнообразия признаков бесконечного числа производителей, которым не обладают даже лучшие знатоки. Ранжированная (иерархическая) система (*классификация*) как раз и является способом решения этой сложной задачи. Разумеется, она не всегда позволяет точно установить конкретного производителя того или иного сосуда (или его обломка), даже в том случае, когда все признаки керамики этого производителя известны. Но зато она дает возможность сначала сузить поле поиска, а главное – путь к атрибуции ведет тогда через строго последовательную процедуру применения обязательных критериев.

Только такой подход позволяет вывести атрибуцию артефактов из области интуитивного знания на путь многоступенчатой фиксации признаков, объективно указывающих на особенности технологии производства и декорировки керамики, различавшиеся в разные эпохи в различных странах.

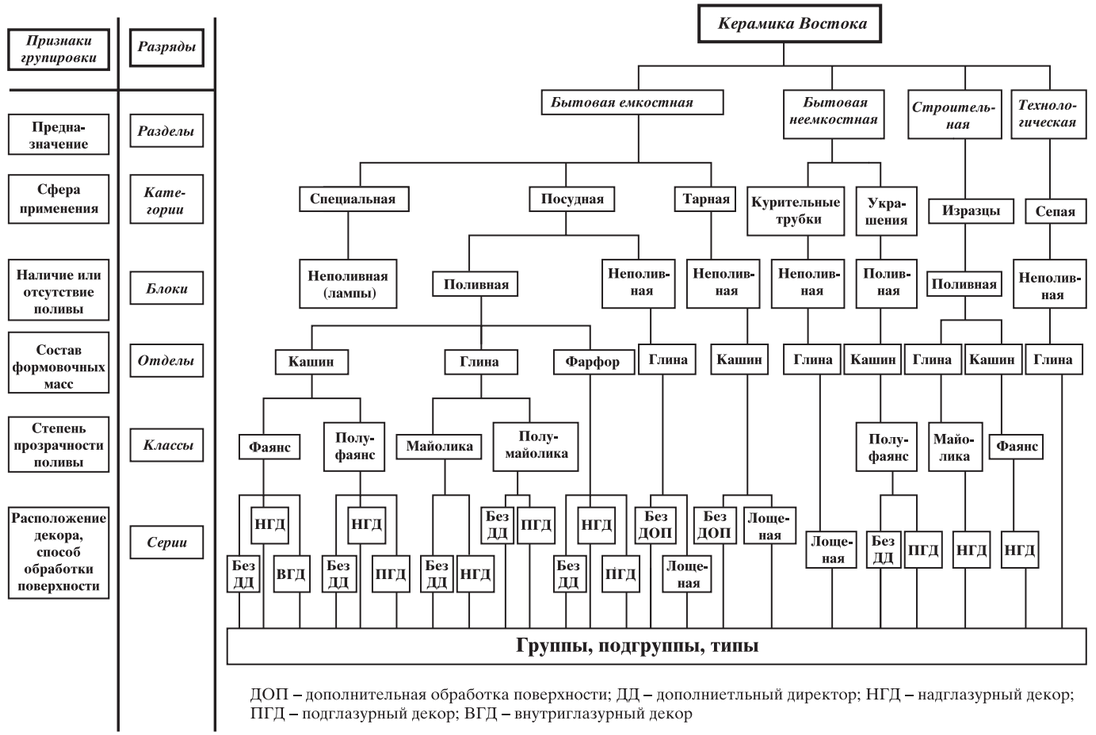
Все перечисленные выше (и многие другие, не упомянутые здесь) исследования создали базис для системного изучения керамики Востока, однако они основывались на различных и зачастую логически несовместимых принципах. Изучение мирового опыта в этой области показало, что при работе с большими объемами разнородного материала прежде всего необходима ее систематизация по признакам, четко фиксируемым визуально и указывающим на особенности *технологии, декора, морфологии и функции* этих изделий (*Щапова*, 1991; *Лихтер, Щапова*, 1991б). При этом наиболее важное значение имеют признаки *технологии* производства керамики, поскольку именно они заметны на всех, даже самых мелких фрагментах керамики. Второе по значимости место занимают признаки *декора*, так как они являются наиболее вариативными и часто являются важнейшим указателем на время и место производства керамических изделий. Что касается признаков *функционального назначения керамики* и ее *морфологии*, то на фрагментарном материале они определяются только в самом общем виде. Так, почти вся глазурованная керамика в эпоху Средневековья служила парадной столовой посудой. На особенности функции того или иного изделия могут указывать различные признаки, фиксирующиеся иногда даже на его обломках (например, наличие нагара указывает на применение сосуда для приготовления пищи, т.е. в качестве кухонной посуды). В то же время, функции керамических изделий являются одной из самых сложных проблем интерпретации материала (об этом свидетельствует, например, длительная дискуссия о назначении сфероконусов), поскольку эти функции далеко не всегда могут быть установлены непосредственным изучением артефактов, а выясняются из данных этнографии, изобразительных источников и т.п. Форма керамических изделий при работе с фрагментарным археологизированным материалом далеко не всегда очевидна и зачастую может быть установлена также только в общем виде (чаша, кувшин, сфероконус и т.п.), без определения конкретики, важной для установления даты и происхождения изделия. Поэтому признаки морфологии могут использоваться в самом ограниченном объеме.

Изложенные соображения необходимы для объяснения некоторых важнейших принципов, в соответствии с которыми была разработана ***классификация керамики Востока, импортированной на Русь в эпоху Средневековья***. Априорными требованиями, предъявленными к ней, были определены следующие:

– логическая завершенность, заключающаяся в жесткой последовательности применения разных признаков группировки к любым массивам материала;

– опора на признаки, заметные невооруженным глазом на поверхности артефактов (на упомянутые выше признаки технологии их изготовления, декора, морфологии и функции), поскольку различные виды естественнонаучных анализов дорогостоящи и не могут применяться ко всем группируемым образцам;

– максимальное использование в полученных классификационных конструкциях результатов работы предшествовавших исследователей (т.е. включение в классификацию ранее выделенных типов изделий с соответствующими наименованиями, укоренившимися в науке).

ДОП – дополнительная обработка поверхности; ДД – дополниетльный директор; НГД – надглазурный декор; ПГД – подглазурный декор; ВГД – внутриглазурный декор

Рис. 1. **Схема классификации керамики Востока**

Для удовлетворения перечисленных требований в основу классификации керамики Востока была положена **иерархия признаков группировки**. Необходимость именно такого подхода уже давно признана ведущими специалистами в области археологической классификации и типологии (*Федоров-Давыдов*, 1981. С. 268), однако относительно принципов строения такой иерархии единого мнения пока не выработано. В данной работе предлагается иерархия, базирующаяся на следующих принципах:

1) проведение группировки “от общего к частному” (т.е. от статистически часто встречающихся признаков – к более редким, специфическим);

2) первенство признаков функции керамики и технологии ее производства по сравнению с признаками декора и морфологии (т.е. со следующей последовательностью применения признаков: функция – технология – декор – морфология).

Классификационная схема

Практическое применение указанных принципов позволило построить следующий *алгоритм классификации (классификационную схему)* (рис. 1). На первом этапе вся керамика Востока (КВ) делится по признакам общего функционального предназначения на четыре раздела:

– бытовую емкостную,
– бытовую неемкостную,
– строительную,
– технологическую.

Каждый из разделов КВ включает одну или несколько категорий КВ, различающихся по функциональной сфере применения керамики:

– *бытовая емкостная* КВ подразделяется на три категории – посудную (в основном это столовая посуда), тарную (предназначенную для транспортировки и хранения разнообразных продуктов) и специальную (лампы)[5];

– *бытовая неемкостная* КВ включает две категории – украшения и курительные трубки;

– *строительная* КВ включает одну категорию – декоративные облицовочные плитки;

– *технологическая* КВ включает две категории – подставки для обжига глазурованной керамики (“сепая”) и водопроводные трубы.

Следует подчеркнуть, что на Руси найдены далеко не все категории восточной керамики, известные в местах ее производства. В частности, в составе бытовой неемкостной керамики здесь

[5] Под “специальной” понимается керамика, использовавшаяся в различных бытовых целях, не связанных с приготовлением, хранением или употреблением пищи.

практически не известны, например, такие категории как культовая керамика (керамические иконы, статуэтки, кацеи и пр.)[6] и игрушки, а в составе строительной – кирпичи, черепица и др. Возможно, такая керамика никогда на Русь не привозилась, но нельзя исключать и того, что она еще будет найдена, и, в таком случае, легко может быть включена в данную классификационную схему простым добавлением новой категории.

Похожие классификационные схемы применяются и другими исследователями археологической керамики. Одним из последних примеров является классификация средневековой керамики Дунайской Болгарии (как импортной, так и местного производства), разработанная Б. Борисовым (*Борисов*, 2002. Обр. 2).

Следующим этапом классификации является дробление категорий и именно на этом этапе предлагается начинать использовать признаки технологии изготовления керамики. Начальным пунктом этого дробления должно выступать разделение любой из категорий на два **блока** – *поливной (глазурованной)* и *неполивной* керамики (рис. 1). Дело в том, что глазурное покрытие является не просто одной из многих разновидностей дополнительной обработки поверхности керамики (как его зачастую рассматривают, например, наряду с ангобированием и лощением), но фактически – признаком особой субкатегории керамики, имеющей целый ряд существенных отличий от неглазурованной керамики, прежде всего, в функциональном использовании (как столовая или даже парадная утварь) и, разумеется, в технологии изготовления (многократный обжиг, особые режимы обжига, применение специальных формовочных масс и т.п.). К этому главному классификационному признаку добавляются второстепенные – в сферах морфологии и декора. Следовательно, различия между этими двумя блоками керамики столь велики в качественном отношении, что их разделение необходимо уже на одном из первых этапов классификации. Однако такое разделение обусловливает и дальнейшие разграничения в классификации глазурованной и неглазурованной керамики.

Классификация глазурованной (поливной) керамики

Исходя из сформулированных выше принципов иерархии признаков группировки, приоритетными из них являются признаки технологии. В соответствии с этим, для глазурованной керамики важнейшими характеристиками являются:

– состав формовочной массы, определяющий тип глазурного покрытия, технологию обработки поверхности, способ декорировки и, в конечном счете, весь внешний вид законченного изделия. Часто в классификациях керамики вместо состава формовочной массы главным признаком группировки используют цвет поверхности и излома сосуда (цвет черепка), однако с точки зрения технологии изготовления керамики он является вторичным признаком (*Бобринский и др.,* 1999. С. 15);

– степень прозрачности глазури, от которой зависит вся декорировка изделия, т.е. то, каким образом будет наноситься орнамент – под слоем глазури либо поверх него.

На средневековом Востоке были известны 3 разновидности формовочных масс глазурованной керамики:

1) Глина, т.е. алюмосиликатный материал, встречающийся в природе в естественном состоянии и используемый в смеси с различными искусственными примесями (цв. ил. 1, *5–13, 15, 16, 20*). Керамика из различных по составу и своим свойствам глин производилась во всех странах Востока – от Северо-Западной Африки до Китая. Глазурованная керамика из глин требовала как минимум двукратного обжига (до покрытия глазурью и после).

2) “Кашин” – термин, имеющий ирано-среднеазиатское происхождение (*Гражданкина, Ртвеладзе*, 1971. С. 127)[7] и традиционно используемый в российской археологии для обозначения искусственного высококремнеземного материала, называемого в западной литературе также “кварц-фриттой” (quartz-frit), “составным (composit) материалом”, “силикатной” (siliceous), “искусственной” (artificial paste) или “каменной” массой (stonepaste), “фаянсом” (faience) (*Mason, Keall*, 1991. P. 52). Основой кашина является перемолотый в порошок кварцевый песок, иногда с добавлением стеклянного порошка, флюсов (небольшого количества белой глины, извести), смешанный с водным раствором клея (животного или растительного происхождения) и сплавленный при температуре 1000–1200° (*Гражданкина*, 1958; *Булатов*, 1969в. С. 46; *Абдуразаков*, 1987) или даже всего 900–1000°, как установлено для золотоордынских кашинов (*Малеванный*, 2001. С. 239) (цв. ил. 1, *1–4*). Поливная посуда из Кашина начала производиться в Египте в XI в. (*Сайко*, 1982. С. 85; *Watson*, 1985. P. 23) на базе силикатного поделочного материала, применявшегося для изготовления бус и привесок (так называемого “египетского фаянса”)[8], известного там со II тыс. до н. э. (*Сайко*, 1982. С. 123), а, может быть, и с еще более ранней эпохи (*Галибин*, 2001. С. 8–10). Однако массовое распространение кашинная керамика приобрела только после того, как в XII в. ее производство было освоено мастерами Ирана и Сирии. Само слово “кашин” (“kashi”) отразило в себе известность крупнейшего центра производства подобной керамики – иранского города Кашана. Самым ранним образцом иранской кашинной керамики считается бутыль, изготовленная, согласно надписи на ней, в 1132 г. (*Grube*, 1995. P. 148, 149). В XII в. из кашина, кроме посуды, начинают делать и глазурованные облицовочные плитки, широко применявшиеся во внешнем и внутреннем декоре зданий (мечетей, мавзолеев, дворцов знати). В XIII в. изготовление кашина началось в Средней Азии, в XIV в. – в Золотой Орде, в XV в. – в Турции. Производство кашинной посуды и декоративных плиток продолжалось в Турции, Иране и Средней Азии до XVIII–XIX вв., а в Иране оно кое-где сохраняется по сей день (например, в городке Натанз рядом с Кашаном). Изделия из кашина могли обжигаться один раз вместе с покрывающей их глазурью.

3) “Фарфор” – керамика, изготовленная из смеси высококачественных беложгущихся глин и каолина (породы осадочного происхождения с высоким содержанием окиси алюминия), производившаяся в эпоху средневековья только в Китае, сохранявшем вплоть до XVIII в. секрет изготовления фарфора (*La* Ceramique..., 1978. P. 287; *Gomperetz,* 1968) (цв. ил. 1, *14, 17–19*). Отличительной особенностью фарфора является применение при его изготовлении сложной технологической схемы, предусматривающей прессование сосудов в формах (матрицах), обточку высушенных изделий на круге и двукратного обжига, требовавшегося в связи с размягчением фарфора при высокой температуре. Первый обжиг проводился при температуре 800 °С, после чего сосуд покрывался глазурью и подвергался более сильному обжигу (*Полубояринова*, 2003б. С. 143).

Итак, в зависимости от состава формовочной массы **блок глазурованной керамики** разделяется на три **отдела**: керамика из глины, кашина и фарфора[9].

В зависимости от степени прозрачности глазури традиционно выделяются две главные ее разновидности – прозрачная и непрозрачная (опаковая, глухая). Непрозрачные глазури часто называют также эмалями (*Зайцева*, 1996. С. 129). Вариантом непрозрачной глазури является *полупрозрачная* глазурь, выделяемая рядом исследователей. Степень прозрачности поливы легко определяется визуально по тому, видна или нет сквозь нее основа черепка. Гораздо труднее провести грань между ”прозрачной” и ”полупрозрачной” глазурями: надежных признаков здесь не выработано, но можно указать на то, что у полупрозрачной глазури обычно видны отдельные непрозрачные сгущения (крупинки), создающие эффект “разбавленного молока”.

Непрозрачность глазури могла достигаться сознательно, путем добавления в глазурную шихту окиси олова (от 1% и более), либо являться результатом низкого качества глазури, насыщенной плохо размолотыми и непроваренными зернами кварца и полевого шпата, пузырьками воздуха и т.д. (*Mason, Keall*, 1991. P. 52). Поэтому называть такую глазурь “оловянной” до проверки ее химического состава неправомерно. Как показала серия наших анализов (см. Прил. 1), полупрозрачной является глазурь, в составе которой имеется от 0,3 до 5% окиси олова. В то же время, следует отметить, что в ряде случаев присутствие в глазури такого же количества этого оксида не приводило к существенной потере ее визуальной прозрачности. Лишь в тех глазурях, которые содержали более 10% окиси олова, фиксировалась полная потеря прозрачности и приобретение ею матового “молочного” цвета.

Предлагавшееся ранее Н.М. Булатовым членение глазурей по составу на свинцовые и бессвинцовые (*Булатов*, 1976а. С. 73) представляется также неприемлемым, поскольку практически все щелочные глазури оказались свинцовосодержащими (*Allan*, 1974. P. 64, tabl. 2) (см. Прил. 1). Признаками *щелочных глазурей* (содержащих окиси натрия и калия) является их толстослойность и крупная сетка цековых трещин[10]. *Свинцовые глазури* характеризуются тонкослойностью и мелким цеком. В то же время, эти признаки не являются достаточно надежными для окончательных выводов о химическом составе глазури, тем более, что существует большая группа *свинцово-щелочных глазурей,* визуально почти неотличимых от обычных щелочных глазурей. Непрозрачные поливы, заглушенные окисью олова, также обязательно содержат окись свинца (*Сайко*, 1969. С. 88), что было связано, видимо, с использованием оловосодержащего сырья с примесью свинца. В то же время, в свинцовых глазурях практически всегда содержится небольшое количество щелочных составляющих. Чистые свинцовые и чистые щелочные глазури встречаются относительно редко, а потому и сами эти назва-

---

[6] Известна только одна находка, относящаяся к этой категории.

[7] Артур Поуп приводил слова Йакута (XIII в.), о том, что в Кашане производится керамика, называемая “каши” (kashi), которую он отождествил со средневековыми восточными фаянсами (Pope, Ackerman, 1964. P. 1567). В современной науке эта гипотеза принята безусловно и критике не подвергалась. Некоторые исследователи рассматривают кашин в качестве “среднеазиатской разновидности фаянса” (Дресвянская, 1969. С. 80). Однако существенных отличий между среднеазиатским, иранским и иными по происхождению кашинами, нет.

[8] По своему химическому составу чрезвычайно кашин близок древнеегипетским фаянсам (*Дресвянская*, 1969. С. 82).

[9] Само разделение керамики на эти три отдела является наиболее сложной операцией, поскольку определение материала, из которого изготовлен образец керамики не всегда может быть проведено сходу и однозначно (можно перепутать кашин и фарфор, кашин и глину). Однако при строгом следовании алгоритму классификации допущенная ошибка станет очевидна уже на одном из следующих этапов, когда выявится несоответствие характеристик глазури, декора и даже признаков самой основы изделия первому неверному определению.

[10] Крупным считается цек, при котором на 1 кв. см площади глазури приходится не более 5–6 отдельных трещин. Цек с большим числом трещин называют мелким (поскольку длина каждой отдельной трещинки в этом случае сокращается до 1 мм и менее).

ния являются условными (*Schultze-Frentzel, Salge,* 1975. P. 80–81).

Взаимосочетания разновидностей формовочных масс и глазурей, являющихся **главными технологическими признаками** при группировке глазурованной керамики, определяют **класс** глазурованной керамики Востока. На средневековом Востоке была известна керамика, принадлежавшая к пяти классам: фаянс, полуфаянс, майолика, полумайолика, фарфор (рис. 1).

Сразу же отметим, что предлагаемые названия классов условны и не претендуют на незаменимость. Они применяются только для удобства наименования различающихся по признакам технологии производства совокупностей керамики.

Фаянсами издавна принято называть восточную глазурованную керамику, изготовленную из силикатной массы (кашина), покрытую непрозрачной или полупрозрачной поливой (*Кубе*, 1923. С. 10). Термин происходит от названия итальянской художественной керамики со светлоглиняной основой, которое было перенесено искусствоведами и археологами XIX – начала XX в. на восточную кашинную керамику и стало общепринятым (*Pope*, 1939. P. 161–176)[11]. **Полуфаянсы** отличаются от фаянсов тем, что они покрывались прозрачной глазурью (*Кверфельдт*, 1947. С. 8; *Федоров-Давыдов*, 1976. С. 146). **Майоликой** называют поливную керамику, изготовленную из обычных *глин* (независимо от их цвета), покрытую непрозрачной глазурью (*Зайцева*, 1996. С. 130–131), а **полумайоликой –** такую же керамику, облицованную прозрачной глазурью (*Салтыков*, 1962. С. 668)[12]. **Фарфором** называется поливная керамика из Китая и Кореи, изготовленная из каолиновой массы.

В случае сочетания на одном и том же сосуде прозрачного и непрозрачного глазурного покрытий, классоопределяющим нами считается тип глазури на лицевой стороне сосуда, т.е. для сосудов открытого типа (чаш, блюд) – на внутренней поверхности, а для сосудов закрытого типа (ваз, кувшинов, кружек) – на внешней поверхности.

В эпоху Средневековья фаянсы и полуфаянсы изготавливались только в странах Ближнего и Среднего Востока, майолика и полумайолика производились как на Востоке, так и в Европе, а фарфор – исключительно в Китае (до начала XVIII в.).

Внутри выделенных пяти классов глазурованной керамики группировка проводится по признакам ДЕКОРА, причем вначале – по его *технологическим характеристикам*, среди которых первостепенное значение имеет *способ размещения декора по отношению к слою глазури*. Глазурование сосудов, наряду с утилитарной (обеспечение водонепроницаемости их поверхности), несет еще декоративную нагрузку, т.е. само наличие глазури на сосуде уже является его декором, причем этот декор является доминантным (т.е. он может оставаться и единственным элементом декора сосуда) и, тем самым, определяющим, каким образом может быть нанесен на данный сосуд какой-либо иной декор[13]. Следовательно, все другие декоративные элементы глазурованной керамики (роспись, рельеф и т.п.) рассматриваются в качестве *дополнительного декора*, который может присутствовать или отсутствовать у глазурованной керамики.

Применение перечисленных признаков позволяет выделить четыре **серии** керамики с *надглазурным, подглазурным* или *внутриглазурным* декором, либо вовсе *без дополнительного декора* (рис. 1). “Внутриглазурным” называется декор, выполненный красителем, нанесенным по “сырой” глазури до ее обжига, когда этот краситель пронизывает весь слой глазурного покрытия. Подобный прием редко использовался на Востоке, в Европе же он получил распространение на территории Италии, где назывался “аль-фреско” (т.е. выполнявшийся подобно фресковой росписи, проводившейся по сырой штукатурке).

Редкие случаи сочетания надглазурного декора с подглазурным или внутриглазурным рассматриваются в качестве разновидностей керамики *с надглазурным декором*, поскольку надглазурный декор выступает в роли технологической и декоративной доминанты. Внутри серий проводится деление керамики на группы (см. ниже).

Среди изделий класса “фарфор” предусматривается дополнительная ступень классификации – так называемые “семейства” (“family”). По сложившейся (почти двухвековой) традиции изучения европейскими искусствоведами китайской керамики, фарфор разделяется на ряд “семейств” (“зеленое” семейство, “розовое” семейство и т.п.), критериями для выделения которых является цветовая гамма декора (сочетание цвета глазури с цветами росписи). Однако термин “family” представляется правильнее переводить на русский язык словом “род”, а не “семейство”.

У этого чисто искусствоведческого подхода к группировке фарфора есть свои преимущества, например, возможность четкой идентификации с конкретным типом, имеющим обычно достаточно узкую хронологическую и топографическую привязку. Декларированное выше правило включения ранее выделенных разновидностей восточной керамики заставляет использовать для данного случая гибкое сочетание таких таксонов с последовательными ступенями нашей группировки.

В качестве отдельных **родов** китайского фарфора рассматриваемой эпохи предлагается рассматривать:

– селадоны (в литературе эта разновидность китайского фарфора не снабжается обычно каким-либо классификационным наименованием)[14];

– монохромный (белый и голубой) фарфор;

– белый фарфор с синей (кобальтовой) росписью.

Рода фарфора, равно как серии фаянсов, полуфаянсов, майолики и полумайолики разделяются на **группы** по признакам технологии исполнения дополнительного декора:

– с гравировкой по основе;

– с гравировкой по ангобу (в технике “сграффито”);

– с плоской резьбой по основе;

– с ажурным декором (типа “рисовое зерно”), т.е. с заливкой прозрачной глазурью специально сделанных отверстий в стенках сосудов;

– с росписью, выполненной красками, эмалями и (или) ангобами;

– с рельефом (тисненым, накладным, резным).

Кроме того, известны различные сочетания перечисленных технологий на одном и том же сосуде. Рельефный декор, являющийся наиболее трудным для выявления на фрагментарном материале, расценивался как группоопределяющий только при отсутствии всех других разновидностей декорировки.

Особенную трудность составляет атрибуция декора, достигавшегося нанесением на поверхность сосуда росписи ангобом. Для керамики золотоордынской эпохи в российской научной литературе возобладала терминология, называющая результат такой декорировки “рельефом” (см. работы Н.Н. Вактурской, Н.М. Булатова, Г.А. Федорова-Давыдова, И.В. Волкова и др.). Отдавая должное этой традиции (поскольку при росписи густым ангобом создавалась легкая рельефность рисунка), надо все же иметь в виду, что во всех иных случаях керамика с росписью ангобом никогда не называлась “рельефной” ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Поэтому следует четко разделять “рельефную моделировку” поверхности сосуда, полученную в матрице-калыпе (*Pope*, *Ackerman*, 1964. P. 1635) и “роспись ангобом”.

Группы включают **подгруппы**, различающиеся по цвету кроющей глазури. Известны восемь главных разновидностей цветовой палитры глазурей (которым соответствуют восемь подгрупп глазурованной керамики):

– бесцветная (у прозрачных глазурей), имеющая различные оттенки – бледно-зеленоватый, желтоватый, голубоватый из-за присутствия различных примесей (недостаточно качественной очистки глазурной шихты);

– белая (у непрозрачных глазурей), заглушенная окисью олова, либо загрязненная различными примесями (см. выше);

– зеленая (включающая целый набор оттенков от салатного до изумрудного), окрашенная обычно окисью меди или железа;

– желтая, окрашенная окисью железа либо иными примесями;

– коричневая, окрашенная окисью железа (иногда окисью марганца);

– пурпурно-коричневая (в зарубежной литературе – “purple” или “magenta”), называемая иногда также “баклажанной” (“aubergine”), а в русскоязычной литературе – фиолетовой, окрашенная окисью марганца и имеющая оттенки от красно-коричневого до лилового;

– ультрамариновая (темно-синяя), окрашенная окисью кобальта;

– бирюзовая (сине-зеленая или голубая, называемая иногда также “лазурной”), окрашенная окисью меди (*Frierman*, 1970. P. 386; *Сайко*, 1982. С. 129–130; *Ланцетти, Нестеренко*, 1987. С. 32–43). Зеленоватые оттенки глазурей этого типа, вероятно, объясняются присутствием небольшого количества окиси железа либо окиси свинца (*Сайко*, 1969. С. 106).

При использовании на одном сосуде глазурей разных цветов, определение подгруппы осущест-

---

[11] Наряду с данной терминологической традицией существует и иная, в системе которой “фаянсами” именуется поливная керамика с основой светлых оттенков (независимо от того, изготовлена ли она из глины или иного материала), а “майоликой” – керамика с ярко-окрашенной (в первую очередь – красноглиняной) основой. При использовании тех же самых таксонов, основной упор здесь делается на цвет основы, а этот признак, как было показано выше, имеет второстепенное значение. Предлагаемое нами определение фаянсов поддерживается рядом крупных современных зарубежных (*Gardin*, 1963. P. 152) и отечественных (*Сайко,* 1969. С. 82–84) специалистов.

Напомним, что средневековые европейские фаянсы изготавливались из глины и имеют мало общего с восточными кашинными изделиями. Следует также заметить, что современная фаянсовая посуда, производимая промышленным способом, существенно отличается от средневековой (как европейской, так и восточной) – она делается из смеси кварца, белой глины, мела и покрывается прозрачной глазурью (Химическая технология, 1972. С. 429).

[12] В европейской литературе полумайолика называется также “псевдомайоликой” (*Sypryn,* 1975; *Mieroslavski,* 1979). Необходимо заметить, что существуют и иные традиции употребления слова “майолика”: например, так называют декоративные облицовочные плитки. Кроме того, существует целый ряд специфических терминов для обозначения различных групп итальянской средневековой поливной керамики (“протомайолика”, “мецца-майолика” и др.).

[13] Например, наличие у сосуда непрозрачной глазури диктует невозможность (или потерю смысла) подглазурной красочной росписи, которая была бы под ней попросту не видна, но позволяет наносить надглазурный и внутриглазурный декор. Напротив, наличие прозрачной глазури делает оптимальным использование прежде всего подглазурного декора.

[14] Причисление селадонов к фарфору не является общепризнанным. Однако установленное сходство химического состава селадонов и белого фарфора (La Ceramique…, 1978. P. 287) позволяет рассматривать селадоны в качестве особой разновидности фарфора. Того же мнения придерживаются другие исследователи *(Полубояринова*, 2003б. С. 136, 137). Впрочем, такая группировка необходима лишь для отделения селадонов от других классов и родов китайской керамики в иерархической системе.

вляется подобно установлению классов (см. выше), т.е. приоритет отдается цвету глазури на лицевой стороне сосуда.

Подгруппы объединяют **типы** керамики**,** являющиеся *основной единицей группировки*. Типы различаются, как правило, цветовой гаммой декора (либо иными столь же значимыми признаками декорировки) указывающей на определенную *традицию орнаментации керамики*. Большинство типов глазурованной керамики было выделено предшествовавшими исследователями, поэтому почти все они включены в нашу классификацию, что обеспечивает ей преемственность и полную сопоставимость со всеми прежними работами по изучению керамики Востока.

В состав типов могут входить **виды**, определяемые по некоторым особенностям формовочной массы (цвету глины, набору примесей к формовочной массе, твердости кашина) и **варианты**, различающиеся наборами элементов орнаментации или иными стилевыми различиями, отмечавшимися искусствоведами.

Виды кашинной керамики

Внутри типов, входящих в состав классов фаянсов и полуфаянсов виды выделяются в зависимости от качества кашина. В литературе кашин дифференцируют обычно на “твердый” и ”рыхлый”, иногда выделяют еще ”мягкий” кашин, однако определения для этих трех сортов силикатных масс до сих пор не были сформулированы[15]. Понимая, что для выработки подобных дефиниций необходимо проведение специальных лабораторных исследований, предлагается, до осуществления подобной работы пользоваться некоторыми визуальными и иными качественными характеристиками этого материала:

1) *Твердый кашин* – отличается полным спеканием (сплавкой) компонентов. Такая масса либо вовсе не имеет пористости (с почти нулевым водопоглощением) и внешне близка к фарфору (в отличие от которого она непрозрачна), либо обладает крупными порами, однако также слабо впитывает воду. Твердость черепка таких изделий фактически равна твердости составляющего его кремнезема. По цвету “твердый” кашин почти всегда белый (лишь иногда он имеет чуть розоватый оттенок). Такой кашин характерен для иранской, сирийской и египетской керамики XI–XII вв., а также иранской керамики XVI–XVIII вв.

2) *Мягкий кашин* – также имеет однородный состав, однако он бывает мелкопористым (“пемзообразным” по фактуре поверхности), способен быстро впитывать воду. Твердость такого кашина варьирует в широких пределах, однако он не бывает камнеподобным (как твердый) и не рассыпается (как рыхлый). Цвет его, как правило, белый, хотя встречаются разновидности самых разных оттенков – желтоватого, розового и даже лилового, однако яркие цвета для него не характерны. Мягкий кашин производился на Востоке повсеместно с XIII по XVII в., отдельные же его образцы известны и для более раннего времени.

3) *Рыхлый кашин* отличается рассыпчатостью, песчанистостью или “сахаристостью” фактуры. Твердость его минимальна (он даже может разламываться пальцами) из-за чрезвычайно низкой спекаемости компонентов, причиной чему были отступления от технологических норм его изготовления (недостаточная насыщенность кашинной массы водой, грубый помол песка, недостаточно высокая температура обжига). Наряду с белым кашином (цв. ил. 1, *2*), известны разновидности желтого, красного, коричневого и иных цветов (цв. ил. 1, *1, 4*). Такой кашин характерен более всего для керамического производства золотоордынских центров Поволжья XIV в., но встречается и у изделий XIV–XV вв., происходивших из Ирана, Средней Азии, Сирии. Какой-либо устойчивой зависимости между цветом кашина и местом его производства не выявлено, а выдвигавшиеся на этот счет гипотезы (например, о желтом цвете кашина, произведенного в городе Маджар), не подтвердились (*Волков*, 2007б. С. 37).

Кашин различных регионов отличался деталями рецептуры приготовления и, соответственно, своим химическим составом. Так, золотоордынский и иранский кашин являлся высокосиликатным (с содержанием кремнезема 90–95%), в то время как среднеазиатский характеризовался повышенной нормой глины и извести (*Гражданкина*, 1965. С. 158, табл. 2). Различия в цвете кашина зависят от состава исходного сырья (например, от включения в состав кашина глины или извести, меняющих цвет при термическом воздействии и т.п.) либо от колебаний в рецептурной норме компонентов. Спектральный анализ иранской кашинной керамики показал, что розовая окраска кашина (цв. ил. 1, *3*) не связана с добавками оксида железа, поскольку как в белом, так и в розовом кашине этот компонент присутствует в одинаковом количестве (не более 0,4 – 0,8%) (*Allan*, 1974. P. 63; *Allan et al.*, 1973. Tabl. 3)[16]. Появление розового цвета кашина специалисты объясняют его высокосиликатным составом при незначительном количестве добавок

[15] Впервые деление восточных фаянсов на твердые и мягкие (фактически здесь оценивалась твердость кашина) было предпринято в классификации поливной керамики Армении Б.А. Шелковниковым (*Шелковников*, 1952; 1957), пользовавшимся в качестве критерия твердости шкалой Мооса.

[16] Кашин среднеазиатских декоративных плиток иногда содержит несколько большую, но также незначительную долю оксида железа – не более 2% (*Гражданкина*, 1958. С. 62, 159, 179, 187; *Абдуразаков*, 1987. Табл. 2). Впрочем, существует мнение и о том, что красный и розовый цвет все же являются следствием повышенной доли фромофора железа (*Малеванный*, 2001. С. 239).

глины и извести (соответственно, в составе белого кашина отмечается присутствие около 8% глины и 2% извести) (*Гражданкина, Ртвеладзе*, 1971. С. 131). Разницу в цвете кашина пытались объяснить и различной температурой обжига изделий: есть мнение, что при низкой температуре (ниже 1000 °С) кашин приобретает розовый цвет, при более высокой он становится желтоватым и белым (*Гражданкина*, 1958. С. 63). Однако ни одно из высказанных предположений не было доказано экспериментальным методом на большой серии образцов. Таким образом, данная проблема окончательно еще не решена.

Известно мнение Н.М. Булатова о том, что ярко-красный цвет кашина (цв. ил. 1, *4*) у ряда образцов золотоордынской керамики становился результатом добавления в формовочную массу перетертого в порошок красноглиняного шамота (*Булатов*, 1968. С. 95), однако причины столь резкого изменения рецепта приготовления кашина им указаны не были. Химический и петрографический анализы красного кашина не проводились, а потому эта гипотеза не может быть принята до ее детальной проверки. По нашему мнению, красный цвет кашина может объясняться добавкой в формовочную массу красной глины взамен белой, применявшейся в стандартном рецепте приготовления кашина. Такая замена могла быть проведена для удешевления производства в связи с дефицитом белой глины, запасы которой в Нижнем Поволжье отсутствуют.

Изготовление кашинной керамики (фаянсов и полуфаянсов) принципиально отличается от формовки керамики из глины: относительно низкая пластичность сырой кашинной массы не позволяла осуществлять вытягивание сосудов, подобно формовке обычной керамики. Поэтому кашинная керамика отливалась в матрицах (на Востоке их называли “калыпами”). Калыпы изготавливали из алебастра, керамики, камня. Для формовки чаш были нужны два калыпа: один с вогнутой поверхностью, а второй с выпуклой, который вставлялся внутрь первого. Находки таких калыпов или их обломков известны, хотя количество их крайне невелико (*Булатов*, 1972). В результате отливка чаши из кашина напоминала отливку металлического изделия в литейной форме. После высыхания отливки ее изымали из калыпа, покрывали росписью, глазурью и обжигали[17]. Если было необходимо получить изделие более сложной формы (кувшин, бутыль), вначале отливали отдельные их части, которые затем соединяли. Благодаря этой технологии можно было получать изделия с толщиной стенок всего 1–3 мм. Иногда на внутренней поверхности сосудов закрытой формы можно видеть следы ротации (неровные спиральные каннелюры, оставленные пальцами гончара), появлявшиеся в результате “размазывания” кашина по стенкам калыпа. Не исключено, что отдельные части кашинных изделий могли формоваться с использованием навыков вытягивания глины (например, при использовании шаблонов – калыпов только для внешней стороны сосуда, а также при формовке узких горловин кувшинов), но такая операция требовала добавления в кашинную массу веществ, повышающих ее пластичность (например, большого количества органического клея).

[17] Иначе говоря, кашинные изделия не требовали обжига до глазурования (как сосуды из глин). Подобная технология производства кашинных изделий сохранилась до наших дней в Иране (например, в городке Натанз под Кашаном). Правда, нынешние гончары Натанза изготавливают сосуды из смеси молотого кварца, глины и бентонита (глинистого материала, используемого в современном строительстве), т.е. они пользуются уже фактически совершенно иным материалом, который не нужно отливать, а можно вытягивать на круге, подобно обычной глине.

Виды керамики из глин

В основу видового деления керамики из глин (алюмосиликатов) положены два принципа. Первый принадлежит к числу традиционно применяемых в керамических классификациях – это градация по цвету глины-основы, отражающему ее химический состав:

– изделия из красножгущихся (*ожелезненных*) глин (цв. ил. 1, *9–13*) и

– изделия из беложгущихся (*неожелезненных*: карбонатных и каолинитовых) глин (цв. ил. 1, *5–8*).

К этим “традиционным” разновидностям необходимо добавить еще одну:

– изделия из *слабоожелезненных* глин (розового, кремового и желтого цвета), включая сюда также смеси белой и красной глин – глиняные концентраты. Из слабоожелезненных глин изготавливалась, в частности китайская керамика типов Цычжоу-яо и Цзюнь-яо (цв. ил. 1, *15, 16, 20*).

Однако, как уже отмечалось выше, цвет глины является второстепенным признаком, значительно уступающим по информативности признакам состава формовочных масс, характеризующим степень развития гончарных традиций. Поэтому вторым (но притом главным) принципом деления на виды признан состав примесей (или иначе – степень чистоты формовочных масс). Для этой цели выделены три основные разновидности (сорта) формовочных масс, применявшихся в эпоху Средневековья в странах Востока для изготовления керамики:

А) приготовленные на основе естественно-жирных глин, не имевших видимых минеральных примесей (случайные единичные включения при этом не учитываются);

Б) приготовленные из опесчаненных глин – как правило, естественного происхождения;

В) приготовленные из глин с искусственными добавками (шамота, крупного песка, органических или минеральных примесей) или естественными включениями карбонатов.

Взаимосочетания трех разновидностей глин, различающихся по цвету, и трех сортов формовочных масс позволяют выделить девять видов керамики из глин:

1) керамика из неожелезненных глин без видимых примесей;

2) керамика из неожелезненных глин с примесью песка;

3) керамика из неожелезненных глин с различными искусственными и естественными примесями;

4) керамика из слабоожелезненных глин без видимых примесей;

5) керамика из слабоожелезненных глин с примесью песка;

6) керамика из слабоожелезненных глин с искусственными и естественными примесями;

7) керамика из сильноожелезненных глин без видимых примесей;

8) керамика из сильноожелезненных глин с примесью песка;

9) керамика из сильноожелезненных глин с искусственными и естественными примесями.

Наличие минеральных и органических примесей либо ярко выраженных естественных включений является основанием для выделения *подвидов* формовочных масс (например, массы с шамотом, массы с карбонатными включениями и т.д.).

Здесь же представляется уместным подчеркнуть, что для эпохиСредневековья отсутствуют достоверные сведения об ”отмучивании” глин, т.е. их очистки путем составления глиняных растворов и осаживания грубых фракций глиняного сырья. Поэтому встречающиеся в литературе определения теста керамических изделий, как изготовленных ”из хорошо отмученной глины” следует рассматривать в качестве недоразумения, проистекающего из мысленного “переноса” известных технологий новейшего времени на средневековые навыки. В действительности естественно-чистые (“жирные”) глины встречаются довольно часто и у средневековых гончаров не было надобности искусственно очищать глины (за исключением их очистки от грубых минеральных включений и органики, удаляемых при помощи промешивания глин, их гноения и т.п. элементарных приемов, известных с глубокой древности). Подобного же мнения придерживаются и другие исследователи (*Масловский*, 2006. С. 386).

Виды фарфора

Среди фарфоровых (каолиновых) масс выделяются два вида:

– изделия из серой (в обжиге) массы (цв. ил. 1, *18*), характерные для селадонов и некоторых других ранних типов керамики Китая и Кореи;

– изделия из белой массы, полупрозрачной после обжига, присущей в первую очередь “настоящему” фарфору (цв. ил. 1, *17, 19*).

Видообразующие признаки являются признаками технологии производства керамики и тем самым, на первый взгляд, несколько нарушают логическую последовательность применения признаков группировки, объявленную выше. Однако признаки технологии приготовления формовочных масс принадлежат не к сфере высоких технологий, а являются *частными* признаками, отражающими микрорегиональные особенности изготовления керамики внутри разных (иногда – экстерриториальных) традиций производства разных типов глазурованной керамики. Поэтому при классификации больших серий разнородной керамики такие частные признаки могут применяться только на самых низких ступенях группировки.

Разумеется, что следующим этапом классификации должно быть повторное возвращение к *частным* признакам декорировки керамики, каковыми являются наборы элементов орнаментации или стилевые различия. Такие признаки являются основанием для разделения керамики отдельных видов на варианты. Варианты также отражают микрорегиональные традиции и зачастую имеют узко дифференцирующее значение при определении места или времени производства керамики Востока.

Таким образом, виды и варианты восточной керамики являются низовыми ячейками нашей классификации, характеризующимися индивидуальным набором признаков технологии изготовления и орнаментации, которые в ряде случаев допустимо соотносить с конкретными производящими центрами (регионами, городами, мастерскими).

Классификация неполивной керамики существенно отличается от классификации глазурованной керамики по следующим причинам:

1. Такая керамика изготавливалась по значительно более простой технологии: она не требовала нескольких последовательных обжигов и вместо трех разновидностей формовочных масс (как в глазурованной керамике) для ее производства использовался только один – глина. Соответственно, все те признаки, которые разработаны для вычленения классов, серий, групп, подгрупп и типов глазурованной керамики, здесь применены быть не могут.

2. Неполивная керамика имела несравнимо менее сложный декор (за исключением отдельных, уникальных случаев).

3. Необходимость учитывать множество хорошо разработанных классификаций такой керамики, большинство из которых основаны на выделении групп керамики в зависимости от их формы и функционального предназначения (кувшины, амфоры, пифосы, сфероконусы и т.д.) с последующим делением их на типы в зависимости от особенностей формы, технологии формовки и декора.

В связи со всеми этими обстоятельствами, *алгоритм классификации неполивной керамики* имеет следующий вид:

– в составе блока неполивной керамики выделяется единственный отдел – керамика из глины;

– *классы столовой керамики* выделяются по способу обработки поверхности:

1) керамика без дополнительной обработки поверхности специальными инструментами и (или) материалами;

2) керамика с дополнительной обработкой поверхности. В составе второго класса выделяются *серии*: ангобированной керамики; лощеной керамики;

– *группы неполивной столовой керамики* выделялись по тем же основаниям, что и среди глазурованной керамики, т.е. по признакам технологии нанесения декора: гравировка, тиснение, роспись красками и т.п.

Исключение из этого правила составляет категория *тарной керамики*, в которой выделение *классов* традиционно проводится по признакам морфологии и функционального назначения сосудов (амфоры, пифосы, сфероконусы и т.д.). Классы разделяются на **группы,** связанные с разными территориальными центрами керамического производства, продукция которых отличается морфологическими и технологическими особенностями, а также составом формовочной массы. Группы делятся на **типы** по второстепенным признакам технологии формовки (например, по цвету глины, технологическим приемам формовки изделий и т.п.).

Конкретные различия в химическом и минеральном составе отличающихся по цвету и плотности кашинов, равно как и глиняных формовочных масс, в настоящее время установлены лишь для отдельных разновидностей керамики Востока. Причина тому состоит в необходимости проведения крупных серий дорогостоящих химических и петрографических анализов.

Что касается *ангоба*, то этот материал также практически не исследовался естественнонаучными методами. На сосуды из глины, вероятно, наносился ангоб, изготавливавшийся из различных по составу глин (чаще всего использовался белый ангоб). Впрочем, есть мнение, что в ряде регионов применялся и кремнеземистый ангоб, т.е. тот же кашин (*Тепловодская*, 1977. С. 132). Что касается ангобов, наносившихся на кашинные сосуды, то их расценивают обычно как особенно качественно выполненную разновидность кашина (*Сайко*, 1969. С. 53). При этом в последнее время появились данные о том, что на золотоордынской керамике для этой цели служила белая глина[18]. Очевидно, что для решения этого вопроса потребуется специальное исследование ангобов.

[18] Благодарю Н.Ф. Лисову (г. Ульяновск) за предоставленные данные о результатах спектрального анализа образца с Селитренного городища.

3. ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГЛАЗУРЕЙ КЕРАМИКИ ВОСТОКА

3.1. СОСТАВ ГЛАЗУРЕЙ ВОСТОЧНЫХ ФАЯНСОВ И ПОЛУФАЯНСОВ

Глазурное покрытие сосудов, принадлежащих к числу восточных фаянсов, давно привлекало внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей: на протяжении XX в. его изучали, используя преимущественно качественный спектральный анализ. Еще на заре исследования таких глазурей, во второй половине XIX в. было установлено, что они принадлежали в основной своей массе к классу щелочных глазурей, приготавливавшихся по рецептуре, близкой (если не идентичной) щелочным стеклам Ближнего и Среднего Востока. Среди российских ученых особенно большое внимание уделяли химическому составу глазурей Н.М. Булатов (1968; 1969в) и Э.В. Сайко (1969; 1982), получившие большую серию качественных и количественных спектральных анализов глазурей. В процессе изучения керамики Востока, поступавшей на Русь в эпоху Средневековья, нами было проведено 79 анализов образцов глазурей, взятых с обломков сосудов, найденных на территории Руси при археологических раскопках и хранящихся в музеях России, Украины и Беларуси. Кроме того, такой же анализ был выполнен для 18 образцов глазурей, происходивших с территорий, откуда восточные фаянсы попадали на Русь – найденных при раскопках в Поволжье (произведенных в Золотой Орде, Иране, Турции, Сирии, Египте). Общий объем выборки составил 97 образцов. В нее, однако же, попали основные разновидности керамических изделий, происходивших из стран – производителей восточных фаянсов на протяжении IX–XVII вв.: месопотамский люстр IX в. (цв. ил. 38, *5*)[19]; еги-

[19] Месопотамский люстр IX в. изготавливался на глиняной основе, т.е. принадлежал к классу майолик, однако в данном случае его единственный проанализированный образец рассматривается нами в ряду фаянсовых изделий, поскольку он был непосредственным предшественником египетских и сирийских люстровых фаянсов и полуфаянсов X–XII вв.

петский люстровый полуфаянс XI в. (цв. ил. 11, *3*); иранские изделия – люстровые фаянсы XII–XIV вв. (цв. ил. 5, *12, 13*), полуфаянсы с подглазурной гравировкой XII в. (цв. ил. 17, *1, 4*), люстровые полуфаянсы XIV–XVII вв. (цв. ил. 12, *2*; 14, *2*), полуфаянсы “ладжвардина” (цв. ил. 16, *4*) и полуфаянсы с подглазурной черно-синей росписью XIII–XVI вв. (цв. ил. 20, *1, 2*; 22, *5*); сирийские люстровые полуфаянсы XII–XIV вв. (цв. ил. 13, *1, 3*; 15, *2*), а также полуфаянсы типов “лакаби” и “Русафа” XII–XIII вв. (цв. ил. 18, *4*; 27, *2*); золотоордынские и среднеазиатские полуфаянсы с подглазурной полихромной росписью XIV в. (цв. ил. 19, *2*); турецкие полихромные полуфаянсы XVI–XVII вв. (цв. ил. 28, *2*).

Анализы глазурей в ИГЕМ выполнил канд. геол.-минерал. наук А.И. Цепиным рентгеноспектральным локальным методом на микроанализаторе “Camebax SX-50”[20] по 14 химическим элементам (Прил. 1).

Разумеется, количество проведенных анализов (97 шт.) нельзя считать достаточным для получения полностью достоверных выводов, однако некоторые тенденции по ним все же проследить возможно. В качестве сравнительного материала к этому ряду допустимо использовать данные количественных спектральных анализов глазурей золотоордынской кашинной керамики из раскопок Селитренного городища, выполненных В.А. Галибиным и опубликованных В.И. Шляховой (1991. Табл. 3). Результаты, полученные этим исследователем, полностью сопоставимы с нашими.

Предшествующими исследователями было установлено, что поливное покрытие восточных фаянсов и полуфаянсов[21] относилось к группе щелочных глазурей, т.е. стеклообразных масс, сваренных с добавками щелочных элементов (в виде оксидов натрия и калия), содержавшихся в золе растений и природной соде, и щелочноземельных элементов (в виде оксидов кальция и магния). При этом бытовало мнение, что все прозрачные щелочные глазури были бессвинцовыми (*Булатов*, 1968. С. 98; *Сайко*, 1982. С. 88). Свинцово-щелочными называли только заглушенные оксидом олова непрозрачные глазури, всегда отличавшиеся повышенным содержанием оксида свинца (*Бурнашева*, 1963. С. 140, 142; *Allan et al*., 1973. P. 166–168; *Сайко*, 1982. С. 39, 58, 88). Это мнение совершенно справедливо для глазурей золотоордынского происхождения, но по отношению ко всему массиву восточных фаянсов, как будет показано ниже, оно неверно.

Нельзя также полностью согласиться с мнением Н.М. Булатова (основывавшимся на выводах Ю.Л. Щаповой по итогам качественных спектральных анализов глазурей) о разделении щелочных полив кашинной керамики на содовые и золистые. В действительности почти все восточные глазури, при очевидном доминировании оксида натрия, содержали оксид калия в количестве не менее 1,5%, т.е. выше того порогового значения, которое установлено В.А. Галибиным для отнесения глазурей к числу содовых. В представленной выборке (Прил. 1) имеются отдельные образцы, у которых количество этого оксида меньше указанного значения (в интервале от 1 до 1,5%), однако эти редкие отклонения нельзя считать существенными по двум причинам. Во-первых, точность спектрального анализа допускает ошибку в пределах нескольких десятых долей процента, а во-вторых, за столетия пребывания в культурном слое могло произойти некоторое выщелачивание тонкого слоя глазури, понизившее содержание щелочных элементов в образцах. Единственная группа полив, которые допустимо относить к содовым, это глазури турецкой керамики XVI–XVII вв., которые содержали менее 1% оксида калия и вовсе не содержали оксида магния (либо его доля была исчезающее мала). Согласно типологии В.А. Галибина (2001. С. 69), такие показатели действительно характерны именно для содовых глазурей. К числу содовых относят глазури турецких фаянсов и зарубежные исследователи (*Henderson, Raby*, 1989. P. 122). Очень близок этим показателям также единственный имевшийся в нашей выборке образец месопотамской (?) глазури IX в., принадлежавший обломку люстровой чаши из Старой Ладоги. Однако формально (по указанным пороговым значениям) он все же не может быть отнесен к содовым глазурям.

Что касается всех остальных глазурей восточных фаянсов, то они уверенно могут быть отнесены к числу приготовленных на золе пустынных растений (рис. 2).

Из диаграммы на рисунке 2 видно, что по взаимному соотношению оксидов щелочных и щелочноземельных элементов в глазурях восточных фаянсов, эти покрытия практически не различаются в зависимости от места их изготовления. Отдельные отклонения от основного массива значений носят

[20] Условия измерения: рабочее напряжение 20 квт, ток зонда 20 нА, экспозиция для каждого элемента 10 сек. Эталонами сравнения служили: альбит (Na Ka), ортоклаз (K Ka), андрадит (Si Ka, Ca Ka, Fe Ka), $MnTiO_3$ (Mn Ka, Ti Ka), Al_2O_3 (Al Ka), SnO_2 (Sn La), Cu (Cu Ka), MgO (Mg Ka), Co (Co Ka), PbS (Pb La), Sb (Sb La).

Определение состава каждого объекта проводилось на нескольких участках. При этом, ввиду нестабильности изучаемых объектов под электронным пучком и неоднородности изучаемых объектов, измерения проводились расширенным (30 мкм) зондом. Измеренные относительные интенсивности пересчитывались в концентрации методом ZAF-коррекции по программе PAP из математического обеспечения микроанализатора. Небольшая часть анализов была выполнена во ВНИИМС канд. геол.-минерал. наук Н.И. Чистяковой на микроанализаторах SuperProbe-733 и Camebax-MBX спектрометром “Link-860”. Следует заметить, что результаты этих анализов несколько отличаются от остальных, что, вероятно, объясняется иным набором эталонов и оборудования. К сожалению, эти различия не позволяют напрямую сопоставлять анализы обеих серий.

[21] Далее для простоты изложения будем называть эти классы обобщенно “восточными фаянсами”

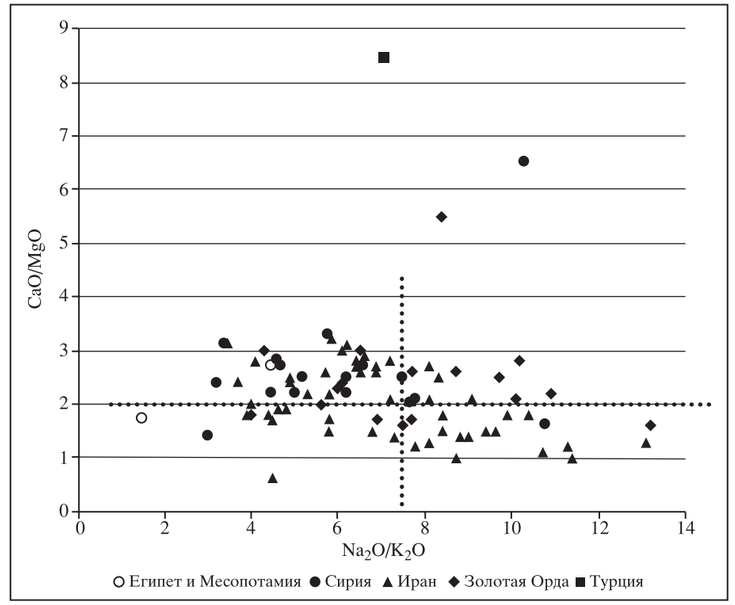

Рис. 2. **Соотношение щелочных и щелочноземельных элементов в глазурях восточных фаянсов**

явно случайный характер. Неслучайными можно считать (да и то пока лишь гипотетически) только отличия месопотамских полив IX в. и турецких глазурей XVI–XVII вв. Однако для подтверждения этого предположения потребуется гораздо более представительная серия анализов.

Итак, прежние представления о типологии щелочных глазурей восточных фаянсов в целом оказались не вполне верными, что заставляет дать более подробную характеристику основных компонентов, входивших в состав этих глазурей.

Оксид кремния (кремнезем) составлял основу всех глазурей восточных фаянсов, поскольку именно из него состоял кварцевый песок, использовавшийся для приготовления глазурной шихты. При этом содержание кремнезема в глазурях колебалось в достаточно широких пределах от 45 до 84%, с наиболее часто встречающимися значениями в интервале 55–72%. Как видно из диаграмм (рис. 3, 4), глазури иранского производства были все же несколько более высококремнеземными, нежели сирийские и турецкие, а самыми низкокремнеземными были глазури турецкой керамики.

Оксиды натрия и калия в составе глазурей восточных фаянсов составляют весомую долю в пределах от 6 до 20%, в среднем – около 10%. При этом абсолютно во всех проанализированных глазурях оксид натрия многократно (в 3–12 раз) преобладал над оксидом калия. По пороговым значениям, установленным В.А. Галибиным (7,5 для отношения Na_2O/K_2O и 2,0 для отношения CaO/MgO) (*Галибин*, 2001. С. 69), это означает принадлежность таких глазурей к четырем различным химическим подтипам стекол (рис. 2). Однако оказалось, что глазури одного и того же происхождения принадлежали ко всем четырем подтипам. К подтипу Na(K)–Ca(Mg)–Si относилось несколько больше образцов, чем к иным, но все же какой-то определенной зависимости подтипа глазури от места ее производства или хронологии пока не прослеживается.

Оксиды кальция и магния. Щелочноземельные элементы попадали в глазури в виде оксидов вместе с использовавшимся для приготовления шихты песком. Их суммарная доля была не столь заметна, как у щелочных элементов, колеблясь в целом около 4–8%. При этом содержание оксида кальция было почти всегда в 1,2–3,3 раза выше содержания оксида магния (рис. 2). Обратное соотношение зафиксировано только однажды а равное (или почти равное) количество этих оксидов – у трех образцов, относившихся к поздним иранским глазурям (Прил. 1. № 30–32), что не позволяет относить эти отклонения к числу случайных. Случайными отклонениями от нормы являются, вероятно, сверхвысокие коэффициенты превышения кальция над магнием (в 5,5–8,5 раза). Все это свидетельствует о применении очень близких по составу песков при изготовлении восточных щелочных глазурей.

Аномально высокое количество щелочноземельных элементов присутствовало лишь в нескольких образцах глазурей: прежде всего это касается белой месопотамской глазури IX в., содержавшей в сред-

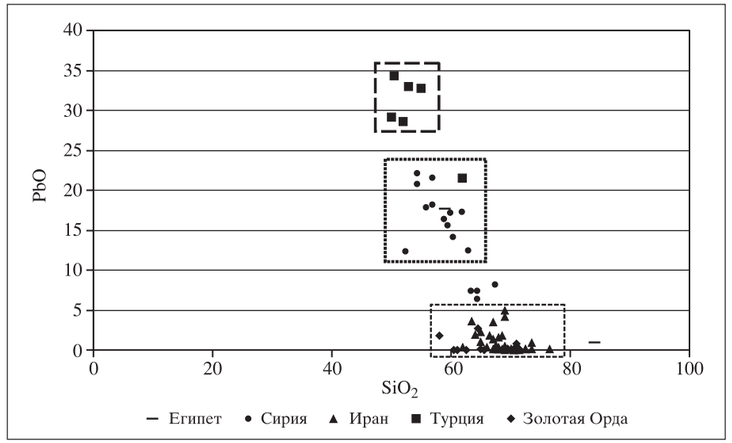

Рис. 3. **Соотношение оксидов кремнезема свинца в прозрачных глазурях восточных фаянсов**

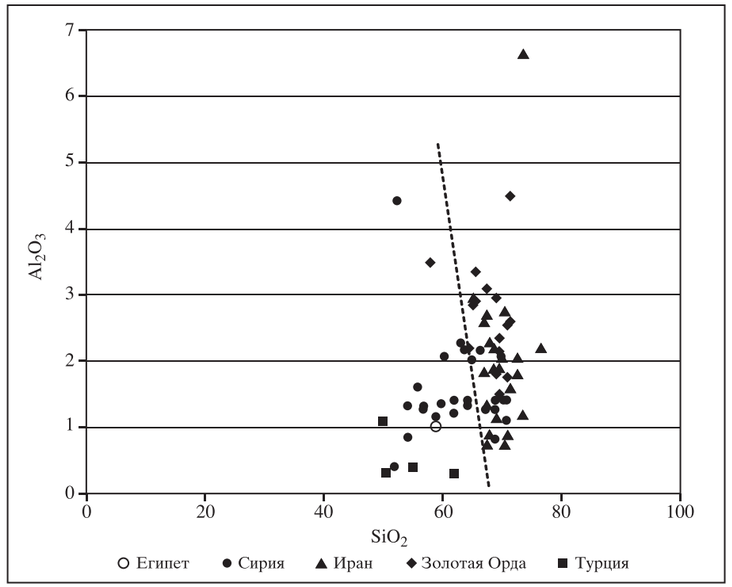

Рис. 4. **Соотношение кремнезема и глинозема в глазурях восточных фаянсов**

нем до 11% оксида кальция и до 7% оксида магния. Близкие значения (9–10% оксида кальция и 3–5% оксиды магния) отмечено еще для нескольких образцов глазурей XII в., для которых предполагается иранское происхождение (Прил. 1. № 38, 48, 49). Однако столь высокая доля щелочноземельной составляющей заставляет предполагать либо особое место изготовления этих глазурей, либо использование при их производстве некондиционного песка[22].

Оксид олова. Добавление этого компонента позволяло получать глухие (непрозрачные) поливы, необходимые в качестве основы для надглазурной росписи (люстровой, полихромной и т.п.), получившей на Востоке широкое распространение. Как показала представленная серия анализов, оксид олова "работал" в качестве глушителя глазури, когда его содержание в ней составляло от 2,5 до 14% (с наиболее часто встречающимися значениями в интервале 5–12%). В прозрачных глазурях этот оксид составлял исчезающе малую долю (до 0,1%). Исключение представляли несколько групп прозрачных глазурей. Прежде всего, это бирюзовые (и некоторые из ультрамариновых) глазури, окрашенные оксидом меди (см. ниже), поскольку олово являлось примесью к медному сырью красителя, если в качестве такого сырья использовали не чистую медь, а бронзу, т.е. сплав меди с оловом. В таких глазурях доля оксида олова составляла от 0,1 до 1,5%, и потому она совершенно не влияла на понижение прозрачности глазури.

Гораздо более интересно присутствие заметного (гораздо более высокого, чем в бирюзовых поливах) количества оксида олова (порядка 2–2,5%) в совершенно прозрачных глазурях, причем в таких, где отсутствовал оксид меди (краситель), а оксид свинца имелся в виде микропримеси (Прил. 1. № 25, 76)[23]. Очевидно, что в этих случаях появление оксида олова не было связано с присутствием оксида меди (которого в них было много меньше, чем в бирюзовых глазурях).

Другой группой глазурей с повышенным содержанием оксида олова (в пределах от 1 до 6%, но чаще в интервале 2–4%), также не повлиявшим на снижение их прозрачности, были покрытия турецких фаянсов XVI–XVII вв. Такая аномалия объясняется высокой долей в этих глазурях оксида свинца, загрязняющей примесью к которому и являлось олово.

Единственным образцом белой непрозрачной глазури, в котором не обнаружено оксида олова или иных глушителей, оказался обломок месопотамской люстровой майолики (Прил. 1. № 80), глазурь которого была непрозрачна из-за недостаточно высокого их качества – присутствия многочисленных зерен кварца, полевого шпата и пузырьков воздуха (*Mason, Keall*, 1991. P. 52).

Оксид сурьмы (Sb_2O_3) не использовался в глазурях восточных фаянсов в качестве глушителя и являлся загрязняющей примесью, доля которой, как правило, не превышала 0,1%. Однако в трех случаях такой порог был превышен (до 0,2–0,4%), причем во всех случаях это были глазури турецкой керамики (Прил. 1. № 69–71). Поскольку именно турецкие глазури отличались экстремально высоким содержанием оксида свинца, можно осторожно предположить, что оксид сурьмы являлся естественной примесью к свинцовосодержавшему сырью. Против этой гипотезы свидетельствует, впрочем, один образец золотоордынской глазури с еще более высокой долей оксида сурьмы при ничтожном содержании оксида свинца (Прил. 1. № 120).

Оксид свинца. Тезис о бессвинцовом составе восточных щелочных глазурей оказался, как отмечалось выше, неверным. В действительности этот компонент присутствовал в подавляющем большинстве образцов (только в 10 случаях анализ не уловил его присутствия). Зато обнаружена большая группа глазурей, у которых доля оксида свинца колебалась от 6 до 34% (рис. 3). В составе этой группы оказались все глазури сирийского происхождения XII–XIII вв. и турецкие глазури XVI–XVII вв., а также египетский образец XI в. В то же время, сама эта группа разделялась на три серии:

– к серии относительно низкосвинцовистых глазурей (содержание оксида свинца на уровне 6–8%) принадлежали глазури сирийской (?) керамики XII и XIII вв.;

– основную серию составляли несомненно сирийские образцы XII в., египетский XI в. и один турецкий образец XVII в. (у них доля оксида свинца колебалась в пределах 12–22%);

– наконец, последнюю, третью серию составляли турецкие глазури XVI в. с содержанием оксида свинца на максимальном уровне – от 28 до 34%.

Единственным исключением из числа сирийских свинцово-щелочных глазурей оказался образец керамики (полуфаянса) типа "Русафа", который совершенно не содержал оксида свинца (Прил. 1. № 46). Керамика этого типа известна в основном по находкам в Сирии и традиционно считается продукцией этой страны. Данные анализа оставляют возможность для двух объяснений подобной аномалии: либо подобная керамика изготавливалась по особой рецептуре, существенно отличавшейся от продукции иных сирийских мастерских, либо она все же имела иное (не-сирийское) происхождение. Раритетность образцов такой керамики на Руси не позволяет пока проверить, насколько достоверны результаты анализа состава единственного имевшегося в нашем распоряжении образца.

Полученные данные существенно меняют представления о рецептуре восточных глазурей. Если свинцово-щелочной состав турецких глазурей отмечался исследователями и ранее (*Henderson, Raby*, 1989. P. 122. Fig. 2), то о сирийских и египетских глазурях подобных сведений не было. Кроме того, близость состава сирийских и турецких глазурей по высокому содержанию оксида свинца, в других рецептурах на Востоке практически не известному, позволяет предполагать близкое родство этих рецептур.

Рассматривая диаграмму на рис. 3, можно сделать еще два важных наблюдения. Во-первых, очевидна концентрация глазурей иранской керамики в относительно ограниченной области, характеризующейся повышенной долей кремнезема (в интервале 60–75%) и пониженной долей оксида свинца (от 0 до 5%). От сирийских глазурей эта область отделена очень четко.

Второе наблюдение касается глазурей золотоордынской керамики, которые практически идентичны иранским, но отличаются еще более низкой долей оксида свинца (в основном в пределах 0–0,5%). При этом надо учитывать, что большинство образцов иранских глазурей в нашей выборке относилось к XII – первой трети XIII в., тогда как золотоордынские – к середине – второй половине XIV в. Поэтому отмеченное различие может объясняться

[22] Необходимо отметить, что результаты анализов В.А. Галибина (*Шляхова*, 1991. Табл. 3) в целом близки нашей выборке, однако среди них больше образцов с аномально высокими содержаниями оксидов щелочноземельных элементов – в интервале от 12 до 19%. Возможно, такое расхождение связано с различными эталонами, использовавшимися при анализах.

[23] Н.М. Булатов также замечал, что в составе золотоордынских прозрачных щелочных глазурей иногда присутствовала примесь оксида олова в размере до 6%, не повлиявшая заметно на прозрачность поливы (*Булатов*, 1969в. С. 114).

хронологией эволюционных изменений в рецептуре иранских глазурей, а это означает, что золотоордынские глазури по своему составу практически неотличимы от иранских, т.е. являются иранскими по происхождению (*Коваль,* 2005д. С. 78).

Оксид алюминия. Содержание глинозема в щелочных глазурях восточного происхождения колеблется в пределах от 0,3 почти до 7%. Однако в основной массе образцов содержание этого компонента колеблется в интервале 0,3–3,5%. На диаграмме соотношения глинозема и кремнезема в составе глазурей (рис. 4) не столь четко прослеживается различие между рецептурами полив разного происхождения, однако заметно, что сирийские глазури содержали в целом несколько меньше глинозема, чем иранские и "золотоордынские". Турецкие же глазури вообще выделяются в отдельную группу с минимальным (до 1%) содержанием глинозема. Поскольку глинозем поступал в глазури вместе с песком (в том случае, если он был недостаточно хорошо очищен от глинистых примесей) доля этого компонента в составе глазури указывает прежде всего на качество подготовки сырья. Исходя из этого, можно констатировать использование сирийскими и турецкими мастерами гораздо лучше очищенного песка, нежели их иранскими коллегами.

Оксид титана. Этот компонент глазурей являлся загрязняющей примесью, поступавшей, подобно глинозему, вместе с недостаточно хорошо очищенным песком. Для свинцовых глазурей причерноморской полумайолики уже установлена корреляция содержания двуокиси титана (TiO_2) и глинозема (*Булгаков*, 2005. С. 364). В глазурях восточных фаянсов оксид титана составляет, как правило, очень незначительную долю – не более 0,1%, что свидетельствует о высокой степени чистоты использовавшегося при производстве глазурей песка. В редких случаях доля этой загрязняющей примеси достигала 0,2% и лишь единожды она превысила такой порог – в светло-синей (кобальтовой) глазури иранского люстрового полуфаянса XIV в. (Прил. 1. № 29). Последний пример позволил установить, что и в щелочных глазурях (подобно свинцовым) оксид титана также является примесью, сопутствующей глинозему: именно в этом образце доля последнего была экстремально велика (более 6%). Вместе с тем, в отличие от свинцовых глазурей, заметной корреляции между содержанием глинозема и оксида титана у восточных фаянсов не наблюдается.

Красители щелочных глазурей восточных фаянсов выступали оксиды меди (давали голубой и бирюзовый оттенки), кобальта (оттенки синего), марганца (коричневый цвет). Оксид меди был наиболее часто употреблявшимся красителем, "работавшим" при наличии его доли не менее 1% (как правило, в пределах 2–3%). Бесцветные глазури могли содержать этот оксид в пределах 0,5–1,1% и при этом не получать заметной окраски.

Синий (глубокого ультрамаринового тона) цвет достигался введением оксида кобальта в количестве 0,2–0,9% (как правило, в пределах 0,4–0,6%). При этом оксид кобальта всегда сопровождался присутствием в глазури оксида меди в количестве 0,2–1,0%. Такая зависимость ясно указывает на то, что оксид меди был незначительной загрязняющей примесью в кобальтосодержавшем сырье.

Коричневый (пурпурно-коричневый) цвет щелочной глазури достигался введением оксида марганца (3,0–5,6%). Использование марганца в качестве обесцвечивателя глазурей (по аналогии со стеклами) в нашей выборке ни разу не зафиксировано.

Изучение окрашенных глазурей позволило получить и иной важный вывод. В литературе существует давно устоявшееся мнение, что люстровые полуфаянсы с окрашенными в бирюзовый, ультрамариновый и пурпурно-коричневый цвета глазурями относятся к производству Сирии. При этом было хорошо известно, что такие же цветные глазури использовались и в Иране, но на изделиях иных типов. В нашей выборке целый ряд образцов окрашенных прозрачной глазурью люстровых изделий относился к числу низкосвинцовистых (Прил. 1. № 19, 22/23, 25–29), т.е. существенно отличался от достоверно сирийских изделий и был идентичен по составу глазурям иранских полуфаянсов. Отсюда следует, что либо такие люстровые сосуды изготавливались в Иране, либо в Сирии существовали две различные традиции приготовления глазурей, одна из которых неотличима от иранской. Какой из этих выводов ближе к истине, пока сказать трудно, но на сегодняшнем уровне знаний иранская атрибуция таких изделий представляется более вероятной.

Итак, сирийская (или, вернее, египетско-сирийская) рецептура изготовления глазурей, как оказалось, существеннейшим образом отличалась от иранской. Главным ее отличием было добавление в глазурь заметного количества оксида свинца (от 6 до 22%) и применение хорошо очищенного песка, что выражалось в очень низкой доле оксида алюминия. Иранская традиция приготовления глазурей характеризовалась пониженной долей оксида свинца (до 5%), что делало эти глазури высококремнеземными. Рецептура турецких глазурей отличалась от всех остальных использованием содового сырья и экстремально высокой долей оксида свинца (до 34%). Кроме того, турецкие глазури отличались почти полным отсутствием в своем составе оксида алюминия и присутствием оксида сурьмы (до 0,4%).

Сравнение составов глазурей разных эпох и различного происхождения позволило убедиться в том, что "золотоордынские" глазури в действительности были иранскими, т.е. при их производстве использовалось иранское сырье (или полуфабрикат?), вплоть до основной составляющей – песка. Отсюда неизбежно следует, что и само производство фаянсов в золотоордынском Поволжье было налажено иранскими мастерами, поскольку сходство рецептур глазурей дополняется также родственным составом кашина, близостью орнаментальных мотивов и технологии нанесения орнамента.

Выявлено также близкое родство египетских, сирийских и турецких глазурей, что позволяет предполагать непрерывную линию их развития на протяжении почти 900 лет (IX–XVII вв.), рецептура которых твердо придерживалась использования большого количества оксида свинца при производстве щелочных полив. Этот вывод также заставляет пересмотреть некоторые представления о происхождении турецкого керамического производства, в частности, об истоках внезапно развившегося в XVI в. искусства изготовления знаменитых изникских полуфаянсов. На наш взгляд, одним из главных таких истоков стали традиции сирийских мастеров, руками которых, вероятно, и было налажено новое (для османской империи) производство полуфаянсов в Изнике и других городах Малой Азии.

3.2. СОСТАВ ГЛАЗУРЕЙ ВОСТОЧНОЙ МАЙОЛИКИ И ПОЛУМАЙОЛИКИ

Впервые к изучению глазурей восточной (причерноморской) полумайолики обратилась Ю.Л. Щапова, которая провела 36 качественных спектральных анализа образцов, взятых с различных белоглиняных и красноглиняных сосудов X–XV вв., обнаруженных при раскопках в Керчи, Тмутаракани, а также в Гнёздове и Новгороде. Однако качественный спектральный анализ не позволил получить какие-либо определенные выводы. Было только установлено, что изученные глазури относились к "стеклам" двух классов: Pb-Si и Ca-Mg-Pb-Si (*Щапова*, 1967. С. 70. Прил. III). Надо заметить, что существование глазурей класса II (по Ю.Л. Щаповой), является недоразумением, возникшим из-за неточности качественного спектрального анализа: в действительности доли оксидов кальция и магния в этих глазурях столь малы, что говорить об их существенном влиянии на состав и химический класс глазурей не приходится[24].

В 1990-х годах к изучению глазурей причерноморской полумайолики обратился В.В. Булгаков, проведший 23 количественных спектральных анализа глазурей электронно-зондовым методом с образцов керамики XIII–XV вв. из Херсонеса, Судака, Старого Крыма и Киева (*Булгаков*, 2005. С. 359–378). На этой весьма узкой источниковой базе исследователем была сделана попытка изучить хронологические изменения и локальные отличия в рецептуре причерноморских глазурей. При этом за основу группировки химических составов глазурей им были взяты процентные доли оксидов свинца и кремния (PbO и SiO_2). В результате были выделены четыре группы глазурей с содержанием оксида свинца в размере 57–61%, 64–67%, 70–72% и 75–76%. При этом пороговые значения процентных долей в группах не были как-то обоснованы, а сами соотношения оксидов рассчитывались без учета иных составляющих глазурей (т.е. проводился перерасчет данных, при котором все иные компоненты глазурей исключались, чтобы сумма PbO и SiO_2 составляла 100%).

Для проверки этих данных было проведено исследование, к которому привлечены 42 образца причерноморской и средиземноморской полумайолики, происходивших из Херсонеса (8), Феодосии (8), Старого Крыма (1), Селитренного городища (1), Азова (1), Киева (9), Чернигова (3), Шестовиц (2), Москвы (4), Великого Новгорода (1), Владимирана-Клязьме (1), Твери (1), Нижнего Новгорода (2). Для получения более широкой картины в качестве сравнительных материалов были использованы также образцы испанской и итальянской майолики XIV–XV вв. и отдельные образцы полумайолики из Волжской Булгарии, Средней Азии и Ближнего Востока (всего 10 образцов). Таким образом общее количество проанализированных образцов глазурей составило 52 экземпляра. (Прил. 1). Анализы глазурей были выполнены теми же анализаторами и при тех же условиях, что и для глазурей восточных фаянсов (см. выше). При синтезе полученных результатов использовались и данные, опубликованные В.В. Булгаковым, что позволило увеличить объем исследуемой выборки до 75 образцов и максимально приблизить ее к статистически достоверной. Разумеется, и такого количества анализов все же еще не достаточно для получения репрезентативных выводов, однако ее объем уже позволяет высказывать более или менее достоверные гипотезы. Однако до перехода к формулировке таких гипотез следует обратить внимание на несколько принципиально важных моментов:

1. Содержание кремнезема (SiO_2), источником которого служили кварцевые пески, в глазурях причерноморской полумайолики колеблется от 20 до 50–53%, наиболее часто встречаются глазури

[24] Содержание оксида магния в средневековых свинцовых глазурях составляло ничтожно малые величины и редко достигало 0,2–0,3%, содержание же оксида кальция, как правило, не превышало 2%, редко достигая 4% (Прил. 1). В нашей выборке имеется один случай аномально высокого содержания оксида кальция (15%), являющийся результатом ошибки анализа (Прил. 1. № 152).

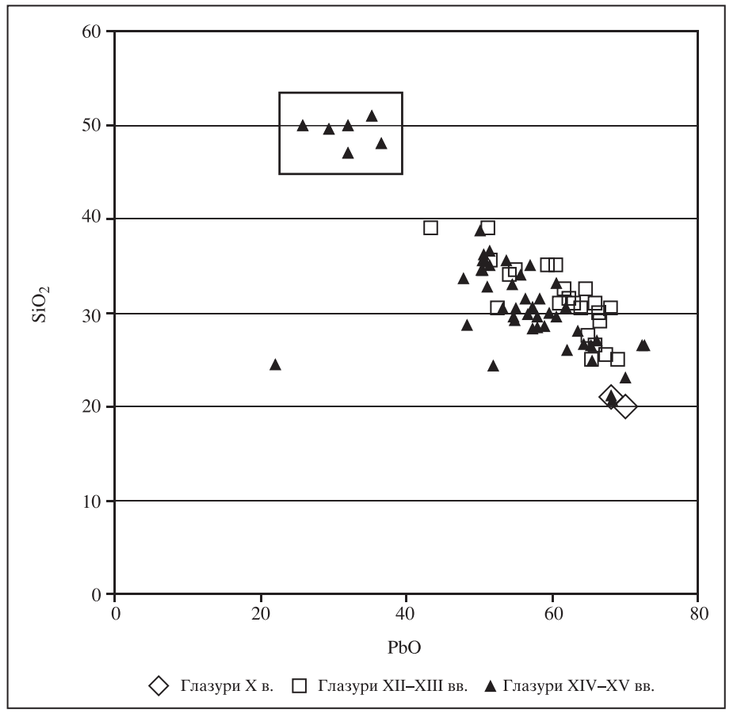

Рис. 5. **Соотношение оксидов кремния и свинца в глазурях майолики и полумайолики**

с содержанием этого оксида в пределах 25–35%. Максимальных значений (45–53%) этот компонент достигает в глазурях испанской и итальянской майолики (Прил. 1. № 131, 134–136). На графике соотношения оксидов кремния и свинца эти глазури четко отделяются в обособленную группу (рис. 5, выделено прямоугольником). В византийской полумайолике столь высокое содержание кремнезема не известно, поэтому образец керамики из Владимира-на-Клязьме, попавший в эту группу (Прил. 1. № 91) вряд ли может связываться с византийским производством (к тому же он существенно отличается от византийской керамики бирюзовым цветом глазури) и не исключено, что он имел западносредиземноморское происхождение.

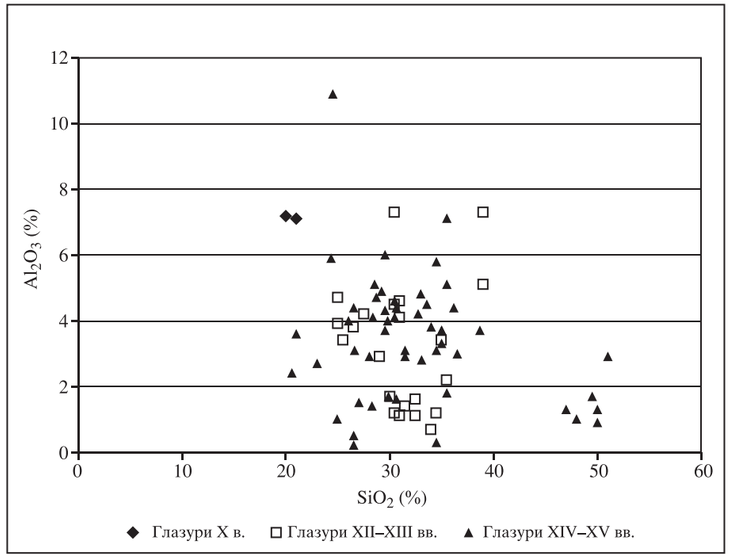
Следует также обратить внимание на то, что между причерноморскими глазурями XII–XIII вв. и XIV–XV вв. отсутствуют какие-либо серьезные различия. Нет и каких-то заметных тенденций в увеличении нормы оксида свинца на четырехвековом хронологическом отрезке. Напротив, скорее можно говорить о сохранении все это время широкой вариативности в соотношении оксидов свинца и кремния.

2. Содержание глинозема (Al_2O_3) в нашей выборке колеблется от 0,1 до 7,2%. При этом жесткой зависимости между содержанием кремнезема и глинозема не наблюдается (рис. 6). Вместе с тем, можно заметить, что глазури испанской и итальянской майолики (с высоким содержанием кремнезема) включали ничтожное количество оксида алюминия, тогда как у византийско-причерноморских глазурей его содержание колебалось в самых широких пределах. При всем том в составе этих глазурей как будто намечаются три группы по количеству оксида алюминия: с минимальным содержанием (от десятых долей процента до 2%), средним (в пределах 3–5%) и максимально высоким – до 7%[25]. К первой группе относились, прежде всего, глазури византийской белоглиняной полумайолики XII–XIII вв., ко второй – глазури красноглиняной полумайолики XIV–XV вв., происходившей из разных регионов (Византии, Крыма, золотоордынского Поволжья), к третьей – византийская белоглиняная полумайолика X в.

Таким образом, тенденция в динамике содержания оксида алюминия в составе причерноморских глазурей пока выглядит следующим образом: на смену высокому содержанию этого компонента в образцах X в. приходит резкое снижение его нормы в глазурях XII–XIII вв. и постепенное, но неуклонное повышение на протяжении XIV–XV вв. Возможно, это свидетельствует о все более широком применении в производстве чистого (промытого?) песка.

[25] Более высокое содержание этого компонента было отмечено только один раз – в глазури византийской полумайолики XV в., результаты анализа которой явно выполнены с ошибкой (Прил. 1. № 152).

Рис. 6. **Соотношение оксидов кремния и алюминия в глазурях майолики и полумайолики**

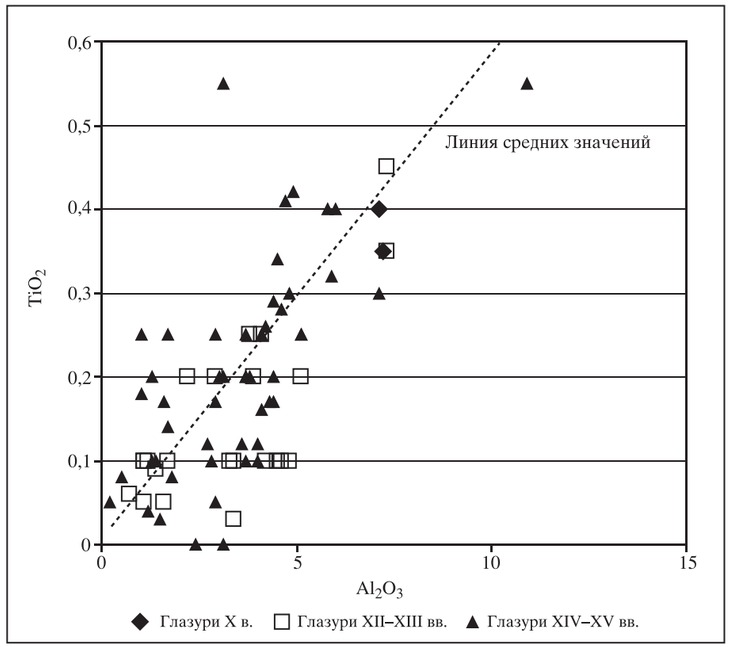

Рис. 7. **Соотношение оксидов кремния и титана в глазурях майолики и полумайолики**

3. Новые материалы подтвердили предположение В.В. Булгакова о корреляции содержания двуокиси титана (TiO_2) и глинозема (рис. 7), т.е. связи этого компонента с глинистыми минералами, вводившимися в состав глазури вместе с используемым песком (*Булгаков*, 2005). При этом оказалось, что экстремально высокое содержание TiO_2 (от 0,3 до 0,7%) фиксируется исключительно в глазурях византийской полумайолики, причем как белоглиняной, так и красноглиняной. Однако далеко не во всех византийских глазурях фиксировалось высокое содержание оксидов алюминия и титана: большинство образцов (в том числе почти все образцы XII–XIII вв.) не имели такой особенности. Вероятно, ее можно связывать с какой-то определенной местностью (геологически обособленным регио-

ном) в пределах Византии, где применялся песок, загрязненный глинистыми включениями. В хронологическом же распределении существенных различий пока отметить нельзя.

4. Представляется преждевременным делать выводы о происхождении свинца, использовавшегося при изготовлении причерноморских глазурей, поскольку для этого необходимо проведение специального исследования. Предположение В.В. Булгакова о применении свинца из малоазийских месторождений (*Булгаков*, 2005. С. 365) основывается на предполагаемом колебании в содержании оксида сурьмы (Sb_2O_3). Но из 24 образцов, исследовавшихся В.В. Булгаковым, 10 практически не содержали этого компонента, 10 включали его в пределах 0,1–0,2% и лишь у четырех этот оксид колебался в пределах 0,4–0,7%, т.е. составлял сколько-нибудь заметную долю. В нашей выборке из 52 образцов глазурей лишь у семи доля оксида сурьмы превышала порог в 0,2%, а у подавляющего числа остальных ее доля колебался в очень незначительных пределах – от 0 до 0,1%. Таким образом, никаких заметных колебаний этого оксида в составе причерноморских глазурей не наблюдается. Вероятно, надо искать какие-то иные признаки для определения происхождения использовавшегося в глазурном производстве свинца. Пока же можно констатировать лишь то, что высокое содержание оксида сурьмы встречено в основном у глазурей XIV–XV вв., преимущественно изготовленных в Крыму или золотоордынском Поволжье. К этому же времени относились глазури византийской полумайолики (Прил. 1. № 152), полумайолики из неизвестного центра, работавшего в русле византийской традиции (Прил. 1. № 95) и среднеазиатской полумайолики (Прил. 1. № 162). Вероятно, это может свидетельствовать о спорадическом использовании в Причерноморье в тот период свинца, происходившего из какого-то иного месторождения, нежели наиболее распространенный на рынках региона свинец, практически не содержавший сурьмянистой примеси. Какие-либо более далеко идущие выводы на данном материале делать преждевременно.

5. Оксид олова не является примесью, часто встречающейся в свинцовых глазурях. Однако в исследованной выборке количество образцов, содержавших этот компонент в объемах, достаточных для воздействия на характеристики глазурей, было все же заметным (12 экз. из 52 исследованных). В остальных образцах он отсутствовал или содержался в минимальном количестве (не более 0,1%). Прежде всего, оксид олова использовался как глушитель в глазурях испанской и итальянской майолики XIV–XV вв., где его концентрация колебалась от 1,7 до 10,9%. Почти во всех остальных образцах этот оксид являлся примесью, образовавшейся из-за использования различных по составу бронз, пережогом которых, собственно, и добывался необходимый для окраски глазури в зеленый цвет оксид меди. Исключением из этого правила был образец № 106, в составе которого оксид меди практически отсутствовал. В данном случае оксид олова, вероятно, был незначительной загрязняющей примесью к оксиду свинца.

6. Отдельно стоит остановиться на вопросе о применявшихся в причерноморских глазурях красителях. Хорошо известно, что зеленым красителем в свинцовых глазурях обычно выступал оксид меди (CuO), а желто-коричневым – окись железа (Fe_2O_3) (*Ланцетти, Нестеренко*, 1987. С. 36, 37). В нашей выборке оксид меди начинал "работать" в качестве красителя в тех случаях, когда его концентрация составляла не менее 1%, а чаще всего – на уровне 1,5–3,0%. Этот компонент вводился в шихту обычно в виде окислов чистой меди либо свинцовистой (без включений олова) бронзы, однако в двух случаях (причем оба они касались изделий золотоордынского Поволжья), вероятно, можно говорить об использовании оловянистой бронзы, на что указывает повышенное содержание оксида олова в составе глазури (Прил. 1. № 92, 139).

Закись железа (FeO) применялась для окраски кроющей глазури в желтый цвет при ее концентрации от 0,7 до 6,5%[26]: в таком качестве она присутствовала в глазурях византийской керамики типа "Скопелос", других разновидностях византийской керамики "сграффито" XII–XIII вв., в восточнокрымской керамике XV в. В ряде других случаев желтоватый цвет кроющей глазури мог быть следствием высокой доли оксида свинца.

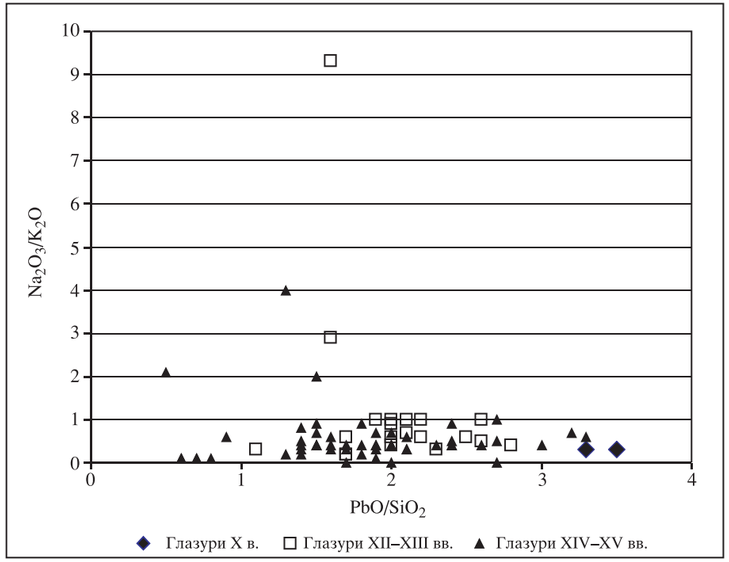
Интересная особенность выявилась в отношении глазурей Волжской Булгарии (Прил. 1. № 137, 138), темно-зеленый цвет которых объяснялся добавкой не оксида меди (его доля в обоих образцах не превышала 0,1%), а оксида железа (от 1,3 до 3,4%), присутствовавшего, вероятно, в виде сочетания закиси железа (FeO) и окиси железа (Fe_2O_3), которое как раз и придает стеклам и глазурям бутылочно-зеленый цвет (*Ланцетти, Нестеренко*, 1987. С. 37). Не исключено, что это характерная особенность булгарских глазурей XII в.

Два образца коричневых глазурей (на византийской белоглиняной керамике и на ближневосточном сфероконусе) оказались окрашены оксидом марганца в концентрации 2–3% (Прил. 1. № 88, 89). Во всех остальных глазурях этот оксид практически отсутствовал (его содержание не превышало 0,1%).

Что касается глазурей бирюзового цвета (их исследовано 4 образца), то все они были окрашены оксидом меди в количестве 1,0–2,7% (Прил. 1. № 86, 87, 90, 91). В трех случаях этому оксиду

[26] Указанные здесь и в Приложении 1 процентные доли рассчитаны для оксида железа (Fe_2O_3). Поэтому для определения количества закиси железа необходим дополнительный перерасчет, который нами не проводился.

Рис. 8. **График распределения глазурей майолики и полумайолики по соотношению оксидов свинца и кремния, натрия и калия**

сопутствовал оксид олова, доля которого была весьма велика – от 2,8 до 5,5% (средние показатели 3,8–4,6%). Вероятно, в этих случаях источником оксида меди в красителе была оловянистая бронза. При этом два исследованных образца имели византийско-причерноморское происхождение, а один – по-видимому, западносредиземноморское (Прил. 1. № 87). Последний отличался от других более высоким содержанием щелочных и щелочноземельных элементов.

Лишь на двух образцах керамики, попавших в нашу выборку, присутствовал синий краситель, использовавшийся для подглазурной росписи (Прил. 1. № 131, 157). Оба эти образца относились к западносредиземноморской (итальянской и испанской) керамике XIII–XIV вв. В обоих случаях красителем выступал оксид кобальта в количестве 0,4 и 0,8% соответственно. В других глазурях оксид кобальта также иногда присутствовал, но в виде несущественной загрязняющей примеси (не более 0,1%).

Итак, основная масса глазурей восточной (в основном причерноморской) полумайолики содержала оксид свинца в пределах 50–70% и никаких подгрупп внутри этого массива пока не наблюдается (рис. 5). Вместе с тем, за пределами указанного массива осталась довольно обширная "периферия", в которой наряду со случайными отклонениями в результатах анализа и данными, напоминающими аналитическую ошибку (Прил. 1. № 152), присутствовала небольшая группа образцов с относительно низким содержанием оксида свинца (в пределах 25–37%). Последние принадлежали к испанской майолике XIV–XV вв. (Прил. 1. № 131–133) и итальянской майолике XIV в. (Прил. 1. № 134–136). Вероятно, испанская и итальянская рецептура приготовления глазурей существенно отличалась в это время от византийской, причерноморской (провинциально-византийской) и золотоордынской (наследовавшей провинциально-византийскую традицию). К шести испано-итальянским образцам примыкает только один образец неясного происхождения, найденный во Владимире-на-Клязьме и отличавшийся бирюзовой прозрачной глазурью (Прил. 1. № 91). Его датировка и происхождение до сих пор оставались не известны. Теперь, по данным анализа, можно предполагать происхождение этого образца из Западного Средиземноморья. Вместе с тем, нужно отметить, что один образец белоглиняной полумайолики (южноитальянской протомайолики XIII в.?) с синей и коричневой росписью (Прил. 1. № 157) отличался от остальных (более поздних) испано-итальянских глазурей высоким содержанием оксида свинца. Довольно высоким было содержание оксида свинца также в испанском образце XIV в. (Прил. 1. № 132).

Поскольку разделение причерноморских глазурей на группы по произвольно установленным нормам содержания оксида свинца не представляется допустимым, была предпринята попытка найти иные критерии для такой группировки. Для этого использована корреляция соотношений оксидов свинца и кремния (PbO/Si_2O_3) с одной стороны и оксидов щелочных элементов (Na_2O/K_2O) – с другой, подобно применяющейся при изучении обычного стекла (*Галибин*, 2001. С. 68, 69). Однако полученный график (рис. 8) показал почти полную однородность изученного массива глазурей. Если отвлечься от пяти образцов с нереально высокими (из-за случайных отклонений в составе глазурей) показателями отношения Na_2O/K_2O, у всех остальных глазурей (71 образец) показатели этого отношения

Таблица 1

Na_2O/K_2O	X в.	XII–XIII вв.	XIV–XV вв.
До 0,5	2	7	12
0,5–0,8	–	4	5
>0,8	–	7	3

Таблица 2

SiO_2/Al_2O_3	X в.	XII–XIII вв.	XIV–XV вв.
До 5,0	2	1	1
5,0–12,0	–	11	12
12,0–30,0	–	6	6

колебались в пределах от 0 до 1,0. В то же время, удалось выявить определенную хронологическую тенденцию в соотношении основных щелочных составляющих глазурей полумайолики (табл. 1)[27].

Оказалось, что среди 40 образцов таких глазурей X–XV вв. (т.е. без средиземноморских, среднеазиатских и волжско-булгарских) образцы XII–XIII вв. и XIV–XV вв. распределяются почти поровну – 18 и 20 образцов соответственно. При этом среди глазурей XII–XIII вв. преобладали рецептуры с относительно высоким содержанием оксида натрия (с соотношением Na_2O/K_2O, как правило, 0,5–1,0), тогда как в XIV–XV вв. положение поменялось и стали преобладать глазури с очень низким содержанием этого оксида (с соотношением Na_2O/K_2O менее 0,5).

Второй вариант поиска внутригрупповых различий в глазурях полумайолики заключался в установлении связей между соотношениями оксидов кремния и алюминия, с одной стороны, и оксидов свинца и кремния – с другой (рис. 9). В результате построения графика таких соотношений стало очевидно, что западносредиземноморские глазури XV в. выделились здесь в отдельную область в левой части графика (отмечены пунктирным прямоугольником)[28], отражающей низкую долю оксида свинца в глазури при низкой же доле оксида алюминия (соотношение SiO_2/Al_2O_3 в интервале от 17 до 60). Среди остальных образцов (за вычетом явно случайных отклонений с коффициентами 138 и 177) можно выделить три группы по соотношению SiO_2/Al_2O_3: основную (наиболее массовую) группу составляли глазури, у которых при совершенно различном содержании оксида свинца, отношение кремнезема к глинозему колебалось в пределах от 5 до 12. Ко второй (меньшей), группе принадлежали глазури с низким содержанием глинозема (с коэффициентом SiO_2/Al_2O_3 в интервале от 12 до 30). При этом во второй группе явно преобладали глазури XII–XIII вв. (в их числе и часть византийской белоглиняной полумайолики), чего нельзя сказать о первой группе. Наконец, к третьей группе относились глазури с высоким содержанием глинозема (с коэффициентом менее 5) (табл. 2).

[27] Расчеты проведены по данным Приложения 1. При этом образцы, датированные в нем XIII–XIV вв., учитывались в составе группы глазурей XIV–XV вв. Пороговое значение 0,5 указано В.А. Галибиным (2001. С. 69).

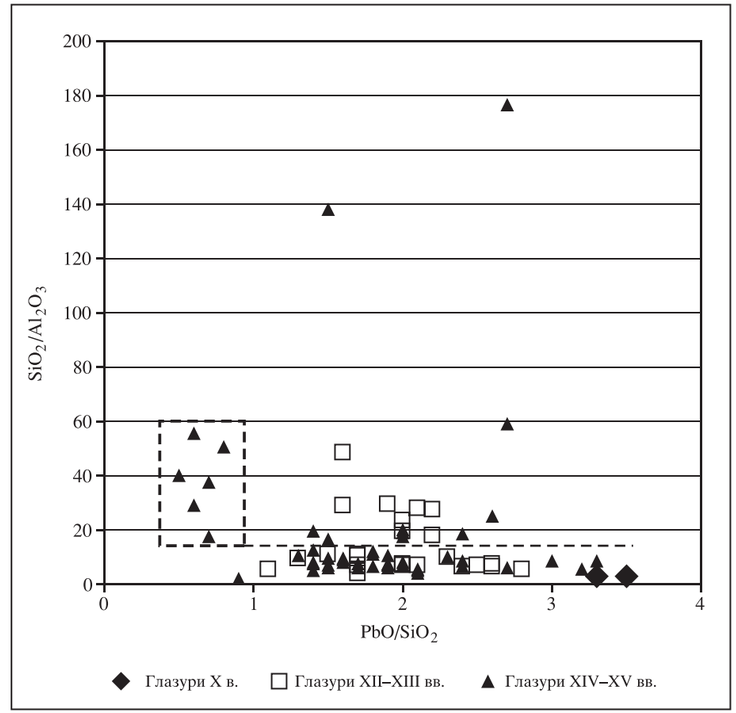
[28] Правда, два других (более ранних) образца испано-итальянских глазурей попали в основную (византийско-причерноморскую) группу

Возможно, стабильное превышение (в 2 раза) глазурей с высоким содержанием глинозема (по отношению к кремнезему) над глазурями с низким его содержанием связано с использованием очищенных (промытых) и неочищенных (загрязненных глиноземом) песков в различных мастерских. В таком случае, выявленное различие носит не региональный или хронологический характер, а указывает на разный уровень качества работы мастерских, которые могли находиться в одном и том же городе. Если данные таблицы 2 действительно отражают реально существовавшую тенденцию, то они свидетельствуют о том, что более 2/3 продукции причерноморских мастерских пользовались относительно низкосортной глазурью, приготовленной из плохо очищенного сырья. Важно также отметить, что глазури из очищенного песка изготавливались не только в Византии, но и в Крыму, других районах Причерноморья, в золотоордынском Поволжье.

Итак, все попытки расчленить глазури причерноморской полумайолики на группы по признакам соотношения в их составе различных компонентов не дали пока определенного результата, за исключением выделения двух хронологических групп, различающихся соотношением оксидов натрия и калия, и трех групп глазурей, отличающихся содержанием глинозема, т.е. качеством подготовки исходного сырья. Это означает, что на имеющейся источниковой базе еще нельзя строить надежные выводы о существовании внутри византийско-причерноморской рецептуры приготовления свинцовых глазурей каких-либо локальных традиций. Разумеется, на более широкой базе данных такие традиции могут быть выявлены в будущем. Однако уже сегодня можно уверенно утверждать, что свинцовые глазури Византии, Северного Причерноморья и золотоордынского Поволжья были в массе практически неотличимы по рецептуре и применявшемуся для их изготовления сырью. Вероятно, это объясняется единым происхождением такой рецептуры из мастерских Византии, которая была воспринята мастерами, изготавливавшими полумайолику как в различных центрах Причерноморья, так и в поволжских городах Золотой Орды. Зато западносредиземноморские глазури XV в. самым существенным образом отличались от синхронных им причерноморских:

– они содержали значительно меньше оксида свинца (как правило, 27–37% или в пределах коэффициента 0,6–0,8 отношения PbO/Si_2O_3);

Рис. 9. **График распределения глазурей майолики и полумайолики по соотношению оксидов кремния, свинца и алюминия**

– отличались очень низким содержанием оксида натрия (отношение Na_2O/K_2O не более 0,1);

– содержание глинозема в глазурях этой группы было довольно низким (отношение SiO_2/Al_2O_3 составляло 17–60), что говорит о хорошей подготовке сырья.

Выдвигавшаяся гипотеза “о последовательном повышении доли свинцовых материалов” в причерноморской полумайолике (*Булгаков*, 2005. С. 368) базировалась на анализах всего 13 образцов XIII–XV вв. На более широких материалах, привлеченных нами (40 образцов причерноморских и золотоордынских глазурей), подобная тенденция совершенно не прослеживается. Напротив, для исследованных глазурей скорее можно говорить о прямо противоположной тенденции (табл. 3)[29]. В XII–XIII вв. наблюдался паритет между высокосвинцовистыми и низкосвинцовистыми глазурями, тогда как в XIV–XV вв. низкосвинцовистые глазури были вдвое более распространенными, нежели высокосвинцовистые.

И хотя сверхвысокие концентрации оксида свинца в глазурях (в количестве 70% и выше) действительно появились только в XIV–XV вв., а до того известны не были, в целом тенденция развития

[29] Расчеты проведены по данным Приложения 1. Пороговые значения коэффициентов установлены произвольно

Таблица 3

PbO/Si_2O_3	X в.	XII–XIII вв.	XIV–XV вв.
До 1,0	–	–	1
1,0–2,0	–	9	12
>2,0	2	9	7

глазурного производства в Византии и Причерноморье на протяжении XII–XV вв. скорее следовала в направлении понижения нормы оксида свинца в глазурной шихте. Правда, у нас пока очень мало данных о динамике этого процесса в более раннюю эпоху (IX–XI вв.).

К сожалению, представленная выборка невелика по объему и недостаточно репрезентативна для однозначных выводов. Для получения полноценных и действительно объективных результатов потребуется проведение еще нескольких сотен анализов образцов, имеющих твердые стратиграфические даты и широкий круг датированных аналогий, включая майолику и полумайолику, производившуюся в Египте, Сирии, Иране, Средней Азии[30]. Без проведения такой работы дальнейшее изучение восточных глазурей (и керамики) вряд ли сможет претендовать на объективность.

[30] Таковая на территории Руси почти не известна.

Раздел 2

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СВОД НАХОДОК ИМПОРТНОЙ ВОСТОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА РУСИ

1. БЫТОВАЯ ЕМКОСТНАЯ КЕРАМИКА

1.1. ПОСУДНАЯ КЕРАМИКА

ПОЛИВНАЯ (ГЛАЗУРОВАННАЯ) КЕРАМИКА

Фаянсы

Серия 1. Фаянсы без дополнительного декора

Сосуды без дополнительного декора являлись ординарной разновидностью восточной керамики, которая, в силу отсутствия у нее яркой художественной ценности, практически не представлена в музейных собраниях и не описана в специальной литературе. На Руси она встречена только в виде обломков, которые вполне могли относиться к недекорированным участкам стенок сосудов, остальная поверхность которых несла какой-либо декор, а потому нет никакой уверенности в том, что найденные обломки принадлежат именно к недекорированным сосудам. Образцы данной серии представлены на Руси только одной **ГРУППОЙ МОНОХРОМНЫХ ФАЯНСОВ**.

ПОДГРУППА А. БЕЛЫЕ ФАЯНСЫ

Белые фаянсы появились в Иране в XII в. и бытовали на Ближнем и Среднем Востоке в XIII–XV вв. (Islamic Pottery..., 1969. № 74), хотя белая опаковая полива была известна на Востоке (в Египте и Иране) еще с IX–X вв. (*Philon*, 1980. P. 72; *Schnyder*, 1978. Pl. 2, *3, 5*). В Хорезме и золотоордынских городах Поволжья в XIV в. белые фаянсы без дополнительного декора встречаются крайне редко, а их целые формы вообще не известны (*Федоров-Давыдов*, 1958. С. 516; *Вактурская*, 1959. С. 326; *Булатов*, 1968. С. 106. Рис. 3, *2*).

На Руси такие фаянсы известны в двух местах:

1. Москва (Кремль) – часть дна вазы (?)[1], побывавшей в огне, из сероватого мягкого мелкопористого ("пемзоообразного") кашина, найденная в слое XIV в. (*Коваль*, 1997д. С. 107). Полива покрывает черепок с обеих сторон, в том числе кольцевой поддон и нижнюю сторону дна (рис. 10, *1*). Сложная профилировка поддона, характер кашина и глазурование дна с нижней стороны исключают возможность золотоордынского происхождения этого образца и позволяют предполагать его связь с Ираном XIII–XV вв.

2. Нижний Новгород (кремль) – один обломок чаши[2] из рыхлого белого кашина, вероятно, золотоордынского происхождения.

ПОДГРУППА Б. БИРЮЗОВЫЕ ФАЯНСЫ

Бирюзовые фаянсы отличаются от белых только цветом поливы. Они производились на Ближнем и Среднем Востоке (*Watson*, 2005. P. 290), в Хорезме (*Вактурская*, 1959. С. 324, 326), Средней Азии в XII–XIII вв. (*Сайко*, 1982. С. 133) и в золотоордынском Поволжье в XIV в. (*Булатов*, 1968. С. 107). На Русь такая керамика попадала из золотоордынского Поволжья.

***ТИП 1.* ФАЯНСЫ С ДВУСТОРОННЕЙ БИРЮЗОВО-ГОЛУБОЙ ОПАКОВОЙ ПОЛИВОЙ**

Мелкие обломки сосудов с двусторонней бирюзовой поливой известны в пяти городах. Они разделяются на три вида:

***Вид 1*. Изделия из твердого кашина.**

Старая Рязань. Обломок горловины кувшина (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 191, рис. 1А, *27б*)[3].

***Вид 2*. Изделия из мягкого кашина.**

Старая Рязань. Обломок чаши из мелкопористого белого кашина, который при первой публикации

[1] ММК–1959–24661/365. Шифры образцов здесь и далее состоят из аббревиатуры места хранения – года раскопок – номера раскопа (если есть) – музейного номера (либо полевого номера, если в момент осмотра образец хранился не в музее, а в фондах экспедиции или иного учреждения, либо этот номер еще не был ему присвоен).

[2] 2001–пол. № 2754.

[3] ГИМ–1968–7–2605/25.

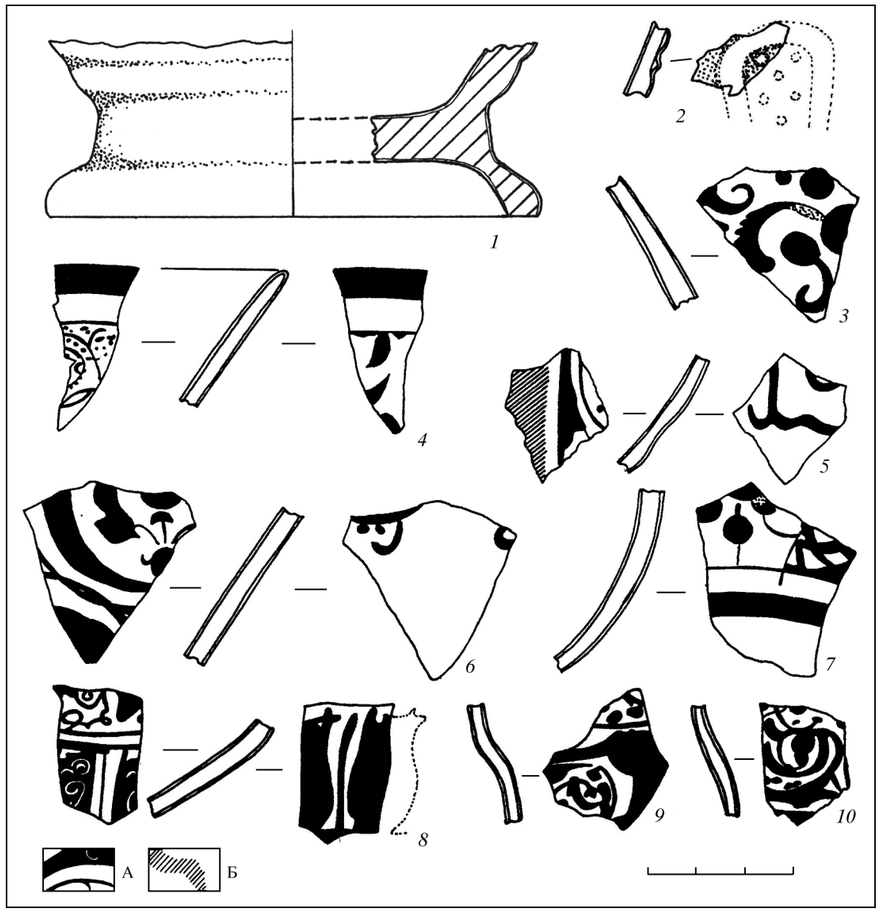

***Рис. 10.* Фаянсы без дополнительного декора (*1*), с подглазурной росписью ангобом (*2*) и с надглазурной люстровой росписью (*3–10*) из Ирана (*1*, *3–10*) и Золотой Орды (*2*)**

А – люстр; Б – синяя подцветка. *1* – Москва; *2* – Нижний Новгород; *3–7* – Старая Рязань; *8* – Великий Новгород; *9*, *10* – Рюриково городище

рассматривался как фрагмент керамики "минаи" (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 190, рис. 1А, *25*)[4]. Теоретически этот мелкий обломок мог относиться к такому типу, но на нем полностью отсутствуют следы какой-либо росписи.

***Вид 3*. Изделия из рыхлого кашина.**

1. Москва – 4 обломка от трех чаш, найденные на территории Кремля (3 экз.)[5] и Китай-города (1 экз.)[6] в слоях XIV–XV вв. (*Коваль*, 1997д. С. 107).

2. Переяславль-Рязанский (современный г. Рязань) – 1 обломок, найденный на территории Кремля[7] в слоях конца XIII–XIV вв. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 122, 135).

3. Коломна – 5 обломков от трех чаш и кувшина[8], найденные в кремле в слоях золотоордынской эпохи (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 286, рис. 2, *1*).

4. Волковыск – крошечный обломок края чаши из раскопок на городище "Замчище" (из переотложенного слоя)[9].

5. Нижний Новгород – 6 обломков от одного сосуда[10].

6. Суздаль – 5 мелких обломков сосудов[11].

[4] ГИМ–1973–14–2605/36.

[5] ММК–1959–24661/352,353; 1994–пол. № 9.

[6] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка).

[7] РГИАМЗ–1988–б/№.

[8] ККМ–1995–пол. № 217, 323; 1999–пол. № 895 (ул. Лазарева); 2001–пол. № 271 (ул. Лазарева, 19); 2003–пол. № 1001.

[9] НМИКБ–1965–№ 31812/438.

[10] 2001-Пол. № 300, 379, 777, 694, 2822, 1894.

[11] ВСГМЗ–1983–11–пол. № 27, 30, 31, 61, 401.

ТИП 2. СОСУДЫ, ПОКРЫТЫЕ ИЗНУТРИ ПРОЗРАЧНОЙ, А СНАРУЖИ – НЕПРОЗРАЧНОЙ ПОЛИВОЙ БИРЮЗОВОГО ЦВЕТА

Два мелких обломка сосудов закрытого типа из белого рыхлого кашина известны в Москве – в Кремле (*Панова*, 1986. С. 226–227) и Китай-городе[12] (*Коваль*, 1997д. С. 107), в слоях золотоордынского времени.

Использование при производстве бирюзовых фаянсов рыхлого кашина и невысокое качество глазури позволяет предполагать их датировку не ранее XIV в. и происхождение всех сосудов данной подгруппы из золотоордынского Поволжья.

ПОДГРУППА В. ЗЕЛЕНЫЕ ФАЯНСЫ

Фаянсы, покрытые зеленой поливой, представлены на Руси единственным типом керамики, изготавливавшейся из белого рыхлого кашина, покрытой светло-зеленой поливой и представлявшей собой имитацию китайских селадонов. Подобные имитации, условно называемые “псевдоселадонами”, делались в XII–XV вв. в Египте (*Scanlon*, 1970. P. 88–90. Pl. XV, XVI), в XIII–XVII вв. в Иране и Средней Азии (*Pope, Ackerman*, 1965. Pl. 769A; *Вактурская*, 1959. С. 324; *Watson*, 2005. P. 464, 465), а во второй половине XIV в. и в золотоордынских городах Поволжья (*Булатов*, 1968. С. 108; *Федоров-Давыдов, Булатов*, 1989. С. 199), откуда они попадали на Русь. Наряду с неорнаментированными сосудами известны изделия с рельефной моделировкой тулова и с подглазурной гравировкой, но они на Руси пока не найдены.

Находки псевдоселадонов на Руси известны в трех местах:

1. Владимир-на-Клязьме – 5 мелких обломков чаш (из раскопок 1993 г.).

2. Нижний Новгород – 11 обломков от двух ваз из раскопок в Кремле[13].

3. Коломна – 1 обломок чаши[14] из красного кашина, характерного для керамики Селитренного городища.

По всем своим характеристикам найденные образцы идентичны псевдоселадонам поволжского производства. Предполагать их импорт из более отдаленных районов нет никаких оснований. Заметим, что редкие образцы псевдоселадонов, находимые в окраинных центрах Золотой Орды, также относят к поволжскому производству (*Абызова и др.*, 1981. С. 78).

Серия 2. Фаянсы с надглазурным декором

ГРУППА 1. ЛЮСТРОВЫЕ ФАЯНСЫ

Люстровые фаянсы или “фаянсы с росписью люстром”, имитировавшие золотую, серебряную и стеклянную парадную посуду, также представляли собой предметы роскоши, ценность которых была несоизмерима со всей остальной керамикой (хотя и существенно ниже изделий из драгоценных металлов, что и обеспечивало ей широкий рынок сбыта). Люстровой керамике предшествовали и сопутствовали стеклянные сосуды с люстровой росписью, изготавливавшиеся в Египте с VIII в. (*Caiger-Smith*, 1985. P. 26).

После падения шиитской династии Фатимидов в Египте производство люстровой керамики там прекращается (сохраняясь только в Сирии, вошедшей в состав Айюбидского Египта), переместившись в шиитский Иран. В конце XII–XIX вв. люстровые фаянсы изготавливались только в Иране (хотя в это время в других странах существовали и иные разновидности люстровой керамики). Предположения о производстве люстровых фаянсов в Средней Азии, Византии (*Пугаченкова*, 1960. С. 84–86; *Сайко*, 1969. С. 55) и в Хазарии (*Шелковников*, 1959а. С. 305) не могут рассматриваться всерьез, поскольку опираются только на сами находки люстровых изделий, которые широко экспортировались из Ирана в соседние страны.

Люстром называется сложный красочный состав, наносимый на поверхность глазури после первого обжига керамического изделия и закрепляемый на ней в процессе второго, низкотемпературного (600–700 °С), обжига, осуществлявшегося в восстановительном режиме, т.е. без доступа воздуха. При этом из окислов и сульфидов меди и серебра, содержавшихся в “сыром” люстре (т.е. том составе, который наносился на глазурь) происходило восстановление чистых металлов, образовывавших на поверхности глазури тончайшую, иногда толщиной лишь в одну молекулу, пленку. Преломление и отражение световых лучей в этой пленке создавало своеобразный блеск (отсюда, собственно, и появилось название люстр – “Lustre”), для которого в литературе можно встретить и иные наименования: “металлический отблеск” (фр. “reflectos metallicos”) или “золотистость” (исп. “dorado”). В зависимости от пропорций смешанных в “сыром” люстре компонентов, его цвет мог варьировать от серебристого к горчично-желтому и до медно-красного или коричневого. Таким образом достигалась полихромия люстра. Отклонения от режима обжига вызывали исчезновение блеска, неравномерность окраски, бледность или яркость цвета (*Watson*, 1985. P. 34–35; *Caiger-Smith*, 1985).

Под действием неблагоприятной внешней среды (воздействие огня, химических соединений) и в результате длительного использования сосудов в быту люстр может стираться или утрачивать свой блеск, но в этом случае он почти всегда оставляет на поверхности поливы след в видимых контурах. От иризации поливы, также обладающей радужным блеском, люстр отличается тем, что область блеска у него всегда точно совпадает с границами рисунка. Более того, люстр защищает поливу от иризации. Как отмечалось выше, люстр не является поливой – это особый красочный состав, использовавшийся для создания живописного рисунка. Этим он отличается от свинцовых полив, обладающих иногда тусклым металлическим блеском на части поверхности сосуда (например, у полив некоторых образцов средневековой русской керамики), вызванным выпадением на их поверхности свинца в результате вторичного восстановительного обжига.

Все люстровые фаянсы относятся к разряду *монохромных* люстров. При этом оттенки цвета люстра на одном и том же рисунке или на внутренней и внешней поверхностях одного и того же сосуда могут различаться вследствие неравномерности обжига изделия. Критерием отличия полихромных люстров от монохромных является использование в одном рисунке различных цветов люстра для изображения разных частей самого этого рисунка (т.е. применение палитры люстровых составов). Надо специально подчеркнуть, что на фаянсах полихромный люстр не применялся: его использование относится к более ранней эпохе изготовления майоликовых сосудов в Египте и Месопотамии (IX–X вв.).

ПОДГРУППА А. ФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ ЛЮСТРОМ ПО МОЛОЧНО-БЕЛОЙ ПОЛИВЕ

ТИП 1. ФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ ЛЮСТРОМ БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОДЦВЕТКИ

Фаянсы этого типа облицовывались молочно-белой (сильно заглушенной оловом) щелочно-свинцовой поливой с крупным цеком. Люстр имеет обычно золотистый оттенок желтого или коричневого цвета, реже – медно-красного цвета. Все образцы люстровых фаянсов этого типа находят прямые аналогии в иранских изделиях второй половины XII – начала XIII в. Ранее предполагалась множественность центров производства этой керамики (Рей, Кашан, Саве, Гурган), однако только в Кашане найдены несомненные следы ее производства (керамический брак), тогда как в других имеются только многочисленные находки фаянсов, идентичных кашанским (*Watson*, 1985. P. 37–44). Случались и просто недоразумения: М. Бахроми под видом “брака” люстровой керамики из Гургана опубликовал, например, брак полуфаянса с бирюзовой глазурью и гравированным орнаментом (*Bahrami*, 1949. Pl. 8). Сообщения об открытии производящего центра люстровой керамики в Мерве (*Пугаченкова*, 1960. С. 84–86) также оказались недостоверны – здесь были найдены только обгоревшие в пожаре обломки люстровых сосудов. Фотографии находок (*Пугаченкова*, 1960. Рис. 1) бракованных изделий не включают. Таким образом, на протяжении второй половины XII–XIV вв. на Среднем Востоке существовал, по-видимому, только один центр производства люстровых фаянсов, и этот центр находился в иранском городе Кашан (*Watson*, 1985. P. 44; *Caiger-Smith*, 1985. P. 59). Отсюда следует, что называть такие фаянсы (или один из стилей люстровой росписи) “рейскими”, как это делалось прежде (по массовым находкам такой керамике в Рее, столице государства Сельджуков), сегодня уже недопустимо.

Внутри типа 1 выделяются два вида:

***Вид 1.* Люстровые фаянсы из твердого кашина**.

Он включает два хронологически отличных варианта:

Вариант 1. Люстровые фаянсы домонгольской эпохи.

Для классических иранских люстровых фаянсов домонгольской эпохи (последней трети XII – первой четверти XIII в.) современные искусствоведы выделяют три стиля росписи – “монументальный”, “миниатюрный” и “кашанский” (*Watson*, 1985). Первый из них характеризуется рисунками крупного масштаба, выполненным обычно “в резерве” (фон закрашен люстром, а само изображение оставлено белым). Детали выписывались люстром позитивно (*Watson*, 2005. Cat. O.1, O.3). Для орнаментики характерны крупные пальметты, циркульные мотивы, псевдокуфические надписи (цв. ил. 2, *1–3*) (*Watson*, 2005. Cat. O.9). Люстры этого стиля датируют последней третью XII в.

“Миниатюрный” стиль отличается от “монументального” использованием в основном позитивной росписи (“резерв” применялся только для изображения второстепенных деталей) и более мелкими размерами рисунков (фигур людей, растительных побегов) (*Watson*, 2005. Cat. O.10, O.11, O.12). Особенностью стиля является беглость росписи (некоторая искаженность, недовыписанность деталей) (цв. ил. 3, *5–10*). Истоком этого стиля считают средневековую персидскую миниатюру, откуда и произошло его название. Изделия, выполненные в этом стиле датируются последней четвертью XII – началом XIII в.

Наконец, “кашанский” стиль характеризуется возвратом к использованию приема резервирования изображений, подцветкой рисунка полосами кобальта, нанесенного по сырой глазури, и гравированными по люстру надписями почерком “насх”. Тонкая гравировка сухим калемом (палочкой для письма) по “сырому” люстру (*Pope, Ackerman*, 1965. Fig. 708–720; *Watson*, 1985. P. 88, fig. 93; 2005. Cat. O.14, O.19) выполнялась обычно на фоновых панелях, закрашенных люстром, и почти никогда – на самих рисунках (т.е. листьях растительного орнамента, фигурах животных и людей) (цв. ил. 2, *4*). Поскольку “кашанский” стиль развился несколько позже миниатюрного, подобные изделия датируют первыми двумя десятилетиями XIII в. (*Watson*, 1985. P. 109; 2005. P. 347).

---

[12] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка).

[13] 2001-пол. № 565, 586, 2752 (склеены), 299, 583, 587, 2755, 2062, 2364, 1836, 1929.

[14] ККМ–2001–пол. № 292 (ул. Лазарева, 19).

Разделить обломки люстровых изделий по стилям можно не всегда, хотя в большинстве случаев такая атрибуция все же допустима. Всего на территории Древней Руси известны 72 обломка иранских фаянсов домонгольской эпохи, происходящие из девяти пунктов:

1. Великий Новгород. Обломок чаши с росписью золотым люстром и гравировкой по нему (цв. ил. 5, *1*; рис. 10, *8*), найденный на Ильинском раскопе в слое середины XIII в.[15] (*Колчин, Черных*, 1978. С. 114) принадлежал к числу изделий “кашанского” стиля. Близкую аналогию ему составляет чаша с надписью 1218 г. из собрания музея Виктории и Альберта в Лондоне (*Watson*, 1985. Fig. 87). Вероятно, найденный обломок принадлежал чаше, попавшей в Новгород еще до монгольского нашествия и разбитой приблизительно в 1240-х годах.

2. Рюриково (Новгородское) городище – 5 обломков от двух или трех однотипных кувшинов, отличавшихся рельефной моделировкой стенок выпуклыми “ложками” и облицовкой внутренней поверхности прозрачной глазурью, подцвеченной кобальтом (цв. ил. 5, *2*; рис. 10, *9, 10*). Вероятно, все они принадлежали к изделиям “монументального” стиля. Три обломка[16] от одного кувшина были найдены в закрытом комплексе – большой постройке второй половины XII – первой половины XIII в., в которой было найдено также более 1400 обломков амфор и 60 обломков стеклянной посуды (включая сирийскую и византийскую) (*Носов и др*., 2005. С. 36–39, табл. V, *25, 26*), четвертый (от того же кувшина?) найден в переотложенном слое[17], а пятый был случайной находкой[18].

3. Тверь – 9 обломков от двух кувшинов (или ваз) и двух чаш из раскопок в Кремле были найдены в слоях конца XIII – XIV в., т.е. в переотложенном состоянии. Один из них принадлежал кувшину с облицовкой внутренней поверхности бесцветной прозрачной глазурью и желтой люстровой росписью по молочно-белой поливе на внешней стороне (*Коваль*, 1996в. Рис. 1, *8*)[19], с росписью в “миниатюрном” стиле (цв. ил. 5, *3*). Четыре обломка относились к сосуду с росписью в “монументальном” стиле, внутренняя поверхность которого была покрыта светло-синей прозрачной глазурью[20] (рис. 11, *4, 6*). Три мелких обломка принадлежали чаше или блюду [21] (цв. ил. 5, *9, 10*).

4. Владимир – 6 обломков кувшина со сценой звериного гона (цв. ил. 3, *4*) принадлежали изделию, расписанному в “кашанском” стиле.

5. Старая Рязань – 18 обломков, принадлежавших шести кувшинам и двум чашам. Шесть обломков (цв. ил. 3, *9, 10*; 4, *4*; рис. 10, *4, 6*) принадлежали, вероятно, одной чаше (*Даркевич, Стародуб*, 1983. Рис. 1А, *4, 9, 10, 15,* 1Б, *16, 18*)[22] характерного для иранских изделий усеченно-конического профиля, изготовленной из розоватого кашина. От второй чаши сохранился один обломок, найденный на старорязанском Подоле[23].

Кувшины относились к трем различным разновидностям:

а) с рельефной моделировкой тулова вертикальными или октагональными выпуклостями-“ложками” (достигавшимися отливкой сосуда в форме-”калыпе”), покрытые изнутри прозрачной бесцветной глазурью. Подобные кувшины, расписанные, как правило, в монументальном стиле, были широко распространены на Среднем Востоке (*Шелковников*, 1959б, табл. X, *2*; *Кафадарян*, 1982. Рис. 4; *Watso*n, 1985, Fig. 33, Pl. ”A”). Встречены обломки двух таких кувшинов, найденных на разных участках городища (*Даркевич, Стародуб*, 1983. Рис. 1А, *2, 6 и 7, 8*)[24] (цв. ил. 3, *5–7*; 5, *6–8*);

б) без рельефной моделировки тулова, с бесцветной глазурью на внутренней поверхности – представлены одним обломком придонной части сосуда (цв. ил. 4, *3*) (*Даркевич, Стародуб*, 1983, рис. 1А, *5*)[25];

в без рельефной моделировки тулова, покрытые изнутри прозрачной глазурью с неравномерной подцветкой бледно-синим кобальтом. Подобная подцветка была распространена именно у иранских люстровых кувшинов (*Watson*, 1985. P. 69). Пять обломков принадлежали трем разным кувшинам этой разновидности, найденным на разных участках городища (на раскопах 13, 14 и 22) (*Даркевич, Стародуб*, 1983. Рис. 1А, *3 и 11; 1 и 13; 14*)[26] (цв. ил. 4, *6–9*; рис. 10, *3*).

6. Переяславль-Рязанский – единственный и к тому же очень мелкий обломок сосуда, найденный в Рязанском кремле, нес роспись зеленовато-коричневым люстром и происходил из заполнения ямы первой половины XIII в. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 122, 135, рис. 2, *1*)[27].

7. Смоленск – 1 обломок кувшина (?) с арабской надписью (*Авдусин*, 1957. Рис. 11)[28], происходивший из слоя XII–XIII вв. (цв. ил. 4, *2*), принадлежал к изделиям “монументального” стиля.

8. Новогрудок – 1 целая чаша и 19 обломков сосудов. Единственная на Руси целая фаянсовая чаша

[15] НГОМЗ–1963–А137/344.
[16] НГОМЗ–1985–41486 А181/86,87; 1986–А165/110.
[17] ИИМК–1987–пол. № 142.
[18] НГОМЗ–б/г–21142/942 НВ.
[19] ТГОМ–1984–17655/301.
[20] ТГОМ–1994–11–396; 1996–11–449, 1298, 824.
[21] ТГОМ–1994–11–381; 1995–11–569; 1996–11–549.
[22] ГИМ–1971–13–2605/9,10,13,14; 1972–13–2605/4,8. Все они были найдены в разные годы на площади раскопа 13, однако лишь один из них происходил из комплекса постройки, а остальные – из переотложенных слоев.
[23] РГИАМЗ–1997–27–пол. № 20.
[24] ГИМ–1975–13–2605/1, 6; 17–2605/6а; 1974–17–2605/11.
[25] ГИМ–1976–2605/5.
[26] ГИМ–1970–13–2605/3 и 1972–13–2605/12; 1971–14–2605/16 и 1972–14–2605/2; 1977–22(?)–2605/7.
[27] РГИАМЗ–1988–2906 А807/666 НВ.
[28] СРОМЗ–1951–9826/1671.

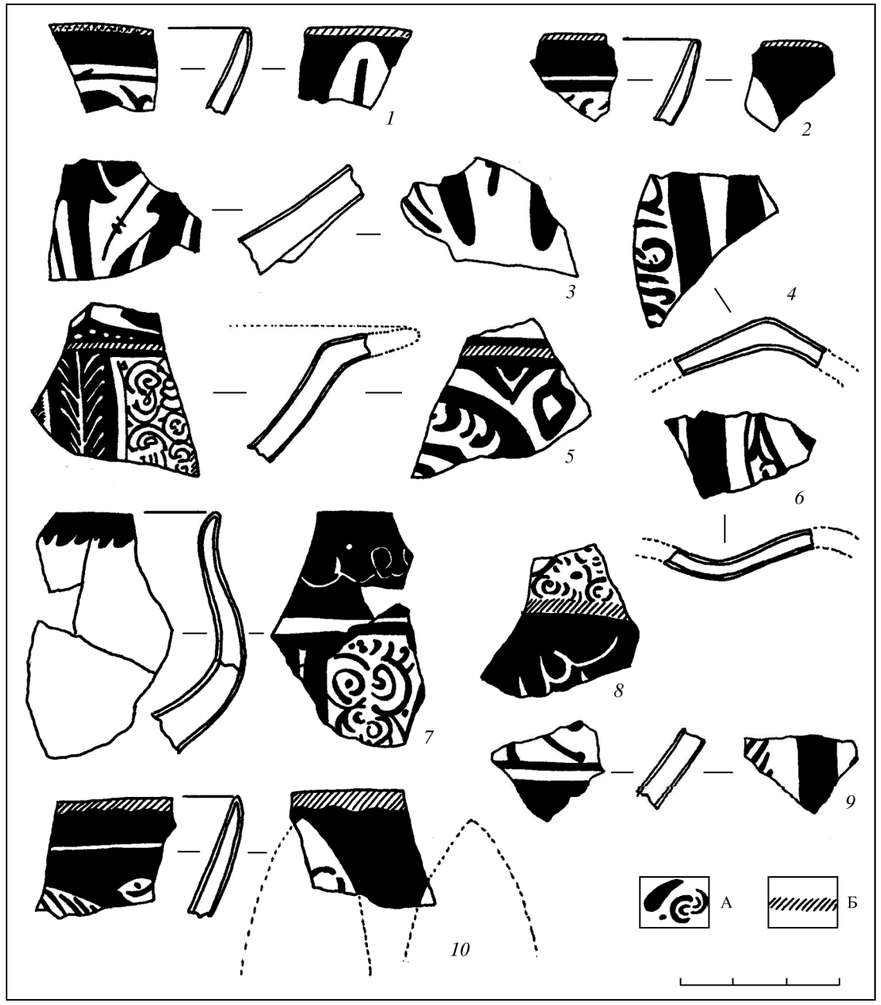

Рис. 11. **Иранские люстровые фаянсы домонгольской (*4*, *6*, *8*) и ильханской (*1–3*, *5*, *7*, *9*, *10*) эпох**
А – люстр; Б синяя подцветка. *1–4*, *6–8*, *10* – Тверь; *5* – Великий Новгород; *9* – Нижний Новгород

с люстровой росписью происходила из раскопок в детинце Новогрудка. Она была украшена росписью в “монументальном” стиле и фестончатой моделировкой тулова (цв. ил. 3, *1*), Прямая аналогия этой чаше известна среди достоверно иранских изделий (цв. ил. 3, *2*). К сожалению, чаша была похищена из фондов экспедиции и сохранилось лишь одно ее цветное изображение (*Высоцкая*; 1984. I л. 100; *Лавыш*, 2008. Рис. 48).

К “монументальному” и “миниатюрному” стилям относились 17 обломков от не менее чем шести чаш[29] полусферического (цв. ил. 4, *1*) и усеченно-конического профиля, найденных при раскопках усадеб богатых горожан в окольном городе Новогрудка (*Гуревич*, 1968. Табл. 1, *5, 6*; 1981. Рис. 29, *1, 4, 5*; 53, *10, 13–17*; 66, *25, 26*)[30]. Большая часть находок происходила из построек 7 и 16, датированных второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв. (*Гуревич*, 1981. С. 117–118). Вместе с тем, значительное количество обломков было найдено в постройках 12 и 19, отнесенных к первой половине XII в. исключительно по стратиграфическим признакам (они принадлежали к числу часто перестраивавшихся жилых домов). Но интервалы между такими перестройками могли быть различными, в том числе и очень короткими, следовательно, датировка

[29] НИКМ–№ НВ-5312 (12 обломков).
[30] Место хранения не известно.

этих построек может быть существенно омоложена, поскольку иранские люстровые фаянсы стали производиться не ранее последней трети XII в.

Обломок чаши с гравированной по люстру арабской надписью, относившейся к “кашанскому” стилю росписи, был найден в постройке 10, датированной в интервале от второй половины XII в. до рубежа XII–XIII вв. Причем надпись была ошибочно названа выполненной белой краской, никогда в декоре люстровых фаянсов не применявшейся (*Гуревич*, 1968. Табл. 1, *3*; 1981. С. 74, рис. 59, *24,* 53). Гравированные по люстру надписи были типичным элементом в керамике “кашанского” стиля (*Watson*, 1985. Fig. 69–71, 75, 78, 81–82).

К изделиям “кашанского” стиля в Новогрудке можно предположительно отнести и обломок придонной части кувшина с рельефной моделировкой тулова вертикальным гофрированием (*Гуревич*, 1968. Табл. 1, *1*), в росписи которого имелись элементы гравировки по люстру[31].

9. Волковыск. 11 обломков от двух или трех разных кувшинов[32] были найдены на городище “Шведская гора” в переотложенном культурном слое (*Лавыш*, 2008. Рис. 49–52). Имеются части кувшина с рельефной моделировкой тулова выпуклыми “ложками” и покрытием внутренней поверхности прозрачной глазурью, подцвеченной кобальтом, другой кувшин был покрыт изнутри бесцветной глазурью. Один из обломков несет на себе характерный мотив “миниатюрного” стиля росписи – изображение дерева с “шахматной” стилизацией листвы (*Лавыш*, 2008. Рис. 49).

В а р и а н т 2. Люстровые фаянсы “ильханской”[33] эпохи.

После монгольского нашествия и создания в Иране державы ильханов производство люстровых фаянсов не прекратилось, но подверглось ряду существенных изменений как в технологии производства, так и в стилистике росписи. В частности, резко сокращается число изделий из твердого кашина и получают распространение менее качественные разновидности этого материала – мягкий и рыхлый кашин (см. раздел 1). Рисунок изделий несколько огрубляется, упрощается, хотя в целом он наследует традициям “кашанского” стиля росписи предмонгольской эпохи (*Watson*, 2005. Cat. Q.1, Q.2), что свидетельствует о непрерывном производстве этой керамики.

***Вид 1*. Изделия из твердого кашина.**

В Тверском Кремле найдены 5 обломков[34] от толстостенной чаши редкой профилировки, облицованной с обеих сторон молочно-белой поливой (цв. ил. 5, *11*; рис. 11, *7*). Люстр на четырех фрагментах отличался зеленовато-коричневым (горчичным) оттенком и отсутствием блеска, лишь на одном мелком обломке он сохранился в первоначальном виде – золотисто-коричневый с тончайшей красноватой каймой. Декор этой чаши отличался тем, что покрывал только ее внешнюю поверхность (форма и размеры чаши не позволяли нанести роспись на ее внутреннюю поверхность, однако такая роспись несомненно существовала на несохранившемся дне чаши), и включал широкий пояс с гравированной по “сырому” люстру арабской надписью почерком “насх”. Несмотря на то, что чаша была изготовлена из твердого кашина, некоторые ее признаки указывают на принадлежность к более поздней “ильханской” эпохе. Прежде всего это толстостенность и тяжеловесность изделия. Гравированные по “сырому” люстру надписи появились уже на “кашанских” люстрах “классической” эпохи, однако они широко использовались и в “ильханский” период (*Watson*, 1985. Fig. 90, 93). Свойственны последнему и мотивы завитков, выполненных полукруглыми скобковидными линиями (*Watson*, 1985. Fig. 91; 2005. Cat. Q.1). Наконец, профилировка и декор чаши находят прямую аналогию среди тех же “ильханских” люстров (*Watson*, 1985. Fig. 91).

***Вид 2*. Изделия из мягкого кашина.**

Второй вид иранских люстровых фаянсов встречается на Руси значительно реже первого.

В а р и а н т 1. Люстровые фаянсы домонгольской эпохи.

Известны 4 находки подобных фаянсов, происходящие из слоев XII–XIII вв. в трех городах:

1. Владимир – 2 обломка кувшина, покрытого снаружи молочно-белой поливой, а изнутри – прозрачной бесцветной глазурью, подцвеченной брызгами синей краски[35].

2. Старая Рязань – 1 обломок чаши из пористого желтовато-розоватого кашина, отличавшейся к тому же своей полупрозрачной поливой (*Даркевич, Стародуб*, 1983. Рис. 1Б, *17*)[36].

3. Ярославль – обломок кувшина[37] из желто-розового кашина, покрытого снаружи молочно-белой, а изнутри – бесцветной прозрачной поливой, с росписью винно-красным люстром и гравировкой по “сырому” люстру (*Коваль*, 1996а. Рис. 1, *1*; *Праздников*, 1996а. С. 116).

В а р и а н т 2. Люстровые фаянсы ильханской эпохи.

Керамика этого варианта по декору идентична ильханским люстрам из твердого кашина и широко известна на Востоке (*Самашев и др.*, 2008. С. 226, 227).

[31] ГЭ–1960–пол. № 2594.

[32] НМИКБ–1966–31812/341, 586; Волковыский военно-исторический музей–КП 2429/14663; 2521/8584,8586; 2842/245,7833; 2964/3221.

[33] Исторически “ильханский” (“Il-Khanid”) период в охватывает 1256–1353 гг., когда Иран находился под властью монголов, государство которых возглавлялось чингизидами (потомками Хулагу), носившими титул ильханов.

[34] ТГОМ–1996–11–107, 461, 582, 583, 610.

[35] ВСГМЗ–1993 (раскопки М.В. Седовой и Т.Ф. Мухиной).

[36] ГИМ–1967–7–2605/9а.

[37] Ярославский музей–1993.

1. Нижний Новгород – 5 обломков от четырех чаш (рис. 11, *9*) и одного кувшина. Две чаши[38] и кувшин[39] были покрыты непрозрачной молочно-белой поливой, характерной для изделий домонгольской эпохи (у кувшина на внутренней поверхности была полупрозрачная глазурь), однако мотивы росписи (стилизованные лепестки лотоса на внешней поверхности) типичны именно для ильханских люстров.

Еще 2 обломка чаш[40] были облицованы полупрозрачной поливой с синеватыми точками, особенно характерной для ильханских люстров. Присуща поздним люстровым изделиям и трактовка лепестков лотоса в виде резервированных фигур на внешней стороне чаш.

2. Тверь – 5 мелких обломков чаш (*Коваль*, 1996а. С. 238. Рис. 1, *6*) из белого или розоватого кашина, покрытых полупрозрачной поливой и росписью оливковым или желто-коричневым люстром с красноватыми контурами (цв. ил. 5, *4*; рис. 11, *3, 8*; 12, *1, 2*)[41].

3. Ростов – обломок стенки чаши или блюда (*Самойлович*, 1991. С. 72–73) (цв. ил. 7, *5*).

4. Белоозеро – стенка чаши[42] (*Захаров*, 2004. Рис. 349, *1*).

ТИП 2. ФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ ЛЮСТРОМ И ВНУТРИГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ СИНЕЙ КРАСКОЙ

Изделия этого типа характеризуются дополнительной росписью полосами синей краски (кобальтом – обычно проводилось лишь несколько линий для выделения отдельных секторов в декоре сосудов). В составе этого типа известны изделия домонгольской эпохи как из твердого, так и из мягкого кашина, относившиеся к “монументальному” и “кашанскому” стилям росписи (*Watson*, 1985. Fig. 71. Pl. “G”; 2005. P. 348–349, 356–359). На Руси подобная керамика найдена в четырех городах:

1. Новогрудок – 6 обломков от двух чаш были найдены в постройках 5 и 7 окольного города[43], датированных второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв. (*Гуревич*, 1968. Рис. 1, *4, 5*; 1981. С. 57, 67. Рис. 48, *1, 2*, 53, *2, 5*), на одном из них видна часть человеческого лица (?). Относительно датировок новогрудских комплексов выше уже говорилось, что они представляются несколько более поздними, чем даты, предлагавшиеся автором раскопок: в данном случае речь может идти о первой четверти XIII в., когда появился кашанский стиль росписи.

[38] 2001-пол. № 533, 2660.

[39] 2001-пол. № 1281.

[40] 2001-пол. № 595; 1468.

[41] ТГОМ–1984–Кремль–17655/289, 294; 1989–Затьмацкий посад–пол. № 83, 280; 1991–Кремль–пол. № 272.

[42] Белозерский музей–1995–пол. № 1718.

[43] Место хранения пяти образцов не известно; один беспаспортный обломок хранится в фондах Русского отдела ГЭ.

2. Тверь – 2 обломка от одной чаши из раскопок в кремле[44] (рис. 11, *1, 2*).

3. Старая Рязань – 1 обломок чаши из твердого белого кашина (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 190, рис. 1Б, *23*)[45], имеющий аналогии среди фаянсов “кашанского” стиля (*Watson*, 1985. Fig. 71; pl. “G”; 2005. Cat. O.15 – O.17) и редких изделий, изготовленных с сочетанием техник “минаи” (см. ниже) и люстровой росписи, датирующихся концом XII – началом XIII в. (*Watson,* 1985. P. 36, 85, fig. 56, 57). Мнение первых публикторов находки, связывавших ее с люстрами конца XIII–XIV вв. (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 190), кажется не бесспорным, поскольку для изделий этой эпохи твердый кашин уже не характерен. К сожалению, точное место находки этого образца не может быть установлено из-за некачественной полевой документации (*Коваль,* 2005г. С. 512–514). Если исходить из данных, приведенных в публикации, она происходила из комплекса домонгольской эпохи, в котором были найдены обломки амфор и стеклянная вставка от перстня с резным изображением охотника, датирующаяся не позднее середины XIII в. (*Даркевич*, 1977. С. 56, рис. 61; *Чернецов*, 1981.С. 546, 550; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 203, 204).

4. Чернигов – 3 обломка от одного кувшина[46] (цв. ил. 5, *12, 13*) с белой полупрозрачной глазурью на внутренней поверхности и орнаментикой, свойственной изделиям “кашанского” стиля.

ТИП 3. ФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ ЛЮСТРОМ И ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ СИНЕЙ И БИРЮЗОВОЙ КРАСКАМИ

Фаянсы этого типа изготавливались из рыхлого розоватого (реже – белого) кашина, облицованного полупрозрачной мутно-белой (слабо заглушенной) поливой с крупным цеком. По химическому составу это была щелочно-свинцовая полива с невысоким содержанием окиси олова – от 2 до 3% (Прил. 1. № 4–9). Люстровая краска отличалась низким качеством (имела зеленый оттенок, очень слабый блеск, обычно со временем полностью исчезающий). Подцветка синей (окись кобальта) и бирюзовой (окись меди) красками наносилась до глазурования, в результате она выглядит мутной под полупрозрачной поливой и не имеет четких контуров. В ряде случаев декор изделия ограничивался использованием одной синей краски, а иногда на обломочном материале можно видеть только синюю или только бирюзовую краски, хотя на целых изделиях они присутствовали совместно. Такая подцветка применялась для разделения поля чаши на сектора, кроме того, синяя полоса обязательно проводилась по краю чаш (цв. ил. 6, *1, 3*; 7, *7*; рис. 11, *1, 2, 10*). Фаянсы описываемого

[44] ТГОМ–1995–11–176, 297.

[45] ГИМ–1977–22–2606/23.

[46] 1998 (ул. Кирпоноса,7)–пол. № 86, 146, 164.

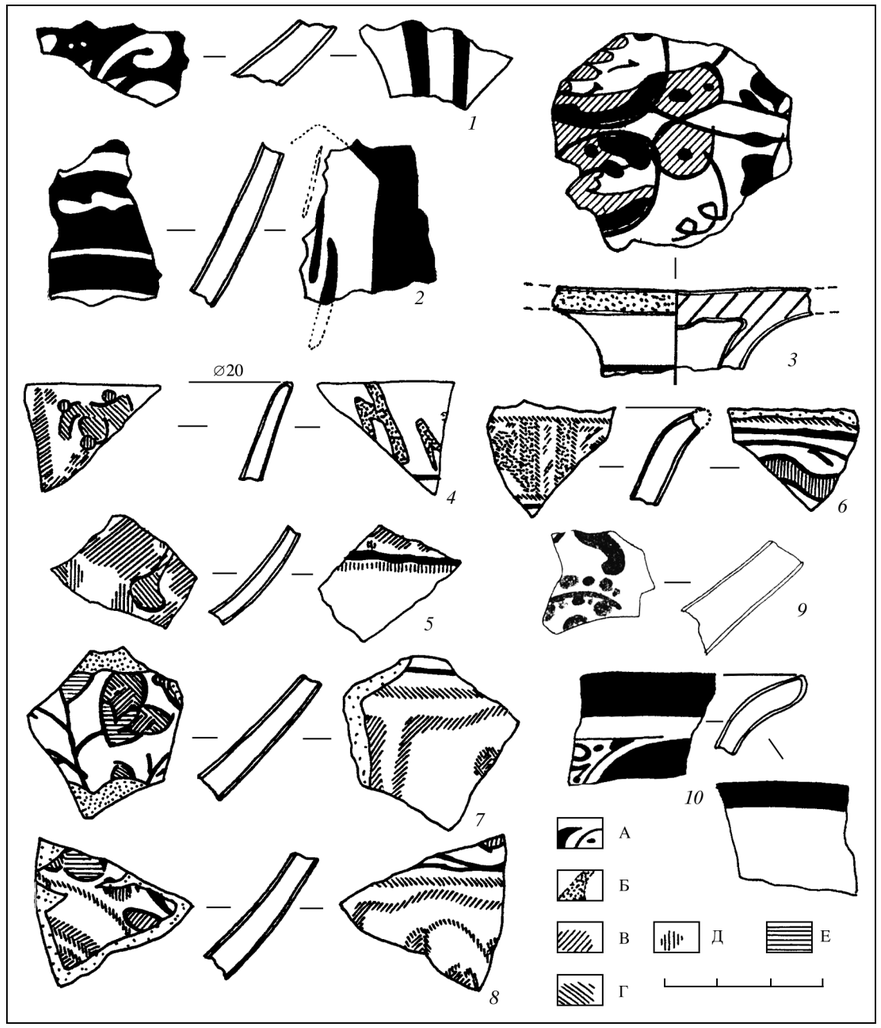

Рис. 12. **Иранские люстровые фаянсы домонгольской (*10*) и ильханской (*1*, *2*) эпох, фаянс с внутриглазурной синей росписью (*3*), фаянсы “минаи” (*4–9*)**

А – люстр (*1*, *2*, *10*), темно-синяя краска (*3*), черная краска (*4–8*); Б – коричнево-красная краска (*4*) и золото (*6*); В – синяя краска; Г – красная краска; Д – бирюзовая краска; Е – желтай краска. *1*, *2* – Тверь; *3* – Москва; *4*, *5*, *10* – Старая Рязань; *6–8* – Великий Новгород; *9* – Чернигов

здесь облика составляют наиболее распространенный вариант “ильханских” люстров (*Watson*, 1985. P. 110–111; Oriental Islamic Art, 1963. № 26; *Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 772–775; *Atil*, 1973a. № 73, 74; Le Mille..., 1990. № 49). Аналогичная керамика известна в это же время и в Сирии (*Riis and Poulsen*, 1957. Fig. 475–479; *Atil*, 1973a. № 63–67), вероятно, как импорт из Ирана. Иранские импортные образцы этой керамики известны также в золотоордынских городах Поволжья (*Булатов*, 1968. С. 106; *Коваль*, 1995в. Рис. 1, *6*).

“Ильханские” люстровые фаянсы данного типа найдены на Руси только в комплексах золотоордынского времени:

1. Великий Новгород – 2 обломка от одной чаши (цв. ил. 5, *14*; рис. 11, *5*)[47] найдены на Троицком раскопе в слое середины XIV в. Орнаментика этой чаши находит прямые аналогии среди “ильханских” люстров (*Watson*, 1985. Fig. 88–90; 2005. Cat. Q.1).

[47] НГОМЗ–1988–А112/325.

2. Тверь – 4 обломка чаш (цв. ил. 7, *7*; рис. 11, *10*) найдены в кремле[48] и на Затьмацком посаде[49] (*Коваль*, 1996а.С. 238, рис. 1, *2*).

3. Владимир – 11 обломков чаш данного типа[50] (цв. ил. 7, *1–4, 8, 9*).

4. Ростиславль Рязанский – развал чаши[51] в комплексе второй половины XIII – начала XIV в. (*Коваль*, 1998в. Рис. 1) (цв. ил. 6. *1–3*). В сечении чаша полусферическая (диаметр 19,5 см, высота – 9,5 см, диаметр кольцевого поддона – 7,5 см). Внутренняя поверхность чаши разделена на восемь равных секторов чередующимися полосами ультрамаринового и бирюзового цвета, исходящими из центра дна, кроме того, ультрамариновая полоса проведена по краю чаши. Сектора заполнены росписью коричневато-желтым люстром. В них чередуются резервированные изображения лани и надписи, выполненные на персидском языке арабскими буквами (определение Г.А. Федорова-Давыдова). Таким образом, на чаше имелось 4 изображения лани и 4 сектора с надписями, причем текст их различался. Внешняя поверхность расписана только люстром: узкие вертикальные лепестки лотоса заполнены здесь поочередно полосами косых штрихов и одинаковыми надписями, выполненными почерком насх. В качестве полных стилистических аналогий можно указать чаши из коллекции Музея Виктории и Альберта в Лондоне (*Watson*, 1986. P. 110, 111. Pl. 88. Col. Pl. “H”) (цв. ил. 6, *4*) и собрания Художественной галереи Фрира в Вашингтоне (*Atil*, 1973. P. 161; pl. 73). Последняя несет на внешней поверхности точно такие же надписи. Вместе с тем, чаша из Ростиславля имеет и свои индивидуальные отличия: на ее внутренней поверхности выполнены не стилизованные куфические арабские благопожелательные надписи “аль-юмн” (как на сосудах, приведенных в качестве аналогий), а настоящие персидские тексты, прочтение которых возможно, хотя и затруднено отсутствием диакритических точек. Стилистика изображения лани типична для люстровых фаянсов ильханской эпохи: рисунок выполнен “в резерве” и при этом заполнен мелкими точками (*Lane*, 1958. Pl. 65; *Watson*, 1986. Pl. 92, 93, 110, 119). Изображение лани на этой чаше отличается пушистым хвостом, из-за которого задняя часть фигуры животного кажется принадлежащей какому-то хищнику.

5. Селище Ближнее Константиново 1 (на окраине Нижнего Новгорода) – 6 обломков от одной чаши, изготовленной из рыхлого белого кашина, покрытой белой полупрозрачной поливой и люстром зеленоватого оттенка (*Грибов, Коваль*, 2007. С. 217, рис. 1. *1, 2*) (цв. ил. 7, *6*).

6. Ростов – край чаши[52] из твердого белого кашина, с синей подцветкой.

[48] ТГОМ–1996–11–5.

[49] ТГОМ–1989–пол. № 212; 1995–пол. № 102, 157, 197; 1996–пол. № 22.

[50] ВСГМЗ–1993–1994 (11 шт.) .

[51] МИМ–1997–1–пол. № 39.

[52] 2002–пол. № 41. Благодарю А.Е. Леонтьева за возможность ознакомится с этим неопубликованным образцом.

ПОДГРУППА Б. ФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ ЛЮСТРОМ ПО СИНЕЙ ПОЛИВЕ

ТИП 1. ЛЮСТРОВЫЕ ФАЯНСЫ С МОНОХРОМНЫМ СИНИМ ФОНОМ

Непрозрачная кобальтовая полива встречается, как редкость, среди иранских люстров “монументального” стиля второй половины XII в. (*Pope*, *Ackerman*, 1965. Fig. 649; *Watson*, 1985. Fig. 35). На Руси известны 3 находки такой керамики:

1. Владимир – крупный обломок блюда, декорированного в “монументальном” стиле (цв. ил. 3, *3*).

2. Суздаль – крошечный обломок чаши, изготовленной из белого мягкого мелкопористого кашина, с двусторонней сиреневато-синей полупрозрачной поливой, найден при раскопках в кремле в слоях XII–XIII вв.[53] Полустертая роспись желтого цвета видна только на внутренней поверхности чаши.

3. Старая Рязань – венчик чаши из твердого белого кашина с двусторонней бледно-синей непрозрачной глазурью[54] (рис. 12, *10*).

ТИП 2. ЛЮСТРОВЫЕ ФАЯНСЫ С БИХРОМНЫМ (БЕЛЫМ И СИНИМ) ФОНОМ

Изделия с бихромными – белыми и синими (окрашенными кобальтом) – секторами поверхности встречаются среди иранских люстровых фаянсов “монументального” стиля конца XII – начала XIII в. (*Watson*, 1985. Fig. 22, 23; 2005. P. 350–351; *Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 648; *Fehervary*, 1973. Pl. 42) (цв. ил. 2, *2*). Один образец подобной чаши из белого твердого кашина найден в Старой Рязани (*Даркевич*, *Стародуб*, 1983. Рис. 1Б, *20*)[55]. Внутренняя поверхность чаши была разбита на сектора с синей и белой поливами, а внешняя целиком покрыта прозрачной ультрамариновой глазурью (цв. ил. 14, *4*; рис. 10, *5*).

ПОДГРУППА В. ФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ ЛЮСТРОМ ПО БИРЮЗОВОЙ ПОЛИВЕ

Изделия такого рода составляют экстраординарную редкость, а аналогии им в музейных собраниях нам не известны. На Руси они обнаружены в двух городах:

1. Нижний Новгород – обломок кувшина (или вазы)[56] из мягкого кашина сиреневого оттенка. Кашин такого цвета известен среди сирийских полуфаянсов ильханского времени (см. ниже). Контекст находки относится к золотоордынской эпохе.

2. Чернигов – обломок края тонкостенной чаши[57] из твердого белого кашина.

Таким образом, на Руси сегодня известно 150 находок люстровых фаянсов иранского происхождения, датирующихся от конца XII до XIV в., проис-

[53] ВСМЗ–1988–пол. № 837.

[54] РГИАМЗ–1967–7–пол. № 92.

[55] ГИМ–1978–20–2605/19.

[56] 2001-пол. № 2322.

[57] 2001 (ул. Горького, 59)–1–пол. № 73.

ходящих из 12 древнерусских городов, княжеского села (Ближнее Константиново-1) и загородной княжеской резиденции (Рюриково городище).

Г Р У П П А 2. ФАЯНСЫ С ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ КРАСКАМИ, ГЛАЗУРЯМИ И АППЛИКАЦИЯМИ ЗОЛОТОЙ ФОЛЬГИ (ФАЯНСЫ “МИНАИ”)

Данная группа представлена двумя *подгруппами* фаянсов, покрытых *молочно-белой* (заглушенной окисью олова) или *бирюзовой поливой* с надполивной росписью полихромными глазурями и неглазурными красками, причем некоторые элементы декора украшались также позолотой или накладками из тончайшей золотой фольги. Такие изделия традиционно называются фаянсами (типа) “мина’и” (в упрощенном написании “минаи”). Сам термин “минаи” – это прилагательное, производное от слова “мина”, которое имеет в персидском языке несколько значений: “эмаль, глазурь, полива, лазурь, светло-синий, мозаика, узор и т.д.” (Персидско-русский словарь, 1985. С. 591; *Сайко*, 1969. С. 86). Этот термин можно переводить как “поливная, глазурованная, покрытая непрозрачной поливой, эмалью” кашинная керамика. Термин возник в XIX в. в кругах европейских антикваров, перепродававших древности, поступавшие с Ближнего и Среднего Востока. Надо полагать, что название “минаи” родилось среди персидских торговцев древностями, выделявших керамику этого типа среди всех остальных как особо нарядную, “узорную”. Поэтому ставшее привычным название не отражает ни техники нанесения декора, ни иных его особенностей – это условный термин, принятый для именования изделий, изготовленных `по определенной технологии. Эта технология состояла в нанесении на поверхность уже прошедшей обжиг непрозрачной поливы росписи полихромными прозрачными глазурями (синего, бирюзового и зеленого цветов), полупрозрачными эмалями (желтого и коричневого цветов) и непрозрачными неглазурными красками (черного и красного цветов). Последние использовались главным образом для нанесения контуров рисунка и тонкой прорисовки деталей – стеблей, складок одежды, черт лица и т.п. Некоторые элементы декора украшались аппликациями из тончайшей золотой фольги. Кусочки золотой фольги прикреплялись к глазури при помощи сложной технологии, описанной аль-Кашани[58]. Кроме того, фольга иногда дополнительно крепилась по контуру полосками красной краски, сплавлявшейся с поливой основы. Впрочем, на многих изделиях линии красной краски не совпадают с границами золоченых деталей, так что такое дополнительное крепление, возможно, не всегда выполнялось мастерами сознательно.

Изготовление фаянсов “минаи” требовало одного–трех дополнительных обжигов, закреплявших подобный декор на поверхности поливы. В упомянутом трактате аль-Кашани такая керамика называлась изделиями “семи красок” (по-персидски “хафт ранг”). Используемое иногда в отечественной литературе обозначение такого декора как росписи “цветными эмалями” (*Рапопорт*, 1971. С. 5) не совсем верно, поскольку эмалями называются *непрозрачные* стекла и глазури, тогда как в “минаи” чаще применялись *прозрачные* цветные глазури. Для красной краски, называемой иногда “мастикой” (*Булатов*, 1968. С. 107), ее неглазурное происхождение установлено химическими анализами (*Гражданкина, Ртвеладзе*, 1971. С. 134, табл. 3). Кроме того, при декорировке фаянсов ”минаи” иногда применялась роспись кобальтом по “сырой” глазури (описание этой техники дано ниже – см. серию 4), дававшая синий рисунок с расплывчатыми контурами (*Масленицына*, 1975. С. 180–182, № 87, 96, 153, 154).

Фаянсы “минаи” начали производиться в Иране во второй половине XII в. Самый ранний подписной (т.е. содержащий надпись мастера с указанием даты изготовления) образец датируется 1186 г. (*Watson*, 1985. P. 24), самый поздний – 1242 г. (*Soustiel*, 1985. P. 96). Недавно стал известен еще один, самый поздний, подписной образец этой керамики с датой 1362/63 г., обнаруженный в Сарайчике (*Тасмагамбетов, Самашев*, 2001. С. 137, 247; *Самашев и др*., 2008. С. 219). Среди ранних (конца XII – начала XIII в.) изделий широко известны высокохудожественные сюжетные изображения, включающие фигуры животных и людей (Искусство Ислама, 1990. № 33; Государственный музей…, 1988. Ил. 216; *Watson*, 2005. P. 369) (цв. ил. 8, *1, 2*), образцами для которых, по мнению исследователей, являлись книжные иллюстрации-миниатюры (*Watson*, 1985. P. 70)[59]. Происхождение этой керамики не выяснено, поскольку она не имеет генетических прототипов в самом Иране и появляется совершенно внезапно около 1170–1180 гг. В литературе отмечалось сходство изображений на фаянсах “минаи” с полихромной росписью эмалями сиро-египетских стеклянных изделий XII–XIII вв. (*Сайко*, 1982. С. 131). Вероятно, традиция производства этой керамики формировалась под воздействием сирийской технологии и ближневосточных норм декорировки.

В искусствоведческой литературе XIX–XX вв. сложилось мнение, что производство фаянсов “минаи” в Иране угасло на рубеже XIII–XIV вв. (*Масленицына*, 1971. С. 201, 205), причем археологические материалы практически не привлекались для решения этого вопроса. Отечественными исследователями керамики Востока высказано мнение, что развитие производства фаянсов “минаи” стало главным фактором появления в XIV в. нового типа керамики, родственного “минаи” по технологии нанесения декора – полуфаянсов “ладжвардина” (*Масленицына*, 1976. С. 177; *Стародуб*, 1983. С. 13; 2005).

Распространенное мнение о прекращении производства фаянсов “минаи” в XIV в. опиралось на три основания:

1) отсутствие изделий, которые несли бы на себе надписи с датами позже середины XIII в. Однако после находки чаши с надписью 1362/3 г. этот аргумент потерял свою силу;

2) в упоминавшемся выше трактате аль-Кашани, написанном в 1300 г. об “изделиях семи красок” (т.е. “минаи”), было отмечено, что они “устарели” (*Стародуб*, 1988. С. 198). Отсюда делался вывод, что во время написания трактата такие изделия более не производились. Однако аль-Кашани все же был прекрасно осведомлен о технологии производства такой керамики, а это значит, что в его время она еще изготавливалась;

3) исследователями было замечено, что аль-Кашани, упомянув изделия “семи красок”, описывает рецепты приготовления только четырех – красной, белой, черной, желтой (*Стародуб*, 1988. С. 198). С другой стороны, исследования стилистики керамики с полихромной надглазурной росписью показали, что наряду с высокохудожественными изделиями, снабженными изображениями людей и животных, близкими книжным миниатюрам, имеется заметная серия сосудов с ограниченной (четырехцветной) полихромией из красной, синей, бирюзовой и черной красок[60] (иногда с добавлением золота) без сюжетных изображений. Некоторые исследователи посчитали даже, что отсутствие сюжетных мотивов “выводит эти фаянсы из ряда минаи” (*Стародуб*, 1988. С. 205), что неверно, поскольку в основе выделения различных типов керамики лежит не стилистика росписи, а технология ее производства. Стилистика росписи иранской люстровой керамики также существенно изменилась на протяжении XIV в., но из-за этого никому не приходило в голову отказывать люстровым изделиям XIV в. в праве называться таковыми. Можно лишь, по аналогии с люстрами, называть позднюю разновидность минаи “*ильханской*”.

Археологические раскопки показали, что фаянсы с надполивной полихромной росписью бытовали в городах Средней Азии в XIII–XIV вв. (*Вактурская*, 1959. С. 324), а в середине – второй половине XIV в. и в золотоордынских городах Поволжья (*Булатов*, 1968. С. 107), причем декор этой керамики был выполнен *по той же самой технологии*, что и на фаянсах ”минаи” домонгольской эпохи. Более того, среди изделий XIV в. обнаружились и такие, цветовая палитра которых включала не четыре, а большее число использованных красок – вплоть до семи. Значит, даже по этому признаку поздние изделия не отличались от ранних. Различия между “классическими” (домонгольскими) фаянсами “минаи” и “ильханскими” (XIII–XIV вв.) действительно существуют, но они касаются качества кашина и общей стилистики росписи, т.е. второстепенных (собственно – хронологических) признаков. Так, фаянсы ильханской эпохи изготовлены из мягкого (а иногда даже рыхлого, рассыпчатого) кашина, но снижение качества кашина в XIII–XIV вв. было всеобщим процессом, происходившим на Востоке.

Известна гипотеза, предполагающая продолжение производства фаянсов “минаи” в Золотой Орде во второй половине XIV в., опирающаяся на многочисленные находки этой керамики в золотоордынских городах Поволжья. Памятуя, что все производство поливной посуды в Орде было налажено при участии приезжих (прежде всего, иранских) мастеров, более вероятным представляется все же сохранение производства фаянсов “минаи” в XIV в. на территории Ирана. Известные попытки установить связь гипотетического золотоордынского производства фаянсов “минаи” с китайскими традициями керамического производства, в частности, с одной из разновидностей керамики “цычжоу” с красно-зеленой гаммой росписи по белому фону (*Крамаровский*, 2005. С. 234; 2007. С. 183, 184) нельзя считать удачными, что уже было отмечено исследователями (*Волков*, 2006. С. 410–426; 2007а. С. 11–12; *Коваль*, 2009. С. 133–150). Действительно, все технологические и стилистические истоки фаянсов “минаи” XIV в. лежат в иранском художественном гончарстве, воспринявшем лишь отдельные сюжеты китайской орнаментики, прямая передача которых в среду ордынских мастеров непосредственно из Китая весьма сомнительна.

П О Д Г Р У П П А А. ИЗДЕЛИЯ С БЕЛОЙ ПОЛИВОЙ

Вид 1. **Фаянсы “минаи” из твердого кашина.**

1. Владимир – 2 обломка кувшина, изготовленного из бледно-розового кашина[61], были найдены в слоях домонгольского времени (*Седова*, 1994а.

---

[58] Абуль-Касим Абдаллах ибн Али ибн Мухаммад ибн Аби Тахир аль-Кашани – ученый-историк при дворе ильханов в Тебризе, написавший в 700 г.х. (1300/01 гг. от Р.Х.) трактат “О драгоценностях и благовониях”, включавший главу с кратким описанием технологии производства фаянсовых изделий (как полагают исследователи – люстровых и “минаи”) (*Стародуб*, 1988. С. 198). Русский перевод этой части трактата, опубликованного на немецком языке (*Ritter et al*., 1935. P. 14, 15), приводит Т.Х. Стародуб (2005. С. 280): “добавляют 1 мискаль (червонного) золота к 24 листам золота и между ними бумагу, смешанную с гипсом, режут ножницами [как хотят] на куски /и/ приклеивают растворенным уссаком на изделие и трут до гладкости хлопком” (мискаль равен 4,64 г, а уссак – вид клея из скаммония, т.е. смолы из корней вьюнка (Convolvulus Scammonia), произраставшего на Ближнем Востоке).

[59] Надо заметить, что сосуды “минаи” с сюжетными изображениями составляли ничтожную долю продукции мастеров, изготавливавших фаянсы этого типа, в чем убеждают коллекции сборов в Рее, хранящиеся в фондах отдела Исламского искусства Национального музея Ирана (Тегеран), в которых представлены сотни обломков сосудов “минаи” с растительной орнаментикой.

[60] Специально подчеркнем, что этот набор красок отличается от того, который перечислен у аль-Кашани.

[61] ВСГМЗ–1993–пол. № 69, 69а. При раскопках последних лет во Владимире найдено еще более десятка обломков фаянсов “минаи” (благодарю Т.Ф. Мухину за информацию об этих находках).

С. 92). Изнутри кувшин был покрыт бесцветной прозрачной глазурью, снаружи – молочно-белой опаковой поливой, с полихромной росписью, причем на одном из обломков сохранилось изображение лица мужчины с тюркскими чертами (зауженный разрез глаз, круглое лицо). Вокруг головы был изображен нимб со следами полностью стертой позолоты (цв. ил. 8, *4*). Высокое качество кашина и высокое мастерство живописи свидетельствуют о принадлежности этого образца к ранней (конца XII – начала XIII в.) группе фаянсов "минаи" так называемого "королевского" стиля росписи (*Pope, Ackerman*, 1964. P. 1599–1601), для которого характерны крупномасштабные изображения богато одетых всадников ("принцев"), головы которых всегда окружают золоченые нимбы (*Pope, Ackerman*, 1965. Fig. 651–655, 672). Подобные нимбы, олицетворяющие, вероятно "фарн" (харизму) властителей, имеются и на синхронных люстровых фаянсах "монументального" и "миниатюрного" стилей (*Atil*, 1973a. № 28–31, 33) (цв. ил. 8, 2). На втором обломке виден побег какого-то растения с неестественно-голубыми листьями (цв. ил. 8, *5*). Практически полную аналогию обеим этим обломкам составляет чаша из собрания музея Реза Аббаси в Тегеране, на котором изображен царственный всадник с "нимбом" вокруг головы, а края поля украшены побегом с разноцветными листочками (кол. № 279).

2. Старая Рязань – обломок края чаши усеченно-конического профиля (цв. ил. 8, *6*; рис. 12, *4*)[62]. Декор состоял из росписи кобальтом и бирюзовой краской по сырой белой поливе и надполивной росписи черной и красной красками.

3. Лавское 3 селище (около г. Ельца Липецкой обл.) – обломок стенки кувшина с росписью красно-коричневой краской и зеленой прозрачной глазурью[63]. Судя по высокому качеству кашина, образец относится к типичным изделиям домонгольской эпохи.

4. Гродно – 1 обломок блюда[64], слегка обгоревший в пожаре (*Воронин*, 1954. С. 60) (цв. ил. 8, *3*).

***Вид 2*. Фаянсы из мягкого кашина.**

1. Старая Рязань – 3 обломка от одной или двух тонкостенных чаш, сформованных из белого кашина, найденные в домонгольских слоях (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 190, рис. 1Б, *24, а, б*)[65]. И хотя роспись на этих обломках не включала фигур людей или животных (цв. ил. 8, *7–9*; рис. 12, *5*), высокое качество изделий не дает оснований сомневаться в том, что они относились к кругу ранних фаянсов "минаи". Декор состоял из росписи кобальтом и бирюзовой краской по сырой белой поливе и надполивной росписи черной и красной красками.

2. Москва – 1 маленький обломок сосуда, изготовленного из мелкопористого ("пемзообразного") кашина с двусторонней молочно-белой поливой, найденный при раскопках в Зарядье в переотложенном грунте кладбища XVI–XVII вв. (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *20*)[66]. На его внутренней поверхности располагался эпиграфический орнамент, выполненный коричневой краской, на внешней – роспись светло-синей прозрачной глазурью и красной краской (цв. ил. 9, *8*). Все элементы декора этого образца известны на "ильханской" минаи (*Самашев и др*., 2008.6 С. 219).

***Вид 3*. Фаянсы из рыхлого кашина.**

Известны в шести городах Руси, в слоях золотоордынской эпохи:

1. Великий Новгород – 6 обломков, найденных на Неревском раскопе[67] (цв. ил. 9, *4*; рис. 12, *6–8*), принадлежали одной чаше, разбитой в постройке, которая погибла, вероятно, в пожаре 1368 г. (*Медведев*, 1963. С. 282). Роспись выполнена кобальтом по сырой поливе, надполивной декор включает черную и красную матовые краски, желтую полупрозрачную, зеленую и бирюзовую прозрачные глазури. Чаша относилась к числу типичных изделий XIV в. с растительным декором на обеих поверхностях.

2. Тверь – 1 мелкий обломок чаши с росписью черной и красной красками, ультрамариновой глазурью и накладками золотой фольги найден при раскопках на территории кремля[68] (*Коваль*, 1997в).

3. Москва – 3 находки. Шесть обломков[69], принадлежавшие одной чаше из белого кашина, были найдены в Кремле в 1959 г. в слоях второй половины XIII–XIV в. (*Латышева*, 1971. С. 223, рис. 4, *1, 4–7)*. Роспись включала черную и красную краски, густо-синюю матовую эмаль и зеленую прозрачную эмаль, накладки из золотой фольги (цв. ил. 9, *1, 2*). Еще один мелкий обломок второй подобной чаши из Кремля[70] сохранил роспись только красной краской (*Панова* 1986. С. 227).

4. Коломна – 1 обломок кувшина из слоя начала XV в. (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 288, рис. 3, *1*).

5. Брянск – обломок стенки чаши[71].

6. Чернигов – 2 обломка от одной чаши из рыхлого сероватого кашина были найдены в Черниговском детинце[72]. Декор состоял из росписи кобальтом по сырой поливе и надполивной росписи красной краской и зеленой прозрачной глазурью (цв. ил. 9, *3, 5*; рис. 12, *9*).

Таким образом, на Руси сейчас известны 23 обломка от восьми чаш и одного кувшина типа "минаи", найденных в девяти разных местах.

Все находки фаянсов "минаи" из твердого кашина связаны со слоями и комплексами домонгольской эпохи, а изделия из рыхлого кашина неизменно связываются с контекстами золотоордынской эпохи. Судя по находкам в Азове (цв. ил. 9, *6*), где фаянсы "минаи" не встречаются в комплексах, датируемых позже 1360-х гг. (*Масловский*, 2006. С. 423), прекращение их производства надо относить не ранее, чем к концу 1360-х годов. Это был сложный период не только для Ирана, но и для Золотой Орды: в обеих странах именно в это время начались феодальные войны, сопровождавшиеся разрухой и массовой гибелью городского населения. Поэтому, где бы ни сохранялось производство "минаи" в середине XIV в., оно закончилось в период крупных политических потрясений в государствах Чингизидов.

Серия 3. Фаянсы с подглазурным декором

Эта серия представлена единственной группой – **ФАЯНСОВ С РЕЛЬЕФНЫМ ДЕКОРОМ**. Подобная керамика известна для золотоордынской эпохи в Средней Азии и Поволжье (*Вактурская*, 1959. С. 324, рис. 35, *5*; *Булатов*, 1968. С. 107).

ПОДГРУППА А. ФАЯНСЫ С БИРЮЗОВОЙ ПОЛИВОЙ

К этой подгруппе относится один целый (собранный из обломков) сосуд (цв. ил. 10, *1*), происходящий из клада глазурованных сосудов, найденного в конце XIX в. под полом Благовещенского собора Московского Кремля[73] (*Панова*, 1996. С. 63). По форме он идентичен поволжским кашинным сосудам для розовой воды ("гюльабдан"), предназначавшимся, вероятно, для ополаскивания рук во время трапезы (середина – вторая половина XIV в.). Московский гюльабдан был изготовлен из рыхлого белого кашина, декор состоял из рельефной моделировки нижней части тулова вертикальными широкими каннелюрами, имитирующими рельефные лепестки лотоса на иранских "лотосовых" чашах и китайских селадонах. Кроме того, плечики сосуда были украшены четырьмя крупными полусферическими налепными "шишечками", являющимися, возможно, средневековой реминисценцией орнаментики древней среднеазиатской керамики. Одна из "шишечек" имела сквозное отверстие и была оформлена в виде трубчатого слива. Рельефная моделировка поверхности достигалась тиснением сосуда в форме-"калыпе", накладные детали налепливались на поверхность, покрытую сырой глазурью и вновь глазуровались.

ПОДГРУППА Б. ФАЯНСЫ С БЛЕДНО-ЗЕЛЕНОЙ ПОЛИВОЙ

К этой подгруппе относятся так называемые *псевдоселадоны* (см. выше). Находки их известны в двух местах:

1. Москва – обломок дна гюльабдана[74] с рельефной моделировкой поверхности (цв. ил. 10, *2*).

2. Нижний Новгород – обломок сосуда, форма которого не может быть достоверно установлена, с росписью ангобом на внешней поверхности, включающей стилизованные лепестки лотоса (рис. 10, *2*)[75]

Серия 4. Фаянсы с внутриглазурным декором

Внутриглазурный декор характерен исключительно для керамики с *белыми* опаковыми поливами. Достигался он росписью по "сырой" поливе, т.е. проводившейся до обжига покрытого поливой сосуда. При этом краситель пронизывал весь слой поливы, однако максимальной концентрации достигал вблизи ее поверхности, что хорошо видно на изломах глазурного слоя. Такая техника нанесения красителя была известна на Востоке, но не имела широкого применения, в частности, она практиковалась при производстве фаянсов "минаи" (см. выше).

На Руси известен только один тип фаянсов этой серии – **С МОНОХРОМНОЙ СИНЕЙ РОСПИСЬЮ**. Подобная гамма росписи являлась отличительной чертой так называемой "тимуридской" керамики (полуфаянсов с подглазурной монохромной синей росписью), производившейся в конце XIV–XV в. на Ближнем и Среднем Востоке, равно как и в золотоордынском Поволжье (см. ниже). В связи с этим, фаянсы с росписью кобальтом по сырой белой поливе допустимо рассматривать в качестве разновидности сине-белой керамики той же эпохи.

На территории Руси подобная керамика известна пока только в Москве, в слоях золотоордынского времени:

Вид 1. Изделия из мягкого кашина.

Обломок сосуда из раскопок в Зарядье[76] имел редкостную форму (кубок на высокой тонкой полой ножке) и был полностью (включая и внутреннюю поверхность ножки) покрыт тонкослойной полупрозрачной глазурью с цеком среднего размера. Роспись на дне кубка выполнена в сине-черных контурах со светло-синей подцветкой (цв. ил. 9, *7*; рис. 12, *3*) (*Коваль*, 1997д. Рис. 1, *1*). Аналогичные формы известны среди сирийской керамики XII–XIII вв. (*Grube*, 1963. Abb. 23) и иранских фаянсов

---

[62] РГИАМЗ–1997–27–пол. № 60.
[63] Музей археологии ЕГУ–1996–2–ик/1 (постройка 1).
[64] ГИАМ–1949–5076/63.
[65] ГИМ–1973–14–2605/15, 22.
[66] МИМ–1955–28958/258.
[67] НГОМЗ–1953–11784 А46/140; 34767 А78/145–145. Еще 2 обломка упомянуты в сводке А.Ф. Медведева (*Медведев*, 1963. Табл. 1. № 62, 63). Место их хранения не известно
[68] ТГОМ–1985–21425/304.
[69] МИМ–1959–24661/354, 354-б, 355, 356 (еще 2 обломка подклеены к номерным).
[70] В фондах ММК обнаружить этот образец не удалось.
[71] Из шурфовок на посаде 1997 г. (шурф 1, яма 11). Благодарю В.Н. Гурьянова (Брянск) за информацию об этой находке.
[72] ЧИАМЗ–1990–пол. № 349, 351.
[73] ГИМ–1890-е–1308/6.
[74] 2005–храм Василия Блаженного–наблюдения–пол. № 1.
[75] 2001-пол. № 534 (яма 20).
[76] МИМ–1954–28958/293.

“ладжвардина” (XIII–XIV вв.), найденных в Увеке (*Булатов*, 1969в. С. 120), однако свое происхождение эта форма ведет, очевидно, от китайских фарфоровых чаш на высоких тонких ножках (*Чжао Цзин*, 1986. Pl. 50, 51, 127). Для московской находки наиболее вероятно иранское происхождение и датировка в пределах XV в.

***Вид 2*. Изделия из рыхлого кашина.**

Единственный обломок чаши из раскопок на месте Казанского собора[77] имел на внутренней поверхности растительный орнамент. Рыхлый белый кашин характерен для золотоордынского керамического производства XIV в.

Итак, на территории Древней Руси в 20 пунктах найдено более 220 обломков фаянсовых сосудов восточного происхождения. По публикациям известно о находках “фаянсов” еще в ряде мест, однако отсутствие рисунков и описаний не позволяет точно определить эти разрозненные по огромной территории находки. Здесь имеются в виду упоминания “фаянсов” из раскопок в Гомеле (*Макушников*, 1994. С. 168) и Звенигороде-на-Белке (Южном), где найдено 8 обломков “иранской керамики” (*Свешников*, 1995.С. 52). К сожалению, розыски образцов из Звенигорода в музейных собраниях Украины результатов не дали (место их хранения остается неизвестным). Не описанная в публикации “белоглиняная” (вероятно, кашинная) “люстрованная” керамика была найдена также в Киеве в комплексе XIII в. (*Боровський, Калюк*, 1993. С. 21).

Полуфаянсы

Серия 1. Полуфаянсы без дополнительного декора

В эту серию входят в основном мелкие обломки от сосудов, которые могли иметь декор на небольшой части своей поверхности.

Г Р У П П А 1. МОНОХРОМНЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

П О Д Г Р У П П А А. БЕЛЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Белыми полуфаянсами называются изделия, покрытые бесцветной прозрачной глазурью по белой кашинной основе, известные среди восточной (в частности, иранской) посуды XII–XIII вв. (*Watson*, 2005. Cat. L.16) и более позднего времени. Подобные находки зафиксированы на Руси в девяти местах:

1. Великий Новгород – 2 обломка сосудов подшарообразной формы с Неревского раскопа из слоев середины XII и начала XIII в.[78]

2. Суздаль – обломок стенки чаши[79].

[77] МИМ–1991–пол. № 196.

[78] НГОМЗ–1954–11784 А46/1143; 1956–34767 А78/142.

[79] ВСГМЗ–1979–7–№ 507.

3. Нижний Новогород – 5 обломков чаши[80] из белого рыхлого кашина (рис. 13, *1/2*), происходившие из комплексов золотоордынской эпохи .

4. Старая Рязань – 3 мелких обломка, два из которых были изготовлены из твердого белого кашина (и принадлежали одному сосуду), а один – из рыхлого желтоватого[81]. Первые относились к переднеазиатскому производству домонгольской эпохи, последний – мог принадлежать золотоордынскому периоду.

5. Чернигов – мелкий обломок сосуда[82].

6. Селище Лесковое на Черниговщине – 1 обломок дна чаши из очень твердого белого кашина, происходящий из комплекса второй половины XII в.[83] На нижней стороне дна также имелся тонкий слой бесцветной глазури – черта, характерная для ближневосточных и иранских изделий.

7. Белгород-Киевский – дно чаши из мягкого белого кашина[84].

8. Василев (Черновицкая обл.) – обломок чашечки[85] без следов декора, профилировка и высокое качество твердого кашина которой характерны для изделий Ирана XII–XIII и XVII–XVIII вв.

9. Гродно – 3 обломка чаши[86] из твердого белого кашина.

П О Д Г Р У П П А Б.
БИРЮЗОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Типовые различия в этой подгруппе отсутствуют, но можно выделить три вида изделий.

***Вид 1*. Изделия из твердого кашина.**

Подобная керамика могла происходить из Ирана или иных стран Ближнего Востока, где производился твердый кашин (*Watson*, 2005. Cat. L.10, L.13/LNS-1019-C, L.15, L.23, L.27). Находки ее известны на Руси в пяти пунктах:

1. Великий Новгород – 5 обломков от четырех блюд. На Ильинском раскопе обломки одного из них встречены в слое XII в., а второго – середины XIII в.[87] На Неревском раскопе обломок тарелки найден в горизонте середины XII в.[88] Еще один крошечный обломок сосуда найден на Троицком раскопе[89].

2. Суздаль – 1 мелкий обломок стенки сосуда[90] найден на территории кремля в слое домонгольского времени (*Седова*, 1985. С. 317).

[80] 2001-пол. № 1230, 2184, 2515, 2761, 2823.

[81] РГИАМЗ–1995–24–пол. № 54, 120, 151. У первого образца внутренняя поверхность была покрыта бирюзовой глазурью.

[82] ЧИАМЗ–1974–КП/415.

[83] Черниговский археологический центр–1981–пол. № 61. Дата комплекса указана автором раскопок А.В. Шекуном.

[84] НМИУ–№ 1268 (из раскопок В.В. Хвойки).

[85] ЧКМ–1959–№ 12214-II–674/8.

[86] ГИАМ–1949–№ 5862/Ю–51.

[87] НГОМЗ–1963–17788 А98/467; 39108 А137/362; 1964–39108 А137/362.

[88] НГОМЗ–1956–34767 А78/111.

[89] НГОМЗ–1991–НВ22606 Пр.к А127/162.

[90] ВСГМЗ–1988–пол. № 972.

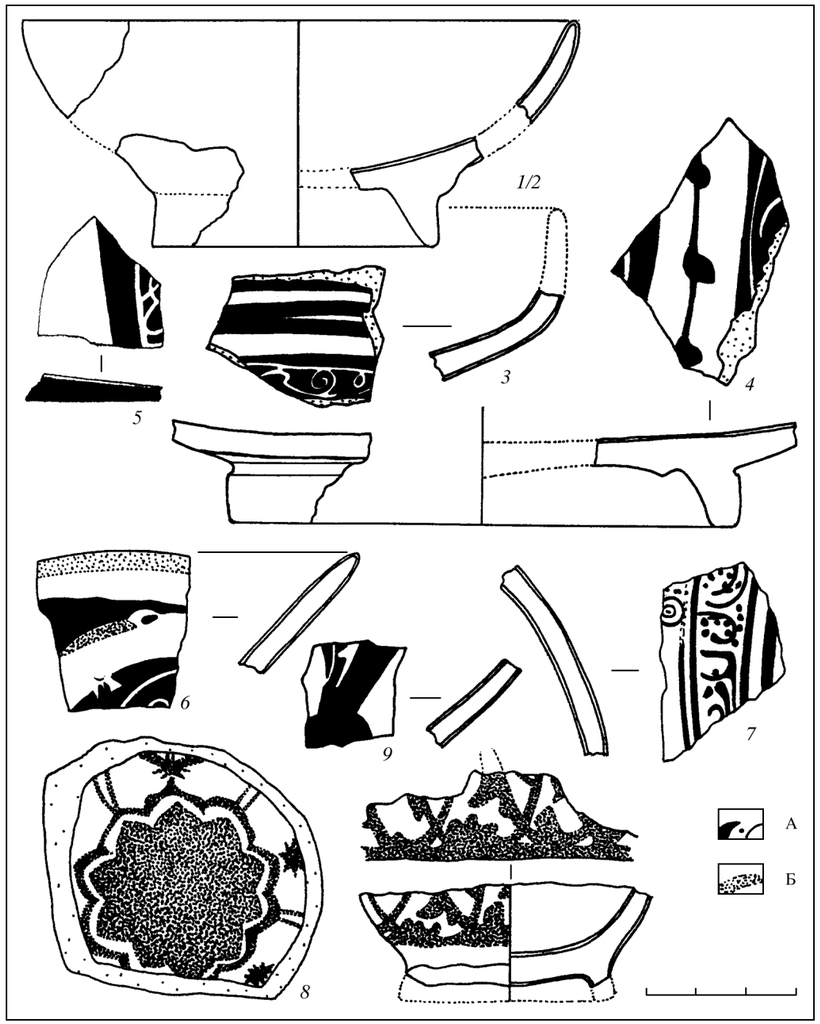

***Рис. 13.* Поуфаянсы без дополнительного декора (*1/2*) и с надглазурной люстровой росписью (*3–9*) с бесцветной (*1–8*) и бирюзовой (*9*) глазурью**

А, Б – люстр. *1*, *2* – Нижний Новгород (золотоордынское Поволжье, XIV в.); *3–5* – Великий Новгород (египет, XI в.); *6*, *7* – Старая Рязань (сирия, XIII в.); *8* – Коломна (Иран, XVII в.); *9* – Великий Новгород (Сирия, XIII в.)

3. Муром – 2 обломка[91] от разных сосудов из домонгольских комплексов (*Чалых*, 1985. С. 25, рис. 17, *11*).

4. Киев – 10 обломков от четырех сосудов:

– обломок альбарелло (?) диаметром 12 см[92] происходил из раскопок М.К. Каргера на Кудрявце. Условия находки не известны;

– 7 обломков принадлежали блюду или чаше из раскопок на Подоле[93].

[91] МКМ–1982–№ 142; 1985–№ 316.

[92] ГЭ–1947–Эра–5а/315.

[93] МИК–1990 (ул. Героев Триполья, 24)–А4913/100.

– 2 обломка чаш[94].

5. Вышгород-Киевский – обломок края чаши[95].

Кроме того, известна находка на селище Лесковое (относящемся в целом к домонгольской эпохе) обломка импортного сосуда с голубой глазурью (*Шекун, Веремейчик*, 1999. С. 61), который, скорее всего, имел восточное происхождение (к сожалению, лично ознакомиться с этим образцом в фондах экспедиции не удалось).

[94] МИК–1996–А4950/36; 2001 (Майдан Незалежности)–3–пол. № 8048.

[95] НМИУ–1935–В3/820.

***Вид 2*. Из мягкого кашина.**

1. Киев – обломок стенки кувшина[96].

2. Белгород-Киевский – 3 мелких обломка от одной (?) чаши[97].

3. Чернигов – 2 обломка сосудов (в том числе одного блюда)[98].

***Вид 3*. Из рыхлого кашина.**

Подобные изделия известны в Средней Азии (Хорезм, Хорасан, Самарканд) XIII–XIV вв. (*Вактурская*, 1959. С. 323; *Сайко*, 1969. С. 42; *Шишкина*, 1979. С. 51) и золотоордынских городах (*Булатов*, 1968. С. 104–105; *Самашев и др.*, 2008.С. 212). На Руси они найдены в 13 пунктах, в слоях золотоордынского времени:

1. Москва – 6 образцов. Три обломка чаш из белого кашина найдены в Кремле и Зарядье (*Коваль*, 1997д. С. 110). Кроме того, в Кремле найдены 3 обломка сосудов закрытого типа (2 альбарелло и 1 вазы "гюльабдан"), датированные по стратиграфическим данным серединой XIV в. (*Панова*, 1986. С. 226).

2. Тверь – 4 обломка от трех сосудов (в том числе двух – закрытого типа). Один из них найден в постройке с заполнением, датируемым по монетам рубежа XIV–XV вв. (*Кобозева и др.*, 1996.С. 200).

3. Ростов – 1 обломок блюда из слоя конца XIII – начала XIV вв. (*Самойлович,* 1991. С. 73).

4. Суздаль – 1 обломок сосуда[99].

5. Нижний Новгород – 22 обломка от не менее чем трех сосудов: из белого[100] и желтого кашина[101].

6. Владимир – 10 мелких обломков.

7. Коломна – 4 обломка от кувшина и вазы "гюльабдан"[102].

8. Старая Рязань – 4 мелких обломка от трех различных кувшинов[103].

9. Переяславль-Рязанский – 1 обломок сосуда[104].

10. Ростиславль Рязанский – 1 мелкий обломок[105].

11. Пронск – 2 образца[106], в том числе обломок кувшина из красного кашина, характерного для керамического производства Селитренного и Царевского городищ (*Булатов*, 1968. С. 95). Внутренняя поверхность этого кувшина была оставлена неглазурованной.

12. Друцк –1 мелкий обломок сосуда[107].

13. Гочевское селище (под Курском) – обломок стенки чаши[108].

Источником поступления такой керамики на Русь, очевидно, была не далекая Средняя Азия, а близлежащие поволжские центры Золотой Орды.

ПОДГРУППА В. УЛЬТРАМАРИНОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

При раскопках встречены только мелкие обломки таких сосудов. Недекорированные ультрамариновые полуфаянсы редко встречаются в музейных коллекциях, поскольку они не обладали художественными достоинствами, но все же известны в отдельных собраниях (*Watson*, 2005. Cat. L.25).

Выделяются два вида изделий:

***Вид 1*. Изделия из твердого кашина.**

Изделия из кашина высшего качества, как уже отмечалось выше, являлись продуктом производства Ирана и стран Ближнего Востока (прежде всего Сирии).

1. Великий Новгород – 1 мелкий обломок сосуда[109] из слоя начала XII в. на Троицком раскопе.

2. Старая Русса – 1 обломок сосуда[110] со следами вторичной обработки (ему придана прямоугольная форма 2,0 × 1,3 см, края зашлифованы) найден в слое первой половины XII в. (*Коваль*, 1996в. С. 172).

3. Старая Рязань – 3 мелких обломка от двух сосудов[111] из слоя домонгольского времени (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 191, рис. 1Б, *2б, а–в*).

4. Селище Лесковое (близ Чернигова) – обломок креста-тельника[112], выточенного из стенки сосуда (цв. вкл. 10, *3*).

5. Киев – 4 обломка блюд[113].

***Вид 2*. Из мягкого и рыхлого кашина.**

1. Ростиславль Рязанский – 2 мелких обломка чаш[114,] происходившие из комплексов XIV в. (*Коваль,* 1998в. С. 179, рис. 4, *3*).

2. Пронск – 1 обломок сосуда[115].

3. Галич (Южный) – мелкий обломок сосуда[116].

ПОДГРУППА Г. ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Изделия подобного облика изготавливались в Иране и Сирии в XII в. (*Watson*, 1985. P. 23; *Fehervary*, 1973. P. 75). Импортные альбарелло с такой глазурью известны в Коринфе в слоях того же времени (*Williams*, *Zervas*, 1994. P. 17–20; *Watson*, 2005. Cat. L.2).

---

[96] ГЭ–Эра5а/259 (место находки не известно).

[97] НМИУ–№ В-1/1260, 1262, 1263.

[98] ЧИАМЗ–1990–1–пол. № 296; 1995–2–пол. № 12 (раскопки И.М. Игнатенко).

[99] ВСГМЗ–1977–4–№ 36.

[100] 2001–пол. № 1609.

[101] 2001-пол. № 280, 299, 517, 594, 599, 613, 651, 713, 726, 1048, 1061, 1325а, 1391, 1360, 1496, 1526, 1783, 1857, 1904, 2485, 2819.

[102] . ККМ–2002–пол. № 51, 53, 198; 1998–403.

[103] РГИАМЗ–1995–24–пол. № 50; 1997–7–пол. № 69; 1999–28–пол. № 30, 92.

[104] РГИАМЗ–2000 (ул. Некрасова, 24)–б/№.

[105] МИМ–1998–1–пол. № 7.

[106] РГИАМЗ–1969–пол. № 152; 1971–8–пол. № 350.

[107] НМИКБ–1958–3477/130.

[108] Из разведок Г.Ю. Стародубцева в 1997 г.

[109] НГОМЗ–1991–НВ 22605 Пр.к А127/164.

[110] НГОМЗ (филиал в Старой Руссе)–1968–б/№.

[111] ГИМ–1968–7–2605/26.

[112] ЧИМ–1985–16–Арх/685 КВ-30694.

[113] МИМ–1990 (ул. Героев Триполья, 24)–А4913/79; 2001 (Майдан Незалежности)–3–пол. № 8154; 5–пол. № 8103, 8135.

[114] МИМ–1997–1(Рст-3)–пол. № 177; 2000–1–пол. № 23.

[115] РГИАМЗ–1970–4–пол. № 56.

[116] ЛИМ–1991–пол. № 209.

На территории Руси находки такой керамики редки:

1. Чернигов – край тарелки из мягкого белого кашина[117] (цв. вкл. 11, *1*).

2. Киев – 2 обломка сосудов из твердого белого кашина: крупного кувшина[118] (цв. вкл. 11, *2*) и блюда[119].

3. Старая Рязань – обломок края тарелки из твердого белого кашина[120].

ПОДГРУППА Д. ЗЕЛЕНЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Единственная находка такой керамики происходит из кремля Нижнего Новгорода – мелкий обломок сосуда со светло-зеленой глазурью по желтоватому рыхлому кашину[121]. Вероятно, он принадлежал сосуду, относившегося к редкой разновидности "псевдоселадонов"-полуфаянсов золотоордынского происхождения.

Серия 2. Полуфаянсы с надглазурным декором

ГРУППА 1. ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Люстровые полуфаянсы отличаются от фаянсов с люстровой росписью прежде всего тем, что полива у них была прозрачной, однако за этим кажущимся незначительным расхождением кроются коренные различия в технологии изготовления керамики, присущие традициям разных стран (школ мастеров). Так, в Иране люстровые полуфаянсы начали производиться только в XVII в., тогда как в Египте и Сирии их изготавливали еще в XII–XIV вв.

Все люстровые полуфаянсы относятся к разряду монохромных (т.е. таких, у которых в росписи применялся только один люстровый состав, дававший однотонную гамму расцветки). При этом особенности обжига, стирание люстра в процессе использования сосудов, термическое и химическое воздействие среды на обломки разбитых сосудов могли существенно изменять яркость и степень блеска люстра в разных частях одного и того же сосуда.

Для люстровых полуфаянсов, в отличие от фаянсов, не разработана классификация по стилям росписи, поэтому здесь применяется специально разработанная типология таких изделий.

ПОДГРУППА А. ЛЮСТРЫ С БЕСЦВЕТНОЙ ГЛАЗУРЬЮ (БЕЛОФОННЫЕ)

Представлены единственным типом **МОНОХРОМНЫХ БЕЛЫХ ПОЛУФАЯНСОВ БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПОДЦВЕТОК.**

***Вид 1*. Люстровые полуфаянсы из твердого белого кашина.**

Внутри этого вида можно выделить 2 стилистических варианта люстров, различающихся также хронологически и по месту производства.

---

[117] ЧИАМЗ–1995–2–пол. № 6 (раскопки И.М. Игнатенко).

[118] 2001 (ул. Бол. Житомирская, 20)–пол. № 343.

[119] МИК–1990 (ул. Героев Триполья, 24)–А4913/114.

[120] РГИАМЗ–1995–24–пол. № 125.

[121] 2001–пол. № 2169.

Вариант 1. С гравировкой по сырому люстру.

У таких изделий гравировка проводилась по сырому люстру самого рисунка (а не по люстровому фону резервированного рисунка, как на иранских фаянсах "кашанского" стиля). Глазурь по составу щелочно-свинцовая (Прил. 1. № 18), с крупным цеком. Цвет люстра варьирует от зеленовато-желтого до коричневого и обычно имеет плотный золотистый отблеск. Подобные изделия характерны для люстровой керамики Египта и Сирии. В Египте данный вариант люстров производился в XI–XII вв. (*Caiger-Smith*, 1985. P. 41), вероятно, в Фустате (столице Фатимидского халифата). Лучшими образцами являлись изделия с арабской надписью "Sa'd", датируемые второй половиной XI – началом XII в. (*Bahgat, Massoul*, 1930. P. 57, pl. VIII, *6*; XII, *3–11*, "G", *57*; *Lane*, 1958. P. 22–23, pl. 22B, 25B, 26A, 27A; *Philon*, 1980. P. 176, fig. 454, 521, 533, 564; *Watson*, 1985. P. 45; *Caiger-Smith*, 1985. P. 51). Правда, большинство египетских люстров имели в качестве основы непрозрачную белую поливу (т.е. относились к числу фаянсов). В Сирии люстровые полуфаянсы с аналогичным декором известны с XII в. под условным названием керамики типа "Телль Минис" ("Tell Minis ware") (*Lane*, 1958. Pl. 57B, 59A; *Porter*, *Watson*, 1987. P. 178–180, fig. A–58; *Porter*, 1981. P. 3, 4. Pl. II).

На Руси керамика этого вида найдена только в трех городах:

1. Великий Новгород – 3 обломка блюд[122], идентичных по стилистическим особенностям египетским люстрам (*Коваль*, 1995в. С. 172–173, рис. 1, *3, 7*; 2, *3*; *Koval*, 2006, fig. 10.1, *10, 11*), найдены в слоях XII в. (цв. вкл. 11, *3–5*; рис. 13, *3–5*).

2. Старая Рязань – 1 обломок чаши[123] усеченно-конического профиля с росписью болотно-зеленым (утратившим блеск) люстром на ее внутренней поверхности (цв. вкл. 11, *6*; рис. 13, *6*). По качеству глазури (с большим количеством воздушных пузырьков) эта чаша заметно отличается от египетских люстров. Наиболее вероятным представляется сирийское происхождение данного образца.

3. Киев – 2 обломка от одной чаши с полустертой люстровой росписью и гравировкой по сырому люстру найдены в 1991 г. на Киевском Подоле в слое середины XII в. (*Башкатов и др.*,1992. С. 45). По профилировке эта чаша может быть уверенно атрибутирована как образец сирийских люстровых полуфаянсов типа "Телль Минис".

Вариант 2. Без гравировки по люстру.

Образцы сосудов этого варианта снабжены позитивной росписью люстром коричневого цвета. Отличительными чертами также являются:

– очень твердый (фарфоровидный) белый кашин;

---

[122] НГОМЗ–1953–34767 А78/144; 1956–34767 А78/143; 1980–31296 А72/229.

[123] ГИМ–1971–13–2605/35.

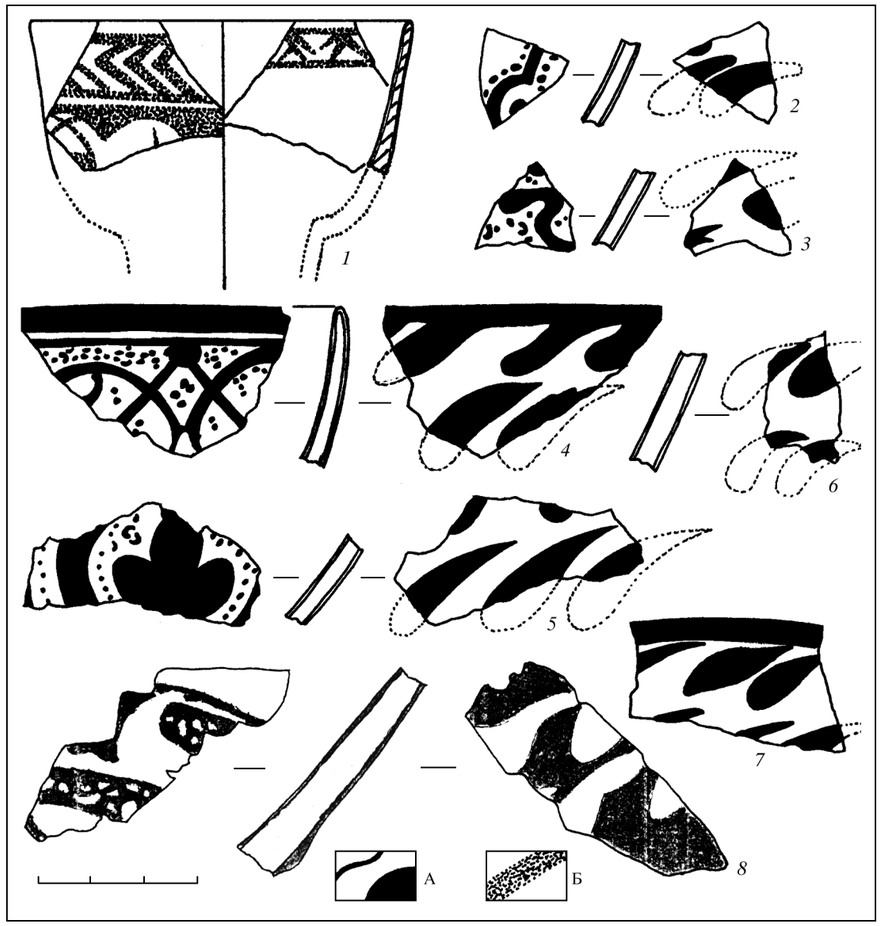

Рис. 14. **Люстровые полуфаянсы с бесцветной глазурью из Ирана XVII в. (*1*) и с бирюзовой (*2–8*) глазурью (Сирия или Иран, первая половина XIV в.)**
А, Б – люстр. *1* – Москва; *2–5* – Тверь; *6*, *7* – Нижний Новгород; *8* – Псков

– нанесение глазури на дно с нижней стороны и отпечатки многорожковых сепая из красножгущейся глины (цв. вкл. 12, *2, 4*);

– очень прочное соединение глазури с основой (отслаивания не встречаются);

– отсутствие на глазури цековых трещин.

По перечисленным характеристикам и стилистическим особенностям росписи все образцы этого варианта идентичны иранским люстровым изделиям XVII – начала XVIII в. (*Pope*, *Ackerman*. 1965. Pl. 797. A–f, 798. A, b; *Fehervary*, 1973. P. 138. Pl. 77a; *Watson*, 2005. P. 479) (цв. вкл. 12, *1*), место производства которых достоверно не известно, хотя некоторые исследователи связывают его с городом Керман (*Panopopт*, 1970. С. 54–56). Terminus ante quem для этой керамики, является, по-видимому, 1722 г. (падение Сефевидской династии в результате афганского нашествия на Иран и начало экономического упадка) (*Panopopт*, 1971. С. 14). Находки известны в трех пунктах:

1. Москва – 1 обломок края бутыли (рис. 14, *1*)[124] и 3 обломка от разных чашек[125] (цв. вкл. 11, *8*; 12, *2*). Первый из этих образцов найден при раскопках на Манежной площади в закрытом комплексе конца XVII – начала XVIII в. (*Векслер*, 1993. Ил. 503, *5*). Его роспись идентична декору кувшинов, известных в ряде музейных собраний (*Watson*, 2005. Cat. U.35).

2. Коломна – 1 обломок чашки[126] (цв. вкл. 12, *3*; рис. 13, *8*), декор внешней поверхности которой (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 288, рис. 3, *2*) аналогичен орнаментации чайника сефевидской эпохи (*Watson*, 1985. Pl. 140). Бесцветная глазурь имела легкий бирюзовый оттенок. Кольцевой поддон чашечки был аккуратно стесан, но внутри него сохранились кусочки Прилипшей к поливе и отбитой после обжига трехногой подставки (“сепая”), изготовленной из жирной красной глины.

3. Нижний Новгород – 3 обломка от двух чашек (цв. вкл. 11, 7; 12, 4) с аналогичным декором.

Вид 2. **Изделия из мягкого кашина**

На Руси известен пока только один вариант таких изделий – без гравировки по люстру. Использование глазури чуть зеленоватого оттенка позволяет предполагать в качестве места производства такой керамики Сирию (*Porter*, 1981. P. 25), где в XII–XIV вв. в люстровом производстве безраздельно господствовала прозрачная глазурь, а опаковые поливы, в отличие от Ирана, почти не применялись (*Porter*, 1981. P. 32, 47; *Caiger-Smith*, 1985. P. 52). Находки известны в трех городах:

1. Старая Рязань – 1 обломок стенки кувшина[127] из белого мелкопористого (“пемзообразного”) кашина (рис. 13, *7*). На внешней поверхности – следы от почти полностью стертой надписи люстром. В первой публикации находки глазурь была неверно определена как непрозрачная (*Даркевич*, *Стародуб*, 1983. С. 187, рис. 1А, *12*). Приводившиеся там же аналогии среди находок в Хорасане и Гургане не доказывают происхождения этого образца из Прикаспия, где нет следов производства люстровой керамики.

2. Мстиславль – 1 обломок стенки чаши[128] из белого кашина, облицованного толстослойной чуть голубоватой глазурью, насыщенной большим количеством пузырьков воздуха. Люстровая роспись шоколадно-коричневого цвета кое-где совершенно стерта. Находка происходит из горизонта 1330–1340-х годов (*Алексеев А.В.*, 1995. С. 156).

3. Чернигов – мелкий обломок блюда[129].

ПОДГРУППА Б.
ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ
С БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Люстровые полуфаянсы с бирюзовой (от голубого до сине-бирюзового оттенка) глазурью считаются искусствоведами продуктом сирийского керамического производства XIII–XIV вв. (*Migeon*, 1922. № 68; *Dimand*, 1958. P. 215; *Riis, Poulsen*, 1957. P. 148, fig. 419, 456, 457, 465, 466; *Rogers*, 1972. P. 269; *Caiger-Smith*, 1985. P. 52, 55; *Grabar et al.*, 1978, fig. G–4, *22*), однако, как показали наши исследования глазурей (см. раздел 1), состав глазурей ряда образцов не соответсвует сирийской рецептуре и близок иранским глазурям (Прил. 1. № 23, 26–28). Как уже отмечалось выше, либо некоторая часть таких изделий могла производиться в Иране, либо в Сирии существовали две различные рецептуры приготовления глазурей, одна из которых была близка иранской до идентичности (*Коваль*, 2009. С. 377). В Восточной Европе такие изделия редки: археологически целая чаша найдена, например, в Азове (цв. вкл. 13, *2*).

Известны такие изделия в четырех городах:

1. Великий Новгород – один обломок чаши[130] из твердого белого кашина с росписью золотым люстром на внутренней поверхности (цв. вкл. 13, *4*; рис. 13, *9*) найден в слое середины XIII в. (*Коваль*, 1995в. С. 178, рис. 1, *5*; *Koval*, 2006, fig. 10.1, *12*).

2. Псков – обломок стенки чаши (*Коваль*, 1996 г, рис. 1, *5*) из мягкого кашина сиреневого оттенка[131], покрытой темно-бирюзовой глазурью (рис. 14, *8*), был найден в заполнении сруба, относившегося к ярусу 6 раскопа на ул. Ленина (*Седов и др.*, 1987. С. 57), который датируется по данным дендрохронологии 20–40-ми годами XIV в. (*Черных*, 1996. С. 193).

3. Тверь – 20 обломков[132] от одной или двух однотипных чаш из кашина кремового оттенка. Декор внешней поверхности всех чаш состоял из наклонно расположенных каплеобразных фигур (цв. вкл. 13, *3*; рис. 14, *2–5*), напоминающих ряды из стилизованных (упрощенных до предела) силуэтов ныряющих рыбок (*Коваль,* 2005д. С. 83, рис. 2–4). Роспись внутренней поверхности чаш описываемого здесь типа состояла из растительных мотивов, с мелкоточечным заполнением фоновых площадей. На части обломков с внутренней стороны сохранились крупные трилистники в округлых медальонах, а на внешней – те же ряды каплеобразных наклонных фигур. Два подобных обломка были слегка оплавлены в пожаре, в результате чего у одного из них люстр приобрел серебристо-белый блеск и красный контур. Все находки происходят из контекстов XIV в.

Кроме того, один маленький обломок сосуда закрытого типа из мягкого белого кашина, со светло-голубой глазурью и желтой люстровой росписью на внешней поверхности, найден в Твери на Затьмацком посаде[133] в слое XIII–XIV вв. (*Коваль*, 1996а. С. 238).

4) Нижний Новгород – 8 обломков от 2 чаш из мягкого кашина, с прямым утонченным краем (одна из них имела диаметр 18 см) и двусторонней росписью золотистым люстром, сохранность которого сильно различалась на разных черепках (рис. 14, *6, 7*). У обеих чаш внешняя поверхность была украшена каплеобразными изогнутыми фигурами, (стилизованными ныряющми рыбками).

---

[124] ЦАИ–1993–8–б/№.

[125] ЦАИ (Овчинниковская наб., 22)–2001–пол. № 284; (Бол. Дмитровка, 17)–2001–1–пол. № 67; зона наблюдений 3–б/№.

[126] КМК–1995–пол. № 373.

[127] ГИМ–1970–7–2605/17.

[128] ИА РАН–1984–пол. № 227.

[129] ЧИМ–1966–Кол. № 109 (раскопки В.П. Коваленко).

[130] НГОМЗ–1986–Троицкий 7–36697 А109/1706.

[131] ПГМЗ–1987–пол. № 330.

[132] ТГОМ–1994–11–68,170; 1995–11–27, 50, 59, 73, 183, 186, 320, 440, 628, 82, 115, 120; 1996–11–130, 132.

[133] ТГОМ–1989–пол. № 808.

Одна чаша была изготовлена из желтоватого кашина[134], а вторая – из кашина сиреневатого оттенка[135], аналогичного материалу псковского образца. Находки происходят из комплексов середины – второй половины XIV в.

ПОДГРУППА В. ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ С СИНЕЙ (УЛЬТРАМАРИНОВОЙ) ГЛАЗУРЬЮ

ТИП 1. ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ СО СВЕТЛО-СИНЕЙ ГЛАЗУРЬЮ

Люстровые полуфаянсы со светло-синей (окрашенной кобальтом в низкой концентрации) глазурью могут вести свое происхождение как из Сирии, так и Ирана XII–XIV вв. (*Grube*, 1976, fig. 180, 181; *Grabar et al*., 1978, fig. G–4, *25*). Анализы глазури (Прил. 1. № 29) указывают скорее на иранское происхождение таких изделий (из-за низкой доли оксида свинца, резко отличающейся от высокосвинцовистых сирийских глазурей).

Вид 1. **Изделия из твердого белого кашина.**

Один обломок сосуда закрытого типа с полустертой люстровой росписью зеленоватого цвета на внешней поверхности найден в Старой Рязани[136] (*Даркевич, Стародуб*, 1983. Рис. 1Б, *21*).

Вид 2. **Сосуды из рыхлого белого кашина.**

1. Тверь – 1 мелкий обломок сосуда закрытого типа, покрытого снаружи бледно-синей, а изнутри бирюзовой глазурью, найден на Затьмацком посаде[137] в слоях XII–XIV вв. (*Коваль*, 1996а. С. 238, рис. 1, *9*). Люстровая роспись зеленовато-коричневого цвета нанесена только на внешнюю поверхность.

2. Нижний Новгород – один мелкий обломок чаши[138].

ТИП 2. ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ С ТЕМНО-СИНЕЙ ГЛАЗУРЬЮ

Люстры с плотной ультрамариновой глазурью (окрашенной оксидом кобальта в концентрации до 0,6 % – см. Прил. 1. № 21, 22, 24, 25) традиционно считаются в основной своей массе произведениями мастеров Сирии XII–XIV вв. (*Lane*, 1957. P. 16; 1958. P. 38; *Scanlon*, 1971. P. 233; *Fehervary*, 1973. P. 50; *Kuhnel*, 1976. P. 123; *Grabar et al.*, 1978, fig. G–4, *23; Porter*, 1981. P. 47; Искусство Ислама, 1990. № 53; *Watson*, 2005. P. 396–399). Именно они (совместно с бирюзовыми люстровыми полуфаянсами) получили у искусствоведов XIX – середины XX в. условное наименование “сикуло-арабских люстровых фаянсов” (*Kuhnel*, 1976. P. 120, 123) (табл. 14, *1*) из-за большого числа таких изделий, сохранившихся на Сицилии (и в других районах Южной Европы). Предполагается, что такая керамика изготавливалась в Дамаске до его разграбления Тимуром в 1401 г. Основанием для подобной атрибуции является ваза с надписью, сообщающей, что она была изготовлена мастером Юсуфом в Дамаске (*Migeon*, 1927, fig. 363; Islamic Art..., 1983. № 84; *Watson*, 2005. Cat. R.1). Во всяком случае, в средневековой Европе цветные люстровые изделия называли “дамасской керамикой” (*Caiger-Smith*, 1985. P. 55). Вместе с тем, ультрамариновые люстры известны по находкам в Иране[139*] (*Lane*, 1958. P. 38; *Watson*, 1985. P. 23; *Tampoe*, 1989. P. 37) и южном Ираке (где они атрибутировались Дамаску) (*Reitlinger*, 1939. C. 199).

Наши исследования цветных глазурей показали, что, по меньшей мере, часть из них приготовлена по иранской (или близкой ей) рецептуре, а потому допустимо предполагать, что какие-то из них могли быть изготовлены в Иране (см. раздел 1.3). Возможно также, что глазури сирийских люстров по какой-то причине изготавливались по иной рецептуре, нежели покрытия других типов керамики. Для окончательного решения этого вопроса имеющихся данных явно недостаточно.

Ультрамариновые люстровые полуфаянсы представлены тремя видами:

Вид 1. **Изделия из твердого кашина.**

На Руси они известны в восьми местах:

1. Великий Новгород – 6 мелких обломков. Два из них найдены на Троицком раскопе (рис. 15, *3, 4*)[140] в слоях конца XII – середины XIII вв. (*Коваль*, 1995в. С. 177, рис. 1, *4*; *Koval*, 2006, fig. 10.1, *13*), два – на Неревском раскопе[141] в слоях первой половины – середины XII в. (*Медведев*, 1963. С. 284, табл. 1, № 5.), один обломок блюда – на Ильинском раскопе[142] в слое второй половины XII в. и 1 обломок тарелки – на Тихвинском раскопе[143]. Очевидно, все эти образцы попали в культурный слой Новгорода в домонгольскую эпоху, наиболее вероятно – в конце XII в. На возможное сирийское происхождение этих сосудов указывает применение в декоре гравировки по “сырому” люстру, причем в манере, свойственной именно сиро-египетским люстрам: гравировка проводилась даже на узких полосах люстра.

2. Тверь – 2 находки[144] из слоев XIII–XIV вв. в Кремле, в том числе мелкий обломок кувшина, внутренняя поверхность которого была покрыта бесцветной глазурью. Особый интерес представляет

[134] 2001–пол. № 417, 1602, 747, 2498.
[135] 2001–пол. № 276, 1167, 1325, 1393.
[136] ГИМ–1973–13–2605/21.
[137] ТГОМ–1989–пол. № 194.
[138] 2001–б/№.

[139] Иранские люстровые полуфаянсы с синей глазурью, хранящиеся в НМИЕВ (кол. 129–131,136 II), любезно показанные Н.В. Сазоновой, датированы XII–XIII вв. (*Масленицына*, 1975. С. 179, 181).
[140] НГОМЗ–1986–7–36687 А109/1707; 1990–9–38433 А120/858.
[141] НГОМЗ–1956 (в фондах не обнаружены).
[142] ГИМ–1963–1965/2044.
[143] НГОМЗ–1969–НВ19550 Прил. к А3/33.
[144] ТГОМ–1983–17655/284; 1986–пол. № 286.

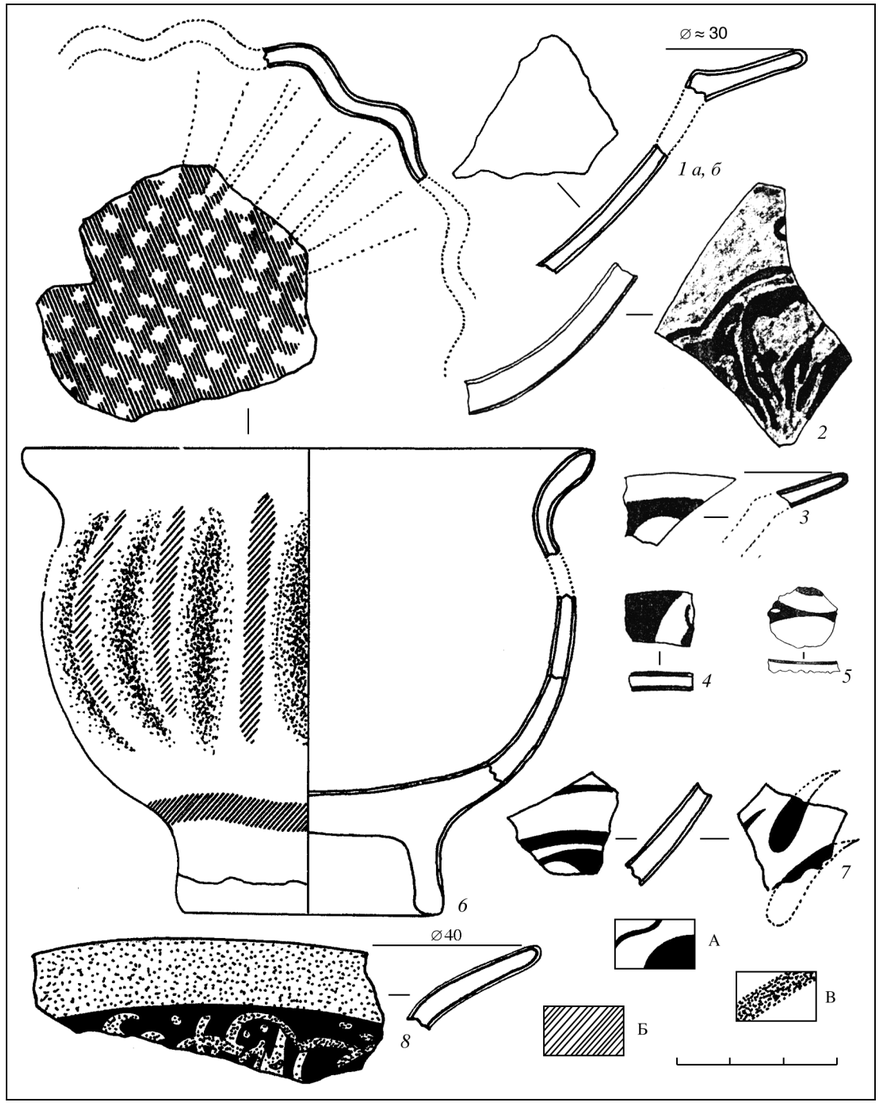

Рис. 15. **Иранские люстровые полуфаянсы с ультрамариновой глазурью**
Люстровая роспись: А (белые поля – *2–5*; черные поля – *7*), Б (*1*), В (*8*). *1* – Старая Рязань (XII в.); *2* – Иран (XVII в.); *3*, *4* – Великий Новгород (XIII в.); *5* – Тверь (XIII в.); *6* – Владимир (XII в.); *7* – Нижний Новгород (XIV в); *8* – Рюриково городище (XIV в.)

скол с внутренней поверхности чаши, которому была придана правильная округлая форма (рис. 15, *5*), вероятно, для вторичного использования в качестве декоративной вставки.

3. Дмитров – 1 обломок кувшина с фестончатым туловом[145]. Внутренняя поверхность кувшина была покрыта бледно-синей глазурью.

[145] 2001–1–пол. № 230.

4. Владимир – развал чаши[146] с рельефной моделировкой стенок (рис. 15, *6*) и крошечный обломок другой чаши из комплексов домонгольского времени.

5. Переяславль-Рязанский – 1 мелкий обломок сосуда[147], происходящий из слоя XIII в. (*Коваль*, *Судаков*, 1995. С. 127, 135).

[146] ВСГМЗ–1994–Пол. № 281, 282; 1995–№ 50; 1996–№ 88; 1997–№ 441–445 (по описи раскопа в 22 квартале).
[147] РГИАМЗ–1988–1–пол. № 770.

6. Старая Рязань – 4 обломка от двух кувшинов с рельефной моделировкой тулова (подобно чаше из Владимира) и одного блюда диаметром около 30 см с полустертой росписью зеленоватым люстром (цв. вкл. 14, *4, 5*; рис. 15, *1*)[148]. Один из кувшинов (*Даркевич*, *Стародуб*, 1983, рис. 1Б, *19*) был покрыт изнутри бесцветной глазурью, второй (*Даркевич*, *Стародуб*, 1983, рис. 1Б, *22*) – бледно-синей[149].

7. Чернигов – 5 обломков от двух блюд и чаши с плоскоотогнутыми краями[150] (цв. вкл. 14, *3*), т.е. с профилировкой, типичной для "керамики Ракки" (сравн. Табл. 14, *1*, *2*), датирующейся второй половиной XII – началом XIII вв. Спектральный анализ глазури одного из обломков (Прил. 1. № 21) показал ее полную идентичность сирийским высокосвинцовистым глазурям.

8. Киев – обломок плоскоотогнутого края блюда[151] (судя по такой профилировке, сирийского производства).

Вид 2. **Изделия из мягкого белого кашина.**

Ультрамариновые люстры из мягкого кашина не имеют принципиальных отличий от предыдущего вида. Подобные изделия были широко распространены в средневековой Армении (Двин, Ани) (*Шелковников*, 1952. С. 73–75, рис. 16; 1957. С. 60–62, рис. 62) и Грузии (*Джапаридзе*, 1956. Табл. LXIV, *4–6*). На территории Руси такая керамика найдена в пяти местах, в слоях золотоордынского времени:

1. Рюриково (Новгородское) городище – 1 обломок блюда[152] диаметром 40 см, внутренняя поверхность которого была покрыта ультрамариновой глазурью с люстровым эпиграфическим орнаментом оливково-зеленого цвета, а наружная – бирюзовой глазурью (цв. вкл. 14, *2*; рис. 15, *8*). Химический состав глазури этого изделия показал заметное отличие от сирийских люстров XIII–XIV вв. (Прил. 1. № 22, 23), заключающееся в практически полном отсутствии окиси свинца. В то же время, он отличался и от ультрамариновых глазурей иранской керамики "ладжвардина" (сравн. Прил. 1. № 33–35)[153].

2. Москва – 1 небольшой обломок чаши[154], побывавший в огне (глазурь вспузырилась, а люстровая роспись приобрела матовый медно-красный цвет).

3. Тверь – 2 маленьких обломка от сосуда закрытого типа[155] (изнутри не глазурован) и чаши с росписью оливково-зеленым люстром.

4. Ростов – 1 обломок сосуда закрытого типа[156] с росписью оливково-зеленым люстром (цв. вкл. 14, *5*). Внутренняя поверхность покрыта голубой прозрачной глазурью.

5. Вологда – 1 обломок края чаши[157].

Вид 3. **Изделия из рыхлого кашина.**

Цвет кашина таких изделий варьирует от белого до розового, причем по качеству эта масса выше, чем кашин из золотоордынских городов (менее рассыпчатая). Люстровая роспись часто стерта или полностью утратила цвет и блеск, оставляя на поверхности глазури черные следы. Глазурь щелочно-свинцовая, причем она отличается как от сирегипетских, так и от иранских глазурей (Прил. 1. № 24, 25). Находки подобной керамики известны в трех местах:

1) Тверь – на Затьмацком посаде найдено 12 обломков (*Коваль*, 1996а. С. 238, рис. 1, *4, 5*) от не менее чем четырех сосудов – кувшина и трех чаш[158] (цв. вкл. 15, *5–6*). Среди них встречен обломок чаши из кашина лилово-сиреневого оттенком, т.е. идентичного по цвету темно-бирюзовому люстровому полуфаянсу из раскопок в Пскове (см. выше). Поскольку такой оттенок кашина уникален, можно смело утверждать, что чаши, обломки которых найдены в Пскове и Твери, вышли когда-то из одной мастерской. Сходство кашина дополняется одинаковой (по манере исполнения и рисунку) люстровой росписью: на внутренней поверхности чаш это растительные мотивы с мелкоточечным заполнением фона, на внешней – наклонные каплеобразные мазки люстра (ряды стилизованных ныряющих рыбок). Аналогичный декор внешней поверхности известен на чаше из Азова (*Масловский*, 2006. Рис. 45, *4*). Тверские образцы найдены в комплексах раннезолотоордынской эпохи (не позже середины XIV в.).

2. Торжок – 2 обломка от разных чаш[159].

3. Владимир – 4 обломка от двух чаш (цв. вкл. 15, *1, 3*) (*Кабаев, Гальчук*, 2007, рис. 4, *1–4*).

4. Нижний Новгород – обломки чаши (рис. 15, *7*), декор которой аналогичен тверским образцам (см. выше).

ТИП 3. ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ С БИХРОМНЫМ (БЕЛЫМ И УЛЬТРАМАРИНОВЫМ) ФОНОМ

Отличие этого типа люстров заключалось в применении на части поверхности сосудов (обычно, в виде отдельных вертикальных панелей) кобальтовой подглазурной подцветки, создающей синий фон для люстровой росписи. Такой прием применялся на изделиях сефевидского Ирана XVII – начала XVIII в. (до 1722 г.) (*Рапопорт*, 1970. С. 54; *Pope*, 1965. Pl. 795) (цв. вкл. 15, *4*), изготавливавшихся из твердого белого кашина. На территории Руси известен пока только один обломок чаши этого типа, орнаментика которого (побеги, отдаленно напоминающие листья папоротника, и цветы в аркадах), исполненная оливково-зеленым люстром (цв. вкл. 15, *2*; рис. 15, *2*) находит аналогии только на иранских люстрах сефевидской эпохи (*Fehervary*, 1973. Pl. 77a; *Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 797B; Islamic pottery..., 1956. Pl. 84 ; *Lane*, 1957. Pl. 84, a, b). Находка происходит из слоя конца XVII–XVIII в. в Московском Зарядье[160] (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *14*).

ПОДГРУППА Г. ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ С ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Люстры с глазурью цвета "бордо" (или "баклажанного" цвета), окрашенной окисью марганца (Прил. 1. № 20) представлены на Руси единственным типом и видом – керамикой из твердого белого кашина с гравировкой по "сырому" люстру, причем известна только одна находка подобного рода – развал блюда (26 обломков) с Ильинского раскопа в Новгороде (цв. вкл. 13, *1*; рис. 16)[161]. Тонкослойная глазурь без цековых трещин плотно соединена с основой и полностью покрывала блюдо (кроме поддона). Реконструируемые размеры блюда: диаметр по краю 41 см, высота 11 см, диаметр кольцевого поддона 18 см (*Коваль*, 1995в. С. 175–177, рис. 1, *9, 10*; 2, *1, 2, 4*; *Koval*, 2008, fig. 10.2). Характерной особенностью формы был плоско отогнутый край. Люстровая роспись имелась только на внутренней поверхности блюда. Интересны узловатые плетенки на краю блюда, отдаленно напоминающие китайские иероглифы. Похожие плетенки присутствуют на люстровом блюде того же типа из раскопок крепости Гритилле в Сирии, датируемого концом XII – началом XIII в. (*Redford*, 1986. P. 119, 120, fig. 15).

Все обломки новгородского блюда найдены в слоях последней четверти XII – начала XIII в. При этом важно, что блюдо несет следы ремонта, проведенного в древности – отверстия от металлических скреп у трещин. Следовательно, оно долго находилось в пользовании и его изготовление может относиться и к несколько более раннему времени – середине – третьей четверти XII в.

Люстровые полуфаянсы с пурпурно-коричневой глазурью известны только среди керамики Сирии (Хама, Телль Минис, Антиохия, Каср аль-Хайр, Гритилле) (*Dimand*, 1958. P. 215; *Riis, Poulsen*, 1957, P. 150, fig. 472; *Waage*, 1944. P. 89; *Caiger-Smith*, 1985. P. 52, 55; *Porter*, *Watson*, 1987. Pl. 9; *Grabar et al.*, 1978, fig. G–4, *24*). Несколько находок таких люстров в Фустате (Египет) также считаются импортом из Сирии (*Lane*, 1957. P. 16). Сегментовидная профилировка с плоско отогнутым краем

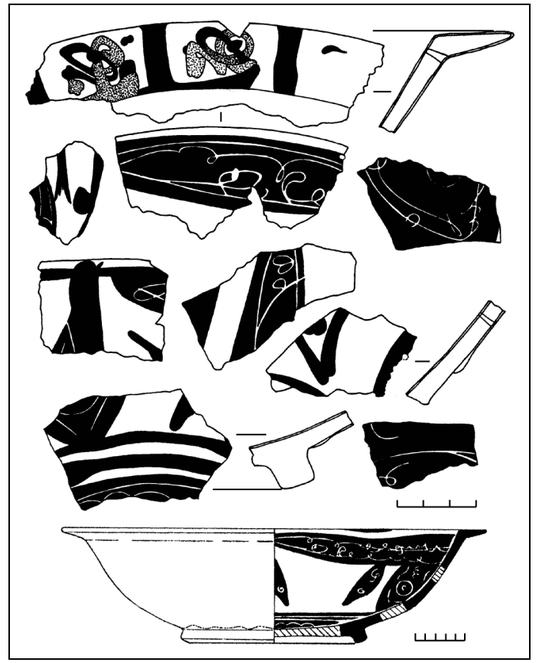

Рис. 16. **Развал сирийского полуфаянсового люстрового блюда с пурпурно-коричневой глазурью (Великий Новгород, конец XII – начало XIII в.) и вариант его реконструкции**

также является специфически сирийской – она типична для керамики XII–XIII вв. из Ракки (*Porter*, 1981. P. 21, fig. 3, 4, 6. Pl. XI, XIV, XVI) и керамики типа "лакаби" (см. ниже). Тесто (твердый белый кашин) и декор этого блюда, состоявший из процарапанных по сырому люстру завитков, идентичны сирийской люстровой керамике типа "Телль Минис" (названной так по первому месту находки, у городка Маарат ал-Нууман к юго-западу от Алеппо), датируемой XII в. (*Philon*, 1980, fig. 454, 521, 533, 564; *Porter*, 1981. P. 3, 4, pl. II; *Porter*, *Watson*, 1987. P. 178–180, fig. A–58; *Lane*, 1958. Pl. 57b, 59a; *Bahgat*, *Massoul*, 1930. Pl. VIII, *6*, XII, *3–11*) и выделяемой по беглой гравировке люстра и специфической форме сосудов (преобладали небольшие чаши усеченно-конического профиля). Профилировка новгородского блюда отличается от большинства чаш и блюд типа "Телль Минис", но все же она изредка встречается среди них (*Porter*, *Watson*, 1987, fig. A–58). Наконец, тождественные по рисунку росписи и профилировке обломки люстровых блюд найдены при раскопках средневекового городища Каср аль-Хайр аль-Шарки в северо-восточной Сирии (*Grabar et al.*, 1978, fig. G, 1; G-4, 10a). Таким образом, сирийское происхождение новгородского блюда можно считать твердо установленным, а его сходство с керамикой Ракки, с одной стороны, и типом "Телль Минис" – с другой, позволяет видеть в

---

[148] РГИАМЗ–1998–28–пол. № 119.

[149] ГИМ–1973–14–2605/18; 13–2605/20.

[150] ЧИМ–2002 (ул. Кирпоноса,7)–5–пол. № 169, 186, 187, 189, 191.

[151] 2001 (Майдан Незалежности)–5–пол. № 8214.

[152] НГОМЗ–1975–34806/53.

[153] Эти отличия могли объясняться получением аналитических данных из разных лабораторий.

[154] ММК–1977–пол. № 93.

[155] ТГОМ–1987–пол. № 168.

[156] РГМЗ–1988.

[157] 2005 (ул. Бурмашиных, 20)–пол. № 61.

[158] ТГОМ–1989–пол. № 64, 92, 130, 237, 302; 1995–пол. № 85, 244; 1996–пол. № 51, 93, 153, 244.

[159] Музей Торжка–1981–2–пол. № 19; 1999–1а–пол. № 292.

[160] МИМ–1954–28958/249.

[161] НГОМЗ–1963–17788 А98/468 (10 шт.); ГИМ–1963–1965/2021–2024, 2037–2043, 2057–2061.

нем связующее звено между этими двумя группами сирийской керамики, причем пока оно является единственным образцом сирийской керамики, имеющим твердую стратиграфическую (основанную на дендрохронологии) дату.

Итак, на Руси найдено более 120 обломков (от не менее чем 45 сосудов), принадлежавших люстровым полуфаянсам, датирующимся XII–XVII вв., а в основной своей массе – XII–XIV вв. Эти находки происходят из 13 пунктов, главным образом – крупных городов средневековой Руси.

Кроме городов коренной Руси, люстровые полуфаянсы с бесцветной и синей глазурями найдены также в Саркеле. Они атрибутированы Т.И. Макаровой в качестве сиро-египетских изделий (*Макарова*, 1967. С. 33), однако не все эти атрибуции оказались верны. Дело в том, что пурпурный тон люстра саркельских образцов является следствием обгорания обломков в пламени пожара. На это указывает и оплавленность цековых трещин, описанных автором как "имитация" цека путем процарапывания по неостывшей глазури иглой, что технологически практически невозможно[162]. Имитации цека на Востоке, как, впрочем, и в других местах, не известны (другое дело, что появления цека могли сознательно добиваться технологическими приемами обжига керамики, как это делали в Китае). Оплавление же цековых трещин в огне пожара и превращение их в желобки на поверхности глазури – нормальное явление, встречающееся довольно часто, особенно на керамике с щелочными глазурями.

ГРУППА 2. ПОЛУФАЯНСЫ С НАДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ КРАСКАМИ И АППЛИКАЦИЯМИ ЗОЛОТОЙ ФОЛЬГИ ("ЛАДЖВАРДИНА")

Эта группа представлена на Руси (равно как и на Востоке) одной ПОДГРУППОЙ ПОЛУФАЯНСОВ С УЛЬТРАМАРИНОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ, включавшей единственный ***ТИП*** **КЕРАМИКИ С БИХРОМНОЙ (БЕЛОЙ И КРАСНОЙ) РОСПИСЬЮ И АППЛИКАЦИЯМИ ИЗ ЗОЛОТОЙ ФОЛЬГИ,** традиционно называемый в литературе **"ладжвардина"** (цв. вкл. 16, *1*). Это название появилось в Иране в среде изготовителей поливной посуды не позднее XVI в. и впервые упоминается в примечаниях Абд-ар-Раззака, переписавшего в 1583 г. трактат Абулькасима Абдаллаха Кашани "Араис джавааxир ва нафаис аль-атаиб" ("Драгоценные камни невест и наиприятнейшие редкости"), написанный в 1300 г. В самом трактате упоминались некоторые технологические операции, связанные с производством этой керамики (например, наложение тончайших золотых пластинок) и минеральный краситель "ладжвард", включавший соединение кобальта и добывавшийся в окрестностях города Кашан (*Стародуб*, 2005. С. 277–279). Само же слово "ладжвард" в персидском языке означало просто "темно-синий" цвет, лазурит, ляпислазурь. В научной литературе термин был введен Р. Эттинхаузеном, А. Поупом и А. Лэйном[163].

Керамика такого типа изготавливалась из рыхлого белого или розоватого кашина и облицовывалась, как правило, прозрачной ультрамариновой глазурью. В литературе существует стойкое заблуждение, что такие изделия покрывались непрозрачной поливой (*Булатов*, 1968. С. 108; *Стародуб*, 2005. С. 277). Между тем, несмотря на очень густую окраску окисью кобальта, сам слой глазури является прозрачным, что прекрасно заметно даже при визуальном осмотре и подтверждается данными спектрального анализа (Прил. 1. № 33–35)[164].

Надглазурная роспись выполнялась белой и красной матовыми красками неглазурного происхождения (их в отечественной литературе иногда называют также "мастиками", однако этот термин не кажется удачным), которые, вероятно, являются высококремнеземными ангобами (*Soustiel*, 1985. P. 98). Сцепление красок с глазурью всегда очень прочное. Кусочки золотой фольги прикреплялись к глазури при помощи сложной технологии, описанной аль-Кашани[165]. Поскольку контурная роспись красной краской часто перекрывает золочение, ясно, что такая роспись наносилась позже. Поэтому часто линии красной краски становились дополнительным креплением для золотой фольги. Именно под ними обычно сохраняются остатки этой фольги, если на остальной поверхности сосуда золочение оказалось утрачено. Орнаментика посудной керамики "ладжвардина" состояла исключительно из растительных и геометризированных мотивов, многие из которых идентичны росписи фаянсов "минаи", изготавливавшихся по аналогичной технологии. Отличие от последних состоит не только в типе и цвете глазури, но также в ограниченном колористическом наборе и специфических орнаментальных схемах, что отмечалось в работах искусствоведов (*Стародуб*, 2005. С. 287–290). Например, внешняя поверхность чаш и придонных частей кувшинов покрывалась однообразной монохромной белой росписью в виде узких вертикальных лепестков (*Булатов*, 1968, рис. 3, *3*; *Lane*, 1958. Pl. 75A; *Wilkinson*, 1963. Pl. 71; *Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 751; *Fehervary*, 1973. Pl. 56a, 57a; Le Mille..., 1990. № 53, 54), на фаянсах "минаи" почти не встречающихся.

Керамика типа "ладжвардина" изготавливалась в Иране в конце XIII–XIV вв. (*Kuhnel*, 1976. P. 106; L'Islam..., 1977. № 296). По мнению Т.Х. Стародуб, начало производства этой керамики относится ко времени не ранее начала XIV в. (2005. С. 284, 287). Самый поздний подписной образец такой керамики имеет дату 1374 г. (*Soustiel*, 1985. P. 98). В городах Средней Азии и Золотой Орды она встречается довольно редко (*Вактурская*, 1959. С. 324, рис. 29, *3*; *Булатов*, 1968. С. 108; *Федоров-Давыдов*, *Булатов*, 1989. С. 199; *Масловский*, 2006. С. 425, 427; *Самашев и др.*, 2008. С.222–225) и, очевидно, была привозной. Находки такой керамики на Руси также, видимо, являются иранскими по происхождению, в чем убеждает такой прием, как глазурование дна чаш с нижней стороны внутри поддона (на чаше из Киева – цв. вкл. 16, *б*), не применявшийся в гончарстве золотоордынского Поволжья.

На Руси керамика типа "ладжвардина" найдена в восьми городах:

1. Великий Новгород – 3 обломка[166] от двух чаш (цв. вкл. 16, *5*; рис. 17, *1*), найденные в слоях второй половины XIV – начала XV в. на Неревском раскопе (*Koval*, 2006, fig. 10.3, *1*).

2. Витебск – 1 обломок чаши[167] из слоя XIV в. в Верхнем Замке (детинце) (*Коледінскиі*, 1983. С. 33, табл. 97, *б*).

3. Тверь – 4 обломка из слоев золотоордынского времени. Три из них, принадлежавшие кувшину (внутренняя поверхность покрыта бесцветной глазурью) и двум чашам, найдены в Кремле (рис. 17, *2*)[168] (*Коваль*, 1997в), обломок третьей чаши – на Затьмацком посаде[169].

4. Ярославль – 1 обломок чаши (цв. вкл. 16, *2*).

5. Суздаль – 2 обломка[170] из слоев золотоордынской эпохи (*Седова*, 1997, рис. 71, *6, 7*).

6. Переяславль-Рязанский – 1 обломок дна чаши[171] найден в кремле в слоях XIII–XIV вв. (*Монгайт*, 1961, рис. 146, *б*; *Коваль*, *Судаков*, 1995. С. 122).

7. Нижний Новгород – 1 мелкий обломок чаши[172] (цв. вкл. 16, *3*; рис. 17, *б*).

8. Киев – 10 обломков от одной чаши происходят из раскопок Десятинной церкви в Киеве М.К. Каргером в 1938–1939 гг. (*Залесська и др.*, 1996, рис. на с. 202, два нижних ряда) (цв. вкл. 16, *б*; рис. 17, *3, 5*). Условия находки не известны. Дно чаши было покрыто снизу (внутри кольцевого поддона) бирюзовой непрозрачной поливой.

ГРУППА 3. ПОЛУФАЯНСЫ С НАДГЛАЗУРНОЙ БИХРОМНОЙ (КРАСНОЙ И БЕЛОЙ) РОСПИСЬЮ С АППЛИКАЦИЯМИ ИЗ ЗОЛОТОЙ ФОЛЬГИ И ПОДГЛАЗУРНОЙ ЧЕРНОЙ РОСПИСЬЮ

(ПОДГРУППА БИРЮЗОВЫХ ПОЛУФАЯНСОВ)

Подобная керамика рассматривается исследователями обычно как редкий даже в самих странах Востока вариант керамики "ладжвардина", которая изготавливалась в Иране в конце XIII–XIV в. (*Atil*, 1973a. P. 165)[173].

Находки подобной керамики известны в двух местах:

1. Тверь – обломок чаши[174] из мягкого белого кашина, найденный в слое золотоордынского времени на Затьмацком посаде (*Коваль*, 1997в, рис. 1, *1*). Внешняя поверхность расписана узкими лепестками лотоса, выполненными белой краской (рис. 17, *4*), т.е. аналогично полуфаянсам "ладжвардина". Единственной известной нам аналогией является иранская чаша конца XIII – начала XIV в. из Музея исламского икусства в Дюссельдорфе (Islamische Keramik, 1973. S. 164, № 225). Кроме того, сочетание черной подглазурной и полихромной надглазурной росписи имеется на одной чаше типа "ладжвардина" (с ультрамариновой глазурью) из Лувра, датируемой началом XIV в. (L'Islam..., 1977. № 296).

2) Владимир – мелкий обломок сосуда, на котором сохранилась только надглазурная белая роспись (цв. вкл. 16, *4*).

ГРУППА 4. ПОЛУФАЯНСЫ С НАДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ ЭМАЛЯМИ И ПОДГЛАЗУРНОЙ ГРАВИРОВКОЙ

(ПОДГРУППА ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВЫХ ПОЛУФАЯНСОВ)

Единственный обломок блюда этой чрезвычайно редкой разновидности найден в Старой Рязани (рис. 17, *7*)[175], но без атрибуции и описания (*Монгайт*, 1955, рис. 123, слева внизу). Обломок принадлежал блюду, изготовленному из твердого белого кашина, на внутренней стороне которого видна гравировка по основе широкой линией, а внешняя была украшена круглым пятном белой непрозрачной эмали, нанесенным поверх слоя коричневой глазури (сама эмаль отслоилась – от нее сохранились лишь два крошечных кусочка, однако на поверхности глазури осталось четко выделенное темное пятно, границы которого точно фиксируют форму первоначального эмалевого декора). Судя

---

[162] Такая операция потребовала бы изъятия сосудов из горна до его остывания, когда температура в нем превышала 1000 °С и неизбежно привела бы к их разрушению. Можно еще было бы допустить последующее разогревание сосудов в горне (наподобие работы со стеклом), однако такой технологический прием никогда не применялся в гончарстве (вплоть до настоящего времени).

[163] Подробнейший экскурс в историю происхождения этого термина и характеристика двух персидских рукописей, в которых он упоминается, приведены в работе Т.Х. Стародуб (2005. С. 279–281).

[164] Следует заметить, что известны образцы и с непрозрачной поливой, однако они встречаются исключительно редко (*Soustiel*, 1985. P. 98, pl. 88).

[165] Т.Х. Стародуб считает, что такая технология применялась только на "ладжвардине" (2005. С. 280), но в действительности она ничем не отличается от той, что использовалась при изготовлении фаянсов "минаи".

[166] НГОМЗ–17608/11; 1953–34767 А78/129; 1961–34767 А78/128.

[167] Витебский музей–1983.

[168] ТГОМ–1985–21425/307; 1991–пол. № 105.

[169] ТГОМ–1996–пол. № 129/65.

[170] ВСГМЗ–1974–1–№ 49; 1983–2–№ 46.

[171] РГИАМЗ–1955–1– А664а/216.

[172] 2001–пол. № 863 (яма 37).

[173] Надо заметить, что к керамике "ладжвардина" относят также редчайшие изделия с бесцветной глазурью, покрытые надглазурной полихромной росписью (*Watson*, 2005. P. 377).

[174] ТГОМ–1989–пол. № 614.

[175] РГИАМЗ–1948–2в–пол. № 746.

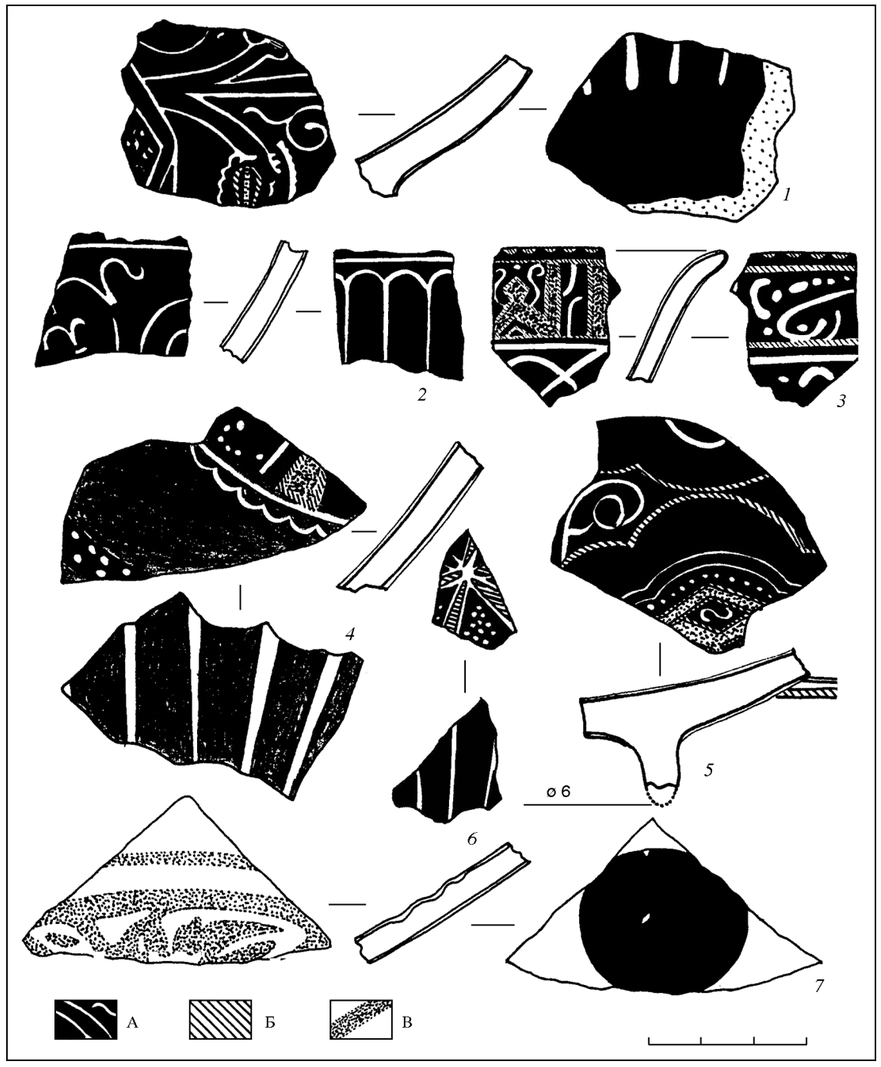

Рис. 17. **Иранские полуфаянсы “ладжвардина” (*1–6*) и сирийский полуфаянс с подглазурной гравировкой и надглазурной эмалевой росписью (*7*)**

А – белая роспись на темном фоне (*1–5*), красная краска на том же фоне (*6*), след от надглазурной эмалевой росписи (*7*); Б – красная краска (*1*, *3–5*), золото (*6*); В – золото (*1*, *3–5*) и линии подглазурной гравировки (*7*). *1* – Велики Новгород (XIV в.); *2*, *4* – Тверь (XIV в.); *3*, *5* – Киев (XIII в.); *6* – Нижний Новгород (XIV в.); *7* – Старая Рязань (XII в.)

по результатам спектрального анализа коричневой глазури (Прил. 1. № 36), ее химический состав соответствует сирийским образцам[176].

[176] Он принадлежит к группе свинцово-щелочных глазурей с содержанием оксида свинца в пределах 10–20% (как правило, около 15%), к которой относились также полуфаянсы типа “лакаби” (см. ниже) и люстровые полуфаянсы (Прил. 1).

Серия 3. Полуфаянсы с подглазурным декором

ГРУППА 1. ПОЛУФАЯНСЫ С ГРАВИРОВАННЫМ ДЕКОРОМ

ПОДГРУППА А. БЕЛЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Белые (т.е. крытые бесцветной глазурью по белой кашинной основе) полуфаянсы с декором, гравированным по кашинной основе, известны на Вос-

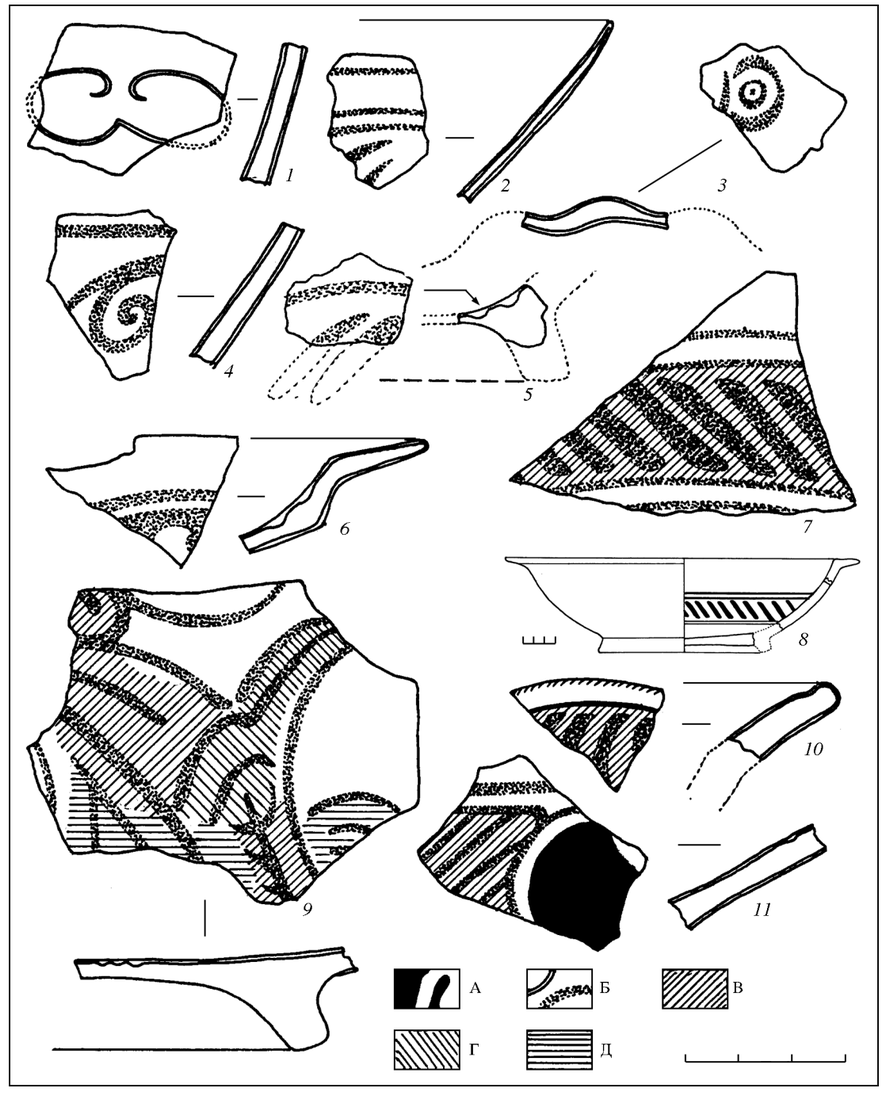

Рис. 18. **Полуфаянсы с подглазурной гравировкой (Иран, XII в.) под бесцветной (*1*, *2*), синей (*3*) и бирюзовой (*4–6*) глазурью и сирийские полуфаянсы типа “лакаби”, XII–XIII вв. (*7–11*)**

А – черный цвет; Б – линии гравировки; В – синий цвет; Г – пурпурно-коричневый цвет; Д – бирюзовый цвет. *1*, *2*, *4*, *7–11* – Великий Новгород (*8* – реконструкция блюда, которому принадлежат образцы *7* и *9*); *3* – Муром; *5* – Старая Рязань

токе (в Иране, Закавказье и Сирии) с XII в. (*Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 593; *Riis, Poulsen*, 1957. P. 142–144, fig. 431–446; *Lane*, 1958. Pl. 38–39; *Porter*, *Watson*, 1987, fig. B–8–10, 14, 26–29; *Gardin*, 1963. P. 126–127. Pl. XXVIII, *531*; *Watson*, 2005. Cat. L.8). Места производства этой керамики не выявлены, предполагается, что она могла изготавливаться в Иране в подражание китайскому белому гравированному фарфору эпохи Сун типов “Ting” и “Ying ch’ing”. Химический состав глазурей ряда образцов (Прил. 1. № 37, 38) показал идентичность их высококосвинцовистых рецептур поливам сирийской и египетской керамики XI–XII вв. Следовательно, часть такой керамики могла изготавливаться и в Сирии.

Декор состоял из растительных мотивов, гравированных по кашинной основе инструментом с острым рабочим концом (толщиной 1 мм). Рисунок

выделялся на белом фоне более темным тоном из-за утолщения слоя глазури в углубленных линиях гравировки. Часто такая керамика имела вертикальные полосы-потеки подглазурной подцветки синей краской (кобальтом), нанесенной без всякого согласования с рисунком.

На Руси белые гравированные полуфаянсы известны в двух местах:

1. Великий Новгород – 4 обломка от двух чаш (на Троицком раскопе):

– обломки первой[177], изготовленной из твердого кашина (рис. 18, *1*), происходили из слоя начала XII в. (*Koval*, 2006. P. 172, fig. 10.3, *2*);

– обломки второй[178], из мягкого крупнозернистого кашина (рис. 18, *2*), были найдены в слое второй половины XII в. (*Koval*, 2006, fig. 10.3, *3*).

2. Белгород-Киевский – обломок края блюда[179] из твердого кашина, с пятнами кобальтового красителя (цв. вкл. 17, *3*). На самом образце следов гравировки нет, но расцветка кобальтом указывает на его принадлежность именно к этому типу керамики.

ПОДГРУППА Б.
БИРЮЗОВО-ГОЛУБЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Бирюзово-голубые гравированные полуфаянсы отличаются от белых только цветом кроющей глазури. Датировка и атрибуция идентичны предыдущей подгруппе (Islamic Pottery.., 1956. № 35; Medieval..., 1957. Pl. 15; *Riis, Poulsen*, 1957. P. 148, fig. 458–464; *Gardin*, 1963. P. 126). Все найденные образцы изготовлены только из твердого белого кашина. На Руси они известны пока только в четырех местах:

1. Великий Новгород – 1 мелкий обломок чаши или блюда (рис. 18, *4*)[180] из слоя конца XI в. на Троицком раскопе (*Koval*, 2006. P. 172, fig. 10.3, *4*).

2. Суздаль – 1 обломок сосуда закрытого типа[181] с тонко гравированным орнаментом на внешней поверхности из домонгольских слоев Кремля (*Седова*, 1997, рис. 71, *3*).

3. Белгород-Киевский – 1 обломок дна блюда[182].

4. Родень (Княжа гора) – обломок медальона, изготовленного из стенки блюда[183].

ПОДГРУППА В.
СИНИЕ ПОЛУФАЯНСЫ

В этой подгруппе глазурь окрашивалась оксидом кобальта в различной концентрации (цв. вкл. 17, *5*). Датировка и атрибуция соответствуют двум предыдущим подгруппам.

Единственным местом находки такой керамики на Руси является Муром, где в домонгольском культурном слое встречена стенка сосуда[184] с рельефной (фестончатой) моделировкой и гравированным рисунком на внешней поверхности (цв. вкл. 17, *2*; рис. 18, *3*). Глазурь светло-синяя.

[177] НГОМЗ–1982–НВ19985 Прил.к А96/467, 468.
[178] НГОМЗ–1991–37584 А116 (123)/442, 443.
[179] НМИУ–№ В1/1266.
[180] НГОМЗ–1991–10–НВ22605 Пр.к А127/161.
[181] ВСГМЗ–1983–11–пол. № 49.
[182] КДУ–1966–пол. № 290.
[183] ЧИМ–Арх 5–460/5 (из кол. в.В. Тарновского).

ГРУППА 2. ПОЛУФАЯНСЫ С ГРАВИРОВКОЙ И ПЛОСКОЙ РЕЗЬБОЙ

(ПОДГРУППА БИРЮЗОВЫХ ПОЛУФАЯНСОВ)

Сочетание гравировки и плоской резьбы характерно для монохромных белых и бирюзовых полуфаянсов XII в., известных на Востоке во многих центрах Ирана, Армении и Сирии (*Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 594 B, D, 597–602; *Lane*, 1958. pl. 43; *Waage*, 1944, fig. 81, *4–21*; *Riis,Poulsen*, 1957, fig. 482–484; *Porter*, *Watson*, 1987, fig. C–1, 2, 3; *Watson*, 2005. Cat. L.6, L.12, L.24; *Шелковников*, 1958. С. 217, рис. 9). Прием плоской резьбы заключался в резервировании изображения, путем срезания части кашина вокруг него при помощи плоской лопаточки (штихеля) и тонкой гравировки более мелких деталей рисунка. Работа проводилась, видимо, еще до изъятия сосудов из форм, в которых производилось тиснение (отливка) кашинных изделий. В результате, после облицовки рисунка глазурью, углубленные места с утолщенным слоем глазури выглядели более темными, а сам рисунок становился псевдорельефным. В зарубежной литературе такая керамика называется “*carved ware*”. По технологии изготовления и орнаментике блюда этого типа чрезвычайно близки сирийской керамике типа “лакаби”, описанной ниже (*Riis, Poulsen*, 1957. P. 154; *Soustiel*, 1985. № 158). Состав глазури, по крайней мере, некоторых образцов этой керамики (Прил. 1. № 39), по рецептуре (относительно высокому содержанию оксида свинца) близок именно сирийским глазурям.

Среди находок на территории Руси только в Великом Новгороде встречен один несомненный образец плоской резьбы на бирюзово-голубых полуфаянсах, но имеющаяся на ряде обломков гравировка широкой (3–5 мм) линией характерна именно для данной группы восточной керамики. Все найденные образцы изготовлены из твердого белого кашина (за единственным исключением). Находки подобной керамики известны в пяти городах:

1. Великий Новгород – 4 обломка от двух сосудов из слоя середины XII в. – 3 обломка тарелки с Ильинского раскопа[185] (рис. 18, *6*) (*Koval*, 2006. P. 172, fig. 10.3, *5*) и обломок блюда с Троицкого раскопа[186].

2. Старая Рязань – 2 мелких обломка блюд[187] из слоев домонгольского времени. Один из них изготовлен из твердого кашина (*Даркевич*, *Стародуб*, 1983, рис. 1Б, *27а*), второй – из мягкого (“пемзообразного”) розоватого кашина (рис. 18, *5*) (*Даркевич*, *Стародуб*, 1983, рис. 1Б, *34*).

3. Киев – 1 маленький обломок блюда происходил из раскопок 1938–1939 гг. Десятинной церкви[188] Условия находки не известны.

4. Белгород-Киевский – 1 обломок стенки блюда[189].

5. Новогрудок – “несколько” обломков блюда[190] из комплекса второй половины XII в., аналогия для которого указана автором публикации (*Гуревич*, 1981. С. 82) среди “*carved wares*” (*Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 598).

[184] МКК–1985–№ 317.
[185] НГОМЗ–1963–39108 А137/361; ГИМ–1963–1965/2045, 2046.
[186] НГОМЗ–1991–9–37584 А116/440.
[187] ГИМ–1973–13–1965/24; 1977–20–1965/37.

ГРУППА 3. ПОЛУФАЯНСЫ С ГРАВИРОВКОЙ, ПЛОСКОЙ РЕЗЬБОЙ И АЖУРНЫМ ДЕКОРОМ

ПОДГРУППА А. БЕЛЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Ажурный декор (так называемый “*grain de riz*” (“грендери”), т.е. “рисовое зерно”) на белых полуфаянсах достигался просверливанием стенок обожженных кашинных сосудов и последующей заливкой их поверхности (и отверстий) прозрачной глазурью. Такой декор служил дополнением к гравированному и (или) плоскорезному декору, имитируя китайскую керамику, в стенки которых вставлялись рисовые зерна, выгоравшие при обжиге и оставлявшие отверстия. Подобная керамика начала изготавливаться в Иране (Medieval..., 1957. Pl. 13; *Pope*, *Ackerman*, 1965. Pl. 593 C, D, 594 A, C; Islamische Keramik, 1973. № 206–208; Искусство Ислама, 1990. № 26; *Watson*, 2005. Cat. L.7, L.21) в XII – начале XIII в. (*Grube*, 1976. P. 158–160, fig. 103–104, 107–108). Прежние предположения о датировке таких изделий X-XI вв. (*Шелковников*, 1957. С. 34) не подтвердились, поскольку производство кашина в Иране и на Ближнем Востоке получило широкое распространение только в XII в. (*Watson*, 1985. P. 23). Состав глазури такой керамики заметно варьирует на разных образцах (Прил. 1. № 40–42), что заставляет предполагать существование различных центров ее производства – в Сирии и Иране. Именно к этой разновидности полуфаянсов относилась иранская чаша с маскаронами из раскопок Биляра (*Валиулина*, 2007) (цв. вкл. 17, *6*).

Ажурные белые полуфаянсы (уже без гравировки и плоской резьбы, но с подглазурной синей или бихромной черно-синей росписью) продолжали производиться и в более поздний период (XIV–XV вв.), причем их находки известны не только в Иране и Средней Азии, но и в золотоордынском Поволжье (*Вактурская*, 1959. С. 324, рис. 28, *2*; *Скоробогатова*, 1983. С. 104–106, рис. 5, *7*). Установлено, что в Поволжье существовало местное производство такой керамики (*Федоров-Давыдов*, *Булатов*, 1989. С. 196), однако образцы золотоордынских изделий этого типа пока на Руси не встречены.

Находки керамики этой подгруппы известны в двух местах:

1. Киев – 4 обломка от одной чаши[191] (цв. вкл. 17, *1*) сирийского происхождения (судя по составу глазури – Прил. 1. № 40).

2. Суздаль – обломок стенки чаши[192] из слоя, датированного концом XI в. (*Седова*, 1985. С. 317; 1997, рис. 71, *1*), но, вероятно, относившегося к несколько более позднему времени (XII в.).

ПОДГРУППА Б.
БИРЮЗОВО-ГОЛУБЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

От предыдущей подгруппы эти изделия отличаются только цветом кроющей глазури. Находки известны в двух местах:

1. Киев – развал чаши (цв. вкл. 17, *4*) из мягкого белого кашина, состав глазури которой (Прил. 1. № 42) более характерен для иранского производства.

2. Старая Рязань – 3 обломка чаши усеченно-конического профиля, изготовленной из твердого белого кашина[192а]. Лишь один из них происходил из комплекса домонгольской эпохи, а 2 других были связаны с переотложенным культурным слоем городища. Судя по высокосвинцовистой глазури, эта чаша происходила из Сирии (Прил. 1. № 41).

ГРУППА 4. ПОЛУФАЯНСЫ С ПЛОСКОЙ РЕЗЬБОЙ, ГРАВИРОВКОЙ И РОСПИСЬЮ ПОЛИХРОМНЫМИ ГЛАЗУРЯМИ

В этой группе на Востоке известна только одна **подгруппа полуфаянсов с бесцветной глазурью**, в которой выделяется также только один тип керамики, традиционно называемый “***polychrome carved ware***” (полихромная керамика с плоской резьбой) или “***lakabi***” (“***лакаби***”) (*Lane*, 1958. P. 35; *Pope*, *Ackerman*, 1964. P. 1521, 1525; *Fehervary*, 1973. P. 80; *Grube*, 1976. № 220; *Atil*, 1973b. № 17.). Термин “лакаби” пришел от иранских торговцев антиквариатом и переводится как “расписная” (*Pope*, *Ackerman*, 1964. P. 1525; *Lane*, 1958. P. 35) или “поливная” (*Fehervary*, 2000. P. 174). Эта керамика изготавливалась из твердого белого кашина, покрывалась бесцветной свинцово-щелочной глазурью типа Na-K-Ca-Pb-Si (Прил. 1. № 43–45)[193] с крупным цеком и украшалась плоской резьбой и гравировкой (см. выше описание этой технологии). Рисунок расцвечивался синей (окись кобальта), бирюзово-голубой (окись меди), пурпурно-коричневой (окись

[188] ГЭ–1938/1939–Эра-5а/280.
[189] НМИУ–№ В1/1259.
[190] Место хранения не известно.

[191] МИК–1981 (ул. П. Осипенко, 9)–№ А4871/10.
[192] ВСГМЗ–1979–7–№ 508.
[192а] РГИАМЗ–2002–28–пол. № 29, 199; 2003–28–пол. № 1.
[193] См. также результаты качественного анализа глазурей этой керамики, выполненного Ю.Л. Щаповой (*Медведев*, 1963. С. 284–286).

марганца), а иногда также зеленой, желтой и черной прозрачными глазурями (*Pope*, *Ackerman*, 1964. P. 1522; *Grube*, 1976. P. 273) с расплывающимися контурами (цв. вкл. 18). Расцветка распространялась, как правило, только на гравированно-резной рисунок и лишь в отдельных случаях покрывала все поле сосуда. При этом внешняя поверхность блюд была всегда лишена декора и подцветок. Основной формой керамики “лакаби” были блюда полусферического профиля с резко выделенным плоско отогнутым краем. На днищах блюд изображались различные птицы (цв. вкл. 18, *1*), животные (например, олень), рыбы, гарпии, сфинксы, жанровые сцены, эпиграфический орнамент, как правило, заключенные в кольцо из наклонных штрихов, закрашенных синим (цв. вкл. 18, *2б, 5*) (*Ξυγγοπολος*, 1930. Eiχ. 10; *Hobson*, 1932, fig. 20; Islamic Pottery..., 1956. Pl. 5, № 40; *Lane*, 1958. Pl. 46A; *Wilkinson*, 1963. Pl. 45; *Pope*, *Ackerman*, 1964. Pl. 603, 604, 605, 606; Islamic Pottery..., 1969. № 86; Islamische Keramik, 1973. № 209; *Atil*, 1973b. № 17; Davids samlung..., 1975. № 143; *Soustiel*, 1985. № 127; *Watson*, 2005. Cat. K. 2; *Жамкочян*, 1981. Табл. VIIIa, *11*). Известно также одно блюдо с изображением равноконечного креста с расширяющимися лопастями (западноевропейского облика) (*Рыжов, Голофаст*, 2000, рис. 1, *3*). По краю блюда и ребру перехода от края к стенке часто проводились синие полосы (*Grube*, 1976. № 220). На плоско отогнутых краях блюд обычно изображались гравировкой (с подцветкой) круглые медальоны “в скобках”, количество которых варьировало от 3 до 6. Весьма вероятно, что такие медальоны имитировали декор на люстровой керамике египетского производства XI в. (*Bahgat, Massoul*, 1930. Pl. IX, *1*).

Керамика типа “лакаби” впервые была найдена в Иране и потому долгое время считалось, что там же она и производилась, однако в последнее время стало преобладать мнение о ее сирийском происхождении (*Grube*, 1976. P. 273; *Porter*, 1981. P.36; *Rogers*, 1972. P. 261), исходящее из типичности формы блюд “лакаби” именно для сирийской керамики (в частности, керамики Ракки XII–XIII вв.) (ср. с люстровым блюдом с пурпурной глазурью из Новгорода) и многочисленности находок “лакаби” именно в Сирии (Ракка, Хама, Дамаск, аль-Мина, Балис, Апамея, Телль Минис, Антиохия) при отсутствии в Египте и концентрации иранских находок только в сельджукской столице Рее. Предложена даже конкретизация места ее производства – в Ракке (*Porter, Watson*, 1987. P. 187, 190–191). Наши анализы глазурей полуфаянсов “лакаби” показали, что все исследованные образцы были приготовлены по сирийской высокосвинцовистой рецептуре (Прил. 1. № 43–45, 116).

Большинство исследователей датируют полуфаянсы “лакаби” второй половиной (А. Лэйн), последней четвертью XII в. (Г. Фехервари) или XIII в. (Э. Грубе) (*Pope*, *Ackerman*, 1964. P. 1525; *Lane*, 1958. P. 35; *Fehervary*, 1973. P. 81; 2000, P. 175; *Riis, Poulsen*, 1957. P. 144; *Grube*, 1976. P. 273). Находки в Великом Новгороде (см. ниже) подтверждают появление этой керамики в последней четверти XII в. (*Коваль*, 1997а. С. 141–144). В то же время, находка развала блюда этого типа в комплексе построек, погибших в Херсонесе, вероятно, в 1278 г. (*Рыжов, Голофаст*, 2000. С. 253, 263, рис. 1, *1*), позволяет допускать бытование (или даже производство) такой керамики вплоть до середины XIII в.

На территории Руси полуфаянсы “лакаби” найдены в пяти местах:

1. Великий Новгород – 19 обломков от шестивосьми блюд (цв. вкл. 18, *2, 3*; рис. 18, *7–11*) и одного сосуда закрытой формы (чашки?)[194] (*Koval*, 2006, fig. 10.3, *6–10*). Полоса наклонных гравированных штрихов на внешней поверхности последнего экземпляра имеет прямые аналогии в наружном декоре некоторых сирийских чаш и кувшинов, в том числе типа “лакаби” (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 442, 443, 450; *Waage*, 1944, fig. 54, *10, 11*). В расцветке новгородских образцов применялись синяя, бирюзовая, пурпурная и (в одном случае) черная глазури. Все они найдены в слоях второй половины XII – первой половины XIII в., причем наиболее крупные из них (очевидно, найденные in situ) датируются концом XII – началом XIII в. Впервые эти находки были опубликованы А.Ф. Медведевым без иллюстраций и четкого определения наименования типа этой керамики (*Медведев*, 1963), в результате чего долгое время они не были известны отечественным и зарубежным исследователям. Проверка датировок, предложенных в свое время А.Ф. Медведевым, показала, что ранние даты ряда образцов являются ошибочными. В слое, датированном ранее середины XII в., был найден только один мелкий обломок, происходивший, видимо, из перекопа (*Коваль*, 1997а).

2. Новогрудок – 1 обломок блюда[195] с изображением птичьей лапы, с синей и пурпурной подцветкой (цв. вкл. 18, *4*), найден в комплексе, датированном первой половиной XII в. (*Гуревич*, 1981. С. 41, 117, 133). Однако, как уже было показано выше (при рассмотрении находок люстровых фаянсов) многие комплексы из раскопок Новогрудка (и в том числе постройка 12 окольного города, из которой происходит данная находка), видимо, в действительности датируются более поздним временем, нежели предполагалось автором раскопок. В данном случае наиболее вероятна датировка комплекса второй половиной XII в.

3. Гродно – обломок дна блюда[196] (цв. вкл. 18, *6*).

4. Старая Рязань – 2 обломка от разных блюд. Один из них[197] при первой публикации был неверно определен как обломок кувшина с гранеными стенками и случайной каплей бирюзовой глазури (*Даркевич, Стародуб,* 1983. С. 191, рис. 1Б, *28*). В действительности это фрагмент ребра блюда при переходе стенки в плоскоотогнутый край, на котором был гравирован медальон “в скобках”, подцвеченный бирюзовой и пурпурно-коричневой глазурями. Находка происходила из переотложенного слоя и не имела стратиграфической даты.

Второй обломок сохранил участок подцвеченного кобальтом пояса из наклонных штрихов, гравированных по основе – характерного элемента декора блюд этого типа[198] (цв. вкл. 18, *5*).

5. Чернигов – небольшой обломок стенки блюда[199].

Кроме перечисленных пунктов, керамика типа “лакаби”, возможно, была найдена в.В. Хвойкой в Киеве, при раскопках 1907–1908 гг. Это была кружка, “покрытая разноцветной поливой и украшенная по поверхности тисненым орнаментом” (дневник в.В. Хвойки) (*Каргер*, 1958. С. 291). Жилище автором раскопок было датировано X–XI вв., однако находки в нем стеклянных браслетов и обломков амфор позволяют думать, что в действительности оно относилось к XII – началу XIII в.

ГРУППА 5. ПОЛУФАЯНСЫ С РЕЛЬЕФНЫМ ДЕКОРОМ

Полуфаянсы с рельефным декором включают изделия двух типов:

1) с рельефной моделировкой тулова сосудов, достигнутой в калыпе (полигональной или фестончатой формы);

2) с контррельефным декором, достигавшимся вдавлениями фигурного штампа по поверхности сосуда.

ПОДГРУППА А. БИРЮЗОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Один обломок сосуда с вертикальными каннелюрами на внешней поверхности, отформованный в калыпе, найден в Тверском кремле[200] в слое золотоордынского времени.

ПОДГРУППА Б. ПОЛУФАЯНСЫ С БИХРОМНОЙ (ультрамариновой и бирюзовой) глазурями

Внешняя (лицевая) поверхность сосудов данной подгруппы (все они принадлежали к закрытому типу - в основном это были вазы “гюльабдан”) покрывалась ультрамариновой глазурью, а внутренняя – бирюзовой. Все сосуды этого типа были изготовлены из рыхлого белого кашина и принадлежали производству золотоордынских городов Поволжья середины – второй половины XIV в.

1. Великий Новгород – 10 обломков от одной вазы “гюльабдан” с ограненной нижней частью тулова и черной подглазурной подцветкой края венчика найдены на Ильинском раскопе[201] в слоях середины XIV в. (*Коваль*, 1998а).

2. Коломна – 1 мелкий обломок сосуда[202].

ПОДГРУППА В. ПОЛУФАЯНСЫ С УЛЬТРАМАРИНОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Один обломок такой чаши, изготовленной из твердого белого кашина и покрытой двусторонней глазурью, был найден в Нижнем Новгороде в слоях середины – второй половины XIV в.[203]

ПОДГРУППА Г. ПОЛУФАЯНСЫ С ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

К этой подгруппе принадлежит единственная находка из Старой Рязани обломка кувшина (?) из белого твердого кашина с контррельефным (углубленным) декором (мелкие розетки или листовидные фигуры) на наружной поверхности[204] (рис. 19, *3*). По высокому качеству кашина и цвету глазури этот образец может связываться с иранской (или сирийской?) продукцией XII в.

ГРУППА 6. ПОЛУФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ АНГОБОМ

К этой группе относятся монохромные изделия с росписью густым ангобом, состоявшей из групп точек, имитаций арабских надписей и других элементов, которые обладали слабой рельефностью, что вызывало утончение на них слоя глазури, из-за чего они выделялись более светлым тоном.

ПОДГРУППА А. БИРЮЗОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ

Все изделия этой подгруппы были изготовлены из рыхлого белого кашина. Производились они в городах Средней Азии (*Сайко*, 1969. С. 44; *Вактурская*, 1959. С. 324, рис. 35, *5*) и Поволжья золотоордынской эпохи (*Булатов*, 1968. С. 104–105; *Федоров-Давыдов*, *Булатов*, 1989. С. 196). Очевидно, именно из Поволжья такая керамика и попадала на Русь.

1. Тверь – 1 обломок края блюда, украшенного “жемчужинами” и листочками на внутренней поверхности (в сочетании с кобальтовыми точками по обрезу) найден в Кремле, в слое золотоордынской эпохи[205] (*Коваль*, 1997в).

---

[194] НГОМЗ–1953–34767 А78/139; 1954–34767 А78/136, 1153; 1956–34767 А78/133; 1957–34767 А78/134; 1958–34767 А78/108, 130–132, 135, 138, 139, 156; КП17608/6,7,14,43; 1980–31296 А72/2293; 1991–37584 А116/441.

[195] НМИКБ–1961–9634/71.

[196] ГИАМ–1937/39–№1103.

[197] ГИМ–1976–20–2605/27.

[198] РГИАМЗ–2003–28–пол. № 534.

[199] ЧИАМЗ–1991–2–пол. № 60 (раскопки И.М. Игнатенко).

[200] ТГОМ–1987–пол. № 168.

[201] НГОМЗ–НВ22692 Пр.к А137/349, 350, 352–359.

[202] ККМ–1999–пол. № 948.

[203] 2001-Пол. № 2759.

[204] РГИАМЗ–1999–29–пол. № 58.

[205] ТГОМ–1991–пол. № 251.

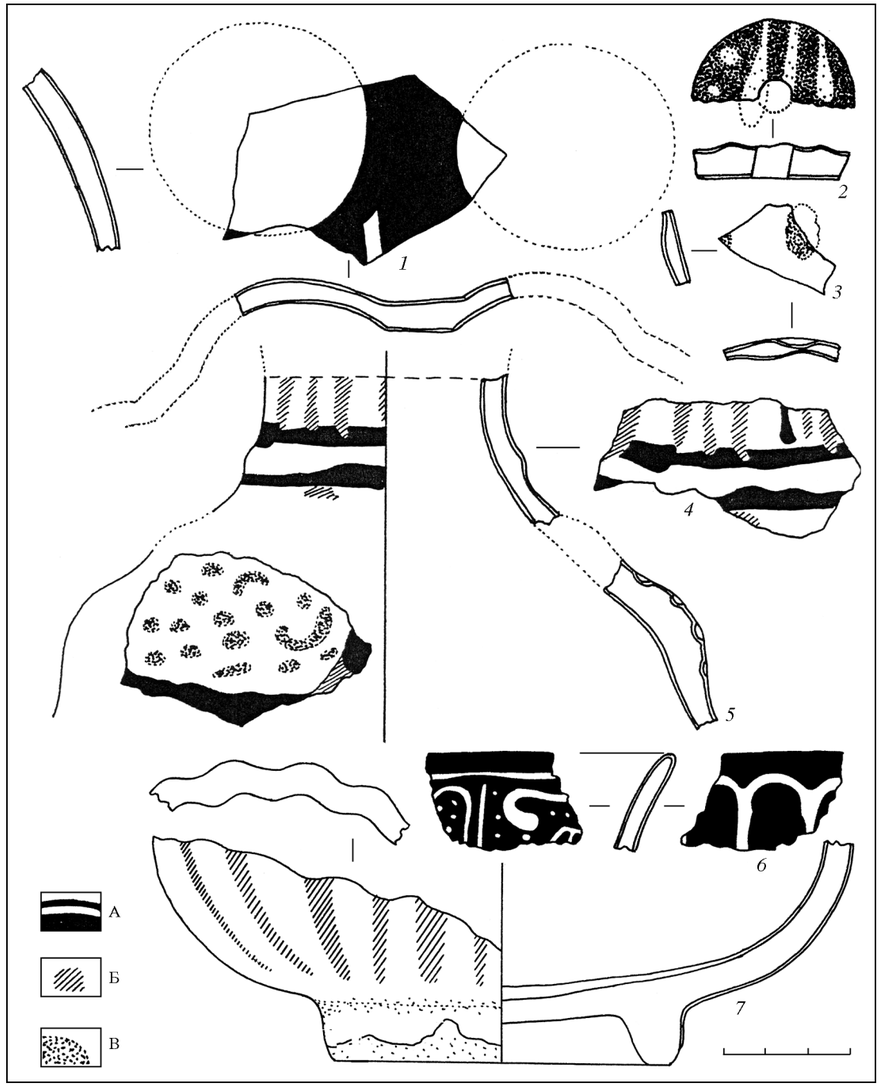

Рис. 19. **Полуфаянсы с рельефной моделировкой и подглазурной росписью (*1*, *4*, *5*, *7*), контррельефным декором (*3*) и росписью ангобом (*2*, *6*)**

А – черная краска (*1*, *4*, *5*), темный фон ангобной росписи (*6*); Б – синяя краска (*4*, *5*, *7*); В – фон росписи ангобом (*1*) и углубления на поверхности (*3*, *5*). *1*, *3*, *4*, *5* – Старая Рязань; *2*, *6* – Коломна; *7* – Переяславль-Рязанский

2. Коломна – 6 обломков[206] от двух сосудов, в том числе чаши из красного кашина (типичного для продукции Селитренного и Царевского городищ), внешняя поверхность которой была украшена ангобной росписью в виде стилизованных лепестков лотоса (цв. вкл. 37, *2*; рис. 19, *6*). Самый крупный обломок этой чаши найден в слое второй половины XIV в. (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 290).

[206] ККМ–1998–пол. № 403; 2001–пол. № 165; 2002–пол. № 89, 105, 106, 134.

ПОДГРУППА Б. ПОЛУФАЯНСЫ С БИХРОМНОЙ (УЛЬТРАМАРИНОВОЙ И БИРЮЗОВОЙ) ГЛАЗУРЯМИ

Эти изделия отличались тем, что их внешняя поверхность покрывалась толстым слоем ультрамариновой глазури, а внутренняя – бирюзовой глазурью.

Значительная часть обломков, не имевших следов декорировкми, могла в действительности принадлежать сосудам с подглазурным рельефным декором (см. ниже) либо была украшена росписью ангобом, дававшим легкую рельефность поверхности сосуда. Все образцы изготовлены из рыхлого белого или розоватого кашина. Подобные изделия известны в золотоордынских городах Поволжья XIV в. (*Булатов*, 1968. С. 105). К такой керамике принадлежали, в основном, вазы “гюльабдан” (цв. вкл. 37, 3), хотя известны и чаши. На Руси она найдена в десяти городах в слоях золотоордынской эпохи:

1. Великий Новгород – 1 обломок сосуда (на Неревском раскопе)[207].
2. Кострома – 1 обломок (*Алексеев*, 1994. С. 73, рис. XXVII, *18*).
3. Тверь – 2 обломка сосудов[208], декор внешней поверхности одного из которых составляли выпуклые “жемчужины”, а второго – буквы арабской надписи.
4. Городец на Волге – 1 обломок (*Медведев*, 1960. Опись. № 56).
5. Нижний Новгород – 5 обломков от двух ваз “гюльабдан” из желтого и белого кашина[209].
6. Владимир – 1 обломок (из раскопок 1993 г.).
7. Москва – 3 обломка[210] из слоев XIV–XV вв. (*Коваль*, 1997д. С. 110).
8. Коломна – 1 обломок вазы гюльабдан[211], из которого было сделано пряслице, найденное уже разбитым (рис. 19, *2*).
9. Переяславль-Рязанский – 3 обломка[212], причем из одного было также сделано пряслице (*Коваль, Судаков*, 1985. С. 127).
10; Пронск – при раскопках Н.П. Милонова и А.А. Мансурова в 1927–1929 гг. были найдены обломки “восточных сосудов, покрытых синей глазурью” (*Монгайт*, 1961. С. 208), которые могли относиться к этой же разновидности восточной керамики.

ГРУППА 7. ПОЛУФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ И ГРАВИРОВКОЙ

Включает одну *ПОДГРУППУ* КЕРАМИКИ С *БЕСЦВЕТНОЙ* ГЛАЗУРЬЮ.

ТИП 1. ПОЛУФАЯНСЫ С ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ И ГРАВИРОВКОЙ

Единственный образец керамики этого типа найден в Москве –обломок чаши[213] из белого рыхлого кашина, украшенной подглазурной гравировкой (в виде ямочных углублений) и росписью черной краской, которая дополняется синей подцветкой гравированного рисунка (цв. вкл. 19, *2*). Подобный декор не характерен для золотоордынского Поволжья, но некоторые его элементы встречаются на керамике Средней Азии XIV-XVI вв. В частности, идентичный рисунок (выполненный, правда, иными красками и без гравировки по основе) можно видеть на полумайоликовом блюде из Отрара XVI в. (*Байпаков, Алдабергенов*, 2005. С. 211). Вероятно, московский полуфаянс относится к более раннему времени (XIV–XV вв.), но удивительное сходство в рисунке росписи заставляет предполагать преемственность в изготовлении керамики.

[207] НГОМЗ–1954–34767 А78/114.
[208] ТГОМ–1985(Кремль)–21425/300; 1989(Затьмацкий посад)–пол. № 646.
[209] 2001–пол. № 558, 1188, 1704; 1525, 2760
[210] ММК–1979–пол. № 57; 1994–пол. № 56; ЦАИ–1995(ул. Ильинка)–пол. № 264.
[211] ККМ–1990–пол. № 40.
[212] РГИАМЗ–1987–1–458,472; 1988–1–А807/622.
[213] ЦАИ (ул. Волхонка, 6)–2002–пол. № 90ю

ТИП 2. ПОЛУФАЯНСЫ С МОНОХРОМНОЙ СИНЕЙ РОСПИСЬЮ И ПОДГЛАЗУРНОЙ ГРАВИРОВКОЙ

Одна чаша из рыхлого белого кашина найдена в Благовещенском соборе Московского Кремля (цв. вкл. 19, *1*). Гравировка выполнена широкими и тонкими линиями и впрямую не связана с рисунком росписи. На дне – следы от сепая с тремя ножками. Особенностями чаши являются полное отсутствие декора на внешней поверхности и гравировка и внутри. Прямых аналогий для нее не известно. Вместе с тем, сочетание росписи и гравировки применялось в Хорезме золотоордынской эпохи (*Вактурская*, 1959. С. 322, рис. 32, *2*). Все это позволяет рассматривать данную чашу (и весь тип керамики) в качестве произведения мастеров Средней Азии конца XIV–XV вв.

ГРУППА 8. ПОЛУФАЯНСЫ С РЕЛЬЕФНОЙ МОДЕЛИРОВКОЙ ТУЛОВА И ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ КРАСКАМИ

ПОДГРУППА А. ПОЛУФАЯНСЫ С БЕСЦВЕТНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

К этой подгруппе принадлежали чаши из белого рыхлого кашина с рельефной волнистой моделировкой внешней поверхности вертикальными каннелюрами, выполненными формовкой в калыпе и росписью внутренней стороны вертикальными перистыми листьями. Подобная керамика известна в поволжских центрах Золотой Орды[214*], где она, видимо, и производилась в конце XIV в. Найдена она в трех местах, в слоях XIV–XV вв.:

1. Москва – 1 обломок чаши из Зарядья[215], обгоревшей в пожаре (цв. вкл. 26, *8*) (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *4*).
2. Переяславль-Рязанский – 1 обломок дна чаши[216] (рис. 19, *7*) (*Монгайт*, 1961. С. 325, рис. 146, *1*).
3. Селище Ближнее Константиново 1 – 1 мелкий обломок чаши.

[214] Обломки такой чаши из раскопок 1972 г. Г.А. Федорова-Давыдова на Селитренном городище (пол. № 304, 365) из коллекции, хранящейся в ГИМ, нам любезно показала Г.Ф. Полякова. На внешней поверхности этой чаши – лепестки лотоса, стилизованные в манере конца XIV – XV в. (с завершением в виде “фигурных скобок”).
[215] МИМ–1955–28958/261.
[216] РГИАМЗ–1956–2–пол. № 36.

ПОДГРУППА Б. ПОЛУФАЯНСЫ С БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

В данной группе отмечен один тип керамики – с рельефной моделировкой тулова (в калыпе) и черной росписью “в резерве”, применявшейся в основном для закраски фоновых поверхностей. К этому типу относятся 13 обломков от двух кувшинов из Старой Рязани. Оба они изготовлены из твердого белого кашина, тонкостенны и облицованы снаружи ярко-голубой глазурью, а изнутри – бледно-голубой тонкослойной.

Одному из этих кувшинов принадлежали 3 обломка[217] (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 191, рис. 1Б, *25, 30, 33*) (цв. вкл. 26, *4*; рис. 19, *5*), найденные вне определенного археологического контекста. Керамика столь высокого качества, со сложной моделировкой тулова, производилась в Иране в домонгольскую эпоху (см. выше люстровые кувшины со сложнопрофилированным туловом).

Второму кувшину принадлежали 2 крупных и 8 мелких обломков[218]. В его декоре сочетались приемы “резерва” и гравировки по слою черной краски (рис. 19, *1*). Датировка кувшина по стратиграфическому контексту возможна в пределах первой половины XIII в.[219]

ГРУППА 9. ПОЛУФАЯНСЫ С ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ КРАСКАМИ

ПОДГРУППА А. РАСПИСНЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ С БЕСЦВЕТНОЙ ПОЛИВОЙ

ТИП 1. ПОЛУФАЯНСЫ С ПЯТИЦВЕТНОЙ РОСПИСЬЮ (ЗЕЛЕНОЙ, СИНЕЙ, КРАСНОЙ, КОРИЧНЕВОЙ И ЖЕЛТОЙ КРАСКАМИ)

Керамика этого типа изготавливалась из белого твердого крупнопористого кашина и покрывалась глазурью без цека, плотно соединенной с основой. Роспись бесконтурная, обычно трехцветная (зеленая, синяя и красная), реже добавлялись коричнево-черный и желтый цвета. Специфической особенностью этого типа восточной керамики является применение яркой светло-зеленой краски. Подобная керамика производилась в XVII в. в Иране, как полагают, в городе Керман (*Lane*, 1957. P. 83, fig. 60; *Pope*, *Ackerman*, 1965, fig. 800, 801; Искусство Ислама, 1990. № 88).

На территории Руси единственный обломок такой керамики найден в Московском Зарядье[220] – он принадлежал стенке сосуда, покрытого изнутри бледно-голубой (подцвеченной кобальтом), а снаружи – бесцветной глазурью. Растительный орнамент на наружной стороне выполнен яркой светло-зеленой краской (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *10*) (цв. вкл. 25, *7*).

[217] ГИМ–1973–14–2606/36; 1974–2605/31; 1976–20–2605/33.

[218] РГИАМЗ–1995–25–пол. № 16, 33, 57, 61, 65, 68, 75, 133, 149, 150.

[219] Обломки были найдены в двух разновременных комплексах (ямах 1 и 2 раскопа 25), датированных первой половиной XIII в. и XIV–XV вв. (*Чернецов*, 1995. С. 90, 95). В позднюю яму они могли попасть из более раннего культурного слоя.

[220] МИМ–1957–28985/300 (находка беспаспортная).

ТИП 2. ПОЛУФАЯНСЫ С ТРЕХЦВЕТНОЙ РОСПИСЬЮ – ЧЕРНО-КОРИЧНЕВОЙ (ИЛИ ЗЕЛЕНОЙ), СИНЕЙ И БИРЮЗОВОЙ КРАСКАМИ

Вся керамика этого типа, найденная на Руси, изготовлена из рыхлого белого, розового (или, иногда, красного) кашина. Черно-сине-бирюзовая гамма росписи по белому фону присуща продукции золотоордынского Поволжья середины – второй половины XIV в. (*Булатов*, 1968, рис. 101–102; *Федоров-Давыдов*, 1994. С. 88–114, рис. 7–23), изготовленной в русле традиции иранской, так называемой “султанабадской” (*Kuhnel*, 1976. P. 111) и сирийской керамики (*Sarre*, 1925. Группа “H”; *Watson*, 2005. P. 400–405) (цв. вкл. 20, *1, 2*) второй половины XIII – первой половины XIV в. Среди “султанабадской” керамики преобладала черно-синяя гамма росписи, но были известны и изделия с добавлением бирюзовой окраски (Oriental Islamic Art, 1963, № 19; *Pope*, *Ackerman*, 1965, fig. 776–778, 781; *Lane*, 1957. Pl. 6; *Watson*, 2005. P. 388–391; Искусство Ислама, 1990. № 61). Черно-синяя роспись широко применялась и в среднеазиатской (в том числе хорезмской) керамике XIV в. (*Толстов*, 1958, рис. 6, *2, 8, 15*; *Вактурская*, 1959. С. 322), тесно связанной с золотоордынским гончарством. Химический анализ глазурей золотоордынской керамики этого типа (Прил. 1. № 57–60, 119–122)[221] показал полную их идентичность синхронным глазурям Ирана и Средней Азии (*Сайко*, 1969. С. 58–63; Прил. 4).

Основной формой изделий этого типа являлась чаша, хотя встречаются также блюда, кувшины и бутыли.

В составе рассматриваемого типа можно выделить два варианта, различающихся наборами использованных красок росписи (черная-синяя-бирюзовая и зеленая-синяя-бирюзовая). Черный цвет достигался глубокими тонами темно-коричневой (на основе окиси марганца), темно-зеленой (окиси хрома) или темно-синей (окиси кобальта) красок. Бирюзовая краска использовалась в ограниченном объеме и далеко не на всех сосудах. При работе с фрагментарным материалом на Руси деление на два колористических варианта не всегда может быть достоверным, а потому регистрация находок проводилась в настоящем своде без вариантной градации.

Роспись сосудов производилась кистью. На некоторых чашах использовался такой прием, как гравировка по слою черной (или зеленой) краски, занимавшей широкие пояса или панели (цв. вкл. 22, *1*; 23, *6*). Существенным признаком полуфаянсов типа

[221] Анализ № 119, возможно, был выполнен с ошибками, поскольку доля оксида натрия в данном образце аномально мала.

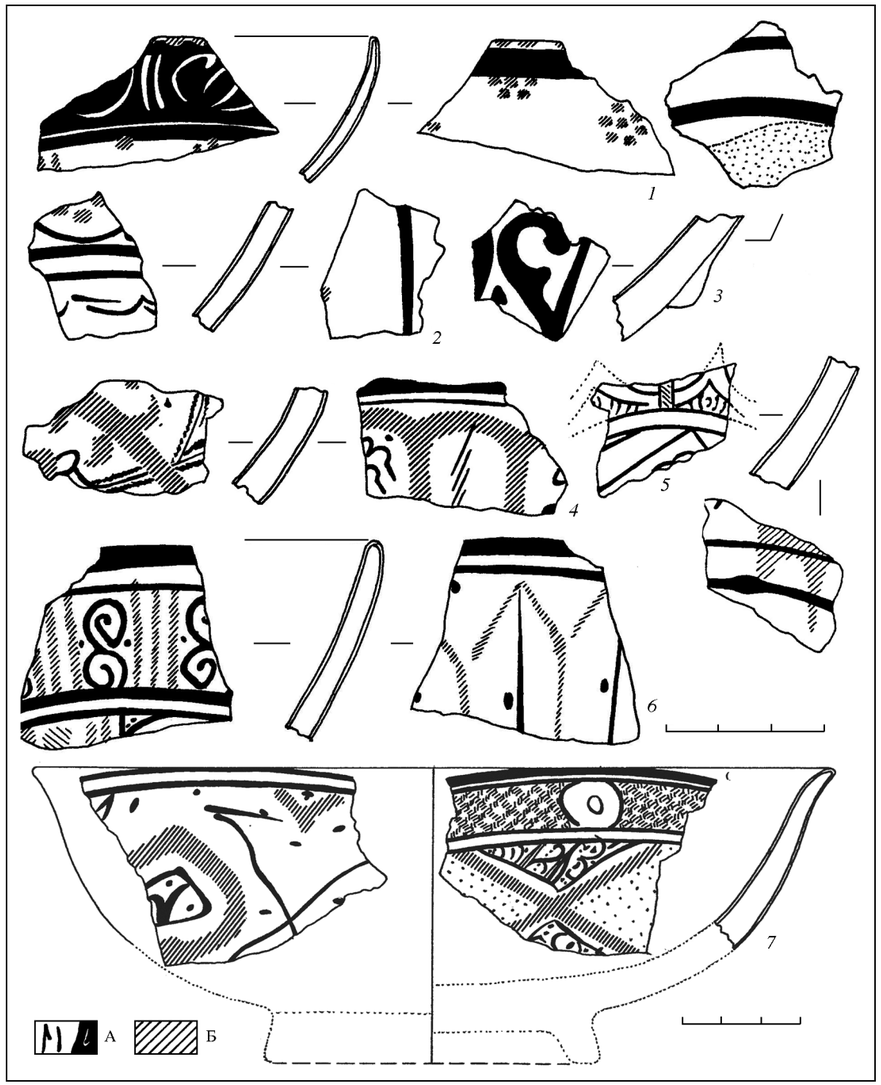

Рис. 20. **Полуфаянсы с полиромной подглазурной роспись. (золотоордынское Поволжье, середина – вторая половина XIV в.)**

А – черная (или зеленая) краска; Б – синяя краска. *1*, *2*, *4* – Терь; *3* – Коломна; *5* – Старая Рязань; *6* – Нижний Новгород; *7* – Переяславль-Рязанский

2 является стандартная орнаментация внешней поверхности чаш. На Руси встречены образцы с тремя разновидностями такой росписи:

– самым распространенным является рисунок в виде перекрещивающихся диагональных черно-зеленых линий с вписанными в ромбовидные ячейки синими кругами и треугольниками (цв. вкл. 24, *1*; рис. 20, *7*), которая была самой распространенной среди аналогичной керамики золотоордынского Поволжья (*Скоробогатова*, 1983. С. 100, рис. 1, *3*) и Хорезма (*Вишневская*, 1958, рис. 7, *1*), являясь, возможно, имитацией диагонально перекрещивающихся арабских надписей, выполненных почерком “насх”, как это видно на кувшине первой половины XIV в. из Селитренного городища (*Галкин*, 1971, рис. 1, 2), либо копированием росписи внешней поверхности некоторых иранских люстровых чаш (*Jacobsen*, 1959. Pl. 20, 21);

– среди относительно ранних (середины XIV в.) образцов нередко встречается орнамент в виде стилизованных лепестков лотоса с полукруглыми краями (или без краев, в виде вертикальных линий – по-

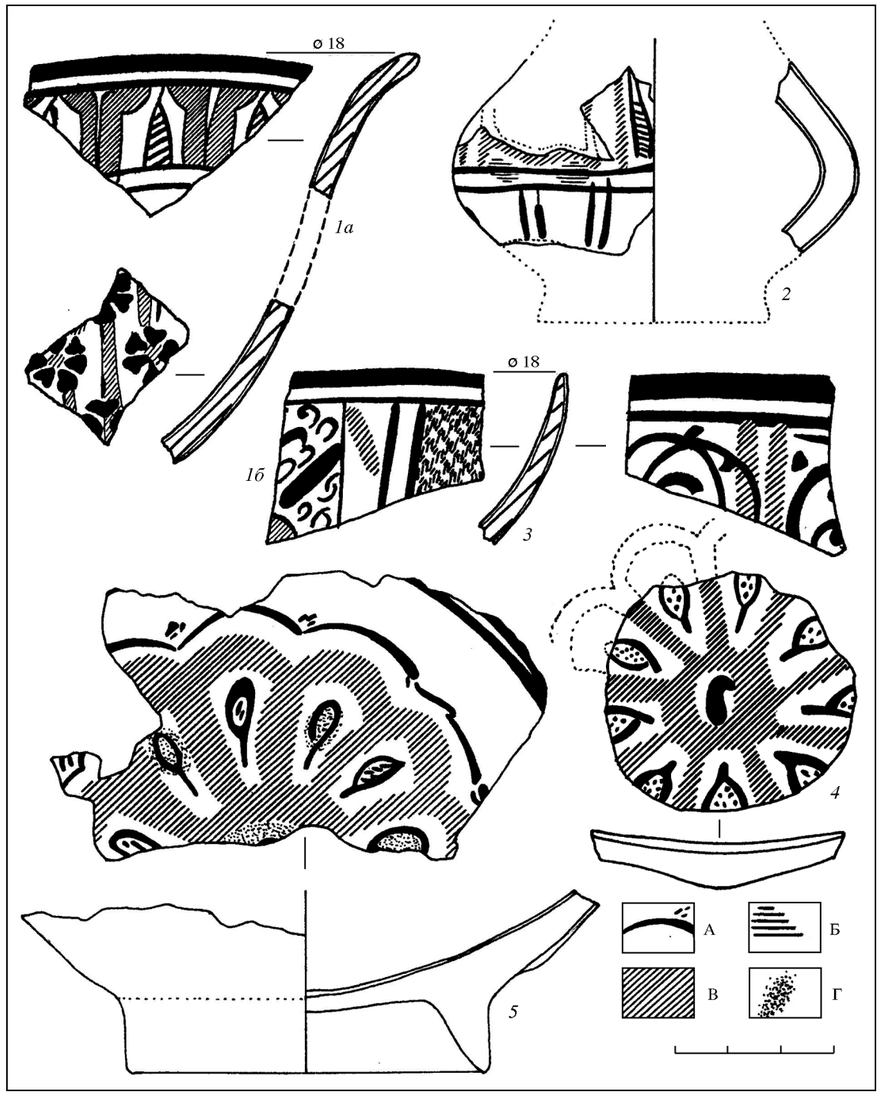

Рис. 21. **Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью (Золотая Орда, середина – вторая половина XIV в.)**

А – черный (или зеленый) цвет; Б – бирюзовый цвет (2); В – синий цвет; Г – бирюзовый цвет (*5*). *1*, *3* – Москва; *2* – Коломн; *4* – Тверь; *5* – Ярославль

переменно черных и синих, упиравшихся в край чаши). На фрагментарном материале этот декор прослеживался чаще всего в виде чередующихся черных (или зеленых) и синих вертикальных линий. Такой орнамент копировал оформление внешней поверхности полихромных чаш с росписью ангобом (цв. вкл. 20, *1*; 21, *1, 3*; 23, *1, 4*);

– значительно реже встречался орнамент, состоявший из 2–3 параллельных вертикальных синих полос, чередующихся с панелями, заполненными черными (или зелеными) S-образными завитками (цв. вкл. 23, *2*; рис. 21, *3*), который был известен в Золотой Орде (*Баллод*, 1923. Табл. 18, *1, 2; Вишневская*, 1958, рис. 7, *4*), Иране (Islamic Pottery..., 1956. Pl. 5, *55*) и Сирии (L'Islam..., 1977. № 141). Такой орнамент имитировал характерный "лотосовый" декор внешней поверхности люстровых фаянсов и полуфаянсов из Ирана и Сирии, унаследовавших орнаментацию керамики X–XI вв. (*Gardin*, 1963. Pl. XVIII, 270, 273–275).

Наряду с этими основными орнаментальными схемами встречены, как исключение, и иные (цв. вкл. 21, *2*). Декор внутренней поверхности найденных на Руси образцов такой керамики включает разнообразные растительные и геометрические мотивы (*Лисова*, 2004), например, "листы папоротника" (*Рабинович*, 1954, рис. 20) (цв. вкл. 22, *5*), 6-лепестковые черные (или зеленые) цветки на синих стеблях (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *1, 8*) (цв. вкл. 22, *3б*; рис. 21, *1*), характерные для золотоордынской керамики (*Скоробогатова*, 1983. С. 101, рис. 4, *2*; *Федоров-Давыдов*, 1994, рис. 12, *2*; *Вактурская*, 1959, рис. 32, *4*). Мотив крупной розетки в центре дна чаши (рис. 21, *4, 5*) также был распространен в Орде (*Самашев и др.,* 2008. С. 200). А вот заполнение свободных от росписи панелей мелкими черными точками, сгруппированными по четыре в виде маленьких "ромбов" (цв. вкл. 21, *1*; 23, *6*) характерно для иранских "султанабадских" изделий конца XIII–XIV в. (*Lane*, 1958, fig. 96 A; Искусство Ислама, 1990. Илл. 61), а также для сирийских полихромных полуфаянсов XIV в. (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 729–735). На сегодняшнем уровне знаний невозможно с достоверностью указать, в какой из этих стран впервые появилась такая орнаментальная схема или где она по преимуществу применялась, однако о том, что она в целом не была воспринята золотоордынской керамической школой, можно говорить уверенно. Следовательно, происхождение найденных на Руси образцов с такой орнаментикой из поволжских мастерских представляется сомнительным.

Орнаменты на внутренней поверхности чаш этого типа весьма разнообразны, но фрагментарный материал далеко не всегда дает надежные основания для достоверной реконструкции всей композиции декора внутренней поверхности.

На Руси полихромные полуфаянсы типа 2 найдены в 17 местах, в слоях золотоордынского времени:

1. Великий Новгород – 3 фрагмента чаш и 1 обломок ручки кувшина[222] из слоев середины XIV в. (*Коваль*, 1997б).

2. Белоозеро – 2 обломка чаш[223] (*Голубева*, 1973а, рис. 66, *б*; *Захаров*, 2004, рис. 349, *3*).

3. Торжок – 5 обломов стенок от двух кувшинов и трех чаш[224].

4. Тверь – 120 обломков (11 из них были мелкими фрагментами, атрибуция которых не может считаться однозначной) из раскопок в Кремле (89 шт.)[225] и на Затьмацком посаде (23 шт.)[226]. Все определимые обломки принадлежали чашам полусферической формы (отогнутый край встречен только однажды) (цв. вкл. 20, *3*; 21, *1, 3–6*; 22, *1, 6*; 23, *5, 7, 8*; рис. 20, *1, 2, 4*; 21, *4*). Возможно, часть из этих обломков относились к типу 8 (см. ниже, рис. 25, *1–5*; см. также рс. 26, *3*; 27, *4–9*). Существенно, что наряду с обломками сосудов из белого кашина, найдено несколько образцов из красного кашина с желтыми включениями, характерного для керамики Селитренного и Царевского городищ (*Коваль*, 1997в). Изделия с росписью в черно-сине-бирюзовой и зелено-сине-бирюзовой гаммах встречены примерно в равном соотношении.

5. Ярославль – 1 обломок чаши[227] с изображением многолепестковой розетки (рис. 21, *5*), найденный при раскопках усадьбы первой четверти XIV в. (*Праздников*, 1996б. С. 232–233). Подобный мотив типичен как для поволжской, так и для хорезмской керамики (*Вактурская*, 1952. Рис. 8, *справа*; 1959, рис. 32, *2*). Высокий тонкий поддон этой чаши не характерен для нижневолжской продукции, что позволяет допускать среднеазиатское или иранское происхождение этой чаши.

6. Ростов – 3 обломка чаш[228].

7. Владимир – 1 обломок чаши (цв. вкл. 22, *4*).

8. Суздаль – 2 мелких обломка от разных чаш[229].

9. Нижний Новгород – 13 обломков[230] от одной тарелки и не менее чем от 10 чаш, украшенных по внешней стороне стилизованными лепестками лотоса, а изнутри – растительным орнаментом (цв. вкл. 23, *1–4, 6*; рис. 21, *6*).

10. Селище Ближнее Константиново 1–7 обломков от одной чаши полусферической профилировки. Орнаментация внутренней поверхности состояла из рядов трилистников, между которых нанесены мелкие черные точки, внешней – из стилизованных лепестков лотоса. Находки происходили из комплексов середины XIII – начала XV в. (*Грибов, Коваль*, 2007. С. 219, 220, рис. 1, *9*).

11. Москва – 37 обломков от не менее чем 15 чаш и одного кувшина. Из них в Кремле найден 21 обломок[231] (в том числе 16 – от одной чаши)[232] (*Панова*, 1986. С. 224, рис. 2), в Китай-городе – 16 фрагмен-

---

[222] НГОМЗ–1953–Неревский–НВ20944 Пр.к А78/681,682; 1978–Троицкий 5–30861 А68/170; 1978–Дубошин–28081 А58/451.

[223] ГИМ; Белозерский музей–1995–пол. № 723.

[224] Музей Торжка–1981–2–б/№; 1984–КОФ1126/119; 1999–1а–пол. № 268; 3–пол. № 248; 2005–пол. № 38.

[225] ТГОМ–1983/4–№ 17655/283, 292, 297; 1985–21425/301, 313, 314, 318; 1989–20530/145–147, 150; 1994–11–пол. № 58, 64, 86, 91, 139, 140а, 144а, 160, 177, 182, 184, 261, 262, 279, 303, 305, 313, 315, 331, 529, 679, 748, 770; 1995–11–пол. № 47, 50, 59, 73, 86а, 87, 95, 96, 109, 118, 119, 123, 124, 125, 135, 137, 149–152, 158, 159, 182, 236, 256, 319, 548; 1996–11–пол. № 17, 22, 49, 54, 69, 80, 98, 133, 163, 171, 184, 185, 187, 263, 292, 326, 406, 662, 1339, 1471; 1997–11–67, 74.

[226] ТГОМ–1989, 1991, 1995, 1996–28 шт.

[227] ЯИАМЗ–1992.

[228] 2001–пол. № 13; 2002–пол. № 19, 46.

[229] ВСГМЗ–1975–№ 234; 1979–7–№ 506.

[230] 2001–пол. № 2327; 2824; 886; 2130, 2496; 1184, 1259, 1784; 1482.

[231] МИМ–1959–24661/350; ММК–1964–47313/235а; 1968–НВ1276; 1977–пол. № 92; 1995–пол. № 50.

[232] ММК–1976–47340/458.

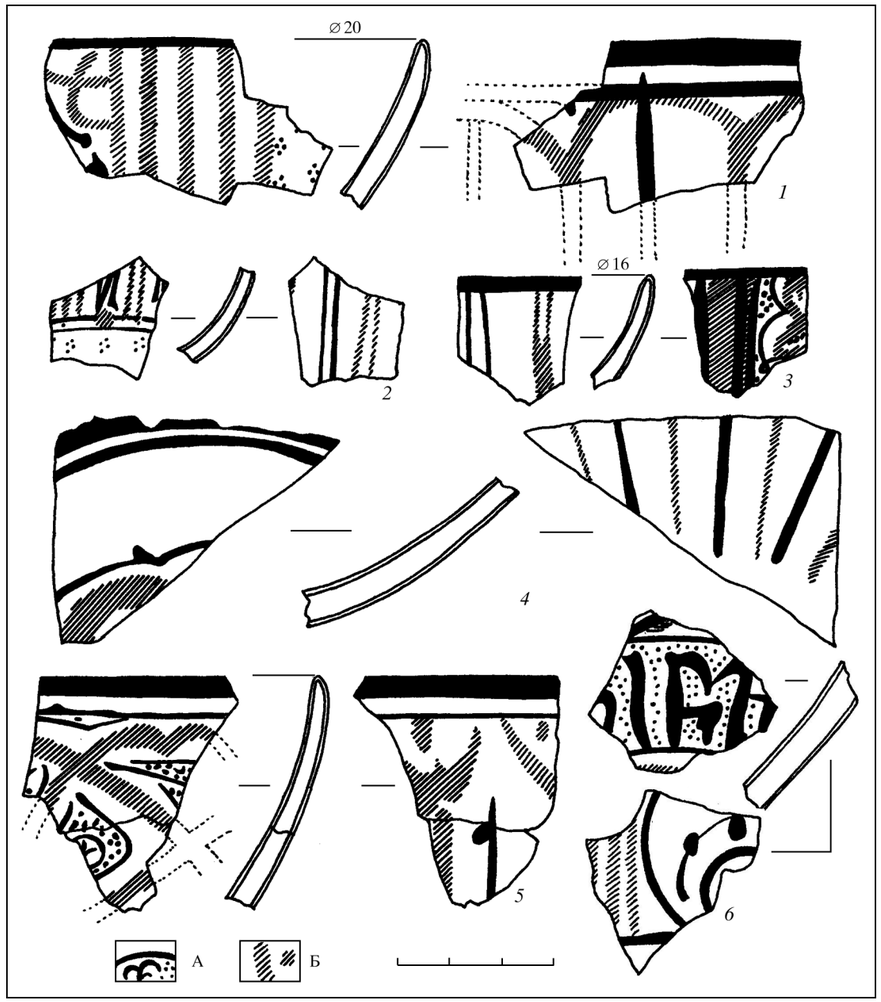

Рис. 22. **Полуфаянсы с бихромной (черно-синей) подглазурной росписью (XIV в.)**
А – черный цвет; Б – синий цвет. *1–5* – Тверь; *6* – Коломна

тов[233] (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *1, 6, 8*; *Рабинович*, 1971, рис. 4, *30, 31*; 15, *10; Коваль*, 1997д) (цв. вкл. 22, *3, 5, 7*; рис. 21, *3*).

12. Коломна – 23 обломка от нескольких чаш, блюда и миниатюрного сосуда[234] (цв. вкл. 21, *2*; рис. 20, *3*; 21, *2*; 22, 6) из рыхлого белого кашина (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 192, рис. 3, *4, 10, 11*).

13. Переяславль-Рязанский – 5 обломков от разных чаш[235] (*Коваль*, *Судаков*, 1995. С. 125), причем из одного обломка было изготовлено пряслице (цв. вкл. 20, *4*; 24, *1*; рис. 20, *7*).

14. Старая Рязань – 2 мелких обломка чаш[236] (рис. 20, *5*).

15. Пронск – 1 обломок чаши с гравировкой по черной краске[237].

[233] МИМ–1950–7397/465,466/б,пол.№3372; 1955–52974/257, 260, 262; ЦАИ–1995–10 шт.

[234] ККМ–1990–пол. № 32, 37; 1992–пол. № 15; 1993–пол. № 259; 1997–пол. № 80; 1998–пол. № 28; 2001–пол. № 6, 7, 9, 73, 74, 119, 141, 152, 203, 247, 254, 313; 2002–пол. № 90, 97, 100, 137.

[235] РГИАМЗ–1955–1–пол. № 4; 1956–2–пол. № 42, 48; 1988–1–А807/621; 2006–1–пол. № 83.

[236] РГИАМЗ–1965–2–пол. № 44; 1972–14–пол. № 148.

[237] РГИАМЗ–1971–7–пол. № 123.

16. Киев – 2 обломка от одной чаши[238] с черно-синей росписью и гравировкой по черной краске (*Залеська и др.*, 1996. С. 202) (цв. вкл. 22, *2*).

17. Селище Монастырщина 5 (Верхний Дон, район Куликова поля) – 2 мелких обломка (*Гоняный*, 2005. С. 134).

ТИП 3. ПОЛУФАЯНСЫ С ТРЕХЦВЕТНОЙ РОСПИСЬЮ ЗЕЛЕНОЙ, СИНЕЙ И ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВОЙ КРАСКАМИ

Ярким образцом керамики этого типа на Руси является целиком сохранившийся кувшин[239], найденный в Суздале, в заполнении постройки, датированной автором раскопок XII в., причем некоторое время он сопровождался ошибочной атрибуцией в качестве люстрового изделия (*Куглюковский*, 1974. С. 61). Кувшин изготовлен из белого рыхлого кашина и декорирован тремя горизонтальными поясами эпиграфического орнамента – процарапанной по подсохшей зеленой краске (края линий гравировки рваные) арабской надписью “Аллах-опора”, выполненной почерком “насх”. В пространстве между этими поясами мазками синей и пурпурно-коричневой красок сделана попытка имитировать рельефную моделировку тулова вертикальными “ложками”, достигаемую при формовке в калупе (цв. вкл. 24, *3*; рис. 23).

Прямых аналогий этому сосуду среди восточной керамики не известно. Вместе с тем, пурпурная (марганцевая) подцветка элементов росписи применялась в Иране на “султанабадской” керамике с полихромной росписью, в том числе на образцах с датированными надписями 1276 и 1329 гг. (*Lane*, 1958. P. 46. Pl. 94–96; Islamic Pottery..., 1956. Pl. 73; Oriental Islamic Art, 1963. № 20, 22, 25; Islamic Pottery..., 1969. № 165; *Atil*, 1973a, № 71; Le Mille..., 1990. № 69). Форма сосуда и способ размещения орнамента на суздальском кувшине находят ближайшие аналогии среди иранской люстровой керамики конца XII–XIII вв. (*Watson*, 1985. Pl. 76, 82). Почти идентичны ему по форме кувшины XII–XIII вв., покрытые бирюзовой глазурью (Islamic Pottery..., 1969. № 74, 77; *Fehervary*, 1973. Pl. “E”; Le Mille..., 1990. № 24), копировавшие бронзовые прототипы XII в. (Islamische Kunst in Berlin, 1971. Abb. 7; *Allan*, 1976/1977, fig. 42–44). Способ гравировки по красочному слою также был известен в Иране. Таким образом, иранское происхождение суздальского кувшина представляется единственно возможным. Состав глазури этого кувшина также характерен для иранской рецептуры (Прил. 1. № 60). Все перечисленные аналогии свидетельствуют о его принадлежности кругу изделий конца XIII – первой половины XIV в., а орнаментика скорее указывает на датировку в пределах XIII в. Невысокое качество кашина этого образца, отличающегося рыхлостью и рассыпчатостью, более характерно для изделий ильханской эпохи, нежели более ранних. Все это позволяет усомниться в предполагавшейся ранее домонгольской дате комплекса, включавшего этот кувшин, и предложить его датировку в пределах конца XIII – первой половины XIV в. (*Коваль*, 2010).

[238] ГЭ–1938/39–Эра-5а/289, 290.

[239] ВСГМЗ–1973–В46784/38.

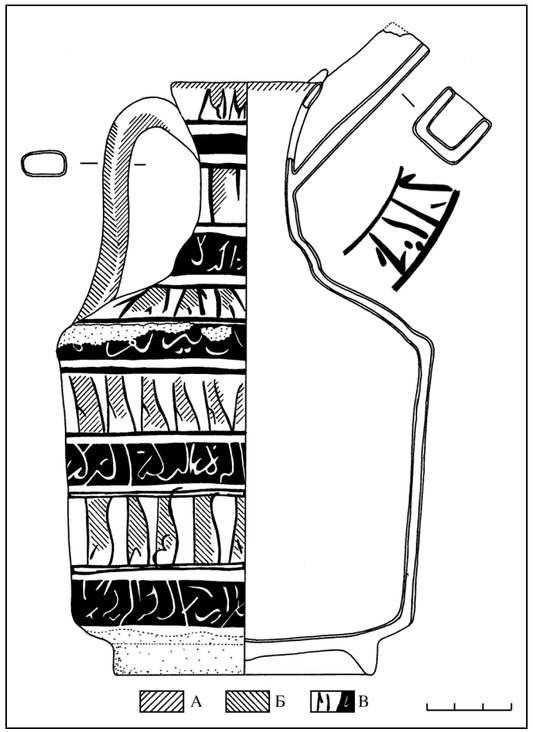

Рис. 23. **Полуфаянсовый кувшин с полихромной подглазурной росписью из Суздаля (Иран, вторая половина XIII в.)**
А – синий цвет; Б – пурпурно-коричневый цвет; В – зеленый цвет

Еще один обломок керамики с использованием в росписи пурпурно-коричневой подцветки известен среди находок в Московском Зарядье по публикации цветного рисунка (*Розенфельдт*, 1968, рис. 23, *7*), однако отыскать его в музейных коллекциях не удалось. Возможно, этот образец относился к тому же типу иранских полуфаянсов.

ТИП 4. ПОЛУФАЯНСЫ С ТРЕХЦВЕТНОЙ РОСПИСЬЮ СИНЕЙ, БИРЮЗОВО-ЗЕЛЕНОЙ И ПУРПУРНОЙ КРАСКАМИ “В РЕЗЕРВЕ”

Отличительной особенностью полуфаянсов этого типа была роспись синей кобальтовой краской “в резерве”, когда весь фон закрашивался синей краской, а живописный рисунок оставался белым. Некоторые элементы этого рисунка подцвечивались пурпурной и светло-зеленой краской с бирюзовым оттенком. Для контурной росписи могла использо-

Рис. 24. **Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью из Турции XVI в. (*1–3*) и Сирии XIII в. (*4–6*)**

А – темно-синий цвет (*1*, *2*), черный цвет (*2*, *4–7*); Б – синий цвет (*2*, *4–6*), бирюзово-зеленый цвет (*3*); В – бирюзово-зеленый цвет (*1*); Г – пурпурно-коричневый цвет (*3*), бирюзово-зеленый цвет (*7*); Д – красный цвет. *1*, *3*, *7* – Москва; *2* – Коломна; *4–6* – Старая Рязань

ваться черная краска. Такая керамика изготавливалась из твердого мелкопористого белого кашина и облицовывалась глазурью, совершенно не имевшей цековых трещин и идеально прочно соединенной с основой. Иногда ее (а также описанные ниже полуфаянсы типа 6) в литературе ошибочно называют “белоглиняной” (*Аслонапа*, 1971. P. 215; *Миллер*, 1972. С. 26), хотя в действительности ее легкая пористая масса имеет силикатную основу, т.е. является разновидностью кашина (*Bernus-Taylor*, 1993. P. 144). Подобная керамика изготавливалась в XVI в. на территории Османской Турции. Местом ее производства считается город Изник (в прошлом византийская Никея), хотя такую же керамику, вероятно, изготавливали и в иных городах Турции, например, Кютахье. Роспись “в резерве” была характерна для самых ранних образцов турецкой керамики, относимых к типу I (по классификации

А. Лэйна), который датируется 1490–1525 гг. Однако применение в расцветке изделий зеленой и пурпурной красок начинается с появлением типа Изник II (1525–1555) (*Lane*, 1957. P. 49, 50; Oriental Islamic Art, 1963. № 45, 50; *Аслонапа*, 1971. P. 217; *Миллер*, 1972. С. 53; Искусство Ислама, 1990. № 84, 85). Ранее такие изделия назывались керамикой типа “Дамаск”, поскольку в Европе они стали известны благодаря ввозу через этот торговый центр (*Кверфельдт*, 1947. С. 113; *Kuhnel*, 1976. P. 149, fig. 115); некоторые зарубежные и отечественные исследователи используют эту терминологию и сегодня (*Watson*, 2005. P. 432, 433; *Гусач*, 2007. С. 347). Происхождение этой разновидности турецкой керамики до конца не выяснено. По нашему мнению, оно связано с египетской и сирийской керамикой XIV–XV вв., на что указывает технология изготовления формовочной массы, сходство составов глазурей сирийской и турецкой керамики (см. раздел 1.3), а также параллели в орнаментике. Так что, возможно, “дамасское” происхождение этой керамики не столь уж и ошибочно.

На территории Восточной Европы такая керамика известна в основном в северопричерноморских городах, находившихся под властью Турции, в частности, в Азаке (*Гусач*, 2007. С. 347).

Подобные изделия найдены на Руси всего в двух городах:

1. Москва – 3 обломка блюд найдены при раскопках в Зарядье[240]. Один из них имел зеленую подцветку на внутренней поверхности (цв. вкл. 25, *5*; рис. 23, *1*) (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *12)*, второй – пурпурную подцветку на внешней стороне (рис. 24, *3*). Мотивы резервированных тюльпанов и “глазков”, заметные на этих образцах, наиболее характерны для росписи изникской керамики этого типа (*Lane*, 1957. Pl. 34a, b, 48b, Oriental Islamic Art...,1963. № 45, 58; L’Islam...,1977. № 600; *Sousteil*, 1985, fig. 28; *Миллер*, 1972. С. 120). Стратиграфические условия залегания обеих находок указывают на их датировку XVI в.

2. Коломна – 5 мелких обломка от одного блюда и двух-трех кувшинов[241], на которых фиксировались только резервированные белые поля рисунка без подцветок (цв. вкл. 25, *4а, 4б*; рис. 23, *2*).

ТИП 5. ПОЛУФАЯНСЫ С ТРЕХЦВЕТНОЙ – ЧЕРНОЙ, СИНЕЙ И КРАСНОЙ РОСПИСЬЮ (ТИП “РУСАФА”)

Условное наименование этого типа керамики происходит от первых находок такой керамики в сирийском городе Русафа. Изделия этого типа изготавливались из белого мягкого (“пемзообразного”) кашина и покрывались бесцветной, чуть зеленоватой бессвинцовой глазурью типа Na-K-Ca-Si, которая по всем показателям химического состава глазури (кроме полного отсутствия в ней свинца) была идентична сирийским полуфаянсам XII в. (Прил. 1. № 46). Как отмечалось в разделе 1, это отличие свидетельствует либо о не-сирийском ее происхождении, либо о существовании в Сирии иной традиции изготовления рецептур для глазурей, близкой иранской.

Подглазурная роспись выполнялась черной краской, использовавшейся для нанесения контуров рисунка, закраски деталей, штриховки и т.п. Синяя краска и красный (реже – коричневый) ангоб применялись для расцветки деталей рисунка. Подобная керамика, как полагают, изготавливалась в Сирии в XIII–XIV вв. (*Wiet*, 1930. Pl. 66, № *1*; *Riis, Poulsen*, 1957. P. 182, 196, fig. 595–665; Islamische Kunst in Berlin, 1971. Abb. 8; Davids samlung..., 1975. № 144), а также, возможно, в Египте (*Watson*, 2005. Cat. K. 8), в подражание иранским фаянсам ”минаи” (*Grube*, 1976. P. 261). Последнее мнение недостаточно обосновано: орнаментика этих двух типов восточной керамики, хотя и имеет некоторые совпадения, в целом совершенно различна). За пределами Ближнего Востока полуфаянсы типа “русафа” встречаются исключительно редко: известен, например, один обломок подобной керамики из Авиньона (Южная Франция) (*Thiriot*, 1987. P. 296, fig. 4, *4*).

На территории Руси подобная керамика найдена пока только в одном месте – в Старой Рязани, где обнаружены 3 небольших обломка от одного (?) блюда из желтоватого мягкого кашина (рис. 23, 4–6; Табл. 24, *2*). Один из обломков[242] был опубликован ранее без должной атрибуции (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 192, рис. 1Б, *33)*. Другие 2 мелких обломка не публиковались[243]. Место обнаружения одного из трех обломков неизвестно, два других происходили из так называемого “дома боярина”, материалы из которого датируются в.П. Даркевичем первой третью XIII в. Но в датировках комплексов Старой Рязани имеются серьезные сомнения, поскольку к числу домонгольских в прошлом там приписывались все обнаруженные комплексы, независимо от их реальной даты) (*Коваль*, 2005г. С. 491).

ТИП 6. ПОЛУФАЯНСЫ С ТРЕХЦВЕТНОЙ (СИНЕЙ, БИРЮЗОВОЙ И КРАСНОЙ ИЛИ ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВОЙ) РОСПИСЬЮ В ЧЕРНЫХ КОНТУРАХ

Сосуды этого типа изготавливались из белого или розоватого мягкого кашина и покрывались бесцветной глазурью, характеризовавшейся отсутствием цека или очень крупным цеком. Роспись выполнялась в черных контурах (в искусствоведении такие контуры называют “мертвым краем”)

[240] МИМ–1950–7397/464; ГИМ ФПЗ–1984–пол. № 125; ЦАИ (Гостиный двор)–1998–5–пол. № 139.

[241] ККМ–1996–пол. № 184; 2003–пол. № 170, 177.

[242] ГИМ–1967–7–пол. № 342.

[243] РГИАМЗ–1967–7–пол. № 95, 399.

с заполнением рисунка синей, бирюзово-зеленой красками и ярко-красным ангобом (или пурпурно-коричневой краской). Для орнаментики типичны изображения синих тюльпанов и красных роз на черных стеблях с бирюзово-зелеными листьями, а также заполнение фона “чешуйками” бирюзово-зеленого цвета (цв. вкл. 25, *1*).

Подобные полуфаянсы являются характерными изделиями Османской Турции второй половины XVI – XVII в., производившимися в городе Изник (*Lane*, 1957. Pl. 35a; *Fehervary*, 1973. Pl. 107a; *Atil*, 1973. Pl. 16; *Oz*, 1955. Pl. LXIX–LXXII; *Миллер*, 1972. С. 120; *Watson*, 2005. P. 435–440, 444; *Aslanapa*, 2006). Ранее эту разновидность керамики называли “фаянсами типа Родос”, поскольку некоторые из таких сосудов попали в Европу именно через этот остров (*Кверфельдт*, 1947. С. 113). По классификации А. Лэйна, такие изделия относятся к третьему типу керамики Изника, датируемому не ранее середины XVI в. (*Lane*, 1957. P. 54–55), причем красный ангоб начал применяться в их декоре с последней четверти XVI в. (*Aslanapa*, 1971. P. 217). Этот тип керамики непосредственно связан с предшествовавшим ему типом “Изник II” (полихромные полуфаянсы типа 4 по нашей классификации). Вероятно, наряду с Изником, такую керамику могли изготавливать и в других городах, прежде всего, Кютахье. В Восточной Европе массово эта керамика известна в городах Северного Причерноморья, находившихся под османским владычеством, в частности, в Азаке (*Гусач*, 2007. С. 347).

Достоверно известны находки такой керамики только в пяти городах Руси:

1. Москва – 13 образцов, в том числе обломок горла кувшина[244] (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *18*), обломки блюда с бирюзово-зеленым “чешуйчатым” орнаментом (рис. 23, *7*) и двух иных сосудов из слоев XVI–XVII вв. в Зарядье[245], а также обломок блюда (*Миллер*, 1972. С. 118, 120) и целое блюдо из внешнего декора церкви Троицы в Хорошове[246] (Памятники..., 1983. С. 63, рис. 18в) (цв. вкл. 25, *1*), стиль орнаментации и набор красок росписи которых не оставляют ни малейших сомнений в их атрибуции (впервые установлена Ю.А. Миллером). Датировка по аналогиям подтверждается для них еще тем, что Троицкая церковь в Хорошове была построена в 1590-х годах, т.е. именно в тот период, когда керамика этого типа стала распространяться в Турции.

К этому же типу относятся 6 обломков кувшинов, найденных при раскопках в разных частях города[247] (цв. вкл. 25, *3*), 2 обломка блюд[248] и пряслице, сделанное из стенки блюда[249].

2. Дмитров – 1 обломок блюда, из которого было сделано пряслице, был найден при раскопках в Борисоглебском монастыре[250].

3. Коломна – 1 мелкий обломок кувшина[251] (цв. вкл. 25, *4в*).

4. Переяславль-Рязанский – 1 обломок кувшина[252] с изображением цветка гвоздики (цв. вкл. 25, *2*). Цветки гвоздики были одним из самых распространенных мотивов в турецкой керамике XVI–XVII вв., но чаще их исполняли не пурпурно-коричневой краской, а кроваво-красным ангобом (*Aslanapa*, 2006. P. 47, 74).

5. Ярославль – обломок чаши, из которого было сделано пряслице (цв. вкл. 25, *6*).

ТИП 7. ПОЛУФАЯНСЫ С БИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ СИНЕЙ И БИРЮЗОВО-ЗЕЛЕНОЙ КРАСКАМИ

Изделия этого типа изготавливались из белого мягкого кашина, облицованного белым ангобом, и покрывались тонким слоем прозрачной бесцветной свинцовой глазури с крупным или средним цеком. Глазурь, принадлежавшая типу Pb–Na–Si, включавшая примесь оксида олова, но при этом не потерявшая прозрачности (Прил. 1. № 67), аналогична другим образцам турецких глазурей. Подглазурная роспись выполнялась на керамике рассматриваемого типа темно-синей краской (кобальтом), отдельные детали подцвечены прозрачно-голубым расплывшимся кобальтом и кое-где – бирюзово-зеленой краской. Характерным мотивом являлись закрученные в спираль растительные побеги. Подобная орнаментация является отличительным признаком одной из разновидностей турецкой керамики Изника (тип II по А. Лэйну), датируемой второй четвертью XVI в. (*Lane*, 1957. P. 49–51, pl. 29a; *Hobson*, 1932, fig. 110; Islamische Keramik, 1973. № 304; *Fehervary*, 1973. Pl. 89a, № 201; *Kuhnel*, 1976, fig. 114; *Charleston*, 1979. № 280. P. 94; *Watson*, 2005. P. 429; Искусство Ислама, 1990. № 82). Эта разновидность называлась ранее “керамикой Золотого Рога”, поскольку считалось, что ее изготавливали в Стамбуле на берегах бухты Золотой Рог.

Полуфаянсы этого типа известны на территории Руси в двух городах:

1. Москва – 5 обломков от слегка обгоревшего в пожаре кувшина с цилиндрическим горлом и шарообразным туловом (цв. вкл. 26, *1*; рис. 25, *1*) и еще 2 обломка, один из которых принадлежал блюду (см. рис. 29, *5, 6*), найдены в Зарядье[253] в слое XVI в. (*Дубынин*, 1959. С. 97; *Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *15, 16, 19*). Два последних образца отнесены к этому типу условно, по сходству в стилистике рисунка, хотя бирюзово-зеленая подцветка на них отсутствовала (вообще, эта краска применялась очень скупо при орнаментации изделий).

2. Владимир – 1 обломок кувшина, из которого была сделана заготовка пряслица (цв. вкл. 26, *5*).

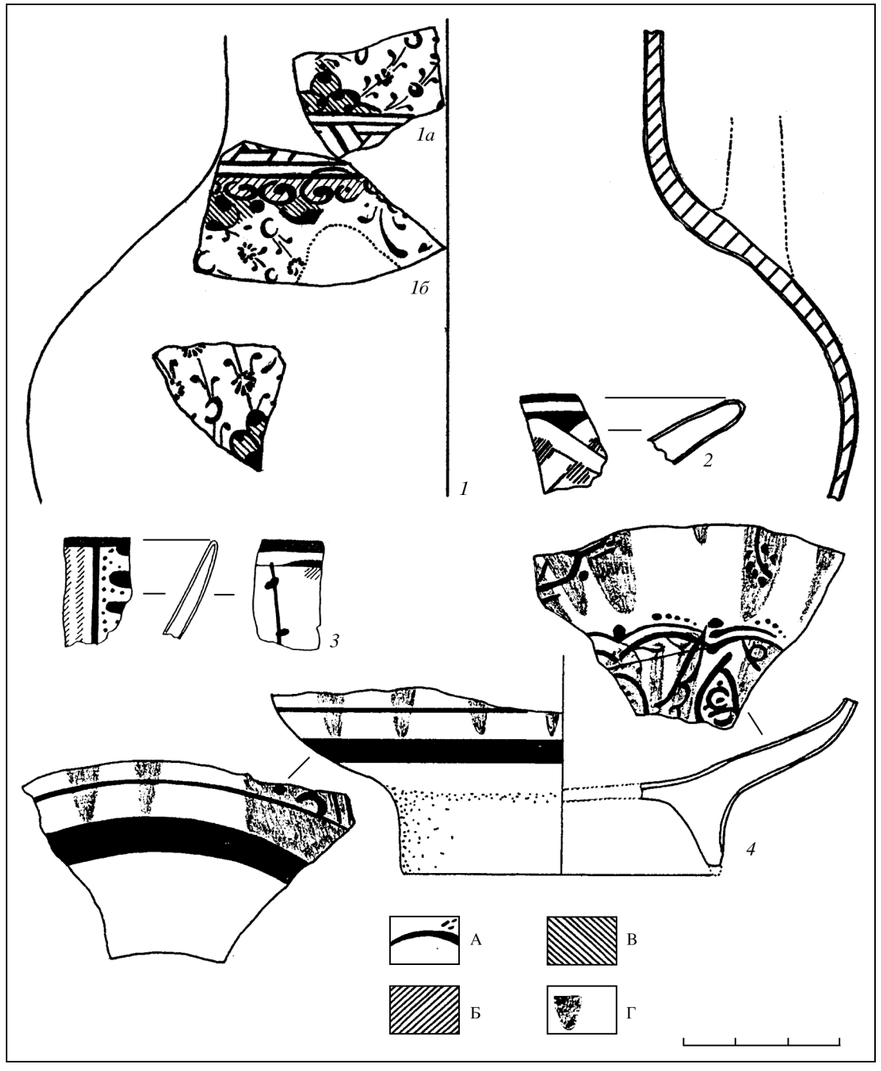

Рис. 25. **Поуфаянсы с бихромной подглазурной росписью из Турции XVI в. (*1*, *2*) и Ирана XIV в. (*3*, *4*)**
А – синий (*1*) и черный (*2–4*) цвет; Б – светло-синий цвет (*1–3*); В – бирюзово-зеленый цвет; Г – прозрачно-синий цвет. *1* – Москва; *2* – Коломна; *3* – селище Ближнее Константиново 1 (у Нижнего Новгорода); *4* – Переяславль-Рязанский

ТИП 8. ПОЛУФАЯНСЫ С БИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ – ЧЕРНОЙ (ИЛИ ЗЕЛЕНОЙ) И СИНЕЙ КРАСКАМИ

Полуфаянсы с черно-синей росписью (под бесцветной глазурью) уже упоминались выше как иранские и сирийские прототипы полихромных золотоордынских полуфаянсов типа 2. В данный тип выделены только не изделия, в отношении которых нет никаких сомнениий в их бихромной раскраске. В составе этого типа выделяютя два вида керамики.

Вид 1. **Изделия из твердого кашина.**

[244] 1955–место хранения не известно.
[245] ГИМ ФПЗ–1985–№ 397, 459а, 452.
[246] МИМ–№27362. Обломок второго блюда остался во внешнем декоре церкви Троицы.
[247] ЦАИ (Гостиный двор)–1998–1–пол. № 468, 5–пол. № 271; (ул. Бол. Дмитровка, 17)–2001–1–пол. № 291 и др.
[248] ЦАИ (Гостиный двор)–1998–1–пол. № 321, 441.
[249] ЦАИ (Третьяковский пр.)–1999–1–пол. № 125.
[250] Музей-заповедник “Дмитровский Кремль”–1993.
[251] ККМ–2003–пол. № 321.
[252] РГИАМЗ–2005–пол. № 223.
[253] МИМ–1957–28958/263, 267, 268, 295, 296; ГИМ ФПЗ–1984–пол. № 127, 1985–пол. № 459б.

Вариант 1. Полуфаянсы с черно-синей росписью.

Изделия этого круга представлены только обломками чаш, орнамент внешней поверхности которых состоял из стилизованных лепестков лотоса (на фрагментах они выглядят как вертикальные линии с нанизанными на них овальными пятнами). Внутренняя поверхность разделялась параллельными синими линиями (по три-пять или даже более штук) на радиальные сектора, заполненные черными растительными мотивами, арабскими надписями, панелями с черными точками, сгруппированными по четыре в виде ромбиков. Подобная орнаментика характерна для иранской керамики "султанабадского" стиля (Искусство Ислама, 1990. № 61; *Lane*, 1957. Pl. 6A; 1958. Pl. 96A; Islamic Pottery..., 1969. № 166; Islamische Keramik, 1973. № 201) и сиро-египетской керамики XIV в. (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 729–735; *Sarre*, 1925. Taf. 21, *49, 53*; *Watson*, 2005. Cat. R.9). Возможно, одним из прототипов последнего из перечисленных мотивов являлся рельефный декор на неполивной "штампованной" керамике, например, из той же Сирии (*Sarre*, 1925. Abb. 26, 28, 29).

Полуфаянсы этого варианта известны в Волжской Булгарии в городских слоях второй половины XIII в. (*Хлебникова*, 1975. С. 237, рис. 3, *4*), равно как и на территории Золотой Орды XIV в. (*Вишневская*, 1958, рис. 7, *4*). Наиболее известным образцом таких импортов является альбарелло из Чингульского кургана на Украине (*Отрощенко, Рассамакін*, 1986) (цв. вкл. 27, *1*). Не исключено, что во второй трети XVI в. похожую керамику могли изготавливать в золотоордынских городах (*Самашев и др.,* 2008. С. 201).Для Руси XIII – первой трети XIV в. переднеазиатское происхождение такой керамики не вызывает сомнений. Ее находки известны в пяти древнерусских городах:

1. Тверь – 3 обломка от двух чаш[254], найденных на территории Кремля в слоях конца XIII – начала XIV в. (*Коваль*, 1997в).

2. Владимир – 1 обломок чаши.

3. Серенск – 3 обломка от двух чаш[255] (*Никольская*, 1981, рис. 59, *3*; 88, *3б*), из слоев, датированных автором раскопок XIV–XVI вв. (цв. вкл. 27, *2*; см. также рис. 27, *1*). По нашему мнению, данные образцы относятся к концу XIII – первой половине XIV в. (*Коваль*, 2004а. С. 30, рис. 1, *1, 2, 13*).

4. Переяславль-Рязанский – дно чаши[256] из комплекса конца XIII – первой половины XIV в. (цв. вкл. 27, *6*; рис. 25, *4*).

5. Чернигов – 1 обломок стенки чаши[257] (цв. вкл. 27, *5*). Кроме того, к этому же типу, возможно, принадлежали 2 мелких обломка чаши, покрытой бледно-бирюзовой глазурью[258].

[254] ТГОМ–1984–17655/293, 302; 1985–21425/303.
[255] КОКМ–1965–Кл9204/13а, б; ГИМ–1984–2630/681.
[256] 2000–ул. Некрасова, д. 24–378.
[257] ЧИАМЗ–1991–2–пол. № 81 (раскопки И.М. Игнатенко).
[258] ЧИАМЗ–1991–2–пол. № 79, 113.

Вариант 2. Полуфаянсы с зелено-синей росписью.

Полуфаянсы этого варианта найдены только в одном месте – в Великом Новгороде – и представлены всего двумя обломками от одной тарелки[259] (цв. вкл. 27, *4*; рис. 26, *5*) из слоев середины XIV в. Декор в целом аналогичен варианту 1: особенно характерна орнаментация внешней поверхности сдвоенными вертикальными линиями, упирающимися вверху в край тарелки, имеющая прямую аналогию в сирийской керамике XIV в., найденной на Кипре (*Megaw*, 1951, fig. 2, A–3). Керамика с такой же гаммой росписи известна и в самой Сирии (*Sarre,* 1925. Taf. 22, *45, 48*).

Вид 2. **Изделия из мягкого кашина.**

Вариант 1. **Полуфаянсы с черно-синей росписью.**

1. Старая Рязань – 4 обломка двух кувшинов (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 191, рис. 1Б, *28, 29, 32*)[260] с росписью черного (или зеленовато-серого) и синего цвета (цв. вкл. 26, *3*; рис. 19, *4*), которые связывались ранее с изделиями золотоордынского круга (*Даркевич, Стародуб*, 1983. С. 191). При этом внутренняя поверхность этих сосудов была покрыта голубой прозрачной глазурью, что не характерно для ордынской керамики. Видимо, эти кувшины происходили из Ирана, а их датировка возможна в пределах XIII в. К сожалению, эти образцы не могут быть датированы по археологическому контексту, поскольку датировки комплексов из раскопок Старой Рязани в 1970–1977 гг. во многих случаях недостоверны (*Коваль,* 2005 г. С. 512, 513).

2. Москва – целая (реставрированная из обломков) чаша[261] с черно-синей росписью из состава клада керамических сосудов под полом Благовещенского собора в Московском Кремле (*Панова*, 1996. С. 65) (цв. вкл. 28, *1*). Она покрыта чуть зеленоватой иризованной глазурью с крупным цеком. Ее особенности:

– концентрическая композиция геометрической росписи на внутренней поверхности (ряды пересекающихся кругов, заполненных мелкой синей сеткой);

– декор внешней поверхности в виде бегло нарисованных наклоненных вправо побегов;

– пятно бесцветной глазури на нижней стороне дна чаши, внутри поддона.

Все перечисленные особенности этой чаши характерны для небольшой серии сирийских полуфаянсов с черно-синей росписью, датирующихся XIV в. Особенно яркой специфической их чертой является орнаментация внешней поверхности размашисто выписанными побегами (*Megaw*, 1951, fig. 1, A–2; *Riis, Poulsen*, 1957, fig. 710–711, 715; *Lane*, 1957. Pl. 12b; *Grabar et al.*, 1979. Pl. G–7, *10b*). Заполнение орнаментальных полей мелкой синей сеткой также встречается главным образом на сирийских полуфаянсах (*Sarre*, 1925. Taf. 24, *48a*). Наконец, глазурные метки на нижней стороне дна свойственны именно для сиро-египетской керамики (*Mostafa*, 1949. P. 379, 380).

[259] НГОМЗ–1953–34767 А78/157; 1958–34767 А78/155.
[260] ГИМ–1977–20–2605/28–30, 32; РГИАМЗ–1968–10–пол. № 34.
[261] ГИМ–1890-е–1308/7.

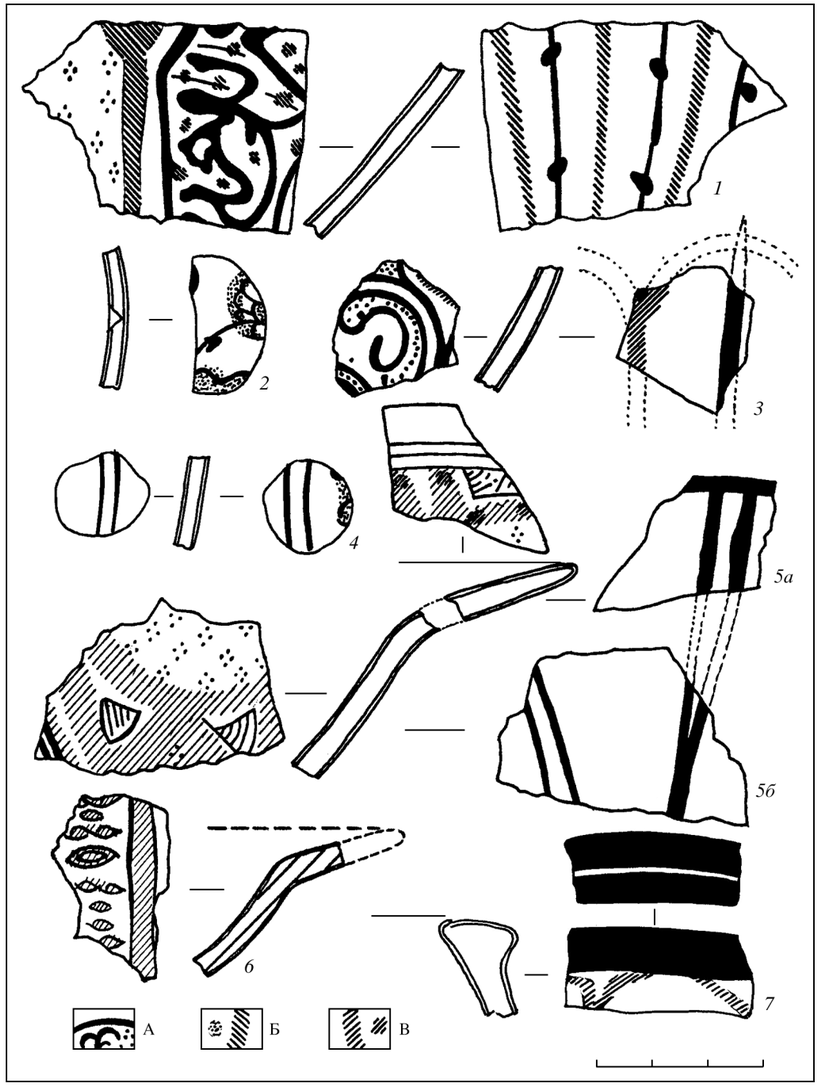

Рис. 26. **Полуфаянсы с бмхромной (черно-синей или зелено-синей) подглазурной росписью из Ирана (*1*, *2*, *4*, *6*, *7*), Золотой Орды (*3*), Сирии (*5*)**

А – черный (*1*, *2*, *6*, *7*) и зеленый (*3–5*) цвет; Б – синий цвет (*1*, *2*, *4*); В – синий цвет (*3*, *5–7*). 1 – Серенск (XIII в.); *2*, *4*, *7* – Нижний Новгород (XIV–XV вв.); *3* – Тверь (XIV в.); *5* – Великий Новгород (XIII–XIV вв.); *6* – Москва (XVI –XVII вв.)

3. Углич – 2 обломка чаши, внешняя поверхность которой декорирована аналогично московской (цв. вкл. 28, *2*). Очевидно, эта чаша была изготовлена в том же центре, что и предыдущая.

4. Селище Ближнее Константиново 1–6 обломков от чаши полусферического профиля (рис. 25, *3*; 26, *2*), внешняя поверхность которой была украшена сильно стилизованными лепестками лотоса в виде параллельных чередующихся линий синего и черного цвета, отходивших вниз от края (на черные линии нанизаны крупные пятна черной крас-

ки) (*Грибов, Коваль*, 2007. С. 219, рис. 1, *3, 4, 9*). Подобная орнаментика характерна для иранской керамики “султанабадского” типа[262] (см. выше подобную чашу из Серенска – табл. 27, *2*).

Вариант 2. Полуфаянсы с зелено-синей росписью.

1) Нижний Новгород – 2 образца из раскопок в Кремле. Один из них – край сосуда Т-образной профилировки[263] (рис. 27, *7*), не характерной для изделий поволжских мастерских, но встречающейся у иранских сосудов XII–XIV вв. Второй образец – это маленькая круглая заготовка декоративной вставки из стенки чаши[264] (рис. 26, *4*).

2. Селище Ближнее Константиново 1 – здесь найдены 7 обломков сосуда закрытого типа (кувшина или вазы “гюльабдан”) и 4 мелких обломка от различных чаш, в том числе один с рельефной (волнистой) моделировкой поверхности (*Грибов, Коваль*, 2007. С. 219, 220, рис. 1, *8*).

***Вид 3.* Изделия из рыхлого кашина.**

Вариант 1. Полуфаянсы с черно-синей росписью;

1) Москва – склеенная из обломков чаша[265], найденная в составе клада из Благовещенского собора Московского Кремля (*Панова*, 1996. С. 65) (цв. вкл. 29, *1*). Черно-синяя роспись этой чаши состояла из крупных растительных мотивов на внешней и внутренней поверхностях. Подобные рисунки не свойственны черно-синим полуфаянсам Сирии и Золотой Орды, но встречаются на керамике Хорасана и Самарканда конца XIV – первой половины XV в. Особенно яркой отличительной чертой декора этой чаши являются крупные “перистые” листья с изрезанным абрисом, полные аналогии которым можно видеть на блюде с монохромной синей росписью из Самарканда, найденном в пазухах сводов медресе Улугбека, построенного в 1417–1420 гг. (*Сухарев*, 1948, рис. 2) и чаше из Хорасана, датированной серединой XV в. (*Lane*, 1957. Pl. 19). Московская чаша была расписана не в монохромной синей гамме, а с использованием двух цветов. Таким образом, наиболее вероятно, что московская чаша была сделана в Самарканде в первой половине XV в.

2. Коломна – обломок края тарелки[266] (рис. 25, *2*).

3. Нижний Новгород – 75 обломков[267] от не менее чем 30 чаш с прямым утонченным краем, как правило, украшенным синими точками. Внешняя поверхность большинства чаш несла роспись в виде стилизованных лепестков лотоса, контур которых наносился черной полосой, а центральная линия “лепестка” – синей краской. Только 2 чаши были украшены снаружи ромбической композицией (*Скоробогатова*, 1983, рис. 1, *3*). Несколько чаш были расписаны в индивидуальной манере, причем среди них выделялась небольшая группа (обломки от трех сосудов), на внешнюю и внутреннюю поверхности которых были нанесены параллельные вертикальные синие линии (по три-пять в ряд), между которыми черной краской были нарисованы различные завитки, луковицеобразные фигуры и иные мотивы. Подобный декор характерен для ранних поволжских изделий середины XIV в. (*Коваль*, 2003б). На внутренней поверхности восемь чаш декор состоял из параллельных вертикальных синих полос и белых полей с черными точками, сгруппированными по четыре в виде ромбиков (рис. 27, *1, 3*). Как отмечалось выше, такая орнаментика происходит из Сирии и Ирана.

4. Владимир-Волынский – 1 обломок стенки чаши[268].

Вариант 2. Полуфаянсы с зелено-синей росписью.

При раскопках в Кремле Нижнего Новгорода в комплексах середины – второй половины XIV в. обнаружено 8 обломков[269] от одной тарелки и шести чаш. Широкое использование зеленой краски указывает на происхождение данной группы находок из мастерских золотоордынского Поволжья.

ТИП 9. ПОЛУФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ СИНЕЙ КРАСКОЙ В ЧЕРНЫХ КОНТУРАХ

Керамика этого типа отличалась наличием у всех элементов росписи черных (реже зеленовато-серых) контуров, причем сам рисунок никогда не закрашивался черной краской (как это нередко делалось в типе 8), а лишь подцвечивался кобальтом. Сосуды изготавливались из белого твердого крупнопористого кашина и покрывались толстым слоем глазури типа Na–K–Ca–Si (Прил. 1. № 72–74) без цека (или с крупным цеком). На внешней стороне кольцевого поддона иногда проводилась двойная черная полоса, подражавшая аналогичным синим полосам на китайских фарфоровых изделиях XV–XVII вв. (*Масленицына*, 1975. С. 184, № 208). Подобная керамика изготавливалась в Иране и Афганистане в XV–XVII вв. (Islamische Keramik, 1973. № 259; *Watson*, 2005. Cat. U.19, U.21), причем считается, что основным центром ее производства являлся город Мешхед в Хорасане (*Lane*, 1957. P. 98, pl. 76 b).

На территории Руси такая керамика известна в трех городах:

[262] Такое наименование дано по находкам характерной керамики второй половины XIII – XIV в., сделанным впервые в районе современного иранского города Султанабада.

[263] 2001–пол. № 1161 (культ. слой).

[264] 2001–пол. № 459.

[265] ГИМ–1308/9.

[266] ККМ–1994–пол. № 152.

[267] 2001–пол. № 323, 358, 381, 384, 440, 470, 472, 476, 483, 499, 525, 602, 635, 715, 724, 790, 742, 773, 781, 782, 784б, 784в, 789, 788, 801, 802, 813, 814, 815, 816, 817, 819, 820, 984, 1066, 1127, 1147, 1217, 1244, 1248, 1253, 1254, 1282, 1312, 1400, 1440, 1461, 1483, 1557, 1570б, 1642, 1839, 1928, 1960, 1966, 2023а, 2023б, 2026, 2038 2056, 2316, 2321, 2378, 2447, 2456, 2489, 2541, 2599, 2626, 2679, 2684 и 2 образца без номера.

[268] ЛИМ–1999–№ 43881.

[269] 2001–пол. № 504; 260; 1397; 2168; 380, 1372, 1570а, 1859.

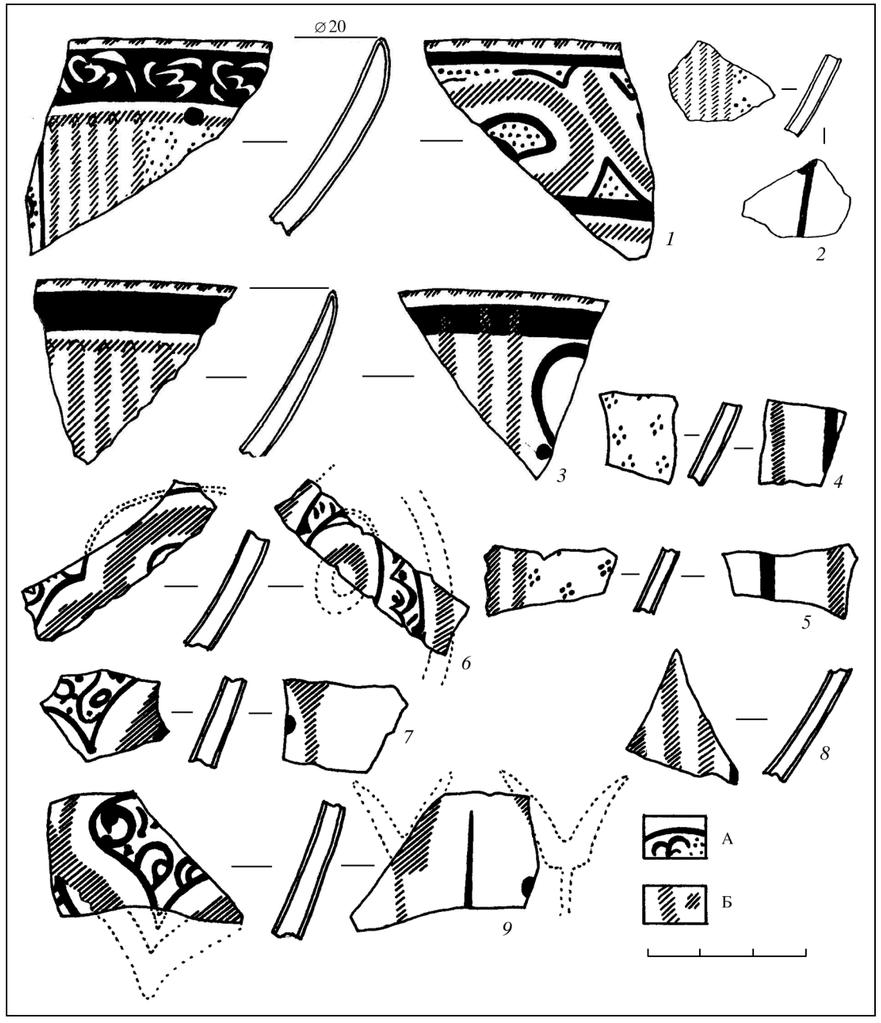

***Рис. 27.* Полуфаянсы с бихромной (черно-синей) подглазурной росписью (XIV в.)**
А – черный цвет; Б – синий цвет. *1*, *3* – Нижний Новгород; *2* – селище Ближнее Константиново 1; *4–9* – Тверь

1. Москва – 14 обломков от шести разных сосудов, 10 из них были найдены при раскопках в Зарядье в слоях XVI–XVII вв. (*Дубынин*, 1955. С. 56; *Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *3, 17, 21*), причем 9 принадлежали одной тарелке[270], имевшей фестончатый край и глазурованную нижнюю сторону дна, с бледно-бирюзовой подцветкой (цв. вкл. 29, *2, 4*; рис. 28). Обломок тарелки этого типа найден также на Манежной площади в слоях XVII–XVIII вв. (рис. 26, *б*)[271], обломок обгоревшего в пожаре блюда – в Кремле[272]. Отметим, что глазурование дна с наружной стороны характерно для иранских люстровых полуфаянсов XVII в. (кол. ГМИНВ. № 3972–3973 II) (*Масленицына*, 1975. С. 185, № 260, 261).

Фрагмент кувшина из раскопок в Зарядье[273] (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *5*) отличался от предыдущих образцов мягким кашином и очень толстым (до 1 мм) слоем белого ангоба (цв. вкл. 29, *5*; рис. 29, *1*). Он был найден в культурном слое XVI в. (*Дубынин*, 1955. С. 43, табл. XLI, *3, 4*; 1959. С. 97). Его орнаментация близка декору иранской керамики XVII в. (*Kuhnel*, 1976. Pl. 108), одна-

[270] МИМ–1951–7401/182; 1955–28958/254, 255; 7397/469; 1957–28958/294, 297–299, 301.

[271] Ближайшую аналогию манере росписи этого образца дает иранское блюдце того же времени из коллекции ГМИНВ (кол. № 3728 II).

[272] ЦАИ–1995; ММК–1975–пол. № 60.

[273] МИМ–1955–7397/468.

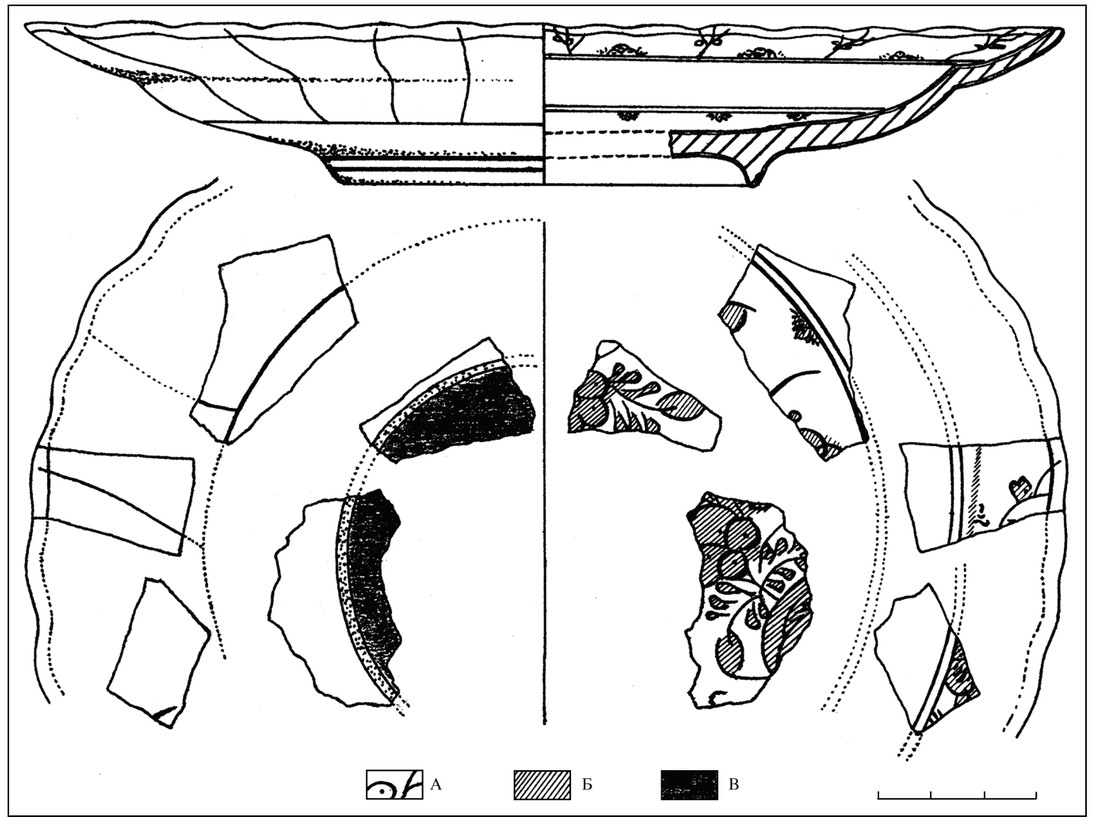

Рис. 28. **Обломки и реконструкция полуфаянсовой тарелки с черно-синей подглазурной росписью (Иран, XVI в.) из Москвы**

А – черный цвет; Б – синий цвет; В – бирюзовый цвет

ко резервированные детали для последней не характерны. Анализ глазури (Прил. 1. № 73) показал иранскую рецептуру, что не оставляет сомнений в происхождении сосуда.

2. Коломна – обломок стенки сосуда закрытой формы[274] (рис. 29, *4*).

3. Нижний Новгород – из раскопок в Кремле происходит 1 обломок стенки кувшина, из которого была сделана заготовка пряслица, видимо, расколовшаяся пополам при попытке просверлить в ней отверстие[275] (цв. вкл. 29, *3*; рис. 27, 2).

ТИП 10. ПОЛУФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ ЧЕРНОЙ И КРАСНОЙ КРАСКАМИ

Единственный обломок такой керамики найден в Киеве[276] в слоях домонгольского времени. Он принадлежал блюду, изготовленному из мягкого белого кашина, облицованного бесцветной глазурью, насыщенной большим количеством пузырьков воздуха. Роспись выполнена черной краской с расцветкой отдельных элементов (букв стилизованной арабской благопожелательной надписи) тонким слоем красного ангоба (рис. 29, *2*). По декоративному оформлению этот образец близок ирано-среднеазиатской полумайолике X–XI вв. с черно-красной росписью (Islamic Pottery..., 1956. № 5; *Gardin*, 1963. P. 55–59, 137, pl. XII–XVI; *Watson*, 2005. P. 207, 216, 221, 222; *Шишкина*, 1979. Табл. LIX, 2; LXII, 3; LXVII, 1; *Брусенко,* 1986. Табл. 36, 9; 37, 38, 47). В XII в. этот тип орнаментации продолжал использоваться на кашинной керамике (The Art..., 1988. № 153; *Шишкина*, 1979. С. 56). Важным датирующим признаком является расположение букв надписи вершинами к краю блюда (а не наоборот), появляющееся на керамике Среднего Востока только с XI–XII вв. (*Шишкина*, 1979. С. 56). Возможно, киевская находка является редким образцом первых партий кашинной посуды Северо-Восточного Ирана или Мавераннахра XII в.

[274] ККМ–1998–пол. № 46.
[275] 2001–пол. № 424.
[276] МИК–1984 (ул. Волоська, 16)–р. 2–пол. № 181.

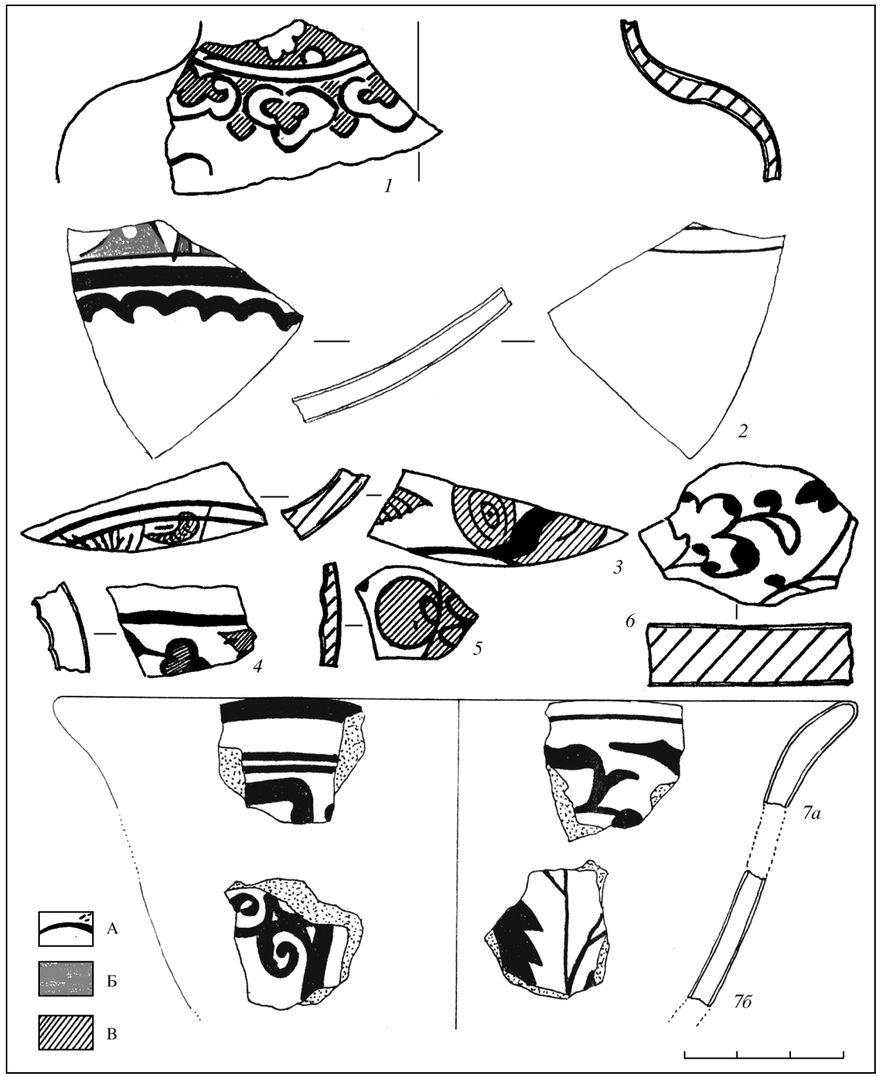

Рис. 29. **Полуфаянсы с бихромной (*1*, *2*) и многромной синей (*3*–*7*) подглазурной росписью из Ирана (*1*–*4*), Турции (*5*, *6*) и золотоордынского Поволжья (*7*)**

А – черный (*1*, *2*, *4*) и темно-синий (*3*, *5*–*7*) цвета; Б – красный цвет (*2*); В – светло-синий цвет (*1*, *3*–*5*). *1*, *3*, *5*, *6* – Москва (XVI в.); *2* – Киев (XI в.); *4* – Коломна (XVI в.); *7* – Москва (конец XVI в.)

ТИП 11. ПОЛУФАЯНСЫ С МОНОХРОМНОЙ СИНЕЙ РОСПИСЬЮ

В советской и современной российской литературе такую керамику называют “тимуридской”, поскольку она распространилась в Передней и Средней Азии в эпоху Тимуридов (XV в.), быстро став доминирующим типом столовой и парадной посуды. Однако такое название не может быть признано удачным, поскольку полуфаянсы с сине-белой гаммой росписи появились еще в конце XIV в. (задолго до появления “тимуридов”) и продолжали бытовать на Востоке вплоть до XX в. Поэтому более правильным представляется называть такую керамику “сине-белой” (“blue-and-white”), как это принято в Европе и Америке.

Вид 1. **Изделия из твердого белого кашина.**

Изделия этого вида почти перестали производиться в XIV–XV вв., но в XVI–XVII вв. они вновь распространяются в Иране и Турции. На Руси их находки известны в трех местах:

1. Москва – 6 образцов. В Кремле найден обломок чаши[277] с растительным орнаментом, стратиграфически датирующийся XV в. (*Панова*, 1986. С.226, рис. 3) и принадлежащий, вероятно, к продукции Ирана. К иранским изделиям XVI в., копирующим китайские образцы, относился обломок дна блюда с изображением лани, найденный в Зарядье[278] (*Розенфельдт*, 1968. С. 70, табл. 24, *7*).

Два обломка чаши из слоя XVII в. в Замоскворечье[279] (рис. 29, *3*) несли на себе роспись кобальтом серого оттенка, который считается признаком иранских изделий XVII–XVIII вв. из города Кашан (*Кверфельдт*, 1947. С. 107). При этом аналогии в орнаментике указывают на связь этого образца с кобальтовой керамикой Кермана, традиционно датируемой XVI в. (*Lane*, 1957. Pl. 64b).

К самой поздней разновидности иранских твердых полуфаянсов относится чашечка с растительным орнаментом из погребения № 202 (конца XVII–XVIII в.) некрополя Моисеевского монастыря в Москве[280] (*Векслер*, 1995б. Ил. 706, табл. 9, *2*) и обломок тарелки[281] из раскопок на Романовом дворе (цв. вкл. 26, *10*).

2. Коломна – обломок сосуда закрытого типа, из стенки которого было изготовлено миниатюрное пряслице[282] (рис. 30, *3*).

3. Нижний Новгород – 2 мелких обломка[283] чаши происходят из комплексов середины – второй половины XIV в. в Кремле.

Вид 2. **Изделия из мягкого кашина.**

Единственным образцом керамики этого вида является обломок бутыли[284] из состава клада в Благовещенском соборе Московского Кремля (цв. вкл. 30, *2*). Желтоватый цвет кашина и "чешуйчатое" заполнение орнаментальных панелей находят полную аналогию в керамике Самарканда начала XV в. (*Сухарев*, 1948. С. 56, 57, рис. 2), а стилизованные лепестки лотоса с краем, напоминающим фигурную скобку, являются типичным элементом "сине-белой" керамики конца XIV–XVI вв. (*Шляхова*, 1980. С. 85, рис. 3, *4*). Этот мотив копировал образцы китайского фарфора, на котором такая стилизация появилась впервые в XIV в. (La Ceramique..., 1978, fig. 113; *Pope*, 1956. Pl. 12, 25). "Чешуйчатый" орнамент также представляет собой точную копию одного из мотивов росписи китайского сине-белого фарфора XIV в. (*Pope*, 1952. Pl. B–4, 15, 29). Самаркандское происхождение сосудов этого варианта представляется наиболее вероятным. На такую атрибуцию указывает и глазурная облицовка нижней стороны дна (внутри кольцевого поддона).

Вид 3. **Изделия из рыхлого кашина.**

Вариант 1. Керамика с позитивной бесконтурной росписью.

Подобная керамика изготавливалась в конце XIV–XV в. в золотоордынском Поволжье и Средней Азии (*Булатов*, 1976; *Шляхова*, 1980; *Федоров-Давыдов*, 1994. С. 118–121).

Находки этой керамики известны в пяти местах:

1) Москва – 7 обломков от пяти сосудов[285] и 1 целая чаша[286] (последняя – из состава клада парадных поливных сосудов под полом Благовещенского собора Московского Кремля). Обломки принадлежали миниатюрному сосудику (*Панова*, 1986, рис. 3), ручке кувшина (цв. вкл. 26, *7*; рис. 30, *2*) и трем чашам (рис. 29, *7*). Чаша из Благовещенского собора (цв. вкл. 30, *1*) могла относиться к поволжским изделиям конца XIV – начала XV в. (*Самашев и др.*, 2008. С. 216, 217), хотя схожая орнаментика присутствует также на "сине-белой" керамике Средней Азии и Ирана (*Lane*, 1957. Pl. 18).

2. Коломна – 2 обломка чаши[287].

3. Нижний Новгород – 5 обломков, найденных в комплексах золотоордынской эпохи. Три из них[288] относились к чаше из красного кашина, характерного для продукции поволжских столиц Золотой Орды. Два других обломка[289] принадлежали чаше из белого кашина.

4. Старокадомское поселение (на границе Рязанских и Мордовских земель) – 1 мелкий обломок (*Шитов*, 1992. Табл. VIII, 4).

5. Новогрудок – 2 обломка[290] блюда (цв. вкл. 26, *9*).

Вариант 2. Полуфаянсы с росписью "в резерве".

Они изготавливались из белого рыхлого кашина и покрывались чуть зеленоватой глазурью с крупным цеком (аналогичной глазури полуфаянсов типа 8). Роспись "в резерве" (с растительными мотивами) не характерна для керамики Ирана, Средней Азии и Золотой Орды, но встречается среди сирийских и египетских изделий XIV–XV вв. (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 718, 780, 781, 783).

Единственный образец керамики этого типа происходит из клада в Благовещенском соборе Кремля (цв. вкл. 30, *3*; рис. 30, *1*) – это чаша[291] редкой "баночной" формы, встречающейся среди сирийских полуфаянсов с бихромной (черно-синей) и монохромной синей росписью (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 717, 718, 791). Кроме Сирии, одна чаша такой формы, с росписью люстром, найдена в Армении

[277] ММК–1975–пол. № 85.
[278] Место хранения не известно.
[279] ЦАИ–1995 (ул. Бол. Ордынка, 1/5).
[280] ЦАИ–1995.
[281] 2002–Р.2–пол. № 39 (раскопки Н.А. Кренке и Л.А. Беляева).
[282] ККМ–2003–пол. № 790.
[283] 2001–пол. № 491, 2326.
[284] ГИМ–1304/4.
[285] ММК–1964–47313/430; 1975–47431/517; ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–5 шт.
[286] ГИМ–1308/16.
[287] ККМ–1993–пол. № 241, 254.
[288] 2001–пол. № 699; 2118; 2758.
[289] 2001–пол. № 1264; 2198.
[290] НИКМ–1974–пол. № 1320, 1363 (№ КП 4291).
[291] ГИМ –1308/1.

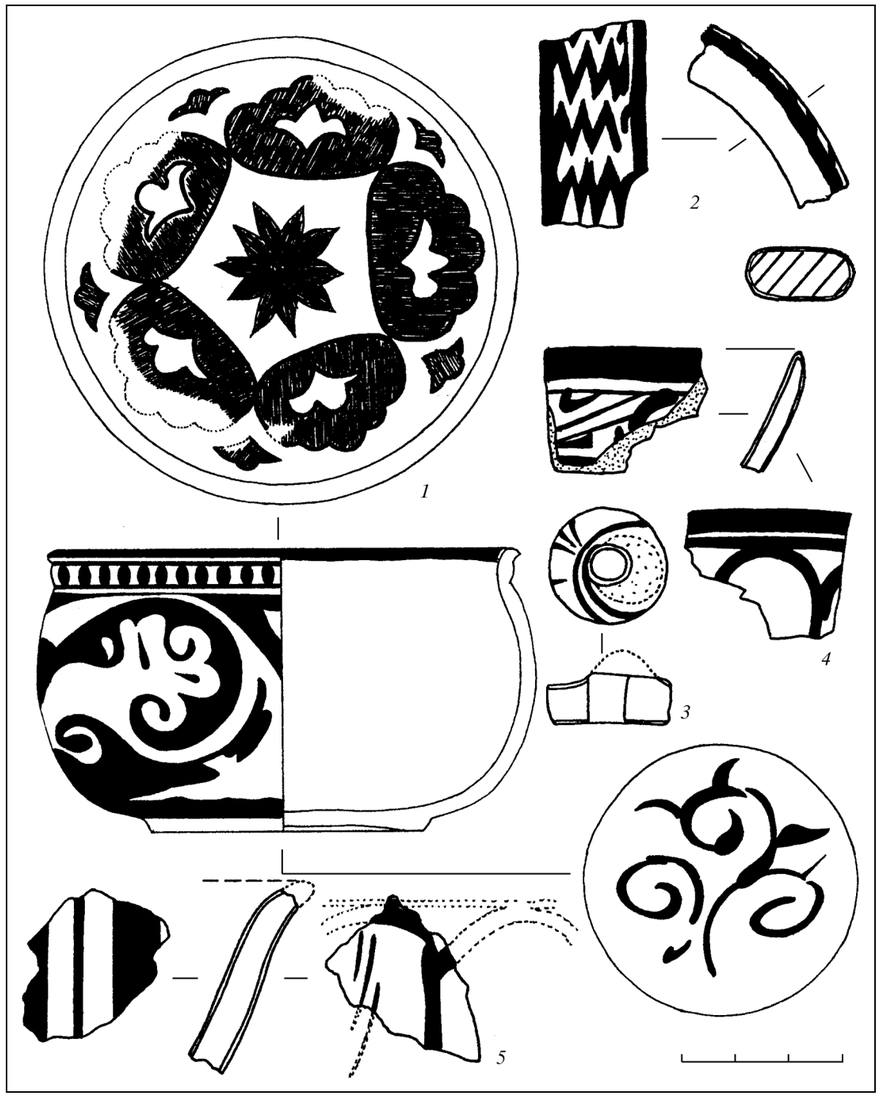

Рис. 30. **Полуфаянсы с монохромной синей (*1–3*) и черной (*4*, *5*) подглазурной роспись. с бесцветной (*1–3*) и бирюзовой (*4*, *5*) глазурями из Сирии (*1*), Ирана (*3*), Золотой Орды (*2*, *4*, *5*)**

1, *2* – Москва (XV в.); *3* – Коломна (XV в.); *4* – Великий Новгород (XIV в.); *5* – Коломна (XIV в.)

(*Жамкочян*, 1981. Табл. VIIIa, *9*). Наконец, последней особенностью московской чаши является наличие на нижней стороне ее плоского дна рисунка кобальтом в виде стилизованного побега, по которому сделано несколько мазков глазурью. Здесь же видны следы от сепая с пятью ножками. Все эти признаки позволяют видеть в данном сосуде произведение сирийских мастеров XV в. (*Коваль*, 2005е. С. 221).

ТИП 12. ПОЛУФАЯНСЫ С МОНОХРОМНОЙ ЧЕРНОЙ РОСПИСЬЮ

Подобная керамика очень редко встречается на Ближнем Востоке в XIV–XV вв. На Руси ее находки известны в двух местах:

1. Великий Новгород – 3 обломка чаши[292] из твердого белого кашина, со стилизованными крести-

[292] НГОМЗ–1995–А174/641–643.

ками-“соцветиями” (цв. вкл. 26, *6*). Сам мотив полей, заполненных такими элементами, происходит из сирийской орнаментики (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 476, 531, 532, 675; *Pecorella*, 1983, fig. 5; Davids samlung..., 1975, fig. 47; *Grabar et al*., 1979, fig. G-4, № 11; *Porter*, 1981. Pl. XVIII, XXX). Вероятно, эта чаша была изготовлена в сирийских мастерских.

2. Новогрудок – край блюда[293] (цв. вкл. 26, *11*) из рыхлого белого кашина.

3. Гродно – стенка чаши[294] из твердого белого кашина.

ПОДГРУППА Б. ПОЛУФАЯНСЫ С БИРЮЗОВОЙ ПОЛИВОЙ

Расписные полуфаянсы, покрытые бирюзово-голубой поливой, представлены только одним **ТИПОМ – С ЧЕРНОЙ ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ.** Производство такой керамики получило широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке. С конца XI в. она известна в Сирии и Палестине (*Katz*, *Kahane*, *Brashi*, 1968. P. 131, pl. 111), с конца XII в. появляется в Иране (*Watson*, 2005. P. 334–337), а в конце XIII–XIV вв. – составляет один из самых распространенных типов поливной керамики в Иране (*Grube*, 1976. P. 177; Islamische Keramik, 1973. № 198), Сирии (так называемые “фаянсы Ракки”) (*Riis, Poulsen*, 1957. P. 157–169, fig. 490–579) (цв. вкл. 31, *1*), Средней Азии (*Массон*, 1949. С. 79) и золотоордынском Поволжье (*Булатов*, 1968. С. 102–104). Производство такой посуды продолжалось и впоследствии (в Средней Азии и Иране – до XX в.). В составе этого типа выделяются 2 вида.

Вид 1. **Полуфаянсы из мягкого кашина.**

К нему принадлежат тонкостенные сосуды с растительным орнаментом под глазурью голубого оттенка. Находки известны в трех местах:

1. Старая Рязань – 3 обломка от двух чаш[295] (цв. вкл. 31, *2, 5*; рис. 31, *1*), одна из которых была изготовлена из бледно-желтого кашина и украшена с использованием приема гравировки по слою черной краски, применявшегося в Иране и Сирии уже в конце XII – начале XIII в. Роспись этой чаши имеет много общего с орнаментацией сирийских полуфаянсов XIII в. (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 535). Особое внимание следует обратить на полное сходство орнаментации внешней поверхности обоих старорязанских образцов с экземпляром из Херсонеса (*Романчук*, 1982, рис. 26)[296], роспись внутренней поверхности которого имеет полную аналогию среди сирийской керамики (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 533). Бессвинцовый состав глазури одной из старорязанских чаш (Прил. 1. № 48), не характерный для сирийской рецептуры, указывает на бытование в Сирии двух разных традиций приготовления глазурей.

2. Киев – обломок чаши[297] с рельсовидно-утолщенным краем (*Залеська и др*., 1996. С. 202) (цв. вкл. 31, *9*; рис. 31, *2*). Подобная профилировка характерна для иранской керамики конца XIII–XIV в. (Oriental Islamic Art, 1963. № 20, 22; *Pope*, *Ackerman*, 1965, fig. 777A; *Grube*, 1976. № 209; *Soustiel*, 1985. P. 194, fig. 9; *Atil*, 1973a. № 70).

3. Владимир – небольшой обломок тонкостенной чаши с легкой рельефной моделировкой внешней поверхности[298] (цв. вкл. 31, *3*), происходивший из комплекса середины XIV в. (*Кабаев, Гальчук*, 2007. С. 74, рис. 4, *15*).

Вид 2. **Полуфаянсы из рыхлого кашина.**

Черная краска, использовавшаяся для росписи керамики этого вида, в большинстве случаев изготавливалась на основе окиси хрома, о чем свидетельствует ее зеленоватый оттенок. Иногда, в особенности при бледно-голубом цвете глазури, эта краска имеет насыщенный зеленый цвет. В то же время, использовалась и черная краска с синим оттенком (на основе окиси кобальта). В ряде случаев интенсивно-черная краска сочетается с темно-синей кобальтовой. Последний вариант применялся в Иране еще в XII в. (*Pope*, *Ackerman*, 1965, fig. 738, 739, 741).

Основной формой керамики этого вида являлись чаши, встречены также фрагменты блюд и вазы “гюльабдан” (цв. вкл. 32, *1, 2*). В орнаментике наиболее распространенной была роспись внутренней поверхности рядами крестиков (стилизованных соцветий), а наружной – изогнутыми каплевидными фигурами (стилизованными ныряющими рыбками или дельфинами) (*Коваль*, 2001. С. 85, 86, рис. 1; 2005д. С. 83, 84) (цв. вкл. 32, *1, 3*), что видно по многочисленным образцам из золотоордынского Поволжья середины – второй половины XIV в. (*Медведев*, 1963, рис. 1; *Булатов*, 1968. С. 104; *Федоров-Давыдов*, *Булатов*, 1989, рис. 23, *1*), где, несомненно, производилась эта керамика. Известна такая орнаментация и в Средней Азии (*Вактурская*, 1952, рис. 9; 1959, рис. 34, *1; Толстов*, 1958, рис. 6, *12*), Иране (*Bahrami*, 1949. Pl. XVIII), Сирии (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 531, 675; *Pecorella*, 1983, fig. 5). Основные элементы декора – крестики-“соцветия” и каплеобразные фигуры (стилизованные рыбки) – заимствованы, вероятно, с ультрамариновых люстровых полуфаянсов (*Riis, Poulsen*, 1957, fig. 476, 479; Davids samlung..., 1975. № 47; Islamische Keramik, 1973. № 247). В пользу атрибуции каплеобразных фигур в виде стилизаций ныряющих рыбок уже высказывалось немало аргументов (*Коваль*, 2005д. С. 83, 84). Добавим к ним еще один – на иранской керамике с черной росписью под бирюзовой глазурью встречаются каплеобразные фигуры с раздвоенными “хвостиками” (*Lane*, 1958. Pl. 91).

Наряду с этим основным стандартом росписи, встречаются разнообразные растительные и геометрические мотивы на внутренней стороне чаш и стилизованные лепестки лотоса – на внешней (цв. вкл. 31, *3*; 32, *7*), а также прием гравировки по слою черной краски. Зачастую роспись бирюзовых полуфаянсов в точности повторяет полихромные полуфаянсы типа 2. Орнаментика и все технологические характеристики большинства образцов такой керамики, найденных на Руси, свидетельствуют об их происхождении из поволжских центров Золотой Орды.

На территории Руси находки полуфаянсов этого типа известны в 20 местах, в основном, из слоев середины – второй половины XIV в.:

1. Великий Новгород – 32 обломка чаш[299] (рис. 30, *4*; 31, *3, 9*).

2. Псков – 1 мелкий обломок чаши[300].

3. Новогрудок – 2 мелких обломка чаш[301] (*Гуревич*, 1981. С. 110, рис. 89, *2*).

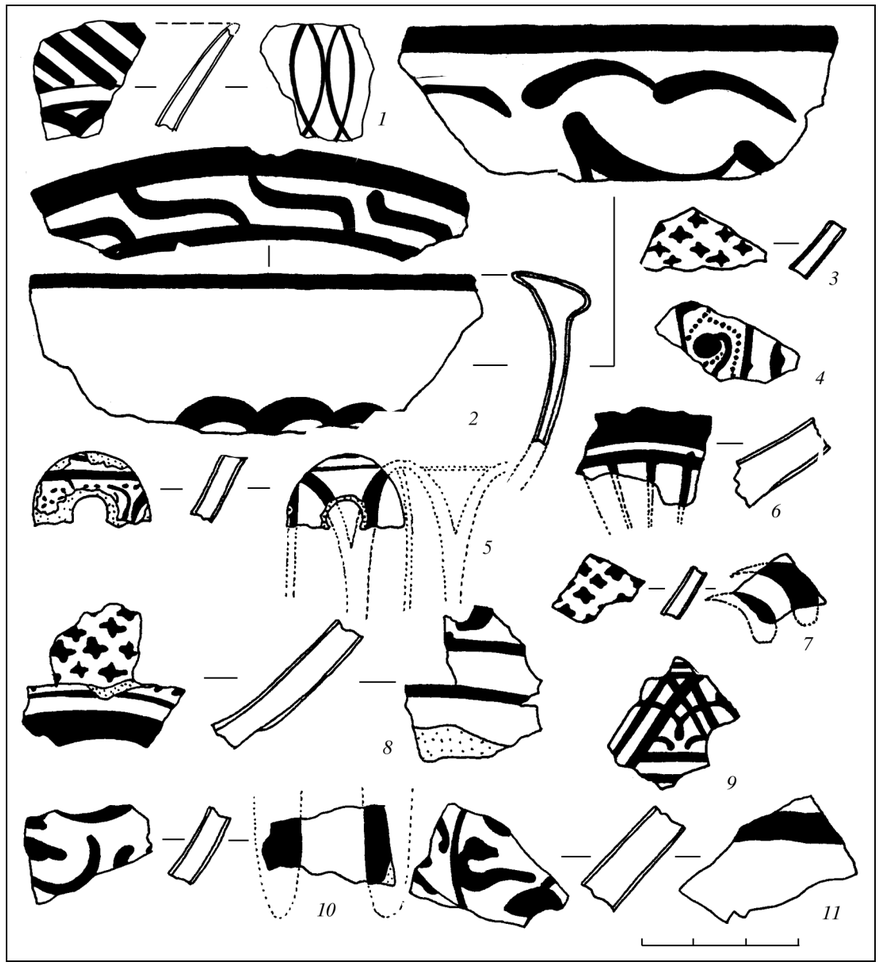

Рис. 31. **Полуфаянсы с монохромной черной росписью под бирюзовой глазурью (XIII–XIV вв.)**
1 – Старая Рязань; *2* – Киев; *3*, *9* – Великий Новгород; *4*, *6*, *7* – Коломна; *5*, *8* – Переяславль-Рязанский; *10*, *11* – Тверь

---

[293] НИКМ–1992–№ КП3796.

[294] ГИАМ–1949–№ 4129/Ц-78.

[295] РГИАМЗ–2003–34–пол. № 69, 103.

[296] Атрибуция и датировка чаши из Херсонеса в качестве иранского изделия XIV в. неверна. Этот сосуд следует связывать с производством Сирии XIII в. (*Коваль*, 2005е. С. 219).

[297] ГЭ–1938/9–Эра-5а/281. Место и условия находки не известны.

[298] 2005 (ул. Гагарина, 2)–пол. № 167.

[299] НГОМЗ–1953–34767 А78/115, 120, 150; НВ 20944 Пр.к А78/665, 666, 674, 675, 684, 686; 1955–11784 А46/141, 145; НВ 20944 Пр.к А78/667; 1956–34767 А78/103, 126; 1957–34767 А78/113; 1958–34767 А78/118, 148, 151; 1961–34767 А78/112, 149, 152; 1962–39108 А137/348; 1981–НВ 19029 Пр.к А76/634; 1991–39454 А136/594; №№ 13, 18, 19, 24, 27, 35, 42, 45 по сводке А.Ф. Медведева (*Медведев*, 1963. Табл. 2) (место хранения не известно).

[300] ПГМЗ–1984–пол. № 390.

[301] ГЭ–1961–НВ2421; место хранения второго образца не известно.

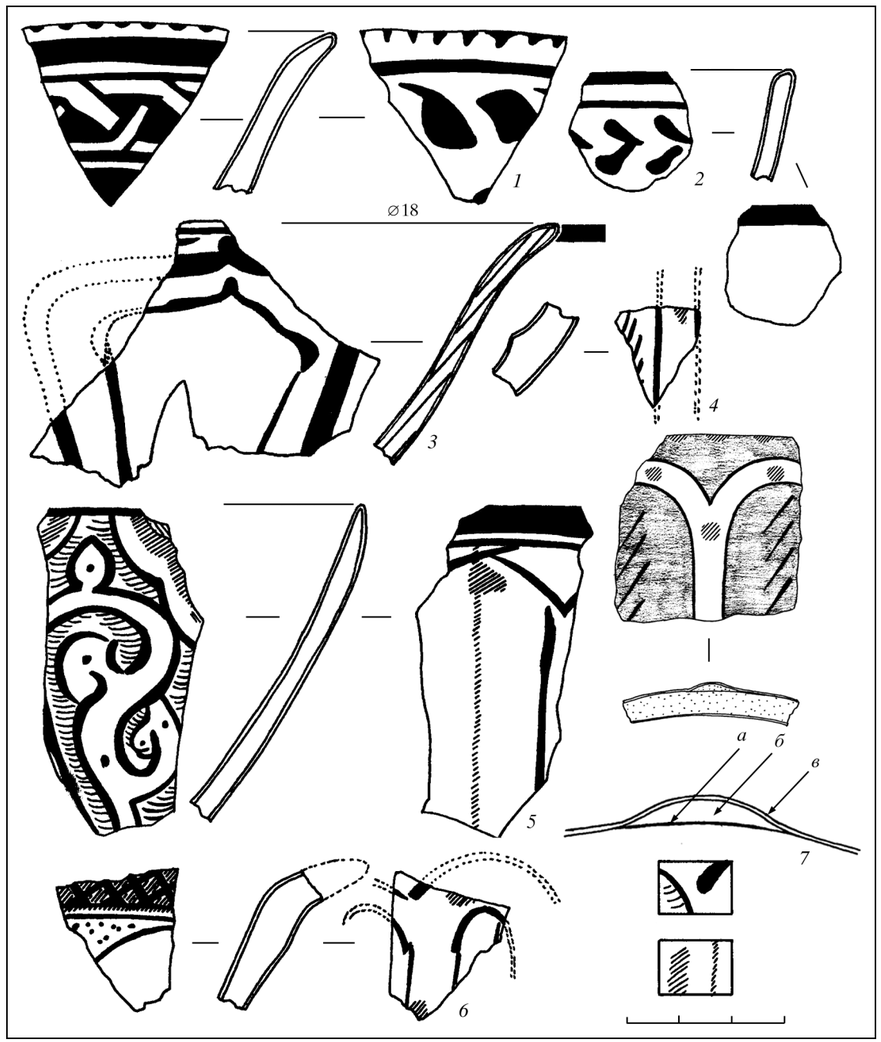

Рис. 32. **Полуфаянсы с монохромной черной росписью под бирюзовой глазурью (*1–3*), с полихромной подглазурной росписью и росписью белым ангобом (*4–7*) из золотоордынского Поволжья XIV в. и Ирана XVI–XVII вв. (*3*)**

А – черный цвет; Б – синий цвет. *1*, *5* – Нижний Новгород; *2* – Пронск; *3* – Москва; *4*, *6* – Тверь; *7* – схема излома стенки чаши с окраской поверхности под росписью ангобом: *а* – слой краски; *б* – ангоб росписи; *в* – глазурь; *г* – основа (стенка чаши)

4. Белоозеро – 3 обломка чаш (*Голубева*, 1973а. С. 186, рис. 66, *5*).

5. Тверь – 42 обломка, большинство из которых принадлежало чашам (рис. 31, *10, 11*; 32, *4*), и лишь 2 – вазам “гюльабдан” (*Коваль*, 1997в). Из них 27 образцов происходили с территории Кремля[302], а 15 – с Затьмацкого посада[303].

6. Ростов – 1 обломок чаши[304] (цв. ил. 32, *б*) (*Самойлович*, 1991. С. 73).

7. Владимир – 6 обломков чаш.

8. Москва – 9 мелких обломков, принадлежавших чашам (Табл. 31, *6, 8*; 32, *4*) и одному блюду (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *1*, *Дубынин*, 1955. Л. 156. Табл. LVIII, 2; *Коваль*, 1997д), найдены в Кремле[305],

[302] ТГОМ–1979–8114/35; 1983/4–17655/286, 288, 291, 296; 1985–21425/302, 305, 306, 308, 309, 315, 316; 1994–11–94; 1995–11–58, 84; 1996–11–32, 355.

[303] ТГОМ–1989–20530/151; 1989, 1990, 1995, 1996 (14 шт.).

[304] РГИАМЗ–1988–пол. № 12.

[305] ММК–1963–47313/433; 1988–пол. № 6.

Китай-городе[306] и Гончарной слободе (*Дзвонковский*, 1993. С. 199). Кроме того, 1 целая (реконструированная) ваза “гюльабдан” происходила из клада под полом Благовещенского собора Кремля[307] (цв. ил. 32, *1*).

9. Дмитров – 1 обломок чаши[308].

10. Коломна – 19 обломков от вазы “гюльабдан” и нескольких чаш[309] (рис. 30, *5*; 31, *4, 6, 7*) (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 294, рис. 3, *5, 7, 8, 12, 13*).

11. Переяславль-Рязанский – 8 обломков от шести чаш (рис. 31, *8*) и один от сосуда закрытого типа из Кремля и посада[310]. Один из обломков чаши был использован вторично в качестве пряслица (рис. 31, *5*)(*Коваль, Судаков*, 1995. С. 126, рис. 2, *4*).

12. Пронск – 3 обломка от двух чаш[311] (рис. 32, *2*).

13. Нижний Новгород – 49 обломков[312] от не менее чем 30 чаш и четырех ваз “гюльабдан” (цв. ил. 31, *7*; 32, *3, 5, 7*; рис. 32, *1*). Орнаментальные схемы этих сосудов не отличались разнообразием: на внешней поверхности изображались изогнутые каплеобразные фигуры (стилизованных ныряющих рыбок) либо лепестки лотоса (цв. ил. 32, *7*). На внутренней поверхности чаш размещался либо растительный декор, либо панели, заполненные рядами мелких крестиков (стилизованных соцветий).

14. Селище Ближнее Константиново 1–2 мелких обломка чаш (*Грибов, Коваль*, 2007. С. 220, рис. 1, *8*).

15. Муром – 1 обломок чаши[313].

16. Любутск – 1 обломок чаши[314] (*Болдин*, 1995).

17. Антоновское городище близ Брянска – 1 обломок сосуда[315] (*Поляков*, 1995а. С. 109, 110).

18. Гочевское селище – 3 обломка чаши[316] с росписью внутренней поверхности крестиками-“соцветиями”.

19. Киев – 1 обломок чаши[317] из раскопок Десятинной церкви (цв. ил. 31, *4*). Кроме того, известно о находке нескольких обломков подобной керамики на Подоле (*Івакін*, *Козубовський*, 1993. С. 131).

20. Луцк – обломок стенки кувшина или вазы “гюльабдан”[318].

К особому *варианту* полуфаянсов рассматриваемого типа относятся изделия, которые при идентичности признаков технологии (рыхлый белый кашин, бирюзово-голубая глазурь, синевато-черная роспись), отличаются своей орнаментикой, которая ограничена мотивом стилизованных лепестков лотоса, помещенных на внутренней поверхности чаш и блюд. Подобная роспись известна на иранских и среднеазиатских блюдах XV–XVII вв. (*Soustiel*, 1985. № 292; *Fehervary*, 1973. Pl. 72a, № 169; Davids samlung..., 1975. Pl. 92)[319].

Единственный образец керамики этого варианта на территории Руси – обломок чаши из Москвы, найденный на территории Земляного города (ул. Арбат)[320] в слое XVII в. (рис. 32, *3*).

ПОДГРУППА В. ПОЛУФАЯНСЫ С УЛЬТРАМАРИНОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Полуфаянсы с черной росписью под ультрамариновой глазурью составляют очень редкую в нижневолжских центрах Золотой Орды разновидность керамики (*Булатов*, 1968. С. 105; *Самашев, и др.*, 2008. С. 205). Единственная находка обломка такой керамики на Руси происходит с Гочевского селища[321].

ГРУППА 10. ПОЛУФАЯНСЫ С ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ КРАСКАМИ И БЕЛЫМ АНГОБОМ

ПОДГРУППА А. ПОЛУФАЯНСЫ С БЕСЦВЕТНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Данная подгруппа представлена единственным ***ТИПОМ*** **ПОЛУФАЯНСОВ**, за которым в отечественной литературе закрепилось наименование **“КАШИННОЙ КЕРАМИКИ С ПОЛИХРОМНОЙ ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ И РЕЛЬЕФОМ”**. Однако “рельеф” на сосудах этой группы является очень низким и играет вспомогательную роль для последующей росписи красками. Появление самого этого термина в названии данного типа керамики связано с распространенным мнением о том, что такой “рельеф” достигался путем формовки сосудов в матрицах (калыпах), имевших соответствующий контррельефный рисунок (*Булатов*, 1972. С. 172). Само использование калыпов для формовки кашинных чаш не вызывает сомнений, однако низкорельефный рисунок наносился иным способом – росписью густым ангобом, имевшим, по мнению исследователей, силикатную основу, идентичную телу

[306] МИМ–1955–28958/259; 1992–пол. № 40, 668; ЦАИ–1995.

[307] ГИМ–1890-е–1308/5.

[308] 2002–13–пол. № 131.

[309] ККМ–1990–пол. № 54; 1992–пол. № 357; 1993–пол. № 91, 123, 276, 277; 1994–пол. № 60, 62; 1999–пол. № 251, 373, 374; 2001–пол. № 144; 2002–пол. № 38, 46, 70, 121, 129, 158; 2003–пол. № 857.

[310] РГИАМЗ–1956–2–б/№; 1983–1–11483/194, 318, пол. № 288; 1989–1–А811/315; 1993–1–А851/117, 118; 2000 (ул. Некрасова, 24)–пол. № 182.

[311] РГИАМЗ–1970–пол. № 160; 1971–пол. № 149, 351.

[312] 2001–пол. № 17, 72, 136, 347, 368, 375, 388, 555, 568, 582, 639, 678, 679, 690, 754, 977, 1236, 1267, 1286, 1313, 1326, 1379, 1392, 1442, 1464, 1510, 1561, 1579, 1588, 1608, 1740, 1745, 1762, 1776, 1785, 1878, 1962, 2042, 2087, 2135, 2372, 2374, 2375, 2386, 2520, 2818.

[313] МКМ–1984–2–№ 309.

[314] КОКМ–1995–КП12175/18.

[315] Брянский музей–1983/4.

[316] Разведки Г.Ю. Стародубцева 1997 г. (которого благодарю за сообщение об этих находках).

[317] ГЭ–1938/9–Эра-5а/286, 287.

[318] ЛИМ–1996–№44449.

[319] Иранские блюда XVII–XVIII вв. с подобной росписью имеются в коллекции ГМИНВ (кол. № 1989 II, 7687 II).

[320] ЦАИ–1995.

[321] Из разведок Г.Ю. Стародубцева в 1997 г.

кашинного сосуда (*Сайко*, 1969. С. 53)[322]. После росписи ангобом поверхность сосуда приобретала под чуть зеленоватой глазурью сероватый оттенок, а детали, выполненные росписью ангобом, на которых слой глазури был тоньше, выглядели более светлыми. Часто эффект темного фона достигался подцветкой серой краской, наносившейся на всю орнаментируемую поверхность до росписи ангобом (цв. ил. 33, *2, 3*).

Технология производства такой керамики включала следующие операции: отливка (тиснение в калыпе) кашинной чаши, окраска поверхности высушенной отливки, роспись ангобом, роспись красками, глазурование, обжиг. Красочная роспись проводилась в полном соответствии с той канвой рисунка, которая была задана росписью ангобом, дополняя и подчеркивая ее. Она осуществлялась красками на основе различных оксидов металлов (железа, хрома, меди, кобальта), причем контурная роспись производилась коричнево-черной (окись железа) или зеленой (окись хрома)[323] красками с расстановкой крупных синих (окись кобальта) и бирюзовых (окись меди) пятен-точек, применявшихся для усиления декоративного эффекта. После завершения росписи сосуд покрывался глазурью (вероятно, в виде водного раствора размолотой фритты), высушивался и подвергался обжигу. Все образцы керамики этого типа, найденные на Руси, были изготовлены из рыхлого кашина, цвет которого обычно был белым, хотя встречаются и образцы сероватого и красного цвета. Розовый оттенок кашина обычен для утолщенных частей белокашинных изделий (особенно – придонных частей и кольцевых поддонов). Наиболее часто встречаемой на Руси формой сосудов этого типа является полусферическая чаша со слегка отогнутым наружу краем. Реже изготавливались чаши с вертикальным краем.

В составе полихромных полуфаянсов можно выделить два варианта:

а) ***изделия с серой подкраской фона кашинной росписи*** (цв. ил. 33), непосредственно восходящие к иранским и сирийским прототипам, у которых использовались различные краски – серая, коричневатая, синяя (*Watson*, 2005. Cat. Q. 11–14; *Lane*, 1957. P. 15). В золотоордынском керамическом производстве применялась только серая (разной плотности тона) подкраска фона ангобной росписи. Эта подкраска хорошо видна на изломах стенок сосудов в виде тонкой серой полоски под толщей ангобной росписи (рис. 32, *7*; цв. ил. 33, *2, 3*);

б) ***изделия без подкраски фона*** (цв. ил. 34, *4*) ***со сплошной облицовкой поверхности белым ангобом*** (цв. ил. 35, *2, 7*), являющиеся, вероятно, наиболее поздними в составе данного типа.

Среди изделий варианта А преобладают чаши с прямым краем, характеризующиеся также нестандартной декорировкой: на их внешней поверхности вместо лепестков лотоса часто встречаются растительный орнамент или надписи “икбаль”.

Можно выделить также несколько подвариантов, различающихся набором красок росписи (черная – синяя – бирюзовая; черная – синяя; зеленая – синяя – бирюзовая; зеленая – синяя). Не исключено, что названные подварианты хронологически дифференцированы, однако на малочисленном фрагментарном материале русских средневековых городов подобные наблюдения провести затруднительно.

Разнообразные орнаментальные схемы росписи на золотоордынской керамике данного типа систематизированы Т.В. Скоробогатовой (1983. С. 93–100), подробно описаны Г.А. Федоровым-Давыдовым (1994) и Н.Ф. Лисовой (в печати). В этой связи следует уточнить, что декор внешней поверхности чаш, описываемый обычно как “арочный” (цв. ил. 34, *1*; 36, *1–3*), является стилизацией рельефных лепестков лотоса[324], имевшихся на китайских селадоновых чашах эпох Сун и Юань (X–XIV вв.) (*Morgan*, 1991. Fig. 6–11), послуживших прототипом для полусферических “лотосовых” чаш, ставших популярными на Востоке в XII–XIV вв. (*Lane*, 1957. P. 9; *Morgan*, 1991. P. 67). “Арочные” стилизации лепестков лотоса присутствуют и на всех разновидностях иранской керамики “султанабадского” типа (*Lane*, 1958. Fig. 64a, 93b, 96b; Islamische Keramik, 1973. № 246, 247; Oriental Islamic Art..., 1963. № 20, 22), послужившей образцом для подражания в золотоордынской кашинной керамике (*Булатов*, 1969в. С. 69).

Наряду с наиболее распространенной “лотосовой” композицией, внешняя поверхность чаш изредка украшалась по иным схемам: благопожелательными надписями почерком “насх” (цв. ил. 33, *8*) или сочетанием круглых медальонов и диагональных перекрещивающихся линий (цв. ил. 34, *4*) (такая “ромбическая” композиция характерна для чаш с полихромной росписью, но без росписи ангобом – сравн. :цв. ил. 24, *1*)

В декоре внутренней поверхности чаш отличительной особенностью данного типа полихромных полуфаянсов является заполнение фона основной росписи мелкими точками и беглыми завитками черного (или зеленого) цвета. Среди находок такой керамики на территории Руси хорошо узнаваемы орнаментальные схемы золотоордынской керамики Поволжья:

– пояс косой синей сетки по краю (цв. ил. 33, 1; 34, *2, 3*; 35, *4*; 36, *3, 4*; рис. 33, *7*; 35, *2*), ниже которой обычно располагался пояс из каплеобразных фигур с синими точками (*Скоробогатова*, 1983. Рис. 2, *3*; *Федоров-Давыдов*, 1994. Рис. 3, *3;* 5, *2*; 6, *1*), являвшихся, вероятно, стилизованными изображениями ныряющих рыбок (см. выше). В прошлом такой орнаментальный мотив условно называли “павлиний глаз”[325] (цв. ил. 35, *2, 3, 6*; рис. 34, *2, 6*; 35, *6*; 36, *1, 2*);

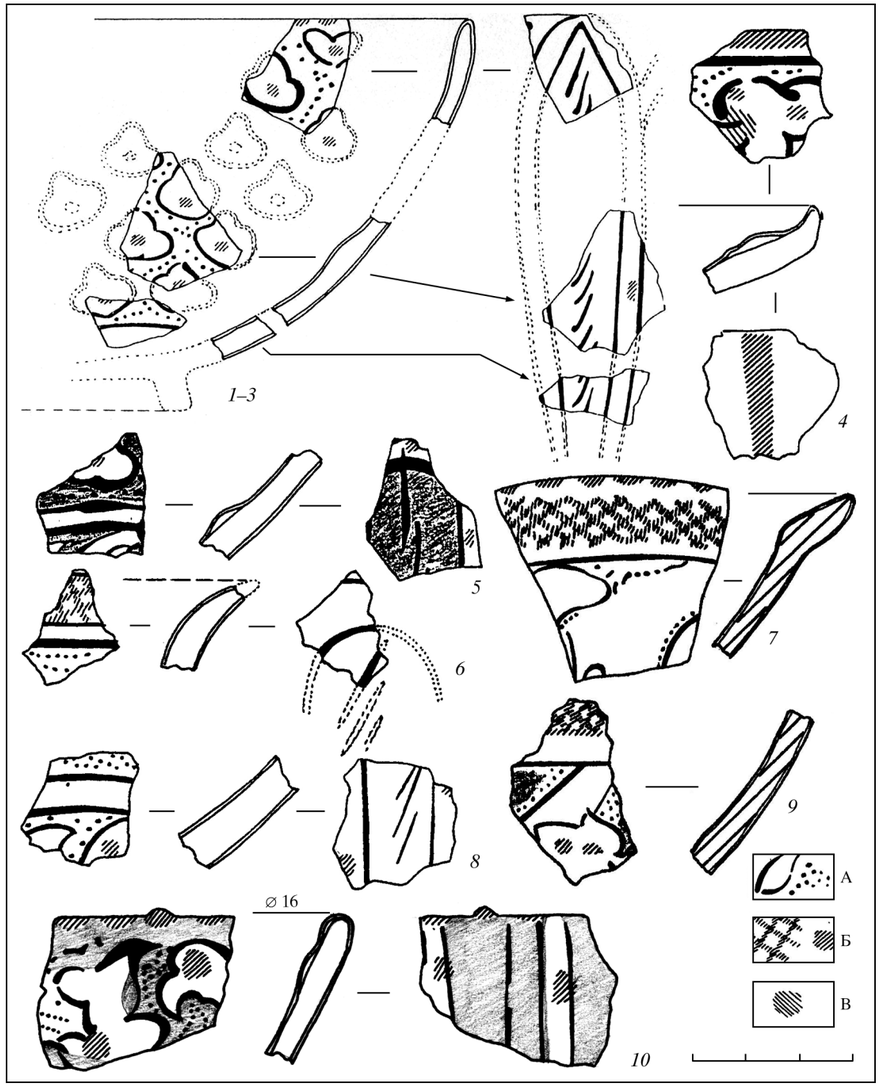

Рис. 33. **Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью и росписью белым ангобом (золотоордынское Поволжье, середина – вторая половина XIV в.)**

А – черный (или зеленый) цвет; Б – синий цвет; В – бирюзовый цвет. *1–3* – селище Ближнее Константиново 1 (около Нижнего Новгорода); *4* – Тверь; *5*, *6*, *8* – Переяславль-Рязанский; *7*, *9* – Москва; *10* – Пронск

[322] Впервые эта технологическая особенность была замечена и описана Н.Н. Вактурской (1959. С. 322). Существует также мнение Н.Ф. Лисовой, основанное на результатах одного пробного анализа, что этот ангоб имел не силикатную, а алюмосиликатную основу, т.е. приготавливался из беложгущихся глин. Для решения этого вопроса потребуется дополнительное исследование большой серии образцов.

[323] Спектральные анализы позволили установить, что зеленая роспись производилась красителем на основе окиси хрома (*Сайко*, 1969. С. 46, Прил. 3, 9; *Волков, Ярош*, 2007. С. 18). Зеленая (хромовая) краска широко использовалась при росписи художественной керамики в золотоордынском Поволжье и Хорезме вместо черно-коричневой (*Булатов*, 1968. С. 104).

[324] На этот терминологический нюанс, связанный с формальным описанием орнамента, в свое время наше внимание было обращено И.В. Волковым.

[325] Трудно согласиться с мнением А.Ф. Медведева (1963. С. 284) и Н.Ф. Лисовой (в печати), считающих этот мотив изображением павлиньего пера (а вовсе не глаза!), поскольку у него отсутствует формальное сходство с пером павлина, а вектор возможной стилизации (этапы трансформации пера в

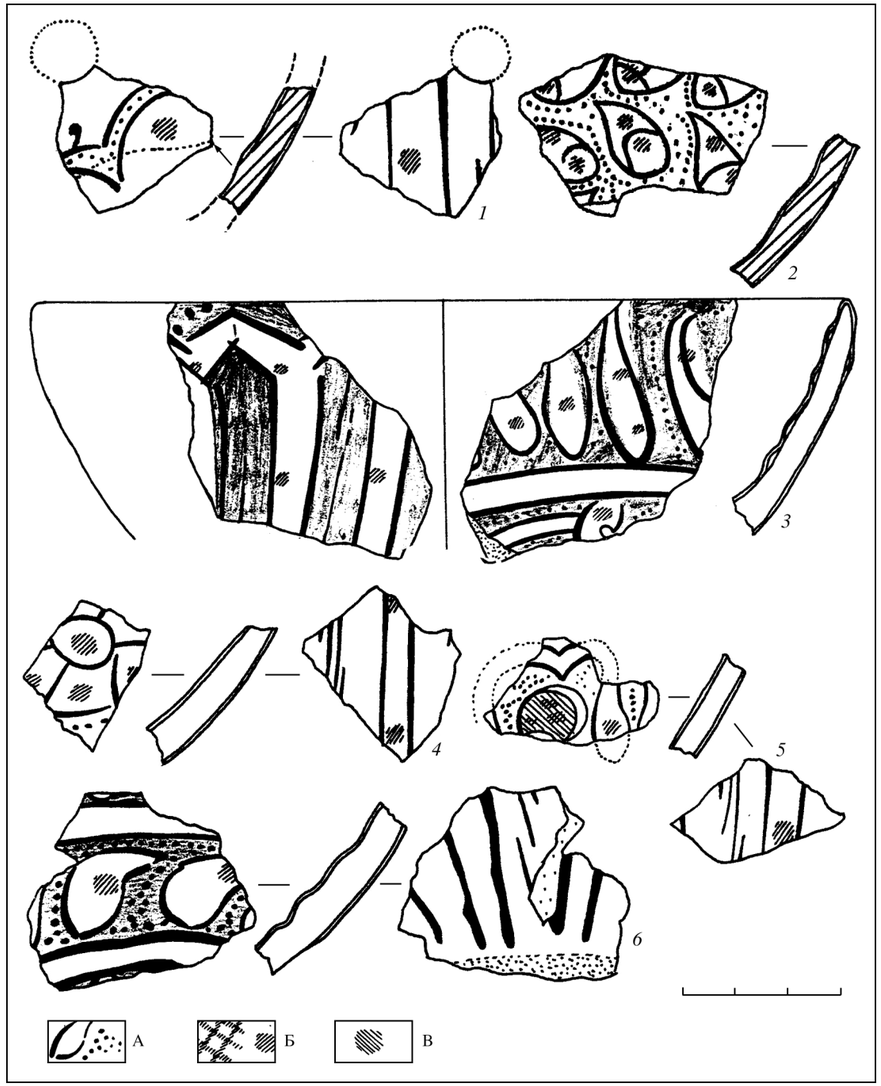

Рис. 34. **Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью и росписью белым ангобом (золотоордынское Поволжье, середина – вторая половина XIV в.)**

А – черный (или зеленый) цвет; Б – синий цвет; В – бирюзовый цвет. *1*, *2* – Москва; *3* – Великий Новгород; *4–6* – Коломна

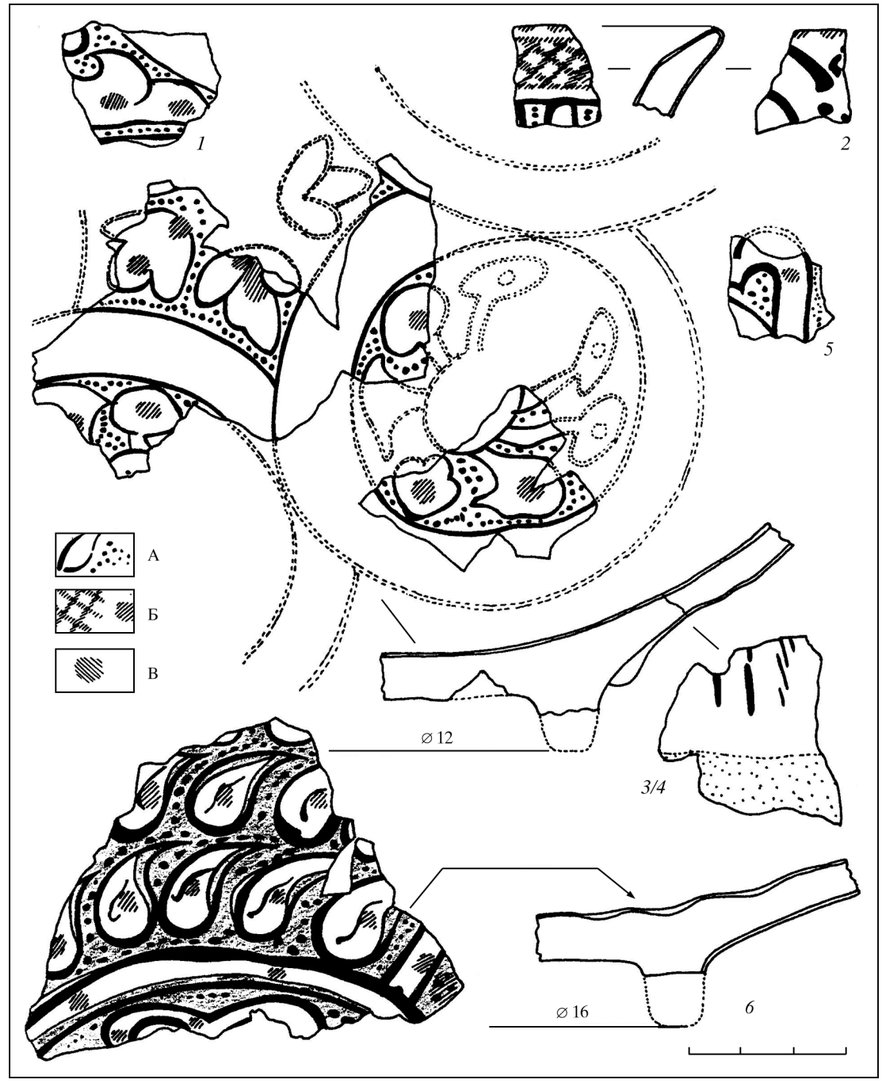

Рис. 35. **Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью и росписью белым ангобом (золотоордынское Поволжье, середина – вторая половина XIV в.)**

А – черный (или зеленый) цвет; Б – синий цвет; В – бирюзовый цвет. *1–6* – Коломна

– орнамент из круглых цветочных розеток (*Скоробогатова*, 1983. Рис. 3, *1*), которые с легкой руки А.Ю. Якубовского долго неверно назывались “колесовидным” орнаментом (Табл. 34, *4*);

– рисунок цветка лотоса (*Скоробогатова*, 1983. Рис. 4, *5*) (Табл. 33, *1*; рис. 35, *3/4*);

– трилистники (Табл. 34, *1*; рис. 35, *3/4*), которые, вероятно, являются аналогом мелких крестиков-“соцветий” на бирюзовых полуфаянсах с черной росписью (см. выше);

– эпиграфический орнамент в виде стилизованного арабского слова “икбаль” (“успех”) (*Федоров-Давыдов*, 1994. Рис. 3, *1, 2;* 5, *2*) (цв. ил. 33, *1*; 34, *2*; 36, *2, 3*);

– растительный орнамент из переплетения травянистых побегов (цв. ил. 33, *5–8*; рис. 32, *5*; 33, *9, 10*; 36, *3*);

– зооморфный орнамент (изображение птицы) встречен только на одном обломке чаши из Кремля (*Панова*, 1986. Рис. 1) (цв. ил. 36, *1*).

Полихромные полуфаянсы с росписью ангобом появилась в Иране во второй половине XIII–XIV в. (первый вариант керамики “султанабадского” типа по А. Лэйну (*Lane*, 1957. P. 11; *Pope*, *Ackerman*, 1964. Pl. 779, 780; Искусство Ислама, 1990. № 59), и почти одновременно – в Сирии, Египте, Средней Азии (Искусство Ислама, 1990. № 60; *Вактурская*, 1959. С. 323, рис. 35, *2–4*). Со второй трети XIV в. они начали производиться в золотоордынских городах Поволжья (*Булатов*, 1968. С. 99–101; *Федоров-Давыдов*, 1994. С. 79–88, рис. 3–6). По характеристикам формовочной массы (белый, розовый или красный рыхлый кашин) и аналогиям в росписи все образцы полихромных полуфаянсов из горо-

---

каплеобразную фигуру с ее разворотом на 75°) этими исследователями не прослежен. Если уж искать иные пути объяснения данного мотива, скорее следует обратить внимание на знаменитые “перцы” (каплеобразные изогнутые фигуры), распространенные на иранских тканях вплоть до современности (например на “каланкарах” Исфахана).

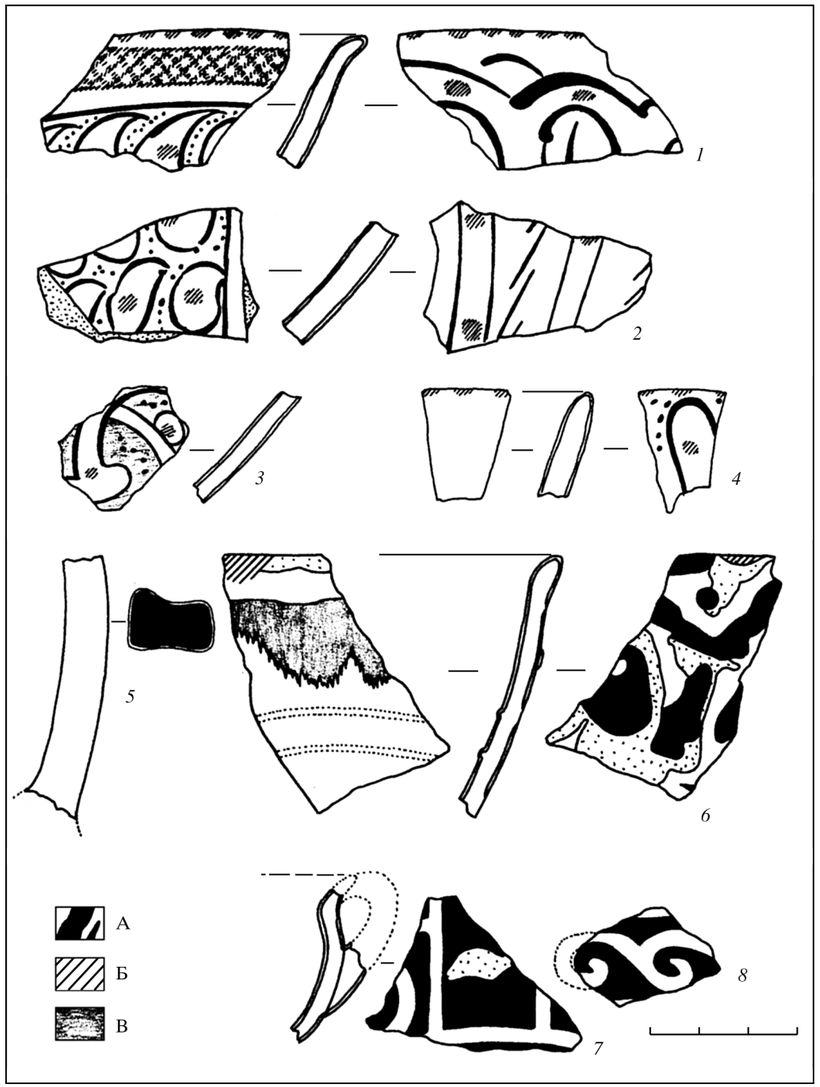

Рис. 36. **Золотоордынские полуаянсы XIV в. с полихромной подглазурной росписью и росписью белым ангобом (*1–4*) и византийская майолика X–XIII вв. (*5–8*)**

А – черный цвет; Б – синий (*1–4*) и бирюзовый (*6*) цвет; В – желтый цвет (*6*). *1*, *2*, *5*, *6* – Великий Новгород; *3*, *4* – Тверь; *7*, *8* – Киев

дов и сельских поселений Руси идентичны золотоордынской керамике Поволжья середины – второй половины XIV в. Импорт такой посуды на Русь из Хорезма, предполагавшийся ранее (*Рабинович*, 1971. С. 23), сегодня не может рассматриваться всерьез, учитывая наличие производящих центров подобной керамики в Поволжье. Несмотря на то, что такой вывод был сделан уже давно (*Медведев*, 1963. С. 283), во многих публикациях продолжает встречаться ничем не обоснованная хорезмская (или среднеазиатская) атрибуция подобных находок.

На Руси керамика этого типа найдена в 24 местах:

1. Великий Новгород – 24 обломка от не менее чем десяти чаш и одна целая чаша из погребения 4 в Софийском соборе (*Монгайт*, 1948. С. 70–73, рис. 26, 27), которое считали принадлежащим архиепископу Василию († 1352 г.) (*Медведев*, 1963. С. 280) либо посаднику Михаилу Федоровичу († 1268 г.) (*Янин*, 1988. С. 61). Прямые аналогии, известные этой чаше в материалах золотоордынского Поволжья, не позволяют датировать ее ранее второй трети XIV в. (тем самым подтверждая гипотезу А.Л. Монгайта). Почти вся керамика этого типа (19 фрагментов), найденная на Неревском раскопе[326], происходит из слоев середины – второй половины XIV в. Остальные 5 образцов найдены на Ильинском (2 шт.), Кировском, Дубошином и Троицком раскопах[327] (цв. ил. 33, *8*; 36, *2, 3*; рис. 34, *3*; 36, *1, 2*).

2. Белоозеро – 3 обломка чаш[328] (*Голубева*, 1973а. Рис. 66, *3, 13*; *Захаров*, 2004. Рис. 349, *2*). Их стратиграфическая датировка второй половиной XIII в. (*Голубева*, 1973а. С. 187) не может быть признана достоверной, поскольку все образцы идентичны поволжской продукции середины – второй половины XIV в.

3. Тверь – 39 обломков и 1 целая чаша (цв. ил. 33, *1*) (*Кобозева, Дворников*, 1997) из слоев XIV – начала XV в. Два обломка принадлежали вазе гюльабдан и блюду без поддона, остальные – чашам (*Коваль*, 1997 в; *Курбатов А.В.*, 2004. Рис. 2, *8*); 14 находок происходили с территории Кремля[329], 24 – с различных участков Затьмацкого посада[330] (рис. 32, *4*, 6; 33, *4*; 36, *3, 4*).

4. Старица – 1 обломок чаши с зелено-синей гаммой росписи, внешняя поверхность которой была украшена стилизованными лепестками лотоса[331].

5. Нижний Новгород – 69 обломков от не менее чем 40 различных чаш (цв. ил. 34, *4*; рис. 32, *5*). Из них 7 обломков принадлежали к подварианту изделий с трехцветной зелено-сине-белой росписью по серому фону[332], 12 фрагментов – к чашам с трехцветной черно-сине-белой росписью по бледно-серому или серовато-зеленоватому фону[333], 36 – к числу изделий с трехцветной черно-сине-бирюзовой росписью по белому фону[334], 13 – к сосудам с трехцветной зелено-сине-бирюзовой росписью по белому фону[335].

6. Селище Ближнее Константиново 1 (на окраине современного Нижнего Новгорода) – 7 обломков от одной чаши из белого рыхлого кашина, полусферической профилировки, у которой до росписи ангобом фон был закрашен серой краской (цв. ил. 34, *1*; рис. 33, *1–3*). Орнаментация внутренней поверхности состояла из рядов трилистников.

7. Владимир – 7 обломков[336], происходивших из слоев золотоордынской эпохи (цв. ил. 34, *3*; 35, *1*).

8. Юрьев-Польской – 1 обломок края чаши[337] (*Родина*, 2001. С. 26).

9. Москва – 48 обломков чаш и 1 обломок “гюльабдана” из слоев золотоордынского времени. 33 из них найдены в Кремле[338], 13 – в Китай-городе (Зарядье, ул. Ильинка, Исторический проезд, Казанский собор)[339], 1 – в Занеглименье (Манежная пл.)[340], 1 – в Коломенском[341] (цв. ил. 35, *2, 3, 6*; 36, *1, 4*; рис. 32, *3*; 33, *7, 9*; 34, *1, 2*). Большинство находок опубликовано (*Рабинович*, 1954. Рис. 20, внизу; *Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *7, 13; Латышева*, 1971. Рис. 4, *2, 3*; *Шеляпина*, 1971. Рис. 3, *3; Панова*, 1986. С. 222–223, рис. 1; *Чернов*, 1991. Табл. 38, № 419; *Беляев*, 1991. С. 43; *Коваль*, 1997д). Особенный интерес представляет чаша, у которой еще до глазурования и обжига в стенке было сделано круглое отверстие (рис. 34, *1*).

10. Селище Мякинино-1 (северо-западная окраина современной Москвы) – 5 обломков от двух или трех чаш[342] из белого рыхлого кашина (Табл. 33, *4*).

11. Селище Мякинино-2 (северо-западная окраина современной Москвы) – 1 обломок чаши из белого рыхлого кашина.

12. Коломна – 71 обломок[343], принадлежавший не менее чем 37 чашам и одному блюду (цв. ил. 33, *5, 7*; 35, *4, 5, 7, 8*; рис. 34, *4–6*; 35, *1–6*), обнаруженных в слоях, датированных XIII–XIV вв. (*Мазуров*,

---

[326] НГОМЗ–б/г–34767 А78/543,544; 1952– 34767 А78/158; 1953–НВ20944 Пр.к 78/664,671; 11784 А46/144; 34767 А78/161,162,163; 1954–НВ20944 Пр.к А78/685; 1955–11784 А46/142; НВ20944 Пр.к А78/682; 1961–34767 А78/159,160; НВ20944 Пр.к А78/668,669; 1962–39108 А137/346; ГЭ–1953–Эра 31–152а; № 47 по сводке А.Ф.Медведева (1963. Табл. 2) (место хранения не известно)..

[327] НГОМЗ–1962–39108 А137/345,347; 1972–25060 А19/446; 1978–8081 А58/452; 1989–37584 А116/614.

[328] ГИМ; Белозерский музей–1996–пол. № 135.

[329] ТГОМ–1983/4–17655/285, 287, 290; 1985–21425/310–312, 317; 1994–11–46, 61; 1995–11–49а; 1996–11–45, 270, 391, 1274.

[330] ТГОМ–1989, 1991, 1993, 1995, 1996, 1999 (раскопки А.Н. Хохлова).

[331] Доклад А.Б. Ивановой и А.Б. Сиволаповой, представленный 29.03.2007 г. на XX заседании научного семинара “Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья”.

[332] 2001–пол. № 235; 363, 642, 827, 993; 2361, 2454.

[333] 2001–пол. № 640, 719, 770, 809, 863; 1070, 1114; 1327, 1584; 1586, 1755; 2820.

[334] 2001–пол. № 132, 155, 179; 202; 235, 281, 298, 353а, 382, 436, 469; 538; 706, 727, 728, 589, 744а, 784а, 992; 1024, 1031, 1060; 1251; 1225, 1490, 1467, 1479; 1494; 1565, 1907, 2111, 2115, 2116, 2127, 2165, 2188, 2519; 2821.

[335] 2001–пол. № 265, 524, 546, 548; 629, 725; 1028; 1567, 2101, 2105, 2148, 2477, 2532.

[336] ВСГМЗ–1992–1994.

[337] ВСГМЗ–1987–28.

[338] ГИМ–1308/3; МИМ–1959–24661/346–349, 351; ММК–1964–47313/39, 431б; 1965–47313/434, 435, 436а, б, 437; 1968–НВ1274/1, 2; 1975–пол. № 65, 75, 61 (7 шт.); 1976–пол. № 88; 1979–47356/474; 1988–пол. № 7; 1994–пол. № 2, 4, 7, 8; 1995–пол. № 1.

[339] МИМ–1950–7401/181, 28958/302, 7397/358, 454, 455, 466; 1991 (Казанский собор)–пол. № 114; ГИМ–1988 (Исторический проезд); ЦАИ–1994/5 (ул. Ильинка) – 5 шт.

[340] ЦАИ–1994 (Манежная пл.).

[341] МИМ–1976 (Коломенское).

[342] ГИМ – 2006–11–пол. № 173, 242, 257.

[343] ККМ–1990–пол. № 41, 46, 63; 1993–пол. № 59, 67, 97, 102, 126, 162, 176, 178, 184, 187, 194–201, 209, 217, 230; 1994–пол. № 41, 106, 128; 1995–пол. № 82; 2001–пол. № 71, 127, 160, 164, 190, 193, 194, 246, 266а, б, 286, 311; 2002–пол. № 28, 29, 42, 44, 61, 74, 78, 101, 113, 122, 133, 139, 154, 165–167, 169; 2003–пол. № 720, 812, 822, 1028.

Коваль, 2004. С. 290, 291, рис. 2, *2–11*; 3, *9*). Большинство образцов относилось к белокашинным изделиям, исключениями были только 3 мелких обломка чаш из красного рыхлого кашина с росписью зеленовато-серой краской.

К подварианту с черно-сине-бирюзовой росписью принадлежали 35 обломков от не менее чем 17 чаш, а к подварианту с зелено-сине-бирюзовой росписью – 33 обломка от 18 чаш и одного блюда, кольцевой поддон которого был тщательно стесан, в результате чего дну был придан вид плоскости (рис. 35, *6*). Подобное искусственное удаление поддона – крайне редкое явление, которое можно объяснить ремонтом блюда. Внутренняя поверхность блюда была расписана рядами стилизованных изображений ныряющих рыбок, а внешняя поверхность – горизонтальными зелеными линиями и широкими полосами-потеками синей глазури. Сочетание на одном и том же изделии двух разных декоративных схем (роспись красками и кашином на внутренней поверхности и роспись только красками на внешней поверхности) – редкое явление в золотоордынской художественной керамике.

13. Поселение Настасьино (близ Коломны) – 1 мелкий обломок чаши с зелено-сине-бирюзовой росписью, изготовленной из рыхлого кашина (*Энговатова и др*., 2004. С. 25). Поселение Настасьино представляло собой остатки селища XII–XV вв., которое в конце XIV – начале XV в. входило в состав крупной вотчины бояр Мячковых, а затем – Серкизовых. Не исключено, что здесь размещалась боярская усадьба.

14. Старая Рязань – 2 обломка чаш[344] из рыхлого белого кашина (*Чернецов*, 1995. С. 90), типичных для поволжского производства второй половины XIV в.

15. Переяславль-Рязанский – 10 обломков от различных чаш[345] (цв. ил. 33, *6*; рис. 33, *5, 6, 8*), 6 из которых найдены при раскопках 1955–1956 гг. (*Монгайт*, 1961. Рис. 146, *9, 10, 12, 13*). Два обломка связаны с заполнениями ям XIV–XV вв. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 124, 135, рис. 2, *2*).

16. Пронск – 3 обломка от двух чаш[346], найденные при раскопках Н.П. Милонова в 1928 г. Одна из чаш была расписана ангобом по поверхности, окрашенной серой краской (рис. 33, *10*).

17. Любутск – 1 мелкий обломок чаши[347] (*Болдин*, 1996. С. 104).

18. Лукомль – 1 обломок чаши[348] (*Коваль,* 2005в. Фото 6; *Лавыш*, 2008. Рис. 61, 62), ранее ошибочно атрибутировавшийся в качестве люстрового фаянса (*Штыхов*, 1969б. С. 321, рис. 15, *6*).

19. Друцк – 1 обломок чаши[349].

20. Гродно – обломок стенки чаши[350] со стилизованными рыбками на внутренней поверхности и лепестками лотоса на внешней (*Лавыш*, 2008. Рис. 63).

21. Новогрудок – 3 обломка чаш[351].

22. Слоним – 3 обломка от разных чаш[352] с черно-сине-бирюзовой и зелено-синей гаммами росписи (*Лавыш*, 2008. Рис. 65, 66)

23. Киев – 7 обломков от двух чаш и тарелки[353] (*Залеська и др*., 1996. С. 202, *вверху справа*). Пять обломков от чаши и тарелки из раскопок 1938–1939 гг. беспаспортные (цв. ил. 34, *2*); еще 2 обломка от одной (?) чаши найдены при раскопках 1990 г. на ул. Воздвиженской, 25 (*Івакін*, 1996. Рис. 94, *верхний ряд*).

24. Владимир-Волынский – 3 обломка от двух чаш поволжского производства[354].

ПОДГРУППА Б. ПОЛУФАЯНСЫ С БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

ТИП 1. ПОЛУФАЯНСЫ С РОСПИСЬЮ АНГОБОМ И БИХРОМНОЙ (ЧЕРНО-СИНЕЙ ИЛИ ЗЕЛЕНО-СИНЕЙ) КРАСОЧНОЙ РОСПИСЬЮ

Этот тип совершенно аналогичен предыдущему по большинству признаков (применение рыхлого кашина белого или розового цвета, роспись белым ангобом). Единственным существенным отличием является цвет кроющей глазури. Кроме того, в росписи применялись только две краски – черная (или заменяющая ее зеленая) и синяя (кобальт), использовавшаяся для расстановки пятен-точек на крае и по орнаментальному полю сосуда, а также нанесения поясов косой сетки под краем (Табл. 37, *1*). Внешняя поверхность украшалась стилизованными лепестками лотоса, а вот внутренняя орнаментировалась в синкретичной манере: использовались как мотивы подгруппы А, так и схемы декора чаш с черной росписью (без росписи ангобом) под бирюзовой глазурью (см. ниже). С последними связаны такие детали росписи, как черная или синяя полоса вдоль края чаши и поля из черных крестиков (стилизованных соцветий).

Подобная керамика известна в Хорезме (*Вактурская*, 1959. С. 323) и в золотоордынском Поволжье (*Булатов*, 1968. С. 106; *Самашев, Кузнецова и др.*, 2008. С. 208), но встречается она относительно редко. На Северном Кавказе, в Маджарах, такой тип керамики не известен (*Дудко*, 1963. С. 109).

На Руси подобная керамика известна в девяти местах, в слоях золотоордынского времени:

1. Великий Новгород – 23 обломка от не менее чем трех чаш[355] и 1 целая (склеенная из обломков) чаша[356] (цв. ил. 37, *1*), найденные в слоях второй половины XIV в. (*Коваль*, 1997б).

2. Тверь – 1 обломок чаши[357] (*Кобозева*, *Дашкова*, 1996. С. 199, рис. 2, *1*).

3. Кострома – 1 обломок (*Алексеев С.И.*, 1993. С. 219; 1994. С. 73, рис. XXVII, *17*).

4. Нижний Новгород – 13 обломков от не менее чем восьми чаш[358]. Большая часть этих сосудов была сформована из белого рыхлого кашина, но 4 образца изготовлены из красного кашина, характерного для керамического производства нижневолжских столиц Золотой Орды.

5. Коломна – 1 мелкий обломок чаши[359] (цв. ил. 37, *2*).

6. Переяславль-Рязанский – 1 мелкий обломок чаши[360]

7. Муром – 2 обломка[361] (*Чалых*, 1984. С. 14, 21, рис. 3, *5*).

8. Любутск – обломок края чаши[362].

9. Владимир-Волынский – обломки “гюльабдана”[363].

ТИП 2. ПОЛУФАЯНСЫ С ЧЕРНОЙ КРАСОЧНОЙ РОСПИСЬЮ И РОСПИСЬЮ АНГОБОМ ПОВЕРХ РИСУНКА

В отличие от керамики с росписью ангобом, где она являлась основой рисунка, дополнявшейся и подчеркивавшейся красочной росписью, полуфаянсы этого типа вначале расписывались черной краской и лишь затем поверх черных линий расставлялись ряды белых ангобных (разумеется, при этом слегка рельефных) точек диаметром не более 0,5 см, выглядевших под глазурью рельефными голубыми “горошинами”. Такой декор встречается на среднеазиатской керамике XIV в. (причем, не только кашинной, но и глиняной[364]), но не применялся, например, в золотоордынском Поволжье.

1. Нижний Новгород – при раскопках в Кремле, в комплексе середины – второй половины XIV в. был найден мелкий обломок сосуда с подобным декором, изготовленный из белого рыхлого кашина[365].

2. Ярославль – 1 обломок сосуда с аналогичным декором из раскопок 2006 г.

Таким образом, сегодня известны более 1200 образцов разнообразных полуфаянсов, относящихся к 60 типам, видам и вариантам и происходящих из 51 пункта на территории Руси.

Майолика

Серия 1. Майолика без дополнительного декора

На Руси встречены пока образцы только одной подгруппы – С БИРЮЗОВО-ГОЛУБОЙ ПОЛИВОЙ. Такая ординарная керамика малоизвестна в музейных собраниях и не привлекала внимания исследователей.

Вид 1. **Майолика из неожелезненой (белой или желтоватой) глины без видимых примесей.**

Часто на внутренней поверхности обломков фиксируется рифление вытягивания. Желтоватый цвет глины характерен для изделий золотоордынского Маджара (*Волков*, 2007б. С. 33). В дальнейшем будем называть такие изделия изготовленными из *формовочной массы маджарского типа*.

1. Переяславль-Рязанский – 1 обломок сосуда из глины без видимых примесей[366], покрытый с обеих сторон бирюзовой поливой (на территории Кремля в слоях конца XIII–XIV вв.).

2. Нижний Новгород – при раскопках в Кремле в комплексах середины – второй половины XIV в. встречены 7 обломков[367] от не менее чем трех сосудов (в том числе двух кувшинов). Один из них был покрыт полупрозрачной поливой только по внутренней поверхности, второй – непрозрачной поливой снаружи и полупрозрачной внутри, третий – непрозрачной поливой с обеих сторон (эти обломки могли принадлежать и чаше).

3. Коломна – 2 обломка от одной вазы “гюльабдан”[368] с налепными “шишечками” (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 298, рис. 4, *10, 11*).

Вид 4. **Майолика из неожелезненой (кремового цвета) глины без видимых примесей в формовочной массе.**

К этому виду отнесено 2 обломка от одного сосуда (блюда), покрытого голубой непрозрачной поливой, нанесенной очень толстым слоем (цв. ил. 1, *20*; 38, *1, 2*). Согласно любезной консультации Т.Б. Араповой, эти обломки могли принадлежать китайской керамике “Цзюнь-яо”, производившейся в XII–XIII вв. Это первые находки подобной посуды на территории Восточной Европы[369]. Спектральный анализ глазури одного из этих образцов

---

[344] РГИАМЗ–1971–13–пол. № 142; 1995–25–пол. № 87.

[345] РГИАМЗ–1955–1–пол. № 7, 42; 1956–2–пол. № 72, 98, 102, 121; 1988–б/№; 1989–1– А811/314; 1990–1–А810/279, 980.

[346] РГИАМЗ–1928–435/357, 1184; 1971–8–пол. № 340.

[347] КОКМ–1995–КП12175/17.

[348] НМИКБ–1968–31811/69.

[349] НМИКБ–1958–3477/231.

[350] ГИАМ–1937/39–№2041.

[351] НИКМ–1969–№ НВ4056; 1977–№ НВ4057; № НВ 77/А759.

[352] Слонимский краеведческий музей–6258, 6256/34/В.

[353] ГЭ–1938/9–Эра-5а/303–307.

[354] ЛИМ–1999–№ 34879, 43833; 2000–№ 45215.

[355] НГОМЗ–1953–11784 А46/143; 34767 А78/109, 110, 119, 123–125; НВ20944 Пр.к А78/663, 667, 670, 672, 677, 686, 687; 1955–34767 А78/122; 1957–34767 А78/117, 121; 1958–34767 А78/105; 1959–НВ 20944 Пр.к А78/678; место хранения не известно (*Медведев*, 1963. Табл. 2, № 2, 3, 8, 9).

[356] НГОМЗ–1961–19300/11.

[357] ТГОМ–1989.

[358] 2001–пол. № 278, 331, 398; 633; 666; 1047, 1051; 1303; 1891; 2126, 2362, 2486.

[359] ККМ–1996–пол. № 244.

[360] РГИАМЗ–1993–1–А851/103.

[361] МКМ–1984–2–пол. № 303, 310.

[362] КОКМ–1997–КП12243/28.

[363] ЛИМ–1999–№ 43884.

[364] Обломки глиняной поливной чаши с таким декором, среднеазиатского происхождения, известны в Болгаре (*Полубояринова*, 2008. Ил. VII, 2, 3).

[365] 2001–№ 765.

[366] РГИАМЗ–1988–1–А807/1221.

[367] 2001–пол. № 567, 1945, 2356; 2411, 2418, 2609, 2636.

[368] ККМ–2003–пол. № 888, 935.

[369] 2005 (ул. Гагарина, 2)–пол. № 193, 253. В первой публикации была приведена неточная атрибуция этой керамики в качестве изделий типа “Цзин-пай” (*Кабаев, Гальчук*, 2007. С. 72,

показал ее весьма специфический химический состав (Прил. 1. № 84), наиболее близкий глазурям селадонов юаньской и минской эпох (сравн.: Прил. 1. № 112).

Вид 7. **Майолика из сильноожелезненной глины без видимых примесей в формовочной массе.**

1. Великий Новгород – один обломок ручки кувшина[370] (рис. 36, *5*), изготовленного из ярко-красной глины, происходивший из слоя второй половины XIII в. на Неревском раскопе (место находки примыкало к каменному фундаменту дома Юрия Онцифоровича и, следовательно, могло входить в зону перекопа). Подобная керамика известна в золотоордынских центрах Поволжья XIV в. (*Булатов*, 1976, С. 76). Высказана гипотеза о ее происхождении из региона к западу от Дона в XIV–XV вв. на основании находок в Азаке, Белгороде-Днестровском и Каффе (*Масловский*, 2006. С. 430).

К ***особому варианту*** этого вида относится еще одна находка из Великого Новгорода – обломок обгоревшей в пожаре стенки чаши[371] с двусторонней, вспузырившейся от действия огня, поливой, происходящий из слоя второй половины XI в. Для атрибуции этого загадочного образца представляет интерес известие об использовании красноглиняной чаши, покрытой бирюзовой глазурью, во внешнем декоре церкви св. Марии близ Наврлиона (Пелопоннес, Греция), построенной в XII в. (*Nicolacopoulos*, 1985. P. 169, fig. 4a, *1*).

2. Нижний Новгород – 1 обломок стенки сосуда[372].

Вид 8. **Керамика из красножгущейся (ожелезненной) глины с примесью мелкого песка.**

В Чернигове известна единственная находка обломка альбарелло[373] с остатками поливного покрытия на внешней поверхности (из переотложенных слоев). Глиняная масса этого сосуда полностью идентична изделиям золотоордынских центров Поволжья. Следовательно, его датировка возможна в пределах середины – второй половины XIV в.

Серия 2. Майолика с надглазурным декором

ГРУППА 1. ЛЮСТРОВАЯ МАЙОЛИКА

Люстровая майолика представлена на Руси единственной ПОДГРУППОЙ ИЗДЕЛИЙ С БЕЛОЙ ПОЛИВОЙ.

ТИП 1. ПОЛИХРОМНАЯ ЛЮСТРОВАЯ МАЙОЛИКА

Сосуды этого типа изготавливались из слабоожелезненной (желтой) глины без каких-либо включений и покрывались поливой, непрозрачность которой, как показали спектральные анализы, не была следствием введения в глазурь окиси олова (Прил. 1. № 80–82), а происходила из-за ее загрязненности зернами кварца или полевого шпата (*Mason, Keall*, 1991. P. 52). Люстровые краски росписи имели различные оттенки желтого и красного цветов, объясняющиеся различиями в их химическом составе (Табл. 38, *3*). Впервые эта керамика была выявлена после исследований столицы Аббасидского халифата в Самарре (836–883 гг.), хотя впоследствии находки полихромных люстров стали известны не только на всей территории Передней Азии, Северной Африки, но и в Испании, Индии, Шри Ланке, Юго-Восточной Азии. Ранее существовало мнение о параллельном (или даже преимущественном) производстве этой керамики в Месопотамии и Египте (в Старом Каире – Фустате) (*Kuhnel*, 1976. P. 86–90, 126–127; *Philon*, 1980. P. 72–76, fig. 170, 245, 326; *Bahgat, Massoul*, 1930. Pl. XVI), однако впоследствии был обнаружен центр производства этой керамики в Басре (*Watson*, 2005. P. 183–190, 197). Наряду с полихромными изделиями, там же изготавливались и монохромные люстры, которые датируют преимущественно X в.

На территории Руси люстровая майолика найдена в двух местах:

1. Старая Ладога – 7 обломков от одной чаши[374], найденные в слое первой четверти X в., в том числе 1 обломок – в заполнении постройки этого времени (*Шитова*, 1980. С. 238–239, рис. 1; *Сеничкова*, 1997. С. 115). Роспись внешней поверхности староладожской чаши в виде наклонных штрихов имеет аналогии только среди самых ранних образцов люстровой майолики (*Абд аль-Рамуф*, 1962. Рис. 19, 23; *Watson*, 2005. Cat. E.4, E.5, E.6). Люстровая роспись на этой чаше была исполнена люстром трех оттенков – желтого, темно-коричневого и зеленоватого (цв. ил. 38, *5*).

2. Рюриково городище – 1 небольшой обломок блюда или чаши[375] (цв. ил. 38, *4*). Находка происходит из переотложенных слоев, но он несомненно относится к тому же "месопотамскому" этапу производства люстровой керамики (IX в.), что и староладожский образец.

ТИП 2. МОНОХРОМНАЯ ЛЮСТРОВАЯ МАЙОЛИКА

Керамика этого типа изготавливалась из глин без видимых примесей, различных оттенков, при преобладании светложгущихся глин (на Руси найдены только желтоглиняные обломки), покрывалась белой поливой и расписывалась золотым люстром. Производство таких изделий находилось, как полагают, в Фатимидском Египте (скорее всего, в Фустате) в конце X–XII вв. (*Dimand*, 1958. P. 215; *Philon*, 1980. P. 164; *Watson*, 2005. P. 273–283).

На Руси находки известны в двух местах:

1. Великий Новгород – 2 обломка блюда[376] были найдены в слое первой половины XI в. на Неревском раскопе (*Медведев*, 1963. Табл. 1, № 1, 2; *Макарова*, 1967. Табл. XII, *11*; *Коваль*, 1995в. С. 174, 175). Для декора этого блюда прямые аналогии имеются только среди люстров Египта. Так, гравированная по сырому люстру косая сетка из сдвоенных линий, места пересечения которых обведены кружками, встречается на изделиях с надписью "Sa'd" второй половины XI – начала XII в. (*Bahgat, Massoul*, 1930. P. 57, pl. X, XXVI, "G", *47*; *Philon*, 1980. P. 176, 254, fig. 564), а X-образные фигуры на резервированных полях являются лигатурой первой и последней букв ("алиф" и "лям") арабской благопожелательной надписи "аль-юмн", выполненной почерком "куфи" (*Philon*, 1980. Fig. 497, 498, 513). Небольшое расхождение в датировках новгородской находки и ближневосточных аналогов пока не может быть объяснено.

2. Старая Рязань – 2 обломка от одной чаши, изготовленной из розовато-желтой глины. Один из образцов не имел следов декора[377], второй – сохранил на внутренней поверхности две полосы полустертой росписи светло-желтым люстром[378].

Рассматривая восточный керамический импорт, нельзя обойти вниманием одну чрезвычайно редкую на Руси группу изделий, занимающих промежуточное положение между восточной и европейской (западной) парадной посудой. Речь идет об испано-мавританских люстровых фаянсах, изготавливавшихся в Испании вначале арабскими мастерами (морисками), а затем их окрещенными потомками и перенявшими это мастерство испанцами. Производство такой керамики существовало в нескольких районах Испании с XI по XVIII в., но наиболее известны изделия Гранады и Малаги XIV в. и Валенсии конца XIV–XVI вв. Испано-мавританские люстровые сосуды изготавливались из сильно ожелезненной (ярко-красной) или слабо ожелезненной (розовой, телесного цвета) глины без видимых примесей и покрывались непрозрачной или полупрозрачной поливой (часто с внутриглазурной синей росписью – линиями, делившими поле чаши или блюда на сектора, или растительными, зооморфными мотивами), поверх которой наносилась монохромная люстровая роспись (*Кубе*, 1940; *Коваль*, 1996б. С. 169–176). Испано-мавританские люстровые сосуды отличаются своеобразными декоративными схемами, а в технологическом плане – покрытием дна и поддона с нижней стороны поливой, по которой внутри поддона часто (в керамике Валенсии) изображалась люстровая розетка (цв. ил. 38, *6*). Кроме того, глазури испано-мавританской майолики существенно отличаются от собственно восточных (азиатских) по своему химическому составу (см. раздел 1.3, с. 000–000).

Хотя формально Пиренейский полуостров не входит в число стран Востока, испано-мавританская люстровая керамика была изготовлена под непосредственным влиянием восточного искусства, на территории арабских (т.е. восточных по культуре) государств, и поступала на Русь по путям восточной торговли.

На территории Руси находки испанских люстров известны только в трех местах:

1. Москва – 5 обломков от четырех чаш (одной малагской и 3 валенсийских) встречены в контекстах XV–XVI вв. в Кремле[379] (цв. ил. 39, *1*), Зарядье[380] (цв. ил. 38, *6*) и Китай-Городе[381] (цв. ил. 38, *7*).

2. Владимир-Волынский – дно валенсийской чаши из розовато-кремовой глины[382].

3. Городище Сокольцы на Южном Буге – 2 обломка керамики с "люстром темно-горчичного цвета по белой поливе" (*Кучера*, 1965. С. 211).

За пределами Руси испанские люстровые фаянсы широко известны в портах Северного Причерноморья (Аккерман-Монкастро, Судак, Каффа, Азак), куда они в больших количествах привозились итальянскими купцами (*Коваль*, 1998б. С. 127; *Тесленко*, 2004). Находки этой керамики часто принимают за продукцию Ирана (*Латышева*, 1971. С. 224, 225, рис. 4, *8–10*; *Панова*, 1986. С. 227; *Розенфельдт*, 1968. Табл. 23, *9*; *Валиулина*, 2000а. С. 278, рис. 8), хотя среди иранских люстровых изделий майолика практически не известна.

ГРУППА 2. МАЙОЛИКА С РОСПИСЬЮ ПОЛИВАМИ

Расписная майолика представлена на Руси только одним ***ТИПОМ*** керамики, изготавливавшейся из **БЕЛОЙ (НЕОЖЕЛЕЗНЕННОЙ)** глины без видимых примесей. Внутренняя поверхность сосудов всегда покрывалась темно-желтой *прозрачной* глазурью, тогда как внешняя (несшая основную орнаментальную нагрузку) облицовывалась непрозрачной поливой – белой или черной. Первая была совершенно непрозрачной, а вторая – полупрозрачной (степень ее заглушенности определялась концентрацией черного красителя, искусственные глушители типа окиси олова, вероятно, не вводились). Иногда по краю сосуда проводилась также полоса голубой или зеленой прозрачной глазури. Выделяются два варианта декора:

1) с кроющей черной поливой и росписью по ней белой эмалью;

2) с кроющей белой поливой и росписью по ней черной или темно-пурпурной глазурью.

Основной формой являлись небольшие чашки с ручками, хотя встречаются также и блюда. Та-

---

рис. 4, *6, 7*), предложенная мною после предварительного осмотра образцов.

[370] НГОМЗ–1954–НВ20944 Пр.к А 78/1162.

[371] НГОМЗ–1958–34767 А78/141.

[372] 2001–пол. № 419 (культ. слой).

[373] ЧИАМЗ–1981–пол. № 68.

[374] ГЭ–1977.

[375] НГОМЗ–1969–25402 А26/636.

[376] НГОМЗ (?)–1956, 1958 (обнаружить эти образцы в коллекции не удалось).

[377] РГИАМЗ–1999–28–пол. № 348.

[378] РГИАМЗ–2002–28–пол. № 321.

[379] МИМ–1959–№ 24661/364.

[380] МИМ–1957–№ 28958/264.

[381] ЦАИ–1997–пол. № 17.

[382] ЛИМ–2000–№ 45209.

кая майолика, вероятно, производилась в Византии (в районе Константинополя?), однако ни одной ее целой формы до сих пор нигде не найдено. Отдельные обломки известны в Византии – в Константинополе и Коринфе (*Rice*, 1930. Fig. 3, *14; Morgan*, 1942. P. 69–70, fig. 48, *m, n*, 50; pl. XVI, c; XVII, *e, g*; *Stevenson*, 1947. P. 44–45, pl. 17, *16–18*; 22, *1, 2, 4*), на черноморском побережье Балкан – в Диногетии (*Barnea*, 1967. Fig. 148, *1, 3, 4, 6, 10, 14, 17*) и в Северном Причерноморье – в Керчи, Тмутаракани и Саркеле (*Макарова*, 1967. Табл. V, *1–3*; *Финогенова*, 1987. С. 194–195, рис. 2, *1, 4*). Такую майолику обычно рассматривают как одно из подразделений византийской белоглиняной керамики с полихромной росписью (например, Ч. Морган выделил ее в группу 3), однако все другие группы полихромной белоглиняной керамики относятся к классу *полумайолики с подглазурной росписью*, т.е. принципиально отличаются по технологии изготовления. Особое место рассматриваемого типа среди византийских изделий было отмечено и Т.И. Макаровой, отделившей его от другой полихромной керамики (*Макарова*, 1967. С. 21). Происхождение этой майолики загадочно и пока не может быть объяснено. Д.Т. Райс видел в ней самобытную византийскую группу керамики, отличающуюся от других полихромных изделий, заимствовавших многие орнаментальные мотивы Востока (*Rice*, 1965. P. 209). Сходство между черно-белыми завитками и арабской вязью, усматривавшееся здесь Ч. Морганом и Т.И. Макаровой (*Макарова*, 1967. С. 21), скорее всего, является мнимым.

Датировка этой керамики также неясна. Р. Стивенсон относил ее к X в. (*Stevenson*, 1947. P. 46), Д.Т. Райс – X–XI вв. (*Rice*, 1965. P. 197), Ч. Морган – к XII–XIII вв. (*Morgan*, 1942. P. 70). Пока наиболее достоверна датировка XI в., поскольку в Керчи она была встречена в комплексе, погибшем в начале XII в. (*Макарова*, 1967. С. 21).

На Руси подобная керамика найдена только в двух местах:

1. Киев – 3 обломка от двух сосудов первого варианта декорировки. Два обломка, принадлежавшие одной чашке[383] (цв. ил. 40, *8*; рис. 36, *7, 8*), были найдены при раскопках М.К. Каргера в 1947 г. на Кудрявце, на участке с кладбищем около храма второй половины XI в. (*Каргер*, 1950. С. 198)[384]. Черная полива полупрозрачна и имеет зеленоватый оттенок. Еще один мелкий обломок кувшина этого типа (без глазурного покрытия на внутренней поверхности) был найден при раскопках Старокиевской экспедиции в 2002 г.[385]

2. Великий Новгород – обломок чаши[386], внешняя поверхность которой была покрыта потеками белой непрозрачной и темно-коричневой полупрозрачной полив, найденный на Троицком раскопе в слое XI в. (рис. 36, *6*).

Серия 3. Майолика с подглазурным декором

В этой серии пока известна одна группа керамики с рельефным декором (рельефной моделировкой поверхности, достигавшейся тиснением в калыпе). В Кремле Нижнего Новгорода найдены 2 мелких обломка[387] от одного сосуда, изготовленного из плотной желтой глины, с двусторонней полупрозрачной беловатой поливой. Вероятно, он происходил из Маджара (см. выше). Одна из находок была связана с комплексом середины – второй половины XIV в.

Таким образом, на территории Руси сейчас известны 42 находки восточной майолики, происходящие из 13 мест.

Полумайолика

Серия 1. Полумайолика без дополнительного декора

ГРУППА 1. НЕАНГОБИРОВАННАЯ ПОЛУМАЙОЛИКА

Поверхность сосудов этой группы облицовывалась глазурью без сплошной облицовки белым ангобом, скрывавшим цветную основу стенок. Неангобированная полумайолика производилась как из цветных (в основном красножгущихся), так и из белых глин. Подобная ординарная керамика имела широчайшее распространение на Востоке и в Византии с XI в. и практически до современной эпохи. Так же широко она была распространена в Северном Причерноморье (включая Крым и золотоордынское Поволжье) в XIV–XVII вв. Поскольку на Руси найдены только небольшие обломки такой керамики, любой из них мог принадлежать сосуду, имевшему локальную облицовку ангобом и даже декор (если он занимал только часть поверхности сосуда).

ПОДГРУППА А.
ПОЛУМАЙОЛИКА С БЕСЦВЕТНОЙ (ИЛИ БЛЕДНО-ЗЕЛЕНОЙ) ГЛАЗУРЬЮ

Вид 1. **Керамика из неожелезненной (светложгущейся) глины без видимых примесей.**

1. Городище Черновка (Черновицкая обл.) – 3 обломка кувшина[388] (цв. ил. 39, *2*; рис. 37, *1*), изготовленного вытягиванием (признак – волнообразное горизонтальное технологическое рифление на поверхностях). Высокое качество формовочной массы и технологии формовки заставляет предполагать византийское происхождение этого сосуда. Исходя из домонгольской датировки памятника, эти образцы можно относить к XII–XIII вв.

2. Тверь (Затьмацкий посад)[389] – 1 обломок стенки чаши из глины желтоватого цвета. Двусторонняя бледно-зеленая глазурь прекрасной сохранности, с цеком среднего размера, как показал анализ, являлась свинцовой, окрашенной окисью меди (Прил. 1. № 87). Глазурованная керамика из глин светлых оттенков известна в ограниченном количестве в золотоордынских городах, одним из главных центров ее производства считается Маджар (*Волков*, 2007б. С. 35). В Твери эта керамика найдена в комплексе XIII–XIV вв.

Вид 9. **Керамика из сильноожелезненной (красножгущейся) плотной глины с включениями красного шамота и мелкими пустотами от выгоревшей (органической?) примеси** (Табл. 1, *12*).

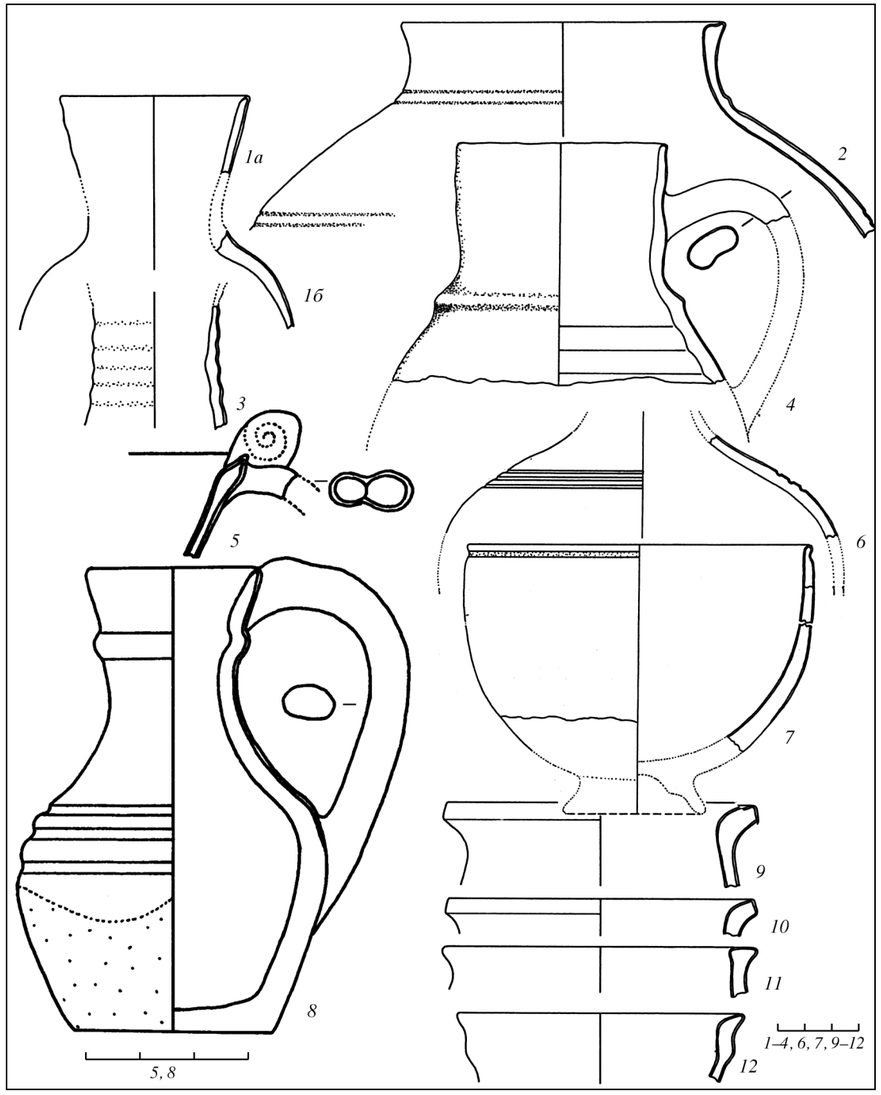

Рис. 37. **Византийско-причерноморская полумайолика без дополнительного декора с бесцветной (*1*), зеленой (*2–4*, *6–12*) и бирюзовой (*5*) глазурью**

1, *3* – городище Черновка (Черновицкая обл.; XII в.); *2*, *4*, *9–12* – Коломна (XIV–XV вв.); *5* – Киев (XIIв.); *6*, *7* – Переяславль-Рязанский (XV в.); *8* – Гнёздово (X в.)

---

[383] ГЭ–1947–Эра-5а/319, 320.

[384] Эти образцы по недоразумению были опубликованы вместе с находками из раскопок Десятинной церкви (*Залеська и др.*, 1996. Рис на С. 203, № 1, 2). Шифры с указанием года раскопок (1947. и номера раскопа (II), стоящие на них, свидетельствуют, что они могли происходить только из раскопок на Кудрявце.

[385] ул. Бол. Житомирская, 2 – пол. № 727. Находка происходит из ямы № 18, датированной XI в.

[386] НГОМЗ–1993–пол. № 20.

[387] 2001–пол. № 1756, 2773.

[388] ЧКМ–1978–№ 20243-II-1449.

[389] ТГОМ–1996–пол. № 111.

Такой состав теста характерен для керамики XIV–XV вв. из Восточного Крыма (*Баранов*, 1991. С. 110–112; *Волков*, 1992а. С. 10). В дальнейшем будем называть этот подвид глиняного теста *формовочной массой восточно-крымского типа* (ФМВКТ), хотя аналогичная масса могла происходить и из других районов Причерноморья (в том числе в Византии). Находки этой керамики известны только в Москве: 3 обломка от двух днищ сосудов[390], не имевших поддонов, глазурованных только изнутри, с рифлением вытягивания на внутренней поверхности. Все они происходят из слоев XIV–XV вв. в Китай-городе (*Коваль*, 1997е).

ПОДГРУППА Б. ПОЛУМАЙОЛИКА С ЗЕЛЕНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Вид 1. **Керамика из неожелезненных (беложгущихся) глин без видимых примесей.**

Чистые неожелезненные глины применялись в различных странах и в разные периоды. До XIV в. изделия из таких глин в Восточной Европе имели византийское происхождение, позже появляются единичные изделия северокавказского и среднеазиатского производства (Маджар, Отрар).

1. Великий Новгород – 2 обломка блюд[391] с глазурью только на внутренней поверхности найдены в слоях второй половины XIII в.

2. Гнёздовское поселение – мелкий обломок сосуда с рифлением вытягивания и глазурью на внешней поверхности[392], стратиграфически датирующийся X–XI вв.

3. Старая Рязань – 2 обломка сосудика закрытого типа (диаметром не более 8 см) с двусторонней зеленой глазурью[393] из комплекса домонгольской эпохи.

4. Переяславль-Рязанский – 1 обломок чаши[394] с ярко-зеленой глазурью на внутренней поверхности (внешняя поверхность была покрыта бесцветной глазурью).

5. Городище Черновка – 2 обломка кувшина[395] (цв. ил. 39, *3*; рис. 37, *3*).

6. Владимир-Волынский – обломок чаши[396] со следами ротации (неорнаментального характера) на дне (цв. ил. 39, *9*). Этот сосуд, вероятно, происходит из Причерноморья или Средиземноморья и может датироваться XIV–XV вв. Конкретное место производства такой керамики не установлено.

Вид 7. **Керамика из ожелезненной (красножгущейся) глины без видимых примесей** (цв. ил. 1, *13*).

Оттенки цвета черепка могут варьировать от розового до темно-красного, но чаще встречается ярко красный или розовато-красный цвет. Формовочные массы из такой глины использовались в XI–XIV вв. в гончарстве Византии, стран Причерноморья, Кавказа и Восточного Средиземноморья с провинциально-византийскими традициями керамического производства, предусматривавшими использование естественно-жирных глин. При близком сходстве визуальных характеристик установить конкретный производственный центр для отдельных образцов керамики только по признакам состава массы на сегодняшнем уровне знаний невозможно. В дальнейшем независимо от цветовых нюансов черепка будем условно называть такой материал *формовочной массой византийско-причерноморского типа* (ФМВПТ).

Недекорированные образцы такой керамики известны во Владимире-Волынском – 5 обломков одного кувшина[397].

Вид 8. **Керамика из ожелезненных глин с примесью мелкого песка.**

Формовочная масса из запесоченной глины была характерна для поливных и неполивных изделий золотоордынских центров Нижнего Поволжья, в частности мастерских Селитренного и Царевского городищ (*Булатов*, 1976а. С. 97; *Курочкина*, 2002. С. 91; *Масловский*, 2006. С. 373). В дальнейшем будем называть ее условно *формовочной массой нижневолжского типа* (ФМНВТ).

Переяславль-Рязанский – найден 1 обломок чаши[398].

Вид 9. **Керамика из формовочной массы с включениями карбонатов.**

Происхождение керамики этого вида пока не известно, но, вероятно, центры ее производства находились в Византии или странах с провинциально-византийской культурой в Причерноморье (в том числе в Крыму) и Восточном Средиземноморье в XIII–XV вв.

При раскопках на городище у д. Новое Село (Киреевский район Тульской обл.) обнаружена заготовка пряслица из стенки кувшина[399].

ПОДГРУППА В. ПОЛУМАЙОЛИКА С ЖЕЛТОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Вид 1. **Керамика из неожелезненных (беложгущихся) глин без видимых примесей.**

Подобно такой же керамике, крытой зеленой поливой, эта разновидность посуды также имела византийское происхождение.

Единственная находка непрофилированного обломка керамики, предположительно отнесенного к этому виду, происходит с селища Автуничи[400] в Черниговской области Украины (*Булгакова*, 1995. С. 18; *Kovalenko*, 2007. P. 252).

[390] ЦАИ–1995.
[391] НГОМЗ–1954–№ 34767 А78/106, 1955–№ 34767 А78/127.
[392] ГИМ–2008–пол. № 265.
[393] РГИАМЗ–1997–25–пол. № 27, 105.
[394] РГИАМЗ–1988–1–А807/634.
[395] ЧКМ–1978–№20240-II-1446, 20244-II-1450.
[396] ЛИМ–2000–пол. № 45210.
[397] ЛИМ–2000–№ 46203, 46205–43208.
[398] РГИАМЗ–1988–1–А807/643.
[399] Раскопки Г.А. Шебанина (Управление охраны памятников г. Тула) 2006 г. Пользуюсь случаем выразить свою благодарность автору раскопок за информацию об этой находке.
[400] НМИУ–ВД 3757/2279.

ПОДГРУППА Г. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Вид 1. **Керамика из неожелезненных (беложгущихся) глин без видимых примесей.**

Единственным местом находки пока является Киев – обломок белоглиняной чашки, найденный на Подоле[401] (рис. 37, *5*), при первой публикации атрибутированный как среднеазиатский (конкретно – из Мервского оазиса) (*Зоценко*, 2001. С. 193, мал. 34), со ссылкой на аналогии X–XII вв. (*Бяшимова*, 1989. Табл. 2, *6, 7*). Однако киевская чашка имела такую характерную деталь, как двуствольная ручка с волютообразным завершением (спирально завернутой пластинкой), не встречающуюся на среднеазиатских изделиях. Между тем, двуствольные ручки хорошо известны среди византийской белоглиняной посуды (*Hayes*, 1992. Fig. 12, *11, 12*). К тому же, в Киеве уже известен обломок аналогичной по форме чашки (с двуствольной ручкой и волютообразным завершением), только относившийся к иной разновидности византийской керамики XI–XII вв. – с красными и зелеными брызгами (см. ниже). Ярким отличием чашки с Киевского Подола является покрывающая ее бирюзовая глазурь, применявшаяся в Византии, хотя и не повсеместно. В частности, она характерна для керамики, производившейся в Сардах (Западная Анатолия) (*Dark*, 2001. P. 59), причем, именно среди нее ручки иногда оформлялись волютообразными завитками с обоих концов (*Dark*, 2001. P. 139, fig. 68). Спектральный анализ глазури этого сосуда (Прил. 1. № 85) показал близость ее состава к глазурям византийского и причерноморского происхождения. Таким образом, византийское происхождение данного образца не может вызывать сомнений.

Вид 4. **Керамика из слабоожелезненных (желтых) глин без видимых примесей.**

Подвид 4а. Изделия из мягкой желтой глины.

Слабоожелезненные глины, приобретающие после обжига оттенки желтого цвета, тонкой структуры, легко крошащиеся, применялись в керамическом производстве Ближнего Востока (Месопотамии и Египта) IX–XI вв., а также в Средней Азии IX–XII вв. Однако в последней для этого времени не известны изделия с бирюзовой глазурью. В ближневосточной керамике, напротив, подобное сочетание встречалось, в частности, у люстровых фаянсов (*Philon,* 1980. P. 72).

В Великом Новгороде обнаружены 3 обломка стенок сосудов, два из которых были найдены в слое конца XII в., один – начала XI в.[402]. Вероятно, происхождение этих образцов можно связывать с Египтом или Византией (см. вид 1).

[401] МИК–1989–3–А4987/1070.
[402] НГОМЗ–1954–НВ20944 Пр.к А78/676; 1956–НВ20944 Пр.к А78/679; 1958–НВ20944 Пр.к А78/680.

Подвид 4б. **Изделия из *формовочной массы маджарского типа.***

Из раскопок в Кремле Нижнего Новгорода происходит 1 обломок[403] придонной части кувшина (?) с рифлением вытягивания на внутренней поверхности, изготовленного из плотной желтовато-розоватой глины без видимых примесей, найденный в комплексе середины – второй половины XIV в.

Вид 7. **Керамика из *формовочной массы византийско-причерноморского типа.***

Великий Новгород – 1 перегоревший в пожаре обломок сосуда найден в слое середины XII в. на Неревском раскопе[404].

ПОДГРУППА Д. ПОЛУМАЙОЛИКА С ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Единственный обломок дна чаши из неожелезненной (беложгущейся) глины с примесью мелкого песка и двусторонней глазурной облицовкой найден в Киеве (на Старокиевской горе)[405].

ГРУППА 2. АНГОБИРОВАННАЯ ПОЛУМАЙОЛИКА

Как и в группе 1, обломки керамики с ангобной облицовкой, на которых не было отмечено следов декора, в действительности могли принадлежать декорированным сосудам. Однако ординарная поливная керамика без дополнительного декора была самой распространенной разновидностью глазурованной посуды в странах Востока и вполне могла попадать на Русь. Особенно широко такая керамика была распространена в Византии и Турции (Kalanlar, 2007. P. 63), Северном Причерноморье и золотоордынском Поволжье с XII по XVII в. (цв. ил. 39, *6, 7*; 40, *1*).

ПОДГРУППА А. ПОЛУМАЙОЛИКА С БЕСЦВЕТНОЙ (ИЛИ БЛЕДНО-ЗЕЛЕНОЙ БЛЕДНО-ЖЕЛТОВАТОЙ) ГЛАЗУРЬЮ

Вид 1. **Керамика из слабоожелезненных (кремового цвета) глин без видимых примесей.**

Полумайолика из подобных глин производилась в Византии и странах Причерноморья. Единственная находка такой керамики на Руси известна в Твери – обломок стенки чаши[406] из комплекса XIII–XIV вв.

Вид 7. **Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.**

Находки подобной керамики известны в 4 местах:

1. Великий Новгород – 1 обломок чаши (?)[407], глазурованной только изнутри поливой желтовато-зеленоватого оттенка, найден в слое конца XI в.

[403] 2001–пол. № 1661 (культ. слой).
[404] НГОМЗ–1956–НВ20944 Пр.к А78/1149.
[405] 2001(ул. Рейтарская, 4)–пол. № 170.
[406] ТГОМ–1996–пол. № 148.
[407] НГОМЗ–1954–НВ20944 Пр.к. А78/982.

2. Москва – 2 обломка стенок сосудов закрытой формы[408], найденные в слоях XIV в. Один из них (из Кремля) отличался тем, что был изготовлен из глины с включениями карбонатов и имел бесцветную глазурь на внутренней поверхности.

3. Переяславль-Рязанский – 2 обломка чаш[409], происходящие из слоев золотордынской эпохи (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 129–130, рис. 3, *1*).

4. Серенск – 1 обломок края горла кувшина из верхнего переотложенного слоя городища и обломок ручки кувшина с посада Серенска (из переотложенного слоя)[410].

Вид 8. **Керамика из формовочной массы нижневолжского типа.**

Подобная керамика встречена в слоях золотоордынского времени:

1. Москва – 1 обломок края горловины кувшина[411] с двусторонней облицовкой глазурью.

2. Коломна – 11 обломков[412] от не менее чем шести кувшинов без глазурного покрытия внутренней поверхности.

Вид 9. **Керамика из ожелезненной (красножгущейся) глины с искусственными примесями.**

Подвид 9а. Керамика из формовочной массы с обильной примесью крупного песка.

К этому подвиду относились 2 обломка чаши[413] без следов подглазурного декора из раскопок в Тверском Кремле. Особенностями изготовления этого сосуда были: низкокачественный (неполный) обжиг, результатом которого стал трехслойный излом черепка, ангобирование всей поверхности чаши, включая весь кольцевой поддон и внутреннюю полость этого поддона; нанесение глазури на внешнюю сторону стенок чаши почти до самого дна. Это редко встречающиеся признаки, указывающие, однако, на византийскую керамическую традицию. По формовочной массе чаша имеет только одну аналогию – обломок расписной полумайолики (см. ниже – тип 11) из Москвы. Вероятно, эта керамика происходит из неизвестного пока центра в Причерноморье, выпускавшего свою продукцию в конце XIV–XV вв.

Подвид 9б. Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.

Отличительная особенность многих образцов полумайолики этого подвида – слабое сцепление поливы с ангобной подгрунтовкой, приводившее к отслоению глазурного покрытия.

1. Москва – 2 обломка стенок кувшинов[414] с бесцветной глазурью на внутренней поверхности, из слоев XIV–XV вв. (*Векслер*, 1994а. С. 156, 157).

2. Пронск – 1 обломок чаши[415].

ПОДГРУППА Б.
ПОЛУМАЙОЛИКА С ЗЕЛЕНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Вид 2. **Керамика из неожелезненной (розовато-белой) глины с включениями мелкого песка** (цв. ил. 1, *6*).

Белоглиняная ординарная керамика, покрытая зеленой глазурью, производилась в Византии в IX–XII вв. (*Dark*, 2001. P. 63; *Hayes*, 1992. P. 18–29) и импортировалась в Северное Причерноморье, откуда она и могла попадать на Русь (*Макарова*, 1967. С. 9–10).

Известно пока только одно место находки такой керамики – селище Автуничи (Черниговская обл.), где найден обломок тарелки или блюда[416] (*Булгакова*, 1995. С. 18; *Kovalenko*, 2007. P. 252) из бледно-розоватой глины, с двусторонним ангобированием.

Вид 7. **Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.**

На территории Руси такая керамика известна в восьми местах, где она найдена в слоях золотоордынской эпохи:

1. Великий Новгород – 1 обломок кувшина[417] без глазури на внутренней поверхности и ярко-зеленой пятнистой глазурью – на внешней, найденный на Неревском раскопе в слое последней четверти XIII в.

2. Тверь – 1 обломок чаши[418], глазурованной только по внутренней поверхности (из раскопок в Кремле).

3. Москва – 3 обломка сосудов: двух чаш (Табл. 40, *2*) и миски[419].

4. Коломна – 3 обломка от кувшина (без глазурного покрытия внутренней поверхности) и чаши[420].

5. Владимир – 3 обломка кувшина из глины с редкими порами от выгоревшей органической примеси, слив которого был выделен в трубочку путем деформации краев горловины (Табл. 39, *4*) (*Кабаев, Гальчук*, 2004. Рис. 5, *1*). Подобная профилировка не характерна для золотоордынской и северопричерноморской керамики, но встречается среди византийской и закавказской посуды (см. ниже).

6. Нижний Новгород – 1 обломок дна чаши с темно-зеленой глазурью по кремовому ангобу (на внутренней поверхности)[421].

7. Переяславль-Рязанский – 10 обломков[422] от пяти чаш и двух кувшинов (*Коваль, Судаков*, 1985. С. 131. Рис. 3, *2, 4*). Три обломка принадлежали одной чаше[423] из розовой глины (рис. 37, *7*), форма которой характерна для византийской поливной керамики XV в., известной по находкам в Крыму (*Мыц*, 1991б. Рис. 2, *3*; *Сазанов, Иващенко*, 1994. Рис. 1, *1*, 2, *1*).

8. Серенск – 3 обломка стенок одной чаши[424], изготовленной из глины с единичными включениями карбонатов, покрытой с обеих сторон белым ангобом и изнутри – темно-зеленой глазурью. Все обломки происходят из верхнего переотложенного слоя городища, датируемого XIV–XVI вв.

Вид 8. **Керамика из формовочной массы нижневолжского типа.**

На территории Руси находки происходят из пяти мест, где они обнаружены в слоях XIV–XV вв.:

1. Москва – 1 обломок стенки чаши[425], перегоревшей в пожаре, изменившем цвет поливы (темно-синий с красными пятнами цвет характерен для перегоревших темно-зеленых глазурей).

2. Коломна – 5 образцов: развал цилиндрического горла кувшина[426] (без слива и глазурования внутренней поверхности) (рис. 37, *4*), имеющего прямые аналогии в материалах золотоордынских городов Поволжья (*Михальченко*, 1973. Рис. 4, *1*; *Федоров-Давыдов*, 2001. Табл. 36, *1, 2*; 46, *5, 6*; 47, *1*). К этому же виду принадлежали венчики трех кувшинов (или альбарелло?) (рис. 37, *9–11*) и обломок ручки кувшина[427].

3. Старая Рязань – 1 обломок горла кувшина из глины бледно-розового цвета[428].

4. Переяславль-Рязанский – 2 обломка чаш[429].

5. Нижний Новгород – 3 обломка чаши, у которой глазурь отслоилась вместе с ангобом[430], из комплекса середины – второй половины XIV в.

Вид 9. **Керамика из сильноожелезненных глин с искусственными примесями.**

Подвид 9а. **Изделия из *формовочной массы восточно-крымского типа*.**

Находки известны в шести пунктах, в слоях золотоордынского времени:

1. Тверь (Кремль) – 1 обломок стенки кувшина[431], внутренняя поверхность которого была покрыта бесцветной глазурью.

2. Москва – 1 обломок аналогичного сосуда[432] (цв. ил. 40, *2*).

3. Коломна – 10 обломков[433] сосудов закрытого типа, как без глазурного покрытия внутренней поверхности, так и с глазурной облицовкой (обломки от трех сосудов) (рис. 37, *12*). Происходили они из комплексов XV в. (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 296, рис. 4, *15*).

4. Переяславль-Рязанский – 2 мелких обломка чаш[434].

5. Серенск – 1 мелкий обломок чаши или блюда[435] с темно-зеленой глазурью.

6. Владимир-Волынский – 3 обломка от миски (?) и двух кувшинов [436].

Подвид 9б. Изделия из плотной глины с примесью мелкого красного шамота и редкими естественными включениями карбонатов, близкая ФМВКТ.

Керамика этого вида найдена в пяти пунктах, в слоях XIII–XV вв.:

1. Тверь (Затьмацкий посад) – 1 обломок стенки кувшина[437]. Глина сиреневого оттенка, глазурь пятнистая.

2. Москва – 3 обломка[438] от двух кувшинов или альбарелло (*Коваль*, 1997е. Рис. 1, *7*).

3. Нижний Новгород – 3 обломка кувшина с глазурным покрытием внутренней поверхности[439].

4. Переяславль-Рязанский – 4 обломка от чаши и двух кувшинов[440], один из них происходил из комплекса первой половины XIV в. (*Коваль, Судаков*, 1985. С. 131, 135).

5. Лавское 3 селище (близ г. Ельца Липецкой обл.) – 1 обломок блюда, из которого было сделано пряслице диаметром 2 см[441] (сохранилась только половина этого изделия).

К этой же подгруппе (вид установить не удалось) принадлежал обломок зеленой полумайолики из Костромы (*Алексеев С.И.*, 1994. С. 74, рис. XXXII, *9*).

К данной подгруппе примыкает еще одна редкая разновидность керамики, представленная своеобразными формами – маленькими плоскодонными чашечками с кольцевой ручкой и прикрепленной к ней сверху горизонтальной или наклонной глиняной пластинкой (“пятой”), изготовленными из слабоожелезненной (телесного цвета) глины, насыщенной мелким песком[442] и облицована белым ангобом (рис. 38, *1*). Зеленая глазурь покрывает сосуды целиком (изнутри и снаружи), как правило, сильно патинирована, часто отслаивается от тонкослойного белого ангоба, крошится. Все чашечки изготовлены на медленно вращавшемся гончарном

---

[408] МИМ–1959 (Кремль)–24661/359; ЦАИ– 1995 (ул. Ильинка).
[409] РГИАМЗ–1988–1–А807/627; 1994–1–пол. № 191.
[410] ГИМ–1982–2632/589; КОКМ–1986–11387/4.
[411] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 300
[412] ККМ–1995–пол. № 288; 1996–пол. № 433; 1999–пол. № 223; 2001–пол. № 214, 251, 264в, 335а, 336; 2002–пол. № 104, 114; 2003–пол. № 155.
[413] НГОМЗ–1996–11–89, 193.
[414] ЦАИ–1994 (Манежная пл.); 1995 (ул. Ильинка)–пол. № 48.
[415] РГИАМЗ–1969–пол. № 141.
[416] НМИУ–1993–ВД 3757/2278.
[417] НГОМЗ–1956–34767 А78/109.
[418] ТГОМ–1991–пол. № 434.
[419] ЦАИ–1995 (ул.Ильинка)–пол. № 47, 48; ММК–1988–пол. № 42.
[420] ККМ–2002–пол. № 58, 85, б/№.
[421] 2001–пол. № 1333 (яма 53-В).
[422] РГИАМЗ–1956–2–пол. № 61, 81, 73, 105, 434, б/№; 1989–1– А811/317.
[423] РГИАМЗ–1986–1–А726/554, 558, 559.
[424] КОКМ–1967–пол. № 58 (2 шт.),130.
[425] ЦАИ–1996 (ул.Ильинка)–пол. № 2.
[426] ККМ–1995–пол. № 19.
[427] ККМ–2001–пол. № 209; 309, 310; 2003–пол. № 851.
[428] РГИАМЗ–1999–28–пол. № 205.
[429] РГИАМЗ–1956–2–пол. № 39.
[430] 2001–пол. № 2737, 2738.
[431] ТГОМ–1991–7–пол. № 156.
[432] ММК–1988–пол. № 9.
[433] ККМ–1998–пол. № 458, 477, 499, 503, 506, 507; 1999–пол. № 875; 2001–пол. № 220, 225; 2003–пол. № 1085.
[434] РГИАМЗ–1988–1–А807/648, 655.
[435] КОКМ–1967–пол. № 30.
[436] ЛИМ–1999–№ 43899; 2000–№ 45219; б/№.
[437] ТГОМ–1996–пол. № 188.
[438] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 45, 351.
[439] 2001–пол. № 2171, 2740, 2741.
[440] РГИАМЗ–1956–2–64, 101; 4–178, б/№.
[441] Музей археологии ЕГУ–2001–2–ИК1.
[442] Т. Арне называл такую глину “фарфоровой” (*Арне*, 1928. С. 27. по явному недоразумению, так как с каолиновой массой она не имеет ничего общего.

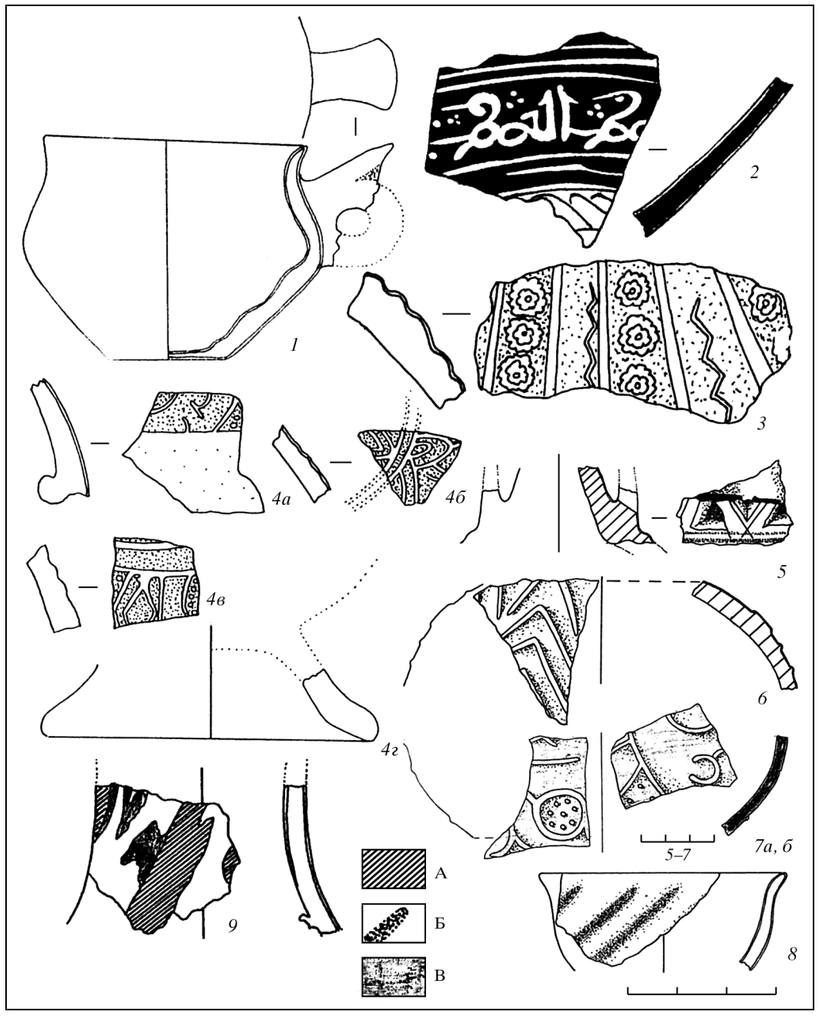

Рис. 38. **Полумайолика без дополнительного декора (*1*), с надглазурной люстровой росписью (*2*), с подангобным гравированным декором (*3*), тисненым декором (*3*, *4*, *6*, *7*), резьбой по глине (*5*), рельефной моделировкой стенок (*8*) и подглазурной росписью (*9*)**

А – зеленый цвет; Б – углубления; В – пурпурно-коричневый цвет. *1* – Заславль (Беларусь); *2* – Великий Новгород (Египет, XII в.); *3* – Нижний Новгород (Крым, XIV в.); *4* – селище Ближнее Константиново 1 (Поволжье, XIV в.); *5–7* – Москва (XIV в.); *8* – Серенск (Крым, XIV в.); *9* – Великий Новгород (Византия, XI в.)

круге – они неровные по высоте, имеют стенки неодинаковой толщины.

Место производства этих чашечек до сих пор не установлено. Т. Арне предполагал их китайское происхождение (*Арне*, 1928. С. 27), современные исследователи склонились к иранской атрибуции (*Oxenstierna*, 1966. P. 89; *Макаров Н.А.*, 1990. С. 61), однако ни в Китае, ни в Иране точные и синхронные их аналогии не известны. Близкие по форме образцы, известные в Средней Азии и Волжской Булгарии, также не могут служить надежными аналогиями, поскольку находки с территории Руси, Готланда и Латвии существенно от них отличаются по формовочной массе и деталям профилировки. На сегодняшний день происхождение этой группы сосудов остается таким же таинственным, как и столетием раньше.

На территории Руси подобные чашечки найдены в семи местах (в основном, в курганных трупоположениях XI в.), однако в связи со спорностью их происхождения в данный свод эти сосуды не включены.

На наш взгляд, место производства этих своеобразных сосудов следует искать в степной зоне Европы (на территории Хазарии, Волжской и Дунайской Болгарии) или даже на Руси – там, где могли производиться вещи степного круга и восприниматься византийские или иные восточные традиции изготовления глазурей.

ПОДГРУППА В. ПОЛУМАЙОЛИКА С ЖЕЛТОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Обломки чаш данной подгруппы покрывались желтой глазурью только изнутри. Все эти образцы (мелкие обломки сосудов), скорее всего, принадлежали желтой полумайолике “сграффито” византийского и крымского происхождения (см. ниже).

Вид 7. **Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.**

1. Старая Рязань – 1 обломок чаши[443].

2. Переяславль-Рязанский – 3 обломка от разных чаш[444], один из которых происходил из комплекса второй половины XIII в. (*Коваль, Судаков*, 1985. С. 131, 135).

3. Киев – обломок стенки блюда[445].

Вид 9. **Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.**

Переяславль-Рязанский – 1 обломок чаши[446].

Серия 2. Полумайолика с надглазурным декором

Единственной группой восточной керамики этой серии является на Руси **ПОЛУМАЙОЛИКА С ЛЮСТРОВОЙ РОСПИСЬЮ ПО БЕСЦВЕТНОЙ ПРОЗРАЧНОЙ ГЛАЗУРИ**. Одна находка обломка такой чаши[447] известна в Великом Новгороде (на Неревском раскопе) в закрытом комплексе конца XII в. (*Коваль*, 1995в. С. 179, рис. 1, *8*; *Koval*, 2006. Fig. 10.4, *11*). Чаша была изготовлена из желтой лессовой глины, близкой по визуальным характеристикам формовочной массе люстровых майолик IX–XI вв. (см. выше), и покрыта бесцветной глазурью. По внутренней поверхности чаши была исполнена роспись люстром, включавшая широкую полосу с эпиграфическим орнаментом в технике гравировки по “сырому” люстру, состоявшим из повторяющейся сильно стилизованной арабской благопожелательной надписи “аль-юмн” (рис. 38, *2*). Идентичные (вплоть до деталей) надписи имеются на египетской люстровой майолике XI–XII вв. (*Philon*, 1980. Fig. 496, 514). В Египте же применялась для изготовления люстровой керамики и желтая глина (*Scanlon*, 1970. P. 84; *Caiger-Smith*, 1985. P. 41).

[443] РГИАМЗ–1995–25–4.

[444] РГИАМЗ–1956–2–пол. № 127; 1988–1–А807/650983; 1994–1–пол. № 324.

[445] 2002 (ул. Бол. Житомирская, 2а).

[446] РМ–1956–2–134.

[447] 1958–НГОМЗ–34767 А78/154.

Описываемый обломок чаши оказался весьма сложным для атрибуции, поскольку обе его глазурные поверхности имели черный цвет. А.Ф. Медведев считал, что изменение цвета произошло под действием огня, т.е. вторичного обжига (1963. С. 274), Т.И. Макарова вообще сомневалась в наличии на нем люстра (1967. С. 33). Надо сразу сказать, что всякие следы термического воздействия на этом образце (повреждения глазури или черепка) отсутствовали, а следы от люстровой росписи на поверхности глазури были отчетливо видны. В действительности оказалось, что глазурь была просто покрыта плотной черной пленкой, полностью закрывшей фактуру и цвет люстра. Подобые пленки (как и подглазурные интрузии) обычно имеют органическое происхождение и попадают на керамику из культурного слоя, в котором она залегает, однако отсутствие такого же загрязнения на сколе черепка заставляет думать, что в данном случае, возможно, причиной почернения глазури стали химические процессы в культурном слое.

Исключительность данного образца по составу глазури (Прил. 1. № 93. и желтоглиняной основе позволяет видеть в нем продукцию Египта или Сирии XII в.

Серия 3. Полумайолика с подглазурным декором

ГРУППА 1. ПОЛУМАЙОЛИКА С ПОДАНГОБНЫМ ГРАВИРОВАННЫМ ДЕКОРОМ

ПОДГРУППА А. ПОЛУМАЙОЛИКА С ЗЕЛЕНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Все образцы этой подгруппы принадлежат единственному **ТИПУ ПОЛУМАЙОЛИКИ С ЛИНЕЙНЫМ ОРНАМЕНТОМ**, гравированным непосредственно по основе, подобно обычной неглазурованной керамике. Однако в данном случае поверхность сосудов покрывалась поверх этого гравированного декора слоем белого ангоба и глазурью, в результате чего подангобная гравировка становилась малозаметна и в значительной степени утрачивала свои качества декора (цв. ил. 39, *8*) (*Самашев и др.*, 2008. С. 177).

Вид 2. **Керамика из неожелезненной (розовато-белой) глины с включениями мелкого песка** (Табл. 1, *6*).

Белоглиняная ординарная керамика, покрытая зеленой глазурью, производилась в Византии в IX–XII вв. (*Hayes*, 1992. P. 18–29; *Dark*, 2001. P. 63. и импортировалась в Северное Причерноморье, откуда она и могла попадать на Русь (*Макарова*, 1967. С. 9–10). Единственная находка такой керамики известна в Гнёздовском курганном могильнике[448] – миниатюрный кувшинчик, сформо-

[448] СОМ–1949–6028/143.

ванный на гончарном круге быстрого вращения (со следами на дне от среза с круга ниткой), покрытый тонким слоем белого ангоба. Светло-зеленая глазурь покрывает только горло и верхнюю часть кувшинчика, но ее нет на ручке, внутренней поверхности и в придонной части. Из-за обгорания в огне погребального костра полива вспузырилась и локально изменила свой цвет (цв. ил. 38, *8*; рис. 37, *8*). Находка происходит из знаменитого кургана К-13 раскопанного в 1949 г., погребение в котором содержало амфору с граффити, читавшимся ранее "гороухща"[449], и датированного серединой X в. (*Avdussin*, 1977. S. 278. Abb. 4, *f*; *Авдусин*, 1972. С. 166; *Нефедов*, 2001. С. 65).

Вид 7. **Керамика из формовочной массы причерноморско-византийского типа.**

1. Москва – 2 обломка кувшинов[450] из комплексов XIV–XV вв. Один из них отличался серым цветом, а его внутренняя поверхность была покрыта бесцветной прозрачной поливой (причиной появления серого цвета являлся обжиг в восстановительном режиме).

2. Переяславль-Рязанский – 1 обломок стенки кувшина без глазурного покрытия внутренней поверхности[451].

Вид 8. **Керамика формовочной массы нижневолжского типа.**

Коломна – стенка кувшина[452] без глазурной облицовки внутренней поверхности из ямы второй половины XIV в.

Вид 9. **Керамика из ожелезненной глины с искусственными примесями.**

Подвид 9а. Изделия из формовочной массы восточно-крымского типа.

Единственный обломок кувшина[453] с глазурным покрытием внутренней поверхности найден в Москве, в слоях XIV–XV вв.

Подвид 9б. Керамика из массы с мелкими включениями красного шамота, близкой ФМВКТ.

Находки такой керамики известны в двух пунктах:

1. Москва – 2 обломка стенок кувшинов[454], покрытых светло-зеленой и зеленой пятнистой глазурями из слоев XIV–XV вв.

2. Переяславль-Рязанский – 2 обломка стенок кувшинов. Один из них, покрытый снаружи светло-зеленой глазурью[455], был найден в комплексе конца XIV–XV в. (рис. 37, *6*) (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 130–131, 135, рис. 2, *9*). Второй образец отличался черными включениями в тесто, ярко-зеленой глазурью на внешней поверхности и бесцветной – на внутренней[456].

ПОДГРУППА Б.
ПОЛУМАЙОЛИКА С ЖЕЛТОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Вид 7. **Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.**

Коломна – развал (из 8 обломков)[457] верхней части сосуда (хумчи?), обе поверхности которого были покрыты зеленовато-желтой глазурью (изнутри – без ангобной облицовки) (рис. 37, *2*).

Вид 8. **Керамика из сильнозапесоченной ожелезненной глины**, отдаленно схожей с ФМНТ.

Коломна – стенка чаши[458] с темно-желтой глазурью на внутренней поверхности и зеленой на внешней.

Вид 9. **Керамика из формовочной массы с мелкими редкими включениями красного шамота,** близкой ФМВКТ.

Муром – обломок стенки кувшина без глазурного покрытия внутренней поверхности (цв. ил. 41, *1*).

ГРУППА 2. ПОЛУМАЙОЛИКА С ПОДГЛАЗУРНЫМ РЕЛЬЕФНЫМ ДЕКОРОМ

ПОДГРУППА А. ПОЛУМАЙОЛИКА, ПОКРЫТАЯ ЗЕЛЕНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

ТИП 1. ТИСНЕНАЯ ПОЛУМАЙОЛИКА

По сложившейся традиции, керамику, рельефный декор поверхности которой достигался **ТИСНЕНИЕМ** в матрице – "калыпе", не совсем правильно называют "штампованной"[459]. При изготовлении этой керамики заранее сформованные на круге части сосудов помещали в матрицы с контррельефным (вогнутым) рисунком, что позволяло получать после тиснения на поверхности сосудов выпуклый декор. К этому типу относились только сосуды закрытой формы – кувшины, фляги и т.п. Поливная тисненая керамика начала изготавливаться на Востоке еще в IX–X вв. (*Lane*, 1939. P. 56–65), однако впоследствии она вышла из употребления. Лишь в XIII–XIV вв. производство близкой (по технологии изготовления) керамики налаживается на территории Золотой Орды, однако в декоративном плане она лишь отчасти копировала распространившуюся здесь *неполивную* тисненую ("штампованную") керамику, традиция производства которой пришла в Золотую Орду из Средней Азии и Ирана (см. ниже). Наиболее известна красноглиняная продукция восточно-крымских центров (Судака, Солхата) (цв. ил. 45, *4, 6*), причем в Судаке при раскопках были обнаружены гончарные печи для обжига такой керамики (*Джанов*, 1999).

На Руси находки подобной керамики известны в десяти местах.

Вид 8. **Керамика из формовочной массы нижневолжского типа.**

На селище Ближнее Константиново 1 (на окраине современного Нижнего Новгорода) собрано 10 обломков от одного кувшина из глины светло-серого (с зеленоватым оттенком) цвета, насыщенной очень мелким песком (*Грибов, Коваль*, 2007. С. 222, 223, рис. 2, *2, 3*). Кувшин имел расширяющийся поддон, а его верхняя часть была облицована зеленой прозрачной глазурью по неангобированной (серой) поверхности стенок (рис. 38, *4*). Зеленовато-серый оттенок глины расценивается как один из признаков тисненой керамики поволжского производства, налаженного по образцам хорезмских изделий (*Панина, Волков*, 2000. С. 89). На хорезмско-поволжскую традицию указывает и форма поддона описываемого кувшина. Таким образом, поволжское происхождение кувшина, попавшего в Ближнее Константиново, является наиболее вероятным.

Вид 9. **Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.**

1. Москва (Кремль) – 3 обломка от двух кувшинов этого типа, происходящие из слоев золотоордынского времени[460] (рис. 38, *6, 7*). Для всех образцов характерен грубоватый рисунок из толстых и неровных рельефных валиков (цв. ил. 45, *3*). Ближайшие аналогии декору московских образцов прослеживаются в керамике XIV в. из Белгорода-Днестровского (*Кравченко*, 1986. С. 78, 79, рис. 31) и Азака (*Масловский*, 2006. Рис. 18, *11, 12*), импортированной из Восточного Крыма.

2. Коломна – 2 обломка кувшина[461].

3. Ростиславль-Рязанский – 1 обломок стенки кувшина[462] с рельефным декором в виде мелких листочков, происходивший из комплекса XIV в.

4. Селище на Александровском городище (северная окраина г. Ельца) – 2 обломка стенок кувшина со слабо оттиснутым (нечитаемым) орнаментом[463].

5. Нижний Новгород – 1 обломок стенки кувшина[464], декор которого состоял из вертикальных панелей, разделенных рельефными ребрами, в которых поочередно размещались ряды розеток и зигзагообразные рельефные линии (цв. ил. 45, *5*; рис. 38, *3*). Близкий декор можно видеть на кувшине из Херсонеса, происходившем из слоя пожара XIV в. (*Романчук*, 2003. Табл. 210, *4*).

6. Гришовское городище (Калужская обл., вероятно, остатки города Люденецк XIV–XV вв.) – обломок стенки кувшина[465].

7. Владимир Волынский – обломок стенки кувшина[466].

8. Луцк – обломок кувшина (*Терський*, 2000. С. 186, 187, 197).

9. Пересопница – развал (из 5 обломков) кувшина[467].

ТИП 2. ПОЛУМАЙОЛИКА СО ШТАМПОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ

Днища керамики этого типа (блюда, чаши) украшались оттисками штампа со сложными орнаментальными схемами (кресты, изображения людей, животных и т.п.) (цв. ил. 41, *2, 3*). Таким образом, в отличие от предыдущего типа, здесь название полностью соответствует применявшейся технологии. Вся керамика этого типа изготавливалась только из неожелезненных (белых) глин (цв. ил. 1, *5, 7*).

Производство такой керамики было налажено в Византии (вероятно, в первую очередь, в Константинополе), в конце IX в. и продолжалось в X в. (*Rice*, 1930. P. 24–29; *Morgan*, 1942. P. 36, 49. Pl. I–VII; *Stevenson,* 1947. P. 38–60, pl. 16, 17, 21, 22; *Hayes*, 1992. P. 18–22, fig. 6, pl. 3, 4). В Восточной Европе она известна в Херсонесе (*Якобсон*, 1979. С. 83–92, рис. 51–55), Керчи, Тмутаракани и Саркеле (*Макарова*, 1967. С. 10; *Фиогенова*, 1987. С. 193–194. (цв. ил. 40, *3*; 41, *2, 3*).

На территории Руси подобная керамика найдена только в трех местах:

1. Киев – 2 обломка из раскопок М.К. Каргера в 1938 и 1948 гг. у Михайловского собора и Десятинной церкви (*Макарова*, 1967. С. 11, 63, № 43, 44)[468].

2. Белгород-Киевский – возможно, здесь также была найдена керамика с штампованным орнаментом, поскольку о таких находках сообщал В.В. Хвойка (*Макарова*, 1967. С. 11).

3. Шестовицкое поселение (уроч. Коровель) – 7 обломков блюд[469], покрытых пятнистой зеленой или желто-зеленой поливой (цв. ил. 40, *4–7*). Судя по "рельсовидным" краям (цв. ил. 40, *4, 5*), они принадлежали обычным низким блюдам либо блюдам на высоких полых основаниях – резервуарах для углей, поддерживавших пищу в горячем виде (см. цв. ил. 40, *3*).

---

[449] Согласно новейшим исследованиям А.А. Медынцевой эту надпись следует читать "Гороуна" (см. ниже при описании амфор группы V).

[450] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 153; ММК–1994 (Кремль)–пол. № 31.

[451] РГИАМЗ–1956–2–пол. №146.

[452] ККМ–1998–пол. № 449.

[453] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 119.

[454] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 134, 276.

[455] РГИАМЗ–1990–1–А810/277.

[456] РГИАМЗ–1993–1–А851/113.

[457] ККМ–2002–пол. № 50, 69, 9, 109, 130, 178, 179, 221.

[458] ККМ–1999–пол. № 896.

[459] Дело в том, что матрица не является штампом. Штампы же имеют обычно небольшие размеры и предназначены для нанесения на поверхность сосуда отдельных орнаментальных мотивов, причем использование штампа предполагает надавливание им самим на стенку сосуда для получения отпечатка. Таким образом, изготовление тисненой и штампованной (т.е. украшенной отпечатками штампов) керамики – это два разных технологических процесса.

[460] ММК–1975–47434/520, 47435/521; 1994–пол. № 44.

[461] ККМ–2001–пол. № 161, 166.

[462] МИГМ–1999–1–пол. № 27.

[463] Из раскопок Ю.Д. Разуваева 2001 г. (раскоп 4, яма 3). Информация об этой находке любезно предоставлена Н.А. Тропиным.

[464] 2001–пол. № 1902.

[465] Благодарю О.Л. Прошкина (Калужский областной краеведческий музей) за информацию об этой находке.

[466] ЛИМ–2000–45218.

[467] ЛИМ–1994–44239–44243.

[468] Места хранения и условия находок не известны.

[469] 2000–3–пол. № 16; 5–пол. № 53, 57, 81, 89, 106 (находки хранятся в Черниговском госуниверситете).

ТИП 3. ПОЛУМАЙОЛИКА С РЕЗНЫМ ДЕКОРОМ

Единственный образец такой керамики найден в Москве (Китай-город). Это был обломок сосуда из плотной красной глины без видимой примеси песка, но с мелкими округлыми пустотами (от органики?), мелкими красными включениями (шамот?) и случайными вкраплениями кварцитов, украшенный резным ажурным орнаментом (рис. 38, *5*), происходивший из слоев XIV–XV вв.[470] Треугольчатая резьба по сырой глине украшала подзор (воротничок) вокруг горловины сосуда, вся внешняя поверхность которого была покрыта ярко-зеленой глазурью по белой ангобной подгрунтовке.

Керамика, украшенная глубокой резьбой по необожженной глине, была распространена на Ближнем Востоке с X в., а в предмонгольское время особенно широко – в Закавказье, где она во многих случаях покрывалась зеленой глазурью. Имелись изделия и со сквозной (ажурной) резьбой, в том числе и по подзорам вокруг горловины сосудов (*Якобсон*, 1959. С. 282, 286, табл. XXXVII, XXXVIII; *Мицишвили*, 1969. Табл. LVII, *1*; *Ахмедов*, 1979. Рис. 42). Вероятно, такая керамика производилась там и впоследствии. Московский образец, относящийся к золотоордынской эпохе, также мог быть привезен из Закавказья. В то же время, особенности формовочной массы, близкой керамике Восточного Крыма, не позволяют исключать и возможность изготовления этого сосуда в Крыму, тем более, что в золотоодынскую эпоху там образовалась значительная колония эмигрантов из Армении. Во всяком случае, сосуды с резными “подзорами” известны среди продукции городов Юго-Восточного Крыма (*Масловский*, 2006. Рис. 24, *3*).

ТИП 4. ПОЛУМАЙОЛИКА С РЕЛЬЕФНОЙ МОДЕЛИРОВКОЙ СТЕНОК

Единственным образцом керамики этого типа был обломок сильно перегоревшей в пожаре чаши (цвет глазури неустановим), украшенной широкими наклонными каннелюрами, найденный в Серенске в переотложенных слоях[471] (рис. 38, *8*). Близкая керамика, крытая желтой глазурью, известна в Крыму XIV в. (*Сазанов, Иващенко*, 1994. С. 180).

ПОДГРУППА Б. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИРЮЗОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ

ТИП 1. КЕРАМИКА С РЕЛЬЕФНОЙ МОДЕЛИРОВКОЙ ПОВЕРХНОСТИ

Единственным местом находки такой керамики является Тверь, где на Затьмацком посаде, в слое золотоордынского времени встречены 3 обломка от одного сосуда (альбарелло)[472] из неожелезненной (бело-желтоватой) глины (вида 1), с глубокими вертикальными и горизонтальными каннелюрами. Прямые аналогии этому образцу не известны, однако светлоглиняная полумайолика бытовала на территории Золотой Орды, а главные центры ее производства известны в Маджаре, Азербайджане (Апшерон) и Средней Азии.

ТИП 2. КЕРАМИКА С ТИСНЕНЫМ ДЕКОРОМ

Желтоглиняная керамика с росписью бирюзовой, ультрамариновой, белой и черной непрозрачными поливами бытовала в Золотой Орде на протяжении второй половины XIV в. (*Булатов*, 1969в. С. 57; *Вактурская*, 1959. С. 306–308; *Самашев и др.*, 2008. С. 52, 156–159). Производилась она, вероятно, в Маджаре. Ранее нами было высказано предположение о возможном поступлении отдельных образцов желтоглиняной керамики (правда, без росписи глазурями) в Орду из Азербайджана (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 301), которое было поддержано А.Н. Масловским и распространено на все разновидности желтоглиняной тисненой керамики (2006. С. 458), однако для большинства известных образцов маджарское происхождении следует считать более вероятным (*Волков*, 2007б. С. 35, рис. 2, 3).

На Руси такая керамика (на которой сохранилась роспись одной только бирюзовой глазурью) найдена в двух городах:

1. Тверь – 2 мелких обломка сосуда[473].
2. Коломна – 1 обломок сосуда[474].

ГРУППА 3. ПОЛУМАЙОЛИКА С РОСПИСЬЮ КРАСКАМИ

ПОДГРУППА А. ПОЛУМАЙОЛИКА, ПОКРЫТАЯ БЕСЦВЕТНОЙ ПОЛИВОЙ

В составе этой подгруппы к типам 1–5 принадлежит *раскрашенная* керамика, декор которой не нес смысловой нагрузки (т.е. являлся *неорнаментальным*). Штрихи, полосы и пятна краски здесь разбрасывались по поверхности сосуда либо совершенно хаотично, либо с соблюдением только самой примитивной ритмичности (например, параллельное размещение их полос). Т.И. Макаровой подобная орнаментика рассматривалась как “бесконтурная” и выделялась в отдельный тип керамики (*Макарова*, 1967. С. 21–23).

К типам 6–13 отнесена полумайолика с полихромной красочной росписью, имевшей орнаментальный характер, т.е. включавшей ритмически повторяющиеся, упорядоченно расположенные детали, символы, сюжетные образы, поддающиеся семиотической расшифровке. Встречены как образцы с контурной (обводка черной линией), так и бесконтурной росписью.

[470] ЦАИ–1995–пол. № 395.
[471] ГИМ–1984–2630/1239.
[472] ТГОМЗ–1989–пол. № 131, 192, 194.
[473] 1995(1а)–14–103; 15–134.
[474] ККМ–2002–пол. № 189.

ТИП 1. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИХРОМНОЙ ПОДЦВЕТКОЙ ПЯТНАМИ-”БРЫЗГАМИ” ЗЕЛЕНОГО И КРАСНОГО ЦВЕТА

Единственная на Руси находка такой керамики происходит из раскопок Софийского собора в Киеве (*Макарова*, 1967. С. 22, 64 (№ 72), табл. V, *8*)[475]. Обломок принадлежал чашке из неожелезненной (беложгущейся) глины. Аналогичная керамика известна в Константинополе и Коринфе, где датируется XI–XII вв. (*Stevenson*, 1947. P. 46, pl. 24, *5, 9*; *Morgan*, 1942. P. 84, pl. XVIII, *i*, fig. 555a), а также в Керчи и Саркеле (*Макарова*, 1967. С. 22).

ТИП 2. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ ПОЛОСАМИ ЗЕЛЕНОГО И КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТА

Полумайолика этого типа также изготавливалась из неожелезненной (беложгущейся) глины без видимых примесей, которую отличала от других изделий слоистость, хорошо заметная на изломе черепка. В некоторых случаях (за пределами Руси) отмечено присутствие в массе шамота (*Финогенова*, 1987. С. 196) и использование в качестве основы красной глины (*Morgan*, 1942. Fig. 52, 53). Подцветка зеленой и коричневой красками (окиси меди и железа) выполнена всегда в виде наклонных мазков кистью, с преобладанием зеленого цвета (*Morgan*, 1942. P. 71). Кувшины и чаши с подобным декором известны в Константинополе, Коринфе, Диногетии, Херсоне и Тамани в слоях XI в. (*Stevenson*, 1947. P. 53–54, pl. 23, *7–10*; *Morgan*, 1942. P. 71–72, fig. 178, pl. XVIII, *a-e*; *Barnea*, 1967. Fig. 149, *1, 2, 4, 9*; *Якобсон*, 1950. Табл. XXXV, *1*; *Финогенова*, 1987. С. 195–196, рис. 2, *5*).

На территории Древней Руси такая керамика найдена в 2 местах:

1. Великий Новгород – 1 обломок горловины кувшина, происходящий из слоя XI в. на Неревском раскопе[476] (рис. 38, *9*).
2. Вышгород – 2 обломка чаш[477] (*Макарова*, 1967. С. 22, 64).

Кроме того, известно о находке обломка кувшина этого типа на селище Днепровское у Днепровских порогов, т.е. уже за границами Древнерусского государства (*Макарова*, 1967. С. 22).

ТИП 3. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ ПОЛОСАМИ ЗЕЛЕНОГО И КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТА И ПЯТНАМИ-”БРЫЗГАМИ” ПУРПУРНОГО ЦВЕТА

В данном типе сочеталась декорировка, характерная для типов 2 (зелено-коричневые полосы на внешней поверхности) и 5 (пурпурно-коричневые “брызги” на внутренней, покрытой светло-желтой глазурью). В литературе этот тип не нашел отражения, однако трудно сомневаться в том, что его происхождение (Византия) и датировка (XI в.) идентичны типу 2.

Единственный обломок белоглиняной тонкостенной чаши этой разновидности происходит из Великого Новгорода, где он найден в переотложенном состоянии (в слое XIV в.) на Неревском раскопе[478] (цв. ил. 41, *7*; рис. 39, *1*).

ТИП 4. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИХРОМНОЙ ПОДЦВЕТКОЙ ПЯТНАМИ И ПОЛОСАМИ ЖЕЛТОГО И ПУРПУРНОГО ЦВЕТА

Единственным местом находки такой керамики является Москва (Китай-город). Два мелких обломка тонкостенного кувшина, изготовленного из розовой глины без видимых примесей, были глазурованы изнутри (полностью) и снаружи (частично). Находки происходят из культурного слоя XIV–XV вв.[479] По-видимому, такая керамика производилась в Причерноморье (Византии?).

ТИП 5. КЕРАМИКА С МОНОХРОМНОЙ РАСЦВЕТКОЙ ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВЫМИ ПЯТНАМИ И ШТРИХАМИ

Расцветка пятнами и штрихами пурпурно-коричневого цвета выполнялась разбрызгиванием по поверхности сосуда пигмента, окрашенного окисью марганца, после чего все изделие облицовывалось бесцветной (бледно-зеленоватой) глазурью. Все образцы этого типа относились к единственному виду (вид 9) керамики из ожелезненных (красножгущихся) глин, с ангобным покрытием. Полумайолика этого типа хорошо известна по находкам в Причерноморье (цв. ил. 42, *1*), где она широко датируется XIV–XV вв. (*Сазанов*, 1991. С. 85; *Белинский, Масловский*, 1998. С. 210, 218, рис. 15, *6*). Новейшие исследования в Азаке позволили установить, что временем массовго бытования этой керамики была первая половина XIV в. (*Масловский*, 2008. С. 96).

Подвид 9а. Керамика из розовой глины с примесью в тесто шамота в виде округлых включений кремового цвета.

Единственный обломок дна чаши на поддоне найден в Коломне, в слое золотоордынского времени[480] (цв. ил. 42, *2*; рис. 39, *5*).

Подвид 9б. Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.

Находки известны в трех городах, в слоях XIV–XV вв.:

1. Москва – 2 обломка кувшина[481], горло которого было украшено подангобной гравировкой (внутренняя поверхность ангобирована, но не глазурована) и 2 обломка чаши[482] (цв. ил. 42, *3*).

[475] СМЗ–1948–4892. Условия находки не известны.
[476] НГОМЗ–1953–34767 А78/107.
[477] Место хранения не известно. Происходят из раскопок 1936–1937 гг.
[478] НГОМЗ–1954–34767 А78/107.
[479] ЦАИ–1995–пол. № 20, 398.
[480] ККМ–1996–пол. № 318.
[481] ЦАИ–1995–пол. № 173, 182.
[482] ММК–1975–№ 518арх.

Рис. 39. **Византийская полумайолика с полихромной подглазурной росписью X–XI вв. (*1–4*, *7–10*) и XIV в. (*5–6*)**

А – ярко-зеленый (*1*), бурозеленый (*3*) и бирюзово-зеленый (*7*) цвет; Б – пурпурно-коричневые пятна (*1*, *5*) и черный цвет (*2–4*, *7–9*); В – пурпурно-коричневый (*1*) и желтый (*2*) цвета; Г – желто-коричневыйцвет; Д – красный цвет. *1*, *7* – Великий Новгород; *2*, *8–10* – Гнёздово; *3* – Киев; *4* – Старая Рязань; *5* – Коломна; *6* – Тверь (*7–9* – по Т.И. Макаровой)

2. Тверь – 2 обломка чаши с прямым краем[483] (цв. ил. 42, *4*; рис. 39, *6*).

3. Владимир-Волынский – верхняя часть кувшина[484].

[483] ТГОМ–1996–пол. № 126, 128.

[484] ЛИМ–1999–44011.

ТИП 6. ПОЛУМАЙОЛИКА С ПОЛИХРОМНОЙ (ЖЕЛТО-КОРИЧНЕВОЙ И ЗЕЛЕНО-БИРЮЗОВОЙ) РОСПИСЬЮ В ЧЕРНО-КОРИЧНЕВЫХ КОНТУРАХ

Керамика этого типа изготавливалась только из неожелезненной (беложгущейся) глины (видов 1 и 2). Роспись выполнялась непосредственно по белой поверхности сосуда, с последующей облицовкой тонкослойной бесцветной глазурью. Зеленая расцветка иногда имела бирюзово-голубой оттенок. Подобная керамика изготавливалась на территории Византии и известна по находкам из Константинополя, датированным X в. (*Stevenson*, 1947. P. 45–46, pl. 22, *3, 5*; *Hayes*, 1992. P. 36, pl. 8), и Коринфа, где она найдена в контекстах вплоть до XII в. (*Morgan*, 1942. P. 68–69). Восточные мотивы в росписи этой керамики заставляли предполагать место ее производства в Малой Азии и Сирии (*Morgan*, 1942. P. 68), а белоглиняная масса вызывала гипотезы о производстве в районе Никеи (Изника), где существовали запасы белых глин (*Rice*, 1965. P. 198). Однако анализы химического состава глин показали, что основа этой керамики отличается от изникских глин, но близка босфорскому месторождению белых глин в Арнавуткёй, применяемых и сегодня гончарами из Анадолу-Хисары (*Megaw*, *Jones*, 1983. P. 256, 258). Таким образом, происхождение этой керамики из Константинополя (или его ближайшей округи) представляется сегодня наиболее вероятным.

На территории Руси подобная керамика известна в пяти местах:

1. Гнёздовский курганный могильник, в трупосожжениях, датируемых не позднее X в. Всего известны 4 предмета, из которых 3 неоднократно публиковались:

– блюдце с изображением сэнмурва (собакоголового крылатого чудовища иранской мифологии) из Большого Гнёздовского кургана[485] (*Макарова*, 1967. Табл. II, *5*; 1972. Табл. I, *2*), раскопанного В.И. Сизовым, захоронение в котором датируется концом X в. (цв. ил. 42, *6*; рис. 39, *8*);

– кружка с геометрическим орнаментом из любительских раскопок конца XIX в.[486] (рис. 39, *9*) (*Макарова*, 1967. Табл. III, *1*);

– обломки блюда из погребения в кургане № 86 (раскопки С.И. Сергеева)[487] (рис. 39, *10*) (Макарова, 1967. Табл. II, *6, 7*; 1972. Табл. II, *4*).

Четвертому сосуду принадлежали 2 обломка чашки диаметром 8 см, происходившие из кургана 30 Ольшанской группы[488].

2. Гнёздовское поселение – 2 образца: обломки блюда (цв. ил. 42, *5*; рис. 39, *2*) и чашки[489].

3. Городище Рокот (Руднянский район Смоленской области) – обломок сосуда с подглазурной росписью коричневыми линиями (*Нефедов*, 2004. С. 180).

4. Киев – обломок кувшина[490] (цв. ил. 42, *8*; рис. 39, *3*).

5. Старая Рязань – край блюда (цв. ил. 42, *7*; рис. 39, *4*).

Орнаментика этих изделий, ее связь с искусством Византии и Востока, была подробно изучена Т.И. Макаровой (1967. С. 14–17; 1972. С. 5–7, табл. I, II), что избавляет нас от необходимости изложения этой темы. Существенно важно то, что датировки погребальных комплексов, из которых происходят эти находки, подтверждают хронологию такой керамики, полученную по результатам раскопок в городах Византии (X–XI вв.).

[485] ГИМ–1898–1537/207.

[486] ГИМ–1537/208.

[487] ГИМ–1901–1758/94, 98 (11 обломков блюда).

[488] МГУ–1988–пол. № 369.

[489] ГИМ–2000–№ 2748/89; МГУ–1971–4–пол. № 101.

[490] МИК–1988–А4901/111.

ТИП 7. ПОЛУМАЙОЛИКА С ПОЛИХРОМНОЙ (ЖЕЛТОЙ, БИРЮЗОВОЙ, КРАСНОЙ И ЧЕРНО-КОРИЧНЕВОЙ) РОСПИСЬЮ

Отличием данного типа от предыдущего было использование в декоре пятен-”брызг” красного ангоба для декорировки фона. Черно-коричневая краска использовалась только для нанесения контуров рисунка. Изготавливалась эта керамика также из неожелезненной (белой) глины. В Коринфе и Константинополе ее находки датируются IX–XI вв. (*Rice*, 1930. P. 10; *Morgan*, 1942. P. 64–67, fig. 48; *Stevenson*, 1947. P. 47; *Hayes*, 1992. Pl. 8). В Восточной Европе такая керамика известна на Таманском городище, в Керчи и Саркеле (*Макарова*, 1967. С. 15, табл. III, 5; *Шелковников*, 1959а. С. 292–294; *Финогенова*, 1987. С. 194, рис. 2, *2*).

На Руси обнаружена только одна находка керамики этого типа (из Великого Новгорода) – это обломок дна литургической чашки-κυλιχνια с изображением креста (*Макарова*, 1967. С. 13, табл. II, *1*; *Залесская*, 1984. С. 217), происходящий из слоя конца X в.[491] (рис. 39, *7*).

По мнению Т.И. Макаровой, к этому же типу принадлежала миска “с вычурно муравленым дном” и “розеткой зеленого и красного цвета” из погребения (?) в Киеве, упомянутая И.А. Хойновским (*Макрова*, 1967. С. 13).

ТИП 8. ПОЛУМАЙОЛИКА С ПЯТИЦВЕТНОЙ РОСПИСЬЮ В ЧЕРНО-КОРИЧНЕВЫХ КОНТУРАХ

Керамика этого типа изготавливалась только из неожелезненных (беложгущихся) глин. От предыдущего типа она отличалась добавлением темно-синего (ультрамаринового) и пурпурно-коричневого (иногда почти черного) оттенков. Таким образом, роспись здесь производилась ультрамариновой, бирюзово-зеленой и пурпурно-коричневой прозрачными *глазурями*, а также красным матовым ангобом, с подцветкой отдельных деталей рисунка желтым красителем (вероятно, окисью железа). Технология изготовления такой керамики была очень сложна и включала не менее трех этапов:

1. обжиг неглазурованного изделия;

2. нанесение черно-коричневых контуров и цветных глазурей (синей, коричневой, бирюзовой), с закрепляющим вторым обжигом;

3. нанесение желтой и бирюзовой подцветки, красного ангоба и облицовка всего изделия тонким

[491] Место хранения не известно.

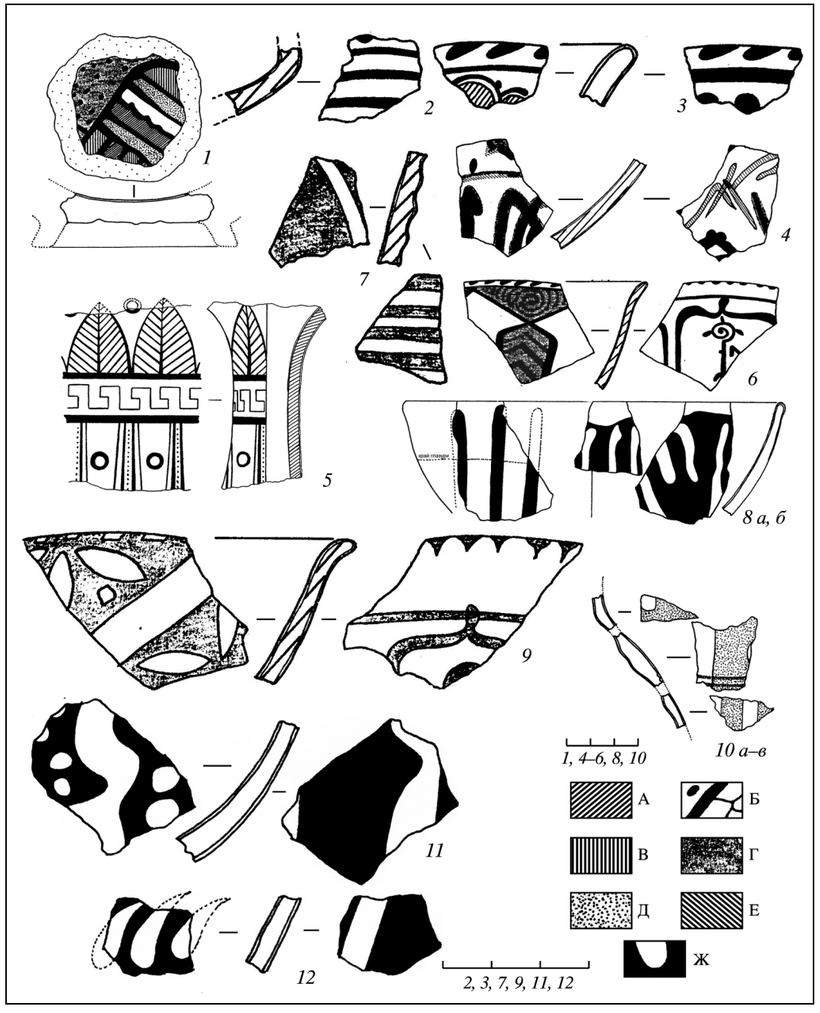

Рис. 40. **Византийская и причерноморская полумайолика с подглазурной росписью красками (*1–6*, *9*) и белым ангобом (*7*, *8*, *10–12*) X–XI вв. (*1*) и XIV–XV вв. (*2*, *12*)**

А – бирюзово-зеленый (*1*) и розово-бежевый (*2*) цвет; Б – черный (*1–3*, *5*) и красный (*4*) цвет; В – темно-коричневый цвет; Г – пурпурно-коричневый цвет; Д – желтый цвет; Е – зеленый цвет; Ж – роспись белым ангобом по цветному фону. *1* – Великий Новгород; *2*, *4–7*, *9* – Москва; *3*, *8*, *10* – Коломна; *11*, *12* – Переяславль-Рязанский

слоем бесцветной прозрачной глазури, с закрепляющим третьим обжигом.

Такая керамика редко встречается даже в Византии, а ее датировка и происхождение столь же неясны, как и для предыдущих двух типов. Материалы Константинополя и Коринфа позволяли датировать ее в очень широких пределах от X до XII в. (*Morgan*, 1942. P. 67–69; *Rice*, 1965. P. 197). Эта неопределенность вызвала к жизни гипотезу Б.А. Шелковникова о производстве такой посуды в Древней Руси, в частности в Киеве (*Шелковников*, 1955), необоснованность которой была убедительно доказана Т.И. Макаровой (*Макарова*, 1967. С. 19–20), приведшей аналогии декору керамики этого типа в архитектурной (облицовочные плитки) и культовой (керамические иконы) полумайолике IX–X вв. из Византии и Болгарии (Патлейна, Тузлалак) (*Totев*, 1976. С. 8–15). Орнаментика этой керамики тесно связана с Востоком (*Rice*, 1965. P. 199–210; *Макарова*, 1967. С. 19–20). Современные исследователи считают преждевременным сужение датировки образцов этого типа в пределах X–XII вв. (*Залесская*, 1985. С. 7). В Причерноморье такая полумайолика найдена в Диногетии (*Barnea*, 1967. Fig. 148, *2, 8, 9, 11, 12*), Херсонесе и Тамани (*Финогенова*. 1987. С. 197, рис. 2, *9–14*; *Шелковников*, 1955. Рис. 2).

На территории Древней Руси полумайолика этого типа известна только в трех местах:

1. Великий Новгород – 1 обломок дна блюда или тарелки, происходящий из слоя середины X в. на Троицком раскопе[492] (цв. ил. 44, *1*; рис. 40, *1*).

2. Киев – обломок тарелки[493] с изображением птицы (*Макаренко*, 1930. Цв. вкл.; *Рыбаков*, 1948б. Рис. 209, *1*; *Шелковников*, 1955. Рис. 1) был найден здесь еще в 1911 г. при земляных работах и не имеет стратиграфической датировки. Интересной особенностью этой тарелки является наличие на ее внешней (частично неглазурованной) поверхности, а также на нижней (неглазурованной) стороне дна хаотично разбрызганных пятен красного ангоба (цв. ил. 43).

3. Полоцк – 3 обломка блюда (*Лавыш*, 2008. Рис. 58, 60), на внутренней поверхности которого было изображено какое-то животное (цв. ил. 44, *6*).

ТИП 9. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИХРОМНОЙ (ЧЕРНОЙ И РОЗОВОЙ) КОНТУРНОЙ РОСПИСЬЮ

Керамика этого типа представлена единственным обломком края чаши, изготовленной из светло-красной глины (близкой ФМНВТ). Находка происходит из раскопок в Коломне (слой золотоордынского времени)[494].

Роспись выполнена темно-серой краской, имеющей зеленоватый оттенок, а отдельные элементы выделены розовато-бежевым ангобом (рис. 40, *3*). Аналогии этой керамики не известны, но отмеченное сходство формовочной массы, красителя и некоторая стилистическая близость декору золотоордынских полихромных полуфаянсов (например, пятна черной краски по самому краю чаши) заставляют предполагать происхождение этого сосуда из золотоордынского Поволжья XIV в.

ТИП 10. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИХРОМНОЙ (ЗЕЛЕНОЙ И ПУРПУРНО-КОРИЧНЕВОЙ) РОСПИСЬЮ

В XII–XIII вв. в Византии продолжала изготавливаться керамика с зелено-коричневой росписью по основе из неожелезненных (беложгущихся) глин, близкая изделиям типа 2 (от которой, возможно, и вела свое происхождение эта новая разновидность). Однако, в отличие от этих ранних раскрашенных изделий, здесь декор состоял из орнаментальных мотивов (изображений животных и птиц) и различных геометрических фигур. Керамика этого типа была распространена в Византии (*Stevenson*, 1947. Pl. 23, 24; *Hayes*, 1992. P. 30–33, pl. 7) и городах Северного Причерноморья (*Романчук*, 2003. Табл. 195–205, 227, *6*). Широко известна бутыль из Чингульского кургана (середины XIII в.), на которой была нанесена роспись в виде мазков и потеков зеленой и коричневой красок (цв. ил. 41, *4*), что сближает ее с изделиями типа 2.

На территории Руси керамика этого типа известна пока только в Киеве, где найдены 7 обломков от чаши и двух блюд[495] с росписью в виде дуг, кругов, вертикальных полос и “елочек” (цв. ил. 41, *5, 6, 8*). Совершенно аналогичные изделия известны по раскопкам в Константинополе в контекстах второй половины XII – начала XIII в. (*Stevenson*, 1947. Pl. 23, *3*; 24, *2, 5, 11*).

ТИП 11. ПОЛУМАЙОЛИКА С БИХРОМНОЙ (ЗЕЛЕНОЙ И ЖЕЛТО-КОРИЧНЕВОЙ) РОСПИСЬЮ

В Московском Кремле, в слое золотоордынского времени[496], обнаружен обломок стенки чаши из коричнево-красной глины, насыщенной большим количеством крупного (возможно, речного) песка, добавленного в тесто. Из-за недостаточно качественного обжига черепок имел неоднородную окраску и низкую плотность. Чаша имела двустороннее покрытие белым ангобом, бесконтурная роспись была выполнена зеленой и желто-коричневой глазурями с излишним количеством красителя и последующей облицовкой чаши бесцветной глазурью (цв. ил. 44, *2*; рис. 40, *4*). Необычный состав теста и орнаментация этой чаши, которым нет прямых аналогий, не позволяют пока установить место ее производства. Вместе с тем, зелено-коричневая гамма росписи указывает на византийскую традицию декора. Производящий центр полумайолики этого типа мог находиться либо на территории Золотой Орды, где применялись изредка глины с грубыми примесями (*Булатов*, 1976а. С. 74), либо где-то в Малой Азии. Датироваться такая керамика может в пределах XIV–XV вв.

В литературе имеются сведения о находке на городище Черновка (Буковина, Украина), обломков белоглиняного блюда с зеленой бесконтурной росписью под желто-коричневой глазурью (*Возний*, 1997. С. 138), но, поскольку изображения и подробные описания этих находок не изданы, делать выводы о типовой принадлежности такого сосуда преждевременно.

ТИП 12. ПОЛУМАЙОЛИКА С КРАСНО-КОРИЧНЕВОЙ РОСПИСЬЮ

Все образцы относились к керамике из ожелезненной (красножгущейся) глины с естественной примесью мелкого песка (вид 8). Роспись красно-коричневым ангобом наносилась на белую ангобную подгрунтовку.

Подвид 8а. Керамика из красно-коричневой глины неполного обжига (на изломе черепок трехслойный, с черной полосой недообожженной глины)

[492] НГОМЗ–1978–30504 А67/225.
[493] Музей Б. и В. Ханенко–№ 709 БВК.
[494] ККМ–1995–пол. № 253.
[495] 2001 (Рейтарская,4)–пол. № 156, 157, 158, 168.
[496] ММК–1965–НВ1301.

Единственный образец такой керамики найден в Москве (Китай-город), в слое XIV–XV вв.[497] Это обломок чаши, покрытой бледно-желтоватой глазурью, с росписью, имитировавшей гравировку толстой линией на наружной стороне и гравировку в выемчатой технике изнутри чаши (рис. 40, *9*). Орнаментация внешней стороны чаши в виде лепестков лотоса, стилизованных в манере конца XIV–XV вв. определяет ее датировку. Для выяснения происхождения чаши интерес представляет полумайолика с коричневой росписью из города Загеми в Восточной Грузии, существовавшего в конце XIV – начале XVII в. (*Чилашвили*, 1980. Табл. 13). Вместе с тем, тесто чаши похоже на формовочную массу керамики золотоордынских городов Поволжья XIV в. Отсутствие точных аналогий не позволяет уверенно атрибутировать этот уникальный образец керамического искусства, однако его золотоордынское происхождение кажется наиболее вероятным.

Подвид 8б. Керамика неравномерного окислительно-восстановительного обжига (черепок имеет на изломе от двух до четырех чередующихся прослоек серого и коричнево-красного цвета).

Один образец подобной керамики найден в Московском Кремле в слое XIV–XV вв.[498] – это обломок узкогорлой бутыли, покрытой чуть зеленоватой глазурью (соединение с ангобной основой слабое). Необычный для полумайолики рисунок в виде лепестков лотоса и меандра (цв. ил. 44, *4*; рис. 40, *5*) абсолютно идентичен декору редкой разновидности китайского фарфора с красной подглазурной росписью (“yu-li-hung”), датируемой второй половиной XIV–XV в. (Oriental Art, 1973. P. 349, 367; *Medley,* 1974. Pl. 51–56, p. 59, 60; *Lion-Goldschmidt*, 1975. Fig. 21–23, 42–44, 62, 63, 84; *Charleston*, 1979. Fig. 140. (цв. ил. 44, *5*). Аналогичный декор можно видеть и на синхронном сине-белом фарфоре XV–XVI вв. (*Pope*, 1956. Pl. 54, 99, 109). Меандровый узор являлся одним из излюбленных орнаментов на китайской керамике, тканях, бронзах (*Williams*, 1960. P. 35, 38, 47, 80). Панели с кругами (стилизации лепестков лотоса, называемые “ба да ма”) известны только на китайском фарфоре XIV–XV вв. (*Pope*, 1956. Pl. 12, 24, 25; *Wang Qingzheng*, 2002. P. 257). Полумайолика, имитирующая китайский фарфор с красной росписью, до сих пор не была известна. Сходство формовочной массы московского образца с красноглиняной керамикой поволжских центров Золотой Орды, в частности, Селитренного городища (на котором, кстати, был найден и обломок китайского фарфора “yu-li-hung”[499]), позволяет предполагать, что наиболее вероятным местом производства этой редкостной имитации китайской керамики являлся один из столичных центров Золотой Орды. Датировка сосуда может быть ограничена концом XIV – началом XV в., так какпозже красная роспись на фарфоре была вытеснена синей и вряд ли уже могла послужить образцом для подражаний, а сами ордынские центры пришли в упадок.

ТИП 13. ПОЛУМАЙОЛИКА С МОНОХРОМНОЙ КОРИЧНЕВО-ЧЕРНОЙ РОСПИСЬЮ

Вид 1. **Керамика из неожелезненной (желтовато-белой) глины.**

Единственный образец такой керамики найден в Московском Кремле в слое золотоордынского времени[500]. Это обломок края чаши с двусторонней росписью под бесцветной тонкослойной поливой с очень мелким цеком. Роспись выполнена коричнево-черной краской, в расплывах дающей зеленоватый шлейф (цв. ил. 44, *3*; рис. 40, *6*). При отсутствии полных аналогий, датировка чаши в пределах конца XIV–XV вв. определяется орнаментацией внешней стороны лепестками лотоса, стилизованными в виде “фигурной скобки”, появившейся, как уже отмечалось выше, на восточной керамике не ранее второй половины XIV в. Светлоглиняная полумайолика известна для этого периода в небольших количествах на всех золотоордынских городищах (*Булатов*, 1976а. Табл. 1). Одним из вероятных мест производства такой керамики мог быть город Отрар на Сыр-Дарье, где известны аналогии отдельным мотивам орнаментации московского образца, например, панели со спиралями (Керамика..., 1991. № 164, 165, 171, 176; *Байпаков, Алдабергенов*, 2005. С. 175, 219).

Вид 7. **Керамика из ожелезненных (красных) глин.**

Представлена единственной находкой обломка чаши в Московском Кремле, в слое золотоордынского времени[501]. Монохромная черно-коричневая роспись в виде параллельных горизонтальных полос на внешней стороне стенки не имеет надежных аналогий (рис. 40, *2*). По цвету и составу формовочной массы (с примесью крупного и среднего песка) этот образец схож с изделиями типов 11 и 12 (подвид 8а). Возможно, эта керамика производилась в XIII–XIV вв. в золотоордынском Поволжье или Причерноморье.

ГРУППА 4. ПОЛУМАЙОЛИКА С РОСПИСЬЮ БЕЛЫМ АНГОБОМ

Роспись густым белым ангобом давала слегка рельефный рисунок, который под цветной глазурью выглядел светлым, а красный фон черепка – темным (коричневым или буро-зеленым, в зависимости от цвета глазури). Подобная керамика изготавливалась во многих странах Востока в XI–XIII вв., но широкого распространения не получила. Более популярным такой декор стал в XIV–XV вв., распространившись от Афганистана до Малой Азии (*Левиатов*, 1949. С. 140; *Charleston*, 1979. P. 94) и юга Восточной Европы. Хорошо известна эта керамика в золотоордынских городах Поволжья в контекстах середины – второй половины XIV в. (*Булатов*, 1976а. С. 79–81, табл. II), в Крыму и на Тамани – в комплексах XIII–XV вв. (*Финогенова*, 1987. С. 207, рис. 9; *Якобсон*, 1979. С. 144, рис. 91; Византийский Херсон, 1991. № 207, 208, 248; *Романчук*, 2003. Табл. 1, *11*).

Все образцы этой керамики, найденные на Руси, изготовлены из ожелезненных (красножгущихся) глин.

ПОДГРУППА А. ПОЛУМАЙОЛИКА С БЕСЦВЕТНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Из-за загрязненности глазури различными примесями она обычно имела бледно-зеленоватый или бледно-желтоватый оттенок

Вид 7. **Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.**

1. Киев – 4 обломка тарелки с растительным орнаментом на внутренней поверхности под бледно-желтоватой глазурью и тонким слоем белого ангоба на внешней (глазурь там была нанесена только вдоль края) (цв. ил. 45, *1*). Контекст находки относится к домонгольской эпохе. Аналогичная керамика известна в Византии с XII в. (*Papanikola-Bakirtzi*, 2002. Fig. 359, 369; Kalanlar, 2007. P. 137).

2. Переяславль-Рязанский – 1 мелкий обломок сосуда закрытой формы[502], с ангобной росписью на внешней поверхности и облицовкой внутренней стороны бледно-зеленоватой глазурью по ангобу, был найден в слое второй половины XIII в. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 131–132, 135, рис. 3, *6*).

Вид 8. **Керамика из формовочной массы с обильной примесью мелкого песка.**

Коломна – 3 обломка кувшина[503] из розовой глины с гравировкой по основе, поверх которой проводилась роспись вертикальными широкими полосами-потеками белого ангоба (рис. 40, *10*). Внешняя и внутренняя поверхности кувшина были покрыты бледно-желтоватой глазурью с мелким цеком. Находки происходят из слоев XV в.

Декор этого сосуда близок керамике, изготавливавшейся во многих районах Золотой Орды и Причерноморья в XIV–XV вв. (*Кравченко*, 1986. Рис. 25, *2*), однако его формовочная масса существенно отличается от использовавшихся в золотоордынском Поволжье и других известных центрах Северного Причерноморья.

Вид 9. **Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.**

Единственная находка известна в Коломне в слое золотоордынского времени – это 2 обломка чаши[504], украшенной по внутренней поверхности неровными вертикальными полосами-потеками белого ангоба, а по наружной – вертикальными каннелюрами, прочерченными по сплошной ангобной облицовке инструментом шириной около 0,5 см (рис. 40, *8*). Полумайолика такого облика изготавливалась во второй половине XIII–XV вв. в Византии и Причерноморье, в частности – в Крыму (*Романчук*, 2003. Табл. 6, *19*. и Аккермане (*Кравченко*, 1986. Рис. 25, *1*).

ПОДГРУППА Б. ПОЛУМАЙОЛИКА С ЗЕЛЕНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

1. Переяславль-Рязанский – 2 обломка чаши[505] (цв. ил. 45, *2*; рис. 40, *11, 12*), изготовленной из формовочной массы нижневолжского типа и покрытой росписью ангобом, включающей такие элементы, как ряды каплеобразных изогнутых фигур (стилизованных ныряющих рыбок), дублирующие декор полихромных полуфаянсов с росписью ангобом. Аналогичный рисунок известен на полумайоликовых чашах из нижневолжских центров Золотой Орды (*Булатов*, 1976а. Табл. 2, *6*).

2. Владимир-Волынский – обломок дна чаши с аналогичным декором[506].

ПОДГРУППА В. ПОЛУМАЙОЛИКА С ЖЕЛТОЙ ГЛАЗУРЬЮ

В этой подгруппе присутствует только одна находка (два мелких обломка) из Московского Кремля, происходящая из слоя XIII в.[507] (*Воронин*, 1959. С. 72–73, 77). Обломки принадлежали тонкостенному блюду из плотной темно-красной глины[508]. Обе поверхности украшены горизонтальными параллельными и волнистыми линиями белого ангоба под темно-желтой поливой (рис. 40, *7*). По тесту этот сосуд близок византийской керамике XII в., а его орнаментация аналогична полумайолике сельджукской Малой Азии и Крыма XIV–XV вв. Подобная керамика найдена, например, при раскопках в турецком Изнике (византийской Никее) в контекстах XIV в. (*Aslanapa*, 1971. P. 214). Вероятно, московский образец можно рассматривать в качестве продукции того производящего центра, который несколько ранее изготавливал в Византии так называемую “зевксиппову” керамику.

---

[497] ЦАИ–1995–пол. № 204.

[498] ММК–1975–47433/519.

[499] Образец такой керамики (с шифром СГ–1975) Уч. 59. Шт. 2. № 162. из раскопок Г.А. Федорова-Давыдова был любезно показан нам в ГИМ Г.Ф. Поляковой.

[500] ММК–1963/5–47480/566.

[501] ММК–1988–пол. № 42з.

[502] РГИАМЗ–1994–1–пол. № 94.

[503] ККМ–1995–пол. № 209, 352.

[504] ККМ–1994–пол. № 100а, 190.

[505] РГИАМЗ–1956–пол. № 53, 70.

[506] ЛИМ–1999–43636.

[507] МИГМ–1959–24661/447, 448.

[508] Этот сосуд был изготовлен из формовочной массы “зевксипповой” керамики вида 1 (см. ниже ее описание).

ГРУППА 5.
ПОЛУМАЙОЛИКА С ДЕКОРОМ, ГРАВИРОВАННЫМ ПО АНГОБУ (“СГРАФФИТО”)

Вся керамика этой группы изготавливалась исключительно из ожелезненных (красножгущихся) глин, облицовывалась белым ангобом и украшалась гравированными рисунками. Такая техника декора носит название “*сграффито*”: она заключалась в процарапывании (гравировке) рисунка по слою сырого белого ангоба заостренной палочкой, в результате чего обнажавшаяся красная основа резко контрастировала с белым фоном. Под окрашенными глазурями красный цвет глины приобретал более глубокие оттенки (коричневый, бурый, черный), в отличие от светлого фона, который приобретал цвет кроющей глазури.

Кроме линейной гравировки острием, был известен также декор в *“выемчатой” техник*е, когда ангоб удалялся не линейно, а большими площадями. Самая распространенная разновидность этой техники называется *“резервом”* – прием, при котором ангоб удалялся на большой площади вокруг контуров рисунка с целью его контрастного выделения на темном фоне.

Полумайолика сграффито (в монохромном зеленом варианте) впервые появилась в Иране в X–XI вв. (*Pope, Ackerman*, 1965. Pl. 583–588, 622–623; *Watson*, 2005. P. 253), в XII–XIII вв. она завоевала популярность в Египте, Сирии, Византии, Италии. В XIV–XV вв. такая керамика становится общераспространенной в Италии и Восточном Средиземноморье, Причерноморье, бытует на Балканах, в Средней Азии, Закавказье, Золотой Орде. В последующую эпоху этот способ орнаментации применялся в основном на Балканах.

ПОДГРУППА А.
ПОЛУМАЙОЛИКА С БЕСЦВЕТНОЙ ИЛИ БЛЕДНО-ЗЕЛЕНОВАТОЙ (-ЖЕЛТОВАТОЙ) ГЛАЗУРЬЮ

ТИП 1. ПОЛУМАЙОЛИКА С РИСУНКОМ “СГРАФФИТО”, ВЫПОЛНЕННЫМ ТОНКОЙ ЛИНИЕЙ

Толщина гравированных линий на изделиях этого типа не превышала 1 мм. Все эти изделия принадлежали к **виду 7 – керамике из формовочной массы византийско-причерноморского типа** (без видимых примесей или с редкими мелкими включениями карбонатов). Единственным известным на Руси *вариантом* такой керамики является *полумайолика “медальонного” и “спирального ”стилей* (по Ч. Моргану), изготавливавшаяся в Византии в середине – второй половине XII в. Отличительной особенностью этого варианта были концентрические пояса с зигзагообразными растительными побегами и большие круглые медальоны с “чешуйчатым” заполнением фона рисунка, а также специфическая профилировка блюд с прямым вертикальным краем (*Morgan*, 1942. P. 147–157, fig. 22, *a, b, e*; 121, *c*; 125, pl. XLVIII, *b*; XLIX, *l*; XL, *a*; XLIV, *b*). Центров производства такой керамики могло быть несколько, одним из них был Коринф, где найдены полуфабрикаты ее производства (*Morgan*, 1942. P. 149).

Подобная полумайолика найдена на Руси в четырех местах:

1. Киев – 5 обломков от четырех блюд. Один из них происходит из раскопок М.К. Каргера в Софийском соборе в 1946 г.[509] и отличается снежно-белым ангобом и совершенно бесцветной глазурью[510] (цв. ил. 46, *5*; рис. 41, *2*). Два обломка от другого блюда[511] найдены при раскопках на Подоле в комплексе XII в. (*Пекарская, Климовский*, 1990. С. 14, 15, фото 37) (цв. ил. 46, *1*; рис. 41, *3*). Еще 2 обломка от аналогичных блюд (цв. ил. 46, *6*) были найдены при раскопках последних лет[512].

2. Белгород-Киевский (современное С. Белгородка под Киевом) – 5 обломков[513] от двух различных блюд (цв. ил. 46, *2*; рис. 41, *1*), происходящие из раскопок В.В. Хвойки 1909–1914 гг. (*Булгакова*, 1995. С. 83–84).

3. Чернигов – обломок стенки блюда с декором в “спиральном стиле”[514].

4. Галич – мелкий обломок дна чаши[515].

ТИП 2. ПОЛУМАЙОЛИКА С РИСУНКОМ “СГРАФФИТО”, ВЫПОЛНЕННЫМ С СОЧЕТАНИЕМ ТОЛСТЫХ И ТОНКИХ ЛИНИЙ

Использование толстых (более 1 мм) линий при исполнении рисунка “сграффито” является хронологическим признаком полумайолики XIII–XV вв., хотя самые ранние ее образцы известны уже в XII в. (*Макарова*, 1967. С. 26). Производилась такая керамика в Византии и странах с провинциально-византийской культурой (Крым, Закавказье, Сирия и т. д.).

***Вид 7*. Керамика из плотной темно-красной глины без видимых примесей** (цв. ил. 1, *10*).

1. Туров – здесь в предматериковом слое XII в. обнаружен обломок края тарелки[516], покрытой бледно-зеленоватой глазурью (цв. ил. 46, *8*; рис. 41, *4*) (*Полубояринова*, 1963. С. 47, рис. 11, *1*). Полные аналогии рисунку этого сосуда имеются на византийской керамике второй половины XII – первой половины XIII в. (*Megaw*, 1968. Pl. 14–17, 19, 20), в том числе – найденной в Херсонесе (*Якобсон*, 1979. С. 128, рис. 78, *1, 4*; *Романчук*, 2003. Табл. 180–185, 189, 192), что позволяет относить эту тарелку к одной из разновидностей большой группы византийской полумайолики, условно называемой “Zeuxippus Ware” (“Зевксиппова керамика”) по месту первых ее находок при раскопках терм Зевксиппа в Константинополе.

Весьма характерную сильноожелезненную глину без примесей, из которой изготовлена эта керамика, будем в дальнейшем называть *формовочной массой византийской “Зевксипповой керамики” варианта 1* (ФМЗ–1).

2. Беларусь – обломок дна блюда, происходящий из сборов на территории Беларуси[517] (цв. ил. 46, *7*). В центре дна этого блюда был помещен круглый медальон с параллельными волнистыми линиями. Такой мотив часто встречается на “Зевксипповой” керамике (*Megaw*, 1968. Pl. 14, *c.3*; 15, *a.7010*; *Романчук*, 2003. Табл. 170; 177, *471*).

3. Чернигов – 3 обломка чаши[518] (цв. ил. 46, *3*).

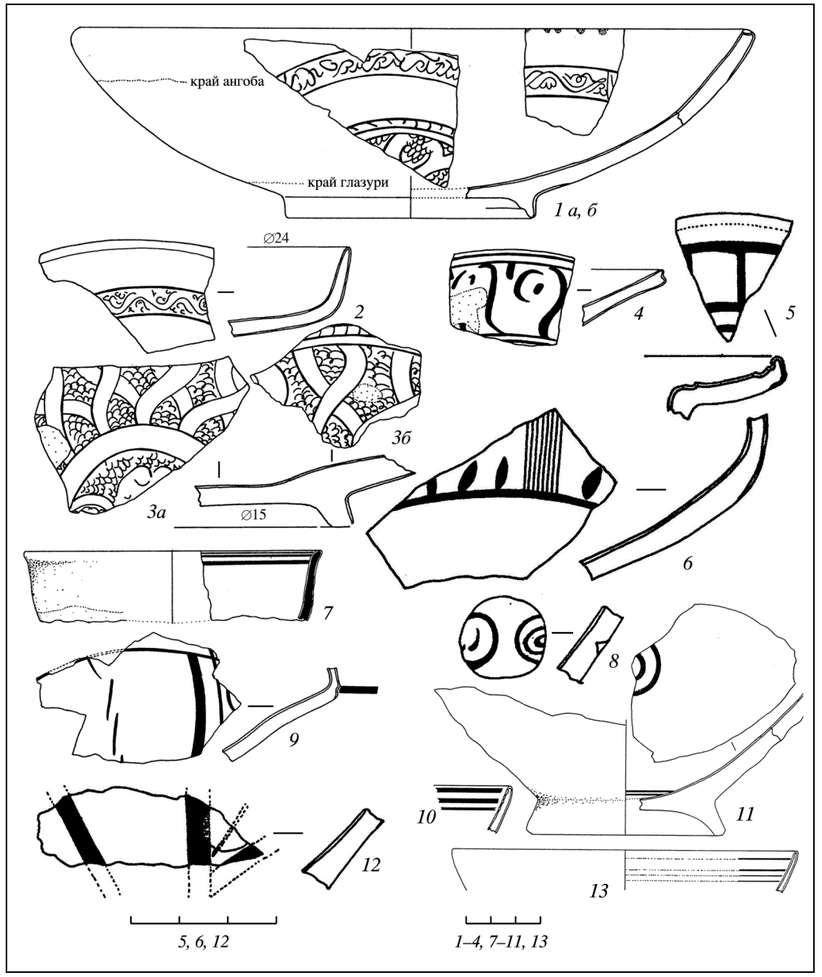

Рис. 41. **Византийская полумайолика “сграффито” XII в. (*1–3*), XIII в. (*4–7*, *10–13*) и XIV в. (*8*, *9*, *12*)**

1 – Белгород-Киевский; *2*, *3* – Киев; *4* – Туров; *5* – Серенск; *6* – Владимир; *7* – Великий Новгород; *8*, *9*, *12* – Коломна; *10*, *11*, *13* – Переяславль-Рязанский

---

[509] ГЭ–1946–Эра-5а/288.

[510] Этот образец был опубликован вместе с находками из раскопок Десятинной церкви (*Залеська и др.*, 1996. С. 203. № 3), хотя из шифра на вещи явствует, что она происходит из раскопок 1946 г., когда на Десятинной церкви работ не проводилось, а исследовался Софийский собор. Кроме того, нельзя согласиться с предложенной в указанной публикации датировкой образца XIII–XV вв., приписывании его производству Анатолии и характеристикой в качестве “белоглиняного”, поскольку сосуд был изготовлен из красной глины и лишь облицован белым ангобом.

[511] МИК–1990–4913/59 (2 шт.).

[512] 2001 (Майдан Незалежности)–4–пол. № 8012; (ул. Бол. Житомирская, 20)–1–пол. № 360.

[513] НМИУ–1909/14 (В-1/1253–1255, 1257, 1258).

[514] ЧИАМЗ–2002 (Елецкий монастырь. Шурф 3)–б/№.

[515] ЛИМ–1987 (уроч. Церквисько)–1–б/№.

[516] НМИКБ–1961–8828/146.

[517] Учебный музей истфака Белорусского госуниверситета (место находки не установлено)

[518] 1998 (ул. Кирпоноса, 7)–пол. № 213, 258, 259.

***Вид 8*. Керамика из плотной ожелезненной (красножгущейся) глины с примесью мелкодисперсного песка (несколько напоминающей формовочную массу нижневолжского типа).**

1) Тверь (Затьмацкий посад) – 2 обломка от одного кувшина[519], внутренняя поверхность которого была покрыта бесцветной глазурью.

2) Коломна – 3 обломка[520] от 2 чаш и сосуда горшковидной профилировки (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 296. Рис. 5, *4*; 6, *7*)

***Вид 9*. Керамика из ожелезненной глины с искусственными примесями.**

Подвид 9а. Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.

Орнаментика изделий этого подвида была упрощенной и состояла из стилизованных растительных мотивов. Внутренняя поверхность чаш и блюд покрывалась бледно-желтоватой глазурью, тогда как внешняя часто несла светло-зеленую глазурь. Подобная полумайолика была распространена в Северном Причерноморье в XIII–XIV вв. Ее находки известны на Руси в трех местах:

1. Москва – 3 обломка чаш или мисок[521] из слоев XIV–XV вв. (*Беляев, Векслер*, 1996. Рис. 7, *14*). Образец из Кремля (с карбонатными включениями в тесте) относился к миске с вертикальным краем, форма которой характерна для керамики средневекового Причерноморья, в том числе Крыма (*Якобсон*, 1979. Рис. 89, *2, 3* и др.).

2. Киев – 1 обломок стенки чаши[522], найденный при раскопках Десятинной церкви.

3. Владимир-Волынский – развал миски[523].

Подвид 9б. Керамика из формовочной массы с примесью красного и черно-коричневого шамота.

Владимир-Волынский – обломок края тарелки[524] (цв. ил. 46, *4*). Судя по двустороннему ангобированию и глазурованию, эта тарелка происходила из Византии

ПОДГРУППА Б. ПОЛУМАЙОЛИКА, ПОКРЫТАЯ ЗЕЛЕНОЙ ГЛАЗУРЬЮ

ТИП 1. ПОЛУМАЙОЛИКА С РИСУНКОМ “СГРАФФИТО”, ВЫПОЛНЕННЫМ ТОНКОЙ ЛИНИЕЙ

В Киеве при раскопках Десятинной церкви были найдены 2 обломка чаши[525] (*Залеська и др.*, 1996. С. 203, № 6, 7) из формовочной массы вида 8 (с примесью мелкого песка к красножгущейся глине, близкой ФМНТ). На этих обломках сохранился орнамент, нанесенный тонкой линией (цв. ил. 47, *8*). Декор этой чаши заметно отличается от продукции Золотой Орды, сближаясь с изделиями закавказского и ближневосточного происхождения X–XII вв., известными по находкам в Билярe (Волжская Булгария) (*Валиулина*, 1991. С. 87, 88, рис. 3, *1*; 2005. Рис. 45, *9*). Впрочем, похожая керамика изготавливалась и в Византии в XII в. (*Papanikola-Bakirtzi*, 1999. № 12, 13).

ТИП 2. ПОЛУМАЙОЛИКА С РИСУНКОМ “СГРАФФИТО”, ВЫПОЛНЕННЫМ С СОЧЕТАНИЕМ ТОЛСТЫХ И ТОНКИХ ЛИНИЙ

Подобная керамика производилась в Византии, странах Причерноморья и золотоордынском Поволжье и Северном Причерноморье в XIII–XIV вв. (*Якобсон*, 1979. С. 133, 142, рис. 89; *Булатов*, 1976. С. 85–92, табл. III, IV; *Абызова и др.*, 1981. С. 59, рис. 22; *Финогенова*, 1987. С. 208).

***Вид 7*. Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.**

1. Москва – 3 обломка[526] найдены в Кремле и Китай-городе в слоях XIV-XV вв. Все они принадлежали мискам с вертикальным или слегка наклонным внутрь сосуда краем, характерным для провинциально-византийской полумайолики из причерноморских центров (*Романчук*, *Перевозчиков*, 1990. Рис. 5; 10, *1*; 12).

2. Владимир – 1 обломок перегоревшей в пожаре чаши[527] (рис. 41, *б*).

2. Коломна – 1 обломок чаши[528].

3. Серенск – 1 обломок тарелки[529] из верхнего слоя городища, датируемого XIV–XVI вв. (цв. ил. 47, *4*; рис. 41, *5*).

4. Лавское селище (близ г. Ельца Липецкой области) – обломок блюда[530], внешняя поверхность которого была лишена ангоба и глазури. Декор состоял из двух горизонтальных параллельных гравированных линий под светло-зеленой глазурью. Такое декоративное решение не характерно для изделий XIV в. и более поздних, но его можно встретить на византийской керамике второй половины XII–XIII в. (например, на “Zeuxippus Ware”).

5. Нижний Новгород – 2 обломка чаш из комплексов середины – второй половины XIV в. Одна из чаш была изготовлена из ярко-красной глины[531], вторая – из глины бежевого оттенка с мелкими включениями кремового шамота[532]).

[519] ТГОМ–1996–29–пол. № 183, 243.
[520] ККМ–1997–пол. № 13; 2001–пол. № 195; 2002–пол. № 168-б.
[521] МИМ–1992 (Казанский собор)–пол. № 356; ММК–1988 (Кремль)–пол. № 5; ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 71.
[522] ГЭ–1949–Эра-5а/311.
[523] ЛИМ–2000–№ 44878.
[524] ЛИМ–1999–№ 43635.
[525] ГЭ–1938/9–Эра-5а/281, 282.
[526] ММК–1995–пол. № 225; ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 33, 48.
[527] ВСГМЗ–1998–пол. № 611.
[528] ККМ–2001–пол. № 123.
[529] КОКМ–1982–9330/494.
[530] Музей археологии Елецкого госуниверситета–2001–№ ИК 1.
[531] 2001–пол. № 2736.
[532] 2001–пол. № 2607.

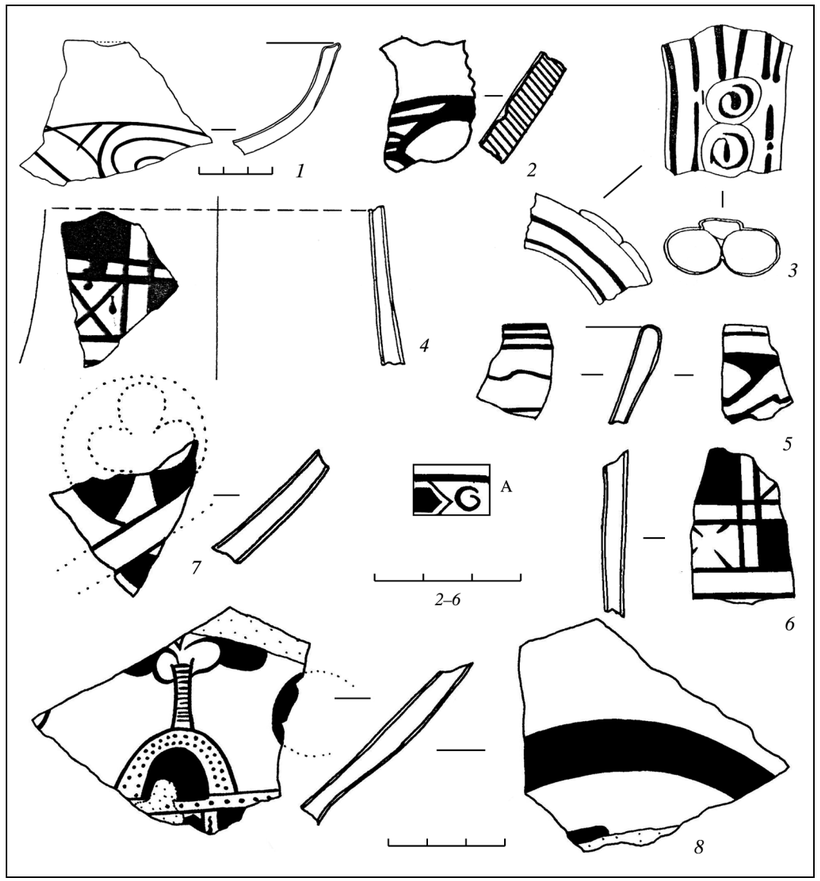

***Рис. 42.* Поволжская (*1*) и византийская (*2–8*) полумайолика XIII–XIV вв. с декором “сграффито” и в “выемчатой” технике (*4–8*)**

А – линии гравировки и участки без ангоба. *1* – Коломна; *2* – Серенск; *3* – селище Ближнее Константиново 1; *4* – Переяславль-Рязанский; *5*, *6* – Нижний Новгород; *7* – Любутск; *8* – Суздаль

***Вид 8*. Керамика из формовочной массы нижневолжского типа.**

1. Коломна – 11 обломков от четырех чаш и одного кувшина[533] (цв. ил. 39, *5*; 47, *6*; рис. 42, *1*) из контекстов XIV–XV вв.

2. Нижний Новгород – 2 стенки чаши[534] из комплексов середины – второй половины XIV в.

***Вид 9*. Керамика из светло-красной глины с редкими включениями красного шамота близкой ФМВКТ.**

1. Коломна – 2 обломка чаш[535] из слоев XIV – начала XV в. Из одного обломка была сделана заготовка пряслица или пуговицы диаметром 1,7 см, но начатое отверстие не было завершено (рис. 41, *8, 12*).

2. Владимир-Волынский – 2 обломка чаш[536].

ПОДГРУППА В. ПОЛУМАЙОЛИКА, ПОКРЫТАЯ ЖЕЛТОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Вся керамика этой подгруппы принадлежала одному типу – полумайолике с декором “сграффито”, выполненным с сочетанием тонких и толстых линий. Подобная керамика производилась в Византии (цв. ил. 47, *1*) и странах Причерноморья, в том числе, в Крыму, в XIII–XIV вв. (*Якобсон*, 1979. С. 133, рис. 83; *Паршина*, 1974. С. 73–76, рис. 14, *1–11*; *Финогенова*, 1987. С. 198; *Романчук, Перевозчиков*, 1990. С. 101, рис. 1, 2, 30; *Megaw*, 1968. P. 68, 71), а в золотоордынских центрах (Поволжье, Поднест-

[533] ККМ–2001–пол. № 138, 173, 210, 248, 263, 298; 2002–пол. № 81, 96, 112, 126, 168а, б/№.
[534] 2001–пол. № 2733; 2747.
[535] ККМ–1995–пол. № 18, 272.
[536] ЛИМ– 2000–45210, 5212.

ровье) – в середине – второй половине XIV в. (*Булатов*, 1976а. С. 92, табл. IV, *2*; *Абызова и др.*, 1981. С. 59, рис. 28).

***Вид 7*. Керамика из ожелезненной глины без видимых примесей.**

Этот вид полумайолики соответствует классу IB (по А. Мегоу) византийской "зевксипповой керамики" ("Zeuxippus Ware"), широко представленной в Константинополе (*Megaw*, 1968. P. 71, fig. 2, *5449*; pl. 14, *g, h;* 21, *e*; 15, *e*), Фессалонике (*Bakirtzis, Papanikola-Bakirtzis*, 1981. P. 428, fig. 11; *Papanikola-Bakirtzi D.*, 1999. Pl. 75) и других городах провинциально-византийского мира, в том числе в крымском Херсонесе (*Романчук*, 2003. Табл. 13–20), в слоях XIII–XIV вв. А. Мегоу датировал эту керамику концом XII – началом XIII в. и считал происходящей из Эгейского региона (*Megaw*, 1968. P. 67–69; *Pringle,* 1984. P. 104), однако в последнее время предъявлены свидетельства бытования этой керамики на протяжении всего XIII в. (*Boas*, 1994. P. 107). Характерными ее чертами являются налепной поддон с сегментовидной выемкой (*Megaw*, 1968. P. 71, fig. 1, *1*; 2, *5449*; *Pringle*, 1984. Fig. 8, *57*) и своеобразный декор из концентрических линий. Наряду с изделиями из обычной красной глины, встречаются образцы, имеющие серый черепок – результат случайного (?) восстановительного обжига. Наряду с оригинальной "зевксипповой" керамикой в разных местах Причерноморья и Средиземноморья производились ее местные дериваты (*Pringle*, 1984. P. 104). Подобные грубые подражания известны, например, в керамике золотоордынского Азака (*Романчук, Перевозчиков*, 1990. Рис. 1, 2). Однако на Русь ввозилась в основном собственно византийская керамика.

Подвид 7а. Изделия из формовочной массы византийско-причерноморского типа.

На территории Руси находки такой керамики происходят из шести мест, где они найдены в слоях золотоордынского времени:

1. Великий Новгород – 1 обломок края чаши[537] (рис. 41, *7*) из глины бежевого цвета. Обнаружен на Ильинском раскопе в слое последней четверти XIII в.

2. Москва – 1 обломок стенки чаши[538].

3. Владимир – 3 обломка чаш[539] (*Кабаев, Гальчук*, 2007. Рис. 5, *7*).

4. Нижний Новгород – 1 обломок чаши[540].

5. Переяславль-Рязанский – 3 обломка от разных чаш[541] (рис. 41, *10, 13*) (*Коваль, Судаков*, 1995. Рис. 2, *7, 8*).

6. Селище у пос. Каменный на р. Матыре (Грязинский р-н Липецкой обл.) – 2 обломка кувшина[542].

[537] НГОМЗ–1963–пол. № 73, 81 (склеены).
[538] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка)–пол. № 372.
[539] ВСГМЗ–1993–пол. № 34а, 40а.
[540] 2001–пол. № 2585.
[541] РГИАМЗ–1956–2–пол. № 40; 1957–4– А807/657, 658.
[542] Музей археологии ЕГУ. Раскопки В.И. Матвеевой 1973 г. (раскоп 8).

Подвид 7б. Изделия из плотной ожелезненной (красножгущейся) глины светлых оттенков с мельчайшими блестящими (слюдянистыми?) включениями.

Тесто такого характерного состава будем условно называть *формовочной массой византийской "Зевксипповой керамики" варианта 2* (ФМЗ-2). Необходимо отметить 2 момента: относительную редкую встречаемость на Руси подобного материала (гораздо реже, нежели ФМЗ-1) и визуальное сходство с фактурой черепка амфор группы I (см. ниже), производство которых связывается с Трапезундом. Не исключено, что поливная керамика из ФМЗ-2 также изготавливалась в этом центре.

Подобная керамика известна на Руси в трех местах:

1. Тверь – 2 обломка от одной чаши[543] конической профилировки, с глубоко гравированными сдвоенными линиями и ярко-желтой глазурью. Находка происходит из слоя конца XIII в., однако следы ремонта (3 просверленных отверстия) могут свидетельствовать о длительном ее использовании. Орнаментика находит аналогию на византийской чаше из раскопок Эски-Кермена в Крыму (*Паршина*, 1988. Рис. 4, *22*).

2. Переяславль-Рязанский – 3 обломка от двух чаш[544] из комплексов первой половины XIV в. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 128, 135, рис. 2, *5*). Два из них принадлежали розовоглиняной чаше с поддоном, имевшей изнутри сегментовидную выемку (цв. ил. 47, *5*; рис. 41, *11*).

3. Серенск – 1 мелкий обломок стенки чаши[545], из глины с мелкими красными окатанными включениями (цв. ил. 47, *3*; рис. 42, *2*). Происходит из верхнего переотложенного слоя городища, датируемого XIV–XVI вв.

***Вид 8*. Керамика из формовочной массы нижневолжского типа.**

Один мелкий обломок сосуда[546] найден в Твери (на Затьмацком посаде) в комплексе XIII–XIV вв.

***Вид 9*. Керамика из жирной светло-красной глины с включениями шамота кремового цвета.**

Возможно, керамика из такого теста производилась в Причерноморье.

17 Москва (Кремль) – обломок придонной части чаши[547] со следом сепая.

2. Коломна – 8 обломков[548] от двух-трех мисок (цв. ил. 47, *2, 7*). Своеобразен декор одной миски, внутренняя поверхность которой была украшена изображениями стилизованных лепестков лотоса (цв. ил. 47, *2*; рис. 41, *9*) в трактовке, максимально близкой той, что можно видеть на внешней поверхности золотоордынских полуфаянсовых чаш с полихромной красочной росписью и росписью ангобом (см. выше). Очевидно, что такая орнаментика могла родиться только при условии прекрасного знакомства с золотоордынской (или иранской) художественной культурой, доходящего до прямого копирования ее мотивов. Можно было бы ожидать рождение такого стиля в поволжских центрах Золотой Орды, но формовочная масса рассматриваемой миски существенно отличается от применявшейся в Поволжье и скорее сближается с материалом, использовавшимся в Крыму. Так что место производства этой керамики пока не может быть достоверно установлено.

К типу 2 принадлежал еще 1 обломок дна чаши (место хранения не известно), найденный на Киевском Подоле в 1950 г. (*Макарова*, 1967. С. 65, № 150; табл. XI, *3*; *Сагайдак*, 1991. С. 112).

[543] ТГОМ–1984–17655/303, 304.
[544] РГИАМЗ–1988–1–А807/637, 645, 666.
[545] КОКМ–1966–9330/346.
[546] ТГОМ–1996–пол. № 149.
[547] ММК–1988–пол. № 8.
[548] ККМ–2001–пол. № 125, 151, 153, 155, 172, 206, 253.

ГРУППА 6.
ПОЛУМАЙОЛИКА С ДЕКОРОМ, СОЧЕТАВШИМ ВЫЕМЧАТУЮ ТЕХНИКУ И "СГРАФФИТО"

Выемчатая техника состояла в соскабливании белого ангоба на значительных участках поверхности сосуда, обнажавших красную основу черепка. Эта техника позволяла сделать рисунок на сосуде более контрастным, псевдорельефным, особенно, когда он включал сюжетные изображения (цв. ил. 48, *1*). Под глазурью участки с убранным ангобом казались темно-коричневыми или даже черными. Выемчатая техника использовалась уже на ранней иранской керамике "сграффито" в XI–XII вв. (на Руси она не известна), в Византии же эта техника получила распространение только в конце XII – первых десятилетиях XIII в. (*Papanikola-Bakirtzi*, 1999. P. 20). Вышла из употребления она в XV в., с упадком византийского керамического искусства.

ПОДГРУППА А. ПОЛУМАЙОЛИКА С БЕСЦВЕТНОЙ (ИЛИ БЛЕДНО-ЗЕЛЕНОВАТОЙ, БЛЕДНО-ЖЕЛТОВАТОЙ) ГЛАЗУРЬЮ

***Вид 7*. Керамика из ожелезненных глин без видимых примесей.**

Подвид 7а. Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.

1. Суздаль – 1 обломок чаши из ярко-красной глины[549], на дне которой была изображена фигура из двух переплетенных овалов на фоне четырехугольника (цв. ил. 48, *8*; рис. 42, *8*). Подобная орнаментика была широко распространена на византийской керамике XIII в. (*Jones*, 1928. Fig. 40; *Rice*, 1939. Pl. XCVI, *вверху слева*; *Demangel, Mamboury*, 1939. Fig. 187, *10, 12*; *Кравченко*, 1991. Рис. 1, *1, 2*), хотя свое происхождение она ведет из стран Среднего Востока, где такие фигуры встречаются на поливной керамике XI–XII вв. (*Шишкина*, 1979. Табл. LXX, *30–33, 35, 36*). Суздальский образец, вероятно, датируется XIII – началом XIV в.

[549] ВСГМЗ–1973–№ В-46784/40.

2. Любутск (остатки летописного города XIV–XVI вв. на правом берегу р. Оки в Калужской области) – обломок стенки чаши[550] с "трилистником в резерве" (цв. ил. 48, *6*; рис. 42, *7*) – элементом, часто встречающимся на произведениях византийских (константинопольских?) мастерских второй половины XIV в. (*Francois*, 2005. Fig. 3, *6, 11*; 4, *6, 8*; 5, *1*; *Бочаров*, 2005. Рис. 1; 2, *3*; 3, *2, 4*).

3. Владимир-Волынский – целиком сохранившаяся тарелка[551] (*Терський*, 2000. С. 185).

Подвид 7б. Керамика из глины, насыщенной мелкодисперсным песком.

Подобная глина имела естественную песчаную примесь, не видимую на глаз, но ощущаемую по легкой шероховатости поверхности и фактуре излома черепка.

1. Коломна – обломок дна чаши[552] с изображением шестиконечной звезды (цв. ил. 48, *2*; рис. 43, *2*), известным на византийской и причерноморской керамике (*Якобсон*, 1979. Рис. 90, *1*; *Романчук*, 2003. Табл. 103; *Dark*, 2001. Fig. 29, *B*). Внешняя поверхность чаши была полностью покрыта ангобом и зеленой глазурью. Эта черта, а также форма высокого поддона указывают на византийское происхождение этого сосуда, датировка которого возможна в пределах XIV в.

2. Владимир-Волынский – "кубкообразная" чаша с монограммой "архангел Михаил" в центре дна и локальной зеленой подцветкой рисунка[553] (*Терський*, 2000. С. 184). Аналогичные сосуды были широко распространены в Византии в XIV в. (*Papanikola-Bakirtzi*, 1999. Fig. 7), известны в Крыму, Аккермане и Азаке (*Кравченко*, 1991. Рис. 1, *3*; 3, *1*; *Масловский*, 2006. Рис. 35, *7, 10–12*).

***Вид 9*. Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.**

1. Коломна – дно блюда[554] со сложной "звездой-плетенкой" на дне (цв. ил. 48, *7*), аналогии которой широко известны на полумайолике византийской эпохи (*Романчук*, 2003. Табл. 70).

2. Владимир-Волынский – дно блюда с аналогичным (как на коломенском образце) рисунком и 2 обломка кувшина[555].

ПОДГРУППА Б. ПОЛУМАЙОЛИКА С ЖЕЛТОЙ ГЛАЗУРЬЮ

Все изделия этой подгруппы, обнаруженные на Руси, были изготовлены из ФМЗ-1. Ярко-желтая глазурь наносилась на внешнюю поверхность и очень тонким слоем – на внутреннюю (по крайней мере – по горловине).

[550] КОКМ–1997–НВ5132/5.
[551] ЛИМ–2000–№ 43964.
[552] ККМ–2001–б/№.
[553] ЛИМ–2000–43629.
[554] ККМ–2001–пол. № 257.
[555] ЛИМ–1999–43897; 2000–№ 5216, 45217.

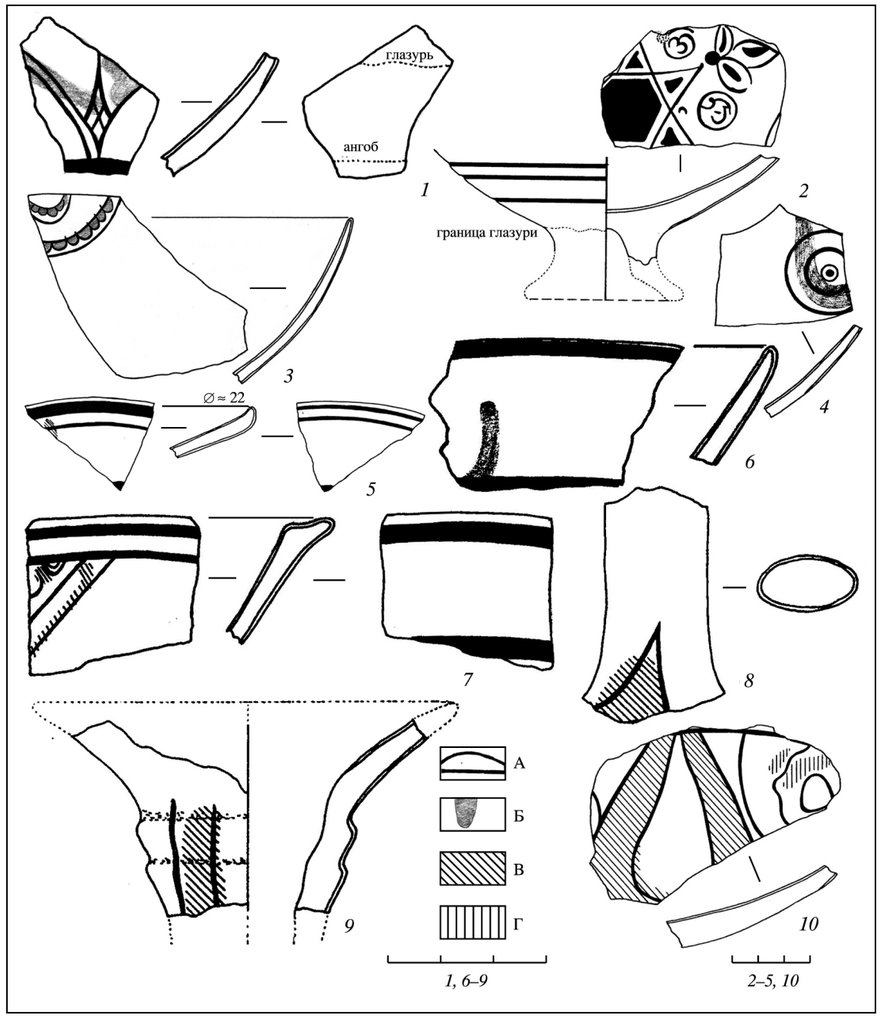

Рис. 43. **Византийская и причерноморская (*8–10*) полумайолика “сграффито” с “выемчатой” техникой декора (*2*), монохромной желтой (*1*, *3–9*) и полихромной (*10*) подцветкой XIII в. (*1*, *3–7*) и XIV в. (*2*, *8–10*)**

А – линии гравировки и выскобленный ангоб; Б – желто-коричневая подцветка; В – желто-коричневая (*5*, *7–9*) и зеленая (*10*) подцветка; Г – желто-коричневая подцветка (*10*). *1*, *3*, *5*, *6*, *8*, *9* – Старая Рязань; *2*, *10* – Коломна; *4* – Киев; *7* – Муром

1. Переяславль-Рязанский – 2 обломка кувшина[556] (*Монгайт*, 1961. Рис. 146, *11*) с так называемым “шахматным” узором на тулове, состоявшим из чередующихся клеток с полностью выбранным ангобом и оставленных ангобированными (цв. ил. 48, *3*; рис. 42, *4*).

2. Нижний Новгород – 4 обломка от одного подобного кувшина[557] (цв. ил. 48, *5*; рис. 42, *5, 6*).

3. Селище Ближнее Константиново-1 (на окраине современного Нижнего Новгорода) – обломок ручки кувшина, изготовленной из двух соединенных вместе круглых жгутов, причем внешнюю сторону стыка закрывал ряд дисковидных налепов (цв. ил. 48, *4*; рис. 42, *3*). Такая конструкция ручек характерна для кувшинов с “шахматным” узором. Чаши и кувшины с подобным декором известны в Причерноморье – в Константинополе, городах Болгарии, Каффе, Белгороде-Днестровском, Херсонесе, Азаке и на Северном Кавказе (*Крамаровс-*

[556] РГИАМЗ–1956–2–пол. № 54, 62.

[557] 2001–пол. № 1332; 1582; 1823; 2178.

кий, 2001. С. 212, рис. 104, *1–4, 7*; *Романчук*, 2003. Табл. 76, *236*; 78, *241–243*). Высказывалось мнение, что такая керамика изготавливалась в одном из городов на Балканах (*Белинский, Масловский*, 1998, С. 230), однако более вероятно, что она производилась в Константинополе или его округе. Европейские исследователи относят керамику с таким декором к подгруппе “Elaborate Incised Ware” (*Francois*, 2005). При раскопках в Азове полумайолика этого типа была встречена в комплексе, который оказался в максимальной степени насыщен кашинной керамикой золотоордынского поволжского производства, т.е. мог датироваться не ранее второй половины XIV в. (*Белинский, Масловский*, 1998. Табл. 2). Отсюда вытекает датировка данного типа византийской полумайолики.

ГРУППА 7. ПОЛУМАЙОЛИКА С ГРАВИРОВАННЫМ ДЕКОРОМ И ПОДЦВЕТКОЙ РИСУНКА

Среди находок на Руси представлены образцы только одной *подгруппы* подобной полумайолики – с *бесцветной (или бледно-зеленоватой) глазурью.* Изделия других подгрупп – с зеленой и желтой глазурями – на Руси пока не встречены.

ТИП 1. ПОЛУМАЙОЛИКА “СГРАФФИТО” С МОНОХРОМНОЙ ЖЕЛТО-КОРИЧНЕВОЙ ПОДЦВЕТКОЙ

Представлена на Руси единственным видом керамики из ФМЗ-1 вида 7, датирующейся XII–XIII вв. Декор таких изделий был достаточно лаконичным и включал стандартные геометрические мотивы – треугольники, прямоугольники и круги, перечеркнутые косыми крестами (цв. ил. 49, *5*). На отдельных изделиях встречаются высокохудожественные сюжетные изображения (*Megaw*, 1968. Pl. 18–20; Византийский Херсон, 1991. № 197, 198, 237; *Романчук*, 2003. Табл. 142, 147–162, 228, *1–3, 6, 7*). Такая керамика составляет одну из разновидностей византийской “зевксипповой” полумайолики, которая получила распространение в Византии в конце XII – первой половине XIII в. (*Morgan*, 1942. P. 159; *Megaw*, 1968. P. 68; *Papanikola-Bakirtzi D.*, 1999. P. 22, № 70–75). Многочисленные образцы этой керамики известны в Херсонесе (*Якобсон*, 1950. Табл. 27, 28; *Романчук*, 2003. Табл. 164–178, 228, *5*). Место производства таких сосудов не установлено, но скорее всего изделия столь высокого класса производились в Константинополе.

На территории Руси такая керамика известна в двух местах:

1. Старая Рязань – 7 обломков от двух чаш, двух блюд и двух кувшинов[558] (цв. ил. 49, *2, 4, 6–8*; рис. 43, *1, 3, 5, 6, 8, 9*). Все находки происходили из одного комплекса, датированного золотоордынской эпохой, но содержавшего также большое количество изделий домонгольского времени (*Черницов*, 1994. С. 33–43, 108). Вероятно, этот комплекс отложился в XIII в. (более узкую дату установить затруднительно).

2. Муром – обломок края чаши[559] (рис. 43, *7*).

3. Киев – обломок чаши с кругами на стенках[560] (рис. 43, *4*). Подобным образом орнаментировались блюда, отнесенные А. Мегоу к классу II (полумайолика без подцветки) “зевксипповой” керамики (*Megaw*, 1968. P. 69, 80, fig. 14; *Романчук*, 2003. Табл. 186, 187, 188, 228, *4*).

4. Чернигов – 5 обломков[561] от 3 блюд (цв. ил. 49, *1, 3*), найденных как в детинце, так и на посаде.

[558] РГИАМЗ–1967–7–пол. № 62; 1970–11–пол. № 19, 1994–7–пол. № 17, 33, 55, 135, 145.

ТИП 2. ПОЛУМАЙОЛИКА “СГРАФФИТО” С МОНОХРОМНОЙ ЗЕЛЕНОЙ ПОДЦВЕТКОЙ

На Руси известна только одна находка из раскопок на селище Автуничи (Черниговская обл.) – обломок блюда из неожелезненной (беложгущейся) глины с концентрическими гравированными линиями и подцветкой ярко-зеленой глазурью . Эту находку публикаторы датируют началом XI в. (*Булгакова*, 1995. С. 17, 18; *Kovalenko*, 2007. P. 252).

ТИП 3. ПОЛУМАЙОЛИКА “СГРАФФИТО” С ПОЛИХРОМНОЙ (ЗЕЛЕНОЙ И ЖЕЛТО-КОРИЧНЕВОЙ) ПОДЦВЕТКОЙ РИСУНКА

Подобная полумайолика традиционно называется “красноглиняной полихромной керамикой”, хотя такое название не охватывает всех главных особенностей типа, и в первую очередь, ведущую роль гравированной орнаментации. На Востоке существовало два варианта полихромной подцветки – согласованная с рисунком “сграффито”, т.е. заполнявшая отдельные детали, ограниченные гравированными линиями (цв. ил. 50, *1*; 51, *1*) и не согласованная с таким рисунком, т.е. состоящая из разбросанных по полю рисунка цветных пятен, полос, потеков, которые не совпадают с рисунком. Первый вариант декора наследует традициям иранской керамики (см. ниже), второй – стал применяться в Средней Азии (*Булатов*, 1976а. С. 94), а в полумайолике византийско-причерноморской традиции – пришел на смену первому в XV в. На Руси известны в основном образцы керамики с декором первого из этих вариантов.

Полихромная подцветка производилась глазурями, окрашенными в зеленый и желто-коричневый цвета (окисями меди и железа), после чего сосуд покрывался бесцветной или слегка зеленоватой (иногда желтоватой) *свинцовой* глазурью (Прил. 1. № 107, 108, 147–152). Цек глазури всегда очень мелкий. Наружная поверхность чаш и блюд глазуровалась редко (лишь в некоторых производящих

[559] МКМ–1983–1–№ 742.

[560] Из раскопок Подольской экспедиции в 1990-х годах.

[561] ЧИАМЗ–1991–2–пол. № 118, 137; 1998 (ул. Кирпоноса, 7)–пол. № 223, 252.

центрах). Все сосуды открытой формы имеют потеки полихромных глазурей к верхнему краю, что свидетельствует об их обжиге в горне вверх дном. Подавляющее большинство таких сосудов имеют на внутренней поверхности следы от треножников (“сепая”, в виде трех пятен отколотой при отделении такого треножника глазури), как раз и предназначавшихся для обжига чаш стопками из вставленных один в другой сосудов. Керамика описываемого типа впервые появилась в Иране в XI в. (так называемого типа “Агханд”) (*Pope, Ackerman*, 1965. Pl. 607–611). В конце XII в. аналогичную керамику начали производить в Грузии (*Мицишвили*, 1969. С. 82; 1979. С. 72; 1985. С. 3, 5), Армении (*Шелковников*, 1957. С. 16, рис. 9, 10) и Азербайджане (*Якобсон*, 1959. С. 229, табл. XXV–XXVII; *Наджафова*, 1964. С. 48). В XIII в. она становится популярной в Византии и Восточном Средиземноморье (Сирия, Кипр), в XIV–XVII вв. распространяется на Балканах – в Болгарии (*Георгиева*, 1974. С. 45–61), Румынии, Сербии (*Nicolescu*, 1959; 1960; *Barnea*, 1967; Археолошко..., 1983. № 111–118). При этом в Византии и Средиземноморье в XIII в. сформировались самобытные стили подобного декора: так называемая “керамика порта св. Симеона” в Сирии, кипрская полихромная керамика (*Lane*, 1938; *Taylor, Megaw*, 1951. P. 5, pl. IV). Ближайшим к русским землям местом, где производилась полихромная керамика “сграффито”, был Крым. По мнению ряда исследователей, такое производство возникло в средневековом Херсоне (Херсонесе) под сильнейшим влиянием закавказской керамики, а возможно, и при участии мастеров из Грузии или Армении (*Якобсон*, 1979. С. 133-140, рис. 84–88; Византийский Херсон, 1991. № 185, 200, 202, 203, 242) в середине XIII в. Выдвигались гипотезы о синхронном появлении производства такой керамики и в Судаке (*Баранов*, 1985. С. 60), но сама дата появления такого производства не была доказана, а вытекала из логических построений. Материалы Азака, имевшего тесные торговые связи с Крымом, позволяют говорить о появлении в Крыму производства данной разновидности керамики не ранее первой половины XIV в., а действительно массовым это производство становится только с третьей четверти XIV в. (*Масловский*, 2007. С. 87). Почти одновременно, в середине XIV в., подобная керамика появляется и в золотоордынском Поволжье, однако количество ее там крайне невелико (*Булатов*, 1976а. С. 91–94). Что касается производства полихромной полумайолики “сграффито” в Херсоне, то оно вообще сомнительно, учитывая экономический упадок этого города, наступивший после его разгрома Ногаем в 1278 г. (*Мыц*, 1997. С. 65–67; 2009. С. 29).

Вид 7. Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.

Находки известны в четырех местах Руси:

1. Великий Новгород – 2 обломка кувшина[562], найденные в слое последней четверти XIII в. на Ильинском раскопе (цв. ил. 51, *8, 9*; рис. 44, *1. 2*).

2. Старая Рязань – 6 обломков от чаши, блюда и трех кувшинов[563] (рис. 44, *4, 6*). Для одного из этих кувшинов (рис. 44, *6*) (*Монгайт*, 1955. Рис. 123), ранее были указаны аналогии из Херсонеса и предложена датировка XIV в. (*Монгайт*, 1955. С. 158; *Якобсон*, 1979. Рис. 84, *2*, 86, *2*).

3. Серенск – 10 обломков от одного блюда и пяти кувшинов[564] (цв. ил. 50, *2*; 51, *3*; рис. 45, *1, 2, 5*) (*Никольская*, 1981. Рис. 88, *37*). Обломки блюда и 4 кувшинов несут на себе следы обгорания в сильном пожаре. “Большой пожар” в Серенске связывается с монгольским нашествием 1238 г. (*Никольская*, 1981. С. 140), однако нет уверенности в том, что это был последний крупный пожар на городище. Т.И. Макарова относила подобную керамику в Серенске к эпохе после монгольского нашествия (1967. С. 30). Блюдо из Серенска (в 4 обломках – цв. ил. 50, *2*; рис. 45, *2*) имеет несколько практически полных аналогий в Херсонесе (цв. ил. 50, *1*), Сухуми, Старой Гяндже и в Малой Азии (*Якобсон*, 1950. С. 183, табл. XV, *57*; *de Bock*, 1897. № 19). Обломки кувшинов (цв. ил. 51, *3*; рис. 45, *1, 5*) также аналогичны херсонским, кавказским и византийским. В отношении же датировки всех этих находок уже высказывалась гипотеза об их связи с предполагаемым присутствием в Серенске ордынской администрации во второй половине XIII – начале XIV в. (*Коваль*, 2004а. С. 34).

4. Киев – 6 обломков от трех кувшинов и чаши.

Два обломка, принадлежавшие кувшину и чаше (цв. ил. 51, *6, 7*; рис. 45, *3, 4*), происходили из раскопок М.К. Каргером в 1949 г. жилища около Десятинной церкви[565] (*Залеська и др.*, 1996. Рис. на с. 203, № 4, 5). Еще А.Л. Якобсон предполагал херсонское происхождение обнаруженного обломка кувшина, указывая для него прямую (правда, не датированную) аналогию из Херсона (*Якобсон*, 1950. С. 185, табл. XVII, *65*). При публикации результатов раскопок этого жилища, оно было отнесено к домонгольскому времени только на основании отсутствия следов пожарища, встреченных на других участках раскопок в “городе Владимира” (*Каргер*, 1958. С. 346–347). Между тем, ни вещевой комплекс (обломки стеклянных браслетов, предметы вооружения в засыпке котлована), ни отсутствие следов разгрома 1239 г., не дают достаточных оснований для того, чтобы исключать возможность датировки этого комплекса второй половиной XIII в.

[562] НГОМЗ–1963–№ 39108 А137/363, 364.

[563] РГИАМЗ–1948–2–пол. № 747–751; б/№; 1997–25–б/№; 2003–28–пол. № 271.

[564] КОКМ–1965–9204/13; 1967–пол. № 12, 27, 238, б/№ (блюдо); 126, 603 (кувшин); ГИМ–1980–2644/139; 1982–2632/368; 1984–2630/773.

[565] ГЭ–1949–Эра-5а/310, 311.

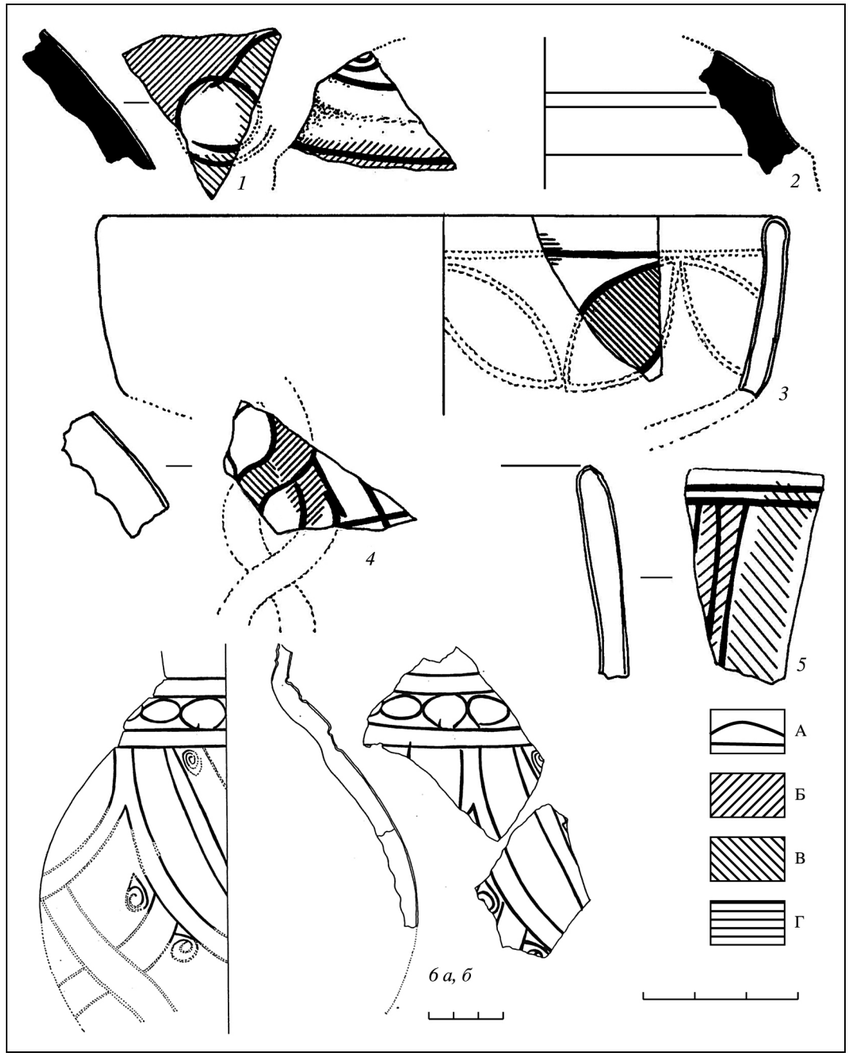

Рис. 44. **Византийско-причерноморская полумайолика “сграффито” с полихромной подцветкой XIII–XIV вв.**

А – линии гравировки; Б – желто-коричневая (*1*, *2*), зеленая (*4*), пурпурно-коричневая (*5*) подцветка; В – зеленая (*1*) и желто-коричневая (*3–5*) подцветка; Г – пурпурно-коричневое пятно (*3*). *1*, *2* – Великий Новгород; *3* – Тверь; *4*, *6* – Старая Рязань; *5* – Нижний Новгород

Из раскопок на Киевском Подоле происходил еще 1 обломок кувшина этого же типа (*Івакін, Козубовський*, 1993. С. 107, рис. 4, *3*). Три обломка стенок подобного же кувшина, обгоревшего в пожаре до почернения (цв. ил. 51, *2*), были обнаружены в “городе Владимира”. Декор этого кувшина полностью повторял кувшин из Херсонеса (цв. ил. 51, *1*), происхождение которого до конца не выяснено (поскольку он догипсован и характеристики его формовочной массы не известны).

5. Луцк – 5 обломков от чаши и миски[566].

Вид 9. Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.

Находки известны в 6 местах:

1. Тверь – 2 обломка чаш из слоев XIII–XIV вв. на Затьмацком посаде[567] (см. рис. 46, *1*).

2. Нижний Новгород – 1 обломок дна чаши[568].

[566] ЛИМ–1996–44460, 44462–44465.

[567] ТГОМ–1996–Пол. № 52, 184.

[568] 2001–пол. № 2757.

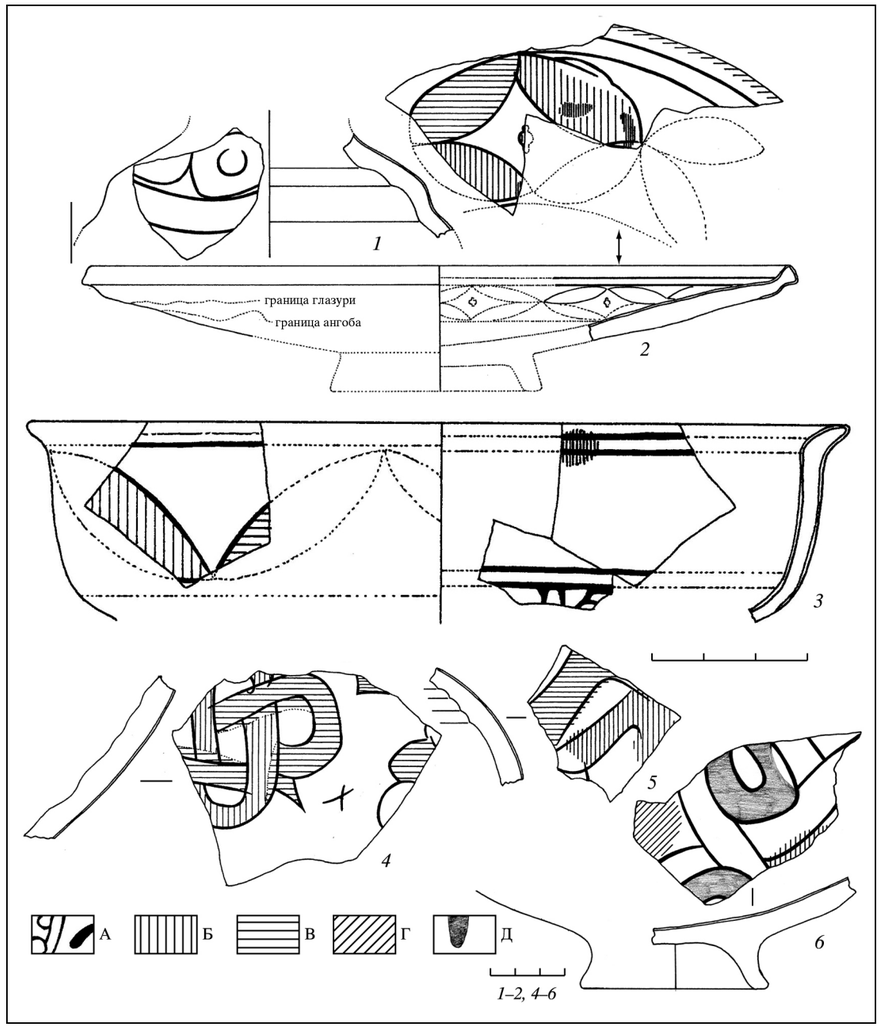

Рис. 45. **Византийско-причерноморская полумайолика “сграффито” с полихромной подцветкой XIII–XIV вв.**

А – линии гравировки; Б – желто-коричневая (*2–5*) и пурпурно-коричневая (*6*) подцветка; В – зеленая пдцветка; Г – зеленая подцветка (6); Д – желто-коричневая подцветка (*6*). *1*, *2*, *5* – Серенск; *3*, *4* – Киев; *6* – Пронск

3 Коломна – 3 обломка от чаши и блюда[569]. Судя по бледно-розовой окраске черепка блюда (цв. ил. 50, *5*; рис. 43, *10*), оно могло быть изготовлено в Каффе, продукция которой отличалась именно таким оттенком глины.

4. Ростиславль Рязанский – 1 обломок дна чаши (цв. ил. 50, *3*) со сплошным ковровым узором, в основе которого лежала шестиконечная звезда[570].

5. Киев – 2 обломка чаш или блюд. Один из них (цв. ил. 51, *5*) был найден при раскопках Десятинной церкви[571] и в публикации был приписан крымскому производству XIII в. (*Стрельник*, 1996. С. 179, 181, № 18). Второй обломок, (цв. ил. 50, *6*) был найден также в “городе Владимира”[572].

Возможно, к этому же виду принадлежал еще 1 обломок стенки чаши, найденный в 1984 г. при

[569] ККМ–1999–пол. № 935; 2002–пол. № 49, 57.

[570] МИМ–2005–1–пол. № 1.

[571] НМИУ–1937–В-8/2605.

[572] МИК–1981/82 (ул. Десятинная, 8)–А-4623/4.

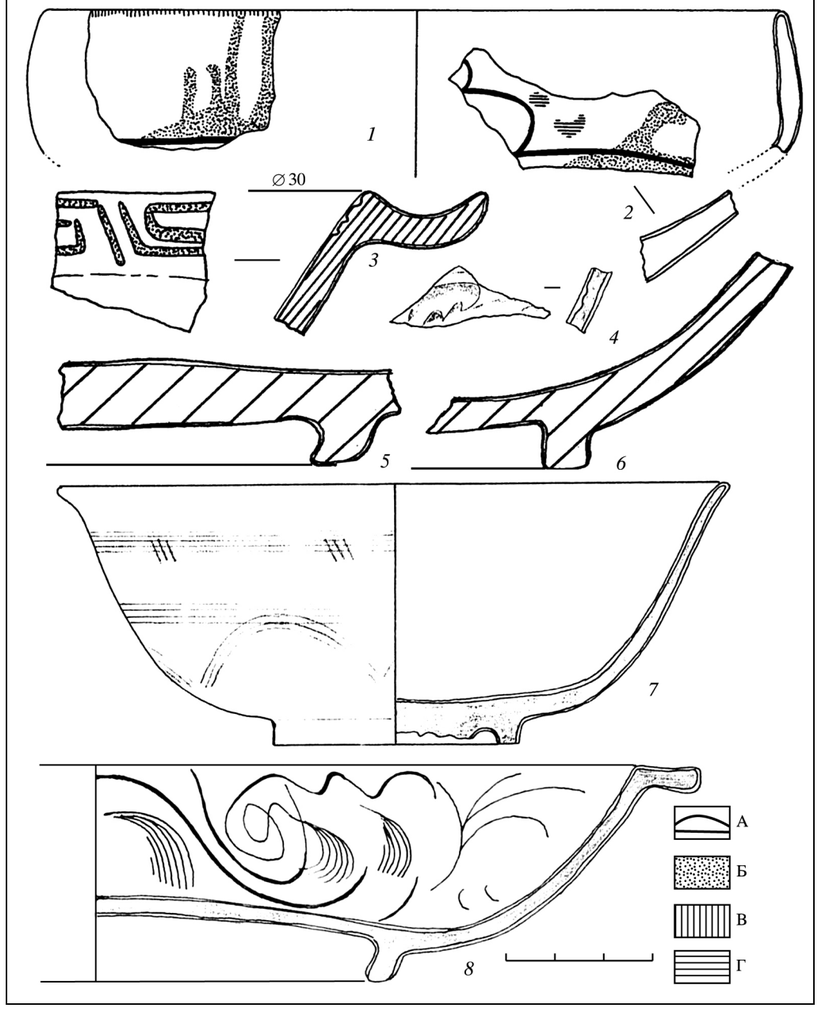

Рис. 46. **Причерноморская полумайолика “сграффито” (*1*, *2*) и китайские селадоны (*3–8*) XIV в.**

А – линии гравировки; Б – желто-коричневая подцветка (*1*, *2, 7, 8*) и линии гравировки (*3*); В – зеленая подцветка (*1*); Г – пурпурно-коричневая подцветка (*2*). *1*, *2* – Тверь; *3*, *5–8* – Москва; *4* – Чернигов

раскопках на ул. Андреевской, 7 и приписанный херсонесскому производству XIV–XV вв. (*Івакін,* 1996. С. 145, рис. 67, *7*). Неточность этой атрибуции заключается в том, что всякое производство в Херсонесе полностью прекратилось не позже середины XIV в., когда он был окончательно уничтожен после его разгрома Мамаем (*Мыц*, 2009. С. 48, 107).

6. Луцк – 10 обломков[573] от четырех чаш. Особенно интересен развал чаши (цв. ил. 50, *4*) с рисунком, близким декору ряда образцов XIII–XIV вв. из раскопок Херсонеса (*Романчук*, 2003. Табл. 95; 96, *285*; 102; 106). Остальные обломки имели небольшие размеры (цв. ил. 51, *4*), но их облик не отличается от указанного круга аналогий.

Не установлена видовая принадлежность следующих находок:

1. Городище Сокольцы (остатки города и замка Соколец, возникшего в XIV в.) на Южном Буге – не менее двух образцов керамики этого типа (*Кучера*, 1965. С. 211, рис. 5, *6*).

2. Львов – несколько (не менее трех) обломков обнаружено при раскопках в “армянском” квартале XV–XVI вв. (*Терський*, 2000. С. 198. Кат. 52).

[573] ЛИМ–1996–44450–44455, 44457–44459, 44461.

ТИП 4. ПОЛУМАЙОЛИКА “СГРАФФИТО” С ПОЛИХРОМНОЙ (ЗЕЛЕНОЙ, ЖЕЛТО-КОРИЧНЕВОЙ И ПУРПУРНО-ФИОЛЕТОВОЙ) РАСКРАСКОЙ РИСУНКА

Отличием этого типа от предыдущего является использование в подцветке пурпурно-фиолетового (марганцевого) тона, который в ряде случаев заменяет желто-коричневый. Все образцы керамики изготовлены из ожелезненных (красножгущихся) глин. Подобная керамика была распространена в Закавказье (Азербайджан, Грузия, Армения) (*Мицишвили*, 1992) и широко известна по раскопкам в Орен-Кале (*Якобсон*, 1959. Табл. IX, X, XII). Импортные ее образцы (вероятно, из Азербайджана) найдены в поволжских и причерноморских центрах Золотой Орды (цв. ил. 52, *1*), хотя в известные классификации золотоордынской поливной посуды она по явному недоразумению, не попала. Керамика с такой гаммой расцветки известна также в Сирии и Египте, где она составляла одну из небольших по численности групп в составе полумайолики “мамлюкской” эпохи (XIII–XV вв.), однако она отличается от всех восточноевропейских находок своеобразной орнаментикой и высоким качеством глазури (*Marzouk*, 1959. P. 15, fig. 1–19; *Watson*, 2005. P. 406, 407).

***Вид 7*. Керамика из формовочной массы византийско-причерноморского типа.**

17 Нижний Новгород – 1 обломок края чаши[574] (рис. 44, *5*) из комплекса середины – второй половины XIV в.

2. Серенск – 1 обломок кувшина[575].

***Вид 9*. Керамика из ожелезненной (красножгущейся) глины с искусственными примесями.**

Подвид 9а. Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа.

В Твери найдены 2 обломка миски с вертикальным краем[576] (цв. ил. 51, *10*; см. также рис. 46, *2*).

Подвид 9б. Керамика из формовочной массы с редкими включениями мелкого красного шамота, т.е. близкой ФМВКТ.

При всей близости к восточно-крымской керамике, изделия этого подвида все же отличаются от нее отсутствием карбонатных и органических включений в формовочной массе, что заставляет предполагать иное место их производства. Два образца такой керамики известны во Владимире-Волынском[577]. Первый – обломок края тарелки с подцветкой марганцем по диагональным вдавлениям, создававшим эффект рельефной моделировки тулова сосуда (цв. ил. 52, *2*). Наличие глазурного покрытия (зеленого цвета) внешней стороны тарелки указывает на происхождение этого сосуда из Византии, поскольку ни в Причерноморье, ни в Закавказье подобные формы с внешней стороны не глазуровались. Второй образец – край миски, также глазурованной с внешней стороны, полихромная раскраска которой была слабо согласована с гравированным рисунком.

Подвид 9в. Керамика с редкими включениями карбонатов, коричневого шамота и многочисленными мелкими порами.

Единственный образец этого подвида керамики известен в Пронске – обломок дна блюда[578], опубликованный А.Л. Монгайтом (*Монгайт*, 1961. Рис. 146, *3*) (цв. ил. 52, *3*; рис. 45, *б*).

Всего на территории Руси сегодня известно 430 находок полумайолики, происходящие из 37 мест, главным образом, крупных городов эпохи Средневековья.

[574] 2001-пол. № 2219.

[575] КОКМ–1969–НВ3951/44.

[576] ТГОМЗ–1996–29 (уч.8)–пол. № 126, 128.

[577] ЛИМ–1999–№ 43634; 2000–№ 43998.

[578] РГИАМЗ–486/219.

Фарфор

Все образцы фарфора, найденные на территории Руси, относились к одной серии – керамике с подглазурным декором. Здесь не рассматриваются довольно многочисленные обломки чашек и вазочек с надглазурной росписью красками, цветными глазурями и золочением из раскопок в Москве (*Коваль*, 1997е) и ряде других городов, поскольку они датируются XVIII–XIX вв. и, следовательно, находятся за хронологическими рамками нашего исследования.

Селадоны

Селадонами традиционно называют род керамических изделий, изготавливавшихся в Китае с X по XVIII в., отличавшихся серым цветом своей чрезвычайно твердой фарфоровой массы и покрытием зеленой прозрачной глазурью различных оттенков – от голубоватого до бурого, в большинстве случаев – нежно-зеленого цвета. Селадоны изготавливались в разных частях Китая (а также в Корее), но наиболее древнее и широко известное их производство существовало в Южном Китае – в округе Лунцюань провинции Чжэцзян. Отсюда происходит и то наименование селадонов – “лунцюань-яо”, которое получило наибольшую известность в Европе.

Селадон – европейское название такой керамики, происходящее от имени героя романа “Астрея” французского писателя Оноре д’Юрфе (1568–1625) – пастуха Селадона, украшавшего одежду лентами зеленоватого цвета. На Ближнем Востоке эту керамику называли “мартабани” – по порту Мартабан в Бирме, откуда она привозилась кораблями мусульманских купцов (*Jenuns*, 1967. P. 72). В страны Востока селадоны стали ввозиться уже с X в. (*Scanlon*, 1970. P. 82), т.е. с самого начала их производства в Китае (*Кверфельдт*, 1947. С. 27; *Арапова*, 1977. С. 20). В XIII–XVI вв. они столь широко распространяются по мусульманскому миру, что ввозятся даже на восточное побережье Южной Африки (*Mathew*, 1956. С. 50–55).

По химическому составу теста селадоны почти не отличаются от белого фарфора (La Ceramique Chinoise, 1978. P. 287). В X–XIII вв. (эпоха Сун) селадоны производились в нескольких местах Китая и отличались голубоватым цветом глазури. В эпоху Юань (XIII–XIV вв.) получают особенное распространение селадоны с нежно-зеленой глазурью, популярность которых на всем средневековом Востоке вызвала продолжение производства аналогичных сосудов в эпоху Мин (XIV–XVI вв.). Черепок селадонов имел серый цвет (варьировавший на разных сосудах от насыщенного до светло-серого), с XIII в. появились и селадоны с белым тестом (*Арапова*, 1977. С. 31), особенно широко распространившиеся в XVI–XVII вв. Фактически это был уже обычный белый фарфор (изготавливавшийся, в частности, и в Цзиндэчжене), но покрытый “селадоновой” (нежно-зеленой) глазурью.

В монгольский период (эпоха Юань) селадоны широко импортировались в золотоордынские центры Поволжья, Иран, Среднюю Азию и Египет, где вызвали волну подражаний[579]. В Северном Причерноморье и Крыму они не получили такого распространения, хотя известны были и там. Селадоны были самой массовой разновидностью керамики, привозившейся в Восточную Европу из Китая. Например, в городе Болгар при археологических раскопках обнаружено более 350 образцов селадонов, тогда как другие разновидности китайской керамики представлены всего 56 находками (*Полубояринова*, 2003а; 2003б).

Характерной особенностью селадонов эпох Юань и Мин считается облицовка глазурью дна с нижней стороны. При этом неглазурованными оставались только внутренняя сторона кольцевого поддона и, иногда, кольцевая полоса (или круг) внутри этого поддона. Эти неглазурованные поверхности обычно имеют красный или коричневый цвет, который, как полагают, является результатом выпадения в процессе обжига изделий оксида железа, содержащегося в тесте селадонов. Вместе с тем, известны сосуды, у которых неглазурованные поверхности имеют серый цвет.

Все селадоновые сосуды были орнаментированными, однако далеко не вся их поверхность была занята орнаментом, из-за чего отдельные обломки могут и не нести следов декора.

ГРУППА 1. СЕЛАДОНЫ С ГРАВИРОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ

Гравированный орнамент наносился непосредственно по основе. В результате, после глазурования, в тех местах, где были проведены гравированные линии, слой поливы оказывался несколько утолщенным и имел более густой зеленый цвет.

На территории Руси такие изделия известны в восьми городах:

1. Великий Новгород – мелкий обломок чаши или блюда[580], найденный в слое второй четверти XV в., т.е. в переотложенном состоянии.

2. Тверь – 2 обломка блюд (цв. ил. 55, *2*).

3. Москва – 12 обломков от восьми блюд и чаш из раскопок в Кремле[581] (рис. 46, *5, б*) и Китай-городе[582] (рис. 46, *3*), а также 1 целая чаша (цв. ил. 53, *1*; рис. 46, *7*), находившаяся в составе клада поливных сосудов из Благовещенского собора Кремля (*Панова*, 1996. С. 65–66). Самая ранняя из московских находок (в Кремле) имеет стратиграфическую дату в пределах второй половины XIII в., еще одна – датирована первой половиной XIV в. (*Панова*, 1986. С. 229), остальные относятся к XIV–XV вв. Вместе с тем, в Москве найдены и более поздние образцы селадонов. Так, 2 обломка от одной чаши были обнаружены в заполнении ямы с материалом XVI-XVII вв. на территории Белого города Москвы (*Векслер*, 1990. С. 170, илл. 65). Еще 1 обломок селадоновой чаши найден в 1995 г. при раскопках на ул. Арбат в слое XVII в.

4. Коломна – 2 обломка сосудов[583], один из которых был найден при раскопках в церкви Вознесения (*Мазуров, Коваль*, 2004. Рис. 4, *17*).

5. Нижний Новгород – 4 обломка[584] от разных чаш из комплексов середины – второй половины XIV в.

6. Переяславль-Рязанский – 3 мелких обломка (от тарелки и двух чаш) найдены в слоях XVI–XVII вв. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 132, 135, рис. 3, *3*).

7. Владимир-Волынский – 2 обломка чаш[585].

8. Луцк – 1 обломок чаши (*Терський*, 2000. С. 186, 196).

ГРУППА 2. СЕЛАДОНЫ С ГРАВИРОВКОЙ И РЕЛЬЕФНОЙ МОДЕЛИРОВКОЙ ПОВЕРХНОСТИ

Рельефная моделировка выполнялась тиснением в матрице (наподобие ирано-среднеазиатского ”калыпа”).

На Руси подобная керамика известна в двух местах:

1. Великий Новгород – обломок блюда[586] с гравированным орнаментом на внутренней поверхности и волнообразной внешней поверхностью, имитировавшей декор в виде лепестков лотоса, из слоев середины XIV в.

2. Тверь – 3 обломка аналогичных блюд из контекстов XIV–XV вв.

[579] Производство ближневосточных подражаний селадонам, начавшись в X–XI вв. продолжалось вплоть до XV–XVI вв. (*Коваль, Волошинов*, 2005), так что золотоордынские псевдоселадоны (см. выше) являются лишь кратким эпизодом в этой длинной истории восточного эпигонства.

[580] НГОМЗ–1988–№ 37583 А 112/326.

[581] ММК–1976–462арх, 463арх (5 обломков); 1995–пол. № 83.

[582] МИМ–1950–пол. № 3377; 1970–29068/73; ЦАИ (Гостиный двор)–1998–1–пол. № 1459.

[583] ККМ–2001–пол. № 23; 2003–пол. № 833.

[584] 2001–пол. № 682; 998; 2750; 2751.

[585] ЛИМ–2000–45237, 45238.

[586] НГОМЗ–1957–35698/2092.

ГРУППА 3. СЕЛАДОНЫ С ГРАВИРОВКОЙ И ПЛОСКОЙ РЕЗЬБОЙ

Плоская резьба создавала у изделий этой группы иллюзию рельефности орнамента и выполнялась, вероятно, специальным штихелем (плоской лопаточкой), т.е. по технике исполнения мало отличалась от гравировки.

На Руси подобная керамика известна в трех городах:

1. Москва – целая чаша (*Фехнер*, 1956. Вклейка; *Панова*, 1996. С. 67) и фрагментированное блюдо, найденные в XIX в. в составе клада поливных сосудов в Благовещенском соборе Кремля (цв. ил. 53, *2*; 54, *2*; 55, *1*; рис. 46, *8*).

2. Киев – 1 мелкий обломок чаши или блюда[587] из раскопок М.К. Каргера у Десятинной церкви. Шифр отсутствует, условия находки не известны.

3. Чернигов – 1 мелкий обломок сосуда[588] (рис. 46, *4*).

ГРУППА 4. СЕЛАДОНЫ С РЕЛЬЕФНЫМ ДЕКОРОМ

В эту группу включены изделия, не имевшие никакого иного декора, кроме рельефного. По способу исполнения декора они разделяются на два типа.

ТИП 1. СЕЛАДОНЫ С РЕЛЬЕФНОЙ МОДЕЛИРОВКОЙ ТУЛОВА

Найдены в двух городах средневековой Руси:

1. Москва (Кремль) – 2 обломка[589]. Один из них принадлежал чаше с рельефно-моделированными стенками и фестончатым краем[590] (рис. 47, *1*), найден в слое XV в. (*Панова*, 1986. С. 229, рис. 4). Второй принадлежал блюду, внутренняя поверхность которого украшена широкими вертикальными желобками-каннелюрами, одним из самых распространенных видов декора на селадонах (*Арапова*, 1977. Ил. 47, 49, 51).

2. Переяславль-Рязанский – обломок чаши или блюда с такими же вертикальными желобками на внутренней поверхности, происходивший из комплекса второй половины XIII – первой половины XIV в. (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 132, 135).

ТИП 2. СЕЛАДОНЫ С НАКЛАДНЫМИ РЕЛЬЕФНЫМИ ДЕТАЛЯМИ

Накладной рельеф широко использовался среди селадонов эпохи Сун, но встречался и в эпоху Юань (*Scanlon*, 1970. Fig. 10. Pl. 16b; La Ceramique Chinoise, 1978. Pl. 47; *Morgan*, 1991, pl. IVd, Va). Таким способом изображались силуэты маленьких рыбок, копировавшихся в кашинной керамике Ирана и Египта XIV–XV вв. (*Scanlon*, 1970. Pl. XVIa; *Grube*, 1976. № 223).

[587] ГЭ–1949–Эра-5а/314.
[588] ЧИАМЗ–1991–2–пол. № 38.
[589] ММК–1979–472арх.
[590] ММК–1976–463арх.

На территории Руси небольшой обломок селадонового блюда этого типа был найден в Твери, в слое золотоордынского времени (цв. ил. 55, *3*)[591].

ТИП 3. СЕЛАДОНЫ С ТИСНЕНЫМ РЕЛЬЕФОМ

Такой декор достигался, вероятно, тиснением в двух формах (наподобие передне- или среднеазиатского калыпа) с углубленным рисунком, что позволяло получать изделия с рисунком в невысоком рельефе. Именно такой декор встречен на целиком сохранившейся чаше из состава клада поливных сосудов под полом Благовещенского собора Московского Кремля (цв. ил. 54, *1*).

Итак, на территории средневековой Руси известны находки 35 обломков (от примерно 30 сосудов), а также 4 практически целиком сохранившихся селадоновых сосуда, происходивших из 10 городов и в основной своей массе относившихся к XIV–XV вв.

ПСЕВДОСЕЛАДОН

Среди находок китайской керамики на территории Руси имеется один обломок чаши из белой фарфоровой массы, покрытой очень толстым слоем нежно-зеленой поливы (цв. ил. 1, *14*), без следов декора, являвшийся, вероятно, поздней имитацией селадона. Подобный "псевдоселадон" начали производить в Китае в XVII в. (*Арапова*, 1977. С. 21). Находка происходит из комплекса XVII–XVIII вв. в Белом городе Москвы (*Векслер*, 1990. С. 105).

Сине-белый фарфор

К роду сине-белого фарфора относятся изделия с монохромной синей (кобальтовой) росписью по белому фону, которые начали производиться в Китае в XIV в. и доминировали в керамике XV–XVIII вв. Такой фарфор отличается снежно-белой, слегка просвечивающей массой, покрытой прозрачной бесцветной глазурью.

На территории Руси сине-белый фарфор известен пока только в Москве. В фондах Оружейной Палаты Московского Кремля сохранилась целая бутыль этого типа, принадлежавшая царевичу Ивану Ивановичу, сыну царя Ивана IV Грозного (*Арапова*, 1989. Рис. 1) и, следовательно, попавшая на Русь не позднее второй половины XVI в. Археологические находки сине-белого фарфора в Москве представлены восемью экземплярами. Четыре из них происходят из Зарядья. Прежде всего это донце сосудика[592], имевшего на нижней стороне, внутри кольцевого поддона, написанное кобальтом иероглифическое клеймо (цв. ил. 55, *5*; рис. 47, *3*), несшее девиз императора Чэн Хуа (1465–1487 гг.) из династии Мин (*Кречетова, Вестфален*, 1947. С. 31; *Hobson*, 1971. P. 187) и обломок чаши с частью аналогичного клейма (рис. 47, *2*). Обе находки происходят из переотложенных слоев XVI–XVII вв. Еще 2 обломка принадлежали чашке XVII–XVIII вв.[593] На территории Белого города при археологических наблюдениях найден крупный обломок дна чаши[594] (цв. ил. 55, *6*). За пределами средневековой Москвы один обломок стенки чаши найден при раскопках у церкви Вознесения в Коломенском (*Беляев*, 2010).

[591] В 2009 г. половина блюдца с таким же декором была найдена М.А. Родионовой при раскопках в кремле Великого Новгорода.
[592] МИМ–1953–27081/2222.

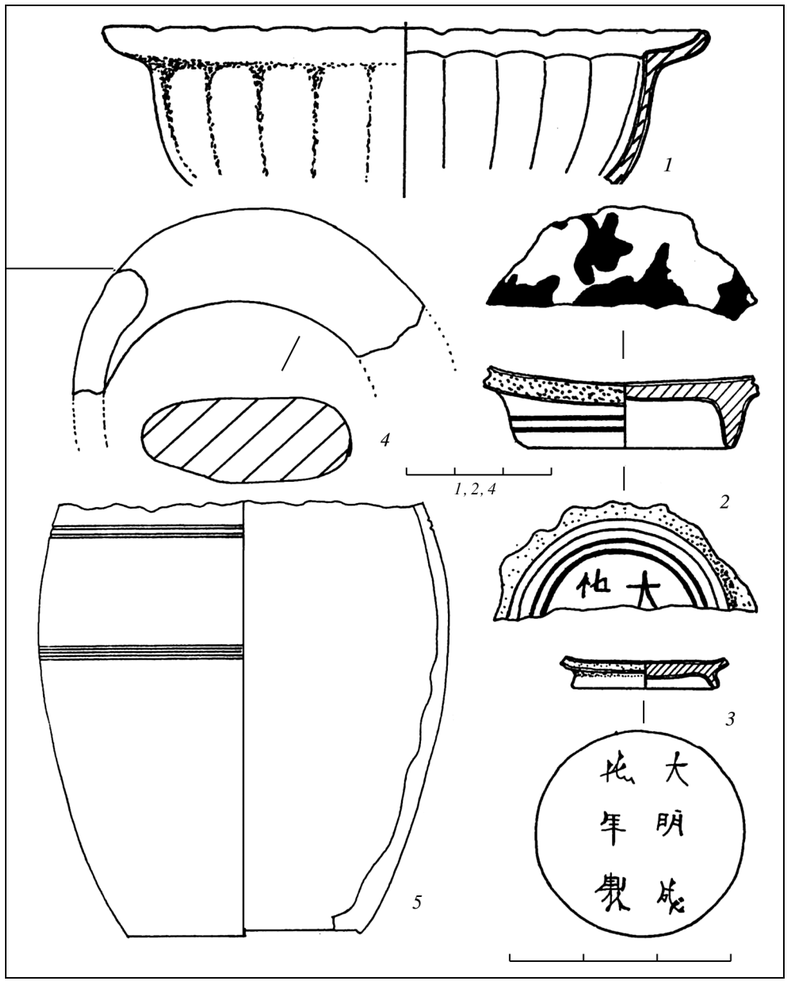

Рис. 47. **Китайский селадон (*1*) и сине-белый фарфор (*2*, *3*), золотоордынская неполивная красноглиняная керамика (*4*, *5*) XIV–XV вв.**
1–3, *5* – Москва; *4* – Нижний Новгород

За пределами Восточной Европы сине-белый фарфор известен во многих русских городах Западной Сибири, где его обнаруживают в комплексах XVII и XVIII вв. (*Бурдинская*, 2006. С. 214–216).

[593] ЦАИ (Гостиный двор)–1998–4–пол. № 440, 469.
[594] ЦАИ (ул. Бол. Дмитровка, 17)–2001 (зона набл.2)–пол. № 25. Благодарю А. Маркова за информацию об этой и других находках, полученных при работах ЦАИ в Москве.

Белый фарфор

В составе этого рода фарфора на территории Руси известна пока только одна.

ГРУППА ИЗДЕЛИЙ – С ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ

Единственная находка подобного изделия происходит из Москвы[595] (цв. ил. 55, *4*). Это был

[595] ЦАИ (ул. Бол. Дмитровка, 17)–2001–1–пол. № 82.

обломок дна блюда с тонкой контурной росписью коричневой матовой краской. Отдельные детали внутри этих контуров были залиты светло-коричневой вспузырившейся (после обжига или вторичного обгорания в пожаре?) эмалью. Кроме того, локально сохранились следы от позолоты, идентичные следам на фаянсах “минаи” и полуфаянсах “ладжвардина”. К сожалению, размеры обломка невелики, что не позволяет реконструировать рисунок росписи, но судя по его размещению в круглых медальонах, это могло быть изображение какого-то животного.

Надглазурная роспись стала применяться в Китае довольно поздно (с XVIII в.). Однако в Иране XIV в., где белый фарфор представлялся, видимо, недостаточно декоративным, практиковалось “улучшение” его эстетических качеств путем надглазурной росписи золотом и цветными эмалями, т.е. по технологии, применявшейся при производстве иранских фаянсов “минаи”. Это видно по уникальной находке подобной фарфоровой бутыли на Селитренном городище (*Булатов*, 1979). Правда, в иранских и европейских коллекциях художественной керамики подобные изделия не известны, но причиной тому могла быть их исключительная раритетность и невысокий художественный уровень надглазурной росписи. Как видно, отдельные изделия этой разновидности фарфора попадали и на Русь.

Неполивная керамика

Серия 1. Керамика без дополнительной обработки поверхности

ГРУППА 1. КЕРАМИКА БЕЗ ДЕКОРА

Несмотря на отсутствие следов какого бы то ни было декора на многих обломках неполивной керамики, значительная часть из них могла принадлежать декорированным сосудам (украшенным, например, всего несколькими полосками линейного орнамента). Вместе с тем, отсутствие уверенности в наличии такого декора заставляет выделять условную группу “недекорированной” керамики.

На территории Руси подобная керамика известна в 20 местах:

1. Великий Новгород – развал (13 обломков) кувшина[596] высотой не менее 18 см, изготовленного из темно-красной глины, насыщенной очень мелким песком, с единичными включениями крупного кварцевого песка (до 1 мм) и крупного красного шамота. На стенках кувшина хорошо заметно рифление вытягивания, на дне четко фиксировались следы среза нитью с гончарного круга (цв. ил. 56, *2*). Следы декора отсутствуют, внутренняя поверхность покрыта тонкой пленкой черного вещества. Характерной особенностью кувшина была полая ручка, верхний конец которой был прикреплен непосредственно к краю низкой горловины (цв. ил. 56, *6*) Кувшины с точно такими же ручками производились в Византии и Средиземноморье (на Кипре – вплоть до этнографического времени) для набора жидкости из крупных емкостей (пифосов, цистерн, бочек). Известны находки ручек этих кувшинов и целого подобного кувшина, датированных XII в., в Памуккале (Турция) (*Cottica*, 2007. P. 264, 265,fig. 8–10, 14, *5–7*). Территориально ближайшей к Руси находкой такого сосуда является поливной кувшин из юго-восточной Болгарии, найденный в Ямбольской крепости (у С. Каравелово), датируемой XIII–XIV вв. (*Борисов*, 2002. С. 139. Обр. 115; 2007. С. 8–11, рис. 1, 2). В связи с точно установленным предназначением кувшинов с полыми ручками, все прежние гипотезы об их применении для перегонки алкоголя или в виде светильников могут представлять уже только историографический интерес. Исходя из стратиграфического контекста (находка происходит с усадьбы А Троицкого раскопа), этот кувшин может быть датирован XII в.

2. Михайловский могильник. В кургане 1 (1961 г.) найдена красноглиняная миска (*Мальм*, 1963. С. 49).

3. Кувшин-кружка из погребения в кургане 1 могильника у дер. Шугайлово Смоленской обл. Его форма не характерна для древнерусского гончарства и напоминает изделия салтово-маяцкой культуры, а датировка X в. (*Шмидт*, 1968. С. 223) заставляет предполагать импортное происхождение этого сосуда, скорее всего из Северопричерноморского региона.

4. Гнёздовское поселение – 2 обломка ручек красноглиняных кувшинов[597] (у одного – с пальцевым вдавлением на нижнем прилепе) из формовочной массы вида 7 (без видимых примесей). Возможно, эти ручки принадлежали крымским ойнохоевидным кувшинам VIII–X вв., оформлявшихся такими же пальцевыми вдавлениями.

5. Суздаль – многочисленные обломки нелощеных сосудов из Волжской Булгарии найдены здесь в слоях X–XII вв. (*Полубояринова*, 1993. С. 102, 103).

6. Коломна – 2 обломка кувшинов, в том числе из *формовочной массы нижневолжского типа*. К краю горла прикреплялась ручка овального сечения[598]. Подобные кувшины бытовали в XIV в. на территории Золотой Орды (*Михальченко*, 1973. Рис. 3, *5, 6, 10*; *Волков*, 1992а. Рис. 1, *2, 3, 5, 9*; *Перевозчиков*, 1993. Рис. 4, 5).

7. Селище Аргамач-Пальна (Елецкий р-н Липецкой обл.) – 4 обломка керамики, датированной XIV в. (*Тропин*, 1996. С. 173).

[596] НГОМЗ–1982–Троицкий 6–А100/609.

[597] МГУ–1983–ЦГ16–пол. № 170; 2005–ЦГ24б–пол. № 332/433/441 (склейка).

[598] ККМ–1994–пол. № 292.

8, 9. Городище Никольевка и поселение Дрониха (Воронежская обл.) – здесь также найдена золотоордынская красноглиняная керамика XIV в., составлявшая до 2,4 % керамического набора (*Цыбин*, 1987. С. 44).

10. Поселение Покрова-Казацкое (Липецкая обл.) – несколько обломков (*Тропин*, 1999б. Рис. 1)

11. Поселение Невеже-Колодезное 1 (Задонский р-н Липецкой обл.) – в постройке второй половины XIV в. найден развал золотоордынского кувшина (*Земцов и др.*, 2007. С. 148).

12. Селище Аргамач-Пальна 5, неподалеку от г. Ельца (*Тропин*, 1999б. Рис. 1) – несколько обломков.

13. Селище Монастырщина-5 на Верхнем Дону (Тульская обл.) – 19 фрагментов сосудов (*Гоняный*, 2003. С. 16).

14. Никольское городище и его посад – поселение Никольское-5 (Знаменский р-н Тамбовской обл.). На городище в комплексах домонгольской эпохи встречены ручки “булгарских кувшинов” (*Андреев*, 2002. С. 92), а на посаде – два десятка обломков от пяти-шести импортных сосудов (кувшинов?) оранжевого и розового цвета (*Андреев, Романцов*, 2005. С. 104).

15–17. Поселения Бокино 5, Старое Тарбеево 1, Коровий Брод в верховьях Цны (Тамбовская обл.), где обнаружены обломки золотоордынской красноглиняной гончарной керамики (*Андреев*, 2006. С. 27).

18. Селище Озаричи (Сумская обл. Украины) – обнаруженные здесь в комплексах золотоордынского времени “обломки плоскодонных херсонесских амфор” (около 1% керамического комплекса) (*Беляева*, *Кубишев*, 1995. С. 82, мал. 65), в действительности, как видно из приложенной к публикации фотографии, являлись обломками красноглиняных кувшинов, произведенных в одном из золотоордынских центров.

19. Плиснеск (Украина) – обломок кувшина с вдавлением под нижним корнем ручки (цв. ил. 56, *4*). Резкие грани вдавления указывают на то, что оно было нанесено инструментом (палочкой?). Подобные вдавления встречаются на круговой керамике Крыма VIII–X вв., причем как на амфорах, так и на кувшинах.

20. Галич (Украина) – обломок белоглиняной ручки кувшина (цв. ил. 56, *5*), на нижнем прилепе которой также помещалось небольшое вдавление, которое указывает на северопричерноморское происхождение этого сосуда.

ГРУППА 2. КЕРАМИКА С ГРАВИРОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ

Гравированный орнамент на столовой керамике представлен обычно горизонтальными линиями, прочерченными палочкой или гребнем. Реже встречается волнистый орнамент и прочие его разновидности (вдавления и т.п.). Критерием для определения восточного происхождения керамики является не столько декор, сколько технологические характеристики формовочной массы (отсутствие примесей в глине или примесь шамота), морфологические и технологические признаки сосудов (следы вытягивания на круге). Находки керамики этой группы известны на Руси в десяти местах:

1. Городище Крутик (Вологодская обл.), датируемое X в. При раскопках здесь было обнаружено несколько обломков булгарской керамики (*Голубева*, 1978. С. 11; *Полубояринова*, 1993. С. 106), в том числе верхняя часть кувшина с гравированной линией по горловине (*Голубева, Кочкуркина*, 1991. С. 111, рис. 49).

2. Гнёздовский курганный могильник. Здесь при раскопках В.И. Сизова “Большого кургана” в богатом (вероятно, княжеском) погребении конца X в. (том же самом, где находилось византийское глазурованное блюдце с изображением сэнмурва – см. выше), были найдены обломки ойнохоевидного кувшина (рис. 48, *1*), на стенку которого было нанесено граффито в виде боевой секиры (*Сизов*, 1902. Табл. VIII, *2, 3*). Темно-серый цвет обломков, возможно, являлся следствием пережога сосуда в погребальном костре (напомним, что огонь сильно попортил и блюдо с сэнмурвом). Яркой отличительной особенностью кувшина был слив, выделенный в трубочку путем сжимания краев горловины до полного их соединения и дополнительного скрепления шва кусочком глины, налепленным сверху. В.И. Сизов предполагал булгарское или среднеазиатское происхождение этого кувшина (1902. С. 64). Ойнохоевидные кувшины действительно встречаются в керамике Волжской Булгарии и Средней Азии, однако там не известен прием выделения слива в трубочку при помощи глиняной скобы-налепа. Зато такой прием широко применялся в Закавказье. Аналогичное оформление горловины (рис. 48, *3*) встречается на неполивной керамике Двина уже в IV–VII вв. (*Кафадарян*, 1952. С. 275, рис. 174). В IX–X вв. такие кувшины бытовали в том же Двине (*Калантарян*, 1976. Рис. 16, *5*), а также в Барде (*Нуриев*, 1986. Рис. 4) и Байлакане. В последнем найдена горловина лепного (?) кувшина, полностью аналогичная гнёздовскому образцу (*Ахмедов*, 1959. Рис. 2). Совпадение прослеживается не только по способу оформления слива, но и по общей профилировке горла (в виде прямого раструба), месту крепления корня ручки (ниже венчика), наличию рельефного валика на горловине. В XI–XIII вв. в Грузии (Тбилиси) и Армении (Двин) продолжали изготавливаться поливные кувшины с точно таким же оформлением сливов (*Мицишвили*, 1979. Табл. LI; *Кафадарян*, 1982. Табл. XXIII, *2*; XXV, *5*) (рис. 48, *2*). Обломок неполивного кувшина с таким же оформлением горловины найден в Константинополе (*Hayes*, 1992. Fig. 60, *32*), но единичность этой находки свидетельствует об

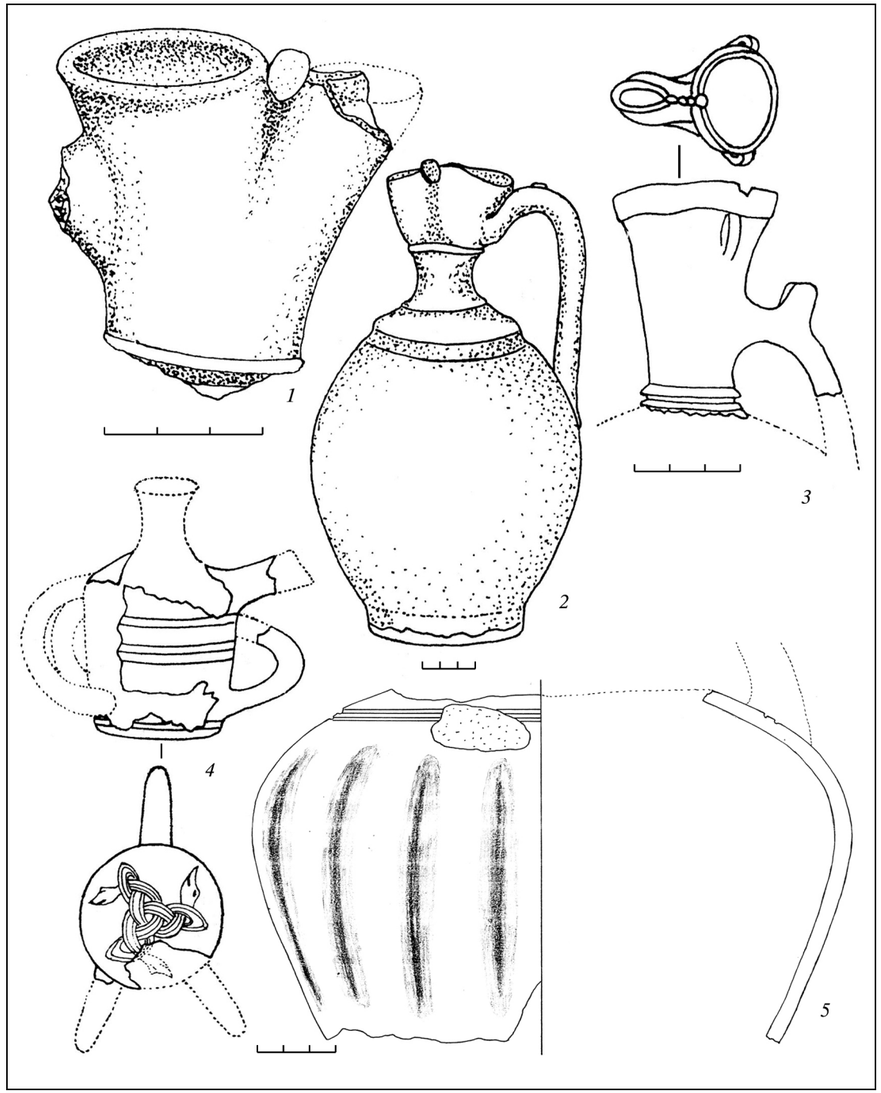

Рис. 48. **Неполивная столовая керамика с гравированным (*1–4*) и рельефно-моделированным (*5*) декором**

1 – Гнёздово, X в. (*Сизов*, 1902. Табл. VIII, *2*); *2* – Двин, XII–XIII вв. (*Кафадарян*, 1952. Табл. XXIII, *2*); *3* – Двин, IV–VII вв. (*Кафадарян*, 1952. Рис. 174); *4* – Шестовицы, X в. (*Бліфельд*, 1977. Табл. XXIX); *5* – Москва

импортном характере образца. Следует отметить оформленную тем же способом (но без налепа!) горловину неполивного кувшина с Селитренного городища (*Fyodorov-Davydov*, 1984. Fig. 55, *5*), где в XIV в. работали мастера-керамисты из Закавказья. Наконец, точно такое же выделение слива в трубочку известно на “старинной” керамике Дагестана (*Кильчевская*, *Иванов*, 1959. Рис. 28).

Таким образом, единственным возможным местом производства гнёздовского кувшина является Закавказье, а наиболее вероятным временем его изготовления IX–X вв. Отсюда можно предположить, что появление этого уникального для Восточной Европы закавказского сосуда в богатом погребении конца X в. могло быть связано с известным походом русов на Барду в 943–944 гг.

3. Торжок – 6 обломков от трех кувшинов[599], изготовленных вытягиванием из светло-красной глины без примесей или с примесью очень мелкого песка и слюды. Вероятно, они были привезены из различных районов Причерноморья.

[599] 1999 (Воздвиженский 1а раскоп).

4. Москва – 2 образца. Один из них представляет собой нижнюю часть кувшина, изготовленного из жирной ярко-красной глины сорта А с многочисленными округлыми пустотами от органической (или карбонатной?) примеси (рис. 47, *5*) (*Векслер*, 1993. С. 582; *Коваль*, 1997е. Рис. 4, *12*). По манере среза излишков глины у дна ножом и профилировке кувшин находит аналогии в керамике Волжской Булгарии золотоордынской эпохи (*Хлебникова*, 1988. Рис. 34, *2, 5, 7,* 36, *2, 9*; *Васильева*, 1988. С. 126–127), однако очень яркий цвет этого изделия выводит его из круга типичной булгарской керамики. Второй обломок дна кувшина[600] был изготовлен из *формовочной массы восточно-крымского типа* (светло-красная глина с примесью красного шамота и органики). Обе находки происходят из слоев золотоордынской эпохи.

5. Боршевские курганы в Подонье – 3 красноглиняных кувшина из погребений X в. (*Винников*, 1995. С. 91, рис. 33, *7, 16*; 34, *9*), связанных своим происхождением с керамикой круга салтово-маяцкой (алано-болгарской) культуры Хазарского каганата IX–X вв. (*Плетнева*, 1959. Рис. 15–26). Аналогичные кувшины, найденные в Херсоне, также принадлежат к алано-болгарской традиции керамического производства (*Якобсон*, 1979. С. 62, 80).

6. Верхнекарабутские I и II селища (Воронежская обл.) на степном пограничье Рязанской земли, существовавшие в XIII–XIV вв. На селище 1 был найден развал кувшина высотой 55–60 см, изготовленного их ожелезненной глины с примесью песка и шамота (*Цыбин*, 2009. С. 153; *Цыбин*, 1987. С. 44–46, рис. 4, *1*). На селище 2 встречены обломки от двух–трех золотоордынских кувшинов из краснокоричневой глины с примесью мелкого песка (*Цыбин*, 2009. С. 153; 1989. С. 162–163, рис. 3, *10*, 4, *15–17*).

7. Поселение Каменное на р. Матыре (приток р. Воронеж) – около 50 обломков сосудов (*Тропин*, 1999б. С. 142, рис. 2, *1–6*).

8. Поселение Казинка на р. Матыре – 37 обломков кувшинов из ожелезненной (красножгущейся: от светло-красного до коричневого цвета) глины без видимых примесей или с округлыми порами. Встречено дно со следами среза с гончарного круга нитью и стенки с зональным линейным и фестончатым гребенчатым волнистым орнаментом.

9. Шиловское поселение (в черте г. Воронежа) – 58 обломков от не менее чем 15 кувшинов (*Прях ин и д*р., 1987. С. 25, рис. 12, *4–9*), причем среди них были как тянутые сосуды, так и изготовленные ленточным налепом. Формовочные массы в основном с небольшой примесью мелкого песка, лишь на одном обломке отмечено присутствие крупных карбонатов. Орнамент линейный, волнистый и диагонально-накольчатый, нанесенный четырехвосьмизубой гребенкой.

[600] ЦАИ–1995 (ул. Ильинка).

10. Животинное городище на р. Воронеж (количество находок не установлено) (*Винников*, 1992. С. 126).

12. Шестовицкий курганный могильник (близ Чернигова) X - начала XI в. В кургане VIII 1948 г. (№ 105 по Д.И. Блифельду) были найдены обломки водолея[601] (сохранившаяся высота 13 см, диаметр 9–11 см) с тремя ручками и трубчатым носиком-сливом (*Бліфельд*, 1977. С. 174, табл. XXIX) (рис. 48, *4*), изготовленного вытягиванием (о чем свидетельствует рифление на его внутренней поверхности) из слабоожелезненной глины без видимых примесей, но с единичными включениями мелких карбонатов. Эти признаки ясно свидетельствует об импортном характере сосуда, однако морфологические аналогии ему не известны. Стенки сосуда украшены линейным орнаментом, на нижней стороне дна имеется гравированный (по уже обожженной поверхности) рисунок в виде сложной плетенки с тремя змеиными головами, выполненный в скандинавской орнаментальной традиции. Автор этого рисунка, вероятно, был скандинавом, но сам сосуд, несомненно, происходил из стран Востока, поскольку ни на Руси, ни в Скандинавии изделия столь высокого качества и технологического уровня в X–XI вв. не производились. Формовочная масса водолея близка причерноморским изделиям, но более вероятно его происхождение из Закавказья или еще более дальних стран (Иран, Сирия). Функционально это афтоба (сосуд для ритуального омовения), т.е. вещь явно исламская. Попасть в руки русского воина (не вдаваясь в детали его происхождения, национальности, статуса и т.п.) этот сосуд мог только как трофей, захваченный в одном из дальних походов, совершавшихся русскими дружинами. Использовался он, разумеется, не по назначению, а играл роль сувенира, поскольку найти ему применение с какими-либо иными целями в то время было явно затруднительно – его объем слишком мал.

ГРУППА 3.
КЕРАМИКА С ГРАВИРОВКОЙ
И РЕЛЬЕФНОЙ МОДЕЛИРОВКОЙ ТУЛОВА

Кувшины и другие сосуды из сильноожелезненной (красно-коричневой) глины сорта Б (с примесью мелкого и среднего по размерам песка) с вертикальными вдавлениями (“каннелюрами”) по тулову изготавливались в Волжской Булгарии второй половины XIV–XV в. (*Хлебникова*, 1988. Рис. 38, *7, 9*), но такой декор не имел здесь собственных генетических корней, а происходил, видимо, от

[601] Киевский музей археологии–1456/2589. Сосуд догипсован, его верхний край (с горловиной) реконструирован произвольно.

домонгольской керамики Закавказья (*Якобсон*, 1979. С. 83, рис. 50, *2, 3*), традиция производства которой могла быть принесена эмигрантами из Армении или мастерами, плененными при набегах золотоордынских ханов на Закавказье. Вместе с выходцами из Армении такая керамика появилась в IX–X вв. и в Крыму (*Якобсон*, 1979. Рис. 50, *1*). Для XII–XIII вв. подобная керамика известна во многих центрах Азербайджана (Орен-Кала, Старая Ганджа) (*Наджафова*, 1964. С. 23, рис. 10).

Находки такой посуды известны на Руси в двух местах:

1. Москва – 1 крупный обломок стенки кувшина[602] (рис. 48, *5*) был найден в комплексе XIV в. в Китай-городе (*Коваль*, 1997в).

2. Тверь – обломки трех кувшинов обнаружены в комплексах второй половины XIII–XV вв., причем внешнее сходство теста этих сосудов с тверской керамикой позволило авторам раскопок предполагать их местное производство (*Кобозева и др.*, 1996. С. 204).

ГРУППА 4.
АНГОБИРОВАННАЯ КЕРАМИКА

Облицовка поверхности сосуда слоем ангоба – довольно распространенный прием в гончарстве стран Востока. При этом использовались как ангобы того же (или близкого) цвета, что и основа, так и резко отличающегося, прежде всего, белый ангоб, изменявший весь облик красноглиняного сосуда.

ТИП 1. БЕЛОАНГОБИРОВАННАЯ КЕРАМИКА

1. Коломна – обломок дна сосуда[603] из ожелезненной глины без видимых примесей, внешняя поверхность которого (включая дно) была покрыта тонким слоем белого ангоба. На нижней стороне дна, внутри кольцевого поддона, палочкой была выгравирована сплошная спираль (цв. ил. 57, *2*). Аналоги такому оформлению не известны, однако надо отметить его отдаленное (хотя и чисто формальное) сходство со спиральными метками на днищах азербайджанских глазурованных чаш XIII–XV вв. (*Исмизаде, Ибрагимов*, 1983. Табл. XXX, *7, 8*; XXXI, *1–5*).

2. Поселение Полазово на р. Воронеж – развал верхней части кувшина из светло-красной глины, насыщенной мелкодисперсным песком, с редкими включениями карбонатов и остатками белого ангоба на внешней поверхности (*Тропин*, 2004. Рис. 99, *3*). Кувшин изготовлен ленточным налепом, на тулове – несколько витков линейного орнамента, на нижнем корне ручки – пальцевое вдавление (цв. ил. 57, *1*). Подобные вдавления были распространены на керамике Крыма и Северного Причерноморья VIII–XIII вв.

[602] ЦАИ (ул. Ильинка)–1995–1 (уч.2)–пол. № 221.
[603] ККМ–2003–пол. № 1058.

3. Торжок – развал (21 обломок)[604] кувшина, частично обгоревшего в пожаре. Кувшин был изготовлен вытягиванием из светло-красной глины с мелким песком, единичными включениями остроугольных кварцитов и пор от выгоревшей органики. Верхняя часть тулова была покрыта линейным орнаментом и расчесами гребенки, поверх которого был нанесен белый ангоб (цв. ил. 57, *3, 4*).

ТИП 2. КРАСНОАНГОБИРОВАННАЯ КЕРАМИКА

Такие сосуды изготавливались из ожелезненной глины, но красный ангоб на поверхностях сосудов всегда был более яркого тона.

1. Ростиславль-Рязанский – 3 обломка горшка с вертикальным венчиком, украшенным линейным орнаментом (цв. ил. 57, *8*), происходившие из комплексов золотоордынской эпохи. Форма и декор венчика этого горшка находит аналогии в керамике первой (общебулгарской) группы из Болгара (*Хлебникова*, 1988. Рис. 50, *2, 6, 9*; 51, *8*), однако облицовка сосудов красным ангобом не получила там заметного распространения. Поэтому можно полагать, что данный горшок был изготовлен на периферии Волжской Булгарии или в каком-то ином районе Золотой Орды.

2. Поселение Казинка на р. Матыре – 10 обломков от одного кувшина, изготовленного из бледно-желтоватой глины с мелкодиспесным песком и мелкими порами от выгоревшей органики[605].

ГРУППА 5.
КЕРАМИКА С РОСПИСЬЮ АНГОБОМ

Роспись ангобом – один из распространенных приемов декорирования керамики, применявшихся в разное время как в странах Востока, так и на Руси. Чаще всего использовалась роспись белым ангобом, но известны и сосуды с разноцветными ангобами.

ТИП 1.
КЕРАМИКА С РОСПИСЬЮ БЕЛЫМ АНГОБОМ

Линейно-точечная роспись белым ангобом проводилась по стенкам и ручкам кувшинов и других сосудов, изготавливавшихся вытягиванием (с рифлением вытягивания на внутренней поверхности) из темно-коричневой глины с примесью мелкого цветного песка и включениями карбонатов. Такая керамика происходила, по мнению ряда исследователей, из Юго-Западного Крыма (*Волков*, 1992а. С. 12–13; *Масловский*, 2006. С. 385, 386). Конкретные места ее производства не установлены, но именно в Крыму она была распространена особенно широко: ее находки известны в Херсонесе (*Романчук, Седикова*, 1991. С. 40, рис. 5–7), Мангупе (*Якобсон,* 1953. С. 396, 399, 410), Алуште (*Мыц*, 2002. С. 170, рис. 41–43; 2009. Рис. 218–221)

[604] Музей Торжка–1999–1а–б/№.
[605] Раскопки 1969 г. (сообщение Н.А. Тропина).

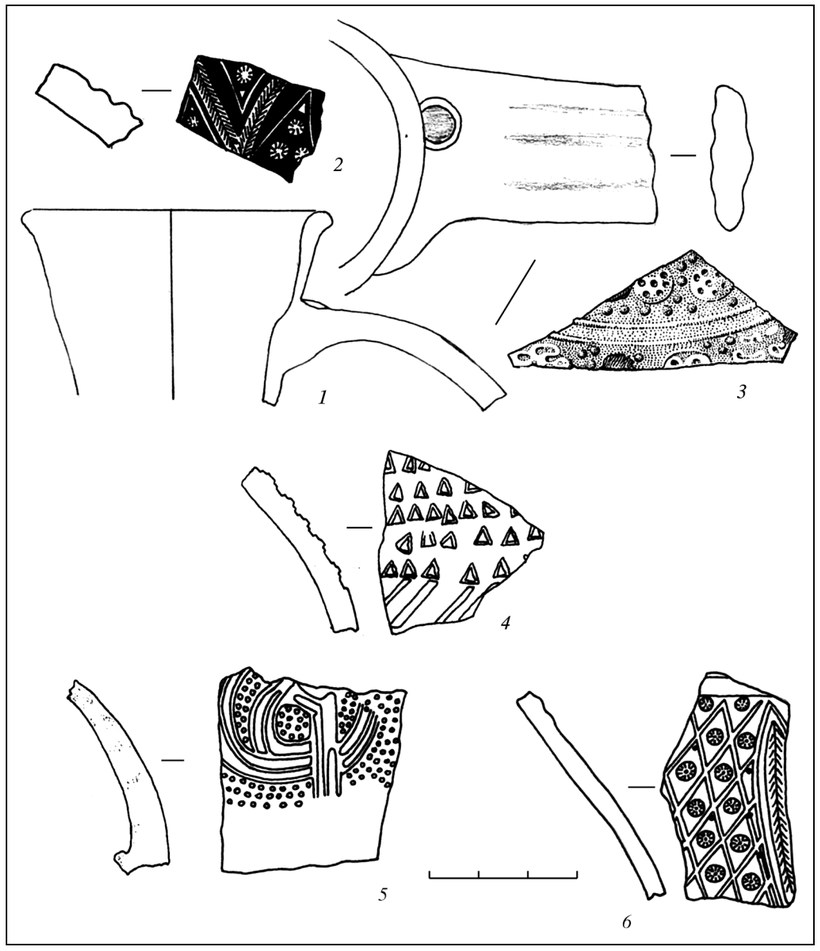

Рис. 49. **Неполивная керамика с росписью ангобом (*1*) и с тисненым декором (*2–6*) из Крыма XII–XIII вв. (*1*) и Золотой Орды XIV в. (*2–6*)**

1 – селище Лесковое (близ Чернигова); *2* – Тверь; *3* – Москва (*Латышева*, 1971. Рис. 3); *4* – Переяславль-Рязанский; *5*, *6* – Пронск

(цв. ил. 58, *1*), Судаке, а также многих других местах. За пределами Крыма такая керамика известна на Таманском полуострове, в Белгороде-Днестровском, Маджаре, Нижнем Поволжье и в Азовке (*Масловский*, 2006. С. 385, рис. 31, *2–4*).

На территории Руси подобные "коричневоглиняные" кувшины встречены в двух местах:

1. Селище Лесковое (Украина, Черниговская обл.) – 1 обломок горловины кувшина с ручкой[606] (цв. ил. 56, *3*; рис. 49, *1*) с "пальцевым" вдавлением в месте прилепа. Поскольку основная масса материала с селища Лесковое относится к домонгольскому времени, к этому же периоду можно отнести и данную находку. Пальцевые вдавления на верхнем и нижнем прилепах ручек кувшинов – характерная черта крымского керамического производства VIII–XIII вв.

2. Москва – развал (7 обломков)[607] кувшина с росписью вертикальными полосами белого ангоба, полностью идентичного аналогиям из Юго-Западного Крыма.

[606] ЧИМ–1978–44-23/254.

ТИП 2.
КЕРАМИКА С ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ (БЕЛЫМ, ЧЕРНЫМ И КРАСНЫМ АНГОБАМИ)

К этому типу относится керамика из ожелезненных (от светло-красного до коричневого цвета) глин

[607] 2005 (храм Василия Блаженного)–пол. № 172, 207, 209.

с обильной примесью мелкого и крупного песка, представленная кувшинами с полихромной росписью неводостойкими ангобами. Рисунок этой росписи имел черные или белые контуры и закраску полос и полей белым ангобом. Иногда они закрашивались поверх белого (или прямо по основе) красным ангобом. Ангобы на этой керамике имели неплотное сцепление с основой и легко отслаивались от нее. Мотивы росписи разнообразны: горизонтальные и волнистые пояса, плетенки, круглые медальоны с изображениями цветков.

Предполагается, что такая керамика изготавливалась в Юго-Западном Крыму (исходя из сходства ее формовочной массы с тестом коричневоглиняной керамики типа 1). Правда, ярких образцов ее там не известно, но они встречены в Азове (*Белинский, Масловский*, 1998. Рис. 18, *3*; *Масловский*, 2006. С. 385, рис. 31, *б*).

На территории Руси такая керамика найдена в двух местах:

1. Киев – обломок плечика кувшина[608] из светлой глины (смеси белой и розовой глин?) с примесью мелкого песка (цв. ил. 58, *5*). Находка происходит, вероятно, из раскопок М.К. Каргера в Десятинной церкви (маркировки на ней нет).

2. Тверь – обломок стенки кувшина из раскопок в кремле (цв. ил. 58, *6*).

ГРУППА 6.
ТИСНЕНАЯ КЕРАМИКА

Тисненую в форме-“калыпе” неполивную керамику, не вполне верно называемую в литературе “штампованной” (см. выше), изготавливали в странах Востока с IX по XV в., как имитацию дорогих серебряных чеканных сосудов (*Дьяконов*, 1949. С. 91; *Гражданкина*, 1965. С. 174, 175; *Watson*, 2005. P. 95). В XI–XIII вв. такая керамика получила широкое распространение в Иране и Средней Азии (*Пугаченкова*, 1958. С. 78–91; *Лунина*, 1960. С. 62–68; 1962). После монгольского нашествия производство такой керамики получило дальнейшее развитие в Хорезме и золотоордынских городах Поволжья (*Вактурская*, 1959. С. 326–327; *Федоров-Давыдов*, 1994. С. 142–147, рис. 27, 28; *Панина, Волков,* 2000. С 89; *Самашев и др.*, 2008. С. 160–169). Известны и среднеазиатские кувшины с надписями, содержавшими имя мастера (резчика “калыпа”?) и дату – 1321 г. (*Давидович*, 1960. С. 109–113). С XIV в. похожую керамику, в том числе покрытую зеленой глазурью, начинают выпускать золотоордынские центры Восточного Крыма – Судак и Солхат (Старый Крым) (*Баранов*, 1991. С. 110; *Джанов*, 1999; *Масловский*, 2006. С. 359, 368, рис. 18, *11, 12*; 24). Отличительными особенностями среднеазиатской и хорезмской тисненой керамики XIV в. являются серый или коричневатый цвет поверхности сосудов, редкость зооморфных мотивов в декоре (при полном отсутствии антропоморфных) и мелкоточечное заполнение фона рисунка (цв. ил. 59, *1*). Сырьем для изготовления “сероглиняной” керамики служили обычные ожелезненные (красножгущиеся) или слабоожелезненые глины, обжиг которых проводился в восстановительном режиме (*Гражданкина*, 1965. С. 175). Тисненая керамика изготавливалась вытягиванием на гончарном круге отдельных частей сосудов (нижняя половина, верхняя часть, горловина), которые помещались затем в форму-“калып” с контррельефным рисунком, с помощью которой производилось тиснение выпуклого рельефа на их поверхности. Затем части сосуда изымали из калыпов, соединяли при помощи жидкой глины (барботина) и обжигали.

Тисненая керамика, изготавливавшаяся в золотоордынских городах Поволжья, отличалась красным или зеленовато-серым цветом черепка, северокавказская (из Маджар) – желтым (*Панина, Волков*, 2000), а крымская – ярко-красным цветом, отсутствием примеси песка при наличии включений красного шамота. Одновременно с золотоордынским, продолжалось производство такой керамики в Закавказье (*Исмизаде, Ибрагимов*, 1983), Иране и Сирии (*Watson*, 2005. P. 113, 118, 120–127).

Все известные на территории Руси находки тисненой керамики относятся к золотоордынской эпохе (второй половине XIII–XIV в.). Происходят они из девяти пунктов:

1. Белоозеро – 3 обломка от двух различных сосудов (*Голубева*, 1973б. С. 188, рис. 61, *1–3*).

2. Тверь – 1 обломок кувшина (*Жилина*, 1986. Рис. 188, *9*) и 16 обломков[609] от двух фляг (цв. ил. 59, *4–8*; Рис. 49, *2*). Фляги с тисненой поверхностью были широко распространены в кочевнической среде и часто встречаются в золотоордынских комплексах в Поволжье.

3. Нижний Новгород – 5 обломков[610] от не менее чем трех сосудов (среди них 1 фляга), изготовленных из глины серого цвета или с коричневатым цветом поверхности (цв. ил. 59, *9, 10*).

4. Москва – 8 находок. Один обломок найден в Кремле (рис. 49, *3*) (*Латышева*, 1971. Рис. 3), 2 обломка фляг – в Зарядье (*Дубынин*, 1959. С. 92, 93, рис. 40, *7, 8*; *Розенфельдт*, 1968. С. 69), 3 обломка от двух кувшинов – на ул. Ильинке. Особенный интерес представляют 2 обломка кувшина из раскопок храма Василия Блаженного (на Красной площади), декор которого включал, кроме тисненого узора (цв. ил. 60, *5*), еще вставки из обломков поливной кашинной керамики, покрытой бирюзовой прозрачной глазурью (цв. ил. 60, *4*)[611]. Подобный способ декора был распространен только в Ширване в XIV в. Находки керамики, декорированной таким образом, известны, например, в Старой Гандже (*Левиатов*, 1940. С. 6) и Кабале (*Исмизаде*, 1964б. С. 94).

5. Коломна – обломок кувшина серого цвета[612], с мелкоточечным заполнением фона рисунка относился к типичной продукции Хорезма (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 302, рис. 6, *5*).

6. Владимир – 3 обломка фляги серого цвета (*Кабаев, Гальчук*, 2007. Рис. 4, *16-18*) (цв. ил. 59, *2*).

7. Переяславль-Рязанский – 3 обломка от двух сосудов – хорезмского кувшина серого цвета с изображениями рыбок и арабской надписью (*Монгайт*, 1961. Рис. 146, *4,5*; *Коваль, Судаков*, 1995. С. 133, 134) (цв. ил. 60, *1, 2*) и сосуда из жирной желтозоватой глины без видимых примесей, обожженного в окислительном режиме. Кроме необычной формовочной массы, оригинален и орнамент из рельефных треугольников пирамидальной формы (*Коваль, Судаков*, 1995. С. 134, рис. 3, *5*) (цв. ил. 60, *3*; рис. 49, *4*). Глина желтого цвета применялась в гончарстве средневекового Баку в XII–XIV вв., где, кстати, известны и кувшины с декором из рельефных треугольников (*Исмизаде, Ибрагимов*, 1983. С. 8, 19, 21, табл. VII, *10, 12*; XX, *1*).

8. Пронск – 3 обломка хорезмских сероглиняных кувшинов (рис. 49, *5, 6*).

9. Городище Сокольцы (Украина, Винницкая обл.) – крупный обломок кувшина-афтоба с носиком-сливом (*Кучера*, 1965. Рис. 5, *8*).

Серия 2. Лощеная керамика

Керамика с дополнительной обработкой поверхности лощением являлась одним из характерных типов неполивной керамики, бытовавшей у населения евразийских степей в VIII–XVI вв. Контакты с этим населением вызвали импорт такой керамики в лесную зону Восточной Европы и, в том числе, на территорию расселения славян и в древнерусское государство, по крайней мере, с IX в. В некоторых периферийных зонах возникало локальное производство лощеной керамики (например, лощеная керамика волынцевской культуры, VIII в.) в русле традиций гончарства салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. Особенно широко лощеная керамика была распространена в X–XIV вв. в Волжской Булгарии и Северном Причерноморье (*Плетнева*, 1967. С. 114–128; *Хлебникова*, 1988. С. 7–102; *Волков*, 1992а. С. 5–7). В XIV в. красноглиняная лощеная керамика начала производиться в Северо-Восточной Руси (Москва, Коломна, Владимир) переселившимися (или переселенными?) сюда мастерами из Волжской Булгарии и их русскими учениками (*Розенфельдт*, 1968. С. 12). В Москве это производство достигло высшего развития в XV–XVI вв., а в некоторых районах России продолжалось вплоть до XIX в.

Вся импортная лощеная посуда относится к одному виду – керамике из ожелезненных (красножгущихся) глин. Ее отличительными особенностями являются:

– формовочная масса сортов А (без видимых примесей) или Б (с примесью мелкого песка);

– цвет черепка, который может быть не только красным, но также коричневым, иногда желтоватым или даже серым;

– полосчатое лощение (обычно, вертикальное или наклонное), с заметными интервалами между полосами;

– особенности профилировки сосудов (например, расширенное горло и глубокое волнообразное рифление внешней поверхности горловины кувшинов, рельефный горизонтальный валик на шейках корчаг булгарского производства). С другой стороны, среди импортных сосудов отсутствуют, например, столь характерные для московской продукции усеченно-конические кувшины-кружки, копировавшие привозные медные сосуды;

– лощение, доходящее до самого дна сосуда;

– лощение поверх гравированного орнамента, с частичным затиранием этого орнамента;

– “фестончатая” (род волнистой) орнаментация.

Лепная лощеная керамика представлена на территории Древней Руси двумя находками в погребениях Тимеревского могильника X – первой половины XI в.: светло-серым кувшином из кургана 301 (цв. ил. 60, *7*) и коричневым горшком из кургана 80, происходившими с территории Волжской Булгарии (*Мальм*, 1963. С. 49, рис. 28).

Круговая лощеная керамика найдена на Руси в 52 местах[613]:

1. Белоозеро – более 50 обломков лощеных сосудов Волжской Булгарии (кувшинов, горшков, чаш), основная масса которых происходит из слоев X в. (*Голубева*, 1973б. С. 178–179; *Полубояринова*, 1993. С. 105).

2. Селище Никольское-5 на р. Кеме (Белозерье) – 7 обломков (*Макаров и др*., 2001. С. 66, рис. 22, *5*).

3. Селище Никольское-6 на р. Кеме – несколько обломков булгарских сосудов. Селище датируется последней третью X в. (*Башенькин*, 1986. С. 11; *Полубояринова*, 1993. С. 106).

4. Поселение Минино I на Кубенском озере – 2 обломка булгарской керамики. Поселение существовало в X–XIII вв. (*Макаров, Захаров*, 2000. С. 152).

5. Поселение Октябрьский мост (в черте г. Череповца) – единичные находки булгарской керамики (*Кудряшов*, 2000б. С. 56).

---

[608] ГЭ–Эра-5а/284.

[609] НГОМЗ–1994–11–104, 126, 127, 185, 238–243, 246, 296, 391; 1995–11–49; 1996–11–97; 1997–11–203.

[610] 2001–пол. № 585, 949, 952, 2756, 2825.

[611] 2005–пол. № 100, 125. Поскольку они побывали в пожаре, их поверхность потемнела, а кашинные вставки несколько изменили свой цвет и на них выступили красноватые пятна восстановившейся из окислов меди.

[612] ККМ–2001–пол. № 250.

[613] Свод находок керамики Волжской Булгарии на территории Руси опубликован М.Д. Полубояриновой (1989. С. 179–189; 1993).

6. Селище Андрюшино-Ирма на р. Шексна (Вологодская обл.), датируемое X–XI вв. (*Кудряшов*, 2000а. С. 36).

7. Курган 10 Нюбиничской группы на р. Оять (Юго-Восточное Приладожье) – целый лощеный кувшин из оранжевой глины из финского погребения начала XI в. (*Кочкуркина*, *Линевский*, 1985. С. 130, 138, 203. Рис. 4, *1*; *Полубояринова*, 1993. С. 107, рис. 41, *3*). Публикаторы указали для него салтовские аналогии, однако для XI в. такие аналогии уже не актуальны. Аналогичные кувшины известны для этого времени в Волжской Булгарии (*Голубева*, *Кочкуркина*, 1991. С. 111; *Полубояринова*, 1993. С. 107), гончарство которой во многом наследовало салтовские традиции.

8. Великий Новгород – развал кувшина[614] с гравированным линейным и фестончатым орнаментом (цв. ил. 60, *6*; Рис. 50, *2*) (*Koval*, 2006. Fig. 10.4, *1*), аналогии которому известны в Волжской Булгарии X–XI вв. (*Хлебникова*, 1984. Рис. 22, 6; 1988. Табл. 34, *3, 4*; 35, *2*). Характерные особенности кувшина – ангобирование внешней поверхности и крепление верхнего конца ручки "на пробой" (стержнем через отверстие в стенке), отсутствие следов подсыпки или среза на дне.

9. Торжок – 15 обломков[615] от четырех разных кувшинов коричнево-красного цвета (вероятно, из Волжской Булгарии).

10–12. Ярославские могильники (Тимеревский, Петровский) и Тимеревское поселение (*Полубояринова*, 1993. С. 105). На Тимеревском могильнике в кургане 237 найден лощеный кувшин, а в кургане 80 – обломки коричневоглиняного горшка (*Мальм*, 1963. С. 49). Второй лощеный кувшин происходит из кургана 44 в Петровском могильнике (*Мальм*, 1963. Рис. 12).

13. Городец на Волге – несколько обломков сосудов в слоях домонгольского времени (*Медведев*, 1960. С. 76; *Полубояринова*, 1993. С. 105).

14. Городище "Оленья гора" (крепость, построенная в Нижегородском княжестве во второй половине XIV в.) (*Черников*, 1967. С. 91).

15. Нижний Новгород – количество находок не установлено. В коллекции из раскопок в Кремле присутствует край горловины кувшина с прикрепленной к нему ручкой[616] из ожелезненной (красной) глины без видимых примесей, встреченный в комплексе золотоордынской эпохи (рис. 47, *4*). Кувшины с подобным креплением ручек были широко распространены в поволжских городах Золотой Орды (*Федоров-Давыдов*, 2001. Табл. 29, *1*; 41, *2*; 43, *2, 3*; 45, *2*; 47, *4, 5* и др.), однако тонкая формовочная масса не характерна для этого региона, что заставляет предполагать происхождение сосуда из Причерноморья, где подобные формы также были известны (*Романчук*, 2003. Табл. 217, *B11, B12*; 219, *B25, B29, B30*).

16. Селище Ближнее Константиново-1 (около Нижнего Новгорода) – 1262 обломка (чуть более 1 % всей керамики из раскопок памятника) (цв. ил. 60, *9*; 61, *4, 5*). Среди них выделим обломки крупного кувшина высотой более 40 см и диаметром около 38 см (*Грибов, Коваль*, 2007. С. 223, рис. 3). Кувшин имел толстые (до 1 см) стенки и богатый декор, состоявший из рельефных налепных деталей (горизонтальных валиков шириной 1 см и высотой до 0,5 см, и дисковидных налепов диаметром 0,5 см, разбросанных по верхней части тулова), гравированного (линейного и волнистого) орнаментов, а также наклонных отпечатков многозубого штампа (цв. ил. 61, *3*; рис. 50, *3*). Рельефная и врезная орнаментация дополнялась декоративным лощением, выполненным в виде вертикальных полос различной ширины (узких на горле и широких на тулове) и покрывавшим всю поверхность кувшина. Все элементы декора этого кувшина известны среди керамики Волжской Булгарии, но столь разнообразно декорированные сосуды встречаются нечасто даже там. Одним из характерных признаков булгарской керамики являются дисковидные налепы, встречающиеся на кувшинах позднезолотоордынского периода (*Кокорина*, 2002. С. 124, рис. 73, *5*).

17. Селище "Большая Тарка" (Нижегородская обл.) – 1 краснолощеный кувшин. Селище датируется концом XIII–XVI вв. (*Черников*, 1995. С. 123).

18. Ростов – булгарская лощеная керамика (цв. ил. 60, *8*; рис. 50, *1*) найдена в слоях X–XIII вв. (*Полубояринова*, 1993. С. 104), причем появляется она здесь в конце X в., а уже в XI в. ее доля в керамических комплексах составляла до 3% (*Родина*, 2004. С. 70).

19. Сарское городище – несколько крупных обломков булгарских сосудов в слоях конца X – начала XI в. (*Леонтьев*, 1996. С. 185; *Полубояринова*, 1993. С. 104).

20. Селище Шурскол-2 близ Ростова – отдельные фрагменты булгарской керамики (четырех горшков и кувшина) X–XII вв. (*Исланова*, 1982. С. 194; *Полубояринова*, 1993. С. 104).

21. Городище Сунгиревское – булгарская керамика в насыпи вала XII в. (*Воронин*, 1954б. С. 9; *Полубояринова*, 1993. С. 104).

22. Гороховец – булгарская керамика в слоях XII–XIII вв. (*Седов*, 1959. С. 88; *Полубояринова*, 1993. С. 104).

23. Ярополч-Залесский – обломки не менее чем семи булгарских сосудов (кувшинов, корчаг, миниатюрного сосуда) в домонгольских слоях (*Седова*, 1978. С. 96; *Полубояринова*, 1993. С. 104).

24. Муром – более 90 обломков булгарской лощеной керамики в домонгольских слоях (*Полубояринова*, 1993. С. 105; *Чалых*, 1984; 1985; 1986; 1987).

[614] НГОМЗ–1994–Троицкий 10–пол. № 19-1046-24.

[615] Музей Торжка–1999–1а–пол. № 435, 501, 1186, 1187, 1482; 2–пол. № 1000.

[616] 2001–яма 49.

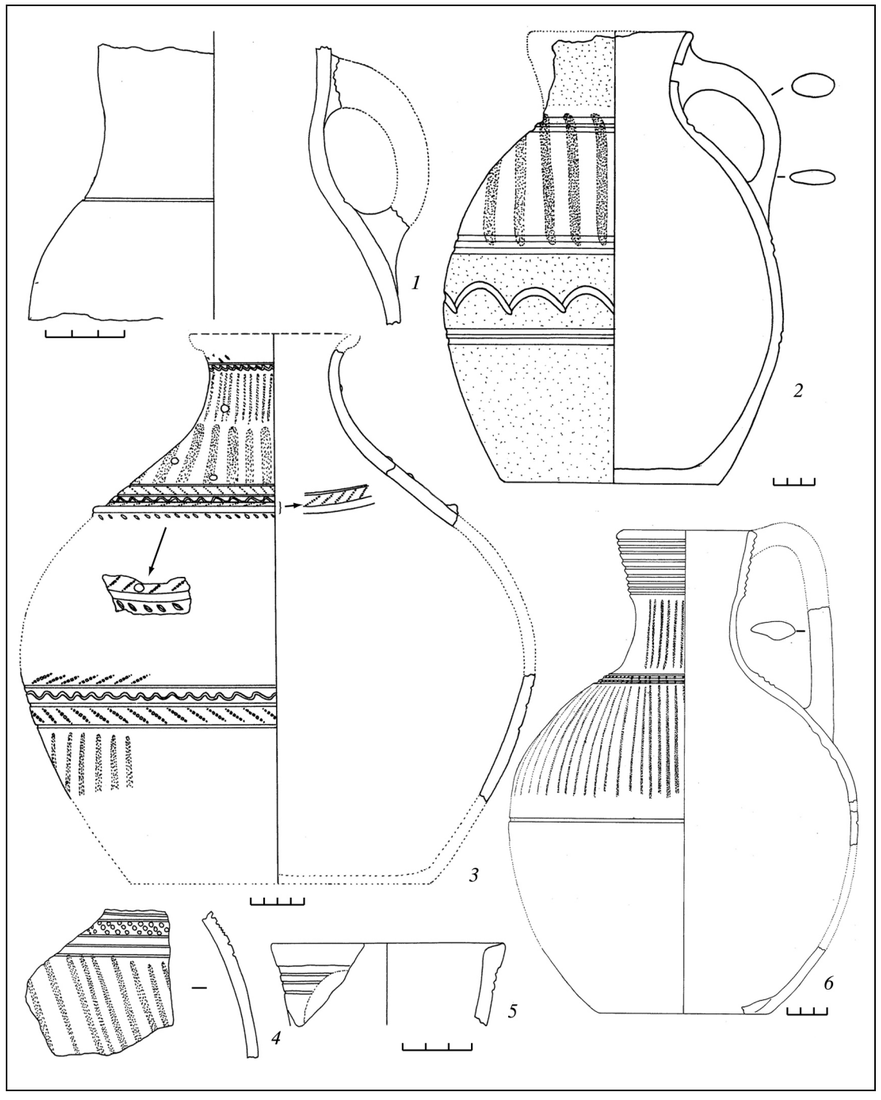

Рис. 50. **Краснолощеная столовая посуда из Волжской Булгарии X–XV вв.**

1 – Ростов (X в.); *2* – Великий Новгород (X в.); *3* – селище Ближнее Константиново 1 (XIV в.); *4–6* – Старая Рязань (XIII–XV вв.)

25, 26. Тумовское и Чебашихинское селища около Мурома – булгарская керамика X–XI вв. составляет до 25% всей керамики, собранной на этих памятниках (*Халиков*, 1986а. С. 14). К сожалению, сами находки не опубликованы.

27. Владимир – булгарская лощеная керамика найдена здесь в слоях домонгольского времени (*Седов*, 1963. С. 40; *Полубояринова*, 1993. С. 104).

28. Суздаль – многочисленные обломки булгарской лощеной керамики происходят из слоев XII–XIII вв. (*Полубояринова*, 1993. С. 102–103). В их числе – 3 целых сосуда: 2 кувшина[617] (цв. ил. 61, *1*) и маленькая корчага (рис. 51, *1–3*) (*Седова*, 1997. Рис. 37, *1–3*; *Родина*, 2004. С. 71, рис. 29), найденные в подполье жилого дома вместе с иранским полуфаянсовым кувшином "султанабадского" типа (второй половины XIII – первой половины XIV в.) (см. цв. ил. 24, *3*). Данный комплекс, рассматривавшийся ранее как домонгольский, относится, очевидно, к раннезолотоордынскому времени (*Коваль*,

[617] ВСГМЗ–1973–В46784/34.

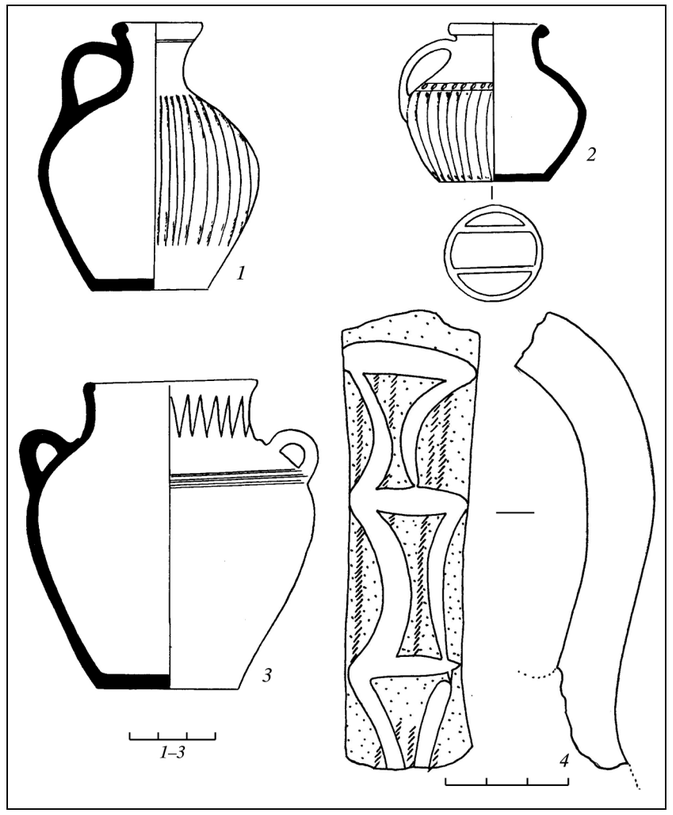

Рис. 51. **Краснолощеная (в том числе с росписью белым ангобом – *4*) столовая посуда из Волжской Булгарии XIII–XIV вв.**
1–3 – Суздаль (*Седова*, 1997. Рис. 37, *1–3*); *4* – Муром

2010), а сходство булгарских сосудов с продукцией домонгольской эпохи демонстрирует постепенность происходивших в XII–XIV вв. изменений в профилировке и декоре керамики Волжской Булгарии.

29. Селище Гнездилово (около Суздаля) – булгарская керамика найдена в слоях X–XII вв. (*Полубояринова*, 1993. С. 104).

30. Бутовское городище (Суздальский район) – несколько обломков в подъемном материале (*Полубояринова*, 1993. С. 104).

31. Поселение у С. Городец (Владимирская обл.) – аналогичные находки (*Полубояринова*, 1993. С. 104).

32. Селище Кибол 2 (Владимирская обл.) – 1 обломок булгарского сосуда в подъемном материале (*Полубояринова*, 1993. С. 104).

33. Москва – в слоях XIII–XIV вв. здесь иногда встречаются обломки краснолощеной керамики из Волжской Булгарии (*Беляев*, 1991. С. 47) и даже развалы кувшинов[618] (цв. ил. 61, *2*). К их числу относится и целый кувшин (цв. ил. 58, *4*), содержавший клад ордынских дангов и русских серебряных слитков конца 1360-х – начала 1380-х годов, обнаруженный в Кремле в 1940 г. (*Зверев*, 2009. С. 448, 449, 457).

Интересен развал кувшина (9 обломков)[619] из светло-розовой глины с единичными включениями мелких карбонатов, со сплошным лощением внешней поверхности (цв. ил. 57, *7*), заметно отличающийся от булгарской керамики. Другой обломок принадлежал горловине (диаметром 10 см) крупного кувшина[620] с рифлением (линейным орнаментом), изготовленного из светло-красной глины с редкими включениями крупных зерен карбонатов (цв. ил. 57, *6*).

34. Селище Мякинино–2 (на северо-запададной окраине Москвы) – кувшин из темно-коричневой глины с примесью песка и слюды, найденный в комплексе конца XIV–XV в. (*Векслер*, 1995а. Табл. 54, *2*). Профилировка этого сосуда находит прямые аналогии в синхронной керамике Болгара (*Хлебникова*, 1988. Рис. 38, *4, 8*). В других комплексах памятника встречены обломки красноглиняных корчаг с ребром на венчике и стенками с характерным булгарским волнисто-фестончатым орнаментом (*Хлебникова*, 1988. Рис. 57).

35. Коломна – многочисленные обломки лощеных кувшинов булгарского происхождения в комплексах конца XIV в. (количество находок не установлено).

36. Средневековое селище Настасьино (около Коломны) – несколько образцов булгарской керамики в комплексах XV в. (*Коваль*, 2004б. С. 38, рис. 56, *12*).

37. Старая Рязань – обломки кувшинов (рис. 50, *4, 5*) и развал кувшина золотоордынской эпохи[621] (рис. 50, *6*) (*Коваль*, 2005г. Рис. 3).

38. Переяславль-Рязанский – несколько обломков (*Монгайт*, 1961. С. 327).

39. Ростиславль-Рязанский – 5 обломков кувшинов[622] в комплексах XIV–XV вв.

40. Пронск – количество находок не установлено (*Монгайт*, 1961. С. 327; *Полубояринова*, 1993. С. 100).

41. Поселение Казинка на р. Матыре – 5 обломков от разных кувшинов с линейным и волнистым орнаментом.

42. Шиловское поселение на р. Воронеж – 10 обломков от двух кувшинов (*Пряхин и др.*, 1987. С. 25), один из которых, светло-коричневого цвета, возможно, происходил из Азова, а второй (с пальцевым вдавлением у нижнего прилепа ручки), красноглиняный, - из Крыма.

43. Селище Монастырщина-5 на Верхнем Дону (Тульская обл.) – 19 обломков (*Гоняный*, 2003. С. 16).

44. Лавское селище-посад (близ Ельца) – обломки красноангобированных кувшинов (сообщение Н.А. Тропина).

45. Верхнекарабутское 2 селище (Воронежская обл.) – 1 обломок (*Цыбин*, 1989. Рис. 4, *14*).

46. Поселения Никольское 1 и 5 – посад Никольского городища (Знаменский район Тамбовской обл.). На поселении Никольское 1 найден развал “булгарского” кувшина оранжевого цвета (*Андреев*, 2005. С. 64; 2006. Рис. 4, *10*), а на поселении Никольское 5 – обломки лощеных сосудов (*Андреев, Романцов*, 2005. С. 104, рис. 2, *17*; 6, *2*; *Андреев*, 2006. С. 27, рис. 4, *9*).

47. Брянск – 1 обломок булгарского (?) сосуда в заполнении жилища домонгольского времени (*Поляков*, 1995б. С. 125).

48, 49. Киев и Вышгород. В этих двух южнорусских городах также найдена булгарская (?) лощеная керамика (*Зоценко*, 1992. С. 51, 52; *Полубояринова*, 1993. С. 108–109). Находки происходят из домонгольских комплексов, однако их количество не установлено, изображения и описания не опубликованы.

50. Белгород-Киевский – ручка кувшина[623].

51. Городище Сокольцы (Украина, Винницкая обл.) (*Кучера*, 1965. С. 211, рис. 5, *7*).

52. Городище Ревно (Черновицкая обл., Украина) – несколько обломков крупных сосудов желтого цвета с диагональным сетчатым лощением, которые, возможно, поступили сюда в IX–X вв. из Дунайской Болгарии (*Тимощук*, 1982. С. 135, рис. 7, *5, 6*).

Круговая керамика с лощением и росписью ангобом

Исключительно редко встречающийся род керамики, при изготовлении которого сначала наносилось лощение, а затем – роспись белым ангобом.

Три обломка[624] от одного кувшина найдены в Муроме (цв. ил. 58, *3*; Рис. 51, *4*), в слоях золотоордынского времени (*Чалых*, 1985. Рис. 18, *2, 3*). Кувшин был изготовлен из светло-красной глины без примеси песка, но с включениями слюды. Место производства такой керамики не установлено, нет данных и об иных ее находках. Вероятно, она изготавливалась на территории Золотой Орды.

Импортная неполивная столовая керамика не столь ярко выделяется на фоне ординарного керамического материала и не всегда подробно фиксируется при археологических исследованиях. К тому же ее трудно бывает отделить от лощеной керамики местного производства, широко распространившейся на Руси в XV–XVI вв. Однако трудно сомневаться в том, что распространена эта керамика была шире, нежели глазурованная посуда, особенно в районах, пограничных с Золотой Ордой. Сегодня известно о находках более 2000 обломков и двух десятков целых сосудов из более чем 72 пунктов на территории Руси – от Галича на западе до Нижнего Новгорода на востоке и от Белоозера на севере до Киева на юге. Меньше всего таких импортов известно в глубинных и западных районах Руси, в особенности, к западу от Днепра.

1.2. ТАРНАЯ КЕРАМИКА

КЕРАМИКА БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ ПОВЕРХНОСТИ

Амфоры

Амфорами называют сосуды, предназначенные для перевозки (на кораблях) и длительного хранения жидких и сыпучих продуктов (вина, масла, нефти, пряностей, зерна и т.п.), которые в эпоху Средневековья изготавливались в Византии и странах с провинциально-византийской культурой. Амфоры появились в древней Элладе и имели длительную историю развития. Средневековые амфоры имели две (очень редко – три или более) ручки, узкое горло и закругленное дно (изредка встречались и плоскодонные амфоры). Они изготавливались, как правило, из ожелезненной (красножгущейся) глины на гончарном круге быстрого вращения вытягиванием и имели на внешней и (или) внутренней поверхности технологическое волнообразное рифление. Крупные амфоры изготавливались из нескольких частей, которые затем скреплялись в целый сосуд. Обжигались амфоры в крупных горнах, позволявших достигать полного обжига, обеспечивавшего их прочность и влагонепроницаемость.

В эпоху позднего Средневековья амфоры получили в Византии название *магарика (мегарикон, магарикон*) (*Bakirtzis,* 1989. P. 73). Это название не

[618] ЦАИ–1998 (Гостиный двор)–5–пол. № 867.

[619] 2005 (храм Василия Блаженного)–пол. № 137, 144, 147, 159, 161, 173, 174, 192, 203.

[620] 2005 (храм Василия Блаженного)–пол. № 171.

[621] РГИАМЗ–1995–25–60, 94, б/№ (кувшин из ямы 2).

[622] МИМ–1997–4–119; 2001–1–7, 87, 100.

[623] КГУ–1970 (Детинец)–пол. №124.

[624] МКМ–1985–№ 361, 362.

прижилось на русских землях, поскольку здесь существовало собственное наименование для крупных тарных сосудов – “корчаги” (см. ниже). Поэтому-то на некоторых амфорах-магариках, найденных на территории Руси, можно встретить граффити, где эти сосуды называются именно “корчагами” (например, “мстиславля *корчага*”, “благодатнеша плона *корчага* сия…”, “прокоупова *корчага*” и др.). Между тем “магарики”, возможно, все же оставили след в слове “магарыч”, попавшем и в русский язык. Со значением “угощение, выпивка после завершения сделки” это слово известно в русском, украинском, белорусском, болгарском, сербо-хорватском, польском языках. Лингвисты предполагают его происхождение от арабского “махаридж” (расходы, издержки, трата) (*Фасмер*, 1967. С. 635; *Преображенский*, 1958. С. 543), однако в турецком языке, который мог бы быть его передатчиком, такого слова нет (*Щека*, 1997). Нет его в казанско-татарском и узбекском языках, много воспринявших из арабского (*Абдуллин и др.*, 1988; Узбекско-русский словарь, 1988). Зато это слово есть в крымскотатарском языке (“макъарич”), в крымском диалекте караимского и карачаево-балкарском языков (*Асанов*, 1988. С. 68; Караимско-польско-русский словарь, 1974. С. 401; Карачаево-балкарско-русский словарь, 1989. С. 454), т.е. в словарном багаже тех народов, которые были тесно связаны с Причерноморьем. Поэтому нельзя исключать возможности перехода греческого наименования амфоры с вином (магарики) в нарицательное понятие “угощение вином” (поскольку вино хранилось в амфорах) среди причерноморских торговцев.

В отечественной археологической литературе последнего полустолетия для средневековых амфор существует множество дублирующих наименований. Их называли и “древнерусскими”, и “южнорусскими”, и амфорами “южного” или “киевского” типа, просто “южными” или “красноглиняными”, а также “причерноморскими” и “северопричерноморскими”, “византийскими”, “крымскими” и, наконец, “корчагами” или “амфорами-корчагами”. Иногда в монографиях, даже по отношению к одному и тому же обломку амфоры, можно встретить до четырех различных определений: “амфора южного типа”, “северопричерноморская амфора”, “древнерусская амфора” и “корчага” (*Максимов, Петрашенко*, 1988. С. 47, 51, 109). Начало всей этой путанице было положено гипотезой Б.А. Рыбакова о производстве амфор в южнорусских городах (1946. С. 137–138; 1948. С. 343). Однако отсутствие всяких следов такого производства и, что более важно, отсутствие других образцов местной керамики, изготовленных на столь же высоком техническом уровне, привели к концу XX в. к всеобщему признанию того, что амфоры являются импортными изделиями и на территории Руси никогда не производились (*Толочко и др*., 1983. С. 288).

Называть эти амфоры “древнерусскими” неверно, подобно любым иным импортным предметам, найденным на Руси (будь то монеты, бусы, ткани или керамические сосуды). Ошибочно называть их “амфорами киевского типа”, так как в Киеве найдены амфоры не какого-либо одного типа, а нескольких (не менее семи), различающихся как по месту изготовления, так и хронологически. Кроме того, такой термин легко спутать с другим, аналогичным по звучанию (и также не совсем удачным) названием – “амфорки киевского типа”, которым обозначают небольшие крынкообразные сосуды с ручками-ушками, производившиеся южнорусскими гончарами и не имевшие ничего общего с настоящими амфорами. Курьезно звучит сегодня и наименование “южнорусские” амфоры – ведь Южная Русь не была единственным регионом их распространения. Определение же амфор, как “южных” или “южного типа” не несет информативной нагрузки, так как указывает лишь на географическое направление, откуда эти сосуды поступали на Русь, причем направление единственное (ведь не было амфор “западных” или “северных”).

Особо следует остановиться на довольно распространенной атрибуции амфор из древнерусских городов как “крымских” (*Колчин и др*., 1981. С. 88; *Розенфельдт*, 1997. С. 34; *Noonan, Kovalev*, 1997. P. 78, 79). Действительно, в VIII–X вв. в лесостепную зону, населенную славянами, ввозились так называемые “причерноморские” амфоры, которые изготавливались в Крыму. Однако для более позднего времени (XI–XIII вв.) следы амфорного производства в Крыму не обнаружены. Поэтому предположения о крымском происхождении амфор XI–XIII вв. (*Якобсон*, 1979. С. 110–113), ставшие одно время весьма популярными в отечественной археологии, лишены всяких оснований.

Большинство современных исследователей предпочитают сейчас осторожные формулировки, называя найденные ими амфоры “северопричерноморскими” или “причерноморскими”, однако и такую терминологию нельзя признать удачной. “Северопричерноморскими” амфоры называют по одному из многих регионов их массового распространения, но ведь и в других странах, лежащих по берегам Черного моря (Кавказ, Балканы, Малая Азия) эти амфоры встречаются ничуть не реже. Более того, все Причерноморье не является единственным районом распространения амфор XI–XIII вв. – их ареал включал также значительную часть Средиземноморья. Кроме того, “причерноморскими” уже давно называют амфоры VIII–X вв. (см. выше), существенно отличавшиеся от более поздних.

Термин “красноглиняные амфоры” особенно неудачен, так как практически все амфоры VIII–XIV вв. (и большинство античных амфор) изготавливались из красножгущихся глин, т.е. он не дает ни хронологической, ни территориально-культурной атрибуции и акцентирует внимание на второстепенном признаке.

Между тем, никакой терминологической проблемы в действительности не существует: ведь как места производства амфор, так и зона их массового распространения (в которую Русь, разумеется, не входила), приходятся на территорию собственно Византии, ряда соседних стран, имевших с ней тесные политические, торговые и культурные связи, а также тех стран, которые сохранили элементы византийской или позднеримской культуры (Испания, Италия, Палестина и т.п.). Поэтому амфоры VIII–XIV вв., происходящие из этих стран, вполне допустимо называть *амфорами византийского культурного круга (АВК) эпохи развитого Средневековья*, а для краткости – *византийскими амфорами (магариками)* (*Коваль*, 2003а. С. 342). Последний (краткий) вариант, конечно, тоже не точен, ибо не все амфоры были сделаны на территории Византии, но он указывает на те образцы для подражания, которые послужили исходным пунктом для изготовителей дериватов.

Из-за сложившейся в России и на Украине терминологической путаницы в заблуждение были введены многие зарубежные исследователи. Даже в новейших их работах можно встретить почерпнутые из славяноязычной литературы глубоко ошибочные “сведения” о том, что часть амфор XI–XIII вв. якобы изготавливалась в Киеве или Южной Руси, а другая их часть производилась в Крыму (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 74, 77–79). На основании этих неверных представлений выдвигаются совсем уж фантастические гипотезы о том, что в Киеве содержимое “причерноморских” амфор переливалось в “киевские” амфоры (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 90).

Второй терминологической проблемой, связанной с амфорами X–XIII вв., является попытка именования их “корчагами”, т.е. применения к этим импортным сосудам древнерусской лексики, что само по себе является вполне оправданным. Впервые стал так их называть Б.А. Рыбаков, опиравшийся на упомянутые выше древнерусские граффити на амфорах, в которых они прямо назывались “корчагами”. После работ Б.А. Рыбакова появился новый термин “амфоры-корчаги”, но зачастую амфоры именовались в публикациях и просто “корчагами”, что вносило окончательную неразбериху, поскольку точно такое же название применялось по отношению к крупным сосудам для хранения запасов пищи, являвшимся изделиями местного древнерусского гончарства. Эта проблема еще более усложнилась после того, как термин “корчаги” стал применяться по отношению только к амфорам с грушевидным туловом и дугообразными ручками (см. ниже группу I), поскольку якобы только они “на Руси назывались корчагами” (*Толочко и др*., 1981, С. 374). Опирается подобное мнение на все те же находки нескольких граффити на амфорах этой группы, наиболее распространенной на Руси. То, что слово “корчага” пока не встречено на амфорах иных групп, еще никак не может свидетельствовать о том, что эти амфоры назывались в древнерусском разговорном языке не “корчагами”, а как-то иначе. В Радзивилловской летописи, например, в миниатюре, иллюстрирующей известное место рассказа о “белгородском киселе”[625], где упоминаются “корчаги”, изображены люди, держащие в руках небольшие амфоры веретенообразной формы (Радзивилловская летопись, 1902. Л. 72 об.) (цв. ил. 69, *1*). Поэтому гораздо более вероятным является предположение о том, что на Руси все разновидности амфор назывались “корчагами”, а граффити с упоминанием этого наименования сохранились лишь на сосудах самого распространенного типа.

Но при археологической атрибуции амфор называть их “корчагами” нежелательно, поскольку этот термин охватывает значительное число местных сосудов. Действительно, “корчага” – слово, обозначавшее в древнерусском языке вовсе не импортную керамику, а крупный тарный сосуд для хранения жидких и сыпучих тел (Словарь..., 1991. С. 373), разновидность горшков (*Срезневский*, 1893. С. 1411; Этимологический словарь..., 1982. С. 338). То же самое значение это слово сохранило и в живом русском языке (Словарь..., 1980. С. 109). Возможно, корчагами назывались в древнерусское время и крупные кувшины (Словарь..., 1991. С. 373; Словарь..., 1983. С. 347), так как в современном украинском языке сохранилось близкое значение этого слова (Словарь..., 1908. С. 288). Этимология слова “корчага” не вполне ясна, его истоки видят как в тюркских, так и в славянских языках (Этимологический словарь..., 1982. С. 338). Термин “корчага” не являлся специфическим для обозначения амфор-магарик, он был лишь распространен на импортные сосуды, назначение которых было аналогично местным керамическим изделиям.

Находки амфор-магарик происходят на Руси почти исключительно из комплексов домонгольской эпохи, а некоторое число их обломков, встреченное в слоях и “открытых” комплексах более позднего времени справедливо расцениваются исследователями как результаты турбации культурного слоя. Таким образом, амфоры остаются в древнерусской археологии хроноиндикаторами домонгольского периода. Вместе с тем, в некоторых комплексах второй половины XIII – начала XIV в. встречены непереотложенные развалы амфор этого периода. Это означает, что импорт амфор магарик не прекратился полностью после 1237 г., но сократился многократно, окончательно иссяк только к середине XIV в.

Составленный свод находок византийских амфор-магарик на территории Руси показал, что эта

[625] Этот рассказ воспроизводит легенду об осаде Белгорода печенегами в 997 г. Рисунки летописного списка, как полагают, восходят к протографу XIII в.

керамика найдена сегодня в 261 пункте (Прил. 2). В основной своей массе амфоры поступали в города, хотя известны они и на селищах (прежде всего, тех, где размещались усадьбы князей и бояр). Прежнее мнение о распространении амфор преимущественно в городах Южной Руси (*Рыбаков,* 1946. С. 138) было опровергнуто не так давно (*Куза*, 1989. С. 128), однако только составление свода находок наглядно продемонстрировало присутствие амфор-магарик практически во всех крупных, средних и малых городах Древней Руси, независимо от их географического местоположения. Другое дело – сельские поселения: оказалось, что Южная Русь отличается широким распространением амфорного материала на сельских памятниках (*Веремейчик, Коваль*, 2005), в то время как в более северных районах такие находки на селищах единичны.

Среди амфор-магарик выделяются несколько групп, различающихся технологией изготовления, формой, обработкой поверхности, временем бытования и местом производства. Исследователями амфор в различных городах Руси (Киеве, Новогрудке, Белоозере и др.) предлагались разные типологии этих сосудов (*Малевская,* 1969а; *Голубева*, 1973б; *Толочко и др*., 1981), опирающиеся на известные классификации, разработанные для Византии, Крыма и других регионов Причерноморья с массовыми находками амфор (*Якобсон*, 1951. С. 325–344; 1979; *Barnea*, 1954. P. 513–530; 1967. P. 249–259; *Чангова*, 1959. С. 250–255; *Антонова и др*., 1971. С. 81–101; *Романчук и др*., 1995; *Bakirtzis*, 1989. P. 74). Однако эти типологии не охватывают всех разновидностей амфор-магарик, известных на Руси, что заставило разработать новый вариант их группировки, опирающийся в основном на новейшие работы И.В. Волкова (1992б. С. 143–157; 1996а. С. 90–103) и В.В. Булгакова (2000). Предварительные варианты этой группировки публиковались ранее (*Коваль*, 1999а; 2003а), в настоящем издании она предлагается в уточненном виде. Главными критериями разделения АВК на группы являются:

1) особенности использованного сырья (глины) и набор естественных и искусственных примесей к формовочной массе;

2) форма тулова и пропорции амфор, способ крепления и форма ручек;

3) различия в обработке поверхности.

Выделенные группы соответствуют различным традициям производства амфор, существовавшим в Византии и Средиземноморье. Одни из этих групп тесно связаны с территориально ограниченными районами производства керамики, другие – объединяют морфологически близкие варианты амфор, производившихся в разных местах, но следовавших единому прототипу. Группы пронумерованы в порядке убывания частоты их встречаемости в археологическом материале древнерусских городов, т.е. на первое место поставлены те из них, которые характеризуются наибольшим числом находок. Таким образом, предлагаемая нумерация является условной. Типовые различия внутри групп отражают технологические и морфологические особенности, в конечном счете являясь хронологическими.

ГРУППА I

Самой распространенной разновидностью АВК, составлявшей до 70 % всего импорта АВК на Русь, были амфоры, изготовленные из ожелезненной (красной, розовой или бежевой) глины сорта А (насыщенной очень мелким, пылевидным, песком), с туловом грушевидной или яйцевидной формы, покрытым волнообразным рифлением, узким коротким горлом и дугообразными ручками, прикрепленными к горловине и опускающимися на плечи. В Причерноморье их традиционно называют “грушевидными амфорами с дугообразными ручками”. Гипотеза о происхождении этих амфор из окрестностей Трапезунда высказана И.В. Волковым, установившим хронологические изменения в технологии конструировании их тулова – смене мест стыковки между различными его частями (*Волков*, 1992б. С. 147; 1996а. С. 92; 2001б. С. 202–207). В классификации В.В. Булгакова такие амфоры выделены в группу “К” – “сфероемкостных” амфор (*Булгаков*, 2000б). В составе группы выделяются два типа – ранний (1), IX–XI вв., и поздний (2), XII–XV вв.

ТИП 1. Амфоры раннего типа отличались толстыми (иногда более 1 см) стенками, цвет их варьировал от оранжевого до коричневато-красного, а поверхность была покрыта либо бороздками-желобками, либо глубоким волнообразным рифлением, имитирующим бороздчатость. Ручки в сечении округлые, прикреплены к горлу ниже венчика и не поднимаются выше уровня его края. Высота этих амфор не превышала 50 см, максимальный диаметр – 40 см (цв. ил. 62; Рис. 52, *1*; 53, *1, 2*). Формовка амфор проводилась по частям, причем стыковочный шов между основным объемом тулова и горловиной проходил по плечикам амфор, выше нижнего прилепа ручек (*Волков*, 1992б. Рис. 1, *1*; 1996а. С. 91).

Амфоры типа I/1 (т.е. типа 1 группы I) известны по находкам в Константинополе (*Demangel*, *Mamboury*, 1939. Fig. 198, 200, *37, 42, 43*, 201, *48–58, 62, 63, 93–99*), Крыму (*Якобсон*, 1979. С. 71–73. Рис. 43, *5, 6*), Западном Причерноморье (Болгарии, Добрудже) (*Barnea*, 1967. P. 250–254, fig. 154, *1*), материковой Греции (*Bakirtzis*, 1989. Fig. 1), Сербии (*Bjelajac*, 1989. P. 109–118. Fig. 2) и других местах. Датируются они концом IX–XI вв. Соответствуют типу 54 по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1992. Fig. 24) и типу 1 по Н. Гюнсенин (*Gunsenin*, 1989; 1990).

На территории Руси такие амфоры известны в небольшом количестве, в основном из раскопок крупных городских центров (Киев, Чернигов, Великий Новгород, Ростов, Старая Рязань). Единичные находки известны в менее значительных городах (Белз, Дорогобуж и др.). На амфорах типа I/1 иногда встречаются оттиски клейм (*Зоценко*, 2001. Мал. 25, 26; *Булгаков*, 2001а; *Паршина*, 2001), проставлявшиеся до обжига на рифленые стенки либо на ручки (цв. ил. 64, *1а, 2*). Гораздо чаще на поверхность амфор после их обжига наносились граффити (*Зоценко*, 2001. Мал. 12–19, 24, 27), среди которых встречаются геометрические и тамгообразные знаки (цв. ил. 62, *3*; 64, *1*; рис. 53, *2*), а также отдельные кириллические буквы или даже целые надписи. Самой знаменитой из них является надпись “[благодат]неша плона корчага си[я]” на обломке амфоры, найденном в Киеве в 1915 г.[626] (цв. ил. 63). Б.А. Рыбаков считал, что эта надпись была прочерчена до обжига сосуда, по сырой поверхности, а значит ее мог сделать только русский гончар (*Рыбаков*, 1946. С. 134–135). Отсюда проистекал далеко идущий вывод о производстве этих амфор на территории Руси. Впоследствии М.К. Каргер пришел к противоположному выводу – надпись на этой амфоре была сделана после ее обжига (*Каргер*, 1958. С. 422). Однако мнение Б.А. Рыбакова о способе нанесения этой надписи поддержали П.П. Толочко (*Толочко и др*., 1981.

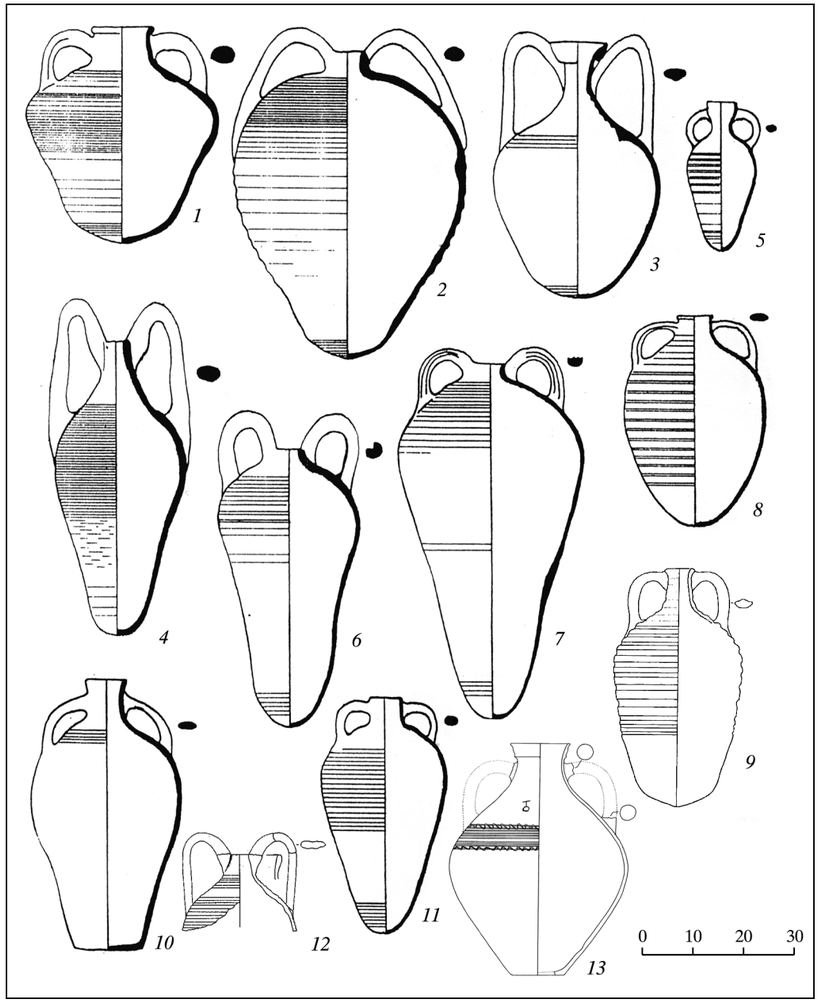

Рис. 52. **Сводная таблица амфор различных групп (по причерноморским классификациям)**
1 – группа I, тип 1; *2* – группа I, тип 2; *3* – группа II, тип 1; *4* – группа II, тип 2; *5* – группа III; *6*, *7* – группа IV; *8*, *9* – группа V; *10* – группа VI; *11* – группа VII; *12* – группа VIII; *13* – группа IX

[626] НМИУ – № В4552/1148.

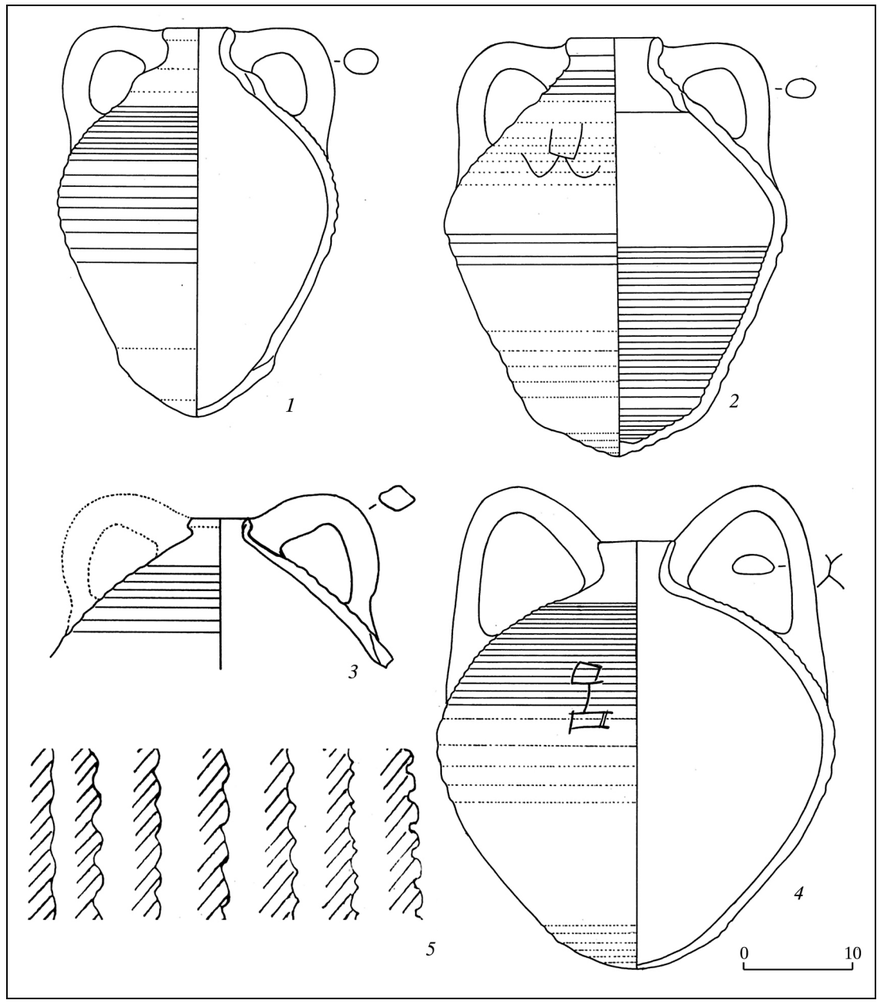

Рис. 53. **Амфоры группы I, типов 1 (*1*, *2*) и 2 (*3*, *4*)**
1 – Вышгород; *2* – Киев; *3* – Старая Рязань; *4* – Треполь; *5* – разновидности профилировки рифления на плечиках амфор группы I

С. 287), С.А. Высоцкий (*Высоцкий*, 1985. С. 105), А.А. Медынцева с А.А. Бобринским (*Медынцева*, 2000. С. 38). Непосредственный осмотр образца показал, что эта надпись могла быть выполнена только одним способом – прорезыванием букв по твердой (обожженной) поверхности сосуда. Причиной появления мнения о выполнении этой надписи до обжига сосуда является тщательность ее проработки (в частности, большая глубина врезки линий), потребовавшая от резчика немалых трудозатрат, и, соответственно, яркое отличие от большинства граффити, процарапывавшихся наспех, неглубоко и небрежно. Однако если бы надпись выполнялась по сырой поверхности, это привело бы к выдавливанию излишков глины и образованию рельефного "бордюра" вокруг углубленных линий (такие граффити известны, но встречаются крайне редко). Кроме того, при нанесении ангоба он попал бы внутрь врезанных линий. Ничего подобного на киевском образце нет. Трудно предположить и нанесение этого граффито на стенку амфоры до обжига, но уже после того, как глина была высушена, поскольку давление инструмента привело бы к разрушению сосуда. Мастерство исполнения надписи заставляет предполагать, что она выполнялась человеком, обладавшим навыками резьбы по камню, с применением специальных инструментов, а не первого попавшего под руку острого предмета, как для нанесения обычных граффити.

Профиль обломка амфоры с этой надписью не оставляет сомнений в том, что сама амфора может быть датирована XI в. (не позже начала XII в.). На эту дату указывают расположение стыковочного шва прямо под горловиной и ручки, горизонтально отходившие в стороны от нее. Совпадает она и с датировкой надписи по палеографическим признакам (*Медынцева*, 2000. С. 39).

Вторым примером подобного граффито является надпись "МСТСЛВЛ КРЧГЪ" (т.е. "Мстиславля корчага") на амфоре, найденной в Киеве на Подоле (цв. ил. 64, *3*). В первой публикации амфора была датирована XII–XIII вв., а надпись на ней отнесена, со ссылкой на палеографическое определение С.А. Высоцкого, к XIII в., причем связывалась она с Мстиславом Романовичем, княжившим в Киеве в 1214–1224 гг. (*Гупало и др.*, 1979. С. 59, 60). Позже С.А. Высоцкий стал склоняться к более ранней дате – первой половине XII в. (*Высоцкий*, 1985. С. 105). В несколько более поздней работе другой группы авторов та же надпись была продатирована XII в. по палеографическим особенностям начертания ряда букв, но теперь ее автором был назван "какой-то Мстислав" (*Толочко и др.*, 1981. С. 398). Близкую датировку (XII–XIII вв.) предлагает и А.А. Медынцева (*Медынцева*, 2000. С. 47). Однако по всем признакам морфологии и технологии изготовления эта амфора может быть датирована XI в. (самое позднее – началом XII в.). При этом сама надпись была выполнена в два приема и различной техникой. Первое слово "МСТСЛВЛ" выполнено глубокой резьбой, столь же тщательно, как и надпись на предыдущей рассмотренной амфоре[627]. Все буквы здесь имеют одинаковую высоту и выполнены классическим "уставом". Следующее слово "КРЧГЪ" исполнено совершенно иначе: буквы процарапаны хоть и глубоко, но небрежно, строка не выдержана и буквы вылезают за ее границы, а у самих букв начисто отсутствуют "уставные" горизонтальные черточки (покрытия), которые есть у всех букв предыдущего слова. Таким образом, слово "корчаг" было написано, вероятно, другим человеком и, возможно, спустя некоторое время после появления первого слова надписи. В любом случае, дата надписи (даже в пределах XII–XIII вв.) никак не может опровергать датировку самого сосуда XI в. В целом же, с учетом всех датирующих признаков, время бытования этой амфоры в Киеве можно относить к промежутку от середины XI до середины XII в. В этой связи представляется допустимым связывать эту амфору с вполне конкретными князьями, обладавшими именем Мстислав. В очерченный период это имя среди Рюриковичей носили сын Изяслава Ярославича (умер ок. 1069 г.), сын Святополка Изяславича (умер в 1099 г.), сын Всеволода Игоревича (умер ок. 1116 г.) и сын Владимира Всеволодовича Мономаха (1076–1132 гг.), причем из них всех в Киеве княжил лишь один – Мстислав Владимирович – в 1125–1132 гг., т.е. именно в то время, когда на амфоре, произведенной в XI или начале XII в., могла появиться надпись с палеографическими особенностями XII в. Поэтому Мстислава Владимировича и следует считать наиболее вероятным владельцем этой амфоры. Что касается других князей с именами Мстислав, правивших в более позднее время (Мстислав Изяславич, умерший в 1170 г. или упоминавшийся выше Мстислав Романович), то они вряд ли могли стать владельцами амфоры, изготовленной в XI в., т.е. "прожившей" более полувека. Такой срок службы хрупкого сосуда надо считать маловероятным (хотя и невозможным его назвать нельзя).

Известны и другие надписи на амфорах этого типа – "ПЕТРО" из Киева и "ИЛИЯ" из Белгорода-Киевского (*Медынцева*, 2000. С. 33, 50). Однако большинство граффити, известных на амфорах типа 1, представляют собой отдельные буквы или знаки.

ТИП 2. Амфоры типа 2 появились в XII в. в результате трансформации амфор типа 1 и продолжали бытовать в XIII–XV вв. (рис. 52, *2*; 53, *3, 4*; 54; 55). Они были распространены в Византии – тип 62 по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1992. Fig. 24, *12, 13*) и тип IVa–f по Н. Гюнсенин (*Gunsenin*, 1989; 1990), известны в Крыму, Румынии и Болгарии, Сербии (*Антонова и др.*, 1971. С. 94, рис. 25–26; *Якобсон*, 1979. С. 113, рис. 69, *1–5*; *Романчук и др.*, 1995. С. 73–77, табл. 37–40, 42, 53–57; *Баранов, Майко*, 2001; *Чангова*, 1959. С. 243–262, рис. 11–13; *Barnea*, 1967. Fig. 159, *2, 6*; *Bakirtzis*, 1989. Fig. 6; *Popovic*, 1989. Fig. 2, 3).

Амфоры этого типа изготавливались из глины светло-красного, бежевого, розового, реже желтого или оранжевого цвета (*Коваль,* 2005в. Фото 1, 2), в большинстве случаев с естественной примесью слюды, и имели стенки меньшей толщины, нежели сосуды типа 1. Внешняя поверхность верхней части и дна амфор покрывалась неглубоким волнообразным рифлением (цв. ил. 66, 4, *5*), средняя часть тулова обычно оставалась гладкой. Верхняя часть амфор облицовывалась тонким слоем белого ангоба, иногда с потеками к дну (цв. ил. 65, *1*; 66, *2, 3*). Дугообразные ручки, овальные в сечении, прикреплялись к самому краю венчика и поднимались выше него (*Коваль*, 2003а. Рис. XIII, *а, б*). На внутренней поверхности амфор второй половины XII в. видны следы мерной линейки (цв. ил. 65, *5, 6*), применявшейся для проверки размеров сосудов и, следовательно, их соответствия установленному стандарту объема амфор (*Волков*, 1996а. С. 91). Орнамент на этих амфорах встречается исключительно редко (*Романчук и др.*, 1995. Табл. 35, № 150).

[627] Интересно заметить, что при всем сходстве этих двух надписей по графике, никто не сделал казалось бы напрашивавшегося предположения о нанесении слова "мстствл" по сырой глине.

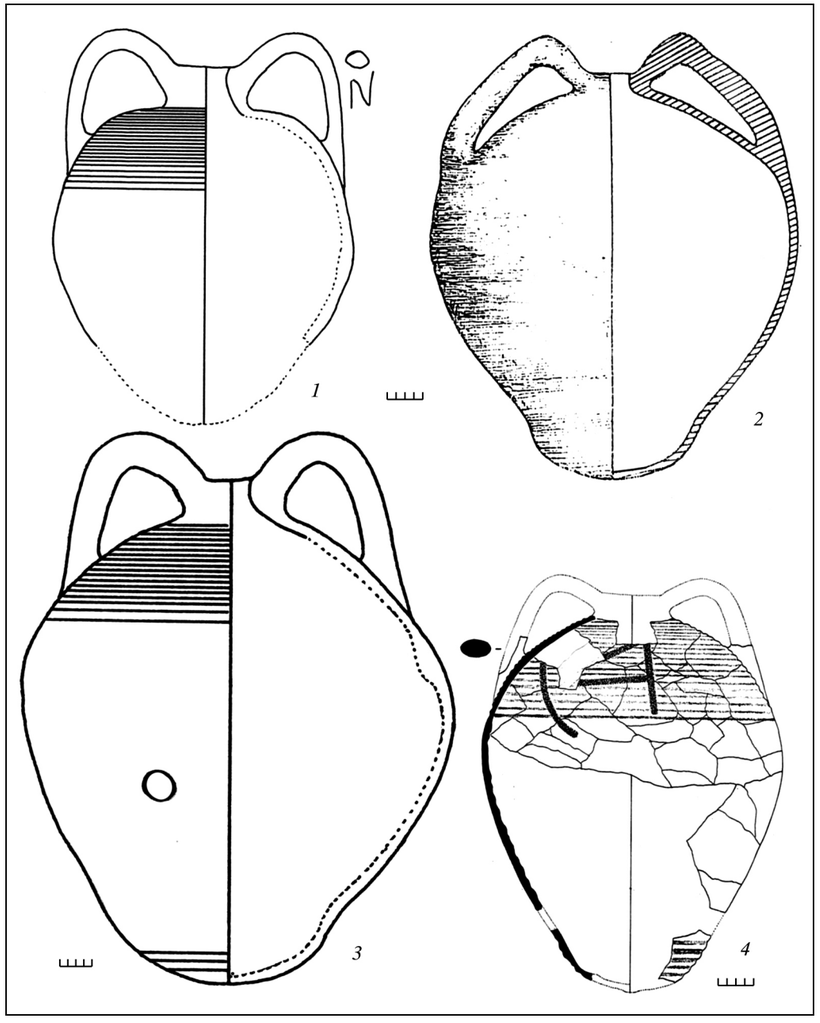

Рис. 54. **Амфоры группы II (тип 2)**
1, *2* – Старая Рязань (*2 – Даркевич*, 1995. Рис. 106, *3*); *3* – Пронск; *4* – Москва (с дипинто)

К числу таких исключений относится обломок из Звенигорода Южного[628] с волнистым орнаментом (цв. ил. 67, *2*).

Амфоры типа 2 были распространены чрезвычайно широко. Они обнаружены практически в каждом средневековом русском городе, известны и целиком сохранившиеся амфоры (цв. ил. 65, 66; рис. 53, *4*; 54, *3*; 55, *1, 2*). На многих обломках амфор встречены граффити, как буквенные, так и символические, в виде разнообразных знаков и черт (*Коваль,* 2005в. Фото 3, 5). Среди редких изобразительных граффити наиболее интересно обнаруженное в Великом Новгороде, в виде фигуры длинноногой птицы с коротким клювом[629], больше всего напоминающей страуса (цв. ил. 67, *1*). Среди буквенных граффити отметим экземпляр из Звенигорода Галицкого, в котором автор раскопок увидел слово “рожь”, якобы процарапанное до обжига сосуда (*Ратич*, 1971. С. 295). Обследование этой находки, хранящейся в фондах Львовского археологического музея (см. рис. 60, *7*), показало, что из-за утраты отслоившихся пластинок поверхности амфоры достоверно читается только одна (первая?) буква надписи – “р”. Следом за ней размещаются несколько линий, которые могли складываться в буквы “лм” или “мл”. Возможны и иные варианты прочтения, но, во всяком случае, буквы “о” и “ж” тут отсутствуют. Буквы были процарапаны по рифленой поверхности амфоры очень неглубоко, при этом какие-либо признаки нанесения надписи до обжига сосуда полностью отсутствовали. Таким образом, звенигородское граффито было сделано после обжига, а сама надпись сильно повреждена и не дает оснований для достоверной реконструкции.

Среди других буквенных граффити представляет интерес монограмма из Галича, тщательно вырезанная на нижнем корне ручки амфоры в месте ее присоединения к тулову (см. рис. 60, *10*). В монограмме читаются буквы “Д”, “А”, “N”, “Р”, поэтому заманчиво связывать ее с именем Даниила Романовича Галицкого. В Киеве обнаружены обломки амфор с надписями “ГАВЪРИЛО”, “… ДОБРОГО”, а в Посулье – с фрагментированной надписью К (РО)Ч (А)[ГА] ПРО (К)ОУПОВ[А] (*Медынцева*, 2000. С. 40, 44, 48). В Суздале обнаружена обгоревшая в пожаре амфора с граффито “ОЛЕА” (цв. ил. 65, *3, 3а*), прочтение которого предполагается в виде Греческого слова, обозначавшего оливковое масло (*Седова*, 1987. С. 8, рис. 2). В Белоозере найден небольшой обломок рифленого плеча амфоры, на котором отчетливо читаются неглубоко процарапанные буквы “… АСЛ..” (цв. ил. 65, *4*), по мнению Л.А. Голубевой это часть слова “масло” (1960. С. 322). Особенный интерес представляет амфора из Лебедяни, вся поверхность которой была покрыта граффити, в числе которых были латинские буквы (рис. 55, 1а, 1б) (*Коваль, Надов*, 2007).

Клейма на амфорах типа 2 встречаются значительно реже, нежели на более ранних сосудах типа 1, и притом только на ручках (у их нижнего прилепа к корпусу) (*Волков*, 2001б). Зато на четырех амфорах этого типа, найденных на Руси, известны дипинти – знаки, нанесенные неводостойкой красной краской. Одна из таких амфор обнаружена в Москве (рис. 54, *4*) (*Векслер, Коваль*, 1998), обломок амфоры – в Твери[630], а части от двух других амфор – в Южной Руси (в Киеве и на городище Звягиль) (*Булгаков*, 2001б. С. 153). Если граффити могли наноситься как в местах экспорта (в Византии), так и на Руси, то дипинти – только в Византии.

Внутри амфор типа 2 выделяется вид А, отличающийся составом теста – рыхлым, беловато-желтым, с многочисленными вкраплениями крупных темных зерен пироксена (?). Две фрагментированные амфоры этого варианта известны в Белоозере, где они происходят из горизонта XII в. (*Голубева*, 1973б. С. 102, рис. 34, *3*). Похожие образцы встречены также в Старой Рязани.

ГРУППА II

Амфоры-магарики группы II (второй по числу находок на территории Руси) изготавливались из глины темно-красного цвета, причем для формовки их ручек и горловин применялась масса с большим количеством органической примеси растительного происхождения[631], оставлявшей на поверхности этих частей сосуда многочисленные пустоты, сохранившие форму измельченных стеблей травы и округлых включений (цв. ил. 68, *2*) (*Коваль,* 2005в. Фото 4). Тулово сосуда формовалось без органических добавок. Эволюционный ряд этих амфор разработан И.В. Волковым, которым было предложено называть всю группу “триллийской”, исходя из предположения о происхождении таких амфор из города Триллии[632] на южном побережье Мраморного моря (*Волков*, 1992б. С. 153, рис. 5; 1996. С. 94–95). В эпоху Средневековья Триллия была морским портом Никеи – крупнейшего византийского города на северо-западе Малой Азии, являвшегося также центром обширной сельскохозяйственной зоны, которая только и могла быть производителем продукции, перевозившейся в амфорах (будь то вино или оливковое масло). Центры производства амфор этой группы могли находиться не только в районе производства вывозимой продукции вокруг Никеи, но и близ порта-экспортера, поскольку розлив вина в тару наиболее целесообразно было проводить непосредственно перед погрузкой его на корабли. В то же время, Триллия являлась только одним из многих населенных пунктов в округе Никеи, где также могло быть налажено производство амфор, поэтому более логичным было бы называть амфоры-магарики этого региона *“никейскими”* или *“никейско-триллийскими”*. В классификации В.В. Булгакова такие амфоры отнесены к группе Р – “грушевидных” амфор (*Булгаков*, 2000б)

Существует и иная точка зрения о происхождении амфор второй группы, а именно – из Трапезунда (т.е. строго противоположная гипотезе И.В. Волкова), которую поддерживают ряд исследователей из Турции (Н. Гюнсенин), России (А.В. Сазанов) и Украины (В.В. Булгаков). Из них лишь В.В. Булгаков сделал попытку аргументировать эту версию, указав, что “по характеру распространения … очевидна их связь с рынками юго-восточной части византийского Причерноморья”, а “хронология распространения этих сосудов находится в соответствии с динамикой экономического возвышения и роста Трапезунда на протяжении X–XIV вв.” (*Булгаков*, 2000в). Однако зона распространения амфор может использоваться для локализации центра их

[628] Материалы хранятся в Музее археологии Института украиноведения (МАИУ) в г. Львов.

[629] НГОМЗ–1958–Неревский 23–А78/100.

[630] Благодарю Н.Е. Персова за информацию об этой находке 2005 г. и возможность ознакомиться с нею.

[631] По предположению И.В. Волкова, это была примесь навоза. Другие исследователи говорят о рубленой соломе, хотя применение такой грубой примеси в гончарном производстве не известно (*Бобринский*, 1978).

[632] Современный город Терилье в Турции.

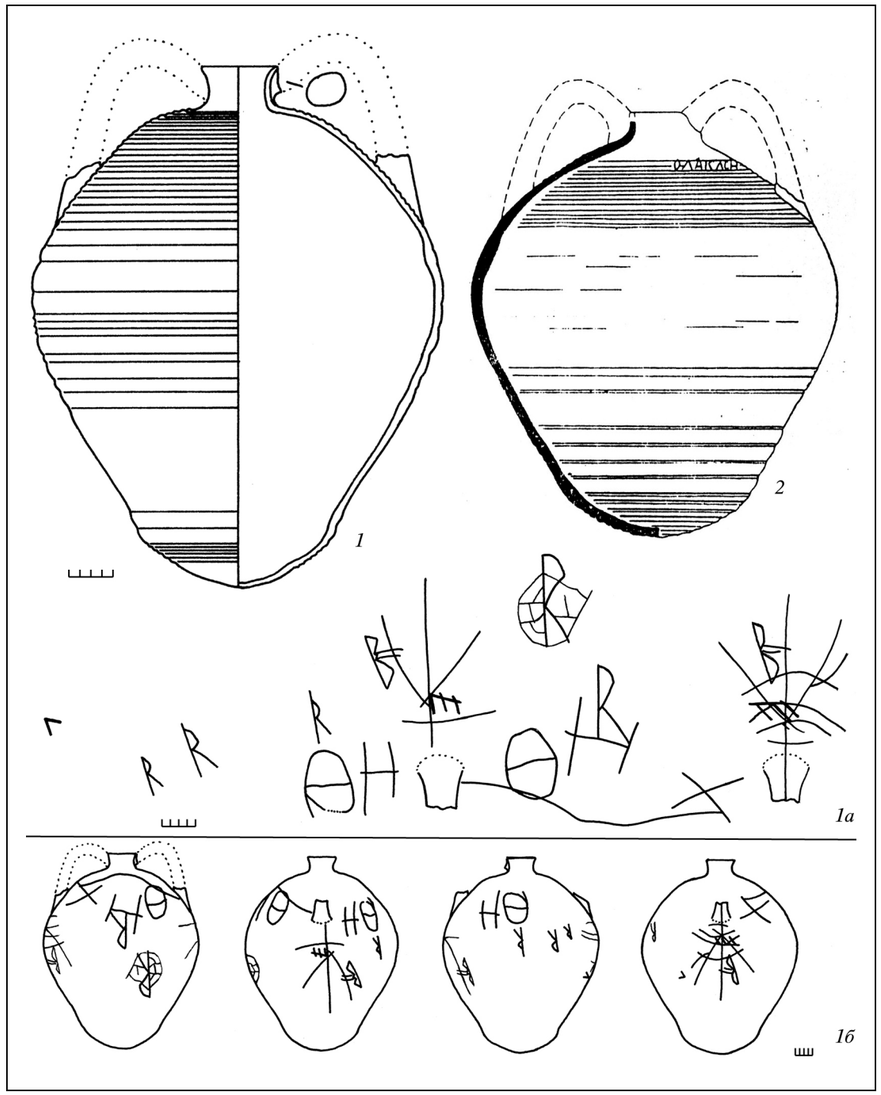

Рис. 55. **Амфоры группы I (тип 2) с граффити**
1 – амфора из Лебедяни (*1а* – прорисовка граффити; *1б* – размещение графии на стенках амфоры);
2 – амфора из Суздаля с граффито “ОЛЕКСН”

производства лишь с очень большой осторожностью, поскольку массовые поставки вина и масла из районов их товарного производства могли проводиться на весьма значительные расстояния. Кстати, именно “характер распространения” амфор на Руси послужил в свое время причиной рождения мифа об их изготовлении в Киеве и Южной Руси. Наконец, до сих пор не опубликовано ничего подобного нашему своду (Прил. 2) по амфорам в Причерноморье, для того, чтобы делать какие-то фундированные выводы о “характере” их распространения в этом обширном регионе. Что касается хронологии амфор группы II, то она как раз находится в полной противоположности к динамике экономического и политического подъема Трапезунда. В X–XII вв., т.е. в период массового распространения таких амфор, Трапезунд был хотя и крупным, но периферийным центром Византии. А в XIII–XIV вв., когда этот город превратился в столицу Трапезундской империи и крупнейшего поставщика вина в Причерноморье,

количество находок амфор группы II резко сокращается, и к XIV в. они исчезают полностью. Поэтому аргументация В.В. Булгакова не может быть признана убедительной.

В составе группы II различаются несколько типов, среди которых на территории Руси пока известны только 3.

ТИП 1. Амфоры этого типа отличались грушевидной формой корпуса, заглаженной поверхностью (часто с несколькими полосками линейного орнамента по плечикам), большим “воротничковым” венчиком и уплощенными в сечении ручками, прикреплявшимися к горловине всегда под венчиком (цв. ил., *4*; рис. 52, 3; 56, *1*). Датируются они концом X–XI в. и известны по всему бассейну Черного и Эгейского морей (*Demangel, Mamboury*, 1939. Fig. 198, *1*; *Чангова*, 1959. Рис. 10; *Barnea*, 1967. Fig. 159, *1*; *Антонова* и др., 1971. С. 93, рис. 22–23; *Якобсон*, 1979. С. 109–110, рис. 68, *1–4*; *Bakirtzis*, 1989. Fig. 4). Соответствуют типу 60 по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1992. Fig. 26, *4–5*) и типу II по Н. Гюнсенин (*Gunsenin*, 1989; 1990).

В Южной Руси амфоры этого типа известны пока только в Киеве (*Зоценко*, 2001. С. 178, 179, мал. 10, 11; *Мовчан и др*., 2004. С. 199–201, рис. 4) (цв. ил. 67, *3*) и Белзе (*Коваль,* 2005б. Рис. 1, *1*), а на Севере русских земель – в Великом Новгороде и Пскове (Прил. 2).

ТИП 2. Амфоры-магарики этого типа стали результатом трансформации сосудов типа 1. Они отличались толстостенностью, светло-красным комковатым пористым тестом бледно-сиреневого оттенка и корпусом веретенообразной формы, поверхность которого покрывалась мелким и частым бороздчатым рифлением, выполнявшимся гребенкой (цв. ил. 68, *1, 5*; рис. 52, *4*; 56, *8, 9*). Массивные, округлые в сечении ручки прикреплялись к самому краю горловины, высоко поднимались над ним и, после очень крутого перегиба, вертикально опускались на плечики (цв. ил. 67, *5, 6*). Венчики амфор отличаются разнообразием профилировок (рис. 56, *2–7*). Датируются эти амфоры в пределах XII в., когда они были распространены в европейской части Византии и Причерноморье (*Якобсон*, 1979. С. 111, рис. 68, *5–8*; *Романчук и др*., 1995. С. 78–81, табл. 34, 36, 41, 43, 44, 58; *Barne*a, 1967. Fig. 159, *4*; *Bakirtzis*, 1989. Fig. 5). Соответствуют типу 61 по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1992. Fig. 26, *10–11*) и типу III по Н. Гюнсенин (*Gunsenin*, 1989; 1990).

При этом выделяются сосуды с сильно отогнутыми венчиками и ручками, крепившимся чуть ниже края венчика и неплотно прилегавшими к горловине (рис. 56, *2*), которые можно рассматривать в качестве переходного варианта от типа 1 к типу 2 и датировать концом XI – первой половиной XII в. На территорию Руси амфоры типа 2 перестали поступать, по-видимому, уже с начала XIII в., после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. (*Волков*, 1996а. С. 94, 95).

Амфоры типа 2 известны во всех древнерусских городах, существовавших в XII в. В среднем их доля в импорте амфор-магарик на Русь составляет около 20%. На одной из хорошо исследованных усадеб XI–XII вв. Киевского Подола эти амфоры составляли 14 % всего массива АВК (*Зоценко*, 2001. С. 176, 181). Иная картина наблюдается в городах Галицкой земли (прежде всего – в Галиче и Звенигороде), где их доля достигает 47%, из-за чего количество находок “трапезундских” и “никейско-триллийских” амфор оказалось там примерно равным (*Коваль,* 2005б. С. 87). Возможно, столь необычное для Руси соотношение типов АВК отражает особенности торговых связей Галицкой Руси с Византией.

ТИП 3. К этому типу относятся маломерные амфоры (высота не более 40 см, диаметр – до 20 см), изготавливавшиеся из ярко-красной глины (с белым ангобом), которые по форме были очень близки амфорам типа 2 (цв. ил. 68, *3*; рис. 57, *1, 2*). Отличия от последних состояли, кроме малых размеров, в следующем:

– в формовочной массе ручек и горловин этих амфор примесь органики была минимальной и часто не фиксируется ваовсе;

– рифление на стенках имело волнообразный вид, существенно отличаясь от гребенчатого рифления амфор типа 2.

Амфоры типа 3 известны в Причерноморье (в Крыму, Азове, на Нижнем Днепре) в комплексах середины – второй половины XIII в., причем некоторые из них использовались для перевозки какого-то смолистого вещества, возможно – ладана (*Зеленко*, 1999. С. 227, рис. 8; *Волков*, 1992). В Южной Руси находка такой амфоры происходит из села Ходоров близ Киева (цв. ил. 68, *4*; рис. 51, *1*), а на Юго-Востоке – из Старой Рязани (рис. 57, *2*).

На “никейско-триллийских” амфорах-магариках граффити встречаются существенно реже, чем на амфорах “трапезундской” группы, что, вероятно, объясняется как большей твердостью стенок, так и неудобством прочерчивания знаков по сильно изогнутой поверхности, покрытой к тому же мелким и глубоким рифлением. Однако граффити есть и на этих амфорах, например во Владимире-Волынском (*Якобсон*, 1979, рис. 68, *8*) и на Ленковецком городище под Черновцами (цв. ил. 68, *5*; см. рис. 60, *6*). Известны даже граффити на рифленой поверхности стенок – на амфорных обломках из Киева[633], Звенигорода-Галицкого (цв. ил. 68, *1*) и Пскова (рис. 56, *10*). Клейма на амфоры группы II не ставились. На амфоры типа II/1 нередко проставляли метки-дипинти, наносившиеся неводостойкой черной или красной краской (*Papanikola-Bakirtzi*, 2002. Fig. 157а), но на территории Руси образцы амфор этой группы с дипинти пока не встречены.

[633] МИК–1973–№ А4569.

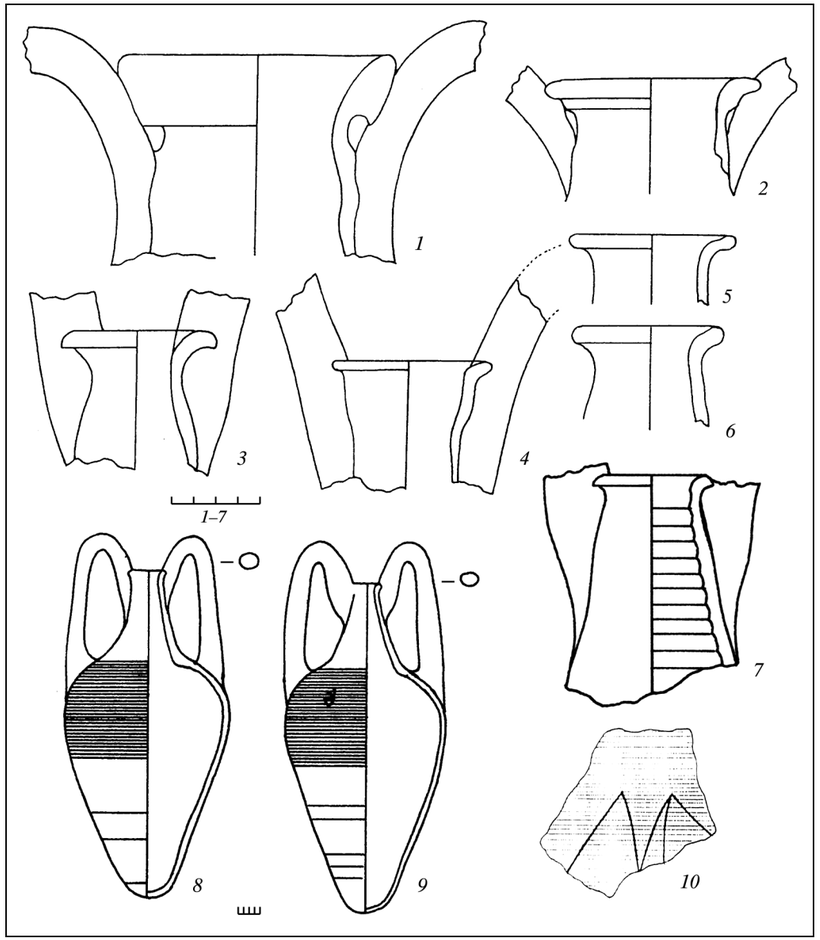

Рис. 56. **Амфоры группы II, типов 1 (*1*, *2*) и 2 (*3–10*)**

1 – Белз; *2–4* – Галич; *5*, *6* – Звенигород-на-Белке; *7* – Старая Рязань; *8*, *9* – Киев; *10* – Псков (граффито на рифленой стенке)

ГРУППА III

Третьей разновидностью АВК, ввозившейся практически в каждый средневековый русский город, были светлоглиняные амфоры, изготовленные из слабоожелезненной (светло-желтой, розовато-желтой, светло-коричневатой) глины с включениями мелкой слюды. Амфоры этой группы отличались небольшими размерами, удлиненными пропорциями, крупным волнообразным рифлением и ручками, прикрепленными ниже края горла (причем в этом месте оно обычно несколько раздуто) (цв. ил. 69, *2–6*; рис. 52, *5*; 57, *3–10*). Возможно, именно амфоры этой группы показаны на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей сюжет о “белгородском киселе” (цв. ил. 69, *1*). Доля амфор группы III в общем объеме амфорного материала на Руси составляет 2–5%.

В Причерноморье и на Балканах (Крым, Добруджа, Болгария, Сербия) амфоры этой группы датируются XI–XII вв., но встречаются редко (*Barnea*, 1967. P. 266, fig. 159, *3*; *Popovic*, 1989. Fig. 1). Соответствуют типам 65 и 63 по Дж. Хейсу (*Hayes*, 1992. Fig. 26, *1–3, 6*) и типам VII и XVII по Н. Гюнсенин (*Gunsenin*, 1990). Место их производства не известно. В.В. Булгаков рассматривает амфоры, выделенные нами в группу III, как один из типов “желтоглиняных амфор”, объединяя их с вогнутодонными амфорами (см. нашу группу VII) (*Булгаков*, 2000б). По гипотезе И.В. Волкова, маломерные желтоглиняные амфоры могли производиться в Эгейском регионе, возможно, на о. Хиос (*Волков*, 1996а. С. 97; 2001а. С. 135).

В составе группы можно выделить несколько типов амфор. К наиболее распространенному ***ТИПУ 1***

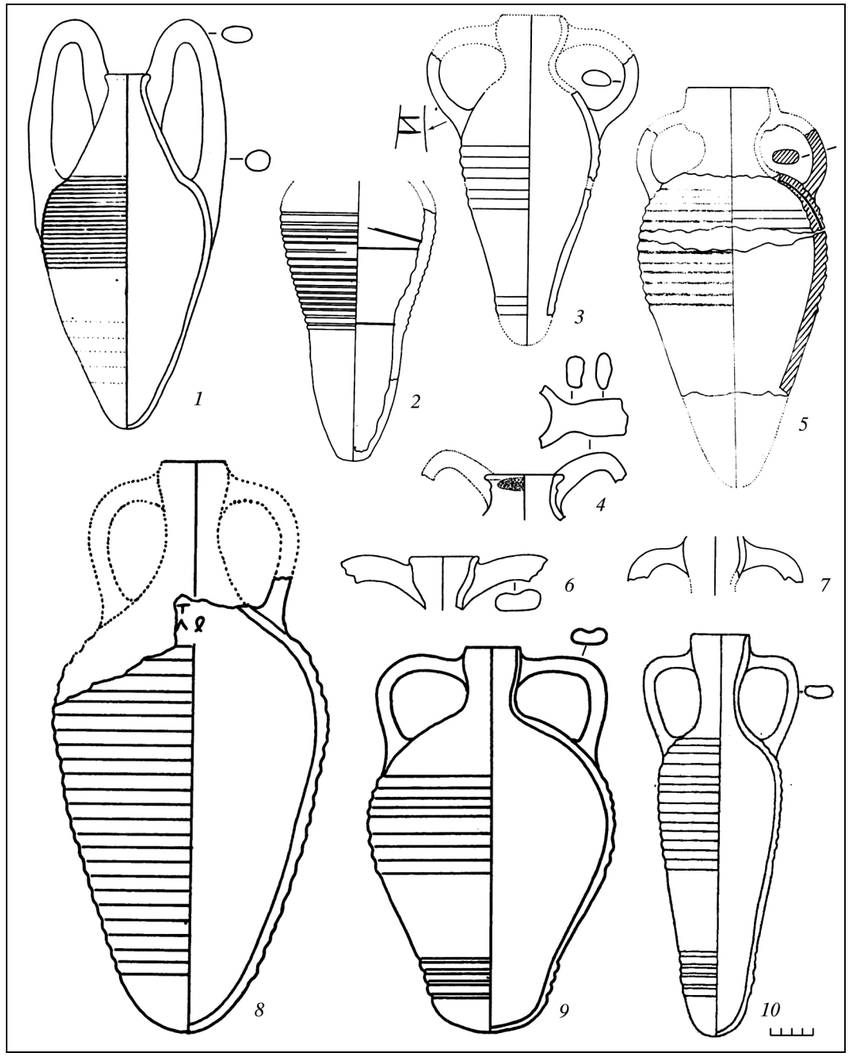

Рис. 57. **Амфоры группы II (тип 3) (*1*, *2*) и III (*3–10*)**

1 – село Ходоров под Киевом; *2* – Старая Рязань; *3*, *6–8* – Звенигород-на-Белке; *4* – Пронск; *5* – Псков; *9* – Киев; *10* – Остер

относились маломерные амфоры, высотой не более 35 см и с максимальным диаметром 13–15 см (цв. ил. 69, *2, 3*; рис. 57, *3–7, 10*). Заметно реже встречаются амфоры типа 2, отличавшиеся более крупными размерами и широким яйцевидным корпусом диаметром до 25 см (цв. ил. 69, *4, 5*; рис. 57, *8, 9*).

Возможно, к этой же группе относилась амфора, найденная на Киевском Подоле в комплексе 1160–1170-х годов, которая отличалась как по форме, так и по цвету глины (*Зоценко*, 2001. С. 186, 187, мал. 21, 28, 29), единственная полная аналогия которой происходит из комплекса кораблекрушения в Серче-Лимани (*Паршин*а, 2001, рис. 5, *3*), датируемого XI в.

Интересна еще одна разновидность маломерных амфор, отличавшаяся естественной примесью халцедона, выделенная В.В. Булгаковым в отдельный тип (тип G). Обломки таких амфор найдены в Киеве и его округе, в комплексах XI–XII вв. (*Булгаков*, 2001в). Поскольку идентификация этого типа амфор возможна только по результатам петрографического анализа, морфологическая близость к основной массе маломерных светлоглиняных амфор

кажется достаточным основанием для включения их в эту группу.

Граффити на амфорах группы III встречаются редко. Клейма на этих амфорах в пределах Руси пока не известны. Единственное исключение, возможно, составляет указанная выше амфора из Киева, на ручке которой оттиснуто клеймо в виде розетки, аналогии которому известны на амфорах типа I/2 (*Тесленко*, 2001, рис. 2, *1, 3*). За пределами Руси клейма известны на двух образцах, относившихся к самым ранним разновидностям амфор этой группы, датирующимся X–XI вв. (*Паршина*, 2001. С. 107).

ГРУППА IV

Самыми своеобразными среди АВК являются сосуды, отличающиеся необычной для византийской тарной керамики грубой формовочной массой, приготовленной из сильноожелезненной глины с включениями крупных зерен кварцитов, метаморфизированных сланцев[634] и других естественных примесей, а также крупного песка. Количество примесей существенно различается у разных сосудов, цвет глины в подавляющем большинстве случаев коричнево-красный, хотя встречаются сосуды из розовой, ярко-красной, светло-коричневой или желтой глины. Большинство амфор этой группы отличается еще и низкокачественным обжигом (это видно по толстой черной полосе на изломах стенок). Формы амфор необычайно разнообразны, так что единственным надежным критерием выделения группы является именно своеобразный состав их формовочной массы. Другим важным признаком идентификации таких амфор являются петлевидные профилированные ручки, нижний прилеп которых часто отходит почти под прямым углом к стенкам амфор (цв. ил. 70, 71; рис. 52, *6, 7*; 58; 59; 60, *1–5*).

Впервые на Руси эти амфоры были определены и описаны по материалам белорусского Новогрудка М.В. Малевской, посчитавшей их продукцией производства Тмутаракани (*Малевская*, 1969а. Тип V). Выделение группы и описание ее важнейших признаков было проведено И.В. Волковым, назвавшим ее "группой клейма SSS" (по клейму с такими буквами из Великого Новгорода) и предположившим ее происхождение из владений крестоносцев в Палестине (*Волков*, 1994а. С. 3–8; 2001а. С. 135–144). Недавно появилась еще одна гипотеза о происхождении амфор этой группы из Западной Грузии и об армянской графике клейма "SSS", которое в этом случае должно читаться "TTT" (*Масловский*, 2006. С. 445, 446). Аргументация этой гипотезы выглядит весьма солидной, однако находки амфор группы IV в Средиземноморье (Марсель, Южная Италия, Адриатика, Афины, Константинополь)[635] позволяет допускать возможность размещения центра производства таких амфор и в бассейне Средиземного моря (например, в Киликии или другой области со значительной долей армянского населения).

В.В. Булгаковым такие амфоры называются "коричневоглиняными" и подразделяются на 2 типа – с "широким" и "узким" корпусом (*Булгаков*, 2000б).

Датировка образцов, найденных на территории Руси, не выходит за пределы XII – первой половины XIII в. Подобные же амфоры известны в Причерноморье, Константинополе, на Адриатическом побережье Балкан (*Волков*, 2001а. С. 137) в XI-XIV вв.

В составе группы существовало несколько морфологически различающихся типов амфор:

ТИП 1 (цв. ил. 70). Амфоры крупных размеров (высотой до 70 см), со слабо выраженным перехватом тулова в нижней части, низким горлом и высоко поднимающимися над ним ручками. На внешней стороне венчика обычно бывает угловатый выступ. Дно округлое. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты рифлением вытягивания, но зачастую на внешней поверхности бывает дополнительно нанесен разреженный линейный орнамент (цв. ил. 71, *4*; рис. 52, *6, 7*; 58, *1, 2, 4*; 59, *2*). Верхняя часть амфор, как правило, покрыта белым ангобом. Ручки всегда прикреплены к краю горла, имеют овальное или округлое сечение, но профилированы валиками (количество валиков может варьировать от 1 до 5) либо имеют большую продольную выемку (цв. ил. 70, *5*; рис. 58, *2, 5*). В месте присоединения к горлу эти ручки имеют, как правило, подтреугольное сечение, но известны и экземпляры с круглым сечением. На амфоре именно этого типа (из Великого Новгорода) было встречено клеймо "SSS" (*Волков*, 2001а, рис. 5, *2*), остающееся пока единственным во всей группе (цв. ил. 70, *3*). Находки обломков и почти целых амфор этого типа известны в Великом Новгороде, Чернигове, Галиче, Звенигороде-на-Белке, Плиснеске.

ТИП 2. Амфоры средних размеров (высотой не более 50 см) широких пропорций (диаметром до 30 см) с массивными венчиками, внешняя сторона которых была оформлена валиком или угловатым выступом (цв. ил. 71, *1*; рис. 58, *3*; 59, *1*). Ручки крепились так же, как и у амфор типа 1. Сечение ручек могло быть различным – овальное со слабо выраженным ребром либо круглое, профилированное валиками, существенно реже – выемками (как у типа 1). Обломки таких амфор известны в Киеве, Новгороде-Северском, Галиче и Звенигороде-на-Белке.

[634] Определение С.Ю. Внукова по результатам петрографического анализа. По мнению И.В. Волкова, эти включения состоят из гидробиотита (*Волков*, 2001а. С. 136). Внешне они выглядят в виде разноразмерных (зачастую крупных) остроугольных полупрозрачных или белых расслаивающихся пластинок, имеющих слоисто-волокнистую структуру.

[635] Наиболее полная сводка находок таких амфор в Средиземноморье выполнена В.В. Булгаковым (2000).

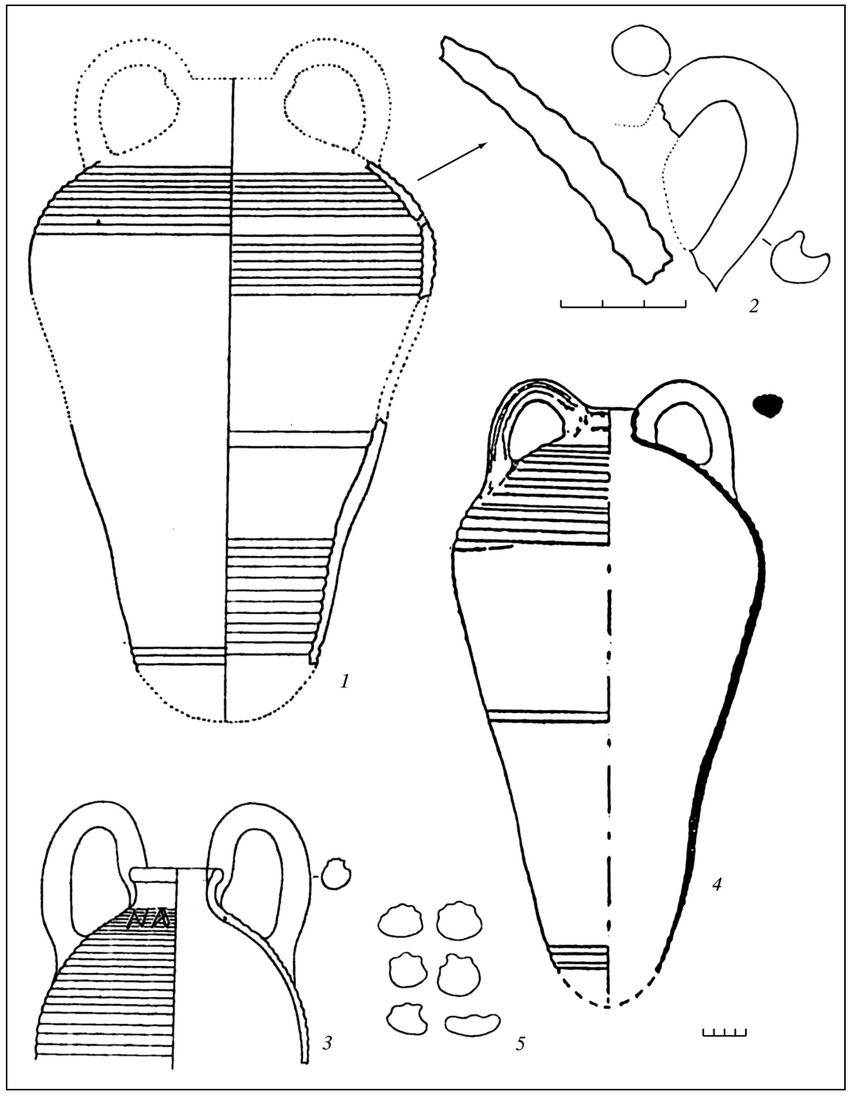

Рис. 58. **Амфоры группы IV, типов 1 (*1*, *2*, *4*) и 2 (*3*)**
1 – Галич; *2* – Плиснеск; *3* – Вышгород; *4* – Великий Новгород (по И.В. Волкову); *5* – варианты сечения ручек

ТИП 3. Маломерные амфоры ("морковные" по терминологии И. Барни) (*Barnea*, 1967. Fig. 159, *5*). Высота таких амфор составляла 20–40 см, диаметр – 15–25 см. Днища были зауженными или даже заостренными. Сечение ручек менее разнообразно (обычно овальное или круглое), но они всегда крепились к краю венчика и опускались на плечики, причем присоединялись почти под прямым углом к стенкам амфоры (рис. 59, *3, 4, 7, 9*). Профилировка венчиков не столь стандартизирована как в типах 1 и 2 (в частности, встречены отогнутые венчики). Амфоры этого типа известны в Пскове, Старой Рязани, Галиче, Звенигороде.

ТИП 4. Сильно вытянутые остродонные амфоры (высотой до 50 см при диаметре не более 15 см). Пока на Руси известны только 2 почти целые амфоры этого типа, найденные в Киеве (*Булгаков*, 2000б. Рис. 100) и в с. Триполье на берегу Днепра (на месте древнерусского города Треполь)[636]. Они

[636] НМИУ–№ В4595/21.

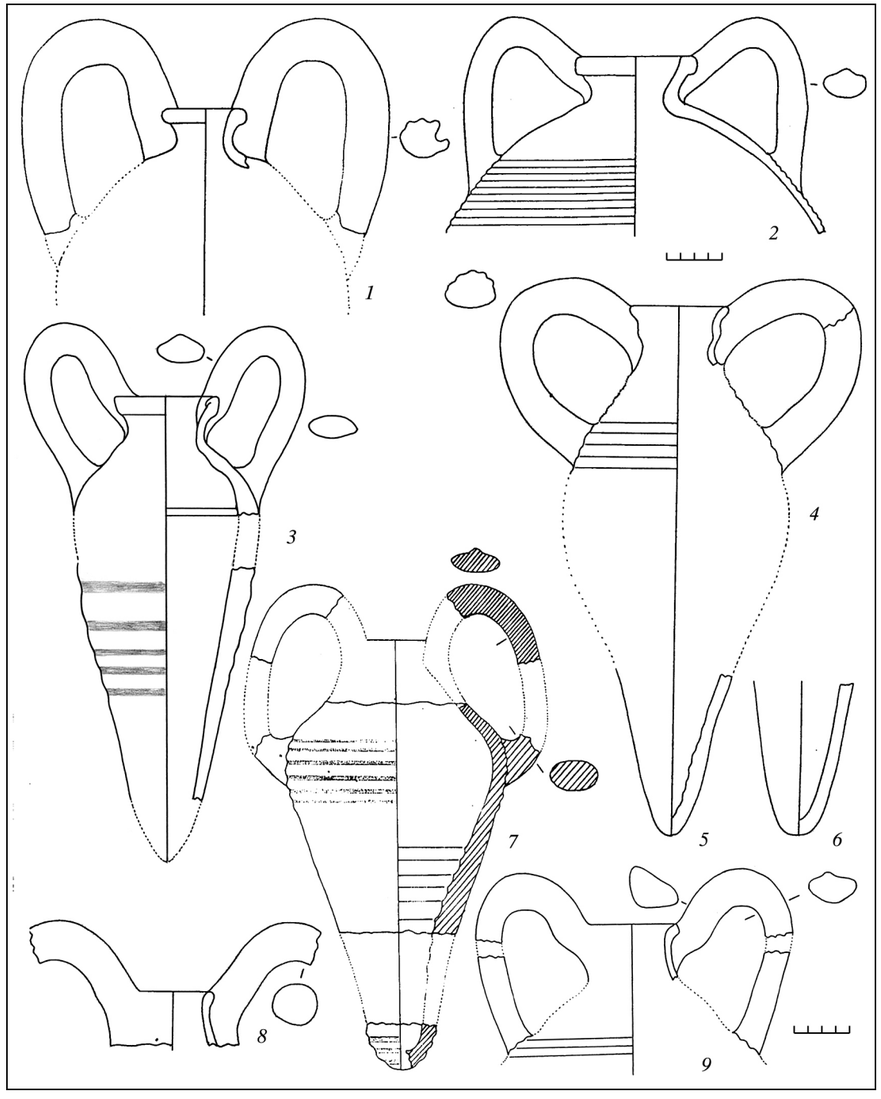

Рис. 59. **Амфоры группы IV, типов 2 (*1*, *2*, *8*, *9*) и 3 (*3*–*7*)**
1, *2* – Киев; *3* – Старая Рязань; *4*, *6*, *9* – Галич; *5*, *8* – Звенигород-на-Белке; *7* – Псков

изготовлены из корчнево-красной глины, имеют пояса линейного орнамента по плечикам, а амфора из Триполья была неравномерно покрыта белым ангобом (цв. ил. 71, *3*; рис. 60, *1*). На плече этой амфоры было глубоко врезанное буквенное граффито, сохранившееся фрагментарно.

ТИП 5. Плоскодонные амфоры. Профилировка и состав формовочных масс амфор этого типа чрезвычайно разнообразны: встречаются маломерные и средних размеров амфоры из красной и коричневой глины (цв. ил. 71, *6*). Зафиксированы в Великом Новгороде, Владимире (рис. 60, *2*), Старой Рязани (рис. 60, *3*), а в Причерноморье – в Херсонесе и Приазовье (*Волков*, 2001а. С. 138–140, рис. 7, 8; *Романчук и др*., 1995. С. 84), где датируются в пределах XIII в.

Кроме перечисленных пяти основных типов коричневоглиняных амфор, в материалах раскопок 1939 г. в Галиче встречены еще две редкие разновидности амфор этой группы (*Коваль,* 2005б. С. 94, рис. 3, *11*; 4, *5*), заслуживающих подробного описания:

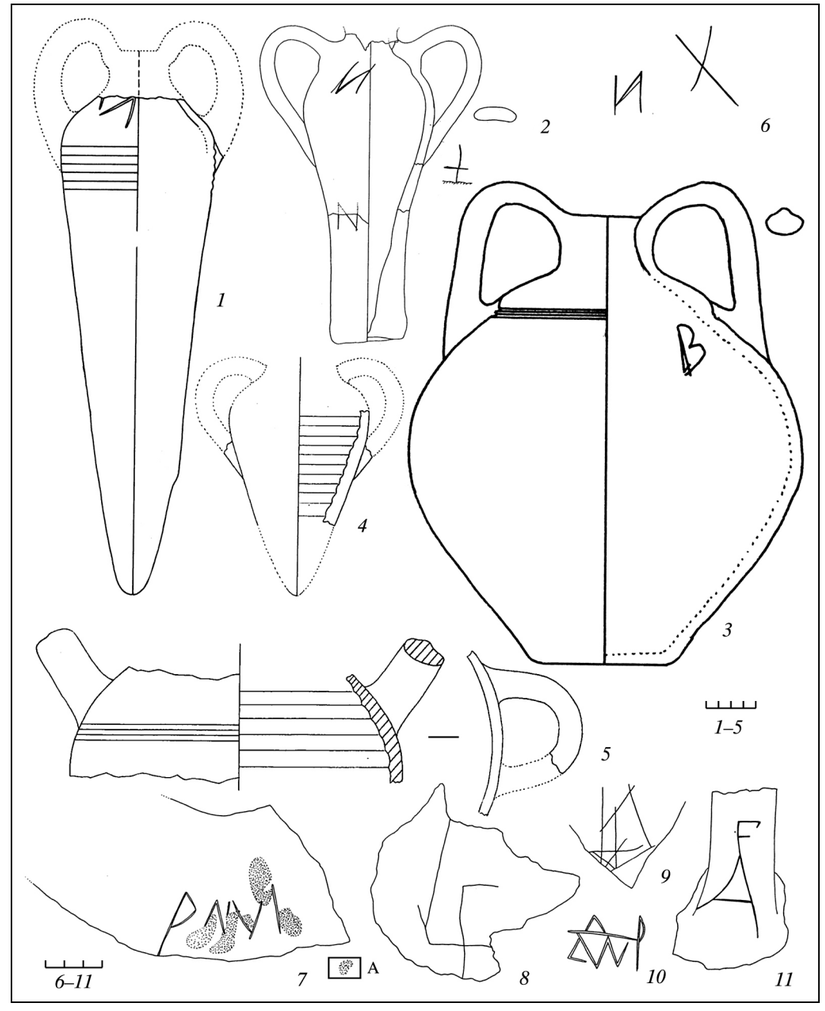

Рис. 60. **Амфоры группы IV, типов 4 (*1*), 5 (*2*, *3*), 6 (*4*) и 7 (*5*) и граффити на амфорах групп I (*7*, *9*, *10*), II (*6*) и IV (*8*, *11*)**
А – сколы-утраты на поверхности. *1* – Треполь; *2* – Владимир; *3* – Старая Рязань; *4*, *5*, *8*, *10*, *11* – Галич; *6* – Ленковецкое городище; *7* – Звенигород-на-Белке

ТИП 6. Обломок тулова маломерной амфоры (высота около 20 см, диаметр 12 см) из ярко-красной глины, у которой нижний прилеп ручек находился ниже максимального диаметра тулова (рис. 60, *4*). В результате ручки здесь были прикреплены к стенкам под острым углом.

ТИП 7. Амфора с горизонтальным расположением ручек. По составу формовочной массы этот сосуд не отличался от остальных амфор группы. По плечикам были проведены несколько полос линейного орнамента (цв. ил. 71, *5*; рис. 60, *5*). К сожалению, форма амфоры не может быть восстановлена по имеющемуся обломку. Часть аналогичной амфоры была найдена при раскопках в Белгороде-Киевском в контексте первой половины XII в. (*Булгаков*, 2000б. Рис. 108).

Граффити на амфорах группы IV встречаются не реже, чем среди амфор других групп. На амфоре из Вышгорода сохранилось граффито, включавшее 2 буквы – “NA” (рис. 58, *3*). На обломке стенки из Галича (раскопки 1939 г.) был небрежно процарапан знак свастики (рис. 60, *8*). Второе граффито из Галича выполнено более тщательно, глубокой резьбой на корне ручки, и представляет собой монограмму из латинских букв “F” и “A” (рис. 60, *11*). На амфорах из Треполя, Владимира

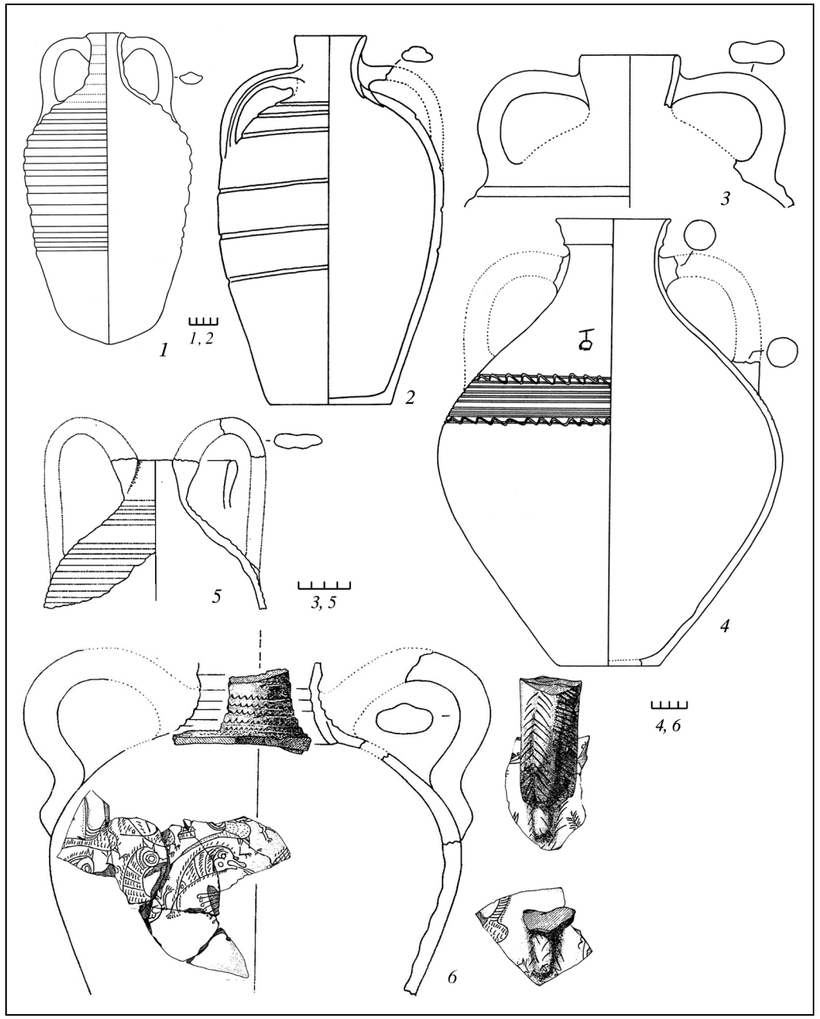

Рис. 61. **Амфоры групп V (*1*), VI (*2*), VII (*3*), VIII (*5*), IX (*4*) и амфоровидный сосуд из Киева (*5*)**

1 – Треполь; *2*, *5* – Киев; *3* – Звенигород-на-Белке; *4* – Лебедянь; *5* – Коломна

и Новгорода-Северского сохранились граффити в виде буквы “И”, причем на последнем сосуде этот знак был глубоко прочерчен по сырой глине (*Куза и др.*, 1996. Рис. 6, *21*) (цв. ил. 71, *2*). Это редчайший образец знаков, нанесенных на сосуд до обжига, с полным набором присущих им признаков – выдавливание излишков сырой глины на края прочерченной линии, ангоб внутри линий.

ГРУППА V

Эта группа включает так называемые “причерноморские” амфоры, разделяющиеся на несколько типов. В Южной Руси известны амфоры преимущественно одного из них, характеризующегося яйцевидным корпусом и желобчатой поверхностью (цв. ил. 72, *2*; рис. 52, *9*; 61, *1*). Изготавливались такие амфоры из красной глины, цвет которой варьировал от желтоватого до коричневого, с добавками красного шамота. Внешняя поверхность покрывалась тонким слоем белого ангоба. Размеры сравнительно невелики: высота – не более 45 см, диаметр – до 25 см. Поверхность обработана правильными, полукруглыми в сечении желобками с плоскими промежутками между ними. Овальные в сечении ручки с тупым ребром или неглубокими бороздками на наружной поверхности прикреплялись ниже венчика. Ранее такие амфоры называли “салтовскими” (из-за широкого распространения

на поселениях салтово-маяцкой культуры), но изготавливались они в Крыму, где известно 35 мест их производства (*Паршина и др.*, 2001). Традиционно они датируются IX–XI вв. (*Якобсон*, 1979. С. 31, рис. 13, *1–3; Антонова и др.*, 1971. С. 90), по данным новейших исследований, они производились в IX – первой половине X в. (*Паршина и др.*, 2001. С. 77, 78).

В лесной зоне Восточной Европы амфоры группы V встречаются в основном в ареале роменской культуры VIII–X вв., т.е. они ввозились не на Русь, а на земли, находившиеся в подчинении у Хазарского каганата (известны также их находки к западу от Киева). Непосредственно на территории древнерусского государства такие амфоры известны только в трех местах:

1) Триполье – амфора из случайных находок[637] (рис. 61, *1*; цв. ил. 72, *2*)

2) Гнёздовские курганы – амфора с надписью “ГОРОУХЩА” (*Авдусин*, *Тихомиров*, 1950, рис. 3) или “ГОРОУNА” (т.е. принадлежавшая некому Горуну)[638] (цв. ил. 72, *1*) из погребения в кургане К-13, датированного серединой X в. (*Avdussin*, 1977. P. 278, Abb. 4, *f*; *Авдусин*, 1972. С. 166; *Нефедов*, 2001. С. 65). Правда, по форме эта амфора несколько отличается от большинства крымских, что может объясняться более поздней ее датировкой. Ближайшей аналогией гнёздовской амфоре является сосуд из раскопок крестообразного храма X–XI вв. на склоне Мангупа (*Айбабин и др.*, 2003. Цв. ил. 53, *14*), в крымском происхождении которого сомнений не высказывалось. Еще одним признаком, указывающим на то, что гнёздовская амфора была изготовлена в Крыму, являются пальцевые вдавления на нижних корнях ручек, характерные именно для крымских изделий.

3) Тимеревское поселение – 1 обломок амфоры (*Седых*, 1982. С. 195–196, рис. 50, *6*).

ГРУППА VI

Включает один тип плоскодонных амфор, изготовленных из ярко-красной глины с включениями песка и красного шамота, покрытых белым ангобом, имевших цилиндрическое или раструбное горло, овальные или уплощенные в сечении ручки, прикрепленные существенно ниже края венчика и плавно опускавшиеся на плечики (нижние прилепы ручек размазаны в стороны) (цв. ил. 72, *4а*; рис. 52, *10*; 61, *2*). В отличие от всех остальных АВК, амфоры этой группы формовались не вытягиванием, а ленточным налепом. Днища зачастую сохранили следы зольной подсыпки, а на внутренней поверхности они обычно имеют звездообразные следы размазывания глины (цв. ил. 72, *4б*). Внешняя поверхность этих амфор была гладкой и покрывалась линейным орнаментом, выполнявшимся палочкой толщиной до 0,5 см. Такие амфоры известны в Херсонесе (где предполагается центр их производства) и его окрестностях (Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Ласпи, Пампук-Rая, Исар-Кая, Алушта) для контекстов XII–XIV вв. (*Якобсон*, 1979. С. 113, рис. 69, *6–9*; *Антонова и др.*, 1971. С. 95–96, рис. 27–30; *Романчук и др.*, 1995. С. 83–88, табл. 46–50, 57–59).

На территории средневековой Руси амфоры этого типа известны пока только в южном регионе – в Киеве[639] (рис. 61, *2*; цв. ил. 72, *4а*), Переяславле-Южном (*Булгаков*, 2000); Воине (*Довженок и др.*, 1966. Цв. ил. XII, *4*)[640], окрестностях Чернигова, Галиче, Звенигороде и, возможно, во Львове.

ГРУППА VII

Характеризуется сосудами из глины бежевого (светло-коричневого) или розового цвета с примесью очень мелкого песка и большого количества слюды. Отличаются эти амфоры овальным туловом, покрытым в средней части волнообразным рифлением, цилиндрическим горлом и маленькими, уплощенными в сечении ручками, опускавшимися на плечики почти под прямым углом к ним (рис. 52, *11*; 61, *3*). Наиболее важным морфологическим отличием значительной части этих амфор было уплощенное или несколько вогнутое внутрь сосуда дно. Амфоры этой группы известны в Константинополе и Коринфе, в комплексе конца XIII – начала XIV в. (*Sanders*, 1987. Fig. 9), а также в Крыму (Херсонес, Боспор, Судак) (*Зинько, Пономарев*, 1999. С. 196, рис. 2, *18*), в том числе, в корабле, затонувшем у берега Крыма во второй половине XIII в. (*Зеленко*, 1999. С. 228, рис. 10). Место их производства остается не установленным. Не исключено, что в состав этой же группы входили крупные желтоглиняные амфоры (известные в Причерноморье, но отсутствующие на территории Руси), выделяемые Е.А. Паршиной в тип II клейменых амфор, а И.В. Волковым – в “группу клейма АВ”, и датируемые в широких пределах от X до XII в. (*Паршина*, 2001. С. 106, 107, рис. 4, *2*; *Волков*, 2001а. С. 132, 133).

Следует отметить сходство амфор групп III и VII по цвету и составу формовочной массы, способу крепления ручек и профилировке горловин. В.В. Булгаков объединяет их в одну группу “желтоглиняных” амфор (соответственно, типов 3Y и 2Y) (*Булгаков*, 2000б).

На территории Руси амфоры этой группы (с обычным дном) впервые были обнаружены в белорусском Новогрудке в комплексах XII – первой половиной XIII в. (*Малевская*, 1969. Типы III, IV)

---

[637] НМИУ–№ В-1170.

[638] Чтение граффито на амфоре из Гнёздова как “гороухща”, интерпретировавшееся ранее в качестве обозначения горчицы, отвергнуто новейшими исследованиями (*Медынцева*, 1998. С. 187, 188; 2000. С. 29–31).

[639] Развал целой амфоры происходит из постройки XII – первой половины XIII в. (*Мовчан и др.*, 2002. С. 9, рис. 18, 25).

[640] В публикации обломок такой амфоры датирован IX–X вв.

(рис. 52, *11*). Обломки от нескольких амфор этой группы найдены в Киеве, Родене (*Булгаков*, 2000б), а также, вероятно, в Вышгороде, Галиче, Звенигороде-на-Белке (рис. 61, *3*) и Белзе.

ГРУППА VIII

Объединяет красноглиняные амфоры небольшого размера из формовочных масс различного состава (без примесей, с примесями песка, кристаллических пород или органики). Целые их формы пока нигде на Руси не встречены, отдельные же фрагменты найдены во многих городах в комплексах домонгольской эпохи (рис. 52, *12*; 61, *5*). По своей профилировке они близки амфорам типа III, однако отличались от них цветом и составом формовочных масс, а также деталями профилировки. На ручках амфор изредка встречаются клейма (цв. ил. 72, *3*).

Эта группа является неоднородной и фактически вмещает несколько различных групп, для выделения и описания которых данных пока недостаточно. В классификации В.В. Булгакова нашей группе VIII соответствуют "ассоциированные" и "неассоциированные" Y-типы, а также амфоры "локального" типа С (*Булгаков*, 2000б).

ГРУППА IX

Представлена пока единственной находкой – это плоскодонная амфора из Лебедяни (Верхнее Подонье), сохранившаяся практически целиком (с незначительными утратами), высотой 50 см и максимальным диаметром 38 см, которая была изготовлена из плотной светло-красной глины, насыщенной белыми остроугольными минеральными включениями (в составе формовочной массы отмечены также округлые включения кремового и темно-красного цвета – шамот или комочки сухой глины), поверхность покрыта темно-красным ангобом (цв. ил. 73, *1*; рис. 52, *13*; 61, *4*). По-видимому, эта амфора была сформована ленточным налепом и очень тщательно обточена на гончарном круге. Декор состоял из одного пояса линейного и волнистого орнамента на верхней части сосуда, нанесенного палочкой. Ручки круглого сечения (диаметром 3,5 см) прикреплялись верхними концами к горловине, а нижними – к плечикам амфоры (поверх орнаментального пояса), оба прилепа размазаны в стороны. Венчик имеет наплыв книзу с наружной стороны и внешне напоминает профилировку венчиков пифосов. Дно амфоры не несет следов подсыпки, поскольку тщательно заглажено. На плечике сохранилось граффито, процарапанное после обжига сосуда, которое могло быть как тамгой, так и монограммой из букв "ТО" (цв. ил. 73, *2*).

Морфологические аналогии этой амфоре не известны, ее формовочная масса аналогична тесту сосудов, часто встречающихся на поселениях и могильниках Приазовья (*Масловский*, 2006. С. 390 – группа 13 керамики Азака), где они датируются в основном в пределах середины – второй половины XIII в.[641]. В частности, такая керамика была встречена на поселении "Семеновская крепость", существовавшем непродолжительное время – в 1240–1260 гг. (*Волков*, 1996б. С. 212, 213). Место производства подобной керамики остается невыясненным в пределах Причерноморья.

ОСОБУЮ ГРУППУ составляют амфоровидные сосуды с гравированными сюжетными изображениями, выполненными по поверхности корпуса до обжига. В Киеве в комплексах XI–XII вв. встречены развал подобной амфоры (при раскопках 1993 г. близ Софийских ворот) и отдельный обломок сосуда с гравированным сюжетным рисунком (на Подоле). На развале амфоры имелся очень сложный рисунок, включавший изображения фазанов, грифона и дельфина (цв. ил. 73, *4*; рис. 61, *5*). Этот материал дважды публиковался (*Мовчан и др*., 1998. С. 112–116, рис. 1–4; *Булгаков*, 2000в). В первой публикации амфора была датирована IX–X вв., в том числе на основании предполагавшегося морфологического сходства с амфорами типа II/1. В.В. Булгаковым также был сделан вывод о том, что "по наблюдательным характеристикам" и результатам петрографического анализа гравированная амфора тождественна амфорам группы II (по нашей группировке). На наш взгляд, такое "тождество" более чем сомнительно: бледно-розовый цвет глины гравированной амфоры и добавка в массу шамота не имеют сходства с амфорами группы II, отсутствует и такой характерный признак группы, как добавки органической примеси (навоза) в формовочную массу ручек и горла. Наконец, профилировка этой амфоры, способ размещения и крепления на ней ручек[642] также не имеют ничего общего с амфорами группы II. Прослеженное по данным петрографии сходство между глинами этого сосуда и амфор группы II не выходит за рамки сходства любых естественно-чистых глин с присутствием алевритовой фракции, лишенных заметного количества минеральных включений. Такое сходство не может свидетельствовать о происхождении тех и других из одного и того же месторождения глин. Поэтому нельзя связывать гравированную амфору ни с округой Никеи, ни, тем более, с Трапезундом (исходя из атрибуции В.В. Булгаковым амфор группы II). При всем этом, наряду с отдаленными аналогиями из Константинополя, указанными В.В. Булгаковым, существует и полная аналогия (по форме тулова, форме и способу крепления ручек, орнаментации горловины и стилю рисунка на корпусе) – сосуд, происходящий из комплекса первой половины XI в. в Фессалониках (*Papanikola-Bakirtzi*, 2002. P. 357, fig. 416). Конечно, изготовлен этот сосуд мог быть не обязательно в Фессалониках, однако сама связь "гравированных амфор" с крупнейшими центрами европейской части Византии, кажется, не должна вызывать сомнений. Таким образом, на сегодня третьим (после Константинополя и Фессалоник) пунктом находок таких амфор оказывается Киев[643].

[641] Приношу свою благодарность И.В. Волкову за консультацию по данному вопросу.

[642] Нельзя согласиться с замечанием В.В. Булгакова о невозможности реконструкции формы этого сосуда (*Булгаков*, 2000в, примеч. 1), тем более, что им все же определены некоторые его параметры (высота 34–39 см и диаметр 27–28 см). Имеющиеся обломки свидетельствуют, что диаметр амфоры был больше – 32–36 см, полная же ее высота достоверно определена быть не может. Следует также согласиться с наблюдением первых публикаторов этой амфоры о сходстве крепления ее ручек с металлическими сосудами IX–X вв., которые она, вероятно, копировала.

Рассмотрим теперь ту роль, которую импортные амфоры играли на Руси. Потребительская ценность этих сосудов определялась выполнением ими следующих функций:

1. Амфоры-магарики служили тарой для транспортировки дорогих и социально престижных пищевых продуктов (вина, масла, пряностей) и нефтепродуктов, что подтверждается граффити "[я] рополче вино", "новое вино добрило послал князю Богунка", "бело[е] в[ино]...", "[м]асл[о]", "олеа" (*Монгайт*, 1955. С. 187, рис. 145; *Равдина*, 1957. С. 150; *Высоцкий*, 1985. С. 106; *Голубева*, 1960. С. 322; *Седова*, 1987. С. 8, рис. 2), а также письменными (Киево-Печерский Патерик и др.) (*Noonan, Kovalev*, 1997; 1999. P. 132) и археологическими источниками.

2. Амфоры могли являться вместилищем для долговременного хранения как привезенных в них продовольственных продуктов, так и продуктов местного производства, находясь в крупных княжеских погребах – "медушах", один из которых (на более чем 100 амфор) был археологически зафиксирован в Новгороде-Северском (*Куза и др.*, 1988. С. 57; 1996. С. 7, рис. 3), а также в небольших погребах, как в Старой Рязани (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 180, 181, рис. 117), или непосредственно в жилищах богатых горожан, как это имело место в белорусском Новогрудке (*Гуревич*, 1981. С. 124). Наконец, амфоры могли служить для перевозки и хранения сыпучих непищевых продуктов высокой ценности. Именно так была использована амфора, найденная в подполье жилища киевского ремесленника (или купца?), хранившего в ней импортные бусы из горного хрусталя и сердолика (*Каргер*, 1958. С. 327).

3. Еще одним способом вторичного использования амфор являлось их применение в храмовом строительстве в качестве голосников и специальных материалов для облегчения веса сводов:

– Киев: в Софийском и Успенском соборах XI в., а также в сводах Золотых Ворот (*Каргер*, 1958. С. 425, 426; *Холостенко*, 1975. С. 123, рис. 16);

– Чернигов: в Пятницкой церкви XII – начала XIII в. и других храмах (*Рыбаков*, 1949а. С. 77, рис. 42);

– Владимир-Волынский: в Мстиславовом храме 1160 г. (*Якобсон*, 1950. С. 106, рис. 62; 1979. С. 111, рис. 68, *8*);

– Смоленск: в храме конца XII в. (*Сапожников*, 1999. С. 123, рис. 5);

– Псков: в храме XII в. (*Михайлов, Станюкович*, 1983. С. 148, 149, рис. 1).

Нередко в развалинах храмов обнаруживают лишь обломки амфор с приставшим к ним известковым раствором, что является свидетельством использования этих амфор в кладке стен и сводов. Такие обломки встречены, например, в Рославле Смоленском (*Раппопорт, Шолохова*, 1976. С. 84) и Переяславле-Южном (*Каргер*, 1954. С. 13). Применение амфор для облегчения веса конструкций сводов христианских храмов и в качестве голосников было характерно для храмового и дворцового строительства XI–XIV вв. в Средиземноморье – от Византии (*Demangel, Mamboury*, 1939. P. 19, 46, 148, 149, fig. 198) до Испании (*Llubia*, 1967. P. 110, fig. 167). В Северном Причерноморье такой прием был применен, например, при строительстве церкви Иоанна Предтечи в Керчи (*Никитченко*, 1970. С. 276–278) и храма № 9 в Херсонесе (*Якобсон*, 1959. С. 307).

4. Амфоры могли использоваться в специальных хозяйственных целях, установить конкретику которых сейчас довольно сложно. Пример – амфора из Пронска с двумя круглыми просверленными отверстиями (диаметром 12 и 35 мм) на противоположных сторонах тулова в месте его максимального расширения (*Мальм, Фехнер*, 1974. С. 197, рис. 3) (цв. ил. 66, *1*). Амфоры с отверстиями в тулове известны и в Византии (*Papanikola-Bakirtzi*, 2002. Fig. 159a), но их предназначение остается неясным.

5. Даже после того, как амфора оказывалась разбитой, ее обломки продолжали использоваться в быту: из их стенок изготавливались пряслица (*Ефименко*, *Третьяков*, 1948. С. 44; *Плетнева*, 1964. С. 28 *Пряхин, Цыбин*, 1996. С. 38), рыболовные грузила (*Куза и др*., 1996. С. 13) или другие поделки, конкретное назначение которых установить бывает сложно (*Векслер, Коваль*, 1998. С. 164).

Сегодня имеются сведения о находках на Руси более 16 000 обломков и целых амфор, происходящих из 261 пункта (Прил. 2) (рис. 62). Таким образом, при раскопках здесь найдены обломки, принадлежавшие нескольким тысячам амфор. Если один только княжеский погреб-медуша из Новгорода-Северского был рассчитан на длительное хранение 120–140 амфор (*Куза и др.*, 1988. С. 57; 1996. С. 7,

[643] Упоминаемые В.В. Булгаковым образцы гравированных сосудов из Саркела не являются аналогиями для этих находок, поскольку часть из них изготовлена в иной технике (объемной резьбе по глине), а рисунки на других стилистически отличаются от византийских.

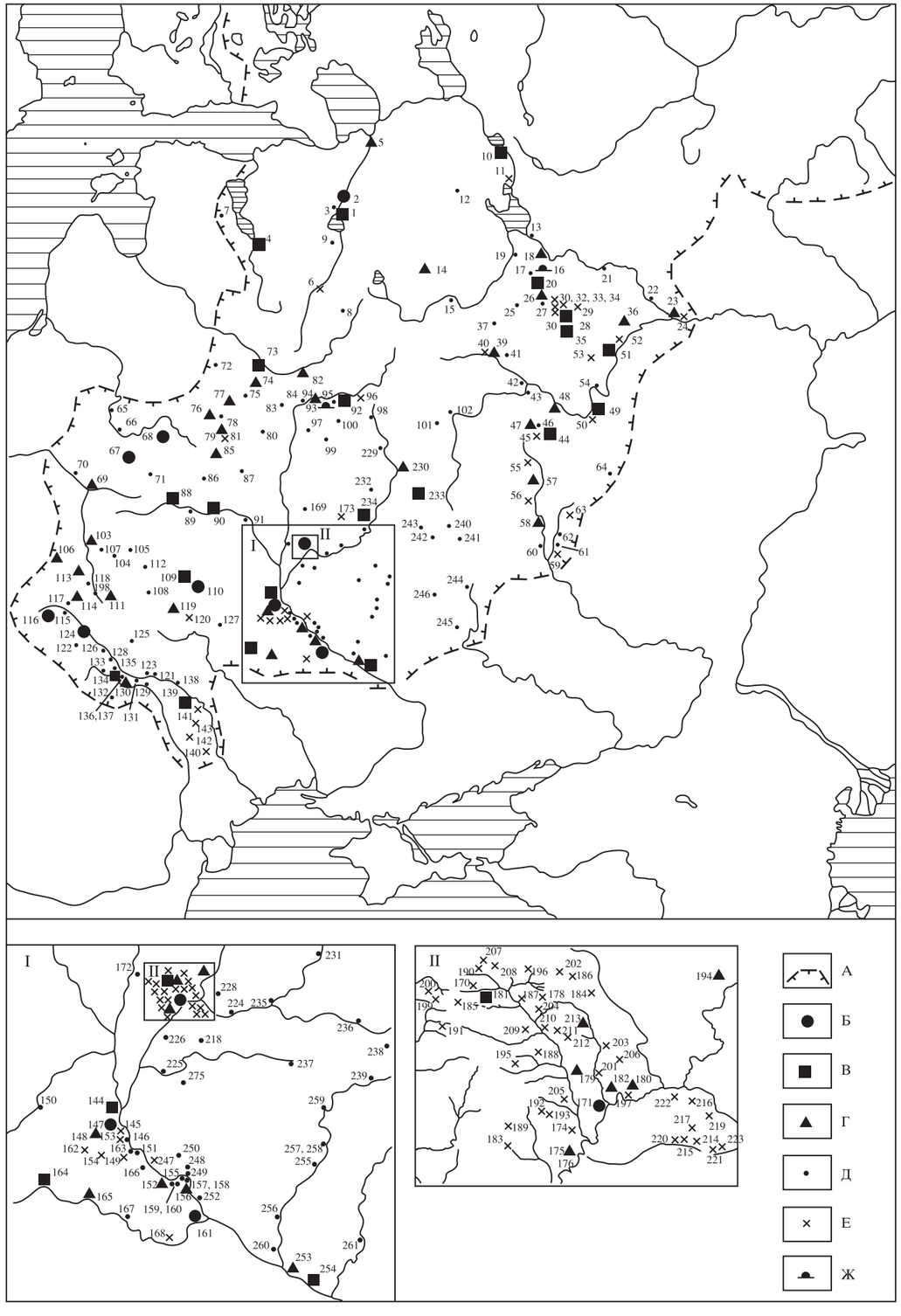

рис. 3)[644], то во всех древнерусских городах должно было постоянно находиться несколько сотен или даже более тысячи амфор. Однако для восполнения расхода их содержимого (вина и масла) должен был быть организован подвоз сопоставимого числа сосудов. Поэтому вполне допустимо предполагать, что на Русь ежегодно привозилось не менее нескольких сот амфор. К аналогичным выводам пришли и другие исследователи (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 85). По самым скромным подсчетам, за столетие объем ввоза амфор вполне мог составить несколько тысяч сосудов.

Главные пути, по которым амфоры с вином и маслом проникали на Русь, хорошо известны. Важнейшим из них был Днепровско-Балтийский путь, по которому византийские импорты достигали Великого Новгорода, крупнейшего торгового центра Северной Руси. Вероятно, именно отсюда амфоры поступали на Верхнюю Волгу, в Белоозеро, а возможно – и во Владимиро-Суздальское княжество. Вместе с тем, использовались и другие речные пути – Днестровский (в Галицко-Волынскую землю) и Донской (в окраинные районы Черниговской земли и Северо-Восточную Русь). К сухопутным перевозкам, видимо, прибегали в редких случаях, поскольку амфорная тара предназначена именно для перевозки на кораблях и неудобна при транспортировке по суше. Следует, впрочем, учитывать и неприспособленность древнерусских речных судов для перевозки амфор, а также тот факт, что значительная часть грузоперевозок в средневековой Руси осуществлялась в зимнее время на санях по тем же речным путям.

Принято считать, что главными импортерами виноградного вина и масла (а значит и амфорной тары) являлись князья (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 85), имевшие достаточно средств для потребления таких продуктов как в личном обиходе, так и для угощения дружины на пирах. Об импорте вина и владении амфорами князьями свидетельствуют граффити из Старой Рязани (где прямо написано, что вино было послано князю) (*Монгайт*, 1955, рис. 145), Киева (“Мстиславля корчага”), и Пинска, где была найдена амфора с надписью “[Я]рополче вино”, являвшаяся, видимо, собственностью пинского князя Ярополка Георгиевича (*Медынцева*, 2000. С. 42, 43). Допустимо также предполагать, что какое-то количество амфор приобреталось боярами и крупными купцами. Это следует из археологических находок амфор на территории богатых усадеб в крупных городах (Великом Новгороде, Киеве, Старой Рязани, Смоленске и др.). Излишек тары мог расходиться по рукам челяди, попадать в сферу мелкой внутренней торговли и использоваться в быту непривилегированного городского населения. О реальном существовании собственников амфор среди “черного” люда говорят граффити на амфорах из Киева – “Сутшина корчага” (*Калюк, Фридман*, 1991. С. 26) и с именами Гаврилы и Павла (*Высоцкий*, 1985. С. 107), из Белорусского Новогрудка – амфора с именем “Ольксън” (т.е. Алексея), и с городища у с. Чутовка в Нижнем Посулье – обломки амфоры с именем Прокопа (*Медынцева, Моргунов*, 1986. С. 57). Все эти имена – никак не княжеские, а некоторые из них нельзя рассматривать иначе как простонародные, причем среди преобладающих христианских встречено и одно славянское языческое (Сутша).

Однако существовал еще один крупный импортер и потребитель амфор вместе с их содержимым – это христианская церковь. Ведь для выполнения обряда причастия было необходимо красное виноградное вино[645]. Конкретными импортерами могли выступать храмы и монастыри. Причем, если для князей и бояр вино было предметом роскоши, то для церкви – предметом первой необходимости для исполнения литургии. Правда, до сих пор не известно, существовали ли церковные погреба и где они располагались. Монастыри домонгольской эпохи изучены еще крайне недостаточно, а храмовые кладовые явно размещались вне церквей. Наконец, церковное вино могло храниться в погребах священнослужителей, князей и других частных лиц, которые нередко приносили его в церкви как пожертвование (*Noonan, Kovalev*, 1997. P. 84).

Концентрация находок амфор в городах (из 261 пункта находок амфор 138 относятся к числу городов и пограничных крепостей), а внутри городов – в детинцах, представляется в этой связи закономерным явлением, поскольку в домонгольскую эпоху именно города были средоточием монастырей и храмов. Не случайным является и увеличение количества находок амфор на протяжении XI – первой половины XIII в. – оно соответствует распространению христианства на Руси, принятого в 988 г. в крупнейших центрах страны и охватившего к концу XII в. уже все города и большинство

[644] Мне кажется, что отпечатки днищ амфор в этом погребе размещались слишком плотно для того, чтобы они могли быть помещены туда одновременно (не оставалось бы даже места для прохода), так что в каждый отдельный отрезок времени в погребе могло храниться по нескольку десятков (не более 100) амфор.

Рис. 62. **Размещение находок амфорной керамики на Руси**

А – границы Руси в домонгольскую эпоху; Б – пункты с находками более 1000 обломков амфор; В – пункты с находками 100–1000 обломков амфор; Г – пункты с находками от 10 до 100 обломков или одной целой амфоры; Д – пункты с находками 1–10 обломков амфор или с неизвестным их числом; Е – селища с находками амфорного материала (независимо от числа находок); Ж – курганные могильники. Номера пунктов соответствуют Приложению 2.

[645] Возможно, использовалось и белое вино, на что указывает находка в Киеве при раскопках в алтаре Софийского собора обломков амфоры с граффито “бело[е] в[ино]” (*Высоцкий*, 1985. С. 106).

сельских районов. Реальным отражением успехов христианства были выстроенные церкви и монастыри, которые нуждались в вине для литургий и масле для лампад. Поэтому именно церковь была основным потребителем вина и масла, а значит и их тары – амфор. При этом объем импорта церковью таких товаров мог быть относительно небольшим, значительно уступавшим по объему закупкам вина князьями, однако важно то, что спрос на вино со стороны церкви был неизменным и постоянно растущим. Кроме того, с деятельностью церкви было связано иконописание, также нуждавшееся в оливковом масле для изготовления красок.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: если церкви и монастыри были импортерами вина (и масла) в амфорах в домонгольскую эпоху, то почему амфоры исчезают в золотоордынский период, ведь потребность в церковном вине для литургии и масле для лампад не пропала? Да церковь и не могла обходиться без них длительное время. Объяснение исчезновения из обихода амфор “монгольским барьером” и “обнищанием Руси” не может быть исчерпывающим, поскольку эти трудности не мешали функционированию “соляного пути” и приезду на Русь иноземных купцов уже в 40-х годах XIII в.

Ответ на этот вопрос видится в том, что Батыево нашествие привело к разорению городского и церковного хозяйства сразу и почти по всей территории Руси, что привело к непродолжительному, но опять же повсеместному перерыву в импорте вина и масла из Византии. И хотя уже через 10–15 лет после монгольского погрома связи с Причерноморьем стали возобновляться, вновь наладить массовый ввоз вина из Причерноморья оказалось, видимо, непросто. Учитывая, что существовавшая прежде на Руси корпорация купцов, осуществлявшая ввоз вина в амфорах, во время монгольского нашествия была, видимо, физически уничтожена или разорена, восстановление торговых связей с Причерноморьем осуществлялось уже совершенно иными лицами. Купцы, вновь установившие связи сначала с венецианской Сугдеей (по-русски – Сурожем, отсюда и название новой корпорации – “сурожане”), а затем и генуэзской Каффой, изначально ориентировались на импорт дорогостоящих и относительно компактных товаров (предметов ювелирного искусства и тканей), избегая громоздких партий вина и другого продовольствия. К тому же перерыв в русско-византийской торговле совпал с крупными изменениями в черноморской торговле, когда после восстановления византийского правления в Константинополе (1261 г.) генуэзцам было предоставлено преимущественное право на торговлю в бассейне Черного моря. Как именно распорядились те этим новоприобретенным правом, известно лишь в самых общих чертах.

Небольшие партии византийского вина в амфорах еще изредка проникали на Русь во второй половине XIII в., как это видно по редким находкам в Киеве и Рязанской земле (находки амфор типа II/3, группы IX и, возможно, некоторых амфор типа I/2), однако они уже стали исключением из правила. Даже непродолжительный перерыв в контактах с Причерноморьем неизбежно должен был стимулировать развитие торговли вином со странами Центральной Европы (в первую очередь – с Германией), прочные связи с которыми существовали у Великого Новгорода. В Европе же вино транспортировалось не в амфорах, а в бочках, бутылях и мехах. Все эти обстоятельства привели к тому, что ввоз амфор в русские земли к концу XIII в. полностью прекратился.

Пифосы

Пифосами называют крупные толстостенные сосуды, предназначенные для длительного хранения жидких и сыпучих пищевых продуктов (вина, масла, зерна и т.п.). Пифос – наименование эллинское, ему функционально идентичны русские корчаги, среднеазиатские хумы и т. п. Особенностями средневековых пифосов Византии и стран с провинциально-византийской культурой являются приостренное днище и своеобразный декор: налепные валики, грани на поверхности, обработка ее расчесами гребенчатого штампа (*Якобсон*, 1979, рис. 45–46, 71) (цв. ил. 73, *5*). Пифосы не предназначались для перевозки продуктов, поскольку были тяжелы, громоздки и имели широкую горловину, однако их все же использовали в качестве транспортной тары – иногда их находят при исследовании затонувших средневековых кораблей (*Зеленко*, 1999. С. 225, рис. 3, *2, 3*). Находки пифосов на территории Руси известны только в четырех местах:

1. Воинь – о находке обломков пифоса здесь имеется только упоминание в публикации, не сопровожденное иллюстрацией и датировкой (*Довженок и др.*, 1966. С. 85).

2. Селище Лесковое (около Чернигова) – венчик пифоса[646] из формовочной массы восточнокрымского типа (см. выше).

3. Лебедянь – развал пифоса, сохранившегося почти полностью (без дна) (цв. ил. 73, *3*; рис. 63, *1*). Высота сосуда (реконструируемая) – 68 см, максимальный диаметр 31 см, диаметр венчика 21 см. Изготовлен пифос из формовочной массы, идентичной тесту амфоры группы IX (см. выше, не случайно эта амфора и пифос найдены в одной постройке). Вся внешняя поверхность пифоса покрыта тонким слоем темно-красного ангоба. Декор состоял из двух поясов волнистого орнамента, нанесенного палочкой на верхнюю часть сосуда. Венчик отличался массивностью и “манжетовидной” профилировкой (*Коваль, Надов*, 2007). Форма этого пифоса находит многочисленные аналогии в северопричерноморской керамике XIII–XIV вв., в том числе из Херсонеса (*Якобсон*, 1979. С. 114, рис. 71, *1–3*). Однако крымские пифосы были крупнее, отличались цветом и составом формовочной массы. Поэтому можно уверенно констатировать не-крымское происхождение лебедянского пифоса. Зато обломки полностью аналогичных сосудов часто встречаются на поселениях и могильниках Приазовья, где датируются в основном в пределах середины – второй половины XIII в. (см. выше описание амфор группы IX).

4. Старая Рязань – обломки крупного сосуда, происходившего из комплекса, отнесенного к домонгольскоиу времени, реконструкция которого (*Даркевич*, 1996, рис. 106, *4*) (рис. 63, *2*) не имеет сходства ни с одним из известных типов причерноморских пифосов, но напоминает золотоордынские плоскодонные хумы. Вероятно, обломки именно такого хума и были здесь найдены. Отсутствие какого-либо описания и фотографий этой находки оставляет вопрос открытым, но надо учитывать, что до 1990-х годов почти все комплексы Старой Рязани априорно приписывались домонгольской эпохе, независимо от реальной датировки материала.

[646] ЧОИМ–1990–В*арх*171 № 48-590.

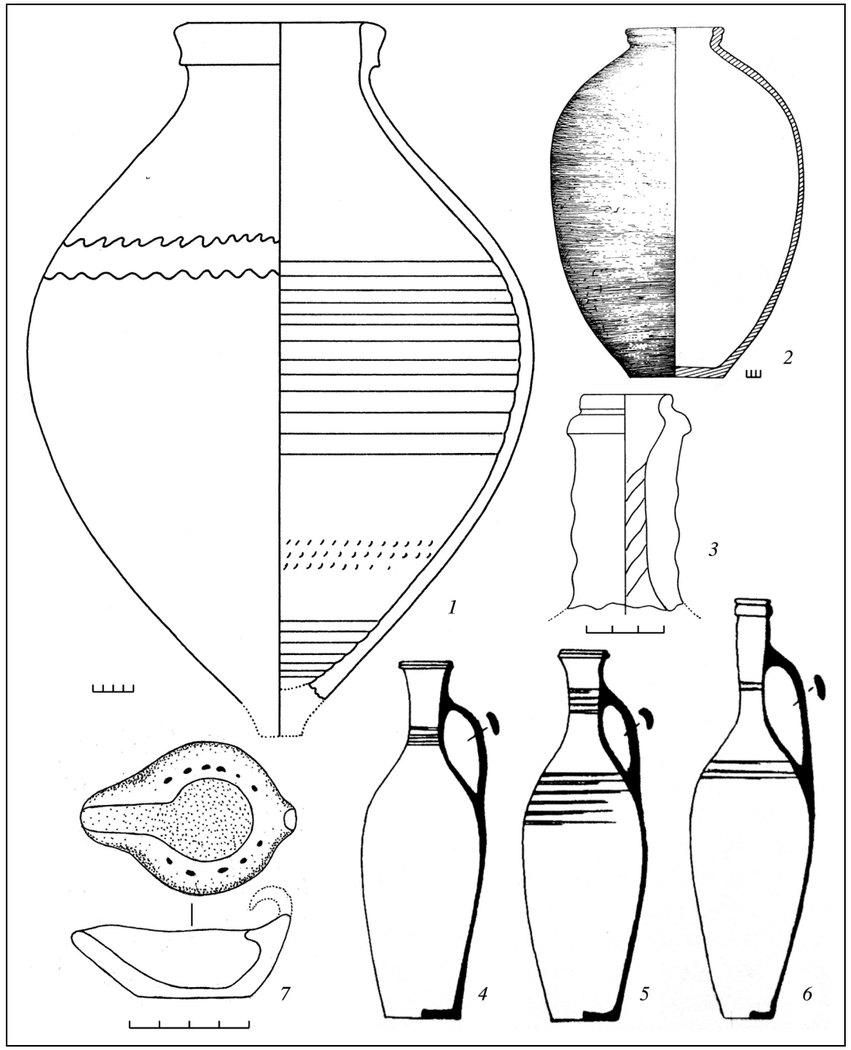

Рис. 63. **Пифос из Лебедяни (*1*), хум из Старой Рязания (*Даркевич*, 1995. Рис. 106, *4*) (*2*), горловина тарного сосуда из Коломны (*3*), тарные кувшины типа “Таматарха” (по С.А. Плетневой) (*4–6*) и лампа-“чираг” из Владимира (*7*)**

Тарные кувшины типа “Таматарха”

Своеобразный класс причерноморской тарной керамики составляют плоскодонные сосуды удлиненных пропорций, изготавливавшиеся из плотной сильноожелезненной глины, цвет которой варьировал от оранжевого до кирпично-красного и коричневого. Судя по следам песчаных подсыпок на днищах и структуре изломов стенок, формовка их происходила на ручных гончарных кругах ленточным налепом. Кувшины имели расширявшуюся раструбом горловину и характерные плоские (“ленточные”) ручки, крепившиеся к середине горловины и плечикам (рис. 63, *4–6*). Эти морфологические признаки стали причиной того, что подобные сосуды стали называть “*высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками”*. Украшались они линейным орнаментом и имели профилированный венчик с валиком, разделенным неглубокой бороздкой. Внутренняя поверхность часто (у большинства сосудов) покрывалась черным смолистым веществом (*Ляпушкин*, 1941. С. 207), вероятно, в целях гидроизоляции, из-за чего их иногда называют “*черносмоленые*”. Поскольку у некоторых кувшинов была не одна, а две ручки, а также из-за предназначения в качестве тары, их иногда называют также *кувшинами-амфорами* (*Антонова и др*., 1971. Тип XX). С.А. Плетнева по материалам Саркела выделяла ранний (VIII–IX вв.) и поздний (X–XII вв.) варианты таких кувшинов (*Плетнева*, 1959. С. 249, 260, рис. 33, 34). Последний отличался, по ее мнению, особенно широкими (до 7 см) плоскими ручками и тонкими стенками. Ряд исследователей предлагали несколько типологических схем таких кувшинов, базирующихся исключительно на морфологических признаках (*Антонова и др*., 1971. С. 92, рис. 20, 21а; *Романчук и др*., 1995. С. 63–66, табл. 30–32; *Сазанов*, 2001. С. 230–239, табл. 3; *Чхаидзе*, 2008. С. 167, рис. 91).

Зона распространения тарных кувшинов охватывает Крым и Северное Причерноморье, т.е. территорию салтово-маяцкой культуры (Западной Хазарии). Хронологические рамки их бытования в настоящее время установлены в пределах второй половины IX–XI вв., однако материалы Таманского городища и близлежащих памятников позволяют ставить вопрос об удревнении нижней границы до VII в. (?) и прекращении массового распространения этих сосудов к началу XI в. (*Чхаидзе*, 2008. С. 162–165).

Центры производства тарных кувшинов не установлены, хотя выдвигались гипотезы об их изготовлении в Херсонесе, Саркеле, Таматархе, Керчи (*Якобсон*, 1979. С. 33, рис 14; *Антонова и др*., 1971. С. 92; *Плетнева*, 2006. С. 214). В Северном Причерноморье только в Таматархе и Саркеле такие кувшины составляют подавляющую долю тарной керамики (50–60%) (*Плетнева,* 1963. С. 52; 2000. С. 92), причем в отношении Таматархи высказывалось мнение, что там эта доля была в действительности еще выше (*Чхаидзе*, 2008. С. 163, 171–173). Поэтому, независимо от того, производились ли эти кувшины в предместьях Таматархи или каком-либо ином близлежащем центре, сам факт их массового распространения на Тамани позволяет *условно* называть их тарными кувшинами типа “Таматарха”. Это название более адекватно отображает археологические реалии, чем устаревший таксон “кувшины тмутараканского типа” (введенный С.А. Плетневой), поскольку в русский (тмутараканский) период они уже вышли из массового производства и употребления.

На территории Руси кувшины типа “Таматарха” известны в пяти местах:

1. Белоозеро – 14 обломков от трех сосудов найдены в слое XI в. (*Голубева*, 1973а. С. 188, табл. 36; 1973б. С. 103).

2. Гнёздовское поселение – 2 обломка кувшинов[647].

3. Городище Титчиха (Воронежская обл.) – обломки нескольких сосудов из слоев X в. (*Москаленко*, 1965. С. 123, рис. 43).

4. Животинное городище (у с. Староживотинное Воронежской обл.) – обломки в слоях X–XI вв. (*Винников*, 1992. С. 126).

5. Городище у с. Тимофеевка (Дубенский район Тульской обл.) – обломки 1 кувшина в заполнении постройки конца X – начала XI в. (*Шеков*, 1996. С. 202).

Таким образом, находки тарных кувшинов концентрируются в основных торговых центрах Руси IX–X вв. на Днепре и в Верхнем Поволжье, а также в подчиненной Хазарии зоне славянского расселения в Подонье (т.е. вне границ древнерусского государства).

Сфероконусы

Сфероконусами называют небольшие (высотой, как правило, не более 15 см и диаметром не более 10 см) толстостенные сосуды подшарообразной или вытянутой формы с заостренным дном и узким горловым отверстием (цв. ил. 74, *1, 2*), предназначавшиеся для перевозки ртути, благовоний, лекарств и других дорогостоящих препаратов (*Лунин*, 1961. С. 255–266; *Михальченко*, 1974. С. 46; *Ртвеладзе,* 1974. С. 282–284; *Волков*, 1994б. С. 97, 98). В Средней Азии в начале XX в. их называли “симоб-кузача” (”кувшинчик для серебряной воды”). В эпоху Средневековья на Ближнем и Среднем Востоке бытовало и иное название этих сосудов, сохранившееся в трактате XII в. “Описание ремесел”, оставленном Кубайшем Тифлиси – “турундж, торанджи” (это название лимона, форму которого напоминают сфероконусы) (*Вильчевский*, 1961. С. 210–212; *Валиулина*, 1997. С. 20, 21).

Сфероконусы появились на Востоке в IX в. и изготавливались вплоть до XV в. Впервые догадку об их предназначении для перевозки ртути и благовоний высказал еще в 1871 г. англичанин Дж.И. Честер, обнаруживший сфероконус со ртутью, закупоренный воском. Впоследствии выдвигались самые разные версии, объяснявшие функции этих сосудов (включая такую экзотическую, как использование в качестве зажигательных снарядов с нефтью). Существовало мнение, что сфероконусы могли применяться в качестве ламп для освещения помещений. В.А. Городцов даже провел успешный эксперимент по такому использованию сфероконуса из собрания ГИМ. Известна и гипотеза об использовании сфероконусов в качестве сосудов для питья (прежде всего, виноградного вина). На такую возможность указывает находка из Байлакана с надписью ”пей на здоровье” (*Гюзальян*, 1965. С. 168) и два сфероконуса из Двина с обнаруженными в них виноградными косточками (*Джанполадян*, 1958. С. 201–213).

Однако сегодня уже очевидно, что сфероконусы – это прежде всего тара для ртути. В Средней Азии и Крыму были найдены целые сфероконусы, наполненные ртутью (*Высоцкий*, 1908. С. 349; *Марафиев*, *Москаленко*, 1987. С. 302). Вероятно, такую тару широко использовали и для транспортировки других ценных жидкостей (масел, благовоний, лекарств и т.п.), а также в качестве алхимической посуды (*Вильчевский*, 1961; *Галиева*, 2000. С. 56, 57). Разумеется, наряду с этим сфероконусы могли использовать в быту для самых разных целей, в том числе и как светильники, как сосуды для питья и т.п. Однако основным назначением их, несомненно, оставалось служить тарой для тяжелых и ценных жидкостей.

Сфероконусы разделяются на два блока – неполивные и поливные (которые встречаются очень редко), каждый из которых можно поделить на несколько типов в зависимости от морфологических особенностей. Однако, учитывая то, что большинство находок таких сосудов на территории Руси представлены обломками, по которым их внешний вид не всегда может быть достоверно реконструирован, на нынешнем этапе исследований целесообразнее делить сфероконусы не на типы, а на виды, различающиеся цветом черепка и составом формовочной массы. Здесь предлагается разделение имеющегося фонда находок на два условных вида:

1. “Серые” сфероконусы – имеют серо-бурый, черный или зеленоватый цвет поверхности. Они изготавливались из ожелезненной глины, которая после длительного (до 350 часов) высокотемпературного восстановительного (так называемого “клинкерного”) обжига приобретала свойства искусственного камня – ”клинкера”. Такие сфероконусы изготавливались на Ближнем и Среднем Востоке, т.е. в тех местах, где эта тара была изобретена. Центры производства сфероконусов известны в Азербайджане (*Гюзальян*, 1965. С. 166–170; *Ахмедов*, 1986. С. 6) и Средней Азии (*Сычева*, 1979. С. 18–20; *Галиева*, 2000. С. 52), где при раскопках зафиксированы печи для обжига таких сосудов и многочисленные браки их производства. Характерной особенностью среднеазиатских сфероконусов считают серовато-зеленоватый цвет черепка (*Галиева*, 2000. С. 52), причиной чему служило повышенное содержание карбонатов в составе глины. Несомненно, на Ближнем Востоке существовали и другие пункты производства сфероконусов.

2. “Красные” сфероконусы – изготавливались также из ожелезненной глины, но обжигались в обычном окислительном режиме. Производство таких сфероконусов, как полагают, существовало в некоторых центрах Золотой Орды (Булгаре, Аккермане и др.), было проще и дешевле классического клинкерного, но его продукция была существенно менее прочной. Многие поволжские сфероконусы покрывались лощением (*Михальченко*, 1974. С. 46–49; *Федоров-Давыдов*, 1994. С. 141–142).

Глазурованные сфероконусы – это весьма редкая их разновидность, появляющаяся с XII–XIII вв. (*Вильчевский*, 1961. С. 211; *Галиева*, 2000. С. 56). Известны сфероконусы с коричневой, зеленой, бирюзово-голубой глазурями и даже с люстровой росписью по белой непрозрачной поливе (*Галиева*, 2000. С. 56; *Watson,* 2005. Cat. Ad. 4, O.13).

На территории Руси сфероконусы известны в 16 пунктах:

1. Белоозеро – 2 обломка днищ “серых” сфероконусов найдены здесь в слое XI в. (*Голубева*, 1969. С. 43; 1973а. С. 179). Л.А. Голубева считала их поволжскими (т.е. булгарскими) по происхождению. Однако сфероконусы клинкерного обжига в Волжской Булгарии не производились, к тому же для XI в. здесь вообще трудно предположить производство сфероконусов (*Хлебникова*, 1988. С. 93), а потому можно утверждать, что белозерские сфероконусы были привезены с Ближнего или Среднего Востока, хотя, несомненно, через Волжскую Булгарию, т.е. по Волжскому пути.

2. Великий Новгород – 2 образца. Один из них, зеленовато-серого цвета, украшенный гравировкой толстой палочкой, был найден в слое домонгольской эпохи[648] (рис. 64, *22*) и имел ближневосточное происхождение (*Тарабардина*, 2004. С. 244; *Koval*, 2006. Fig. 10.6, *2*). Второй, перегоревший в пожаре, обломок принадлежал плоскодонному сфероконусу с гладкой неорнаментированной поверхностью[649] (цв. ил. 74, *5*), который мог принадлежать золотоордынскому производству.

3. Тверь – 2 обломка сфероконусов: один серого цвета (*Жилина*, 1986, рис. 188, *10*), второй фрагментированный красноглиняный с штампованным “кольчужным” орнаментом, найденные в переотложенных слоях. Согласно результатам петрографического анализа, красноглиняный сфероконус был изготовлен в регионе Среднего или Нижнего

---

[647] МГУ–1986–ЦгXIX–пол. № 1977; 1987–ЦгXX–б/№.

[648] НГОМЗ–1999–Посольский 1–пол. № 18-44-1.

[649] НГОМЗ–1986–Троицкий 7–пол. № 51.

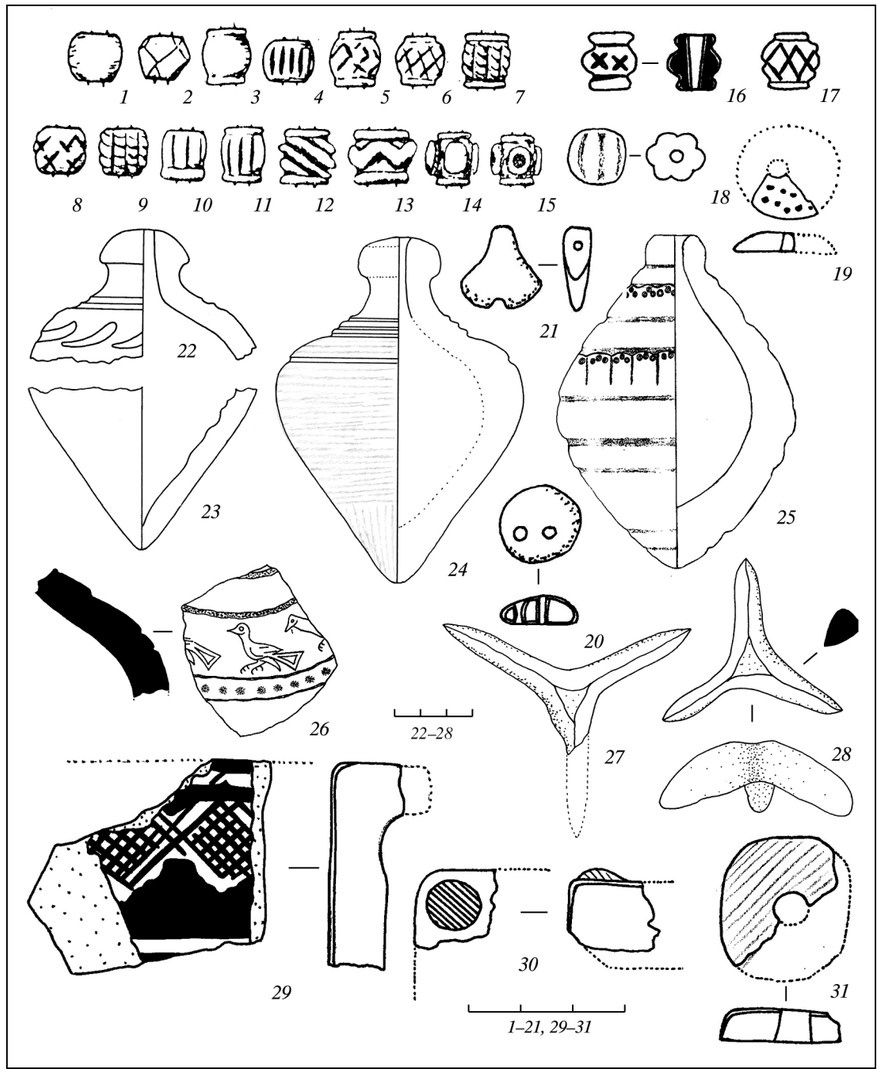

Рис. 64. **Кашинные бусы (*1–18*), пуговицы (*19*, *20*) и подвеска (*21*); сфероконусы (*22–26*), подставки-“сепая” (*27*, *28*); глазурованные облицовочные плитки (*29–31*)**

1–15 – могильники в Новгородской земле; *16*, *17*, *20*, *21*, *23* – Нижний Новгород; *18* – курганы у дер. Весь близ Суздаля; *19* – Владимир; *22* – Великий Новгород; *24* – Переяславль-Рязанский; *25*, *26* – Москва; *27*, *28* – Старая Рязань; *29* – Муром; *30*, *31* – Коломна

Поволжья (или Северного Кавказа) (*Кобозева*, 2002. С. 165–170, ил. 1–3).

4. Селище Благовещение в Тверской области – 1 обломок “серого” сфероконуса[650].

5. Владимир – 3 обломка сфероконуса зеленовато-желтого цвета с рельефными вертикальными ребрами (*Родина*, 2004. С. 71, рис. 30, *2*).

6. Москва – 5 находок (в том числе 4 на территории Кремля). Целый сфероконус, наполненный ртутью, был найден здесь в 1843 г. при земляных работах у церкви Константина и Елены (*Бередников*, 1844; *Ленц*, 1904. С. 0106, рис. 19; *Колызин*, 2001. С. 103, 127)[651]. Он отличался зеленоватым цветом поверхности и был украшен линейным и слабо оттиснутым штампованным орнаментом, поверхность сосуда сильно затерта (цв. ил. 74, *6*; рис. 64, *25*). Близкие по форме и декору сосуды известны в золотоордынских городах (в частности, в Азаке), где их рассматривают как импорт из Закавказья (*Масловский*, 2006. С. 418, рис. 44, *10, 12*). Обломок второго сфероконуса[652], найденного при современных археологических наблюдениях, принадлежал аналогичному сосуду, украшенному отштампованными мелкими розетками и гравированными изображениями птиц (цв. ил. 74, *7*; рис. 64, *26*). Еще 2 обломка сфероконусов зеленовато-серого цвета были найдены при раскопках в Тайницком саду Кремля в 2007 г. Наконец, развал крупного сферокнуса, попавшего в пожар и сильно ошлакованного, был найден при раскопках в Зачатьевском монастыре на территории Земляного Города[653].

7. Переяславль-Рязанский – обломок краснолощеного сфероконуса (рис. 64, *24*).

8. Городец-на-Волге – обломок нижней части сфероконуса серого цвета с штампованным декором (цв. ил. 74, *8*).

9. Нижний Новгород – 2 обломка сфероконусов. Один из них[654], ближневосточного происхождения, был зеленовато-серого цвета, с узкими вертикальными каннелюрами (цв. ил. 74, *9*). Второй образец – обломок конусовидного дна красноглиняного (масса без видимых примесей) золооордынского сфероконуса (рис. 64, *23*).

10. Муром – обломок “красного” сфероконуса[655] с рифлением вытягивания на внутренней и внешней поверхностях (цв. ил. 74, *4*). По форме и фактуре поверхности ближайшую аналогию ему составляет сфероконус из Перника (Болгария) (*Чангова*, 1992. Обр. 107, *2*).

11. Чернигов – обломок дна глазурованного сфероконуса из глины светло-серого цвета, покрытого пурпурно-коричневой прозрачной глазурью (из слоя домонгольской эпохи)[656]. Применение такой глазури указывает на ближневосточное происхождение этого образца.

12. Киев – 2 сфероконуса (*Моця*, *Халиков*, 1997. С. 61), причем один из них был сероглиняным и покрытым зеленой глазурью[657] (цв. ил. 74, *3*).

13. Треполь (летописный город на территории современного с. Триполье на Днепре) – сфероконус коричневого цвета (*Моця*, *Халиков*, 1997. С. 61).

14. Умань – в окресностях города найден 1 сфероконус (*Моця*, *Халиков*, 1997. С. 61);

15. Среднее Поднепровье – сфероконус из коричнево-красной глины с штампованными отпечатками ромбов (*Моця, Халиков*, 1997. С. 61).

16. Теребовль – целый сфероконус, вкопанный (?) в пол мастерской (*Ягодинська*, 1999. С. 97–99).

Прочие разновидности тарной керамики без дополнительного декора

Коломна – в комплексе последней трети XIV в., совместно с крымской полумайоликой, найдена горловина массивного сосуда[658], изготовленного вытягиванием из формовочной массы, насыщенной мелкодисперсным песком (цв. ил. 57, *5*; рис. 63, *3*). Место его производства и аналоги не известны.

ТАРНАЯ ЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА

К тарной лощеной керамике относятся корчаги, производившиеся в Волжской Булгарии во второй половине XIII – XIV в. из ожелезненной (красно-коричневого цвета) глины с примесью песка (*Хлебникова*, 1988. С. 79, рис. 57, 59). На территории Руси обломки таких корчаг найдены в пяти местах:

1. Москва – один венчик найден в Китай-городе в слое XIV–XV вв. (*Коваль*, 1997в).

2. Селище Мякинино-2 (северо-западная окраина Москвы) – обломок венчика корчаги[659] с ребром на шейке (типичным признаком изделий Волжской Булгарии) из светло-красной глины.

3. Коломна – в культурных слоях Кремля XIII-XV вв. встречено значительное число обломков корчаг (*Мазуров, Коваль*, 2004. С. 303, рис. 10), имеющих аналогии среди изделий Волжской Булгарии (*Кокорина*, 2002, рис. 69, *4, 5*; 70, *1, 2, 5*). Одна из самых ранних находок происходила из отложений у стен Успенского собора ниже слоя строительства 1379–1382 гг. В то же время, в городе, возможно, проживали гончары из Волжской Булгарии, которые могли наладить здесь производство керамики, аналогичной булгарской.

4. Владимир – многочисленные обломки корчаг найдены в мусорном заполнении горна XIV в., хотя не исключено, что эти корчаги изготавливались местными гончарами (*Седов*, 1958, рис. 27, *1*).

5. Муром – при раскопках Н.Е. Чалых в 1980-х годах было найдено несколько обломков булгарских корчаг.

---

[650] 1985–пол. № 2783. Из раскопок О.М. Олейникова, которому приношу благодарность за информацию об этой находке.

[651] Э. Ленц ошибочно связывал эту находку с работами 1834 г. по строительсьству Большого Кремлевского дворца. Сфероконус был найден рядом с металлическим сосудом, содержавшим документы эпохи Дмитрия Донского.

[652] ММК–1988–пол. № 30.

[653] Раскопки Л.А. Беляева, которому приношу благодарность за возможность ознакомиться с этой неопубликованной находкой.

[654] 2001-пол. № 879.

[655] МКК–1998–пол. № 128а.

[656] ЧИАМЗ–1996–Ш.1–пол. № 5.

[657] НМИУ–1914–В4552/139 (усадьба Петровского).

[658] ККМ–2002–пол. №128.

[659] ГИМ–2002–пол. №429.

1.3. СПЕЦИАЛЬНАЯ КЕРАМИКА

ЛАМПЫ

Лампы предназначались для освещения помещений при помощи растительного масла, топленого жира животных или нефтепродуктов. Различные их разновидности существовали в Византии и странах Востока. Византийско-причерноморские лампы в виде многоярусных чаш на центральном вертикальном стволе (*Papanikola-Bakirtzi*, 2002. P. 302, № 327; *Hayes*, 1992. Fig. 13, *14, 16*; 21, *18*; 63, *2*; pl. 6, *a*; *Якобсон*, 1979, рис. 50, *4–6*) пока на Руси не найдены, но, вероятно, они все же сюда ввозились, поскольку вызвали к жизни производство двухъярусных светильников "киевского типа", довольно точно копировавших византийские образцы и распространившихся по всей территории Руси (*Розенфельдт*, 1968. Цв. ил. 1, *19*; 1997. Цв. ил. 3, *12–15, 26, 27, 33, 34*).

На Востоке были распространены лампы несколько иного облика – как правило, одноярусные, с вытянутым носиком для размещения фитиля. В Средней Азии и Иране их называли "чираг".

На территории Руси пока известна только 1 находка лампы-"чирага" восточного происхождения – во Владимире[660] (рис. 63, *7*). Сосуд был изготовлен из светло-красной глины с примесью мелкого песка. Внешняя поверхность его была залощена и украшена орнаментом из небольших ямочных вдавлений. Место происхождения этого сосуда неясно, неоднозначен и сам контекст находки. При этом ближайшие аналогии владимирскому чирагу обнаруживаются в домонгольских комплексах Волжской Булгарии, в частности в Биляре (*Валиулина*, 2005, рис. 39, *1–8*).

[660] ВСГМЗ–1995(22 квартал)–1–624.

2. БЫТОВАЯ НЕЕМКОСТНАЯ КЕРАМИКА

Бытовая неемкостная восточная керамика представлена на Руси двумя категориями изделий: *украшениями* и *курительными трубками*. Наряду с ними существовала такая категория, как игрушки. К числу последних относятся, например, керамические фигурки людей и животных, изготавливавшиеся в различных странах, в том числе на Востоке и в Византии (*Papanikola-Bakirtzi*, 2002. Fig. 677). Однако пока привозные игрушки на территории Руси не выявлены. К категории игрушек-погремушек предложено относить также полые шары с несколькими отверстиями, встречающиеся на золотоордынских поселениях XIII–XIV вв. (*Волков*, 1993. С. 145, рис. 4). Такие шары изготавливались из ожелезненной (красной) глины и покрывались лощением. На территории Руси единственный обломок такого шара известен в подъемном материале на Ратском гордище (Курская обл.), которое сопоставляется с одной из "Ахматовых слобод" и фактически являлось золотоордынским поселением на окраине русских земель. Поэтому в состав свода эта находка не включена.

2.1. УКРАШЕНИЯ

Представлены на Руси тремя субкатегориями – бусами, пуговицами и подвесками, изготовленными из кашина и покрытыми голубой прозрачной глазурью.

БУСЫ

Бусы изготавливались из твердого или мягкого кашина, цвет которого варьировал от белого до светло-коричневого, и отличались небольшими размерами (высота и диаметр около 1 см). Внешняя поверхность бус покрывалась бирюзовой прозрачной глазурью (цв. ил. 75, *1–6*). Впервые такие бусы были выявлены А.А. Спицыным при изучении курганных древностей Северо-Западной Руси и ошибочно назывались им "фарфоровыми" (*Спицын*, 1896. С. 42, цв. ил. XI, *6, 8, 10*; 1903. С. 24, табл. XI, *6, 8, 10*; XXV, *46*). Декор таких бус состоял из разнообразных рельефных и вдавленных деталей, типологизация этого декора проведена Ю.М. Лесманом (1994, рис. 1, *1*) (рис. 64, *1–15*). Кашинные бусы изредка встречаются в погребальном инвентаре славянских курганов XI–XII вв., более массово они начинают встречаться во второй половине XIII–XIV вв. Известны две гипотезы о происхождении таких бус: одна связывает их с Закавказьем (*Лесман*, 1994. С. 191, 192), вторая – с Европой (*Фоняков*, 1991. С. 58). Последняя гипотеза, опирающаяся в основном на принадлежность глазури некоторых из бус к классу K-Ca-Si, характерному для европейского стеклоделия, является, несомненно, ошибочной уже потому, что в Европе никогда не производился такой керамический материал, как кашин. Предположение о производстве таких бус в Закавказье также не имеет надежных оснований, поскольку там не выявлено мест производства подобных изделий.

Ранее XI в. кашинные бусы на территории лесной зоны Восточной Европы не известны, но они проникали в степи Евразии. Такие бусы встречены в инвентаре погребений Прииртышья (Казахстан) IX–X вв. (*Арсланова*, 1998. С. 98, рис. 1, *8, 9*; 2, *2*). Кашинные бусы с бирюзовой глазурью были широко распространены в Средней Азии в XII в., однако они отличались небрежностью формовки, крупными размерами[661] и не имели рельефного декора (*Шишкина*, 1979. С. 62). Большинство среднеазиатских кашинных бус имеет сходство с крупными округлыми бусами золотоордынского производства второй половины XIV в. Где кашинные бусы были действительно широко распространены, так это на Ближнем Востоке и в Иране: в IX–XI вв. они составляли от 11,6% всех найденных бус в Сирафе, до 20,3% – в Нишапуре (*Francis*, 1989. P. 26).

Химический состав кашина бус, найденных на территории Руси (SiO_2 – до 67,6%; Al_2O_3 – 6,0–11,7%; CaO – 4,3–10,9%; Fe_2O – 1,4–20,0%; MnO – 0,4–25,7%)[662], существенно отличался от кашина посудной керамики за счет необычно высокого содержания окисей железа, алюминия и марганца. Состав голубой глазури этих бус сильно различается по данным разных лабораторий (Прил. 1. № 78, 176, 177), вероятно, из-за плохой сохранности глазурей. Лишь в одном из трех случаев эта глазурь принадлежала к классу K-Ca-Si, который действительно не характерен для Востока, однако близкие по составу глазури применялись на египетских "фаянсах" римской эпохи (*Lucas*, 1948. P. 536) (Прил. 1. № 168) и были известны в Средней Азии (*Олейников*, 1993. Табл. 4). Состав более поздних египетских глазурей не определялся, но известно, что производство "фаянсовых" бус существовало в Египте на протяжении нескольких тысячелетий и именно эти бусы имеют наибольшее внешнее и технологическое сходство с кашинными бусами, известными на Руси в XI–XIV вв., равно как и во многих районах средневекового Востока. Таким образом, наиболее вероятным местом производства и экспорта этих бус является Египет. Такого же мнения придерживаются и западные специалисты, допуская, впрочем, организацию производства таких бус в Иране (в городе Кум) египетскими мастерами (*Francis*, 1989. P. 27).

Кашинные бусы известны сегодня в 20 пунктах на территории Руси:

1. Великий Новгород – 6 бусин из слоев второй половины XIII–XV вв. Неревского раскопа (*Лесман*, 1994. С. 187) и 1 бусина с Ильинского раскопа.

2. Орешек – 5 бусин из горизонтов XIV в. (*Лесман*, 1994. С. 187).

3. 56 могильников Ижорского плато (Новгородская земля) – 373 бусины из погребений второй половины XIII–XIV в. (*Лесман*, 1994. С. 187–189) (рис. 64, *1–15*).

4. Торопец – 3 бусины из слоя второй половины XIII–XV вв. (*Фоняков*, 1991. С. 55, 58).

5. Белоозеро – 2 бусины варианта 5 по типологии Ю.М. Лесмана (*Захаров*, 2004. Рис. 346, *3, 4*).

6. Нефедьевский курганный могильник (погребение 20) – 1 бусина.

7. Торжок – 3 бусины, относившиеся к вариантам 1, 4, 6 по типологии Ю.М. Лесмана.

8. Избрижский курганный могильник – 1 бусина (единственная среди 3414 бусин, найденных здесь при раскопках) (*Сафарова*, 1999. С. 71). Могильник датируется второй половиной X – началом XII в. (*Арсланова*, *Ковалец*, 1991. С. 98).

9. Суздаль – около 10 бусин (*Седова*, 1997. С. 184), одна из которых[663] относилась к варианту 4 (по Ю.М. Лесману).

10. Погребение в кургане 73 группы "Паны" у дер. Весь под Суздалем (раскопки А.С. Уварова) – 1 бусина варианта 4 (цв. ил. 75, *1*; рис. 64, *18*). Погребение датируется по сопутствующему инвентарю XI в.

11. Селище Мякинино-2 на северо-западной окраине Москвы – 3 шт. (2 обломка бусин и один целый экземпляр), относившиеся к вариантам 4 и 8 (по Ю.М. Лесману) (цв. ил. 75, *2, 3*) и происходившие из комплексов XIV–XVI вв. (*Векслер*, 1994б. С. 195–196).

12. Нижний Новгород – 5 бусин с прозрачной и непрозрачной (1 экз.) бирюзовой глазурью. Последняя находка – шарообразная бусина[664] диаметром 0,5 см (по своим размерам она была существенно меньше большинства известных кашинных бус) (цв. ил. 75, *6*). Бусы с прозрачной бирюзовой глазурью[665] диаметром около 1 см принадлежали к вариантам 1 и 5 (вариант 1 по Ю.М. Лесману) (цв. ил. 75, *4, 5*; рис. 64, *16, 17*). Из четырех комплексов, включавших такие бусы, два относились к раннезолотоордынской эпохе.

13. Городище "Городок" (второй половины XV в.) в Нижнем Новгороде – 1 обломок бусины (*Грибов*, 2005. С. 73).

14. Старая Рязань – 3 бусины.

15. Переяславль-Рязанский – 3 бусины[666].

16. Ростиславль-Рязанский – 1 бусина из комплекса XIV в. Форма бусины уникальна – она сформована в виде высокой трехгранной пирамиды.

17. Поселение Березовка-5 на Куликовом поле – 1 ребристая бусина (*Гоняный*, *Гриценко*, 2000. С. 149).

[661] Кашинные бусы диаметром 1 см и менее известны и в Средней Азии, но встречаются редко (*Дресвянская*, 1969. С. 81).

[662] Установлен для бусин с селища Мякинино-2 (*Векслер*, 1994б).

[663] ВСГМЗ–1984–314.

[664] 2001–пол. № 2057.

[665] 2001–пол. № 339, 340, 486, 2571.

[666] Данные о находках в Старой Рязани и Переяславле-Рязанском предоставлены С.И. Миловановым (ИА РАН), которому пользуюсь случаем высказать свою глубокую признательность.

18. Друцк – 2 бусины вариантов 4 и 5 (по Ю.М. Лесману).

19. Гнёздово – 5 бусин из курганных погребений X–XI вв. и 1 бусина из раскопок поселения (*Лихтер*, *Щапова*, 1991а. Табл. 2, 3).

20. Киев – 3 ребристых бусины из раскопок около Десятинной церкви. Одна из них происходила из погребения X–XI вв., раскрытого Д.В. Милеевым в 1909 г. у апсид церкви (*Львова* и др., 1996. С. 204. № 11). Две других аналогичных бусины происходят из раскопок 1939 г. М.К. Каргера руин храма X в. и отнесены публикаторами к золотоордынскому производству XIII–XIV вв. (*Зоценко, Гончаров*, 1996. С. 171, № 161, 162), что неверно, так как бусы такого типа в Орде не производились.

Кроме собственно древнерусской территории, кашинные бусы проникали к финно-угорским племенам лесной зоны Восточной Европы, в частности, в область расселения перми, где они составляют одну из незначительных по объему групп бус (7 образцов, или около 1% известных бус) (*Герасимова*, 1982. С. 89). Здесь они найдены на Пожегском городище (*Савельева*, *Павлова*, 1993. С. 172) и в двух погребениях Вымских могильников XI–XIV вв. (*Савельева*, 1987. С. 150, рис. 34, *76, 77*). Известны эти бусы были и в Волжской Булгарии, например, они найдены в погребениях Больше-Тиганского (IX – начало X в.) и Танкеевского (середина IX–X в.) могильников (*Валиулина*, 2000б. С. 52). В последнем встречены бусы как с бирюзовой, так и с коричневой глазурью.

ПУГОВИЦЫ

Пуговицы, изготовленные из мягкого белого кашина, известны в материалах золотоордынского Поволжья (*Детинкина*, 2010. С. 153). Они имели уплощенно-дисковидную форму и покрывались бирюзовой прозрачной глазурью, но, в отличие от бус, эта глазурь часто имела низкое качество (бугристая, слишком тонкая, матовая, вспузырившаяся и т.д.). Как правило, они имели два отверстия (как на современных пуговицах). На Руси они известны в двух местах:

1. Владимир – 1 обломок из слоя золотоордынского времени (рис. 64, *19*).

2. Нижний Новгород – 4 пуговицы[667] (цв. ил. 75, *7, 8*; рис. 64, *20*), одна из которых (в обломке)[668] отличалась покрытием непрозрачной поливой.

ПОДВЕСКИ

На территории Руси известны всего две подобные вещи.

1. Нижний Новгород – кашинная подвеска сложной подтреугольной формы, покрытая синей (кобальтовой) прозрачной глазурью, найдена в Нижнем Новгороде[669] в комплексе золотоордынской эпохи (цв. ил. 75, *9*; рис. 64, *21*). Вероятно, она имитировала ромбические кочевнические подвески из лазурита, особенно характерные для степных погребений X–XII вв., но известные и в золотоордынских комплексах, в том числе на Селитренном городище и в Болгаре (*Полубояринова*, 1991. С. 65). Единственной морфологически близкой аналогией нижегородской находке является стеклянная (?) подвеска из Саркела (*Артамонов*, 1958, рис. 43, *верхний ряд, центр*).

2. Селище Новинки близ Ельца (Липецкая обл.) – обломок прямоугольной (?) подвески[670], изготовленной из белого мягкого кашина и украшенной тисненым декором из сетки вдавленных квадратов. Подвеска покрыта прозрачной бирюзово-голубой поливой, а лицевая (с тисненым декором) частично – черной глазурью (цв. ил. 75, *10*). В верхней части предмета сохранились следы отбитого выступа с ушком для привешивания. Аналогии этому изделию не известны. Контекст находки укладывается в пределы XIII в.

[667] 2001–пол. № 532, 751; 1453.
[668] 2001–пол. № 803.
[669] 2001–пол. № 256.
[670] 2009–1–пол. № 33. Благодарю К.И. Панченко и Н.А. Тропина за информацию об этой уникальной находке.

2.2. КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ

Курительные трубки изготавливались на Востоке (прежде всего, на территории Османской империи) с XVII в., однако на Руси первые импортные образцы турецких трубок появились только в XVIII в. Поэтому данная категория выходит за хронологические границы нашего исследования. Привозные курительные трубки из Константинополя, Крыма и Балканских владений Турции (*Robinson*, 1983. P. 265, 268; 1985; *Илчева*, 1975. С. 180–183; *Волков*, 1992а. С. 19), отличающиеся тщательностью изготовления и клеймами на чубуках с арабскими надписями, известны во всех крупных городах Российской империи. В Москве известны единичные трубки с читаемыми арабскими надписями в клеймах несомненно турецкого происхождения, а также трубки вычурных форм, покрытые вишнево-красным ангобом, имеющие прямые турецкие аналогии (*Коваль*, 1997е. Рис. 4, *2–11*) Все известные турецкие трубки неполивные, изготовлены из красножгущейся глины, покрыты лощением и штампованным орнаментом.

Турецкие трубки вызвали в Восточной Европе волну подражаний, среди которых есть как относительно близкие к оригиналам красноглиняные изделия Москвы (*Волков, Новикова*, 1996. Рис. 2, 3), так и далеко ушедшие от исходных образцов: украинские белоглиняные трубки XVII-XVIII вв., черноморские и поливные, фигурные керамические и фарфоровые трубки XVIII–XIX вв., изготавливавшиеся в различных городах России.

2.3. КУЛЬТОВАЯ КЕРАМИКА

Выше уже отмечалось, что культовая керамика, характерная для Византии (иконы, кацеи и т.п.) и стран Востока (скульптуры божеств, урны-оссуарии и т.д.), на Русь не поступала. Однако отдельные предметы все же сюда проникали. Речь идет прежде всего об обломке поливного креста-тельника[671], обнаруженного при раскопках средневекового кладбища на Ростиславле-Рязанском (цв. ил. 75, *11*). Простой равноконечный крест был изготовлен из темно-красной глины без примесей и покрыт темно-коричневой прозрачной глазурью. Декор состоял из цветной (желтой и бирюзовой) стеклянной крошки, сплавившейся с глазурью, которой была посыпана лицевая поверхность изделия. Использование стеклянной крошки для русских поливных и стеклянных изделий не характерно, но оно известно на восточных украшениях, например – бусах с “мозаичным узором”, ввозившихся в XII-XIV вв. на Русь и в Волжскую Булгарию (*Львова*, 1970. Рис. 3; *Полубояринова*, 1988. С. 171; *Валиулина*, 2005. С. 94–95, рис. 29, *16, 38*). Вероятным представляется производство этого креста на территории Золотой Орды или в Византии.

[671] МИМ–2006–2–пол. № 164. Находка происходит из переотложенного слоя и не имеет надежной стратиграфической даты.

3. СТРОИТЕЛЬНАЯ КЕРАМИКА

Строительная керамика представлена на Руси единственной категорией – декоративными глазурованными облицовочными плитками[672]. Такие плитки изготавливались как из кашина, так и из глины.

Кашинные плитки встречены только в виде мелких обломков, так что внешний вид целых изделий остается неизвестным. Их обломки обнаружены в двух пунктах:

1. Коломна – 3 экземпляра из белого рыхлого кашина:

– от первой плитки сохранился только угол[673], внешняя поверхность и торец которого были покрыты непрозрачной белой поливой, на которой лежала капля светло-зеленой прозрачной глазури (рис. 64*, 30*);

– от второй – обломок[674] толщиной 4 см, поверхность была покрыта бирюзовой непрозрачной поливой;

– от третьей[675] – край с затеком бирюзовой прозрачной глазури на торец. Из этого обломка было изготовлено пряслице толщиной 0,7 см (рис. 64, *31*).

2. Муром – 2 небольших обломка плиток[676] из белого рыхлого кашина, покрытых бирюзовой непрозрачной (цв. ил. 76, *2*) и бирюзово-зеленой прозрачной глазурями (цв. ил. 76, *3*).

Характеристики кашина, идентичного материалу посудной керамики золотоордынского Поволжья, позволяют с полной уверенностью утверждать, что все перечисленные образцы являлись продукцией нижневолжских столичных центров Золотой Орды. Однотонность глазури и отсутствие подглазурной или надглазурной росписи говорят о том, что все найденные образцы являются обломками мозаик. Мозаичные панно набирались из распиленных на части больших кашинных плит, покрытых глазурью с одной стороны (*Носкова*, 1976. С. 24, 25). Очевидно, что на Русь были привезены не сами панно (изготавливавшиеся на месте строительства каменных домов и совершенно непригодных для украшения деревянных русских зданий), а отдельные обломки кашинных плит, скорее всего даже отходы производства панно. Значит, сами эти находки свидетельствуют не о ввозе кашинных мозаик или кашинных плит, а демонстрируют некие сувениры (цветные “камешки”), привезенные, вероятно из Орды и не предназначавшиеся для торговли.

Майоликовые (т.е. глиняные, облицованные непрозрачной поливой) *плитки* изготавливались в виде пластин различной формы, из которых собирались панно или делались вставки в экстерьере зданий. Такие плитки известны в четырех местах:

1. Смоленск – обломок плитки, относившейся к редкой разновидности изделий, украшенных надглазурной росписью по технологии фаянсов “минаи” (см. выше). Плитка толщиной 3,5 см была сформована из светло-красной глины без видимых примесей. Лицевая плоскость была облицована белой непрозрачной глазурью, по которой проведена роспись кобальтом по “сырой” поливе и надглазурная контурная роспись черной краской с последующей закраской отдельных элементов матовой красной краской, желтой и бирюзовой непрозрачными

[672] В литературе облицовочные плитки называются “майоликами” (*Носкова*, 1976). Однако, в связи с избранной иной терминологической системой, это наименование в работе не используется.
[673] ККМ–1996–пол. № 269.
[674] ККМ–2004–пол. № 38.
[675] ККМ–1994–пол. № 51.
[676] МКМ–1983–1–пол. № 712, 719.

поливами и аппликациями золотой фольги (почти полностью отслоилась). Рисунок росписи состоит из растительного орнамента (цв. ил. 76, *1*). Находка происходит из раскопок начала прошлого века в Борисоглебском храме на Смядыни. Ранняя дата постройки храма (1145 г.) позволила А.Г. Векслеру при первой публикации этой находки предположить, что плитка относится к изделиям смоленских мастеров XII в. (*Векслер*, 1959. С. 227). Однако эта гипотеза не может быть принята, поскольку технология надглазурной полихромной росписи не применялась на Руси до XVII в. (за исключением техники "пастеллажа", состоявшей в наложении нитей расплавленной эмали). Сомнительно также, чтобы эта плитка попала в храм при его постройке, так как в середине XII в. техника "минаи" еще только зарождалась, а первые изделия, украшенные в этой манере (причем, выполненные на кашине, а не на красноглиняной основе), стали экспортироваться из Ирана не ранее последней трети XII в.

Красноглиняные плитки с полихромной надглазурной росписью и позолотой ("майолики" типа IV по Л.М. Носковой) известны в золотоордынском Поволжье, причем исключительно на Селитренном городище (*Носкова,* 1976. С. 23), но встречаются они там редко, поскольку основная масса ордынских изразцов изготавливалась из кашина. Кроме того, в золотоордынском Поволжье при производстве керамики не использовалась глина без видимых примесей. Таким образом, происхождение смоленской плитки из Золотой Орды исключается.

Среди опубликованных коллекций крупнейших музеев Европы, Америки и Ирана персидские аналогии смоленскому образцу на красноглиняной основе обнаружить не удалось[677]. Зато относительно близкие изделия известны в среднеазиатских материалах. Такие плитки с полихромной росписью и позолотой были применены в декоре мавзолея Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче, построенного в XIV в. (*Армарчук*, 2001. С. 189), и самаркандской мечети Тилля-Кари, возведенной в 1645–1660 гг. с использованием облицовки разобранного караван-сарая Мирзои, построенного Улугбеком после 1424 г. (*Пугаченкова*, *Ремпель*, 1958. С. 127–131). Полные аналогии смоленской плитке происходят из Отрара – именно здесь обнаружены плитки с сочетанием технологии "минаи" и красноглиняной основой (*Байпаков, Алдабергенов*, 2005. С. 226, 227). Правда, не известно, являются ли самаркандские и отрарские плитки продукцией местного производства или импортом. В эпоху создания державы Тимура, когда перемещение мастеров из городов Ближнего и Среднего Востока в города новой империи было повседневной реальностью, установить происхождение ремесленной продукции особенно сложно.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее вероятными претендентами на происхождение смоленской плитки являются Иран или Средняя Азия (Отрар?), а наиболее вероятным периодом ее производства следует считать конец XIII – начало XV в. Вероятно, эта плитка, как редкостная диковинка, была использована для украшения стен русского храма в XIV–XVI вв. в процессе одного из ремонтов.

2. Москва – небольшой обломок аналогичной красноглиняной плитки был найден в 1950 г. при раскопках в Зарядье (*Коваль*, 1997е. Рис. 4, *13*). Плитка толщиной не менее 3 см была изготовлена из плотной ярко-розовой глины без видимых примесей. На лицевой плоскости сохранилась белая непрозрачная полива, по которой проведена черная контурная роспись с заливкой рисунка ультрамариновой прозрачной и бирюзовой непрозрачной поливами.

3. Муром – обломок плитки из ожелезненной (красножгущейся) глины с небольшим количеством слюды и красных округлых включений (шамот?). Плитка имела толщину 1 см, вдоль ее краев сохранились следы от сколотых выступов шириной до 1 см и высотой не менее 2 см. Поверхность плитки покрыта белой непрозрачной поливой. Декор состоял из надглазурной росписи линиями голубой глазури (которая разрушилась и приобрела матово-бурую окраску) и полями, залитыми ультрамариновой прозрачной глазурью, толщина слоя которой достигала 1 мм (цв. ил. 75, *5*; рис. 64, *29*). При том, что сама техника нанесения декора на этом образце идентична применявшейся на керамике "минаи", рисунок росписи необычен для посудных фаянсов "минаи". Простота рисунка и его монохромность (пусть и в два тона синего цвета) указывают на более позднюю дату создания этой плитки (XV–XVI вв.), а местом ее изготовления скорее всего могла быть Средняя Азия (Самарканд?).

4. Белгород-Киевский – целая вставка из плотной глины кремового цвета без видимых примесей, полного обжига [678], с прямоугольной лицевой пластиной размерами 7,5 × 3,8 см, покрытой бирюзовой непрозрачной глазурью, без дополнительного декора (цв. ил. 76, *4*). От краев лицевой пластины вставка пирамидально сужалась (толщина достигала 5,5 см). Такие изделия производились в Иране, Средней Азии и Золотой Орде в XIV–XVI вв. (*Самашев и др.*, 2008. С. 235, *слева внизу*).

Находки обломков кашинных и глиняных декоративных плиток показывают, какие тесные связи существовали с поволжскими центрами Золотой Орды, раз уж сюда попадали предметы, на которые трудно было ожидать хоть какой-то спрос у местного населения.

[677] По сведениям иранских исследователей доктора Саари Хани (Национальный музей Ирана, Тегеран) и госпожи Хедрат Абади (Музей Реза Аббаси, Тегеран), плитки "минаи" на красноглиняной основе среди иранских материалов не известны.

[678] НМИУ–В1/1763 (раскопки В.В. Хвойки).

4. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА

СЕПАЯ

Судя по отпечаткам на глазурованных изделиях парфянской эпохи из Ирана, подставки в виде треножников (триподов) гончары стали использовать при изготовлении поливной посуды на Ближнем и Среднем Востоке еще в первых веках н.э.[679], более широкое распространение они получили здесь с IX в. В Византии такие приспособления получают самое широкое распространение с начала XIII в. В Средней Азии они получили наименование "сепая" (что в переводе означает просто "три ноги"). Такие подставки предназначались для разделения чаш и блюд, которые собирались в высокие стопки при их установке в гончарные печи, чем достигался значительно больший выход готовой продукции за один обжиг, нежели при прежнем способе, когда сосуды устанавливались поодиночке на дно или на бок вдоль стенок горна. Такие треножники обычно имели форму треугольника или трехлучевой звезды, с небольшими выступами-"ножками"[680], которые и касались глазурованного дна сосуда, располагавшегося поддоном вверх (при этом плоской стороной треножники устанавливались на поддон нижестоявшего сосуда. В результате после обжига выступы треножника сплавливались с глазурью и его приходилось отрывать от сосуда вместе с ней. Поэтому на днищах чаш и блюд, обжигавшихся таким способом, оставались 3 небольших пятна, размещавшиеся треугольником, где глазурь отсутствовала либо сохранялись остатки глины от сколотого треножника. Практически все известные треножники-сепая были изготовлены из красножгущейся глины.

В русском гончарном производстве поливной посуды подобные треножники не применялись – об этом свидетельствует отсутствие как самих этих треножников, так и их следов на днищах поливных чаш XI–XVI вв. Лишь в двух местах Руси обнаружены подобные предметы:

1. Старая Рязань – 3 сепая[681] (два из них фрагментированы), различавшиеся по размерам (длина лучей колебалась от 4 до 5,5 см) (цв. ил. 75, *12*; рис. 64, *27, 28*). Находки были сделаны в 1902 г. при раскопках В. Крейтона и А.И. Черепнина (*Монгайт*, 1955. С. 112, 114) в кирпичном гончарном горне. Все сепая были изготовлены из плотной красной глины с примесью мелкодисперсного песка, признаки их использования в производстве поливной керамики (капли глазури на поверхности и повреждения на их выступах, соприкасавшихся с глазурованными изделиями) отсутствуют. Правда, В. Крейтон в отчете о раскопках упоминал "глянцевитую поверхность" у этих треножников, откуда А.Л. Монгайтом был сделан вывод о том, что это была полива (*Монгайт*, 1955. С. 114), однако на всех трех сохранившихся экземплярах никаких следов поливы нет. Таким образом, эти сепая в работе не были, а потому не могут быть свидетельствами производства восточной поливной посуды на территории Старой Рязани. В то же время, сообщение В. Крейтона нельзя не учитывать: возможно, на других сепаях полива все-таки имелась. Наконец, сама конструкция горна, сложенного из кирпича, необычна для древнерусского гончарства и может указывать на его постройку иноземным мастером. Кирпичные горны использовались в Золотой Орде, и, в частности, для обжига поливной посуды (*Булатов*, 1976б).

Поскольку ни горны столь необычной конструкции, ни треножники-сепая в русском гончарстве не известны, остается предположить, что они попали в столицу Рязанской земли благодаря приезду иноземного мастера, пытавшегося наладить здесь производство поливной посуды. Куда подевалась продукция этого горна, не известно, тем более, что даже не известно, в какой части городища был обнаружен пресловутый горн.

Форма старорязанских сепая весьма своеобразна и существенно отличается от большинства подобных предметов тем, что каждый из их "лучей" имел заостренное ребро. Тем не менее, аналогичные по форме сепая известны: массовые их находки (224 экз.) происходят из Биляра (столицы Волжской Булгарии), где они датированы X – началом XIII в. (*Кокорина*, 1986. С. 68, рис. 3, *4, 8, 9*; 2006. Рис. 9, *4, 8, 9*). Кроме того, такие же сепая найдены в Азове в комплексе гончарной мастерской XIV в. (*Перевозчиков*, 1993. С. 214–217, рис. 8, *16*), в Азербайджане (Кабала) с материалами, датирующимися не позже XIV в. (*Исмизаде*, 1964б. Табл. V, *4, 5*), в Средней Азии с материалами XIII–XIV вв. (Старый Мерв) и XV–XVI вв. (Ташкент) (*Лунина*, 1969. Рис. 16; *Филанович*, 1990. Рис. 2, *4*), и даже в Константинополе (*Hayes*, 1992. Pl. 12, *h*). Таким образом, подобная форма сепая при всей своей редкости, была все же достаточно распространена в странах Востока. Учитывая давние связи Рязанской земли с Поволжьем, наиболее вероятным объяснением появления таких предметов в Старой Рязани является привоз их беженцем из Волжской Булгарии в 1236 г. Видимо, налаженное им производство поливной посуды в столице Рязанской земли просуществовало всего 1 год.

[679] Следы от сепая можно видеть на поливных флягах парфянской эпохи из собрания Музея Абгине (Кол. № 46) и Национального музея Ирана (Кол. № 591) в Тегеране.

[680] В Византии использовались и подставки в виде усеченного конуса с тремя сегментовидными вырезами в нижней расширенной части.

[681] РГИАМЗ–1899–А6/440–442.

2. Львов – 1 обломок похожего сепая найден при раскопках на Старом Рынке, где были обнаружены еще несколько керамических изделий восточного происхождения (*Терський*, 2004. Рис. 2, *4*). Единичность этой находки и слабая археологическая изученность Львова не позволяет делать какие-то определенные выводы.

ВОДОПРОВОДНЫЕ ТРУБЫ (КУБУРЫ)

Керамические водопроводные трубы (в Средней Азии их называли “кубур”) широко использовались на Востоке, включая Золотую Орду и Причерноморье. На территории Руси известна пока одна находка керамического водопровода XIV–XV вв. – во Львове (*Терський*, 2004. Рис. 1, 2, *5*), где собрано 54 обломка таких труб (*Терський*, 2000. С. 198, кат. 53). Исследователь этого объекта связывает появление такого водопровода в городе с деятельностью армянской общины Львова (*Терський*, 2004. С. 335, 336).

Раздел 3

ХРОНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ ВОСТОКА НА РУСИ

1. ПРЕДЫСТОРИЯ ИМПОРТА ВОСТОЧНОЙ КЕРАМИКИ В ЛЕСНУЮ ЗОНУ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Керамический импорт из стран Востока, известный на территории средневековой Руси (в IX–XVII вв.), явился закономерным следствием всей предшествовавшей истории развития политических, торговых и культурных связей народов Восточной Европы с государствами Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока. Поэтому, прежде чем приступить к характеристике импорта восточной керамики на Русь, целесообразно вкратце рассмотреть, как развивались связи лесной зоны Восточной Европы с этими странами в предшествующий период.

Импортная керамика ввозилась в Восточную Европу еще с античной эпохи. С VII–VI вв. до н.э. сюда начинают поступать амфоры с вином (*Онайко*, 1960. С. 5–41) и художественно оформленная столовая посуда (родосская расписная, чернолаковая, чернофигурная), центры производства которой располагались в Элладе и Малой Азии. Античная керамика импортировалась главным образом в степи Северного Причерноморья, а в лесостепную зону она проникала в значительно меньших объемах, в бассейн Волги она вообще не попадала (*Максимов*, 1963. С. 110–122; *Онайко*, 1970). В римскую эпоху (I–IV вв. н.э.) амфорная тара и краснолаковая столовая посуда начинают проникать уже не только в степь и лесостепь Причерноморья, но и в южную часть лесной зоны – в Польшу, Белоруссию, на территории современных Брянской и Курской областей России (*Кропоткин В.В.*, 1970. С. 149–151; *Брайчевский*, 1964. С. 229; *Кропоткин А.В., Кропоткин В.В.*, 1988. С. 169), однако туда доходили лишь отдельные экземпляры привозных предметов.

В эпоху раннего Средневековья (V–VII вв.) количество находок импортных изделий в Восточной Европе резко снижается, что объясняется дестабилизацией положения в европейских степях (*Кропоткин*, 1967. С. 59, 116; *Смішко*, 1952. С. 372). В VIII–IX вв. импортная керамика вновь появляется в лесостепной зоне Восточной Европы в заметном количестве (*Николаенко*, 1988. С. 133; *Сухобоков*, 1990. С. 52, 75, 120, 241). Основную долю керамического импорта в этот период составляют византийские амфоры, в том числе крымского производства (*Сухобоков*, *Юренко*, 1991. С. 78; *Михеев*, 1991. С. 44). Связи славянских племен с Востоком осуществлялись в это время через территорию Хазарского каганата, керамика которого изредка попадала на славянские поселения. В первую очередь это касается столовой (лощеной) посуды западной части каганата, где размещались производственные центры салтово-маяцкой археологической культуры, принадлежавшей алано-болгарскому населению. Салтовская лощеная керамика известна на многих славянских поселениях в лесостепной зоне и даже на некоторых поселениях в южной части лесной зоны: в частности единичные находки такой посуды известны на Волыни (на городище летописного Дорогобужа, поселении Птичье в Ровненской обл., городище Униас в Тернопольской области) (*Прищепа, Нікольченко*, 1996. С. 92, 93, рис. 52, *4–6*) и близ Рязани (на селище Алешня-6)[1] в контекстах VIII–IX вв.

В конце VIII в. начинают налаживаться торговые связи арабского Востока с племенами, населявшими лесные пространства Восточной Европы, в этническом составе которых еще преобладал финский компонент (весь, меря и др.). Торговля велась путем обмена пушнины на серебряные монеты Халифата (дирхемы). Самые ранние клады дирхемов в Восточной Европе датируются 80–90-ми годами VIII в. (*Янин*, 1956. С. 57). Поначалу, в конце VIII – первой половине IX в., серебро Халифата проникало в Восточную Европу по сухопутным путям через Закавказье, степную Хазарию, Дон и Поочье (*Кропоткин*, 1978. С. 113, 114; *Быков*, 1971. С. 33; 1984. С. 41; *Даркевич*, 1976. С. 152, 153). В Прикамье клады серебряных изделий также появляются в конце VIII в. (*Лещенко*,

[1] Из раскопок В.В. Судакова 2000 г. Пользуюсь случаем выразить свою признательность автору раскопок за возможность ознакомиться с этим материалом.

1976. С. 187). Топография кладов дирхемов свидетельствует об их поступлении сюда по Волжскому пути уже с первой половины IX в. (*Дубов*, 1989. С. 198, 211, 212). Стремление к контролю над восточной торговлей привлекло в Восточную Европу скандинавов, появление которых ускорило процесс формирования здесь протогосударственных образований, а затем и древнерусского государства. Но даже с установлением торговых связей с Востоком, керамика не стала сколько-нибудь заметной статьей импорта, поскольку отсутствовала сама потребность в изящной и дорогостоящей столовой посуде, определявшаяся низким уровнем эстетического развития даже у аристократической верхушки общества.

Таким образом, до конца VIII в. восточный керамический импорт не достигал лесной зоны Восточной Европы, а отдельные предметы восточного или римско-средиземноморского происхождения проникали сюда в процессе военных столкновений или иными неторговыми способами как забавные сувениры. По этим причинам до IX в. находки поливной художественной восточной керамики на территории будущей Древней Руси не известны. Однако именно к этому времени подобная керамика впервые выходит за пределы прибрежных городов Северного Причерноморья и появляется в степной Хазарии, в частности – в Саркеле (*Макарова*, 1967. С. 8–10, 32, 33), где в слоях IX–X вв. найдены византийская белоглиняная керамика, люстровая майолика из Египта и Самарры, среднеазиатская полумайолика с подглазурной полихромной росписью.

С VII в. до н. э. до IX в. н.э. (более полутора тысяч лет) керамический импорт в Восточную Европу поступал почти исключительно из эллинского мира и населенных эллинами восточных областей Римской империи (Эгеида, Малая Азия) по черноморским торговым путям, достигая в основном северного побережья Черного моря. Лишь с образованием Хазарии устанавливаются постоянные торговые связи этого восточноевропейского государства со Средней Азией и Ираном. Регулярное же поступление восточной и византийской керамики в лесную зону Восточной Европы началось только после образования древнерусского государства, объединившего огромные пространства Русской равнины и установившего контроль над речными торговыми путями, а также Волжской Булгарии, наследовавшей восточные торговые связи Хазарии.

2. КЕРАМИКА ВОСТОКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(ДОМОНГОЛЬСКАЯ ЭПОХА: КОНЕЦ IX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII вв.)

В домонгольскую эпоху существования древнерусского государства импорт восточной керамики осуществлялся из четырех основных регионов Востока – Византии, Ближнего Востока (Восточного Средиземноморья), Среднего Востока (Ирана) и Волжской Булгарии. Последняя являлась к тому же передаточным звеном в отношениях Руси с Ираном. Внутри этой эпохи выделяются 3 этапа:

1. Раннегосударственный (конец IX–X вв.) – время формирования территории древнерусского государства, установления дипломатических и торговых связей с соседними государствами и складывания феодальных отношений. Характеризовался постоянной военной активностью славяно-варяжских дружин и внешней экспансией древнерусского государства.

2. Этап существования централизованного древнерусского государства (XI в.), характеризующийся динамичным развитием политических и экономических структур, формированием общегосударственного рынка и внутренних торговых связей. Этот этап совпал с кризисом меновой торговли по схеме “пушнина–серебро” между Восточной Европой и арабским Востоком, но характеризовался стабилизацией политических и торговых отношений с Византией и Волжской Булгарией.

3. Этап феодальной раздробленности и в то же время – наивысшего экономического подъема древнерусского государства, расширения культурных и торговых связей с Византией, Западной Европой, странами Ближнего и Среднего Востока.

На первом этапе домонгольской эпохи восточная керамика поступала на Русь эпизодически и, очевидно, по случайным причинам. Для этого времени известно о 30 находках глазурованной посуды и более 100 находках неглазурованной керамики восточного происхождения. В составе импорта здесь выделяются два главных источника (Византия и Волжская Булгария), а также несколько второстепенных.

Византийская керамика на этом этапе представлена в основном глазурованной парадной посудой, находки которой (20 шт.) известны только на трассе Днепровско-Балтийского пути “из варяг в греки” (Великий Новгород, Гнёздово, Киев, Белгород) либо в крупнейших торговых и военно-политических центрах рядом с ним (Полоцк, Шестовицы). Это различные типы монохромной полумайолики с подангобной гравировкой и со штампованным орнаментом, а также полумайолика с полихромной росписью нескольких типов. Едва ли не все эти образцы связаны своим происхождением с константинопольскими императорскими мастерскими. Скорее всего, большинство таких сосудов были захвачены во время многочисленных походов славяно-варяжских дружин на Константинополь, Крым и другие византийские владения. На это указывает то обстоятельство, что многие из находок происходят из богатейших языческих погребений Гнёздова и Киева, которые могли принадлежать князьям или их ближайшему окружению – руководителям таких походов. Заметим, что даже многие находки византийских монет X в. расцениваются исследователями (и, вероятно, совершенно справедливо) в качестве предметов, привезенных участниками походов на Византию, а вовсе не как свидетельство торговых контактов (*Богуславский*, 1993. С. 148–149). Хорошо известно о вывозе князем Владимиром в 988 г. из Херсонеса большого количества церковной утвари, статуй и даже каменного саркофага святого Климента (*Пуцко*, 1986. С. 301). На этом фоне импорт нескольких десятков сосудов не представляется возможным интерпретировать как следы торговли столь экзотическими для Руси того времени предметами. Особый интерес представляет обломок чашки с крестом на дне из Великого Новгорода, поскольку такие чашки могли применяться в ритуальных целях церковью на начальном этапе христианизации Руси (*Залесская*, 1984. С. 217). Эта находка указывает на еще одного импортера поливной посуды – формирующуюся русскую православную церковь.

Амфоры византийского круга в этот период почти не доходили до Руси. Единственной достоверной находкой может считаться “причерноморская” амфора из Гнёздовского могильника (с граффито “Горуна”), к которой примыкают обломки подобных амфор на Тимеревском поселении, в Старой Ладоге и Воине.

Керамика Волжской Булгарии известна в X в. только на Северо-Востоке Руси – в Верхнем Поволжье, Нижнем Поочье и Белозерье, т.е. тех районах, которые непосредственно контактировали с булгарскими купцами при процветавшем еще в это время торговом обмене пушнины на серебряные монеты (дирхемы) арабского халифата. Возможно, эта керамика являлась здесь второстепенным предметом торговли, поскольку своим качеством (внешним видом и прочностью) она выгодно отличалась от примитивной лепной керамики местного славяно-финского населения.

Наряду с византийской и булгарской керамикой на Русь в этот период попали несколько образцов *керамики Ближнего и Среднего Востока*, представленной обломками люстровых чаш месопотамского производства из Старой Ладоги и Рюрикова городища. Третья на территории Восточной Европы находка такой керамики известна в Саркеле (*Шелковников*, 1959а. С. 303, рис. 16, *1; Макарова*, 1967. С. 32). Владельцами этих сосудов скорее всего были представители варяжской аристократии или князья. Они могли быть привезены восточными купцами через Волжскую Булгарию, но не менее вероятно, что эти вещи были захвачены скандинавами, находившимися на службе у византийских императоров и участвовавших в войнах с арабами.

Атрибуция неполивного водолея из Шестовицкого курганного могильника пока до конца не выяснена, однако по высокой технологии изготовления и вычурности формы он может принадлежать к изделиям одной из стран Ближнего или Среднего Востока. А скандинавская стилистика граффито из трех переплетенных змей, нанесенного на дно, ясно указывает на этнокультурную принадлежность владельца этого раритета.

Более определенно можно судить о происхождении неполивного кувшина X в. из Гнёздовского могильника, найденного в княжеском погребении. Он имеет только закавказские аналогии, а в X в. единственным прямым контактом “русов” с Закавказьем был поход на Барду в 943/944 гг. Поэтому не будет большой смелостью предположить, что этот кувшин был привезен оттуда руководителем этого похода (только он и мог позволить себе роскошь везти за тридевять земель вещь, не только не являвшуюся драгоценностью, но к тому же еще весьма хрупкую).

Наконец, находки крымских амфор и кувшинов *северопричерноморского происхождения* в Верхнем Подонье и в нескольких других пунктах лесостепной зоны являют собой свидетельства автономных контактов окраинных славянских племен с населением Хазарии.

Итак, на начальном этапе русской государственности керамика Востока проникала на Русь спорадически, причем не столько по торговым каналам, сколько являясь военным трофеем, добытым при походах русских дружин на Византию и страны Востока. Некоторые наиболее роскошные поливные сосуды могли входить в число дипломатических даров византийских императоров русским князьям. Владельцами восточной керамики в это время являлись только представители высшего военно-аристократического сословия (князья и их приближенные-военачальники).

На втором этапе домонгольской эпохи (XI в.) произошло некоторое увеличение импорта восточной керамики, но единственным источником такого роста стал ввоз амфор византийского круга. Количество поступлений глазурованной столовой керамики осталось на прежнем уровне – сейчас известно около 20 находок. Таким образом, главным поставщиком импортной керамики на Русь становится в это время Византия. Второе место оставалось за Волжской Булгарией. Импорт же из стран Ближнего и Среднего Востока заметно сокращается.

Византийская глазурованная керамика в XI в. продолжает свое движение только по Днепровскому пути. Видимо, это связано с тем, что именно на этом пути лежали крупнейшие города той эпо-

хи – Киев и Великий Новгород. Поливная керамика в это время не встречается в погребениях, совершенных по христианскому обряду, но иногда ее находят при раскопках около храмов. Вероятно, основным ее назначением в это время было церковно-ритуальное. Наряду с монохромной майоликой и ординарной (для Византии) полумайоликой с зелено-коричневой росписью ввозилась и дорогая, даже по константинопольским меркам, майолика с черно-белой росписью.

Заметный рост числа находок *амфор византийского культурного круга* объясняется увеличением импорта виноградного вина, необходимого для выполнения обряда причастия в постепенно христианизировавшейся стране. Однако большинство находок концентрируется в крупных городских центрах (Старая Ладога, Великий Новгород, Псков, Белоозеро, Ростов, Суздаль, Муром, Старая Рязань, Полоцк, Чернигов, Киев, Вышгород), т.е. там, где несомненно существовали церкви и духовенство. Вместе с тем, амфоры встречены в это время и на небольших городищах, феодальных усадьбах и даже в крупных княжеских селах (Рюриково городище, Заславль, Желнь, селище Лесковое под Черниговым и др.). Эти находки могут быть связаны с княжеским бытом, включавшим угощение дружины на пирах, равно как и с придворными церквями. О том, что виноградное вино вошло в сферу потребления князей, свидетельствует и известная надпись-граффито на амфоре XI в. из Старой Рязани ("новое вино добрило прислал князю Богунка").

Вероятно, число городов, куда привозились такие амфоры, было значительно больше, чем известно на сегодняшний день (что связано с плохой изученностью амфорных находок, которые к тому же почти не опубликованы или публикуются без подробного описания). Вино в амфорах стало в это время предметом первой необходимости для церковной организации, а это поставило его в ряд товаров, торговля которыми была чрезвычайно выгодна. Не исключено, что такой импорт финансировался самими потребителями (князьями и церковью).

Керамика Волжской Булгарии продолжала ввозиться в XI в. на Северо-Восток Руси, в те же самые районы, что и столетием раньше. Расширения ареала этой керамики здесь не произошло, если не считать ее появления в Великом Новгороде. Единственной статьей ввоза оставалась лощеная столовая посуда. Вместе с булгарской керамикой в Белоозеро попали, вероятно, и 2 сфероконуса ближневосточного производства. Сообщения о находках булгарской керамики в Киеве и Вышгороде (*Зоценко*, 1992. С. 51, 52) не могут рассматриваться до тех пор, пока эти находки не будут должным образом опубликованы.

Египетская керамика представлена в это время только двумя обломками от одной люстровой чаши из Новгорода. Подобная посуда импортировалась из Египта в Италию, известна она и в городах Византии. Так что допустимо предполагать поступление этой чаши по Днепровскому пути. Однако ее единичность не может свидетельствовать о торговом характере импорта. Более вероятен привоз этой чаши на Русь знатным паломником после посещения "Святой Земли".

Северопричерноморская керамика характеризуется обломками кувшинов типа "Таматарха", широко распространенных в Крыму и степной Хазарии. Большинство находок концентрируется на Верхнем Дону и на трассах международной торговли (Гнёздово). Донские находки свидетельствуют, в частности, о функционировании Донского пути в X–XI вв. В торговом характере этого импорта нет серьезных сомнений, поскольку в таких кувшинах перевозилось главным образом виноградное вино (и нефтепрдукты?).

Таким образом, в XI в. началось медленное расширение импорта византийской керамики (амфор как тары, в первую очередь), однако глазурованная столовая посуда ввозилась так же редко, как и прежде. Но теперь она изредка привозилась на Русь представителями знати, ездившими в Византию и на Ближний Восток. К их числу относились церковные иерархи и первые паломники к "святым местам". Существенно важным моментом является привоз восточной керамики одновременно по Днепровскому пути (византийская и египетская керамика), по Дону (кувшины типа "Таматарха") и по Волге (булгарская керамика).

На третьем этапе домонгольской эпохи (XII – первая треть XIII в.) произошло резкое возрастание объема импортируемой восточной керамики и заметное расширение числа ее поставщиков. Количество ввезенной поливной столовой посуды возросло в 10 раз (известно более 200 обломков от 100–120 сосудов), а неполивной тарной (амфор) – почти в 1000 раз! На Русь в это время поступает керамики Византии, Ирана, Сирии и Волжской Булгарии.

Византийский импорт, как и прежде, состоял из поливной и неполивной керамики. При этом поливная парадная посуда продолжала ввозиться так же редко, как в два предыдущих века русско-византийских связей. Для данного этапа известно несколько десятков находок из Киева, Белгорода, Чернигова, Галича, Турова, Великого Новгорода, Суздаля, Владимира и Старой Рязани, показывающих, что теперь эта керамика распространилась по всей территории Руси. В литературе высказывалось мнение о том, что в XII в. произошло сокращение импорта византийской глазурованной посуды вследствие развития на Руси собственного производства поливной керамики (*Даркевич*, 1985. С. 394). Однако в количественном отношении никакого сокращения импорта не наблюдается. Напротив, новые находки говорят скорее о некотором расширении этого импорта. К тому же русская поливная посуда не могла

соперничать с византийской, поскольку не отличалась изяществом форм и декора, серьезно уступая высокохудожественным изделиям константинопольских и даже провинциально-византийских мастерских. Из Византии, как и ранее, привозили глазурованную парадную посуду, украшенную зелено-коричневой подглазурной росписью или вошедшим в моду орнаментом "сграффито", в том числе "зевксиппову керамику" из Эгейского региона, т.е. те же самые типы керамики, что были распространены в Северном Причерноморье (Херсонес, Таматарха).

Рост импорта амфорной тары отражает, безусловно, достижение высшего уровня в русско-византийской торговле. Сегодня уже имеются сведения о находках на Руси более чем 16000 обломков амфор (Прил. 2). Таким образом, по самым скромным подсчетам, на территории Руси сейчас найдены обломки, принадлежавшие нескольким тысячам амфор. Но это число отражает лишь те сосуды, обломки которых встречены при раскопках, т.е. ничтожную долю материла, отложившегося в культурном слое. Реальный объем импорта был, вероятно, в сотни раз больше. Картографирование находок амфорной керамики (рис. 62) показало, что в XII – первой трети XIII в. виноградное вино в амфорной таре ввозилось практически во все города Руси и в значительное число сельских поселений.

Торговые связи с Причерноморьем осуществлялись купцами, разбогатевшими благодаря стабильному спросу со стороны церкви, князей и боярства на узорчатые шелка ("паволоки"), пряности и престижные продукты питания (виноградное вино и оливковое масло). Последние доставлялись на Русь в той таре, которая была общепринята на рынках Причерноморья, т.е. в амфорах. Амфоры могли использоваться также для транспортировки пряностей и нефтепродуктов, использовавшихся как целебное средство и для других, в том числе и военных, целей. Вино являлось главным по объему и стоимости компонентом этой торговли, подтверждаемой византийскими письменными источниками, отмечающими и закупку вина русскими купцами (*Новосельцев*, *Пашуто*, 1967. С. 84). Поскольку наиболее стабильным (хотя и не самым крупным) потребителем вина, как уже отмечалось выше, являлась церковь, колоссальный рост импорта этого продукта в XII в. может объясняться увеличением числа христианских храмов, что явилось следствием успешной христианизации страны в этот период. Большинство находок амфор происходит из городов, однако сегодня уже известны их находки на более чем 90 селищах, что составляет 1/3 всех мест, в которых обнаружены амфоры. Особенно много амфорного материала известно на сельских поселениях округи Чернигова – на более чем 50 селищах (*Веремейчик, Коваль*, 2005. Рис. 1), т.е. практически повсеместно. Но оказалось, что Северная Русь не сильно отставала в этом смысле от Южной, что наглядно показали исследования округи Суздаля, проводимые в последние годы Н.А. Макаровым, где амфоры найдены уже на семи сельских памятниках, при том, что широкие раскопочные работы на них еще только начинаются. Материалы широкомасштабных раскопок одного из селищ Северо-Восточной Руси (Мякинино-1 в Подмосковье) позволили выявить находки амфорного материала и в сельской округе Москвы, бывшей в это время незначительным городским центром. Таким образом, различие между северными и южными районами Руси состоит только в том, что на Юг импорт вина в амфорах стал проникать раньше, уже в XI в. В целом, некоторое опережение в экономическом и социальном развитии Южной Руси хорошо известно, и наши материалы подтверждают этот общеизвестный факт.

Интересно соотношение типов ввозившихся на Русь амфор. Основную их массу (более 2/3 находок) составляли амфоры группы I (производившиеся в основном в окрестностях Трапезунта), на втором месте (около 1/5) стоят амфоры группы II (происходившие из региона Никеи), остаток (1/10) приходится на амфоры групп III и IV, места производства которых размещались предположительно в Средиземноморье. Большая часть товаров в амфорах закупалась, вероятно, в Константинополе. Крымские амфоры, ввозившиеся в приграничные районы восточнославянского ареала в VIII–X вв., ко времени становления древнерусского государства уже почти не выпускались (если не считать крайне немногочисленных плоскодонных амфор группы VI). Поэтому сложившееся представление об импорте в XII–XIII вв. амфорной тары на Русь из Крыма (*Беляева*, 1986. С. 402; *Гуревич*, 1991. С. 78; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 192) следует признать историографическим мифом, базировавшимся не на фактических данных, а скорее на "общих представлениях" и произвольных интерпретациях, наследующих мифологемам XVII–XVIII вв., получившим емкое наименование "корсунский мираж". Роль крымских центров, и, в первую очередь, Херсонеса, в русско-византийской торговле вообще неоправданно завышена в историко-археологических исследованиях (*Коваль*, 1995б. С. 247–249). Для домонгольской эпохи крымская керамика на Руси почти не известна (за исключением одного обломка неполивного кувшина на селище Лесковое под Черниговом).

Амфоры с вином и другими продуктами поступали на Русь, вероятно, по трем главным путям – Днепровскому, Днестровскому и Донскому. Первый из них общеизвестен и не требует доказательств. Торговый путь по Днестру также признается исследователями (*Терещук*, 1981. С. 79; *Даркевич*, 1985. С. 395), причем торговое движение по нему упоминается даже в Ипатьевской летописи (ПСРЛ, 1871. Т. 1. С. 491). В отношении же Донского пути высказывалось мнение, что в X–XII вв. он не функ-

ционировал, поскольку здесь не известны находки византийских монет (*Даркевич*, 1985. С. 395). Между тем, доставка амфор в Северо-Восточную Русь по Донскому пути была наиболее удобна. Здесь пролегала кратчайшая дорога из Трапезунта (экспортера вина) к крупнейшим городам Северо-Востока. Выше уже отмечалось, что есть доказательства того, что этот путь действовал в XI в., так что естественно предположить его функционирование и в XII в. Отсутствие же на нем монетных находок объясняется, видимо, тем, что еще в XI в. славянское население оставило Подонье, а его реколонизация началась только в конце XII в., причем крупные города здесь не возникали, а, значит, купеческие караваны проходили через эти малонаселенные места транзитом, не останавливаясь.

Одним из свидетельств существования Донского пути в это время являются находки обломков амфор на городище у с. Крапивного Курской области – древнерусского сторожевого пункта на русско-половецкой границе, в верховьях Северского Донца. Отсутствие здесь стеклянных браслетов и шиферных пряслиц резонно объясняют удаленностью этой крепости от основного массива русских земель и трудностями торговых связей с ними (*Плетнева*, 1964. С. 27). Поступление сюда таких сложных для транспортировки предметов, как амфоры, вряд ли могло проходить кружным путем по Днепру–Десне–Сейму и далее по суше, но скорее оно шло непосредственно по Дону и Донцу.

Что касается Волжского пути, то он для перевозки амфор скорее всего почти не использовался, так как был значительно более длинным и выводил к окраинным землям Руси.

Сирийская керамика представлена на Руси второй половины XII – первой трети XIII в. люстровыми полуфаянсами с бесцветной, ультрамариновой и пурпурной глазурями, полуфаянсами с полихромной подглазурной росписью типа “русафа”, а также керамикой, украшенной плоской резьбой и росписью полихромными глазурями (полуфаянсами типа “лакаби”). Ее находки известны в Великом Новгороде, Старой Рязани, Переяславле-Рязанском, Мстиславле, Киеве, белорусском Новгородке (совр. Новогрудок), Гродно. Основная масса находок происходит при этом из Великого Новгорода. Часть из них впрямую связана с паломническим комплексом предметов, обнаруженных на боярской усадьбе, исследованной Неревским раскопом (*Седова*, 1994 б. С. 90–94). Вероятно, и остальные образцы сирийской поливной посуды также были привезены сюда состоятельными паломниками к святым местам Византии и Палестины.

Вместе с сирийской, тем же самым путем, видимо, поступала на Русь и *поливная керамика Египта*, представленная в основном люстровой парадной посудой, найденной в Великом Новгороде.

Иранская керамика внезапно появилась на Руси впервые на финальном этапе домонгольской эпохи. Началом XII в. могут быть датированы только 2 образца полуфаянсов. Один из них – обломок чаши или блюда из Киева с черно-красной подглазурной росписью, повторяющей роспись белоглиняной ирано-среднеазиатской керамики (полумайолики) X–XI вв. Вторая находка обломка чаши с гравировкой и ажурным декором происходит из Суздаля. Кроме того, в Киеве и Старой Рязани найдены обломки чаш и блюд с ажурным, гравированным и рельефным декором, которые не имеют узких дат, но по аналогиям могут быть датированы в пределах всего XII в. Однако основную массу иранского импорта на Русь составляли люстровые фаянсы, датирующиеся последней третью XII – первой четвертью XIII в., которые появились на Руси почти одновременно с началом их производства в Иране.

В литературе можно встретить мнение об импорте иранской керамики на Русь через Трапезунт и Херсонес, а затем по Днепровскому пути через Киев (*Даркевич*, *Стародуб*, 1983. С. 194; *Даркевич*, 1985. С. 391; *Гуревич*, 1991. С. 81). Однако ни в Трапезунте, ни в Киеве иранские люстровые фаянсы не найдены. В Херсонесе они единичны и известны лишь в материалах раскопок последнего десятилетия, но эти находки еще не опубликованы (т.е. они не были известны в период появления упомянутой гипотезы). Еще важнее почти полное отсутствие иранских люстров в городах Южной Руси[2]. Все это заставляет отрицать какую бы то ни было роль Трапезунта, Херсонеса и Киева в импорте на Русь иранской художественной посуды.

Картографирование находок люстровой керамики на Руси (рис. 65) показывает, что они концентрируются главным образом в северо-восточных районах Руси, имевших прямую связь по Волге с Волжской Булгарией, выступавшей в роли главного связующего звена между Русью и странами Среднего Востока. В крупных городских центрах этой страны люстровая керамика Ирана хорошо известна (*Валиулина*, 1991; *Полубояринова*, 2008. С. 72. Ил. 8, *1*). Таким образом, напрашивается вывод о том, что основным (а возможно и единственным) каналом поступления иранских люстровых фаянсов на Русь являлся Волжский путь. Проникновение же этой керамики на самую западную окраину Руси (Новогрудок, Волковыск), вероятно, объясняется внутренними торговыми связями. Не исключено, что в будущем отдельные находки иранской люстровой керамики будут сделаны и в Южной Руси, но уже сейчас ясно, что по объему иранского импорта Северо-Восток заметно обгонял Юг Руси.

Причины столь широкого распространения на Руси иранских люстров пока не вполне ясны. Эта керамика не могла попадать сюда внеэкономическим путем, поскольку у Руси не было в то время еще никаких политических или культурных связей

[2] Они встречены лишь в Чернигове, а в Киеве известны только 3 сирийских люстровых сосуда.

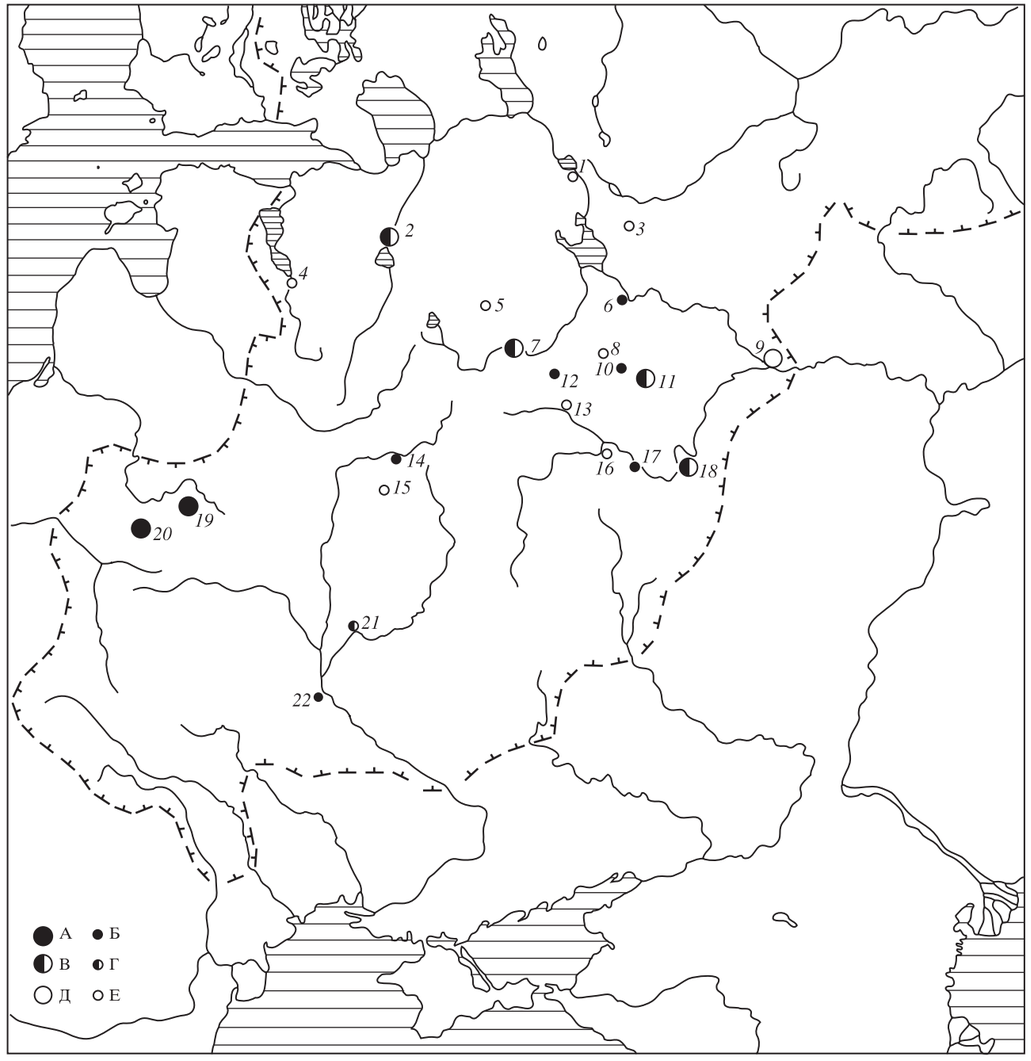

Рис. 65. **Места находок люстровых фаянсов и полуфаянов на Руси**

А, Б – пункты с находками керамики домонгольской эпохи (А – 10 более находок; Б – менее 10 находок); В, Г – пункты с находками домонгольской и ильханской эпох (В – 10 и более, Г – до 10); Д, Е – пункты с находками керамики ильханской эпохи (Д – 10 и более; Е – до 10)

1 – Белоозеро; *2* – Великий Новгород и Рюриково городище; *3* – Вологда; *4* – Псков; *5* – Торжок; *6* – Ярославль; *7* – Тверь; *8* – Ростов; *9* – Нижний Новгород и селище Ближнее Константиново 1; *10* – Суздаль; *11* – Владимир; *12* – Дмитров; *13* – Москва; *14* – Смоленк; *15* – Мстиславль; *16* – Ростиславль Рязанский; *17* – Переяславль-Рязанский; *18* – Старая Рязань; *19* – Новогрудок; *20* – Волковыск; *21* – Чернигов; *22* – Киев

с Ираном (в отличие от Византии и Сирии). Следовательно, она могла проникать в русские земли только по торговым каналам. Вероятно, этот импорт был непосредственно связан с русско-булгарской торговлей, в которую был вовлечен прежде всего Северо-Восток Руси, тогда как с прекращением функционирования сухопутной караванной трассы Булгар – Киев в XI в. южнорусские земли оказались в значительной степени изолированы от этой торговли.

Наряду с люстровыми фаянсами, на Русь привозились из Ирана *фаянсы типа “минаи”* (известные в Старой Рязани, Владимире, Чернигове, Гродно) и *полуфаянсы с черно-синей росписью*. Импорт всей

этой высокохудожественной керамики на Русь – один из самых загадочных эпизодов русско-восточных культурных связей. Безусловно, к концу XII в. русская аристократия уже была эстетически подготовлена для восприятия восточной художественной культуры и расписные фаянсы могли положительно восприниматься в ее среде. С другой стороны, торговля такими дорогими и в то же время хрупкими изделиями могла вестись только в том случае, если существовал конкретный заказ на подобные вещи, иначе затраты на транспортировку не могли бы окупиться. Есть и еще один важный аспект: в хронологически бесспорных домонгольских контекстах иранские люстры встречены только в Новогрудке и отчасти – в Старой Рязани (в других публикациях этот контекст не обоснован). Зато в Твери на кремлевском раскопе 11 они обнаружены в контекстах конца XIII – первой половины XIV в., что позволило допускать возможность привоза этих сосудов из Ирана уже в золотоордынскую эпоху представителем степной аристократии, проживавшим в русском городе в качестве чиновника ордынской администрации. Несмотря на это, основная масса иранских люстров конца XII – начала XIII в. попала на Русь все же именно в домонгольскую эпоху.

Те разновидности керамики, для которых сейчас еще затруднительно точно установить, были ли они изготовлены в Иране или Сирии, выделены в сводную группу *керамики Ближнего и Среднего Востока*. В нее входят обломки бирюзовых неорнаментированных фаянсов из Старой Рязани, бирюзовых и ультрамариновых неорнаментированных полуфаянсов, найденных в Великом Новгороде, Старой Руссе, Суздале, Муроме, Старой Рязани и Киеве, белых и бирюзовых полуфаянсов, украшенных гравировкой из Новгорода и Суздаля, а также бирюзовые полуфаянсы с гравировкой и плоской резьбой из Новгорода, Мурома, Старой Рязани, Новогрудка и Киева. Кроме того, в эту же группу входили сфероконусы, находки которых известны сегодня в Великом Новгороде, Твери, Владимире, Киеве, Чернигове и других пунктах.

Импорт *керамики Волжской Булгарии* переживает в XII–XIII вв. настоящий расцвет. Развитие торговых связей Владимиро-Суздальского, Муромского и Рязанского княжеств с этой страной, а также военные конфликты с ней, сопровождавшиеся походами русских дружин в Поволжье, привели к широкому распространению булгарской керамики на Северо-Востоке (она известна здесь не только в городах, но и на селищах). Не исключено, что значительная ее часть использовалась как тара для перевозки продовольственных товаров (зерна, масла и т.п.) (*Валеев*, 1986. С. 28). Но за пределы Северо-Восточной Руси булгарская керамика не выходила.

Итак, в XII – начале XIII в. на Руси происходил невиданный рост импорта восточной керамики, вызванный экономическим подъемом страны, обогащением княжеско-боярского сословия и образованием в городах прослойки богатого купечества. Одновременно росло богатство церкви, являвшейся одним из крупных потребителей импортной керамики. Основная масса тарной керамики шла в это время из Византии, а художественная глазурованная столовая и парадная посуда ввозилась в основном из Ирана и стран Ближнего Востока (Сирия, Египет). При этом иранская керамика доставлялась по торговым каналам Волжским путем, а ближневосточная привозилась, вероятно, христианскими паломниками через Византию.

В целом домонгольская эпоха характеризовалась динамичным развитием импорта восточной керамики, формированием широких торговых связей с Византией и постепенным ростом популярности художественной посуды Ближнего и Среднего Востока. В то же время, этот импорт был обусловлен, в первую очередь, политическими и зависившими от них культурными факторами: военными столкновениями с последующим привозом на родину захваченной добычи, участием русских воинов в политической жизни Византийской империи, культурным влиянием этой страны (через церковную организацию, аристократическую моду) на общественную жизнь новообразовавшегося русского государства. Экономические факторы (обогащение социальных верхов и появление у них возможности покупать дорогие привозные товары) играли важную роль, но они включались в действие только тогда, когда созревали культурно-политические условия для развития торговли такими нетривиальными предметами, как столовая посуда и пищевые продукты в керамической таре.

3. КЕРАМИКА ВОСТОКА НА РУСИ В ЗОЛОТООРДЫНСКУЮ ЭПОХУ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII–XV вв.)

Монгольское нашествие, разорение Руси и подчинение ее государству Джучидов (Золотой Орде) внесло существенные изменения в процесс и состав импорта восточной керамики на Русь. В пределах золотоордынской эпохи выделяются два этапа:

1. **Раннезолотоордынский** (середина XIII – первая треть XIV в.), характеризующийся полным подчинением почти всей территории Руси монгольской администрации и относительно слабым экономическим развитием Джучидского государства.

2. **Позднезолотоордынский** (середина XIV–XV в.), отмеченный постоянным уменьшением зависимости Руси от Золотой Орды, ростом экономического потенциала русских земель и расширением их внешней торговли. Одновременно произошел кратковременный экономический расцвет Золотой Орды (вторая треть XIV в.), за которым последовал ее политический и экономический упадок, закончившийся в XV в. окончательным развалом этой империи.

На первом этапе золотоордынской эпохи произошли существенные изменения в объемах и направлениях импорта восточной керамики в русские земли. Прежде всего, почти полностью прекратился импорт византийской амфорной тары. Единичные находки амфор этого времени известны в Старой Рязани и Киеве. Погреб с амфорами и пифосом в Лебедяни маркирует, вероятно, путь, по которому торговля причерноморским вином еще продолжалась в середине – второй половине XIII в. (*Коваль, Надов*, 2007). В результате, впервые за все время существования Руси количество ввезенной поливной посуды оказалось больше неполивной (как столовой, так и тарной). Хотя объем импорта поливной посуды оставался примерно на том же уровне, что и в XII – первой трети XIII в., изменился ассортимент ввоза и сам его характер. Прежде всего, полностью прекратился импорт керамики из Египта, резко сократился ввоз сирийской глазурованной керамики, но иранская посуда продолжала поступать почти в том же объеме, что и раньше. Главным же новшеством стало появление на Руси значительного количества керамики причерноморского производства (из Крыма и иных центров Северного Причерноморья). Эта посуда представлена широким набором разнообразных изделий, изготавливавшихся в рамках провинциально-византийской традиции керамического производства: бирюзовая майолика и ординарная полумайолика без дополнительного декора или с подангобным декором, керамика “сграффито” под желтой глазурью или с полихромной росписью глазурями желто-коричневого и зеленого цвета. Наконец, встречена полумайолика с росписью ангобом и пятнами пурпурного цвета, а также с рельефно-каннелированным декором. Находки этой керамики происходят из десятка городов Руси (Великого Новгорода, Твери, Москвы, Владимира, Коломны, Переяславля-Рязанского, Пронска, Серенска, Киева и др.), располагавшихся не только на Юге (в географической близости от Причерноморья), но и на Северо-Востоке Руси. Северопричерноморское происхождение имеют и находки неполивной столовой керамики (в основном, кувшинов) из Москвы и ряда неукрепленных русских поселений в Среднем Подонье, располагавшихся на границе с золотоордынскими землями.

Импорт *иранской керамики* несколько уменьшился в количественном отношении и изменился структурно по сравнению с домонгольской эпохой. Люстровые фаянсы продолжали являться важной статьей импорта, но они уже не занимали доминирующего положения. К тому же область их распространения значительно сузилась и для этого времени они известны только в Великом Новгороде, Твери, Владимире, Ростиславле Рязанском и Нижнем Новгороде. В то же время, появляется керамика типа “ладжвардина” (и вариант такой керамики с бирюзовой глазурью), найденная в Великом Новгороде, Витебске, Твери, Суздале, Переяславле-Рязанском и Киеве. Наконец, в Новгороде, Москве, Твери, Суздале и Серенске появляются полуфаянсы с подглазурной полихромной (синей, черной или зеленой, пурпурной) росписью – так называемые изделия “султанабадского” типа.

Правда, имеется еще заметная серия импортов, происхождение которых остается спорным и может быть связано как с Ираном, так и с Сирией. Речь идет прежде всего о люстровых полуфаянсах с ультрамариновой и бирюзовой глазурями, которые традиционно считаются сирийской продукцией. Однако состав их глазурей заметно отличается от достоверно сирийских, что заставило сомневаться в однозначности этой атрибуции (см. раздел 1). Такая керамика найдена в 13 пунктах на Северо-Востоке и Северо-Западе Руси, а также в Чернигове (рис. 65), но она не известна пока на остальных территориях страны. Вероятно, импорт этих изделий осуществлялся по Волжскому пути (во всяком случае – через Орду), т.е. скорее всего он происходил из Ирана.

В раннезолотоордынское время впервые на Руси появляется *среднеазиатская* кашинная *керамика* с подглазурной полихромной росписью и *китайские селадоны*. Обломки селадонов этого времени найдены во Владимире и Чернигове. Китайское происхождение имела также своеобразная голубая майолика “Цзюнь-яо”, обломки которой (от одного блюда) были найдены во Владимире.

Керамика Волжской Булгарии в рассматриваемый период еще поступала в районы ее традиционного импорта на Северо-Востоке Руси, однако количество этих поступлений резко упало. Немногочисленные обломки ее найдены в Ростове, Твери, Москве, Ростиславле.

Обращают на себя внимание четыре обстоятельства:

1. При явном сокращении (как в физическом, так и стоимостном объеме) торговых связей с Византией и резком уменьшении импорта из стран Ближнего Востока (видимо, в связи со свертыванием паломничества в “Святую Землю”), объем импорта дорогостоящей глазурованной керамики из Причерноморья не только не сократился, а сильно вырос.

2. Причерноморская и византийская поливная керамика появилась не столько в Южной Руси, территориально близкой к Причерноморью, сколько на удаленном Северо-Востоке.

3. Импорт иранской керамики несколько сократился за счет сужения ассортимента, в составе которого осталась практически только люстровая посуда, однако территория распространения этого импорта почти не сузилась. Вместе с иранской керамикой в Северо-Восточной Руси впервые появилась среднеазиатская и китайская поливная посуда.

4. Находки восточной керамики на Северо-Востоке составляют более 80% всего ее импорта на раннезолотоордынском этапе.

Все эти факты невозможно объяснить внезапно развившейся торговлей дорогой посудой между Причерноморьем и Северо-Восточной Русью, поскольку после Батыева нашествия и ряда последующих разорений эта часть Руси имела наименьшее количество внутренних ресурсов для осуществления такой торговли. Напомним, что первое летописное сообщение о “гостях-сурожанах” датируется только 1356 г. (*Сыроечковский*, 1935. С. 17), так что на раннезолотоордынском этапе эта корпорация русских купцов, ведших крупную внешнюю торговлю, еще только формировалась и набирала силы. Следовательно, вся эта керамика попадала на Русь, скорее всего, не по торговым каналам. В этом случае единственным объяснением широкого распространения на Руси (притом, в первую очередь – в Северо-Восточной Руси) дорогой восточной керамики причерноморского, иранского, китайского (и т.д.) происхождения может быть только привоз ее сюда чиновниками ордынской администрации (баскаками, численниками, даньщиками и пр.), приезжавшими на Русь вместе с семьями и подолгу проживавшими в русских городах. При этом речь идет не о высшем эшелоне этой аристократии, пользовавшейся сосудами из драгоценных металлов, а о более широком слое чиновников среднего и низшего уровней. Роскошная поливная посуда украшала быт этих чиновников в Орде и у них не было оснований расставаться с ней при поездках на Русь. Приобретавшаяся у купцов и производителей в Судаке, Солхате, а также в крупнейших торговых центрах Поволжья (Болгар, Сарай), эта посуда прибывала в русские земли не как товар, а в качестве личного имущества ордынцев. Северо-Восточная Русь стала основной зоной распространения всей этой керамики потому, что именно здесь ордынская администрация существовала наиболее длительное время и в значительных масштабах. На юге Руси такая администрация была довольно быстро ликвидирована, но и здесь восточная керамика встречается только в тех местах, где ордынские чиновники присутствовали несомненно: стольные грады Киев, Чернигов, а также Ратское городище под Курском, отождествляемое с одной из “Ахматовых слобод”. Не случайно, видимо, в тех же городах, где найдена восточная керамика рассматриваемого периода, находят бронзовые кочевнические зеркала (Владимир, Серенск, Ростиславль-Рязанский, Чернигов), которые были чисто женским атрибутом, и каменные кочевнические котлы (Владимир, Старая Рязань). Появление в некоторых районах Руси в это время большого количества кашинных бус также связывается исследователями с деятельностью ордынцев (в данном случае, вероятно, купцов) (*Лесман*, 1994. С. 192–193).

Таким образом, на раннезолотоордынском этапе импорт восточной керамики на Русь по сути дела полностью прекратился (т.е. сама Русь такого импорта почти не осуществляла), а те находки восточной керамики, которые известны для этого времени на ее территории, относятся к утвари, привезенной сюда ордынцами как свое личное имущество. Безусловно, эти вещи также являются импортом, но импортом весьма своеобразным, свидетельствующим о реальном присутствии ордынцев в русских городах (само это присутствие хорошо известно по летописным данным). Вместе с тем, какая-то часть такой керамики могла переходить разными путями от ордынцев к князьям и русской аристократии, которые могли и сами привозить подобную посуду из своих поездок в Орду, но выделить сейчас эту долю из совокупного объема находок почти невозможно, поскольку ордынские дворы находились там же, где и княжеские – в городских детинцах. Наконец, поливная художественная керамика могла использоваться и церковью, в том числе и как литургическая посуда. На это указывает несколько более поздний по времени клад под полом Благовещенского собора Московского Кремля (*Панова*, 1996. С. 63).

На втором этапе золотоордынской эпохи (с середины XIV в.) в импорте восточной керамики произошли новые существенные изменения. Во-первых, еще более сократился ввоз византийской поливной и булгарской неполивной керамики, резко сократился импорт всех видов иранских изделий, но зато повсеместно на Руси появилась золотоордынская поливная посуда поволжского производства. Объем ввоза этой керамики был столь велик, что составил 4/5 всего керамического импорта на данном временно́м этапе и 75% всего импорта поливной восточной керамики на Русь с X по XVII в. (рис. 66). Заметно увеличился также ввоз китайской, среднеазиатской керамики и впервые появилась поливная керамика закавказского производства. Все эти разновидности импортов смогли достигнуть Руси только благодаря посредничеству Золотой Орды, на рынках которой вращалось огромное количество товаров (включая поливную посуду) из соседних стран.

Впрочем, уже в последней четверти XIV в. произошло резкое снижение импорта восточной поливной посуды, связанное с прекращением массового производства художественной керамики в золотоордынских городах Поволжья, вступивших в полосу упадка после начала так называемой “великой

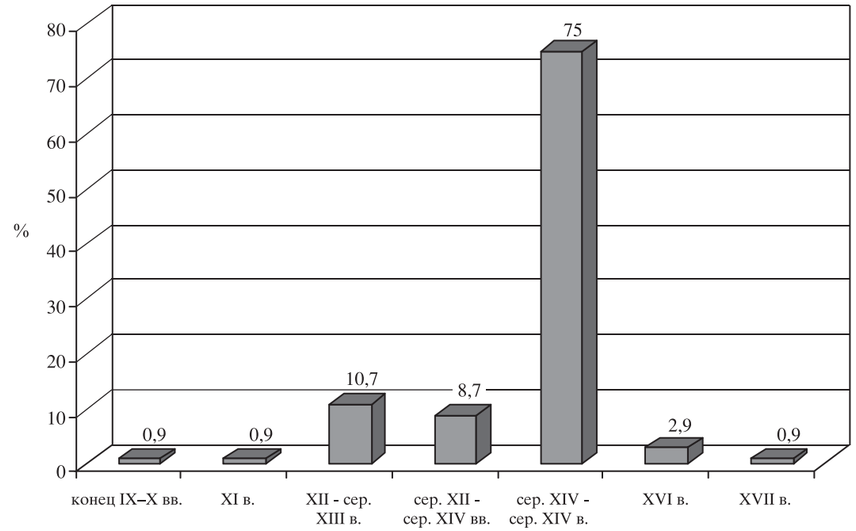

Рис. 66. **Динамика импорта восточной поливной керамики на Русь**

замятни” (феодальной войны 1360–1370-х годов) и обезлюдевших после их разрушения войсками Тимура в 1390-х годов. Из этого следует, что 75% всего средневекового импорта восточной поливной посуды было ввезено на Русь менее чем за полстолетия.

Керамика Причерноморья в это время продолжала ввозиться на Русь, но объем ее импорта заметно уменьшился по сравнению с предшествующим этапом. Сократилась и зона ее распространения, которая включала теперь только Москву, Тверь, Нижний Новгород, Коломну, Переяславль-Рязанский, Владимир-на-Клязьме, Киев, Владимир-Волынский, Луцк. В этот период на Русь ввозилась недекорированная полумайолика с бесцветной и зеленой глазурями, зеленая полумайолика с подангобной гравировкой, изделия с орнаментацией “сграффито”, в том числе с расцветкой полихромными глазурями, полумайолика с росписью ангобом. В некоторые города (Москва, Нижний Новгород, Тверь, Белоозеро, Пронск и др.) поступала тисненая керамика, в том числе глазурованная. Следовательно, из Причерноморья на Русь в XIV–XV вв. ввозилась в основном дешевая ординарная поливная посуда, а не богато орнаментированные высокохудожественные изделия. Последние, впрочем, также известны в виде незначительных серий: это византийская посуда, декорированная в выемчатой технике, а также 4 испанские люстровые чаши, обломки которых найдены в Москве. Последние привозились в Причерноморье генуэзскими купцами и попали в Москву по путям “сурожской” торговли, расцвет которой как раз приходится на вторую половину XIV–XV в. (*Сыроечковский*, 1935. С. 41).

Сирийская керамика представлена на данном этапе всего двумя, но зато целыми, чашами из клада в Благовещенском соборе Московского Кремля (*Коваль*, 2005е). Эти сосуды уникальны не только для Руси, но и для всей Восточной Европы, включая Золотую Орду. Хотя они относятся к большой и широко распространенной группе расписных полуфаянсов, их декор весьма специфичен и за пределами Сирии не встречается. Появление этих чаш в Москве может быть связано с теми контактами, которые существовали у русской церкви с Антиохийской и Иерусалимской патриархиями.

Иранская керамика для позднезолотоордынского времени известна в ограниченном количестве в Великом Новгороде, Твери, Москве, Владимире, Рязани, Нижнем Новгороде, Киеве, т.е. в крупнейших городах Руси. К ней относятся образцы поздней разновидности фаянсов “минаи” и полуфаянсов “ладжвардина”, а также обломки фаянсовых и полуфаянсовых сосудов с подглазурной или внутриглазурной синей росписью. Возможно, из Ирана (или Средней Азии?) происходили и красноглиняные облицовочные плитки с декором в стилистике “минаи” из Смоленска и Москвы. Иранская керамика могла приобретаться в поволжских центрах Золотой Орды, куда она доставлялась восточными купцами, однако не менее вероятен ее привоз русскими “гостями”, совершавшими дальние поездки, вплоть до Шемахи (*Сыроечковский*, 1935. С. 51). Наконец, некоторая часть ее могла попасть на Русь в качестве добычи от набегов ушкуйников (см. ниже).

Керамика Средней Азии представлена редкими типами изделий, находки которых известны только в Москве и Твери: это полуфаянсы с подглазурной

черно-синей или монохромной синей росписью самаркандского (?) происхождения (конец XIV – первая половина XV в.), чаша с подглазурной синей росписью и гравировкой, обломок белоглиняной чаши с подглазурной черной росписью (из Отрара?).

Керамика Закавказья впервые появляется на Руси именно в это время. Известны несколько находок в Москве и Переяславле-Рязнском – обломок зеленоглазурованного сосуда с резным ажурным декором и 3 обломка желтоглиняных тисненых (“штампованных”) сосудов, в том числе с вставками обломков кашинных полуфаянсовых изделий.

Китайская керамика представлена селадонами, найденными в Великом Новгороде, Твери, Владимире, Москве, Нижнем Новгороде, Киеве, Луцке, а в конце XV в. в Москве впервые появляется и китайский сине-белый фарфор.

Керамика золотоордынского Поволжья составляла подавляющую долю восточного керамического импорта на Русь. Она появилась здесь одновременно с началом ее массового изготовления в городских центрах Нижнего Поволжья во второй трети XIV в. и найдена практически во всех городах средневековой Руси и даже на крупных сельских поселениях (селища в Суздальском ополье[3] и Подмосковье – Мякинино-1 и 2), а также на загородных усадьбах князей и аристократии (Ближнее Константиново-1 около Нижнего Новгорода и Настасьино неподалеку от Коломны). Золотоордынская глазурованная керамика была представлена в русских землях теми же самыми типами, что и в Поволжье, причем в том же соотношении, как и в золотоордынских городах. На первом месте (1/4 импорта на Русь и, соответственно, сборов керамики на поволжских памятниках) стоят полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью и росписью ангобом. Полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью без росписи ангобом составляли около 1/6 этого набора, бирюзовые полуфаянсы с черной подглазурной росписью – 1/5. Остаток (около 1/3) приходился на мелкие группы керамики: “псевдоселадоны”, бирюзовые фаянсы с рельефной моделировкой тулова, полуфаянсы с монохромной синей росписью, полумайолику без дополнительной декорировки, с орнаментацией “сграффито” (под бесцветной, зеленой и желтой глазурями) и с различными типами росписи красками.

Кроме глазурованной керамики, на Русь из Золотой Орды поступала в это время красноглиняная красноангобированная и лощеная керамика (кувшины и корчаги), известная в Твери, Москве (и ее окрестностях), Коломне, Ростиславле Рязанском, Старой Рязани, Владимире и многих других городах Руси. Особенно много такой ординарной посуды известно в зонах, пограничных со степью (в основном, на юго-восточной окраине Руси). Здесь неглазурованная ордынская посуда присутствует даже на сельских памятниках, причем в заметном количестве, что связано с влиянием степной культуры в этих буферных зонах и присутствием ордынцев на пограничных русских поселениях.

Кроме перечисленных разновидностей ордынской керамики, известна еще тисненая (так называемая “штампованная”) керамика хорезмского происхождения, которая найдена в Белоозере, Твери, Москве, Переяславле-Рязанском, Пронске, окрестностях Нижнего Новгорода и на Волыни), а также сфероконусы (сосуды для транспортировки ртути и других ценных препаратов, благовоний).

Золотоордынская керамика известна сейчас более чем в 40 пунктах на Руси, но в подавляющем большинстве из них ее найдено всего по 1–2 обломка. Массовые находки такой керамики (90% всех находок) происходят всего лишь из семи мест – Великого Новгорода, Твери, Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода, Коломны, Переяславля-Рязанского, т.е. из крупнейших городов той эпохи.

Все это позволяет говорить о том, что на протяжении XIV в. в импорте на Русь восточной керамики произошли глобальные изменения. В связи с ликвидацией в начале этого столетия баскачества и смены прямого сбора дани ордынской администрацией на уплату князьями дани (“выхода”), ордынцы в основном исчезли с территории Руси (остались только послы со своим окружением), а в руках князей сосредоточились значительные богатства. Начавшаяся в Орде длительная междоусобная война и сокращение числа опустошительных набегов на Русь привели к экономическому подъему Северо-Восточной Руси. Еще более активно проходил процесс экономического развития на территории Великого княжества Литовского, почти не затронутого ордынскими разорениями. Таким образом, внеэкономический импорт восточной посуды ордынскими чиновниками прекратился и одновременно сложились условия для начала торговли восточной керамикой. Сформировалась мощная корпорация купцов-”сурожан”, торговавших как с Причерноморьем, так и с Поволжьем. С другой стороны, на Русь стали выезжать представители ордынской знати, вливавшиеся в ряды местной аристократии, крестившиеся, но в первом поколении выходцев еще сохранявшие, вероятно, обычаи и элементы образа жизни, характерные для их родины. Среди этих элементов было и употребление в быту поливной восточной посуды. С другой стороны, при массовом производстве такой посуды, ее стоимость, видимо, оказалась доступной не только князьям, но и аристократии, купцам, церкви (для литургических целей, как замена сосудам из драгоценных металлов). Вероятно, все эти причины и привели к массовому импорту на Русь поливной керамики золотоордынского Поволжья по *торговым каналам*, наводнившей русский рынок в середине XIV в.

[3] Неопубликованные материалы из раскопок Н.А. Макарова в 2000-е годы.

Главные покупатели этой керамики были сосредоточены в городах – центрах крупнейших земель и княжеств Северо-Восточной Руси, связанных с Поволжьем как политически, так и экономически. Однако уже с последней четверти XIV в. этот мощный поток керамического импорта резко сократился, причиной чему было запустение поволжских городов Орды и свертывание керамического производства. Характерно, что наиболее поздняя (конца XIV в.) продукция мастерских Сарая ал-Махруса (Селитренное городище) на Руси почти не известна.

Надо, впрочем, заметить, что торговля не была единственным каналом импорта золотоордынской керамики на Русь даже в самые благоприятные для нее времена. Существовали и иные способы приобретения такой керамики. Одним из них был захват добычи во время набегов ушкуйников, опустошавших города Поволжья в 1360–1370-е годы. Именно с этими грабительскими мероприятиями можно связывать внезапное появление большого числа находок поволжской кашинной керамики в Великом Новгороде в 1360-е годы (*Коваль*, 1997б).

Проводниками поволжской керамики в северно-русские земли (Псков, Белоозеро) и во владения Литвы (Лукомль, Друцк, Чернигов, Киев и другие) были, вероятно, купцы-”сурожане” (московские, тверские, коломенские и т.д.). Не исключено, что золотоордынские чаши поступали и в виде подарков или военной добычи, захваченной при столкновениях Литвы с Москвой. Заметим в этой связи, что количество находок золотоордынской поливной посуды в литовско-русских землях ничтожно мало и сопоставимо с числом находок восточной керамики на Руси в X–XI вв., когда она поступала сюда по внеэкономическим каналам или как разовые (случайные) приобретения паломников. С другой стороны, тесные связи Литвы с Западной Европой создавали естественный диктат европейской моды на различные типы столовой керамики (чернолощеной, глазурованной рейнской, итальянской майолики и др.), служившие реальной альтернативой восточной посуде.

Китайская керамика, видимо, ввозилась вместе с поволжской, поскольку продавалась на тех же рынках ордынских столиц. Вместе с прекращением функционирования этих рынков в начале – первой половине XV в. прекратился и подвоз этой керамики. Тем не менее, отдельные ее образцы все же достигали Руси, надо полагать, в результате случайных (как торговых, так и внеэкономических) поступлений.

По сравнению с полихромной керамикой Поволжья, причерноморская полумайолика, в основном монохромная, выглядела значительно скромнее и ее импорт вообще не имел бы места, если бы не постоянные поездки купцов-”сурожан” в Крым. Поливная керамика была там вещью обыденной, не слишком дорогой и вполне могла покупаться попутно, не на продажу, а для личного обихода, или как недорогой подарок, ценность которого на Руси возрастала неизмеримо. Видимо, именно по этой причине причерноморская керамика в XIV в. начинает встречаться в тех городах, которые вели постоянную торговлю с югом (Москва, Коломна, Рязань), а также в приграничных пунктах Южной Руси (Соколец). Некоторое оживление импорта причерноморской керамики могло произойти только в начале XV в., после прекращения ввоза поволжских полуфаянсов, однако к этому времени на Северо-Востоке, видимо, уже возникло собственное производство поливной керамики, удовлетворявшее скромные еще потребности местной аристократии в красивой парадной посуде (*Коваль*, 2008).

Основными каналами торгового импорта восточной керамики являлись в рассматриваемый период Волжский и Донской пути, а также Днепровский путь (*Сыроечковский*, 1935. С. 44), которым могли пользоваться и западнорусские купцы при поездках в Турцию и Крым (*Бадян, Чиперис*, 1974. С. 184; *Крот*, 1988. С. 88).

В целом, золотоордынская эпоха явила собой период резких изменений во всех сферах русско-восточных связей, одним из аспектов которых был импорт золотоордынской (как по месту изготовления, так и по месту приобретения) керамики. В начале этой эпохи резко сократились связи с Византией. Прекратился импорт на Русь всякой поливной восточной керамики. Однако очень скоро разнообразная (в том числе и такая, какой раньше в Восточной Европе никогда не видели, например, китайская) восточная керамика вновь появилась на Руси, но начало этому импорту положили, видимо, ордынские чиновники, появившиеся в Северо-Восточной и некоторых районах Южной Руси. В пользовании у них находилась керамика из всех завоеванных монголами стран – Крыма, Ирана, Средней Азии, Китая. Но поскольку ближайшие центры производства поливной керамики находились в Причерноморье, а наиболее роскошная (люстровая) керамика изготавливалась в Иране, именно причерноморская и иранская поливная посуда пользовалась у этих чиновников наибольшей популярностью. Последовавшая вскоре ликвидация баскачества и экономический подъем Руси обусловили быстрое развитие русско-ордынской торговли, одной из статей которой была относительно недорогая поливная посуда поволжского производства, объем ввоза которой многократно превысил импорт поливной керамики на Русь за все предшествующее время. Но этот импорт закончился так же внезапно, как и начался, стоило только прекратиться поволжскому керамическому производству.

Вместе с прекращением жесткой зависимости Руси от Орды, одним из проявлений которой были регулярные выезды князей и их окружения в ханскую ставку, восточная керамика на Руси быстро те-

ряет привлекательность для вчерашних ее потребителей, ее количество резко сокращается. Как ни удивительно, этот процесс происходил в условиях общей "ориентализации" культуры Московской Руси (полное усвоение степного вооружения, одежды и обуви, методов ведения боя, украшений и т.п.). Причины тому видятся в целом ряде факторов:

– удорожание таких импортов в связи с их поступлением издалека через ряд посредников в неблагоприятных политических условиях (войны в степях);

– снижение авторитета степной элитарной культуры после ослабления вассальной зависимости Руси от степных государственных образований;

– усиление контроля Москвы за торговлей со странами Востока, регламентация этой торговли, нацеливание ее на импорт восточных тканей, дававший максимальную прибыль.

Уже с начала XV в. восточная керамика становится все более редкой в русских городах. Интересно, что почти все разновидности такой керамики, бытовавшие в Казани ханского периода (*Коваль*, 2006б), на территории Руси не известны.

Эпоха распространения золотоордынской керамики на Руси была недолгой, но она оставила яркую страницу в ее истории. Импорт такой керамики оказал определенное влияние на развитие русской столовой посуды (как поливной, так и обычной), на орнаментику парадной керамики и, возможно, на какие-то стороны ментальности по крайней мере аристократических сословий, пользовавшихся восточной столовой посудой. Вся последующая история русской поливной посуды в XV–XVII вв. – это цепь попыток создания близких по внешнему облику изделий (вплоть до копирования форм и техники декора).

3.4. КЕРАМИКА ВОСТОКА НА РУСИ В ЭПОХУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

(XVI–XVII вв.)

Эпоха существования Московского централизованного государства, начавшаяся после освобождения Северо-Восточной Руси от вассальной зависимости от Золотой Орды (1480 г.), закончилась в связи с реформами Петра I на рубеже XVII–XVIII в., приведшими к образованию Российской империи. Синхронно с Московским государством происходило развитие западнорусских земель, вошедших в состав Польско-Литовского королевства (Речи Посполитой).

Внутри этой продолжительной эпохи выделяются два этапа:

1) период динамичного развития Московского и Польско-Литовского государств в XVI в., закончившийся "смутным временем";

2) период дальнейшего развития Московского царства и дестабилизации Речи Посполитой на протяжении XVII в.

На первом этапе этой эпохи произошло заметное (более чем в 20 раз) снижение объема импорта восточной керамики по сравнению с предшествующей золотоордынской эпохой. Однако, если не учитывать керамику золотоордынского Поволжья (помня об исключительных условиях, в которых проводился ее импорт), эта картина будет выглядеть иначе и сокращение импорта станет гораздо менее заметным (примерно в 2 раза), а если иметь в виду плохую археологическую изученность позднесредневековых отложений, то, возможно, импорт восточной керамики оставался даже на прежнем уровне. В то же время, структурные сдвиги в этом импорте очевидны: полностью прекратился импорт причерноморской керамики, что объясняется, видимо, окончанием "сурожской" торговли в начале XVI в. из-за обострения отношений с Крымским ханством и ликвидацией генуэзских колоний в Причерноморье. Но при этом начался приток поливной керамики из Османской Турции и произошло возрождение иранского импорта.

Турецкая керамика представлена на Руси полуфаянсами с полихромной и монохромной синей росписью, производившихся в основном в городе Изник. Основная масса этой керамики найдена в Москве, единичные образцы известны в Дмитрове, Коломне, Рязани, Ярославле и Нижнем Новгороде. Очевидно, что главные потребители роскошно украшенной турецкой керамики находились в Москве. Такими потребителями были царский двор и богатейшее боярство (находки в Кремле и Зарядье, на дворе бояр Романовых и в других местах). Для торговых связей с Турцией продолжал использоваться Донской путь, однако все большее значение в это время начинают приобретать сухопутные трассы через Молдавию, Киев и Путивль (*Довнар-Запольский*, 1910. С. 5, 11), использовавшиеся греческими купцами, игравшими главную роль в русско-турецкой торговле того времени (*Котошихин*, 1884. С. 165).

В западнорусских землях турецкая керамика пока не известна, однако можно не сомневаться в том, что эта керамика туда ввозилась, поскольку описи имущества польско-литовских магнатов пестрят упоминаниями изразцов (кафлей) "турецкой работы". Даже если эти термины, как полагают исследователи, служили для обозначения местных полихромных изразцов (*Ганецкая*, 1995. С. 60), их возникновение не могло произойти без реального бытования здесь турецких прототипов. Ряд поливных сосудов украинско-белорусского производства прямо копирует форму турецких: это, например, кружки с ручками своеобразной формы (*Ганецкая*, 1995. Мал. 10). Известно, что в XVI в. торговые связи Речи Посполитой с Турцией были весьма оживленными. Сухопутными дорогами польские купцы добирались до Стамбула и Бурсы (*Кривонос*, 1991. С. 30).

Иранская керамика XVI в. представлена полуфаянсами с черно-синей и монохромной синей подглазурной росписью. Кроме немногочисленных археологических находок в Москве, иранские импорты упоминаются в письменных источниках. В частности, сохранились сведения о привозе царю Федору Ивановичу в 1585 г. бухарским посольством "ценинной" (т.е. поливной) чаши "с травами навожена золотом" – видимо, с люстровой росписью, т.е. иранского производства (*Чулошников*, 1932. С. 98). Сосуды с точно такой же росписью "золотом" (люстром?) по "лазоревому" фону указаны в описи имущества 1589 г. Бориса Годунова (*Фехнер*, 1956. С. 93). Два блюда и три разноцветные чаши с росписью травами являлись вкладами братьев Строгановых в Сольвычегодский Благовещенский собор (воздвигнут в 1560 г., опись имущества составлена в 1579 г.) (*Савваитов*, 1886. С. 77). Среди списков подарков иранского шаха московскому царю, привезенных посольствами с 1589 по 1621 г. значатся "чаши и кувшины ценинные" (*Шпаковский*, 1915. С. 43). Так, в 1591 г. иранское посольство доставило в Москву "кувшинец, блюдечки и чаши ценинные" (*Веселовский*, 1890. С. 157). Кроме этих зарегистрированных случаев импорта, допустимо предполагать достаточно обильный поток аналогичной керамики, ввозившейся русскими купцами, ездившими в Иран и Среднюю Азию, либо восточными купцами, приезжавшими в Москву (*Костомаров*, 1862. С. 111; *Чулошников*, 1932. С. 79). Единственным путем ввоза этой керамики был каспийско-волжский путь.

Керамика Средней Азии известна для рассматриваемого периода только в Дмитрове, в музее которого экспонируются 6 обломков расписной полумайолики с бесцветной и бирюзовой глазурями (*Коваль*, 2002а). Правда, уникальность дмитровских беспаспортных образцов заставляет относиться к ним с сугубой осторожностью, допуская вариант случайного их попадания в фонды из частной коллекции, не имеющей никакого отношения к культурному слою города, а привезенной в новейшее время из Средней Азии. По этой причине данная группа находок не включена в публикуемый свод.

Китайская керамика (обломки селадонов Минской эпохи) встречена в позднесредневековых слоях при раскопках в Москве и Рязани. Доставлялась эта керамика через Среднюю Азию либо по путям прямых торговых связей с Китаем через Западную Сибирь. Следует заметить что селадоновые чаши, найденные в Благовещенском соборе Московского Кремля, датировавшиеся М.В. Фехнер XVI веком (1956. С. 94), вероятно, относятся к более раннему времени, поскольку все остальные сосуды этого клада датируются XIV–XV вв. В то же время нет оснований для сомнений в продолжении импорта на Русь китайской керамики и в XVI в., на что указывает, например, фарфоровая бутыль с синей росписью, принадлежавшая царевичу Ивану Ивановичу.

Для второго этапа рассматриваемой эпохи (XVII в.) восточная керамика известна крайне фрагментарно из-за неудовлетворительной изученности городских культурных слоев этого времени. Однако там, где подобные исследования проводились, такая керамика обнаруживается. В настоящее время она известна в Москве (7 находок иранских сосудов и 3 – китайских), Коломне и Нижнем Новгороде (находки иранского люстра).

Иранская керамика представлена обломками люстровых полуфаянсов сефевидской эпохи, полуфаянсов с полихромной, черно-синей или монохромной синей росписью, а также полуфаянсами с черной росписью под бирюзовой глазурью.

Китайская керамика найдена только в Москве. Это обломки двух селадоновых чаш и один обломок фарфорового псевдоселадона.

На основании столь скудных данных невозможно делать какие-то выводы о масштабах восточного керамического импорта и путях его проникновения на Русь. Однако по письменным источникам известно, что китайский фарфор был довольно широко распространен в среде московской аристократии в конце XVII в. В описи Петровского дворца на Яузе, построенного в 1698 г. для Ф. Лефорта, упоминаются, например, 12 китайских блюдец (*Подольский*, 1951. С. 22).

В XVII в. существовала отлаженная система торговых связей с Ираном, Хивой и Бухарой через Каспийское море. Главным торговым центром на этом пути была Астрахань. Отсюда караваны отправлялись по Волге в Москву, которая была определена правительством в качестве единственного пункта, где восточные купцы могли вести торговлю с русскими. Правда, какая-то часть восточных товаров все же просачивалась сквозь все препоны и попадала к жителям иных русских городов. Об этом свидетельствуют единичные находки иранской люстровой посуды XVII в. в Коломне, Нижнем Новгороде и Казани. С середины XVII в. налаживается и прямая (а не опосредованная бухарскими и хивинскими купцами) торговля Руси с Китаем, осуществлявшаяся через Тобольск и Кяхту, куда

фарфоровая и “ценинная” (может быть, поливная среднеазиатская?) посуда привозилась крупными партиями (до 1000 предметов) (*Курц*, 1915. С. 152; *Вилков*, 1958. С. 108; *Кречетова*, 1958. С. 230).

В XVI–XVII вв. произошли важные изменения в русско-восточных связях. Отношения с Причерноморьем постепенно свертывались из-за напряженных политических отношений Московской Руси с Крымом и Турцией. При этом в XVI в. заметное количество турецкой керамики поступало в Москву, но поставки осуществлялись, видимо, по разовым заказам иноземными купцами. В гораздо большем объеме турецкая керамика, включая архитектурную, могла поступать в западнорусские земли, однако археологически этот импорт пока не зафиксирован.

В отношениях с Ираном и Средней Азией Московская Русь занимала монопольное положение, владея Волжским путем. Поэтому в западнорусских землях керамика Среднего Востока не была известна вовсе. Но и в Московской Руси, из-за централизаторской политики правительства, заинтересованного в таможенном контроле за передвижением купцов, все торговые связи оказались сосредоточены только в Астрахани и Москве. К тому же основную массу восточного импорта составляли шелковые ткани, а другие товары, в числе которых находилась и керамическая посуда, занимали второстепенное положение. Поэтому те немногие образцы ирано-среднеазиатской и китайской керамики, которые попадали на Русь, оседали в Москве и почти не выходили за ее пределы. Правда, в самой Москве эти изделия были, видимо, довольно широко распространены, так как встречаются в это время не только в царской резиденции в Кремле, но и в торговом районе Китай-города, а также на обширной территории Белого города и Земляного города, причем как на территориях усадеб аристократов, так и в районах слободской застройки (*Коваль*, 1997е).

В это время восточная керамика ввозилась не только по торговым, но и по иным каналам, в частности, в виде посольских даров государей Ирана, Хивы и Бухары русскому царю. Обмен дарами между правителями восточных государств и Руси приобрел в это время характер своеобразной межгосударственной торговли (*Чулошников*, 1932. С. 68–80).

В целом, московская эпоха характеризовалась установлением стабильных равноправных политических и торговых связей со странами Среднего Востока. Объем керамического импорта в это время не был велик, но точная его оценка сейчас невозможна из-за слабой изученности позднесредневековых слоев в городах Руси. Можно только догадываться о том, что действительный размер этого импорта был многократно больше, нежели известно сейчас по нескольким археологическим находкам.

Импорт керамики из стран Востока продолжался на Русь и в XVIII–XIX вв. О ввозе поливной керамики из Ирана свидетельствуют в это время архивные документы (*Юхт*, 1994. С. 45, 67). Из Стамбула, Балканских владений Турции и Крыма осуществлялся массовый ввоз красноглиняных лощеных курительных трубок, из Китая – разнообразной фарфоровой посуды. Однако он характеризовался принципиально новыми основами русско-восточных связей, в которых все большее место занимала посредническая торговля Европы с одной стороны и территориальная экспансия Российской империи на Восток – с другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе составления свода находок восточной поливной керамики на Руси удалось исследовать более 2200 образцов таких изделий, среди которых преобладал обломочный материал, но встречено и несколько десятков целых сосудов и археологически целых (полнопрофильных) форм. Кроме того, были собраны сведения о 16 000 обломков амфор (включая целые сосуды) и 2000 образцов (включая несколько десятков целых форм) иных неполивных сосудов столового и тарного назначения, найденных на территории Руси. Неемкостные изделия бытового назначения, декоративная, производственная и архитектурная керамика встречены на Руси в качестве единичных раритетов и попадали сюда явно по случайным причинам.

Изучение находок керамики восточного происхождения, известных на территории Руси и относящихся к эпохе Средневековья (конец IX–XVII вв.), проведенное в рамках систематического свода, позволило определить время и место изготовления этой керамики, наметить основные районы распространения такой керамики, сделать выводы о путях и способах ее проникновения на Русь в различные исторические эпохи.

Прежде всего, выявились основные регионы Востока, откуда производился импорт керамических изделий. Среди них наиболее видное место в домонгольскую эпоху занимают Византийская империя (и связанные с ней политически и культурно страны Причерноморья), Иран, Волжская Булгария, а в период подчинения Руси монгольскому государству – золотоордынское Поволжье. Кроме того, импорт керамики проводился на Русь из Сирии, Египта, Средней Азии, Закавказья, Китая, Османской Турции.

Каждый из перечисленных регионов поставлял на Русь свой особенный ассортимент изделий. При этом в разные периоды менялось соотношение ввозимых типов керамики и доля участия в этом ввозе различных стран Востока. Менялся также характер импорта и степень его влияния на русскую культуру.

В домонгольскую эпоху существования Русского государства происходило развитие политических, торговых и культурных связей Руси с миром Востока. Первостепенное значение в этих связях имела Византия, оказавшая огромное влияние на характер государственности Древней Руси и ее культурное развитие. Из Византии поступили на Русь первые образцы высокохудожественной поливной керамики, которые вместе с узорчатыми шелковыми тканями и ювелирными украшениями формировали представления о роскоши и влияли на эстетику древнерусской аристократии. Точно так же, как византийское ювелирное ремесло и иконописание оказывали воздействие на древнерусское искусство (*Макарова*, 1991. С. 33–34; *Медынцева*, 1991. С. 61), византийская художественная керамика вызывала подражания в русском производстве поливной посуды (*Малевская*, 1969б. С. 196, рис. 1, *12, 14*). Однако в целом византийская поливная посуда не получила на Руси широкого распространения из-за того, что на нее здесь, видимо, не было достаточного спроса: аристократия предпочитала посуду из драгоценных металлов, а городское население не имело ни средств для покупки такой керамики, ни соответствующих культурных запросов.

На самом раннем этапе становления древнерусского государства византийская и всякая иная восточная посуда использовалась только высшим княжеско-дружинным сословием, будучи захвачена как трофей во время походов на Константинополь, Крым и другие районы Востока либо получена в дар от византийских властей. Позже владельцами такой посуды стали представители церкви, нуждавшиеся в недорогих, но красивых вещах при совершении богослужений. Не исключено, что этой керамикой могли владеть и купцы, совершавшие поездки в Константинополь. Кроме того, поливная керамика могла доставляться на Русь по иным внеторговым каналам – как имущество переселенцев и паломников (*Даркевич*, 1975. С. 299).

В отличие от поливной посуды, неполивная керамика Византии (амфоры) не являлась самостоятельным предметом импорта, а служила тарой для перевозки вина и некоторых других продуктов. Главными потребителями вина являлись князья с их окружением и церковь. Христианизация Руси и необходимость совершения литургий в многочисленных храмах, число которых в древнерусских городах постоянно увеличивалось, вызвало потребность церкви в большом количестве виноградного вина, наличие которого при священнодействии являлось непременным. Именно это обстоятельство послужило главной причиной массового импорта

из Византии вина, вместилищем которого были амфоры. В амфорах же привозилось оливковое масло для лампад, возжигавшихся в церквях.

Естественным следствием укрепления в русских землях позиций христианства явилось распространение паломничества к святыням Византии и Палестины, чему способствовало также завоевание "Святой Земли" и Сирии крестоносцами. Из поездок в Палестину паломники привозили с собой не только сувениры типа свинцовых ампул со святой водой (*Седова*, 1994б), но и понравившуюся им красивую поливную посуду. Избирательность покупок определялась вкусами паломников и тем предложением, с которым они сталкивались. В XI–XII вв. наиболее богатым декором отличались на Ближнем Востоке сиро-египетская люстровая керамика и сирийская керамика типа "лакаби".

В то время, как с юга на Русь ввозилась амфорная тара, на северо-восточных рубежах государства развивалась торговля с Волжской Булгарией и арабским Востоком. В процессе этой торговли, главной целью которой для восточных купцов был вывоз из Руси пушнины, одним из предметов обратного товаропотока была высококачественная красноглиняная керамика. В XII в. через Волжскую Булгарию на Русь начинает проникать иранская художественная керамика, среди которой наиболее яркой разновидностью являлись фаянсы с люстровой росписью, получившие на Руси необычно широкое распространение. Иранские люстры достигли даже самых отдаленных западных рубежей Руси. Этому способствовал, вероятно, экономический подъем, переживавшийся русскими княжествами, который создал условия для появления во многих крупных городах средней прослойки (купцы, мелкая аристократия), ставшей потребителями дорогой и красивой (но все же менее дорогой чем золотая и серебряная) посуды восточного производства.

Основными путями, по которым осуществлялся ввоз восточной керамики в домонгольскую эпоху, были главные транспортные артерии того времени, проходившие по Днепру, Днестру, Дону и Волге. При этом византийский и сиро-египетский керамический импорт шел по первым трем путям, а иранский и волжско-булгарский – по Волге. Крупнейшими импортерами такой керамики были стольные города Киев, Великий Новгород, Чернигов, Суздаль, Старая Рязань. Впрочем, византийские амфоры с вином доходили практически до каждого древнерусского города и большинства крупных сельских поселений.

Динамика поступления византийской керамики не подтверждает предположений об ослаблении русско-византийской торговли в XII в. (*Рыбаков*, 1948б. С. 340). Напротив, в XII – начале XIII в. на Русь поступила почти 1/5 всей поливной и 90% амфорной керамики. Отсутствуют и какие-либо основания считать, что в XII–XIII вв. наиболее прочные связи с Византией были у Галицкой Руси (*Рыбаков*, 1948б. С. 340). Не выявлено и заметного сокращения в XII в. импорта византийской поливной посуды (*Даркевич*, 1985. С. 394). Если же учитывать не одну византийскую, а всю поливную керамику, то окажется, что именно на XII – начало XIII в. приходится 85% всего домонгольского импорта поливной посуды. Особо следует подчеркнуть полное отсутствие на Руси в это время керамики из Средней Азии и почти полное отсутствие крымской керамики. Известные тезисы о ввозе на Русь в это время "крымских" амфор и значительной роли в русской торговле Херсонеса проистекали из неточной атрибуции амфорного материала, который приписывался производству Херсонеса, тогда как в действительности амфоры изготавливались в различных районах Малой Азии. Вероятно, торговые связи в это время были установлены напрямую с Константинополем, а Херсонес занимал в них второстепенное положение.

В золотоордынскую эпоху в русско-восточных связях произошли коренные изменения, вызванные разорением русских земель монголо-татарским нашествием и установлением вассальной зависимости значительной их части от Золотой Орды. Главной отличительной чертой начального этапа этой эпохи был полный разрыв всех сложившихся торговых связей. Восточная поливная керамика не перестала поступать на Русь, но изменился характер импорта – теперь такую посуду стали привозить сюда представители ордынской администрации, использовавшие ее в своем быту. Именно этим обстоятельством может объясняться появление на разоренном Северо-Востоке Руси заметного количества византийской и причерноморской поливной посуды, которая ранее здесь почти не встречалась. Другим каналом поступления восточной керамики мог быть ее привоз из Орды русскими князьями, вынужденными часто и подолгу проживать при ханской ставке. Именно этой причиной объясняется появление на Руси китайской керамики, которая ранее не доходила сюда.

В XIV в. положение стало вновь меняться. С ослаблением зависимости Руси от Орды и начавшимся экономическим подъемом создались условия для формирования спроса со стороны княжеско-боярского сословия на восточную керамику, с которой оно уже успело хорошо познакомиться в предшествующий период. Налаженные связи с Ордой и наличие в Поволжье крупных производящих центров художественной керамики стали, видимо, основой для торговли такой керамикой в Северо-Восточной Руси, откуда она по торговым и неторговым каналам расходилась в другие русские земли. Уникальное сочетание условий привело к тому, что в первый и последний раз за всю эпоху средневековья на Русь хлынул настоящий поток восточной поливной посуды. Менее, чем за полстолетия сюда было привезено больше поливных сосудов, чем

за всю предыдущую и последующую (вплоть до XVIII в.) историю. Феодальная война 1360–1370-х годов в Орде, а затем полное крушение городской культуры золотоордынского Поволжья под ударами армий Тимура положили конец этому недолгому взлету восточного керамического импорта. Однако даже в период максимального расцвета русско-ордынской торговли поливной керамикой западные районы Руси, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, были в значительной степени изолированы от нее по понятным политическим причинам. Впрочем, и в Северо-Восточной Руси массовый импорт ордынской керамики не оставил заметного следа в материальной культуре русского городского населения, разве что стимулировав развитие собственного производства поливной посуды. Однако эта монохромная посуда не может идти ни в какое сравнение с художественными произведениями восточных мастеров.

Новая эпоха, последовавшая за освобождением теперь уже всей Руси от ордынской зависимости и образованием в Восточной Европе двух равновеликих политических объединений – Московского и Польско-Литовского государств – характеризовалась почти полной изоляцией второго от восточных связей и постоянным развитием таких связей у первого. Для Московской Руси главное значение имела торговля с Ираном и Средней Азией. Однако теперь восточная керамика занимала весьма малозаметное место в торговых связях, поскольку основной акцент этой торговли приходился на шелковые и хлопчатобумажные ткани.

В итоге хотелось бы выделить несколько важных выводов, касающихся импорта восточной керамики на Русь:

1. Отнюдь не весь восточный керамический импорт приходил на Русь по торговым каналам. Значительная часть поливной посуды поступала в порядке внеэкономического импорта. Торговля имела главное значение для ввоза амфор византийского круга (как тары для вина), неполивной керамики Волжской Булгарии, иранской люстровой керамики XII – начала XIII в., поливной посуды из золотоордынского Поволжья XIV в. и некоторых других более редких разновидностей восточной керамики. Внеэкономический импорт распадается по меньшей мере на 4 группы:

а) трофеи, захваченные при военных действиях, набегах и т.д. (византийская поливная и ближневосточная неполивная керамика из княжеских и дружинных погребений X в.; золотоордынская керамика, привезенная в Новгород ушкуйниками);

б) дипломатические дары и пожалования сюзерена вассалам (некоторая часть восточной керамики раннезолотоордынского периода; сирийская керамика XIV–XV вв., которая могла быть привезена в Москву как подарок по каналам церковных связей; часть ирано-среднеазиатской керамики XVI–XVII вв., привезенная посольствами);

в) личное имущество жителей Руси, приобретенное ими в странах Востока (византийская, сирийская и египетская керамика XI–XIII вв., доставленная паломниками в "Святую землю"; золотоордынская керамика, привезенная князьями и их окружением после поездок в Орду);

г) личное имущество переселенцев и иноземцев, временно проживавших на Руси (византийско-причерноморская, иранская и китайская керамика второй половины XIII – первой половины XIV в., привезенная на Русь баскаками и другими ордынскими чиновниками).

2. Восточную керамику, находимую на Руси, до сих пор часто называют "среднеазиатской", однако эта расхожая атрибуция в подавляющем большинстве случаев является ошибочной. Керамика из собственно среднеазиатских центров на Руси почти не известна. К тому же до XIV в. она сюда не ввозилась вовсе. В Восточной Европе домонгольского времени образцы такой керамики известны лишь в Биляре (*Валиулина*, 2005. Рис. 45, *5, 6*), Саркеле (*Макарова*, 1967. Табл. XII, *12*) и Нижнем Поволжье. Кашинная расписная керамика (полуфаянсы и фаянсы) золотоордынской эпохи ввозилась на Русь не из далекой Средней Азии, а из Поволжья, где существовали многочисленные центры производства такой керамики. Сходство между поволжской и среднеазиатской кашинной керамикой действительно существует, однако оно не является достаточным основанием для предположений об экономически неоправданном ввозе на Русь такой керамики из удаленных районов Золотой Орды при наличии близких производящих центров в столицах этого государства.

3. Недостаточно обоснованной является и гипотеза о ведущей роли Херсонеса в русско-византийских связях домонгольского времени. Уже давно была высказана мысль о том, что экономически и политически Русь была связана непосредственно с Константинополем (*Даркевич*, 1973. С. 96). Впоследствии было доказано, что многочисленные "корсунские" древности, известные на Руси, стали так называться только в XVII в. в результате целенаправленной политики церкви, направленной на подъем авторитета христианских святынь (*Poppe*, 1984. P. 71–104). Последним предлогом для завышенной оценки роли Херсонеса в русско-византийских связях оставались амфоры, для которых априорно предполагалось их крымское происхождение. Однако сегодня уже очевидно, что в XI–XIV вв. в Крыму амфоры изготавливали в крайне ограниченных масштабах, а основная масса этой тары приходила на Русь из различных районов Византии. Таким образом, следует признать, что роль Херсонеса в отношениях Руси с Византией была далеко не столь значительна, как это представлялось ранее.

4. Довольно часто в исследованиях можно встретить атрибуцию всякой керамики с люстровой рос-

писью в качестве “иранской”. Однако, как показало изучение люстровой керамики, на Русь она привозилась не только из Ирана, но также из Сирии, Египта и даже Испании. Иран был, несомненно, крупнейшим поставщиком этой красивой посуды начиная с конца XII в., однако далеко не единственным. Поэтому в каждом отдельном случае необходимо точное определение технологических и стилистических особенностей подобной керамики для верной ее атрибуции.

5. Вопросы происхождения многих разновидностей восточной керамики еще не до конца решены. Это ярко показала дискуссия об атрибуции фаянсов “минаи” ильханской эпохи (*Крамаровский*, 2005; *Волков*, 2006; *Коваль*, 2009), а также наше исследование глазурей восточной керамики, установившее различие химического состава образцов, приписывавшихся ранее одному региону (в частности, Сирии).

6. Импортная восточная керамика является не просто “свидетельством” внешних связей Руси: каждый сосуд, привезенный на Русь с Востока – это событие, зачастую связанное с личностями, оставившими свой след в истории. И хотя назвать имена этих лиц не всегда возможно, они не становятся от этого “неузнаваемыми”. Руководитель ли это похода в Закавказье, военачальник, погребенный в кургане, паломник в “Святую Землю”, князь Рюрикович, новгородский владыка, ордынский чиновник, московский царь или купец-“сурожанин”, это всегда конкретная личность. И хотя в подавляющем большинстве случаев приходится сталкиваться лишь с мелкими, переотложенными, зачастую трудноопределимыми обломками сосудов, надо помнить, что за каждым из них (за каждым!) стояла неординарная личность своей эпохи, потому что приобрести, сохранить в пути, любоваться, пользоваться такими сосудами мог лишь человек с особыми, своеобразными для своего времени взглядами на мир. Да, какими-то сосудами могли просто торговать, они могли переходить из рук в руки, в том числе руки, совершенно равнодушные к восточному узорочью или, напротив, привыкшие к еще большей роскоши – все это не меняет “категорического императива”: в средневековую Русь восточная керамика привозилась не для всех и каждого, а для людей выдающихся (по меньшей мере, в эстетическом восприятии бытия), для индивидуальностей.

Подводя итог проделанной работе, хотелось бы сказать, что полученный свод находок восточной керамики содержит еще немало возможностей для дальнейших исследований. Обозначим только некоторые из них:

А) изучение импортной керамики в разрезе отдельных территорий или крупных городов, которое может дать представление об особенностях внешних связей разных частей средневековой Руси. Эта работа уже частично выполнена для Москвы, Твери, Великого Новгорода, Старой Рязани, Переяславля-Рязанского, Нижнего Новгорода (*Коваль*, 1995в; 1996а; 1996в; 1996г; 1997а; 1997д; 1997е; 1998а; 2000; 2004а; 2005г), но остается насущной для тех городов, которые ранее исследовались недостаточно (Владимир, Смоленск) или оказались вне новых политических границ (Киев, Чернигов, Луцк, Минск и т.д.);

Б) сравнение территориального и хронологического распределения восточных керамических импортов с иными видами импорта (украшений, оружия, металлической посуды, тканей т.п.), позволяющее составить полное представление об интенсивности торговых и культурных связей с Востоком;

В) исследование восточного керамического импорта на Русь в сравнении с импортом на соседние территории Восточной Европы (Крым, Северное Причерноморье, Волжскую Булгарию, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ).

Г) В последние годы (после 2000 г.) при археологических раскопках получены новые объемные материалы восточных керамических импортов в различных городах Руси. В настоящий свод вошла лишь небольшая часть этих материалов. Введение их в научный оборот – важнейшая задача будущих исследований.

Думается, что возможности, открываемые составленным сводом находок восточной керамики, далеко не исчерпаны. Материалы свода послужат сравнительным материалом для новых находок импортов и хочется верить, что они будут полезны большому числу исследователей, обращающихся к проблеме внешний связей средневековой Руси.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СПЕКТРАЛЬНЫХ АНАЛИЗОВ ГЛАЗУРЕЙ

Большинство анализов выполнил канд. геол.-минерал. наук А.И. Цепин в ИГЕМ РАН м рентгеноспектральным локальным методом на микроанализаторе “Camebax SX-50”[1]. Анализы, отмеченные звездочкой (*), выполнены во Всероссийском НИИ минерального сырья канд. геол.-минерал. наук Н.И. Чистяковой на микроанализаторах SuperProbe-733 и Camebax-MBX спектрометром “Link-860”.

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)			
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO
ФАЯНСЫ							
ЛЮСТРОВЫЕ ФАЯНСЫ							
1	Белая	Иран, кон. XII – нач. XIII вв.	Новогрудок (№ НВ 5314)	6,5–6,7	1,6–1,7	3,0–3,2	21,3–22,3
2	–”– (на внешней поверхности)	Иран 1-я четв. XIII в.	Чернигов (1998. Кирпоноса, 7. № 86)	7,9–8,6	1,7–1,9	3,7–4,5	22,0–22,8
3	Бесцветная прозрачная (на внутренней поверхности)	Иран, 1-я четв. XIII в.	Тот же образец	10,5–11,6	2,2–2,4	4,8–6,0	2,9–3,5
4*	Белая полупрозрачная	Иран, 2-я пол. XIII в.	Ростиславль Рязанский	8,8	1,8	5,6	12,1
5*	–”–	Иран, XIV в.	Тверь (Затьмачье. Р. 29. № 102)	12,5–12,6	1,7–1,8	4,7–4,8	15,6–16,0
6	Белая полупрозрачная	Иран, XIII–XIV вв.	Владимир (1993. № 46а)	12,6–12,9	1,8–1,9	3,5	5,0–5,1
7	–”–	Иран, XIV в.	Нижний Новгород (2001. № 1468)	11,0–11,3	1,7–1,8	5,3–5,9	9,2–10,4
8	Белая	Иран, XIII–XIV вв.	Нижний Новгород (2001. № 2660)	8,8–9,1	1,4–1,5	2,9–3,6	15,0–16,6
ПРОЧИЕ ВИДЫ ФАЯНСОВ							
9	С гравировкой (бирюзовая)	Иран, XIII в.	Владимир (2005. Гагарина, 2. № 82)	8,0–8,1	1,6–1,7	4,5–4,7	12,6–13,5
10	“Минаи” (белая)	Иран, кон. XII – нач. XIII в.	Чернигов (1990 г. Р. 1. № 351)	5,4–5,5	1,6	4,0–4,1	31,0–31,6
ПОЛУФАЯНСЫ							
ПОЛУФАЯНСЫ БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДЕКОРА							
11	Коричневая	Сирия, XII в.	Киев (МИК. № А4913/114)	9,3–9,5	2,1	3,1–3,4	16,1–16,5
12	–”–	Иран, XII в.	Киев (2001. Бол. Житомирск., 20. № 343)	13,3–13,8	1,5	2,8–3,2	3,9–4,5
13	–”–	Иран, XII в.	Чернигов (!995 г. № 6)	13,6–14,1	1,6–1,7	3,7–4,0	1,6–1,9
14	Бирюзовая	–”–	Киев (2001. Майдан Незалежности. Р. 3. № 8049)	14,0–14,2	1,5–1,6	4,4–4,6	2,8–3,3

Удельный вес оксидов (в %)									
SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO	CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
ФАЯНСЫ									
ЛЮСТРОВЫЕ ФАЯНСЫ									
5,7–11,3	–	1,5–1,6	1,3–1,6	<0,1	0,4–0,5	–		0,1	51–54
5,5–7,8	–	1,9–2,2	1,5–1,6	–	0,5–0,6	0,1	–	0,15	50–52
0,3–0,4	<0,1	2,7–3,1	1,3–2,6	<0,1	0,8–0,9	0,1–0,3	–	0,1–0,2	69–71
2,6	?	2,2	1,9	?	<0,1	?	<0,1	?	65,0
4,2–4,6	–	1,7	1,4–1,6	<0,1	0,7	0,1	–	0,1	52–53
5,7–8,2	0–0,1	1,1–1,3	2,5–2,7	0–0,1	0,9–1,0	<0,1	–	0,1	63–65
4,4–5,8	–	2,0–2,2	1,9–2,4	<0,1	0,8–1,1	0,1	0,02	0,1	56–59
10,0–14,1	–	1,0–1,2	1,6–1,8	<0,1	0,5–0,7	0,1	<0,1	0–0,1	50–53
ПРОЧИЕ ВИДЫ ФАЯНСОВ									
5,7–6,3	–	1,9–2,0	1,8–1,9	<0,1	0,8–1,0	1,9–2,3	<0,1	0,1–0,15	57–58
6,8–7,8	–	1,2–1,3	0,7–0,9	<0,1	0,4–1,4	<0,1	–	–	45–47
ПОЛУФАЯНСЫ									
ПОЛУФАЯНСЫ БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДЕКОРА									
<0,1	0–0,1	1,4–1,5	1,1–1,2	4,2–4,3	0,6	<0,1	0–0,1	0,1	59
–	0–0,1	1,0–1,2	1,8–1,9	3,0–3,3	0,6–0,7	<0,1	<0,1	0,1	69
<0,1	<0,1	1,5–1,7	0,7–1,2	3,8–4,5	0,1–0,2	0,1	–	<0,1	70–72
<0,1	<0,1	2,0–2,3	1,2–1,6	<0,1	0,5	0,6–0,5	–	<0,1	70–71

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)			
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO
15	–"–	Сирия, XII в.	Киев. (МИК. № А4913/100)	8,4–8,7	1,3	3,5–3,6	21,5–22,5
16	Бирюзовая	Золотая Орда, XIV в.	Москва (ММК. № 565/47479)	12,4–13,0	1,6–1,7	6,6–7,3	0,2–0,3
17	Ультрамари-новая	Сирия XIV в.	–"– № 8154	7,9–8,1	1,6	3,4–3,7	20,5–20,9
ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ							
18*	Бесцветная	Египет, XI в.	Великий Новгород (НГОМЗ. № А78/144)	7,0–8,2	1,5–1,9	3,5–3,7	16,6–18,6
19	Бесцветная	Иран, XIII–XIV вв.	Чернигов (ЧИАМЗ. б/№)	16,2–16,4	2,1	5,3–5,5	<0,1
20*	Пурпурно-коричневая	Сирия, XII в.	Великий Новгород	7,6–8,2	1,0–1,1	3,9–4,2	11,5–13,0
21	Ультрама-риновая	Сирия, XII в.	Чернигов (2002. ул. Кирпоноса, 7. № 191)	8,6–8,7	1,5	3,1–3,4	17,5–18,0
22*	–"– (на внутренней поверхности)	Иран, XIII–XIV вв.	Рюриково городище (НГОМЗ. № 34806/53)	5,8–7,4	3,1–3,3	4,8–5,4	0,2–0.5
23	Бирюзовая (на внешней поверхности)	–"–	Тот же образец	16,6–17,3	1,8	4,1–4,7	0,3–0,5
24*	Ультрама-риновая	Сирия, XIII–XIV вв.	Тверь (Затьмачье. Р. 28. № 85)	4,6–6,6	2,5–2,9	4,7–5,8	5,5–7,0
25	–"–	Иран или Сирия, XIII–XIV вв.	Владимир (2005. Гагарина, 2. № 360) Cr – ок. 0,1%	12,3–12,5	2,1–2,2	5,0–5,4	2,1–2,4
26	Бирюзовая	–"–	Владимир (2005. Гагарина, 2. № 84)	13,6–13,8	1,7	6,4	3,2–3,9
27	–"–	–"–	Нижний Новгород (2001. № 1167)	13,5–14,1	2,0	5,7–6,2	1,8–2,0
28	–"–	–"–	Нижний Новгород. (2001. № 2498)	13,6–15,0	2,1–2,4	4,5–6,3	1,6–2,0
29	Светло-синяя	Иран, XIV в.	Нижний Новгород. (2001. б/№)	8,6–11,0	1,9–2,5	0,9–2,2	0,3–1,4
30*	Бесцветная[2]	Иран, XVII в.	Москва	13,5–13,9	1,7–1,8	4,6–5,0	0,9–1,7
31	–"–	–"–	Москва (2001. Бол. Дмитр.,17. № 67)	16,2–16,8	1,4–1,5	5,0–5,5	<0,1
32	–"–	–"–	Москва (2001. Овчин. наб. 22. № 284)	14,7–15,3	1,4	4,7–5,7	<0,1
ПОЛУФАЯНСЫ С НАДГЛАЗУРНЫМ ДЕКОРОМ							
33	"Ладжвардина" (ультрамари-новая)	Иран, XIII–XIV вв.	Великий Новгород (НГОМЗ № А78/129)	15,6–16,2	1,5–1,7	4,9–5,8	1,0–1,1
34	–"–	Иран, XIII–XIV вв.	Нижний Новгород (2001. № 863)	6,7–12,5	1,2–2,4	2,2–5,6	0–0,1
35	–"–	Иран, XIV в.	Ярославль (2005. Р. 1. № 631)	12,9–13,3	2,0	5,7–6,1	0,1–0,2
36	С росписью глазурями и подглазурной гравировкой (коричневая)	Сирия, XII в.	Старая Рязань (РГИАМЗ. 1948. № 746)	6,8–7,0	1,5	4,3–4,5	17,7–18,5

Удельный вес оксидов (в %)									
SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO	CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
0,1	<0,1	1,3	1,3	<0,1	0,7	1,9–2,0	<0,1	0,1	54–55
0,7–1,7	0,1	2,5–2,8	2,8–3,0	<0,1	1,0–1,2	2,3–2,7	–	0,1–0,2	65–66
<0,1	0,1	1,5–1,7	0,8–0,9	0–0,1	3,4–3,6	0,2–0,3	0,5–0,6	<0,1	54–55
ЛЮСТРОВЫЕ ПОЛУФАЯНСЫ									
–	?	1,1–1,6	0,6–1,4	–	0,8–1,2	0,4–0,6	–	?	58–60
–	–	2,5–2,6	1,0–1,2	<0,1	0,6	<0,1	–	<0,1	71
0,06	?	1,4–1,8	~0,4	4,1–4,7	0,5–0,7	0,2–0,4	–	?	51–54
<0,1	0–0,1	1,0	1,5–1,7	–	3,7–4,2	0,7–0,8	0,6–0,9	0,1	55–57
0,03	?	1,3–1,6	1,1–1,7	–	2,1–2,7	2,5–3,2	0,03	?	62
0,1	–	2,8–3,0	1,2–1,3	–	0,8–1,0	1,1–1,5	0,02–0,06	0,1	68–70
0,6–1,1	?	1,8–2,5	1,3	–	0,5–2,0	0,5–1,0	0,5–0,6	?	64–65
1,8–2,1	<0,1	2,3–2,4	1,7–2,3	<0,1	2,8–3,0	0,1	0,4–0,6	0,1	64–66
1,1–1,2	<0,1	2,3–2,4	2,1–2,4	<0,1	1,1–1,5	2,0–2,4	–	0,1–0,2	63–64
0,6–0,7	0–0,1	2,2–2,3	2,1–2,2	<0,1	0,9–1,0	2,4–3,7	<0,1	0,1	63–65
0,5	0–0,1	1,7–2,2	2,0–2,3	<0,1	0,8–1,1	1,6–1,8	0,02	0,1	64–69
–	<0,1	1,7–3,2	4,3–9,0	–	1,8–3,1	–	0,3–0,4	0,2–0,6	73–74
–	?	3,6–4,1	1,4–2,3	–	0,7–1,0	–	?	?	66–68
<0,1	–	5,0–5,2	2,0–3,4	<0,1	0,6–0,7	–	–	<0,1	67–68
–	–	4,4–5,0	1,8–2,3	<0,1	0,6–0,7	<0,1	–	<0,1	70
ПОЛУФАЯНСЫ С НАДГЛАЗУРНЫМ ДЕКОРОМ									
–	–	3,0	2,8–3,1	–	2,1–3,8	0,5	0,5	0,2	64–66
0–0,1	0–0,1	1,3–2,3	2,1–2,3	<0,1	1,0–1,7	0,1–0,6	0,2–0,3	0,1	69–84
<0,1	<0,1	2,0–2,1	2,0–2,4	<0,1	2,8–3,4	0,1–0,2	0,4–0,5	0,1	68–69
–	–	1,5–1,6	1,2–1,4	5,5–5,6	0,6–0,7	0,1	–	0,1	57

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)									
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO	SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO
ПОЛУФАЯНСЫ С ПОДГЛАЗУРНЫМ ДЕКОРОМ													
37*	С гравировкой (бесцветная)	Сирия, XII в.	Великий Новгород (НГОМЗ. № А123/443)	8,1–9,0	2,4–2,7	4,2–4,6	11,7–13,0	–	?	1,1–1,7	–	0,3–0,5	0,2–0,5
38	С гравировкой и синей подцветкой (бесцветная)	Сирия, XII в.	Белгород. (НМИУ. № В1/1266)	8,5–8,8	1,4	3,3–3,5	20,8–22,2	<0,1	<0,1	1,3–1,4	1,1–1,4	<0,1	0,6–0,7
39	С гравировкой и плоской резьбой (голубая)	Сирия,XII в.	Белгород (НМИУ. № В1/1259)	11,3–11,4	1,4	3,4–3,7	7,8–8,3	<0,1	0–0,1	1,6–1,8	1,2–1,3	–	0,4
40	С гравировкой и декором “грендери” (бесцветная)	Сирия, XII в.	Киев. (МИК. № А4871/10)	11,5–11,8	1,6	5,2–5,3	4,7–5,3	<0,1	0–0,1	3,6–3,9	1,1–1,2	–	0,3–0,4
41	–”– (бирюзовая)	Сирия, XII в.	Старая Рязань (2002. № 199)	6,1–8,4	1,5–1,6	4,4–4,6	16,9–17,3	0,1–0,2	0–0,1	1,6–1,7	1,3–1,4	<0,1	0,8–0,9
42	–”–	Иран, XII в.	Киев (2001. Рейтарская, 4. № 171)	11,4–11,8	2,0–2,1	10,0–10,4	0,1–0,2	–	–	4,0	0,9	<0,1	0,4
43*	Тип “лакаби” (бесцветная)	Сирия, XII в.	Великий Новгород (НГОМЗ. № А78/133)	5,1–5,4	1,7–1,8	2,4–2,8	15,3–15,7	–	?	1,3–2,5	–	–	0,6–0,8
44	–”–	Сирия, XII в.	Старая Рязань (2003. Р. 28. № 534)	9,3–10,0	1,8–1,9	4,0–4,4	13,3–14,6	<0,1	<0,1	1,6–1,7	1,4–2,7	<0,1	0,1
45	–”–	Сирия, XII в.	Новогрудок (1961. № 9634/71)	15,6–15,8	1,4–1,5	3,5	6,8–7,7	0–0,1	0,1	2,1–2,2	1,4	<0,1	0,4–0,5
46*	Тип “Русафа” (бесцветная)	Сирия, XIII в.	Старая Рязань (ГИМ)	5,5–13,2	2,6–3,2	6,1–8,6	–	0,7–1,3	?	3,1	–	–	0,4–0,8
47	С черной росписью (бирюзовая)	Иран. XIII в.	Чернигов (1998. Кирпоноса, 7. № 113)	13,5–13,6	2,3–2,4	6,0–6,7	0,5–0,6	0–0,1	<0,1	3,7–3,8	1,1–1,6	<0,1	0,7–0,8
48	С черной росписью (голубая)	Иран, кон. XII – нач. XIII в.	Старая Рязань (2003. Р. 34 № 69)	10,1–11,0	2,5–2,7	8,2–10,1	–	–	–	2,8–3,8	0,7–0,8	<0,1	1,3–1,5
49	С черной росписью (бесцветная)	Иран? XIII–XIV вв.	Новогрудок (1992. № КП 3796)	10,3–12,7	2,7–3,2	8,6–10,9	0–0,2	–	<0,1	4,0–6,9	0,7–0,8	<0,1	0,5–0,7
50	С черно-синей росписью (бесцветная)	Иран, XIII в.	Серенск (КОКМ. № Кл 9204/13)	13,9–14,6	1,7–1,8	5,0–5,3	1,3–2,4	–	–	4,0–4,2	1,6–2,2	–	0,8–0,9
51	–”–	–”–	Чернигов (1998. Кирпоноса, 7. № 81)	12,3	2,5–3,0	5,6–5,8	0,1–0,2	<0,1	0–0,1	3,3–3,4	1,2	<0,1	0,5–0,8
52	С полихромной росписью (бесцветная)	Иран, XIV в.	Нижн.Новгород (2001. № 424)	15,7–16,0	1,8	5,3–5,4	0–0,2	0–0,1	<0,1	3,7–3,8	0,9	<0,1	0,4–0,5
53	С полихромной росписью и росписью ангобом (бесцветная)	Золотая Орда, XIV в.	Коломна (КАЦ. 2002. Лазарева,19. № 122)	11,9–12,3	1,7–1,8	5,8–6,0	0,4–0,5	–	–	3,2–3,6	2,2–2,9	–	0,9–1,1
54	–”–	Золотая Орда, XIV в.	Москва (ММК. 1995. № 1)	13,8–14,1	2,1–2,2	6,1–6,4	0–0,1	–	<0,1	2,1	2,4–2,8	0–0,1	0,9–1,0
55	–”–	–”–	Москва (ММК. № 474/47356)	18,9–19,4	1,4–1,5	3,6–4,3	0,1–0,2	–	0–0,1	2,4–2,5	2,8–3,4	<0,1	0,9–1,1
56	–”–	Золотая Орда, XIV в.	Москва (ММК. № 459/47341)	14,2–14,9	1,9	7,0–7,2	0,2–0,3	0–0,1	0–0,1	4,1–4,3	1,7–1,9	<0,1	0,7–1,0

№	Удельный вес оксидов (в %)									
	CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
ПОЛУФАЯНСЫ С ПОДГЛАЗУРНЫМ ДЕКОРОМ				
37*	–	–	?	62–64
38	<0,1	–	0,1	56–58
39	1,8–2,1	<0,1	<0,1	67–68
40	–	–	<0,1	69
41	2,1–2,2	–	0,1	60
42	1,7–1,9	–	0,1	67–69
43*	0,3–0,5	–	?	58–61
44	0–0,1	–	0,1–0,2	60–61
45	–	–	0–0,1	64–65
46*	–	–	?	62–65
47	1,8–1,9	<0,1	<0,1	67–68
48	<0,1	0,1	0–0,1	69–72
49	0,5–0,7	–	0–0,1	0,1	66–69
50	0,1	–	0,1	67–70
51	0,5–0,8	–	–	0–0,1	73–74
52	0–0,1	<0,1	<0,1	71
53	0,1	–	0,1	70–72
54	<0,1	<0,1	0,1–0,2	71–72
55	–	<0,1	0,1–0,2	67–68
56	0–0,1	–	0–0,1	68–70

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)			
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO
57*	С полихромной росписью (бесцветная)	Золотая Орда, XIV в.	Тверь (Затьмачье. Р. 29. № 96)	13,8–15,5	2,4–2,5	3,7–4,8	–
58	–”–	–”–	Селище Бл. Константиново 1 (1996. № 181)	15,4–16,1	2,0–2,2	5,7	0,1–0,2
59	С полихромной росписью (бесцветная)	Золотая Орда, XIV в.	Москва (ММК. № 458/47340)	16,6–17,2	1,7–1,8	5,5–5,9	0–0.1
60	–”–	Иран XIII в.	Суздаль (ВСГМЗ. № В46784/38)	13,8–13,9	1,6–1,7	7,4–9,2	0–0,2
61	С полихромной росписью и гравировкой (бесцветная)	Средняя Азия, XIV в.	Москва (2001. Волхонка, 6. № 90)	14,8–15,7	2,6–2,8	5,4–6,2	<0,1
62	С росписью ангобом и черной краской (бирюзовая)	Золотая Орда, XIV в.	Нижний Новгород (2001. № 633)	13,8–14,0	1,6	6,4–6,8	–
63	–”–	–”–	Коломна (КАЦ. 2002. Лазарева, 19. № 165)	15,6–16,3	3,9–4,1	4,4–4,5	1,7–2,0
64	С росписью ангобом (ультрамариновая)	Золотая Орда, XIV в.	Нижний Новгород (2001. № 558)	12,8–13,4	2,1–2,2	5,8–6,4	0–0,2
65	С синей росписью (бесцветная)	Иран, XIV в.	Переяславль-Рязанский (РГИАМЗ. 1956. № 360)	15,4–16,0	2,4	5,2–5,6	0,4–0,5
66	–”–	Иран, XV в.	Нижний Новгород (2001. № 2326)	14,2–14,6	1,6–1,7	4,5–4,6	–
67*	С синей и бирюзовой росписью (бесцветная)	Турция, XVI в.	Москва (ГИМ)	2,7–3,2	1,0–1,2	0,9–1,4	32,1–33,6
68	С полихромной росписью (бесцветная)	Турция, XVI в.	Новогрудок (1974. № КП 4291)	9,1–9,4	0,9	0,6–0,7	27,4–29,3
69	–”–	–”–	Москва (МИМ. № 27362)	7,2–7,4	1,0–1,1	2,5–2,6	28,5–29,6
70	–”–	–”–	Москва (2001. Бол. Дмитровка, 17. № 291)	6,3–7,2	0,9–1,0	0,9–1,1	31,9–33,4
71	–”–	–”–	Москва (2002. Романов двор. № 126)	8,3–8,7	0,9	0,8–0,9	33,3–35,0
72*	С черно-синей росписью (бесцветная)	Иран? XVI–XVIII вв.	Москва (Манежная пл.)	4,2–5,7	2,2–2,3	4,2–4,5	–
73	–”–	Иран, XVI в.	Москва (МИМ. № 7397/468)	15,4–15,7	2,3	5,9–6,6	0,3
74	С черно-синей росписью (бесцветная)	Иран, XVI–XVII вв.	Москва (2002. Романов двор. № 45)	15,5–15,8	1,5	4,3–4,4	0–0,2
75*	С синей росписью (бесцветная)	Иран, XVII в.	Москва (1995. Бол. Ордынка)	11,0–12,1	1,1–1,3	4,6–4,9	–
76	–”–	Иран? XVII–XVIII вв.	Москва (2002.Романов двор. № 39)	9,9–10,2	2,6–2,8	6,6–7,3	3,3–3,7

Удельный вес оксидов (в %)									
SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO	CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
<0,1	<0,1	1,5–2,2	2,9–6,1	0–0,1	0,7–0,9	0,1	<0,1	0,1	71–72
–	–	3,4–3,8	1,2–1,8	–	0,7–0,8	–	–	0,05–0,08	69–70
<0,1	0,1–0,2	2,2–2,3	2,2–2,5	<0,1	0,9–1,1	<0,1	–	0,1–0,2	69–70
–	0,1	1,3–1,7	2,6–2,9	0–0,1	0,8–1,4	<0,1	–	0,1–0,2	70–71
–	<0,1	2,8–3,1	2,0–2,3	<0,1	0,4	<0,1	–	0,1–0,2	68–71
<0,1	0–0,1	2,5–2,6	3,1–3,6	<0,1	1,2–1,4	2,6–2,9	–	0,2	65–66
0,3–1,5	–	2,3–2,6	3,3–3,7	0,1	1,2–1,3	4,5–5,1	–	0,2	58
0,2–0,3	0–0,1	2,4–2,6	2,6–3,1	<0,1	4,4–5,3	0,3–0,5	0,4	0,1–0,2	64–66
–	–	2,0–2,2	2,7–3,2	–	1,0	–	0,02	0,1	69
<0,1	<0,1	4,4–4,7	1,5–1,7	<0,1	0,5–0,6	–	0,03	0,1	71–72
4,0–5,8	?	–	–	–	0,3–0,4	?	?	?	53
3,4–5,0	0,1	0–0,1	0,3–0,5	<0,1	0,2–0,3	–	0–0,1	<0,1	51–53
1,8–3,6	0,1–0,2	0,3	1,0–1,2	<0,1	0,5–0,7	0,1	0,02	0,1	49–51
1,2–1,9	0,1–0,2	–	0,3–0,5	–	0,2–0,3	<0,1	–	<0,1	54–56
2,4–3,5	0,2–0,4	–	0,3	<0,1	0,3–1,7	0–0,1	<0,1	0–0,1	50–51
1,1–1,7	?	1,7–2,5	–	–	0,6–1,0	1,0–1,4	?	–	67–71
–	–	3,9–4,4	1,9–2,7	<0,1	0,7–0,8	–	–	0,09–0,12	67–69
<0,1	0–0,1	2,4–2,5	1,9–2,2	<0,1	0,5–0,7	<0,1	<0,1	0,1–0,2	72–73
1,5–2,2	?	3,0–3,5	–	–	0,6–0,9	0,8–1,1	?	–?	70–71
2,2–2,9	0–0,1	2,8–3,0	2,6	<0,1	0,4–0,5	0,1–0,2	–	0,1–0,2	66–68

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)									
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO	SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO
77	С коричневой окраской (бесцветная)	Иран, XIX в.	Москва (2002. Романов двор. № 33)	14,1–14,5	1,7	4,9–5,6	0–0,1	0–0,1	0–0,1	3,3–3,5	1,7–1,9	0–0,1	0,6–0,7
78*	Кашинная бусина (голубая)	Египет? XIII в.	Селище Мякинино-2 (1994. Р.1. № 73)	–	0,2	1,0–2,4	0,9	1,2–1,5	?	0,6	–	–	0,6–0,7
МАЙОЛИКА													
79	Без дополнительного декора (бирюзовая)	Египет? XI в.	Великий Новгород (НГОМЗ № А78/680)	1,7–1,8	3,5–4,3	1,5–1,8	33,8–38,2	1,1–2,7	0,1–0,2	–	1,1–1,6	–	0,5–0,8
80	Люстровая (белая)	Месопотамия, IX в.	Старая Ладога (1977)	6,8–7,5	4,1–5,2	8,1–13,0	0,1–0,2	–	0–0,09	5,6–7,7	1,4–2,2	0,3	0,7–1,1
81*	–"–	Месопотамия, IX–X вв.	Рюриково городище (НГОМЗ. № А26/636)	2,8–3,3	5,4–5,7	4,9–5,3	1,2–2,0	1,3–1,4	?	2,8–3,3	0,1	0,4–0,5	0,8–1,3
82	Люстровая (белая)	Египет? XI в.	Старая Рязань (2002. № 321)	1,6–1,7	3,4–3,8	2,6–2,9	41,9–43,7	4,6–9,6	0–0,2	0,1–0,3	0,4–0,9	<0,1	0,5–0,6
83	Плитка (бирюзовая)	?	Белгород Киевский	8,2–8,4	2,7–3,0	5,3–5,5	14,0–16,8	6,0–7,3	0–0,1	1,1–2,2	2,2–2,5	0,1	0,6–0,8
84	Цзюнь-яо (голубая)	Китай, XIII–XIV вв.	Владимир (2005. Гагарина, 2. № 193)	1,4–1,5	3,3–3,4	9,0–9,7	<0,1	–	<0,1	1,1–1,2	9,4–9,9	<0,1	1,4–1,6
ПОЛУМАЙОЛИКА													
85	Белоглиняная, без дополнительного декора (бирюзовая)	Византия, XII в.	Киев (МИК. № А4987/1070)	1,8–1,9	0,2	1,5–1,7	53,5–54,8	3,9–5,3	0,1	–	0,6–0,8	0,1	0,1–0,3
86	Белоглиняная с черной росписью (бирюзовая)	Западное Средиземно-морье? XIV в.?	Владимир (ВСГМЗ № В-58 В-5984/335)	5,9–6,1	2,8–2,9	4,2–4,5	25,5–26,1	3,1–4,4	0,1	0,9–1,0	1,0–1,5	0,1	0,5
87*	Белоглиняная, без дополнительного декора (бледно-зеленая)	Золотая Орда? XIV в.	Тверь	0,7–0,9	1,1–1,3	2,0–2,4	50, 2–50,3	3,9–4,1	?	–	0,2–0,3	–	0,5–1,2
88	Без дополнительного декора (коричневая)	Византия, XII в.	Киев (2001. Рейтарская, 4. № 170)	0,1–0,2	0,1–0,2	0,4	61,2–62,2	–	0–0,1	–	0,9–1,3	2,9–3,1	0,4–0,5
89	Без дополнительного декора (коричневая на сфероконусе)	Иран или Сирия? XII в.	Чернигов (1996 г. Ш.1. № 5)	0,3–0,4	0,3–0,5	0,6–0,8	60,5–64,1	<0,1	<0,1	–	0,7–2,0	2,1–2,6	0,3–0,4
90	Красноглиняная без дополнительного декора (бирюзовая)	Причерно-морье (?) XIII–XIV вв.	Великий Новгород (НГОМЗ № А78/1162)	2,0–2,5	1,0–1,3	0,6–0,7	49,5–53,6	2,8–5,5	–	–	1,4–2,9	–	0,6–1,0
91	–"–	Золотая Орда, XIV в.	Нижн. Новгород (2001. № 2171)	0,1–0,2	0,4–0,5	1,3–1,4	55,3–55,9	–	0,1	0,1	3,7–3,8	<0,1	0,5–0,6
92	–"– (зеленая)	Причерно-морье. XIV–XV вв.	Москва (ММК. 1988. № 4)	0,2–0,3	0,4–1,0	1,6–1,9	53,6–60,1	<0,1	0,3–0,5	–	2,4–4,9	0–0,1	0,5–1,0
93*	Люстровая (бесцветная)	Египет, XII в.	Великий Новгород (НГОМЗ. № А78/144)	1,0–1,6	1,7–2,5	0,4–1,5	48,2–49,9	0,8–1,4	?	0,3–0,4	2,2–2,6	~0,2	0,4–0,6
94	Белоглиняная с гравировкой (зеленая)	Византия, X в.	Шестовицы (2000. Р. 5. № 106)	<0,1	0,3	0,2	69,3–70,6	0–0,1	0–0,1	–	7,2	–	0,4–0,5

Удельный вес оксидов (в %)									
CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
–	–	<0,1	72–73
6,8–9,9	–	–	82–86
МАЙОЛИКА			
2,3–2,6	–	0,1–0,2	47–53
–	<0,1	0,1–0,2	64–70
–	–	?	69
<0,1	<0,1	<0,1	40–42
2,0–2,3	–	0,1	49–52
<0,1	–	0,2	71–73
ПОЛУМАЙОЛИКА			
1,7–2,1	–	<0,1	34
1,5–1,6	–	0,1	49–51
3,4–4,1	–	?	34–35
0,4–0,5	–	<0,1	32–33
0,3–0,4	0–0,1	<0,1	30–33
0,6–1,0	0,6–1,3	0–0,15	0,1–0,2	33–38
0,5–0,6	2,6–2,7	–	0,2	34
0,5–1,0	0,4–0,6	<0,1	0,2	33–37
0,4–0,6	0,3–0,5	–	?	31–33
0,4–0,5	0,3–0,4	0,05	0,3–0,4	20

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)									
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO	SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO
95	–"–	–"–	Шестовицы (2000. Р. 5. № 53)	<0,1	0,3	0,2	67,8–68,4	<0,1	0–0,1	–	7,1	–	0,5
96	Белоглиняная с черно-зеленой росписью (зелено-бурая)	Византия, XII в.	Киев (МИК. № А4901/111)	<0,1	0,1	0,3–0,5	65–67	<0,1	–	–	0,7–1,5	<0,1	0,5–0,6
97	С зелено-коричневой росписью (бесцветная)	Византия, XIII в.	Киев. (2001. Рейтарская, 4. № 158)	0,1	0,4–0,7	0,3–0,4	60–61	0–0,1	0–0,2	–	1,6–4,9	0–0,1	0,2–0,4
98	–"–	–"–	–"– (б/№)	<0,1	0,1	0,4–0,5	67–69	0–0,1	<0,1	–	0,6–1,6	0–0,1	0,6
99	С зелено-коричневой росписью (бесцветная)	Причерно-морье? XIV в.	Москва (ММК. № 1301 НВ)	<0,1	<0,1	0–0,1	72,2–73,1	0–0,1	–	–	0,3–0,6	<0,1	0,1–0,2
100	С красной росписью (бледно-зеленоватая)	Золотая Орда. Конец, XIV в.	Москва (ММК. № 519/47433)	–	0–0,1	0–0,1	71,4–73,4	<0,1	0–0,1	–	0,1–0,2	<0,1	0–0,1
101	Сграффито монохромная (бесцветная)	Византия, XII в.	Киев (МИК. № А4913/59)	0,3–0,4	0,4	0,6	64–66	0–0,1	<0,1	–	4,1–4,2	–	0,5–0,6
102	–"–	–"–	Киев (2001. Бол. Житомирск. 20. № 360)	0,2	0,3–0,4	0,5	63	0–0,1	<0,1	–	4,5–4,6	<0,1	0,4–0,5
103	"Сграффито" (Zeuxippus ware) (бледно-желтоватая)	Византия, 1 пол. XIII в.	Чернигов (1998. Кирпоноса, 7. № 258)	0,2	1,0–1,4	1,5–2,7	49,6–52,9	0,1–0,2	0–0,1	–	3,6–6,5	–	0,3–0,5
104	–"– (бесцветная)	–"–	Чернигов (1991. Р. 2. № 118)	<0,1	<0,1	0,6–0,7	63,8–65,3	0–0,1	0–0,1	–	1,4–1,8	–	0,3
105	"Сграффито" (Zeuxippus ware) (бесцветная)	–"–	Чернигов (1998. Кирпоноса, 7. № 137)	<0,1	0,3	0,7–0,8	66,2–67,0	<0,1	0–0,1	–	2,7–3,1	–	0,3–0,4
106	"Сграффито" + выемчатая техника (желтая)	Византия, XIV в.	Нижний Новгород (2001. № 1823)	<0,1	0,2–0,3	0,4–0,5	56,8–59,7	0,3–0,4	0–0,1	0,2–0,4	2,2–3,9	<0,1	3,6–4,1
107*	"Сграффито" с полихромной подцветкой (зеленая)	Крым, XIII–XIV вв.	Тверь	0,7–2,3	1,6–3,7	1,8–2,5	25,6–29,9	3,1–3,5	?	0,9	–	–	1,9–2,1
108	"Сграффито" с полихромной подцветкой (зеленая)	Причерноморье, XIII–XIV вв.	Киев (МИК. № А4623/4)	0,2–0,3	0,8	2,3–2,4	54–55	0–0,1	–	0,1	4.6–4,9	0,1	1.2–1,5
109	С росписью ангобом (светло-желтая)	Причерноморье, XIII в.	Киев (2001. Рейтарская, 4. Об. 9)	0,4–0,5	0,4–0,5	1,5–1,8	65–66	0,1–0,2	0,2	–	3,8–4,0	0,1	1,2–1,4
110	Штампованная (зеленая)	Восточный Крым, XIV в.	Москва (ММК. 1994. № 44)	0,1	0,2	2,0–2,2	65,2–66,9	0–0,1	0,2–0,3	–	1,3–1,6	<0,1	0,4–0,7
ФАРФОР													
111	Бело-синий (бесцветная)	Китай. XVI–XVII вв.	Москва. (2001. Бол. Дмитровка, 17. № 82)	2,1–2,4	2,5–3,7	5,1–9,4	0–0,2	<0,1	–	0,2	13,9–17,0	0,1	0,6–0,9
112	Селадон (бледно-зеленая)	Китай, XVI в.	Москва (Мал. Знаменский пер. 1991 г.)	0,8–1,1	4,8–5,7	7,7–10,1	–	–	–	0,8–1,2	13,7–14,6	0,4–0,5	1,2–1,7

Удельный вес оксидов (в %)									
SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO	CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
<0,1	0–0,1	–	7,1	–	0,5	0,8–1,2	–	0,4	21
<0,1	–	–	0,7–1,5	<0,1	0,5–0,6	0–0,1	<0,1	0,1	31
0–0,1	0–0,2	–	1,6–4,9	0–0,1	0,2–0,4	<0,1	–	0,1	33–37
0–0,1	<0,1	–	0,6–1,6	0–0,1	0,6	0–0,1	0–0,1	0–0,1	30–31
0–0,1	–	–	0,3–0,6	<0,1	0,1–0,2	0–0,1	–	<0,1	26–27
<0,1	0–0,1	–	0,1–0,2	<0,1	0–0,1	–	<0,1	0–0,1	26–27
0–0,1	<0,1	–	4,1–4,2	–	0,5–0,6	0–0,1	–	0,1	27–28
0–0,1	<0,1	–	4,5–4,6	<0,1	0,4–0,5	0,1	<0,1	0,1	31
0,1–0,2	0–0,1	–	3,6–6,5	–	0,3–0,5	<0,1	–	0,2	37–41
0–0,1	0–0,1	–	1,4–1,8	–	0,3	0–0,1	–	0–0,1	32–33
<0,1	0–0,1	–	2,7–3,1	–	0,3–0,4	<0,1	–	0,2	29
0,3–0,4	0–0,1	0,2–0,4	2,2–3,9	<0,1	3,6–4,1	0–0,1	–	0,4–0,7	31–32
3,1–3,5	?	0,9	–	–	1,9–2,1	2,7–3,3	–	?	45–49
0–0,1	–	0,1	4.6–4,9	0,1	1.2–1,5	0,7	–	0,3	33
0,1–0,2	0,2	–	3,8–4,0	0,1	1,2–1,4	0,1–0,2	–	0,2	25
0–0,1	0,2–0,3	–	1,3–1,6	<0,1	0,4–0,7	1,3–2,3	<0,1	<0,1	26,1–27,8
ФАРФОР									
<0,1	–	0,2	13,9–17,0	0,1	0,6–0,9	–	<0,1	<0,1	67–73
–	–	0,8–1,2	13,7–14,6	0,4–0,5	1,2–1,7	–	–	0,1–0,2	65–67

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)									
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO	SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO
СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ													
113	Люстровый фаянс (белая)	Иран, XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	11,4–11,9	1,4	6,0–6,6	6,2–8,3	1,0–4,3	0–0,1	2,3–2,7	1,4–2,1	0–0,1	0,6–0,7
114	Фаянс “минаи” (белая)	Иран, XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	12,8–13,1	1,7–1,9	5,0–5,8	1,4	10,0–14,4	<0,1	2,5–2,6	2,2–2,7	<0,1	0,9–1,0
115	Псевдоселадон (бледно-зеленая)	Золотая Орда, XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	12,7–12,9	1,2–1,3	4,4–4,8	7,9–8,5	8,5–10,4	0–0,1	1,6–1,7	1,9–2,1	<0,1	3,0–3,6
116	Полуфаянс “лакаби” (бесцветная)	Сирия, XII в.	Херсонес (№ 37131/35)	10,2–10,5	1,3–1,4	2,8–3,3	16,1–18,2	<0,1	0–0,1	1,4–1,6	1,0–1,4	<0,1	0,5–0,6
117	Полуфаянс с черно-синей росписью (бесцветная)	Иран, середина XIII в.	Чингульский курган	12,5–12,6	2,1–2,2	9,2–9,5	0–0,1	–	<0,1	2,8–2,9	0,7–0,9	<0,1	0,3–0,5
118	Полуфаянс с черной росписью (бирюзовая)	Иран, XIII в.	Херсонес (№ 37131/33)	11,5–12,1	1,7–2,1	6,7–7,3	0–0,1	<0,1	<0,1	3,0–3,3	1,8–2,3	0–0,1	0,7–0,8
119*	Полуфаянс с полихромной росписью (бесцветная)	Золотая Орда, XIV в.	Селитренное городище (ГИМ. 1985 г. № 226)	1,7–3,5	1,4–1,7	5,4–5,7	–	1,5–1,8	?	1,3–1,9	–	–	1,2–1,6
120	Полуфаянс с полихромной росписью (бесцветная)	Золотая Орда (Селитренное городище). Конец XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	14,4–15,2	3,3–3,6	5,9–6,5	2,6–2,8	–	0,1–1,1	1,6–2,6	1,8–2,6	0–0,1	1,5–2,2
121	Полуфаянс с синей росписью и ажуром (бесцветная)	Золотая Орда, XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	17,8–18,4	1,8	3,6–3,8	0,7–0,9	0,1–0,2	<0,1	1,8	1,7–1,8	<0,1	0,8–0,9
122*	–”–	–”–	Селитренное городище (ГИМ. 1987, № 37)	1,6–3,5	1,3–1,6	4,1–5,8	–	0,8–1,0	?	2,0–3,4	–	–	1,2–1,7
123	Полуфаянс с черной росписью (бирюзово-голубая)	Иран, XV в.	Казань (1995. № 475)	14,8–15,8	2,6–2,7	4,9–5,4	0–0,2	–	–	3,4–3,6	2,5–3,3	0,1	0,5–0,7
124	–”– (бирюзово-голубая)	–”–	Казань. (1995. № 1058)	15,9–17,0	1,4–1,5	5,5–6,2	0,3–0,4	–	–	4,8–5,2	1,1–1,3	–	0,6–0,7
125	–”– (светло-синяя)	–”–	Казань. (2001. № 643)	15,9–16,9	1,2–1,3	5,9–6,6	0–0,7	–	–	4,6–5,1	1,0–1,2	0,1	1,2–1,5
126*	–”– (бирюзовая)	Золотая Орда. XIV в.)	Селитренное городище (п.м.)	8,0–9,6	1,4–1,7	5,2–5,6	–	0,3–1,9	?	1,8–2,2	–	–	0,9–1,1
127	–”–	–”–	–”–	15,2–15,3	1,4	5,2–5,5	<0,1	<0,1	0–0,1	2,4–2,5	2,2–2,5	<0,1	1,1–1,2
128	Полуфаянс “ладжвардина” (ультрамари-новая)	Иран, XIV в.	–”–	13,2–13,5	2,2	6,7–6,9	0–0,1	<0,1	0,1	2,3	1,8–2,0	<0,1	0,7–1,9
129	Полуфаянс с полихромной росписью (бесцветная)	Турция, XVII в.	Феодосия (2003. Р. 5. Сл. 1. б/№) (Cr – 0,1%)	6,2–9,4	0,8–0,9	0,6–0,7	20–23	2,9–3,4	–	–	0,2–0,4	<0,1	0,2
130*	Люстровый полуфаянсовый изразец (бесцветная)	Иран, XIX в.	ГМЗК	11,5–11,9	2,3–2,9	5,2–5,5	1,3–1,8	0,8–1,2	?	2,0–4,0	–	–	0,7–1,0
131*	Люстровая майолика (белая)	Испания, конец XIV – начало XV вв	Москва	1,0–1,1	6,7–7,6	2,8–3,5	32,0	3,3–4,0	?	0,4	0,9	?	2,2–2,3
132	Люстровая майолика	Испания, XIV в.	Москва (МИМ. 1959. № 34)	1,7–2,0	2,2–2,5	1,3–1,5	44,9–51,0	3,5–12,4	–	–	1,7–1,9	–	0,1–0,2
133	Люстровая майолика	Испания. XV в.	Феодосия (1995. Р.1. № 24)	0,4–0,5	6,4–6,9	1,5–1,7	32,8–37,5	1,7–2,6	0,2	0–0,2	2,3–3,5	<0,1	0,2–0,3

Удельный вес оксидов (в %)									
CuO	CoO	TiO_2	SiO_2						
СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ									
0–0,1	–	0,1	60–65						
<0,1	<0,1	0,1	59						
0,2	0–0,1	0,1–0,2	50–52						
<0,1	<0,1	0,1	61–63						
0–0,1	0,04	0,1	68–70						
1,6–2,0	–	0,1	70						
–	–	?	60–62						
0–0,1	0–0,1	0,1–0,2	63–66						
<0,1	–	0,1	71						
0,6–1,0	–	?	61–64						
0,8–0,9	–	0,1	67–69						
2,6–3,1	–	<0,1	65–67						
0,2	0,1–0,2	0,1–0,2	66–69						
4,6–5,6	–	?	59–62						
2,1–2,4	–	0,15	69–70						
0,2	0,3–0,4	0,1	69–70						
0,1	<0,1	<0,1	61–63						
–	–	?	67–69						
?	0,4	?	49–51						
0,1–0,2	0,04	0–0,1	34–37						
<0,1	<0,1	<0,1	49–53						

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)			
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO
134	Майолика с желтой и зеленой росписью (белая)	Италия, XIII – XIV вв.	Новогрудок (1974. № НВ 4286)	0,5–0,6	6,9–8,0	1,1–1,6	25,8–33,0
135	–”– (желтая)	–”–	–”–	0,6	6,2–7,1	2,1–2,5	31,3–32,7
136	–”– (бесцветная с внутренней поверхности)	–”–	–”–	0,6	5,2–5,5	3,1–3,7	35,8–37,4
137	Полумайолика монохромная (зеленая)	Волжская Булгария, XII в.	Биляр (АМКУ. № 262/76)	0,2–0,3	0,4–0,5	0,8–0,9	65–67
138	–”–	–”–	Биляр (АМКУ. № 262/480)	0,2–0,6	0,9–1,7	1,1–5,9	42,1–44,8
139	Монохромная полумайолика (зеленая)	Золотая Орда, XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	0–0,1	0,2–0,3	1,1	63–64
140	Полумайолика монохромная (зеленая)	Крым (Каффа), XV в.	Феодосия (1995. Р. 1. № КО 122)	0,2–0,3	0,7–0,8	2,9–3,1	53,7–54,7
141	Полумайолика сграффито монохромная (Zeuxippus Ware) (бесцветная)	Византия, XII в.	Херсонес (№ 37131/ ВФ 6306)	<0,1	0,5–0,7	0,5–0,6	59–60
142	–”–	–”–	Херсонес (№ 37131/ВФ624)	<0,1	0,1–0,2	0,5–0,6	63–65
143	Полумайолика сграффито монохромная (желтая)	Византия (Никея?), XIII в.	Херсонес (№37131/2)	<0,1	0,2	0,3	67–68
144	Полумайолика сграффито монохромная (St. Simeon Ware?) (бесцветная)	Сирия? XIII в.	Херсонес (№ 37131/ВФ 624) (Cr – 0–0,4%)	0,2	0,5	1,5–1,6	60–62
145	Полумайоликасграффито монохромная (желтоватая)	Византия, XIII в. (типа “Скопелос”?)	Херсонес (№ 37148/86)	0,4–0,6	0,7–1,0	2,4–3,2	51–54
146	–”– (зеленая)	Византия, Сер. 1360-х гг.	Азов (1997. Чехова, 3. Р. 2. Яма 4. б/№)	0,2–0,3	0,4	0,5–0,6	60–61
147	Полумайолика сграффито с полихромной подцветкой (зеленая)	Крым (Каффа), XV в.	Феодосия (1995. Р. 1. № КО65)	0,2	0,4–0,5	3,9–4,2	57,0–59,0
148	–”– (бледно-зеленоватая)	Крым (Каффа), кон. XIV – нач. XV в.	Феодосия (1995. Р. 1. № КО118)	0,2	0,8	2,9–3,1	50,4–51,1
149	–”–	Крым (Каффа), XV в.	Феодосия (1995. Р. 1. № КО 92)	0,4–0,5	0,9–1,0	3,4–3,6	50,7–52,0
150	–”–	Крым (Каффа), XV в.	Феодосия (1995. Р. 1. Пол. № 53)	0,3–0,4	0,8–1,0	2,5–2,7	53,1–54,3
151	–”–	Крым (Каффа), XV в.	Феодосия (1995. Р. 1. Пол. № 17)	0,2–0,3	0,6–0,7	3,2–3,3	51,2–51,6
152	–”– (желтая)	Византия, XV в.	Феодосия (1995. Р. 1. б/№)	0,5–0,9	1,1–1,4	15,2–15,7	19,0–25,0
153	Полумайолика сграффито с резервом (зеленая)	Византия, XV в.	Феодосия (1995. Р. 1.б/№)	0–0,1	0,2	0,6–0,7	65,0–65,5

Удельный вес оксидов (в %)									
SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO	CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
4,2–9,9	0–0,1	<0,1	1,1–2,3	<0,1	0,2–0,4	0–0,1	0,03	0,2–0,3	49–50
5,4–10,9	0–0,3	–	1,1–1,4	–	0,4–0,7	–	0,05	0,2	46–48
1,2–1,5	0,1–0,2	0,2	0,8–1,1	<0,1	0,2–0,4	0–0,1	0,02	0,2–0,3	47–49
<0,1	0–0,1	–	3,7–3,8	0,1	1,3–1,7	<0,1	<0,1	0,2–0,3	26–27
–	–	0,8–2,4	6,0–8,5	0–0,1	2,6–3,4	<0,1	–	0,4–0,5	38–40
0,3–0,4	0,1	–	2,7–3,0	0–0,1	0,7–0,8	2,7–3,1	<0,1	0,2–0,3	28
0–0,1	0,6–0,7	0,1–0,2	5,9–6,1	0–0,1	1,1–1,3	1,6–1,7	–	0,3–0,4	30
0–0,1	<0,1	–	2,2–4,6	–	0,3	<0,1	–	0–0,1	34–36
<0,1	<0,1	–	3,6–5,3	–	0,2	<0,1	0–0,1	0,1	30–31
0–0,1	0,1	–	3,3–3,5	–	2,8–2,9	0–0,1	0–0,1	0,1	25–26
–	<0,1	0,1	4,0–4,2	<0,1	1,3–1,5	0,2	<0,1	0,2–0,3	30–32
0–0,1	0,3	0,6–0,8	7,0–7,5	<0,1	1,8–2,6	0,1	<0,1	0,3–0,4	30–31
<0,1	0,4	–	5,7–6,2	<0,1	0,5–0,7	1,6	<0,1	0,3–0,5	29–30
<0,1	0–0,1	0–0,3	3,5–3,9	0–0,1	0,7–0,9	1,5–1,9	–	0,2	29–30
0–0,1	0–0,2	–	6,6–7,5	<0,1	0,5–0,7	0,2	<0,1	0,3	35–36
0–0,1	0,2	0,1–0,2	2,8–3,1	<0,1	1,0–1,1	0,4	0–0,1	0,2	36–37
<0,1	0,1–0,2	<0,1	4,8–5,4	0,1	0,4–0,6	0,1–0,3	–	0,2–0,3	35–36
0–0,1	0,1–0,2	0,1–0,3	3,7	0,1	1,6–1,8	2,2	–	0,2–0,3	35
<0,1	0,3–1,1	0,9–1,3	9,9–11,9	0,1	6,4–6,9	0–0,1	0–0,1	0,5–0,6	22–27
–	0,1–0,2	–	4,3–4,5	0,1	0,6	1,5–1,7	0–0,1	0,2	26–27

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)			
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO
154	–”– (желтая)	Крым (Солхат), XIV в.	Феодосия (1995. Р. 2. Пол. № 6)	0,2–0,3	0,6–0,7	3,5–3,7	52,8–53,8
155	Полумайолика белоглиняная с зелено-коричневой росписью (бесцветная)	Византия, XII–XIII в.	Херсонес (№ 37131/ ВФ631-б)	0,1–0,2	0,2–0,3	0,7–0,8	64–69
156	Полумайолика белоглиняная с зелено-коричневой росписью (бесцветная)	Византия, XII–XIII в.	Херсонес (№ 37131/26)	0–0,1	0,2–0,3	0,2	68–70
157	Полумайолика белоглиняная с синей и коричневой росписью (синяя)	Италия (?) XIII в.	Херсонес (№ 37131/10)	2,0	0,7	2,4–2,5	54–56
158	Полумайолика с коричневой и синей росписью (бесцветная)	Средняя Азия, XIV в.?	Отрар (Болгарский музей. № 646–10/267)	1,8–3,8	2,1–3,4	1,5–2,2	–
159	Полумайолика с коричневой и бирюзовой росписью (бесцветная)	–”–	–”–	9,8–10,7	6,8–7,2	5,0–6,6	0,4–0,5
160	Полумайолика с синей росписью (бесцветная)	Поволжье? XV в.?	Казань (б/№)	13,5–14,2	5,2–5,4	5,2–6,4	0–0,1
161	Полумайолика с росписью ангобом (светло-желтая)	Старый Крым, XIV–XV вв.	Старый Крым (п.м.)	0,1–0,2	0,5	2,3–2,5	59
162	Полумайолика с росписью черной и крас-ной красками (желтая)	Средняя Азия XIV в.	Селитренное городище (ГИМ. 1985. № 201)	1,7–1,8	1,9–2,2	3,0–3,5	50–51
163	Селадон (бледно-зеленая)	Китай, XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	0,3–0,4	3,7–4,8	9,3–12,3	<0,1
164	Белый фарфор с синей росписью (бесцветная)	Китай, XIV в.	Селитренное городище (п.м.)	3,5–3,9	2,6–2,9	8,4–9,5	<0,1
165	Цычжоу-яо (бесцветная)	Китай, XIII в.	Селитренное городище (1984. Р. XIII. № 75)	2,0–2,1	3,4–4,1	3,2–5,0	–
166	Цычжоу-яо (коричневая)	Китай, XIII в.	Селитренное городище (1984. Р. XIII. № 65	0,5–0,7	1,9–2,8	5,5–8,9	–
167*	–”–	–”–	Селитренное городище (п.м.)	–	2,3–2,4	5,3–5,9	–
СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ							
168	Глазурь “фаянса”	Фаюм (Египет), Римская эпоха	Дим (*Lucas*, 1948. Р. 536)	5,5	10,7	3,8	–
169	Фаянс с люстровой росписью (белая)	Иран, конец XII в.	Рюриково городище (*Галибин*, 2005. № 603–17)	9	2,5	5	15

Удельный вес оксидов (в %)									
SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO	CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
–	0,4	0,2–0,4	3,8–4,3	<0,1	4,2–4,8	0,1–0,2	–	0,2–0,3	30–31
0,1	0–0,1	–	1,0–2,3	<0,1	0,2–0,4	<0,1	<0,1	0,1	29–31
0–0,1	0–0,2	–	4,3–5,0	<0,1	0,4–0,5	0–0,1	<0,1	0,1	24–26
0–0,1	<0,1	0,3	1,1–1,3	0,2	0,9–1,0	<0,1	0,8–0,9	<0,1	34–35
–	0,1	1,2–1,7	0,5–0,8	–	0,2	–	–	<0,1	88–89
–	0,1	2,8–3,6	2,5–3,8	0,1	1,0–1,2	1,1–1,3	–	0,1–0,2	65–66
<0,1	0,1–0,2	1,7–2,1	2,3–2,5	<0,1	1,3–2,6	<0,1	0,2–0,4	0,1	67
0–0,1	0,3–0,5	–	5,1	<0,1	1,6–1,7	0–0,2	–	0,2–0,3	28–29
0–0,1	0,5	<0,1	3,0–3,2	0–0,1	1,5–1,6	0,1–0,2	–	0,2	34–35
<0,1	0,1	1,3–2,0	13,6–14,1	0,5–0,8	0,9–1,3	<0,1	<0,1	0,1–0,2	66–69
0–0,1	0,1	0,4	14,2–15,4	0,1	0,7–0,9	–	<0,1	<0,1	68–69
–	0,1–0,2	0,7–0,9	17,6–19,5	<0,1	0,6–0,7	0,1	–	0,1–0,2	68–70
0–0,1	0,1	1,6–2,4	15,8–20,9	0,1	3,6–5,5	–	<0,1	0,7–1,0	60–65
–	–	1,8–2,4	10,9–11,4	–	6,4–6,7	–	–	?	64
СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ									
0,8	?	0,7	–	0,3	0,8	1,8	?	?	75,6
7,5	–	1	2	<0,1	1,4	0,2	–	0,2	?

№	Тип керамики (цвет глазури)	Место производства, дата	Место находки и адрес образца	Удельный вес оксидов (в %)									
				Na_2O	K_2O	CaO	PbO	SnO_2	Sb_2O_3	MgO	Al_2O_3	MnO	FeO
170	Фаянс с люстровой росписью (белая на внешней поверхности)	Иран, конец XII в.	Рюриково городище (*Галибин*, 2005. № 602–22)	6,5	2	9	14	8	–	3,4	2,2	<0,1	1,2
171	–”– (прозрачная синяя на внутренней поверхности)	–”–	Тот же образец (№ 602–21)	11	2	8	0,3	0,1	–	5	2,5	<0,1	2,5
173	Полуфаянс с полихромной росписью (бесцветная)	Хорезм, XIV в.	Куня-Ургенч (*Сайко*, 1969, Прил. 4. № 14)	12,1	1,5	4,9	?	2,3	?	2,6	?	?	1,7
174	Полуфаянсы с голубой глазурью	Хорезм, XIV в.	(*Сайко*, 1969. Прил. 4)	7,2–11,9	0,6–1,9	2,5–8,2	?	3,0–6,9	?	2,7–5,2	?	?	1,1–2,4
175	Полуфаянсы с синей росписью (бесцветная)	Золотая Орда, кон. XIV в.	Селитренное городище (*Шляхова*, 1981. Табл. 3)[2]	4–14	–	4–15	0–0,3	0–0,3	–	0,6–6	0,9–5,5	0–0,2	0,3–2,8
176	Кашинная бусина (голубая)	Египет? XIII в.	Торопец (*Фоняков*, 1991. С. 58–59)	1,0	3,3	4,5	0,001	0,8	?	0,5	–	0,1	0,9
177	Кашинная бусина (голубая)	–”–	Пожегское гор-ще (*Савельева, Павлова,* 1993. С. 162–163. № 25)	0,6	–	1,6	0,1	–	–	0,4	1,1	–	0,4
178	Кашинные плитки (голубая)	Средняя Азия, XIV в.	Средняя Азия (*Абдуразаков*, 1987. Табл. 4)	2,7–4,5	1,6–2,8	5,1–6,9	16,7–24,1	4,8–5,6	?	2,2–3,5	3,5–8,1	–	1,8–2,7
179	Полумайолика сграффито (бесцветная)	Палестина, XII–XIII вв.	*Frierman*, 1970. P. 384.	1,5	0,75	1,5	60,0	4,0	?	0,25	?	?	1,0

Удельный вес оксидов (в %)									
CuO	CoO	TiO_2	SiO_2
0,4	–	0,15	?
<0,1	0,3	0,15	?
?	?	?	69
?	?	?	64–75
0–0,1	0–0,7	?	?
0,2	–	?	?
1,4	–	0,02	?
?	–	?	42–53
?	?	?	28,0

[1] Условия измерения: рабочее напряжение 20 кв, ток зонда 20 нА, экспозиция для каждого элемента 10 сек. Эталонами сравнения служили: альбит (Na Ka), ортоклаз (K Ka), андрадит (Si Ka, Ca Ka, Fe Ka), MnTiO3 (Mn Ka, Ti Ka), Al2O3 (Al Ka), SnO2 (Sn La), Cu (Cu Ka), MgO (Mg Ka), Co (Co Ka), PbS (Pb La), Sb (Sb La). Определение состава каждого объекта проводилось на нескольких участках. При этом, ввиду нестабильности изучаемых объектов под электронным пучком и неоднородности изучаемых объектов, измерения проводились расширенным (30 мкм) зондом. Измеренные относительные интенсивности пересчитывались в концентрации методом ZAF-коррекции по программе PAP из математического обеспечения микроанализатора.

Знак “?” означает, что определение содержания оксида не проводилось или не указано в источнике; знак ”–” означает, что содержание оксида равно нулю.

[2] В составе глазури этого образца зафиксирована окись серебра (0,4–0,7%).

[3] Результаты 16 анализов, выполненных В.А. Галибиным.

Приложение 2

КАТАЛОГ НАХОДОК АМФОР НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Сокращения: × – количество находок в литературе не указано; Д – детинец (кремль); М – “много” находок (согласно литературе); ОГ – окольный город; Н – “несколько” находок (согласно литературе); П – посад, предградье, подол; ФЗ – феодальный замок; ОКА – осмотр коллекций автором; С – селище; Мн – монастырь; ОТРП – открытое торгово-ремесленное поселение.

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок: обломки	количество находок: целые амфоры			
1	Новгород (до 2004 г.)	>3000	3	I/1,2 II/1,2 III IV/2	>400 ~2100 97 57	 1 2	конец X–XIII	ОГ	*Волков*, 1996а. С. 90–103, рис. 1–5; *Колчин и др.*, 1981. С. 86–88, рис. 40
2	“Рюриково” городище	>1500		I/1 I/2 II/2 II/3 III IV	5 83 13 1 2 2		2-я половина XII – 1-я половина XIII		*Носов и др.*, 2005. С. 69, табл. 42; ОКА
3	Юрьев монастырь (под Новгородом)	X					домонгол.	Мн	*Булкин и др.*, 1985. С. 127
4	Псков 1969–1989	X 7		II	X			ОГ	*Гроздилов*, 1962. С. 76, рис. 59, *8*; *Лабутина*, 1983. С. 140; *Коваль*, 1997 г
		Н	1				XII	Д	*Белецкий*, 1981. С. 41, рис. 12
		229	1	I/1 I/2 II/1 II/2 III IV	9 110 69 27 14	 1 	XI–XIII	ОГ	ОК
5	Старая Ладога 1938, 1948, 1949, 1957	М		I			X		*Станкевич*, 1951. С. 240, рис. 7, 10; ОКА
		58		I/1 I/2 II/2 III IV	5 40 5 6 2		XI–XIII	Д	ОКА
6	Борисоглебское селище “А” (Новгородская обл., Великолукский р-н)	1					X–XIV	С	*Александров и др.*, 1987. С. 3
7	Юрьев (совр. Тарту, Эстония)	Н					XI	Д	
8	Торопец (Малое Торопецкое городище)	1					XII–XIII	Д	*Корзухина*, *Малевская*, 1961. С. 40

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок: обломки	количество находок: целые амфоры			
9	Старая Русса	9		I/2 II/2 III IV	3 4 1 1		XII		*Коваль*, 1996в. С. 172–176.
10	Белоозеро (городище)	479 (от 22)		I/1 I/2 II/2 Проч.	10 174 144 151		XI XII–XIII XI–XII	–	*Голубева*, 1973а. С. 101–104; 1973б. С. 188, табл. 35
		106							Сборы С.Д. Захарова
11	Октябрьский мост (поселение в г. Череповец)	×					X–XIV	С	*Кудряшов*, 2000б. С. 56
12	Устюжна	1					XI–XII	Д	*Никитин*, 1967. С. 117
13	Рыбинск (Усть-Шексна)	более 20		I			домонгол.	–	*Рыкунова*, *Рыкунов*, 2005. С. 144; *Рыкунова и др.*, 2004. С. 209
14	Торжок (Новый Торг)	25		I/2 II/2 III IV VIII	14 5 4 1 2		XI–XII		*Малыгин*, 1981. С. 79, 82, рис. 4, 27, 41; ОКА
15	Тверь	3		I/2 II/2	2 1				*Мясникова* (*Жилина*), 1981. Рис. 16, *к-17*
16	Ярославские могильники	×					X–XI	–	*Мальм*, 1963. С. 49.
17	Тимеревское поселение	1					X	С	*Седых*, 1982. С. 195–196, рис. 50, *б*
18	Ярославль	× 12		 I/2 II/2	 1 11		XIII	Д	*Воронин*, 1949 в. С. 185; ОКА
19	Углич	2							Раскопки С.В. Томсинского 2001 г. (ОКА)
20	Ростов	122		I/1 I/2 II/2 III проч.	6 33 3 16 6		XI–XIII		*Самойлович*, 2000. Рис. 4; ОКА
21	Плёс	×					домонгол.	Д	*Травкин*, 1997. С. 181
22	Городец на Волге	Н					XII–XIII	Д	*Медведев*, 1968. С. 33
23	Нижний Новгород	36		I/2 II/2 IV	33 2 1		XIII–XIV	П ?	ОКА
24	Ближнее Константиново 1 (селище около Нижнего Новгорода)	15		I/2	15		XIII–XIV	С	*Грибов*, *Коваль*, 2007. С. 225
25	Переславль-Залесский	Н							*Воронин*, 1949б. С. 199, рис. 5, *9*, *10*, *12*
26	Юрьев-Польской	500 (от 3)					домонгол.	Д	*Родина*, 1993; 2004. С. 53

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
27	Семьинское городище (около Юрьева-Польского)	×					XII – начало XIII	ФЗ	*Родина*, 1992
28	Суздаль	>100	1	I/2 II/2 III	9 4 4		XI	Д, ОГ	*Варганов*, 1946. С. 133; *Седова*, 1987. Рис.2; *Родина*, 1988. С. 174; ОКА
29	Васильковское селище (близ Суздаля)	1					XII–XIII	С	*Лапшин*, *Мухина*, 1988. С. 13
30	Весь (селище близ Суздаля)	1						С	*Родина*, 2004. С. 54
31	Венчаново селище (Суздальский р-н)	1						С	*Родина*, 2004. С. 54
32	Омутское I селище (близ Суздаля)	×					XI–XIII	С	*Макаров и др.*, 2002. С. 176
33	Омутское III селище (близ Суздаля)	×					XI–XIII	С	*Макаров и др.*, 2002. С. 176
34	Кистыш II селище (близ Суздаля)	×					XI–XIII	С	*Макаров и др.*, 2002. С. 176
35	Владимир	>700	5	I/2 II/2 III IV проч.	>400 >300 >20 >20	2 2 1		Д	*Воронин*, 1949а. С. 238, рис. 30, *15–17*; *Седова*, 1994а. С. 97; *Родина*, 1994. С. 89; *Жарнов*, *Мошенина*, 2001. С. 86 (ОКА)
36	Ярополч-Залесский	около 50		I/2			XII–XIII	Д	*Седова*, 1978. С. 94
37	Дмитров	6		I/2 II/2 III	4 1 1		XII–XIII	Д	ОКА
38	Можайск	3		I/2 II/2	1 2		XII	Д	ОКА
39	Москва	48	 1	I/2 II/2 I/2	2		XII – 1-я половина XIII 1-я треть XIII	Д	*Коваль*, 1997б; *Владимирская*, 1979. Фото 5; *Латышева*, 1971. С. 217, рис. 1, *21*; *Панова*, 1994. С. 86
40	Мякинино-1 селище (Московская обл.)	5		I/2	5		Конец XII – 1-я треть XIII		*Коваль*, 2006а. Опись, № 364, 409, 422, 427, 442
41	Балашихинское городище (Московская обл.)	1		II/2			домонгол.	П	*Полюлях*, *Чернов*, 2000. Рис. 8, *35*
42	Коломна	15		I/2 II/2 VIII Проч	7 4 2 2		XII–XIII	Д	*Мазуров*, *Коваль*, 2004. С. 303, рис. 9
43	Ростиславль Рязанский	10		I/2 III IV	8 1 1		начало XIII		*Коваль*, 1994. С. 34, 44, табл. 2, *14*; 7, *70–73*; 1998в; 1999б
44	Пронск (в том числе городище на горе Гневна)	М (>48)	3	I/2 II/2	7 9	3	XII–XIII	Д	*Мальм*, *Фехнер*, 1974. С. 197, рис. 3; ОКА

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
45	Малиновское селище (около Пронска)	1					XII–XIII	С	*Полякова*, 1974. С. 218
46	Изяславль (Ижеславское городище)	1						Д	*Монгайт*, 1961. С. 224; 1953. № 220
47	Жокинское городище	27		I/2 II/2 IV	1 25 1		XII–XIII	Д, П	Раскопки А.Л. Монгайта 1959 г. и разведки П.Е. Русакова 2000 г.; ОКА
48	Переяславль-Рязанский	>10		I/2 II/2	2 2		XII–XIII	Д	*Коваль*, *Судаков*, 1995. С. 134; *Монгайт*,1961. С. 189; *Макаров М.М.*, 1983. Табл. 82, *2*, 120, *1*; *Судаков*, 1988. Табл. 67, *1–6*; *Монгайт*, 1956. № 817, 921
49	Старая Рязань	>400	>6	I/1 I/2 II/2 III IV VIII Проч.	 149 177 18 8 1 11	1 2 3	XI–XIII	Д, ОГ	*Даркевич*, *Борисевич*, 1995. С. 158–159,163,177,181,190–195, 203, рис. 106, 117.; *Монгайт*, 1955. С. 157, рис. 145
50	Чевкинское селище (у Старой Рязани)							С	*Даркевич*, *Борисевич*, 1995. С. 435
51	Муром	247		I/1 I/2 II/2 III	6 139 38 4		домонгол.	Д	*Чалых*, 1982; 1984; 1985; 1986; *Седова*, *Чалых*, 1983; ОКА
52	Чебашихинское селище (ок. Мурома)	Н					X–XI	С	*Горюнова*, 1961. С. 181
53	Ст. Котлицы селище (Муромский р-н)	1		III					*Леонтьев*, 1994
54	Городище “Земляной струг” (около Касимова)	7		I/1 I/2	6 1		XI–XIII	Д	Разведки В.П. Челяпова 2001 г. (ОКА)
55	Березовка 5 поселение (Тульская обл.)	8		II/3	8		2-я половина XIII	С	*Гоняный*, *Гриценко*, 2000. С. 152 (ОКА)
56	Лавское селище-посад (около Ельца)	5		I/2 IV	2 1		домонг.	П	Раскопки Н.А. Тропина (ОКА)
57	Лебедянь	2	2	I/2 IX	2	1 1	XIII	П?	*Коваль*, *Надов*, 2007.
58	Замятино-10 поселение (Липецкая обл.)	около 70 (от 2)		I/2	70		домонгол.	С	*Ивашов*, 2001. С. 90 (ОКА)
59	Шиловское поселение (в г. Воронеж)	4		I/2 VI	2 2				*Пряхин и др.*, 1987. С. 25, рис. 2, 8 (ОКА)
60	Семилукское городище (Воронежская обл.)	Н		I/2	1		XII–XIII	Д	*Пряхин*, *Цыбин*, 1991. С. 97–98, рис. 5, *5*; 1996. С. 38
61	Животинное городище (Рамонский р-н Воронежской обл.)	×					IX–X		*Винников*, 1988. С. 29

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок: обломки	количество находок: целые амфоры			
62	1-е Белогорское гор-ще (Воронежская обл.)	×					IX–X		*Винников*, 1988. С. 28
63	Казинка селище	>2		I/2	2		XII-XIV	С	*Матвеева*, 1972. С. 108
64	Никольское городище (Знаменский р-н Тамбовской обл.) правый берег р. Цна	X					Конец XII – 1-я половина XIII	?	*Андреев*, 2002. С. 92
65	Гродно	7		I II/2	× 1		XI–XII	Д	*Воронин*, 1954а. С. 60; *Трусау и др.*, 1993. С. 50, мал. 79; ОКА
66	Турейск	×							*Зверуго*, 1969. С. 147.
67	Волковыск	1600		I/2 II/2	× × ×		2-я половина XI – 1-я половина XIII		*Зверуго*, 1975. С. 80
68	Новгородок (современный Ново-грудок)	2202 ×		I/2 II/2 IV VII проч.	1802 178 101 79 22		XI – 1-я половина XIII	ОГ, П Д	*Малевская*, 1969а. С. 185–191, рис. 1; Гуревич, 1988. Рис. 7. *Зильманович*, 1965. С. 93, 97, рис. 35, *8*
69	Берестье (современный Брест)	72					XI–XII		*Лысенко*, 1985. С. 385, табл. 2
70	Дрогичин	×							*Розенфельдт*, 1997. Рис. 3
71	Вослоним-Услоним (современный Слоним)	10		I/2 II/2	H H			Д	*Зверуго*, 1969. С. 147; 1972. С. 269, рис. 30
72	Дрысвяты (городище близ г. Браслав Витебской обл.)	× 1					XI–XIII „	Д П	*Семянчук*, 1997. С. 345, 346
73	Полоцк	187	1	IX	×		до 1240 г.	Д	*Штыхов*, 1978. С. 115
		H (>11)		I/1 I/2 II/2	4 2 5		XI в. – 1230-е годы	П	*Штыхов*, 1975. С. 87, табл. 1, 2, 3; рис. 55, *1–5*; ОКА
		19 M					XII–XIII X–XI	Д Д	*Тарасов*, 1983. С. 58
74	Лукомль	30		I/1	2			Д	*Штыхов*, 1978. С. 45; 1969б. С. 343, рис. 21, 17; ОКА
75	Борисов	H							*Штыхов*, 1978. С. 101
76	Изяславль (совр. Заславль)	24		I/1 I/2 II/2 III	1 3 18 1				*Штыхов*, 1978. С. 85, 86; *Заяц*, 1995. С. 18–20, рис. 60, *2*; ОКА
	Городищеще Замэчек (Изяславль)	28		I/2	28		X–XI	Д	*Заяц*, 1995. С. 13, рис. 60, *1*
77	Логойск	17							*Штыхов*, 1978. С. 90

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок: обломки	количество находок: целые амфоры			
78	Городище на р. Менке (Минская обл.)	×						Д	*Зверуго*, 1969. С. 147.
79	Минск	75		I/2 II/2	4 38		XII	Д	*Штыхов*, 1978. С. 76; ОКА
		×		I/2	1		2-я половина XI – середина XII	Д	*Загорульский*, 1982. С. 242, 285, рис. 185
80	Капланцы городище (Березинский р-н Минской обл.)	4		II/2	4			Д	*Кошман*, 2001. С. 118; ОКА.
81	Дружба поселение (в Минске)	>3		I/2	1		2-я половина X – 1-я половина XIII	С	*Заяц*, 1994. С. 133–136, мал. 3, *5*
82	Витебск	2						Д	*Штыхов*, 1978. С. 38, 40
		×					X–XII	ОГ	*Бубенько*, 1988
		8					домонгол.	Д	Информация Л.В. Колединского
		20					домонгол.	П	*Колединский*, 1986. С. 70
83	Друцк	2		II/2	2				*Алексеев Л.В.*, 1966. С. 106; ОКА
84	Орша	H							*Штыхов*, 1978. С. 99
85	Копыль	25		I/2 II/2 III	1 22 3		домонгол.	Д	*Калядзінскі*, 1996. С. 2
86	Клецк	×					X–XIII		*Поздняков*, 1991. С. 23
87	Слуцк	7		I/2 II/2	>1 >1			Д	*Лысенко*, 1974. С. 147
88	Пинск	X		I/2	8		1078–1086 гг.	ОГ	*Равдина*, 1957. С. 150; ОКА
		131		I/2	10		XII–XIII	Д	*Лысенко*, 1974. С. 83, 99, 86; ОКА
89	Давид-городок	X							*Earwood*, *Malachowska*, 1993. P. 538
90	Туров	257		I/2 II/2	× ×		XII–XIII	Д	*Полубояринова*, 1961. Рис. 32, *1*; 34; 1963. С. 45–47
		433					X–XIII	Д	*Лысенко*, 1974. С. 44, 66
91	Мозырь	1					XII–XIII	Д	*Трусов*, 1985. С. 408
92	Смоленск раскопки храмов	138					X–XIII	П	*Асташова*, 1991. С. 45
		186		I/2 II/2	111 75	1	XII – начало XIII	П	ОКА; *Модестов*, б.г.. С. 41–49; *Сапожников*, 1999. С. 123, рис. 5
93	Гнёздовские курганы		1	V		1	X		*Авдусин*, *Тихомиров*, 1950. Рис. 3

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок: обломки	количество находок: целые амфоры			
94	Гнёздовское поселение	34		I/1 I/2 II/2 IV Проч.	18 1 6 4 5		X–XI XII–XIII XII–XIII XII–XIII ?	ОТРП	ОКА
95	Ольшанское городище (около Смоленска)	4		I/1	4		X–X		ОКА
96	Александровское селище (Смоленский р-н)	Н		II/2	1		домонг.	С	*Модестов*, б.г. С. 53
97	Воищина городище (Смоленская обл.)	Н		I/2	Н		XII–XIII	ФЗ	*Седов*, 1960. С. 88
98	Ковшаровское городище (Смоленская обл.)	1	1	I/2 II/2	1	1		Д	*Лявданский*, 1926. Рис. 42; табл. II, *29*
99	Рославль	1					1-я половина XIII	Д	*Раппопорт*, *Шолохова*, 1976. С. 84
100	Мстиславль (Могилевская обл.)	2					1230–1240 гг.	Д	*Алексеев Л.В.*, 1995. С. 142
101	Серенск (Калужская обл.)	Х		I/2	1			Д	*Никольская*, 1981. С. 285; ОКА
102	Спасское городище (около устья Угры)	2		I/2	1		домонгол.	Д	*Никольская*, 1979. Опись, № 228, 229
103	Владимир-Волынский	9	2	I/2 II/2	5 4	– 2	XII	Д ОГ	*Якобсон*, 1950. Рис. 62; *Кучинко*, 1984б. С. 68
104	Перемышль (городище в С. Перемыль Волынской обл.)	×					XII–XIII		АПВЗ. С. 146
105	Луцк	4		I/2			XII–XIII	ОГ	*Колосок*, 1976; Кучинко, 1984а. С. 102; ОКА
106	Червен	37		II/2	1		XI–XIII	Д, П	*Abramowicz*, 1959. S. 156, 185. Rys. 58
107	Затурцы городище (Локачинский р-н Волынской обл.)	×					домонгол.	П	*Кучера*, 1968б. С. 195
108	Муравица (городище у С. Млыново Ровенской обл.)	×					XII–XIII		АПВЗ. С. 144
109	Пересопница	38		I/2 II/2 III	35 2 1		XI–XIII		*Шеломенцев-Терский*, 1988. С. 167; *Терський*, 2000. С. 182, 183; ОКА
110	Дорогобуж (Ровенская обл.)	>600					X–XIII		*Прищепа*, *Ніколченко*, 1996. С. 99–100
111	Плиснеск (городище у С. Подгорцы Львовской обл.)	32	2	I/2 II/2 III IV	12 13 1 6	1 1	XII–XIII	Д?	*Кучера*, 1962. С. 51, рис. 20, *8*; *Ратич*, 1972. Рис. на с. 16
112	Листвен (Дубновский р-н Ровенской обл.)	×					домонгол.		*Чайка*, 2002. С. 153

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок: обломки	количество находок: целые амфоры			
113	Белз (Львовская обл.)	41		I/1 I/2 II/1 II/2 III Проч.	1 20 1 13 1 3			Д	*Петегирич*, 1985. С. 141; *Ратич*, 1961. С. 121; ОКА
114	Львов	23		I/2	23		XII–XIII	Д	Львівський…, 1959. С. 28; *Ратич*, 1961. С. 119–121; *Петегирич*, *Івановський*, 1993. С. 42; *Терський*, 2000. С. 198. ОКА
115	Зудеч (г. Жидачев Львовской обл.)	×					XII–XIII	Д	*Осальчук*, 1997. С. 290
116	Звенигород (городище в Львовской обл.)	935	1	I/2 II/2 III IV VII Проч.	438 441 18 24 5 9	1	XI–XIII	Д, ОГ	*Ратич*, 1973. С. 93; *Свешников*, 1995. С. 53; 1986. Табл. XXXIX; ОКА
117	Городок (Львовская обл.)	×					домонгол.	?	*Корчинский*, *Петегирич*, 1987. С. 348
118	Щекотов (Жовквинский р-н Львовской обл.)	×					домонгол.	Д	*Чайка*, *Мазур*, 2003. С. 46
119	Изяславль (городищеще у с. Городище Хмельницкой обл.)	М (>80)		I/2 II/2 III IV	>53 >19 >5 1			Д	*Кучера*, 1975а. С. 277; *Пескова*, 1978. С. 70; Фонды ГЭ
120	с. Губин Старокон-стантиновского р-на Хмельницкой обл.		1				?	?	*Терещук*, 1981. С. 79
121	Гринчук городищеще (Хмельницкая обл.)	Н					XII–XIII	Д	*Пачкова*, 1979. С. 94
122	Староконстантинов (Хмельницкая обл.)		3	I/2		3	XIII	Д	*Виногродська*, 2006. С. 87, рис. 4
123	Ушица (Каменец-Подольский р-н Хмельницкой обл.)	×					XII–XIII		*Кучера и др.*, 1977. С. 321
124	Галич	1156	1	I/2 II/2 III IV VII Проч.	536 529 19 57 9 7	1		П	*Гончаров*, 1955. С. 27; *Малевская*, 1969. С. 95; *Ратич*, 1957. С. 54. Табл. III, *3*
125	Теребовль	×		II/2					АПВЗ. С. 95
126	Городница городище (Ивано-Франковская обл.)	4			4				АПВЗ. С. 143; ОКА
127	Райковецкое городище (Житомирская обл.)	×		I	×		XII–XIII		*Малевская*, 1969а. С. 187; *Якобсон*, 1958. С. 123
128	Василев (Черновицкая обл.)	7		I/2 II/2	5 2		XII–XIII		*Тимощук*, 1982. С. 152

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
129	Городище Дараба-ни-Шовб (Черновицкая обл.)	×					XII–XIII	ФЗ	*Тимощук*, 1982. С. 117
130	Черновское городище (Черновицкая обл.)	×	2	I/2		1	XII – 1-я половина XIII	ФЗ	*Тимощук*, 1982. С. 107; *Тимощук*, *Филипчук*, 1982. Рис. 10, *1*; *Возний*, 1998. С. 20, рис. 9, 31, 67
131	Перебыковцы (Хотинский р-н Черновицкой обл.), берег Днестра	×					XII-XIII	С	*Тимощук*, 1971. С. 293
132	Молодия городище (Глубокский р-н Черновицк. обл.)	2		I/2	2		XII – 1-я половина XIII		*Тимощук*, *Томенчук*, 1977. С. 380
133	Горишни Шеривци II городище (Черновицкая обл.)	×					X–XII	Д	*Тимощук*, 1982. С. 62
134	Ленковецкое городище (в г. Черновцы)	112		I/2 II/2 III IV	57 36 14 5		XII – 1-я половина XIII	Д	*Малевская и др.*, 1970. С. 118–126, рис. 5, *17*, *18*; 6, *11*, *12*, *37–39*; 7, *12*; *Тимощук*, 1982. С. 26, 27, рис. 15, *1*, *2*
135	Онут (Черновицкая обл.)						XII–XIII		*Тимощук*, 1982. С. 181
136	Мусоровка поселение (Заставновский р-н Черновицкой обл.)	1		II/2	1			С	ОКА
137	Ставчаны поселение (Кицманский р-н Черновицкой обл.)	1		II/2	1			С	ОКА
138	Копачицы (Поднестровье)	×						С	*Ратич*, 1961. С. 122
139	Чигырлень 1 (Яловенский р-н Молдовы)		1	I/2		1		С	*Постикэ*, 1992. С. 159, 160
140	Петруха поселение	22					IX–XI	С	*Хынку*, 1969. С. 50
141	Кучельмин (городище Мерешовка) (Молдова)	112		II/2 VI	X X		XII–XIII	Д	*Власенко*, 1983. С. 83–86, рис. IV, *21*
142	Ганск (Ханска) поселение (Молдова)	Н	1				X–XII	С	*Чеботаренко*, *Тельнов*, 1983. С. 99; *Постикэ*, 1992. С. 159–160
143	Лукашевка V селище	×					XIII–XIV	С	*Хынку*, 1961. С. 90
144	Вышгород	М		I/2	М		X–XII	Д	*Довженок*, 1952. С. 15, 19, табл. 1, 4, 6
		285	1	I/1 II/2 III	× × ×	1	X–XI XII XI–XII	П	*Пекарская*, *Зоценко*, 1985. С. 131; ОКА; *Булгаков*, 2001в
145	Предславино селище (г. Киев)	М					XII	С	*Мовчан*, 1993. С. 45

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
146	Пересечин (Китаевское городище; г. Киев)	Н	1				XII–начало XIII	П	*Мовчан*, 1993. С. 146–147, 159; *Даркевич*, 1976. С. 54
147	Киев		4	I/2 II/2		1 1	X–XI	Д	*Хойновский*, 1896. С. 24, 29, 34, 36, 40, рис. 69, 99, 100; *Голубева*, 1949. С. 115, 117
				III		1			*Петров*, 1915. Табл. XI, 6
		14		I/1? II	× ×			Д ОГ	*Каргер*, 1950. Рис. 30
			1	I/2		1	XII–XIII	ОГ	*Монгайт*, 1955. Фото на с. 352
	1930 г.	1		I/1	1			Д	*Козловська*, 1931. С. 51
	1950 г.	4		II/2	2			Д	*Каргер*, 1958. Рис. 15, 105. С. 136
		около 200						Д	*Богусевич*, 1954. С. 51
	1973 г.	198		I			XI–XII	Д, ОГ	*Боровський*, 1976. С. 88, 95, рис. 6
	1963–1978 гг.	×	2	I/2 II/2	×	1 1	XII–XIII	П	*Толочко и др.*, 1976. Рис. 2; ОКА
	1980–1982 гг.		обломки от 80	I/2 II/2		× ×		Д, ОГ, П	*Толочко и др.*, 1981. С. 373, рис. 100
		625	×	I/1 I/2 II/1 II/2 III VI	× × X	× × 1	XII–XIII	П	*Ивакин*, *Степаненко*, 1985. С. 87,89,102, рис. 9, 27; *Сагайдак*, 1991. Рис. 42, 35, 36, 38
	1982–1983 гг.	2	2	I/1	2	2		Д	Раскопки Я.Е. Боровского на ул. Владимирской, 7 (МИК)
	1984–1989 гг.	М	3	I/1 I/2 II/2 III	М 2	3 1	XI–XII	Д	*Боровський*, *Калюк*, 1993. С. 21, 26, 29, 31, 33
	1984–1989 гг.	×		I/1 III		1	XI–XIV	П	*Зоценко*, *Брайчевська*, 1993. С. 71; *Гончар*, 1993. С. 181; *Брайчевська и др.*, 1993. С. 234, рис. 14; ОКА
		×		VII		×	XIII		*Булгаков*, 2000
	Всего	>104							
148	Белгород	190		I/1 I/2 II/1 II/2 III IV VI Проч.	12 112 2 49 6 5 2 3		XI–XIII	Д, П	*Довженок и др.*, 1966. С. 85; *Рыбаков*, *Николаева*, 1970. С. 287; ОКА (1966–1973, 1975)

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
149	Пилюты селище (Киевская обл.)	×					XII–XIII	С	*Кучера и др.*, 1984. С. 58
150	Звягиль городище (бассейн р. Тетерев)	×							*Булгаков*, 2001б. С. 153
151	Витачев (Киевская обл.)	×					XII–XIII	Д	*Кучера и др.*, 1984. С. 63
152	Иван (Ржищевские городище и селище. Киевская обл.)	 ×	1 1	I/1		1	X ? XII–XIII	Д П ?	*Кубишев*, 1972. С. 56, рис. 1, *4*; *Кучера и др.*, 1984. С. 68
153	Ходосовка селище (Киевская обл.)	×					VIII–IX	С	Південноруське село..., 1997. С. 8, 16
154	Дорогинка III селище (Киевск. обл.)	4					XII–XIII	С	*Серов*, 2001. С. 118, рис. 11, *1*, *3*, *4*
155	Заруб (городище Монастырек-Восточное)	Н		I/2	Н		XII–XIII		*Максимов*, *Петрашенко*, 1988. С. 47, 109, рис. 44
156	Григоровское городище (Киевская обл.)	М	1	II/2		1	XII – начало XIII	Д	*Приходнюк*, 1980. С. 92, рис. 5, *4*
157	Григоровское поселение (“Чернече”) (Каневский р-н)	330		I/1 I/2 II/1 II/2 III IV VI	11 17 2 277 10 8 5		XI–XII XII–XIII XI–XII XII–XIII XI–XII XII–XIII XII–XIV	С	*Булгаков*, 2005. Табл. 1
158	Поселение в урочище “Ревутово” у с. Григоровка (Каневский р-н)	50, в том числе 1 с граффито		II/2	>25		XII	С	*Петрашенко*, 1999. С. 67, рис. 3, *1*,*15*; *Булгаков*, 2005. С. 249
159	Бобрица (Каневский р-н)	×		II/2	×			С	Булгаков, 2005. С. 249
160	Кононча (Каневский р-н)	×		II/2 VI				С	*Булгаков*, 2005. С. 249
161	Родень (городище Княжа Гора)	2000	1	I/2 VII	× ×				*Мезенцева*, 1968. С. 101, табл. XXII, *2*, *4*, XXIII, *1*, *10*
162	Томашовка селище (Киевская обл.)	М					XII	С	*Кучера и др.*, 1984. С. 45
163	Украинка IV селище (Киевская обл.)	×					XII–XIII	С	*Кучера и др.*, 1984. С. 59
164	Юрьев (Гургев) (современный г. Белая Церковь)	>200		I II	× ×		XII–XIII		*Іванченко*, *Орлов*, 1986. С. 7, рис. 7, *11*; *Орлов и др.*, 1985. С. 39, 40, рис. 7, *8*
165	Бакожино городище (Киевская обл.)		1	I/2		1	X		*Якобсон*, 1951. Рис. 12
166	Чепелиевка-1 селище	×					XI–XII	С	*Латуха*, 1998. С. 99; *Булгаков*, 2001в
167	Шаргород городище	×							*Брайчевський*, 1952. С. 63

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
168	Сахновка поселение (Черкасская обл.)	×					XII–XIII	С	*Приходнюк*, 1988. С. 94
169	Гомель (летописный Гомий)	7					XI–XIII	Д, ОГ, П	*Макушников*, 1994. С. 169, 175, 178; 1996. С. 164, 166, 169
170	Петруши селище (Черниговская обл.)	×					X–XIII	С	*Веремейчик*, 1990. С. 83
171	Чернигов	М	>6	I/1 I/2 II/2 III IV	 X 1	>3 1 1 1 1	XI–XIII	Д, П	*Богусевич*, 1955. С. 6, 10; информация А.В. Шекуна; ОКА
		1	1	II/2 III	1	 1	XII	Д, П	*Рыбаков*, 1949а. Рис. 30, 42
			1	I/2		1			*Казаков*, 1990. С. 25.
172	Любеч	М М		I	М		XI	Д	*Гончаров*, 1952. С. 134; *Юра*, 1986. С. 338
173	Автуничи селище (Черниговская обл.)	×		I/1 I/2	2 1		XI XI	С	*Коваленко*, *Моця*, 1992. С. 10; *Булгаков*, 2000а
174	Поселение “Кринница” у С. Нов. Белоус близ Чернигова	9		I/1			X – начало XI	С	*Шекун*, *Сита*, 1992. С. 47; *Веремейчик*, *Коваль*, 2005
175	Петровка городище (Бобровицкий р-н Черниговской обл.)	×						П	*Моця*, *Халиков*, 1997. С. 93
176	Поселение Ров-2 (у с. Шестовыцы Черниговской обл.)	26		I/2 II/2			XI–XII	С	*Моця*, 1999. С. 57; *Веремейчик*, *Коваль*, 2005
177	Городище в урочище Коровель (у с. Шестовицы Черниговской обл.)	1					XI–XII	П	*Коваленко*, 1981. С. 96
178	«Очеретеная гора» поселение (близ Чернигова)	2		I/1 II/2			XI–XII	С	*Кузнецов и др.*, 1977. С. 32; *Веремейчик*, *Коваль*, 2005
179	Деснянка селище (близ Чернигова)	23		I/2 II/1 II/2 IV VI VIII	5 1 10 1 5 4		1-я половина XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
180	«Овраменков круг» поселение (у с. Березанка Черниговской обл.)	10		I/1 I/2 II/2	1 8 1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
181	Лесковое селище (Чернигов. обл.)	276 (от 138 амфор)		I/1 I/2 II/2 III IV VII VIIII	27 147 58 8 2 31 3		домонгол. (в основном XII в.)	С	*Шекун*, *Веремейчик*, 1999. С. 61; *Веремейчик*, *Коваль*, 2005

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
182	Александровка 2 селище (Черниговская обл.)	26		I/2 II/2	4 22		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
183	Ходча 1 поселение (у с. Андреевка 2 Черниговской обл.)	2		I/2			XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
184	Штигенки поселение (у с. Великая Весь Черниговской обл.)	3		I/2 II/2	2 1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
185	Кораблище 1 поселение (у с. Великий Змиев Черниговской обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
186	Голубичи 3 селище (Черниговская обл.)	4		I/2 II/2	1 3		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
187	Гучин 2 селище (Черниговская обл.)	1		I/2	1		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
188	Должик 3 селище (Черниговская обл.)	1		I/1	1		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
189	Карховка 1 селище (Черниговская обл.)	2		I/1	2		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
190	Поселение «Селище» (у с. Кислые Черниговской обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
191	Клонов селище (Черниговская обл.)	2		I/2	2		XII–XIII		*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
192	Льгов селище (Черниговская обл.)	4		I/1 I/2	2 2		XI–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
193	Курганки поселение (у с. Льгов Черниговской обл.)	1		I/1	1		XI		*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
194	Макишин селище (Черниговская обл.)	20		I/1 I/2	13 7		XI–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
195	Мохнатин 2 селище (Черниговская обл.)	1		II/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
196	Мутичев 1 селище (Черниговская обл.)	1		I/1			XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
197	Пойма 1 поселение (Черниговская обл.)	1		I/1			XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
198	Буськ (Львовская обл.)	×					XII–XIII	?	*Довгань*, 2008. С. 242
199	Пересаж селище (Черниговская обл.)	1		I/1			XI		*Веремейчик*, *Коваль*, 2005

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
200	Займище поселение (Черниговская обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005.
201	Полуботки 1 селище (Черниговская обл.)	3		I/1 I/2	1 2		XI–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
202	Репки 2 селище (Черниговская обл.)	2		II/2 IV	1 1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
203	Чаплище 2 селище (Черниговская обл.)	4		I/1 I/2 II/2 IV	1 1 1 1		XI–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
204	Сибереж селище (Черниговская обл.)	6		I/1 II/2 IV	2 2 2		XI–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
205	Старый Белоус 2 (“Сомов Хвост”) селище (Черниговская обл.)	2		I/1	2		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
206	Товстолес 1 селище (Черниговская обл.)	1		II/1	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
207	Убежичи 1 селище (Черниговская обл.)	1		I/1	1		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
208	Убежичи 3 селище (Черниговская обл.)	1		I/1	1		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
209	Унучки селище (Черниговская обл.)	1		I/1	1		XI		*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
210	Ланок поселение (Черниговская обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
211	Посление «Селище» (у С. Хмельница Черниговской обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
212	Талашов поселение (у С. Хмельница Черниговской обл.)	7		I/2 II/2	4 22		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
213	Шумлай селище поселение (у с. Хмельница Черниговской обл.)	10		I/1 I/2 II/1 II/2	1 1 1 7		XI–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
214	Поселение «Селище» (у с. Вершинова Муравейка Черниговской обл.)	1		II/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
215	Мироновщина поселение (у с. Вершинова Муравейка Черниговской обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
216	Глузды 1 селище (Черниговская обл.)	1		I/1	1		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
217	Бруховица поселение (у с. Горбово Черниговской обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
218	Ковчинское городище (Куликовский р-н Черниговской обл.)	×					X–XIII	П	*Коваленко, Ситий*, 1993. С. 71
219	Голопятовка поселение (у с. Ковчин Черниговской обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
220	Горожена поселение (у с. Комарище Черниговской обл.)	1		I/1	1		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
221	Селецкое поселение (у с. Куликовка Черниговской обл.)	4		I/1 I/2	3 1		XI–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
222	Ледань селище (Черниговская обл.)	1		I/1	1		XI	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
223	Поселение Янчино (у с. Салтыкова Девица Черниговской обл.)	1		I/2	1		XII–XIII	С	*Веремейчик*, *Коваль*, 2005
224	Блистовит (городище в Менском р-не Черниговской обл.)	×					XII–XIII	Д	*Вознесеньска и др.*, 1984. С. 19
225	Карпиловское городище (летописная Лутава ?) (Козелецкий р-н Черниговской обл.)	×					XII–XIII		*Коваленко*, *Шекун*, 1993. С. 102
226	Селище у Табаевского курганного могильника (Черниговская обл.)	×					X–XIII	С	*Шекун*, 1987. С. 436
227	Остер (Козелецкий р-н Черниговской обл.)	1		III		1	XII–XIII	?	НМИУ. № В3848
228	Березый (городище у пос. Березна Менского р-на Черниговской обл.)	×					XII	Д	*Коваленко*, 1994. С. 64
229	Вщиж	×					домонгол.	Д	*Рыбаков*. Отчет № 9 (ИИМК. Ф. 35)
230	Дебрянск (современный Брянск)	30		I/2	30		домонгол.	ОГ	*Поляков*, 1995б. С. 124–127
231	Рябцево городище (Стародубский р-н Брянской обл.)	1		I			домонгол.	Д	*Коваленко*, *Шинаков*, 1997. С. 94; рис. 5А, 45
232	Осовик городище (Рогнединский р-н Брянской обл.)	М					домонгол.	ОГ	*Павлова*, 1977. С. 64

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
233	Слободка городище (Орловская обл.)	100	1	I/2		1	XII–XIII	Д	*Никольская*, 1987. С. 141, рис. 62, № 1
234	Новгород-Северский	М		I/2 IV	1 1		конец XI – XIII	Д, ОГ	*Куза и др.*, 1996. С. 9, 13, 14, 17, рис. 6, *21*
235	Сосница (городище у С. Ляшковцы Черниговской обл.)	×					XII–XIII	Д	*Коваленко*, *Шекун*, 1991. С. 27
236	Путивль	×					конец XI – середина XII	Д	*Сухобоков*, 1991. С. 71
237	Беловежа (городище в Черниговской обл.)	×					XI–XIII	Д	*Коваленко*, *Сытый*, 1991. С. 62
238	Вырь (Сумская обл.)	×		II/2		×	XII–XIII		*Приймак*, 1990. С. 105
239	Вьяхань (Сумская обл.)	×					XII–XIII	П	*Моргунов*, 1982
240	Курск	×		I/2 II/2	× ×		домонгол.		Раскопки В.В. Енукова, ОКА
241	Ратское городище (поселение 1)	×		I/2	×		домонгол.	ОГ	Раскопки В.В. Енукова, ОКА
242	Липинское городище	×					домонгол.		Сообщение О.Н. Енуковой
243	Рыльск	×					до 1240 г.	Д	*Фролов*, 1986. С. 80
244	Крапивное городище (Курская обл.)	×					XII	Д	*Плетнева*, 1964. С. 26, 28, рис. 13, *4*
245	Донец (Донецкое городище в Харькове)	×						Д	*Кучера*, 1975б. С. 285
246	Хотмыжское городище (Борисовский р-н Белгородской обл.)	×					XII–XIII	Д	*Дьяченко*, 1985. С. 54
247	Комаровка селище (Киевская обл.)	×		I	×		XI–XIII	С	*Беляева*, *Кубишев*, 1995. С. 32
248	Переяславль (современный Переяслав-Хмельницкий)	×		I/2	×		XI–XIII	Д, П	*Рыбаков*, 1949б. С. 24; *Каргер*, 1954. С. 13; *Якобсон*, 1979. С. 113; *Трофименко*, 1993. С. 56
249	Устье (пристань Переяславля-Южного)	×					XI–XIII		*Кучера*, 1968а. С. 247
250	с. Цибли (около Переяславля)	1		I/1	1		XI	?	*Булгаков*, 2001а. С. 148
251	с. Харковцы (около Переяславля)		1	I/1		1	XI–XII	?	*Булгаков*, 2001а. С. 242
252	Городище у с. Городище (Переяславльский р-н)	×					XI	П	*Кучера*, 1970. С. 223
253	Желнь (Желдь) (у с. Жовнино Полтавской обл.)		1	I/1		1			*Моргунов*, 1991. С. 100, рис. 1, *5*

Приложение 2 (окончание)

№	Адрес находок	Всего находок		В том числе идентифицированные			Датировка находок (века)	Тип поселения	Источники
		обломки	целые амфоры	группа, тип	количество находок				
					обломки	целые амфоры			
254	Воинь	М	4	I/2 II/2 VI		1 1 1	XII–XIII XIII	Д, П	*Довженок и др.*, 1966. С. 84–85, табл. XII –XIII
255	Кснятин (городище и курган № 197 у с. Снитин Полтавской обл.)	2					XI–XIV	Д	*Моргунов*, 1990. С. 39, 43. Рис. 3, 2
256	Кизивер, городище (у с. Матвеевка Полтавской обл.)	М						П	*Копилов*, 1949. С. 252
257	Синец (Синеч) (с. Сенча Полтавской обл.)	3		II/2	3		XI – начало XIII		*Пескова*, 1978. С. 90–91, рис. 3, *19*
258	Сампсониев остров (городище и селище рядом с Сенчей)	26					2-я половина XII	Д, П	*Моргунов*, 1993. С. 65
259	Свиридовка городище	×					XII–XIII	Д	*Моргунов*, 1993. С. 65
260	Чутовка, городище (Полтавская обл.)	2		I/2	2		XII–XIII		*Медынцева*, *Моргунов*, 1986. С. 55 –57, рис. 1, 2
261	Новые Санжары, поселение (Полтавская обл.)	Р		I/2			XII–XIII		*Бовкун*, *Суховська*, 1991. С. 89, рис. 2, 5, 6

ЛИТЕРАТУРА

Абд аль-Рамуф Али Юсуф, 1962. Гончарные изделия эпохи Фатимидов и их художественная роспись. Каир. (На арабс. яз.).

Абдуллин И.А. и др., 1988. Татарско-русский словарь. М.

Абдуразаков А.А., 1987. Химические составы керамики и глазурей архитектурных памятников Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981. Древности Старого Орхея. Золотоордынский период. Кишинев.

Авдусин Д.А., 1957. Возникновение Смоленска. Смоленск.

Авдусин Д.А., 1972. Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М.

Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н., 1950. Древнейшая русская надпись // Вестник АН СССР. М. № 4.

Айбабин А.И. и др., 2003. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.

Акишев К.А. и др., 1972. Древний Отрар. Алма-Ата.

Акишев К.А. и др., 1975. Отрар XVI–XVIII веков по итогам раскопок 1971–1973 гг. // Древности Казахстана. Алма-Ата.

Акопян Н.Г., Бабаян Ф.С., Жамкочян А.С., Калантарян А.А., Кафадарян К.К., Кочарян Г.Г., 2008. Двин. Ереван. Т. IV: Город Двин и его раскопки (1981–1985 гг.)

Александров А.А. и др., 1987. Исследования на Псковщине // АО 1986 года. М.

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля. М.

Алексеев Л.В., 1995. Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. № 6.

Алексеев С.И., 1992. Археологические исследования в городе Костроме // Памятники истории и культуры Верхневолжья. Нижний Новгород.

Алексеев С.И., 1993. Новые данные о материальной культуре средневековой Костромы // Плесский сборник. Плес. Вып. 1.

Алексеев С.И., 1994. Материалы к археологической карте города Костромы // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола.

Андреев С.И., 2002. Работы Тамбовской экспедиции // АО 2001 года. М.

Андреев С.И., 2005. Юго-Восточная граница рязанского княжества в **XII–XIV вв. по данным археологических источни**ков // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.

Андреев С.И., 2006. К вопросу о юго-восточном рязанском пограничье в XII–XIV вв. // Археология Юго-Востока Руси. Елец.

Андреев С.И., Романцов А.Н., 2005. Древнерусское поселение первой половины XIII в. у с. Никольское на р. Цна // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск. (Учен. зап. Уральского ун-та; Сб. 7).

Арапова Т.Б., 1977. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Л.

Арапова Т.Б., 1989. Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII–I четверти XVIII в. // Труды ГЭ. Л. Т. XXVII.

Армарчук Е.А., 2001. Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма, функции и возраст // Татарская археология. Казань. № 1–2 (8–9).

Арне Т.И., 1928. Китайская чашка из Владимирской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. М. Вып. IV.

Арсланова Ф.Х., 1998. Женские погребения IX–X вв. с бусами из казахского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; Москва. Вып. 2.

Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А., 1991. Посуда кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белаяа Вежа // МИА. № 62.

Асанов Ш.А., 1988. Крымскотатарско-русский словарь. М.

Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.

Археолошко благо Сербије. Београд, 1983.

Асташова Н.И., 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М.

Ахмедов Г.М., 1959. Неполивная керамика Орен-Кала IX–XIII вв. // МИА. № 67.

Ахмедов Г.М., 1979. Средневековый город Байлакан. Баку.

Ахмедов Г.М., 1986. Средневековый город Барда. Баку.

Ахраров И., 1969. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV–XVI вв. // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. № 8–9.

Бадян В.В., Чиперис А.М., 1974. Торговля Каффы в XIII–XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев.

Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О., 2005. Отырар Алкабы. Алматы.

Баллод Ф.В., 1923. Приволжские Помпеи. М.; Пг.

Баранов И.А., 1985. Полихромная керамика Сугдеи XII–XV вв. // ППКЗИПР.

Баранов И.А., 1991. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев.

Баранов И.А., Майко В.В., 2001. Комплекс амфор XIII–XIV вв. из Сугдеи // Морська тргівля в Північному Причорномор'і. Київ.

Башенькин А.Н., 1986. Юго-Западное Белозерье во второй половине I – начале II тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Башкатов Ю.Ю., Зоценко В.Н., Тимощук В.Н., 1992. Отчет Межигорского отряда Подольской постоянно действующей экспедиции "О полевых исследованиях по ул. Межигорской, 11 в 1991 г. и полевых наблюдениях в 1991–1992 гг. на Подоле" // Архив Ин-та археологии НАНУ.

Белецкий С.В., 1981. Раскопки Псковского городища в 1977–78 гг. // Древнерусские города. М.

Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов. Вып. 15.

Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика. М.

Беляев Л.А., 1997. Восточнохристианские и романские элементы в культуре домонгольской Руси // Труды **VI Международ**ного Конгресса славянской археологии. М. Т. 1.

Беляев Л.А., 2007. "Бачини": бытовая глазурованная керамика в архитектуре поздневизантийского периода // РА. № 3.

Беляев Л.А., 2010. "Восточные влияния" или общеевропейский "ориентализм"? О методических подходах к характеристике

исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в **IX–XVI вв.: Новые археологические исследования**. М.
Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996. Археология средневековой Москвы: (Итоги исследований 1980–1990 гг.) // РА. № 3.
Беляев Л.А., Чернецов А.В., 1999. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте. М.
Беляева С.А., 1986. Древнерусские селища // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.
Беляева С.О., Кубишев А.І., 1995. Поселення Дніпровського Лівобережжя X–XV ст. Київ.
Бередников Я.И., 1844. Запска об открытых в Московском Кремле древностях. СПб.
Бліфельд Д.І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Киев.
Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
Бобринский А.А. и др., 1999. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.
Бовкун І.В., Суховська І.В., 1981. Давньоруське городище в Нових Санжарах // Пам`ятки археології Полтавщини. Полтава.
Богусевич В.А., 1954. Археологічні розкопки в Киеві на Подолі в 1950 р. // Археологія. Київ. Т. IX.
Богусевич В.А., 1955. Археологічні раскопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. V.
Богуславский О.И., 1993. Южное Приладожье в системе Трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада. СПб. Вып. 1.
Болдин И.В., 1995. Отчет об археологических раскопках на городище у с. Троицкое Калужской обл. в 1995 г. // Архив ИА РАН.
Болдин И.В., 1996. Археологические работы в монастыре Оптина Пустынь и на Любутском городище // АО 1995 года. М.
Борисов Б., 2002. Керамика и керамично производство през XI–XII век: (от територията на днешна югоизточна България) // Марица изток археологически проучвания. Раднево. Т. 6.
Борисов Б., 2007. Поливная посуда с рельефной и скульптурной орнаментикой из юго-восточной Болгарии // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Киев.
Боровський Я.Е., 1976. Археологічні лослідження в "городі" Ярослава // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ.
Боровський Я.Е., Калюк О.П., 1993. Дослідження Кипвського Дитинця // СК.
Бочаров С.Г., 2005. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Киев.
Брайчевський М.Ю., 1952. Слов'вянські пам'ятки середнього Порося // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. III.
Брайчевский М.Ю., 1964. Биля джерел слов'янскої державності. Киев.
Брайчевська О.А., Михайлов П.С., Сагайдак М.А., 1993. Дослідження ділянки Подолу по вул. Спаський у 1988–1989 рр. // СК.
Брусенко Л.Г., 1986. Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент.
Бубенько Т.С., 1988. Торговля Витебска в X–XIII вв. (по материалам окольного города) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.
Булатов Н.М., 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.
Булатов Н.М., 1969а. Кашинные миниатюрные сосуды из Нового Сарая // Древности Восточной Европы. М.
Булатов Н.М., 1969б. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестн. МГУ. История. № 2.
Булатов Н.М., 1969в. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: Дис. ... канд. ист. наук. М. // Архив МГУ.
Булатов Н.М., 1972. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища // СА. № 1.
Булатов Н.М., 1974. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. № 4.
Булатов Н.М., 1976а. Классификация красноглиняной поливной керамики золотордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.
Булатов Н.М., 1976б. О трех гончарных печах Селитренного городища // СА. № 1.
Булатов Н.М., 1979. Иранская ваза с Селитренного городища // СА. № 2.
Булатов Н.М., 2002. Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М.
Булгаков В.В., 1999. Северопричерноморские глазури XIII–XIV вв.: археометрическое изучение // ВЕАЖ. № 1 (1).
Булгаков В.В., 2000а. Амфорные находки из Автуничей // ВЕАЖ. № 2(3).
Булгаков В.В., 2000б. Византийские амфоры **IX–XIV вв.: основные типы** // ВЕАЖ. № 4 (5).*Булгаков В.В.*, 2000в. Гравированные амфоровидные сосуды из Киева // ВЕАЖ. № 5 (6).
Булгаков В.В., 2001а. Византийские амфорные клейма XI в. с монограммой имени Константин // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.
Булгаков В.В., 2001б. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ.
Булгаков В.В., 2001в. Сероглиняные амфоры XI–XII вв. // ВЕАЖ. № 2 (9).
Булгаков В.В., 2005. Амфорные находки XI–XIII вв. на поселении Григоровка // *Петрашенко* В.А. Древнерусское село: (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев.
Булгакова В.И., 1995. Византийская поливная керамика XI–XII вв. из Белгородки // Регіональне і загальне в історії. Дніпропетровськ.
Булкин В.А., Седых В.Н., Штендер Г.М., 1985. К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
Бурдинская Е.И., 2006. Китайский фарфор в поселенческих памятниках русского времени на территории Притомья XVII–XVIII **вв. // Производственные центры: источники, "дороги"**, ареал распространения. СПб.
Бурнашева Ф.А., 1963. Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X–XII вв. // ИМКУ. Вып. 4.
Быков А.А., 1971. О хазарском чекане VIII–IX вв. // Труды ГЭ. Вып. 12.
Бяшимова Н.С., 1989. Поливная керамика Южного Туркменистана. Ашхабад.
Вактурская Н.Н., 1952. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-Кала Туркменской ССР // ТХАЭЭ. М. Т. 1.
Вактурская Н.Н., 1959. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ. М. Т. 4.
Валеев Р.М., 1986. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань.
Валиулина С.И., 1991. Поливная керамика Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань.
Валиулина С.И., 1997. Исследования ремесленного комплекса алхимика и стеклодува в центре Билярского городища // Биляр и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников. Казань.
Валиулина С.И., 2000а. Исследования золотоордынского Биляра // Труды ГИМ. М. Вып. 122.
Валиулина С.И., 2000б. Стеклянные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале XIII в. // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.
Валиулина С.И., 2005. Стекло Волжской Болгарии. Казань.
Валиулина С.И., 2007. Иранская чаша XII в. из Биляра // РА. № 1.
Варганов А.Д., 1946. Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) // КСИИМК. Вып. 12.
Вархотова Д., 1969. Художественная керамика XV – начала XVI века из Ташкента // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. № 8–9.
Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.
Васильева И.Н., 1988. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар. М.
Векслер А.Г., 1959. Майоликовая плитка XII в. из собрания Смоленского музея // СА. № 3.
Векслер А.Г., 1985. Отчет об археологических раскопках в г. Москве и Московской обл. в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10976.
Векслер А.Г., 1990. Отчет об археологических работах в Москве в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15119–15126. Т. 1–8.
Векслер А.Г., 1993. Отчет об археологических работах в г. Москве в 1993 г. // Архив ИА РАН.
Векслер А.Г., 1994а. Отчет об археологических исследованиях на Манежной площади в Москве в 1994 г. // Архив ИА РАН.
Векслер А.Г., 1994б. Отчет об охранных археологических исследованиях на селище "Мякинино-2" в 1994 г. // Архив ИА РАН.
Векслер А.Г., 1995а. Отчет об археологических охранных раскопках на селище Мякинино-2 в Северо-Западном округе г. Москвы в 1995 г. // Архив ИА РАН.
Векслер А.Г., 1995б. Отчет об археологических исследованиях на Манежной площади в Москве в 1995 г. // Архив ИА РАН.
Векслер А.Г., Коваль В.Ю., 1998. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве // РА. № 3.
Веремейчик Е.М., 1990. Охранные исследования поселения у с. Петруши // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
Веремейчик Е.М., Коваль В.Ю., 2005. Византийские амфоры на сельских поселениях Черниговщины // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький.
Веселовский Н.И., 1890, 1892. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией в XVI–XVIII вв. СПб. Т. 1–2.
Византийский Херсон. М., 1991.
Вилков О.Н., 1958. Китайские товары на Тобольском рынке в XVII в. // История СССР. № 1.
Вильчевский О.Л., 1961. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. // СА. № 2.
Винников А.З., 1988. Славянские поселения на р. Воронеж // Древности славян и Руси. М.
Винников А.З., 1992. Славянское Животинное городище на р. Воронеж // Путь из Болгара в Киев. Казань.
Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье. VIII – начало XI века. Воронеж.
Винников А.З., Пряхин А.Д., 1983. Боршевский курганный могильник на р. Дон // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж.
Виноградська Л.І., 2006. Археологічні **дослідження у м. Старокостантинів** Хмельницької обл. в 2005 р. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ; Запоріжжя.
Вишневская О.А., 1958. Раскопки караван-сараев Ак-яйла и Талайхан-Ата // ТХАЭЭ. Т. 2.
Владимирская Н.С., 1979. Отчет об археологических раскопках в Кремле в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 7901.
Власенко И.Г., 1983. Древнерусский слой городища Мерешовка // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев.
Вознесеньска Г.О., Коваленко В.П., Орлов Р.С., 1984. Дослідження літописного Блистовита // Археологія. № 48.
Возний І.П., 1997. Чорнівське городище – феодальна садиба XII–XIII ст. // Любецький з'їзд князів 1097 року в істоичній добі Київської Русі. Чернігів.
Возний І.П., 1998. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Чернівці.
Возний І.П., Михайлина Л.П., Пивоваров С.В., 1997. Культурний развиток давньоруського населення Буковини // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Кипвської Русі // Чернігів.
Волков И.В., 1992а. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Волков И.В., 1992б. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов. Вып. 1.
Волков И.В., 1993. О назначении керамических шаров с золотоордынских городищ // ИАИАНД в 1992 году. Азов. Вып. 11.
Волков И.В., 1994а. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Ростов-на-Дону.
Волков И.В., 1994б. Распространение сфероконусов в Золотой Орде как отражение международной торговли // Международные отношения в бассейне Черного моря в средние века. Ростов-на-Дону.
Волков И.В., 1996а. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // ННЗ. Вып. 10.
Волков И.В., 1996б. Раскопки на территории Семеновской крепости // Археологические открытия 1995 года. М.
Волков И.В., 2001а. О происхождении двух групп средневековых клейменых амфор // Морська торгівля в Північному Причорномр'ї. Київ.
Волков И.В., 2001б. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причерномр'ї. Київ.
Волков И.В, 2005. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 19.
Волков И.В., 2006. Об определениях керамики и азовском сосуде в технике минаи // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22.
Волков И.В., 2007а. Массовая керамика золотоордынских городов: информативные возможности и проблема сохранения наследия // Средневековая археология евразийских степей. Казань. Т. II.
Волков И.В., 2007б. Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в **X–XVIII вв.: II Международная научная конференция**. Ялта.
Волков И.В., Новикова Г.Л., 1996. Красноглиняные "турецкие" курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
Волков И.В., Ярош В.Н., 2007. Анализ пигментов двух образцов кашинной керамики из Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: II Международная научная конференция. Ялта.
Воронин Н.Н., 1949а. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. № 11.
Воронин Н.Н., 1949б. Раскопки в Переяславле-Залесском // МИА. № 11.
Воронин Н.Н., 1949в. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11.
Воронин Н.Н., 1954а. Древнее Гродно // МИА. № 41.
Воронин Н.Н., 1954б. Отчет о работе Владимирской экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1002.
Воронин Н.Н., 1959. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2004.
Высоцкая Н.Ф., 1984. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVIII стст. Мінск.
Высоцкий Н.Ф., 1908. Несколько слов о древностях Волжской Булгарии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казень. Т. XXIV, вып. 4.

Высоцкий С.А., 1985. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев.
Газетная литература по поводу статьи И.Е. Забелина “Подземные хранилища Московского Кремля” и раскопки в Кремле // Археологические известия и заметки МАО. М., 1894. Т. 2, № 6–7.
Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
Галибин В.А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.
*Галибин В.*А., 2005. Результаты количественного спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов и керамической глазури Рюрикова городища // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2006. Городище под Новгородом и поселения северного Прильменья. СПб.
Галиева З.С., 2000. Сфероконические сосуды Средней Азии: к вопросу о типологии и хронологии // Средняя Азия: археология, история, культура. М.
Галкин Л.Л., 1971. Кашинный кувшин из Селитренного городища // СА. № 3.
Ганецкая І.У., 1995. Маёліка на Беларусі у XI–XVIII стст. Мінск.
Георгиева С., 1974. Керамиката от Дворцеца на Царевец // Царевград Търнов. София. Т. 2.
Герасимова Л.В., 1982. Бусы перми вычегодской // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь.
Герберштейн С., 1908. Записки о Московии. СПб.
Голубева Л.А., 1949. Киевский некрополь // МИА. № 11.
Голубева Л.А., 1960. Надпись на корчаге из Белоозера // СА. № 3.
Голубева Л.А., 1969. Белоозеро и волжские болгары // МИА. № 169.
Голубева Л.А., 1973а. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА. Вып. 135.
Голубева Л.А., 1973б. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
Голубева Л.А., 1978. Белозерская экспедиция // АО 1977 года. М.
Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь: (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
Гончар В.М., 1993. Археологічні дослідження колишнього митрополичого саду Києво-Печерської Лаври у 1987–88 рр. // СК.
Гончаров В.К., 1952. Розкопки Древнього Любеча // АП УРСР. Т. 3.
Гончаров В.К., 1955. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. // АП УРСР. Т. V.
Гоняный М.И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.
Гоняный М.И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XI – третья четверть XIV в.) // Тр. ГИМ. Вып. 150.
Гоняный М.И., Грищенко В.П., 2000. Поселение 2-й пол. XIII – нач. XIV в. Березовка-5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.
Горюнов Е.А., 1972. Селище Целиков бугор на Средней Десне // КСИА. Вып. 129.
Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.
Государственный музей искусства народов Востока. М.; Л., 1988.
Гражданкина Н.С., 1958. Древние строительные материалы Туркмении // ТЮТАКЭ. Т. 8.
Гражданкина Н.С., 1965. К истории керамического производства в Средней Азии: (методы изготовления сероглиняной керамики в IX–XIII вв.) // ИМКУ. Вып. 5.
Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М., Л.
Грибов Н.Н., 1996. Раскопки древнерусского селища в окрестностях Нижнего Новгорода // АО 1995 года. М.
Грибов Н.Н., 2005. Русское городище второй половины XV в. из нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. Вып. 9.
Грибов Н.Н., Коваль В.Ю., 2007. Восточная керамика из окрестностей Нижнего Новгорода // КСИА. М. Вып. 221.
Гроздилов Г.П., 1962. Раскопки древнего Пскова: (1954–1956) // АСГЭ. Вып. 4.
Гупало К.В., Ивакін Г.Ю., Сагайдак М.А., 1979. Дослідження Кипвського Подолу: (1974–1975 рр.) // Археологія Києва: Дослідження і матеріали. К.
Гуревич Ф.Д., 1968. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии // Славяне и Русь. М.
Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.
Гуревич Ф.Д., 1983. Связи древних городов Белоруссии с Причерноморьем и Средиземноморьем // Древнерусское государство и славяне. Минск.
Гуревич Ф.Д., 1984. Города Черной Руси и Киевская земля в XII–XIII вв. // Древнерусский город. Киев.
Гуревич Ф.Д., 1988. Западная Русь и Византия в XII–XIII вв. // СА. № 3.
Гуревич Ф.Д., 1991. Про культурні зв’язки Західної Русі з Херсонесом // Археологія. Київ. № 2.
Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В., 1968. Восточное стекло в Древней Руси. М.
Гурэвіч Ф.Д., 2003. Летапісны Навградак. СПб.; Навградак.
Гусач И.Р., 2007. Расписные полуфаянсы из Изника в турецкой крепости Азов // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим.
Гусева Т.В., 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Ежегодник: Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород.
Гюзальян Л.Т., 1965. Надписи на двух сфероконических сосудах из Байлакана // Палестинский сборник. М. Вып. 13 (76).
Давидович Е.А., 1960. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи // КСИА. Вып. 80.
Даркевич В.П., 1973. К истории торговых связей Древней Руси: (по археологическим данным) // КСИА. Вып. 138.
Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. М.
Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.
Даркевич В.П., 1977. Отчет о раскопках на городище Старой Рязани в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6906.
Даркевич В.П., 1978. Отчет о раскопках в Старой Рязани в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7171.
Даркевич В.П., 1985. Международные связи // Древняя Русь: город, замок, село. М.
Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
Даркевич В.П., Стародуб Т.Х., 1983. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА. № 2.
Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1985. Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 года // Вестник АН СССР. М. № 4.
Детинкина Н.И., 2010. Комплекс украшений Сухореченского поселения золотоордынского времени // ВУЗы в археолого-этнографических исследованиях Урало-Поволжья: опыт, проблемы, перспективы: Материалы XLII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Кострома.
Джанов А.В., 1999. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // ВЕАЖ.
Джанполадян Р.М., 1958. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. № 1.
Джанполадян Р.М., 1982. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // Археологические памятники Армении. Ереван. № 12.

Джапаридзе В.В., 1956. Керамическая промышленность Грузии XI–XIII вв.: (по археологическим данным). Тбилиси. (На груз. яз.)
Дзвонковский С.Л., 1993. Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI веков // Коломенское. Материалы и исследования. М. Вып. 5, ч. 2.
Довгань П., 2008. Буський археологічний комплекс: стан та перспективи дослідження // Праці Науково-дослідного інституту пам’яткоохоронних досліджень. Київ. Вип. 4.
Довженок В.И., 1952. Розкопки древнього Вишгорода // АП УРСР. Київ. Т. III.
Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське місто Воінь. Київ.
Довнар-Запольский М.Ф., 1910. Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. М.
Дресвянская Г.Я., 1969. Бусы с городищ Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. XIV.
Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.
Дубынин А.Ф., 1955. Отчет Московской археологической экспедиции. 1955 г. //Архив ИА РАН. Р-1. № 1110.
Дубынин А.Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.
Дудко О.А., 1963. Поливная золотоордынская керамика по материалам городища Маджар // Сборник докладов на VI и VII ВАСК. М.
Дьяконов М.М., 1949. Керамика Пайкенда // КСИИМК. Вып. 29.
Дьяченко А.Г., 1985. Исследования Хотмыжского городища // АО 1983 года. М.
Дьяченко А.Г., Лапчинская Л.В., Щапова Ю.Л., 1996. О химическом составе и происхождении стеклянных браслетов Донецкого городища // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж.
Енуков В.В., 1991. Славянский комплекс на р. Рать // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск.
Ерзакович Л.Б., 1966. Поливная керамика городища Сузак XII–XVII вв. // Вестник АН КазССР. Алма-Ата. № 5.
Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.
Жамкочян А.С., 1981. Фаянс средневековой Армении IX–XIV вв. // Археологические памятники Армении. Ереван. Т. 10.
Жарнов Ю.Э., Мошенина Н.Н., 2001. Исследования в “Ветчаном городе” Владимира // АО 1999 года. М.
Жилина Н.В., 1986. Материальная культура Твери // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М.
Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
Зайцева О.Е., 1996. Поливная посуда: некоторые методологические аспекты проблемы // ГАЗ. № 10.
Залесская В.Н., 1984. Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки // СА. № 4.
Залесская В.Н., 1985. Византийская белоглиняная расписная керамика IX–XII вв. Л.
Залеська В., Іванов О., Рябцева С., 1996. Кераміка // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.
Занкин А.Б., 2001. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська тогівля в Північному Причорномор’і. Київ.
Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
Заяц Ю.А., 1994. Поселішна X–XIII ст. каля в. Дружба (Рылаушчына) // ГАЗ. Мінск. № 3.
Заяц Ю.А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. Минск.
Зверев С.В., 2009. Клад золотых монет и русских слитков XIV века из Московского Кремля // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М.
Зверуго Я.Г., 1969. Писала древнего Волковыска // Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии. Минск.
Зверуго Я.Г., 1972. Археологические работы в Слониме // Беларускія старожитнасці. Минск.
Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск: X–XIV вв. Минск.
Зеленко С.М., 1999. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–1999 гг. // Vita Antiqua. Киев. № 2.
Земцов Г.Л., Ивашов М.В., Милованов С.И., 2007. Исследования в Задонском районе Липецкой области // АО 2005 года. М.
Зильманович И.Д., 1965. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. // КСИА. Вып. 104.
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., 1999. Гончарная керамика VIII–IX вв. с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Керчь. Т. III.
Зоценко В.Н., 1986. Торговля в южнорусских землях: (VIII – первая половина XIII в.) // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.
Зоценко В.Н., 1992. Волжская система путей сообщения в истории Южной Руси // Путь из Булгара в Киев. Казань.
Зоценко В.Н., 2001. Амфорна тара Києво-Подолу XII – початку XIII ст. // Морська торгівля в Північному Причерномор’ї. Київ.
Зоценко В.М., Брайчевська О.А., 1993. ремісничий осередок XI–XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ: Археологічні дослідження 1984–1989. Київ.
Зоценко В., Гончаров О., 1996. Скляні вироби // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.
Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я., 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева: 1978–1983 гг. Киев, 1985.
Ивашов М.В., 2001. Охранные раскопки поселения Замятино 10 на Дону // АО 1999 года. М.
Игнатенко И.М., Кузьмина Е.В., 1995. Раскопки усадьбы черниговского ремесленника сер. XIII – нач. XIV в. // Деснинские древности. Брянск.
Илчева В. 1975. Глинени лули от Велико Търново // Годишник на музеите от Северна България. Варна. Т. 1.
Искусство Ислама. Л., 1990.
Исланова И.В., 1982. Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. № 2.
Исмизаде О.Ш., 1964а. О глазурованной керамике с клеймами из средневековой Кабалы: (XI–XIV вв.) // Материальная культура Азербайджана. Баку. Т. V.
Исмизаде О.Ш., 1964б. О раскопках в Кабале на территории южной части городища в 1960 г. // Материальная культура Азербайджана. Баку. Т. V.
Исмизаде О.Ш., Ибрагимов Ф.А., 1983. Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку.
Івакін Г.Ю., 1996. Історичний розвиток Києва XIII – середини XIV ст. Київ.
Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А., 1993. Дослідження південної частини Подолу в 1984–1989 рр. // Стародавній Кипв. Археологічні дослідження 1984–1989 рр. Київ.
Іванченко Л.І., Орлов Р.С., 1986. Про локалізацію літописного Юрьева // Археологія. Київ. № 53.
Ільюцік А.У., Кошман В.І., 2003. Гарадзішча Свіслачь (матэрыялы даследавання 2000 .) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. № 6.
Кабаев Д.А., Гальчук Л.Л., 2007. Охранные исследования во Владимире на территории “Нового города” в 2005 г.: (раскопки на ул. Гагарина, 2) // Археология Владимиро-Суздальской земли. М. Вып. 1.
Казаков А.Л., 1990. К вопросу об усадебной застройке Черниговского предградья XII–XIII вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.
Казиев С.М., 1965. Первые итоги археологических разведок и раскопок в городище Кабала // Материальная культура Азербайджана. Баку. Т. VI. (На азерб. яз.)
Калантарян А.А., 1976. Раскопки центрального квартала 1964–1970 // Археологические раскопки в Армении. Ереван. № 15.
Калюк А.П., Фридман М.И., 1991. Исследования научно-производственного кооператива “Археолог” в Киеве // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Кипв. Вип. 1.

Калядзінскі Л.У., 1996. На археалагічнай практыцы // Настаунік. Мінск. № 16. 17.10.96.
Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
Каргер М.К., 1950. Археологические исследования Древнего Киева. Киев.
Каргер М.К., 1954. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому у 1952–1953 рр. // Археологія. Т. IX.
Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.
Карпов С.П., 1981. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XIV вв. М.
Кафадарян К.Г., 1952. Город Двин и его раскопки. Ереван. Т. 1.
Кафадарян К.Г., 1982. Город Двин и его раскопки. Ереван. Т. 2.
Кверфельдт Э.К., 1947. Керамика Ближнего Востока. Л.
Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата, 1991.
Кильчевская Э.В., Иванов А.С., 1959. Художественная промышленность Дагестана. М.
Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др., 1965. Древнемонгольские города. М.
Ключевский В.О., 1903. Курс русской истории. М.
Клянин Р.В., 1997. Корнике – город Рязанского княжества // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 2.
Кобозева Е.В., 2002. О находке сфероконуса в Твери // История и культура Тверского края. Тверь.
Кобозева Е.В., Дашкова (Сафарова) И.А., 1996. Керамическая коллекция из комплекса второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв. на территории Затьмацкого посада г. Твери // ТТЗ. Вып. 1.
Кобозева Е.В., Дворников А.С., 1997. Золотоордынская поливная чаша из Твери // ТТЗ. Вып. 2.
Коваленко В.П., 1981. Розвідувальни работи в Середньому Подесенні у 1976 р. // Археологія. Київ. № 36.
Коваленко В.П., 1993. Торгівля сільського населення Чернігово-Сіверської землі X–XIII ст. // Археологія. Київ. № 2.
Коваленко В.П., Моця О.П., 1992. Давньоруське поселення біля с. Автуничі на Чернігівщині // Проблеми вивчення середньовічного села на Поліссі. Чернигов.
Коваленко В.П., Ситий Ю.М., 1993. Дослідження Ковчинского городища на Чернігівському Задесенні // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. Київ.
Коваленко В.П., Сытый Ю.Н., 1991. Летописная Беловежа // Археология славянского юго-востока. Воронеж.
Коваленко В.П., Шекун О.В., 1991. Археологічна розвідка в околицях літописної Сосниці // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Кипв. Вип. 2.
Коваленко В.П., Шекун О.В., 1993. До локалізаціі літописної Лутави // Слов`яни і Русь у наукові спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів.
Коваленко В.П., Шинаков Е.О., 1997. Літописний Стародуб // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Кипвської Русі. Чернігів.
Коваль В.Ю., 1993а. Археологические исследования Ростиславльского стана // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.
Коваль В.Ю., 1993б. Керамика Среднего Востока на Волжско-балтийском пути и Хольмгард-Новгород // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород.
Коваль В.Ю., 1993в. Проблема русско-крымской торговли в IX–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. М.
Коваль В.Ю., 1994. Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль в Озерском районе Московской области и разведках в Зарайском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 20459.
Коваль В.Ю., 1995а. Керамика Востока на Руси // Древние культуры и цивилизации Восточной Европы. Одесса.
Коваль В.Ю., 1995б. "Корсунский мираж": (К вопросу о русско-херсонских связях) // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковдения. М.
Коваль В.Ю., 1995в. Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // ННЗ. Вып. 9.
Коваль В.Ю., 1995 г. Проблемы типологической группировки и статистической обработки средневековой керамики Руси // Деснинские древности. Брянск.
Коваль В.Ю., 1996а. Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // ТТЗ. Вып. 1.
Коваль В.Ю., 1996б. Испанская люстровая керамика в Москве // РА. № 1.
Коваль В.Ю., 1996в. Керамика Востока из раскопок в Старой Руссе // ННЗ. Вып. 10.
Коваль В.Ю., 1996г. Средневековая восточная керамика из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
Коваль В.Ю., 1997а. Ближневосточная поливная керамика из раскопок в Новгороде // ННЗ. Вып. 11.
Коваль В.Ю., 1997б. Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // ННЗ. Вып. 11.
Коваль В.Ю., 1997в. Восточная поливная керамика в средневековой Твери // ТТЗ. Вып. 2.
Коваль В.Ю., 1997г. Керамика Востока в Древней Руси // Материалы VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 1.
Коваль В.Ю., 1997д. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Фаянсы и полуфаянсы // РА. № 2.
Коваль В.Ю., 1997е. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации): Полумайолика, фарфор, неполивная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика // РА. № 3.
Коваль В.Ю., 1997ж. Керамика Востока и Византии на Руси: (конец IX–XVII вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.
Коваль В.Ю., 1997з. Средневековая восточная керамика из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
Коваль В.Ю., 1998а. Восточная поливная керамика Ильинского раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12.
Коваль В.Ю., 1998б. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. № 2.
Коваль В.Ю., 1998в. Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль и на Ростиславльском 1 селище в Озерском районе Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
Коваль В.Ю., 1999а. Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 13.
Коваль В.Ю., 1999б. Отчет об охранных археологических исследованиях на городище Ростиславль и Ростиславльском 1 селище в Озерском районе Московской области и археологических разведках в Зарайском и Серебряноприудском районах Московской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23588.
Коваль В.Ю., 2000. Византийская поливная керамика из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 14.
Коваль В.Ю., 2001. Кашинная керамика Золотой орды: происхождение, технология, терминлогия // Поволжье в средние века. Нижний Новгород, 2001.
Коваль В.Ю., 2002а. Восточная керамика из раскопок в Дмитрове // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.
Коваль В.Ю., 2002б. Заметки о керамическом импорте средневековой Сугдеи // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Киев; Судак.
Коваль В.Ю., 2002 в. Керамика Восточного Крыма в средневековой Руси // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Киев; Судак, 2002.
Коваль В.Ю., 2003а. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: древности тёмного времени. М.
Коваль В.Ю., 2003б. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // КСИА. Вып. 215.
Коваль В.Ю., 2003в. Керамика Востока на Руси в XIII веке // Русь в XIII веке: древности тёмного времени. М.
Коваль В.Ю., 2004а. Восточная поливная керамика в древнем Серенске // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: (материалы VI научной конференции). Калуга.
Коваль В.Ю., 2004б. Исследование керамического материала // Труды Подмосковной экспедиции. М. Т. 2.
Коваль В.Ю., 2005а. Византийская керамика на Руси в IX–XV вв. // Русь в IX–XIV вв.: Взаимодействие Севера и Юга. М.
Коваль В.Ю., 2005б. Византийские амфоры в Юго-Западной Руси // КСИА. М. Вып. 218.
Коваль В.Ю., 2005в. Восточная и византийская керамика из коллекции Национального музея истории и культуры Беларуси // Музейны весник. Мінск. Вып. 2.
Коваль В.Ю., 2005 г. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское. М.
Коваль В.Ю., 2005д. Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. № 2.
Коваль В.Ю., 2005е. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев.
Коваль В.Ю., 2006а. Отчет об охранных археологических раскопках на селище Мякинино-1 в Красногорском районе Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН.
Коваль В.Ю., 2006б. Восточная поливная керамика из раскопок Казани // Казань в средние века и раннее новое время. Казань.
Коваль В.Ю., 2006в. Юго-Восток Руси в системе торговых связей с Востоком: (по материалам импортной керамики) // Археология Юго-Востока Руси. Елец.
Коваль В.Ю., 2007а. Глазури причерноморской средневековой майолики и полумайолики: химический состав по данным спектрального анализа // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: (Тезисы конференции). Ялта.
Коваль В.Ю., 2007б. Керамика Востока и Византии в Тверском Кремле // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в **X–XVIII вв.: (Тезисы конференции)**. Ялта.
Коваль В.Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // Археология Подмосковья. М. Вып. 4.
Коваль В.Ю., 2009. О керамике "минаи" // Средневековая археология Поволжья (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола. (Материалы и исследования по археологии Поволжья; Вып. 4).
Коваль В.Ю., 2010 Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI вв. Новые археологические исследования. М.
Коваль В.Ю., Волошинов А.А., 2005. Псевдоселадон из Бахчисарая // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев.
Коваль В.Ю., Надов К.О., 2007. Находки византийской тарной керамики в Лебедяни // Верхнедонской археологический сборник. Липецк; СПб. Вып. 3.
Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 4.
Козловский И.П., 1930. Внешние сношения древней Руси // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону. Кн. 1, том III, вып. 5–6.
Кожемяко П.Н., 1963. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Козловська В., 1931. Розкопи р. 1930 у Киеві на горі Дитинці // Хроніка археології та истецтва. Київ. Ч. 3.
Кокорина Н.А., 1983. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань.
Кокорина Н.А., 1986. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань.
Кокорина Н.А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в.: (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань.
Кокорина Н.А., 2006. Гончарное производство Волжской Булгарии X – начала XIII в.: становление и развитие // Средневековая археология евразийских степей. М.; Йошкар-Ола.
Колединский Л.В., 1986. Торговые связи Витебска в X – начале XIII в.: (по археологическим данным) // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М.
Коледінскі Л.У., 1983. Справоздача аб раскопках на Верхнім Замку Вітебска у 1983 годзе // Архив Інстытута Гысторыі АН Беларуси.
Колосова И.О., Милютина Н.Н., 1994. "Большой курган" древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2.
Колосок Б.В., 1976. Истрико-топографічні умови возникновенія Луцка // Археологія. Киев. № 20.
Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.
Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1978. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М.
Колызин А.М., 2001. Торговля Москвы: (XII – середина XV в.). М.
Комаров К.И., 1981. Отчет о раскопках курганного могильника Плешково 1 в Кимрском районе Калининской ольасти в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8635.
Копилов В., 1949. Посульська експедиция 1945–1946 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. I.
Корзухина Г.Ф., Малевская М.В., 1961. Отчет о работе Торопецкого отряда в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2849.
Корчинский О.М., Петегирич В.М., 1987. Исследования летописного Городка // АО 1985 года. М.
Костомаров Н.И., 1862. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.
Косцюшко-Валюжинич К.К., 1905. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. СПб. Вып. 16.
Косцюшко-Валюжинич К.К., 1906. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. СПб. Вып. 20.
Котошихин Г., 1884. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.
Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск.
Кошман В.И., 2001. Образок святого Матфея с перегородчатой эмалью // РА. № 3.
Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре: (конец XIII–XIV в.). Киев.
Кравченко А.А., 1991. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев.
Крамаровский М.Г., 2001. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
Крамаровский М.Г., 2005. Алые пионы Эдема. О полихромии в керамике Золотой Орды **XIII–XIV вв. // Античная древность** и средние века. Екатеринбург. Вып. 36.
Кречетова М.Н., 1958. Из истории торговых отношений России и Китая в XVII–XVIII вв. // Труды ГЭ. Т. 2.
Кречетова М.Н., Вестфален Э.Х., 1947. Китайский фарфор. Л.
Кривонос В.П.. 1991. Вопросы черноморской торговли в польско-турецких договорах середины XV – первой половины XVII вв. // 350-летие Азовского осадного сидения. Азов.
Кропоткин А.В., Кропоткин В.В., 1988. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники Черняховской культуры. М.
Кропоткин В.В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27(а).
Кропоткин В.В., 1978. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Славяне и Русь. М.
Крот В.А., 1988. Торговля Польши с Турцией в Причерноморье (XV–I пол. XVI в.) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.
Кубе А.Н., 1923. История фаянса. Пг.; Берлин.
Кубе А.Н., 1940. Испано-мавританская керамика. М.; Л.
Кубишев А.І., 1972. Хронологія одного типу амфор часу Київської Русі // Археологія. Киев. № 6.
Куглюковский П.И., 1974. Исследования древнего жилища в г. Суздале // АО 1973 года. М.
Кудряшов А.В., 2000а. Исследования Шекснинского отряда в Белозерье // АО 1998 года. М.
Кудряшов А.В., 2000б. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА. № 3.
Куза А.В., 1989. Малые города древней Руси. М.
Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., 1988. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху “Слова о полку Игореве” // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев.
Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., 1996. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.
Кузнецов Г.А., Шекун А.В., Шуляк В.В., 1977. Исследования в окрестностях Чернигова // АО 1976 года. М.
Кулишер И.М., 1923. История русской торговли до XIX века включительно. Пб.
Курбатов А.В., 2004. Комплекс раннемосковского времени с Затьмацкого посада Твери // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
Курбатов Г.Л., 1988. Византия и Русь в IX–X вв.: (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л.
Курочкина С.А., 2002. Классификация керамики Сарай ал-Джедида // Тр. ГИМ. М. Вып. 135.
Курц Б.Г., 1915. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича // Сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира. Киев. Вып. VI.
Кучера М.П., 1962. Древний Пліснеськ // АП УРСР. Т. XII.
Кучера М.П., 1965. Середньовічне городище біля с. Сокільци на Південному Бузі // Археологія. Т. IX.
Кучера М.П., 1968а. До питання про древньоруське місто Устя на р. Трубеж // Археологія. Киев. Т. XXI.
Кучера М.П., 1968б. Раскопки у с. Затурцы на Волыни // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев. Вып. 2.
Кучера М.П., 1970. Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницким // Археологія. Киев. Т. XXIV.
Кучера М.П., 1975а. Городище поблизу с. Гордище на Волиі // Археологія УРСР. Т. III.
Кучера М.П., 1975б. Донецьке городище // Археологія УРСР. Киев. Т. III.
Кучера М.П., Горшний П.А., Моця А.П., 1977. Раскопки летописной Ушицы // АО 1976 года. М.
Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беляева С.А. и др., 1984. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев.
Кучинко М.М., 1984а. Древнерусское поселение на Гнидавской горке в Луцке // Археологія. Киев. № 48.
Кучинко М.М., 1984б. Древний город Владимир на Волыни // Древнерусский город. Киев.
Лабутина И.К., 1983. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова. М.
Лавыш К.А., 2008. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск.
Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л., 1987. Изготовление художественного стекла. М.
Лапшин В.А., Мухина Т.Ф., 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // ПИКД.
Латуха Т.И., 1998. Охранные археологические работы в г. Белая Церковь и его окрестностях // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ.
Латышева Г.П., 1971. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв.: (по материалам археологических раскопок 1959–1960 гг.) в Московском Кремле // МИА. № 167.
Левиатов В.Н., 1940. Керамика старой Ганджи. Баку.
Левиатов В.Н., 1949. Археологические раскопки близ дворца ширваншахов в г. Баку // Материальная культура Азербайджана. Баку. Т. 1.
Ленц Э., 1904. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока // ЗВОРАО. Т. XV.
Леонтьев А.Е., 1986. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. Вып. 183.
Леонтьев А.Е., 1994. Отчет о полевых исследованиях в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19061.
Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.
Лесман Ю.М., 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Летопис Руський. Київ, 1989.
Лещенко В.Ю., 1976. Использование восточного серебра на Урале // *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.
Лисова Н.Ф., 2003. Керамика Золотой Орды // Проблемы истории, культуры и развития языков. Казань.
Лисова Н.Ф., 2004. Орнамент поливной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань.
Лисова Н.Ф., 2006. Зооморфный орнамент на золотоордынской бытовой поливной керамике // III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. М.
Лисова Н.Ф., 2007. Происхождение некоторых орнаментальных сюжетов на золотоордынской кашинной керамике // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: II международная научная конференция. Ялта.
Лисова Н.Ф., 2010. Орнамент поливной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань (в печати).
Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л., 1991а. Гнездовские бусы: По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово. М.
Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л., 1991б. Замечания и пояснения к машинной версии программы “Сосуды” // Артефакт: программный продукт по археологии. М.
Лінко Л., 1927. Перська кераміка XIII веку в Музеі Мистецтв ВУАН // Український Музей. Київ. Вип. 1.
Лунин Б.В., 1961. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент. Вып. 2.
Лунина С.Б., 1960. Средневековые штампы для орнаментации из Мерва // Изв. АН Туркм. ССР. Серия обществ. наук. Ашхабад. № 1.
Лунина С.Б., 1962. Гончарное производство в Мерве в X – начале XIII в. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. XI.
Лунина С.Б., 1969. Новые сборы тимуридской керамики в южном Туркменистане // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. № 8–9.
Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.
Львівський державний Історичний музей. Відділ історії феодалізма. Львів, 1959.
Львова З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. 1: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л. Вып. 10.
Львова З.А., 1970. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. 2: Происхождение бус // АСГЭ. Л. Вып. 12.
Львова З., Лесман Ю., Рябцева С., 1996. Намисто // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.
Любомиров П.Г., 1923. Торговые связи Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Учен. запи. Саратовского ун-та. Саратов. Т. 1, вып. 1.
Лявданский А.Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Смоленск. Т. 3, вып. 3.
Ляпушкин И.И., Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. № 6.
Мазуров А.Б., 1991. Итоги археологических работ 1990 года в Коломенском кремле // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
Мазуров А.Б., 1994. Археология Коломны. М.
Мазуров А.Б., Коваль В.Ю., 2004. Керамический испорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья. М.
Макаренко М.М., 1930. Малоазійська миска в Київі // Київські збірники історіі і археологіі побуту та мистецтва. Київ. Зб. 1.
Макаров М.М., 1983. Отчет об охранных раскопках в Кремле г. Рязани в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11184.
Макаров М.М., 1987. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14991–14993.
Макаров Н.А., 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв. М.
Макаров Н.А., 1993. Русский Север: таинственное средневековье. М.
Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2000. Археологическое изучение севернорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб.
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2002. Исследование средневековых селищ в Суздальском ополье // АО 2001 года. М.
Макарова Т.И., 1966. Поливная керамика в Древней Руси. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 1958.
Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. Вып. Е1-38.
Макарова Т.И., 1972. Поливная керамика в древней Руси. М.
Макарова Т.И., 1991. Княжеские (государственные) мастерские и их роль в сложении орнаментального стиля в прикладном искусстве Древней Руси // СА. № 3.
Максимов Е.В., 1963. Античний імпорт на середньому Придніпров’і в зарубинецький час // Археологія. Т. XV.
Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев.
Макушников О.А., 1994. Стратиграфия раскопа 1988 г. на Гомельском детинце и некоторые вопросы истории летописного Гомия // ГАЗ. № 3.
Макушников О.А., 1996. Исследования на южной окраине летописного Гомия // ГАЗ. № 8.
Малеванный В.А., 2001. Химико-технологическое исследование архитектурной кашинной керамики // Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Быт. М.
Малевская М.В., 1969а. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии. Минск.
Малевская М.В., 1969б. Поливная керамика древнего Новогрудка // СА. № 3.
Малевская М.В., Раппопорт П.А., Тимощук Б.А., 1970. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 . // СА. № 4.
Малыгин П.Д., 1981. Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. Вып. 179.
Мальм В.А., 1963. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.
Мальм В.А., Фехнер М.В., 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М.
Марафиев С.Ш., Москаленко Н.А., 1987. К вопросу о назначении симобкузача и генезисе циркульного орнамента // Материальная культура Таджикистана. Душанбе. Вып. 4.
Масленицына С.П., 1971. К атрибуции двух чаш “минаи” из коллекции ГМИНВ // Искусство и археология Ирана. М. Вып. 1.
Масленицына С.П., 1975. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л.
Масленицына С.П., 1976. Начало нового периода средневековой керамики Ирана (XIV в.) // Искусство и археология Ирана. М. Вып. II.
Масловский А.Н., 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов. Вып. 21.
Масловский А.Н., 2007. Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: II международная научная конференция. Ялта.
Масловский А.Н., 2008. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV в. из Азака // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк. Вып. 6.
Массон М.Е., 1949. Городище Нисы в селении Багир и их изучение // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. 1.
Матвеева В.И., 1972. Работы Верхнедонской экспедиции // АО 1971 года. М.
Медведев А.Ф., 1960. Отчет об археологических раскопках в Городце на Волге в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2359.
Медведев А.Ф., 1963. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. № 117.
Медведев А.Ф., 1968. Новые материалы и истории Гордца на Волге // КСИА. Вып. 113.
Медынцева А.А., 1991. Архангельская ставротека и культ Климента на Руси // СА. № 3.
Медынцева А.А., 1998. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М.
Медынцева А.А., 2000. Грамотность в Древней Руси. М.
Медынцева А.А., Моргунов Ю.Ю., 1986. Надпись на корчаге с Полтавщины // КСИА. Вып. 187.
Мезенцева Г.Г., 1968. Древньоруське місто Родень. Княжа Гора. Киев.
Мельгунов П.П., 1905. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М.
Миллер Ю.А., 1972. Художественная керамика Турции. Л.
Михайлов А.В., 2006. Предметы импорта из раскопок на ул. Ленина в Пскове (1967–1991 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
Михайлов С.П., Станюкович А.К., 1983. Голосник из собора Ивановского монастыря в Пскове // СА. № 3.
Михальченко С.Е., 1973. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. № 3.
Михальченко С.Е., 1974. Сфероконусы Поволжья // КСИА. Вып. 140.
Михеев В.К., 1991. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. // Археология славянского юго-востока. Воронеж.
Мицишвили М.Н., 1969. Поливная керамика древней Грузии: (IX–XIII вв.). Тбилиси. (На грузи. яз.).
Мицишвили М.Н., 1979. Производство поливной керамики в средневековом Тбилиси: (IX–XIII вв.). Тбилиси. (На груз. яз.).
Мицишвили М.Н., 1985. Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII–XIV вв. // ППКЗИПР.

Мицишвили М.Н., 1992. Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII–XIV вв. // Bulgaria Pontica: Medii Aevi. София. III.
Мовчан І.І., 1993. Давньокиївська околиця. Київ.
Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Архіпова Є.І., 1998. Нові **знахідки** виробів прикладного мистецтва з "Міста Володимира" // Археологія. Київ. № 2.
Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Писаренко Ю.Г., Івлев М.М., 2002. Звіт про археологічні дослідження на пр. Рильскому, 5 м. Киева у 2001–2002 рр. // Архив Ин-та археологии НАНУ.
Мовчан І.І., Козловський А.О., Івлев М.М., 2004. Рядова забудова Верхнього Києва в **кінці X – на початку XII ст. // Ста**родавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ.
Модестов Ф.Э., б.г. Археологическое собрание Смоленского музея-заповедника: (Сводный каталог). Смоленск.
Монгайт А.Л., 1948. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // КСИИМК. Вып. XIX.
Монгайт А.Л., 1953. Отчет Рязанской экспедиции за 1953 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 875.
Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
Монгайт А.Л., 1956. Отчет об археологических раскопках в Рязанской обл. в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1354.
Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
Моргунов Ю.Ю., 1982. Летописный город Вьяхань // СА. № 2.
Моргунов Ю.Ю., 1990. Летописный город Кснятин и его некрополь на Суле // КСИА. Вып. 205.
Моргунов Ю.Ю., 1991. Находки из Жовнина в музеях Полтавщины и Черкасщины // 100-річчя Полтавського краезнавчого музею. Полтава. Ч. 2.
Моргунов Ю.Ю., 1993. Три городища XII–XIII вв. в Среднем Посулье // КСИА. Вып. 208.
Моргунов Ю.Ю., 2003. Сампсониев остров. Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М.
Москаленко А.Н., 1965. Городище Титчиха. Воронеж.
Моця А.П., Халиков А.Х., 1997. Булгар – Киев: Пути – связи – судьбы. К.
Моця О.П., 1999. Соціальні відносини на селі в давньоруські часи // Археологія. № 2.
Мыц В.Л., 1991а. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV–XV вв. // Византийская Таврика. Киев.
Мыц В.Л., 1991б. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев.
Мыц В.Л., 1997. О дате гибели византийского Херсона. 1278 г. // Византия и Крым. Симферополь.
Мыц В.Л., 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. **XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древней**ших времен до наших дней. Киев.
Мыц В.Л., 2009. Каффа и Феодоро в **XV веке: Контакты и кон**фликты. Симферополь.
Мясникова (Жилина) Н.В., 1981. Отчет об археологической экспедиции в городе Калинине. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8690.
Наджафова Н.Н., 1964. Художественная керамика Азербайджана. Баку.
Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Увек и его округа. М.
Нестеров А.В., 2003. Предметы материальной культуры из раскопок Лавского археологического комплекса // Лавский межвузовский научно-студенческий полевой археологический семинар 2003 года. Елец.
Нефедов В.С., 2001. Археологический контекст "древнейшей русской надписи" из Гнездова // Труды ГИМ. М. Вып. 124.
Нефедов В.С., 2004. Исследования в Смоленской области // АО 2003 года. М.
Никитин А.В., 1967. Городище в г. Устюжне // КСИА. Вып. 110.
Никитченко М.М., 1970. Амфоры-голосники из ц. Ионна Предтечи в Керчи // АО 1969 года. М.
Николаенко А.Г., 1988. Лесостепное Приосколье в I тыс. н.э.: (Материалы к археологической карте) // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
Никольская Т.Н., 1979. Отчет о работе Верхнеокской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15279.
Никольская Т.Н., 1981. Земля Вятичей. М.
Никольская Т.Н., 1987. Городище Слободка XII–XIII вв. М.
Никольская Т.Н., Ширинский С.С., 1967. Отчет о разведках и раскопках в Орловской области летом 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3638.
Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., 1967. Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. № 3.
Носкова Л.М., 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М.
Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья // Труды ИИМК. СПб. Т. XVIII.
Нуриев А.Б., 1986. Средневековый город Барда. Баку.
Онайко Н.А., 1960. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья: (VII–V вв. до н. э.) // СА. № 2.
Онайко Н.А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27.
Орлов Р.С., *Моця А.П., Покас П.М.*, 1985. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев.
Осальчук О.М., 1997. Літописний Зудеч XII–XIV ст. в світлі нових археологічних відкриттів // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 2.
Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., 1986. Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія. Київ. № 53.
Павлова К.В., 1977. Раскопки городища у дер. Осовик // АО 1976 года. М.
Падин В.А., 1988. Раскопки в Трубчевске // АО 1986 года. М.
Памятники архитектуры Москвы: Кремль, Китай-город, Центральные площади. М., 1983.
Панина Э.Л., Волков И.В., 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. М.
Панков А.В., 1927. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. // В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент.
Панков А.В., 1929. К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675–1725 гг.: Торговля с Бухарой // Изв. Средне-Азиатского Географического общества. Ташкент. Т. XIX.
Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 1.
Панова Т.Д., 1994. Археологические наблюдения в Московском Кремле // АО 1993 года. М.
Панова Т.Д., 1996. Клады Кремля. М.
Паршина Е.А., 1974. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. Киев.
Паршина Е.А., 1988. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологи-ческие исследования в Крыму. Киев.
Паршина Е.А., 2001. Клейменая византийская амфора X в. из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причерномор'ї. Київ.
Паршина Е.А., *Тесленко И.Б.*, *Зеленко С.М.*, 2001. Гончарные центры Таврики **VIII–X вв. // Морська торгівля в Північно**му Причерномор'ї. Київ.
Пачкова С.Н., 1979. Давньоруське городище Гринчук на Дністрі // Археологія. Киев. № 32.
Пекарская Л.В., *Зоценко В.Н.*, 1985. Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979–1981 гг. // Археологические исследования Киева. 1978–1983 гг. Киев, 1985.
Пекарская Л.В., Климовский С.И., 1990. Отчет об археологических исследованиях Музея истории Киева в 1990 г. // Научный архив ИА НАНУ. № 1990/227.
Перевозчиков В.И., 1991. Кашинные чаши из фондов Азовского краеведческого музея // ИАИАНД в 1990 году. Азов. Вып. 10.
Перевозчиков В.И., 1993. Гончарный комплекс XIV в. в котловане под дом быта "Юбилейный"// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Азов. Вып. 11.
Персидско-русский словарь. М., 1985. Т. 2.
Перхавко В.Б., 1984. Развитие торговых контактов Киева с западнославянскими и южнославянскими землями в IX–XIII вв. // Древнерусский город. Киев.
Пескова А.А., 1978. Древнерусские поселения у с. Сенча на Суле // КСИА. Вып. 155.
Пескова А.А., 1981. Древний Изяславль // КСИА. Вып. 164.
Петегирич В.М., 1985. Древнерусский город Белз // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М.
Петегирич В.М., Івановський В., 1993. Середньовічна археологія Львова: підсумки і перспективи // Галицько-Волинська Держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Львів.
Петрашенко В.А., 2005. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев.
Петрашенко В.О., 1999. Давньоруське село за матеріалами поселення в Канівському Подніпров'ї // Археологія. № 2.
Петров Н.И., 1915. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея. Киев. Вып. IV–V.
Південноруське село IX–XIII ст., 1997. К.
Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.
Плетнева С.А., 1964. О юго-восточной окраине Русских земель в домонгольское время // КСИА. Вып. 99.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.
Плетнева С.А., 2000. О заселении славянами Саркела–Белой Вежи // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Воронеж. (Археология Восточноевропейской лесостепи; Вып. 14).
Плетнева С.А., 2006. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж.
Подольский Р., 1951. Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследство. М. Т. 1.
Поздняков В.С., 1991. Клецк X–XVIII вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Минск.
Полевой Л.Л., 1969. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев.
Полубояринова М.Д., 1961. Отчет о раскопках в Турове. 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2632.
Полубояринова М.Д., 1963. Раскопки древнего Турова (1961 г.) // КСИА. Вып. 96.
Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.
Полубояринова М.Д., 1989. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // История и культура древнерусского города. М.
Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды М.
Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.
Полубояринова М.Д., 2003а. Китайский селадон из Болгара // РА. № 2.
Полубояринова М.Д., 2003б. Китайский фарфор из Болгара // РА. № 3
Полубояринова М.Д., 2008. Торговля Болгара // Город Болгар: Культура, искусство, торговля. М.
Полюлях А.А., Чернов С.З., 2000. Археологический комплекс Балашихинского городища XII–XVI вв. по данным исследований 1990 г. // Труды МИГМ. Вып. 10.
Поляков Г.П., 1995а. Городище у д. Антоновка под Брянском // Деснинские древности. Брянск.
Поляков Г.П., 1995б. Окольный город летописного Дебрянска // Деснинские древности. Брянск.
Полякова Г.Ф., 1974. Селища в долине Прони // Археология Рязанской земли. М.
Попова Л.А., 1985. Отчет об охранно-археологических исследованиях, проведенных в 1985 г. в г. Калинине // Архив ИА РАН. Р-1. № 11056.
Постикэ О.М., 1992. Средневековая амфора с поселения Чигырлень I // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев.
Праздников В.В., 1996а. Охранные раскопки на территории "Стрелки", древнейшей части г. Ярославля // ТТЗ. Вып. 1.
Праздников В.В., 1996б. Предварительные итоги археологических исследований в г. Ярославле в 1992–1993 гг. // Древности Русского Севера. Вологда.
Преображенский А.Г., 1958. Этимологический словарь русского языка. М.
Приймак В.В. 1990. Давньоруське місто Вир і його округа // Питання археології Сумщини. Суми.
Приходнюк О.М., 1980. Городища Халеп`е і Григорівка на Середньому Дніпрі // Археологія. Киев. № 33.
Приходнюк О.М., 1988. Археологічні дослідження на Росі і Россаві // Археологія. Киев. № 61.
Прищепа Б.А., Ніколченко Ю.М., 1996. Літописніі Дорогобуж. Рівне.
Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон // Археология славянского юго-востока. Воронеж.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.
ПСРЛ. СПб., 1871. Т. 1: Ипатьевская летопись.
Пугаченкова Г.А., 1949. Глазурованная керамика Нисы XV–XVI вв. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад. Т. 1.
Пугаченкова Г.А., 1950. Самаркандская керамика XV в. // Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Ташкент. Вып. XI.
Пугаченкова Г.А., 1958. Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятон из Мерва // СА. № 2.
Пугаченкова Г.А., 1960. К открытию люстровой керамики Мерва // Изв. АН Туркм. ССР. Серия обществ. наук. Ашхабад. № 4.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1958. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент.
Пуцко В.Г., 1986. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // Byzantino-Bulgarica. София. Т. VIII.
Рабинович М.Г., 1954. Материалы по истории Великого посада Москвы // Труды МИРМ. М. Вып. 5.
Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // МИА. № 167.
Равдина Т.В., 1957. Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. Вып. 70.
Радзивилловская или Кенигсбергская летопись // Труды Общества любителей древней письменности. Т. 118. СПб., 1902.
Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, СПб., 1994.
Рапопорт И.В., 1970. К вопросу о поздней люстровой керамике Ирана // Сообщения ГЭ. Вып. 31.
Рапопорт И.В., 1971. Художественная керамика средневекового Ирана. Л.
Раппопорт П.А., 1994. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.
Раппопорт П.А., Шолохова Е.В., 1976. Раскопки в Рославле // АО 1975 года. М.
Расмуссен И.Л., 1828. Исторический и географический опыт о торговле и сношениях арабов и персов с Россиею и Скандинавиею в среднем веке // Русский зритель. М. Ч. 2, № VII–VIII.

Ратич О.О., 1957. Древньоруські археологічні пам`ятки на території західних областей УРСР. Киев.
Ратич О.О., 1961. Древньоруські матеріали з розкопок 1955–1956 рр. на Замковій горі у Львові // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ. Вып. 3.
Ратич А.А., 1971. Надпись на амфоре из Звенигорода на Белке // АО 1970 года М.
Ратич О.О., 1972. Стародавній Пліснеськ. Львів.
Ратич О.О., 1973. Літописний Звенигород // Археологія. Киев. Вып. 12.
Родина М.Е., 1988. Культурные и внешнеторговые связи городов Владимиро-Суздальской земли // Проблемы истории древнерусской культуры. М.
Родина М.Е., 1992. Находки предметов феодального быта на Семьинском городище близ Юрьева-Польского // Городецкие чтения. Городец.
Родина М.Е., 1993. Археологические исследования Юрьев-Польского // Научная конференция, посвященная 125-летию М.И. Смирнова. Переславль-Залесский
Родина М.Е., 1994. Раскопки во Владимире, в “Мономаховом городе” // АО 1993 года. М.
Родина М.Е., 2001. Связи Владимиро-Суздальской земли со странами Востока в X–XIV в. // Материалы и исследования ВСГМЗ: Сб. № 7.
Родина М.Е., 2004. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.: (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Владимир.
Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39.
Розенфельдт Р.Л., 1985. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11823.
Розенфельдт Р.Л., 1997б. Привозная керамика: Амфоры и красноглиняные кувшины // Древняя Русь: Быт и культура. М.
Романчук А.И., 1995. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // Византия и средневековый Крым. Симферополь.
Романчук А.И., 2003. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург.
Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990. Глазурованная керамика из Азова // Античная древность и средние века. Византия и сопредельный мир. Свердловск.
Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Екатеринбург. Ч. 2.
Романчук А. И., Седикова Л.В., 1991. “Темные века” и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев.
Ртвеладзе Э.В., 1974. Сфероконические сосуды из Маджар // СА. № 4.
Рыбаков Б.А., 1946. Надпись киевского гончара XI века // КСИИМК. Вып. XII.
Рыбаков Б.А., 1948а. Ремесло Древней Руси. М.
Рыбаков Б.А., 1948б. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л. Т. 1.
Рыбаков Б.А., 1949а. Древности Чернигова // МИА. № 11.
Рыбаков Б.А., 1949б. Розкопки у Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. // АП УРСР. Т. 1.
Рыбаков Б.А., Николаева Т.В., 1970. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1969 года. М.
Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли. М.
Рыбина Е.А., 2001. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород.
Рыжов С.Г., Голофаст Л.А., 2000. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса // Античная древность и средние века. Екатеринбург. Вып. 31.
Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., 2005. Средневековое поселение Усть-Шексна // РА. № 4.
Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М., 2004. Тысячелетие вокруг устья Шексны. Рыбинск.
Савваитов П.И., 1886. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. СПб.
Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.
Савельева Э.А., Павлова Н.А., 1993. Бусы Пожегского городища // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 12).
Сагайдак М.А., 1991. Давньокиівський Поділ. Київ.
Сазанов А.В., 1991. Проблемы хронологии средневекового Боспора (VIII–XIV вв.) // Древности Кубани. Краснодар.
Сазанов А.В., 2001. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса: (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.
Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф., 1994. Исследование средневековой Каффы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник. М. Вып. 4.
Сазонова Н.В., 1994. Искусство Ирана. М.
Сайко Э.В., 1969. Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе.
Сайко Э.В., 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.
Салтыков А.Б., 1962. Майолика Гжели // Избранные труды. М.
Самашев З., *Кузнецова О., Плахов В.*, 2008. Керамика Сарайчика. Алматы.
Самойлович Н.Г., 1991. Привозная керамика древнего Ростова // Сообщения Ростовского музея. Ростов. Вып. 2.
Самойлович Н.Г., 2000. Стратиграфическое распределение и хронология массовых находок в культурном слое Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Ростов. Вып. X.
Сапожников Н.В., 1999. Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Труды ГИМ. Вып. 111.
Сафарова И.А., 1999. Бусы Избрижского некрополя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
Свешников И.К., 1986. Звіт про работу Звенигородського загону Львівської обласної археологічної експедиції // Научный архив ИА НАНУ. № 1989/89.
Свешников И.К., 1995. Древнерусский город Звенигород и его торговля с Востоком // Славянская археология. 1990: Раннесредневековый город и его округа. М.
Седов В.В., 1958. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире // КСИИМК. Вып. 72.
Седов В.В., 1959. Раскопки в Гороховце // КСИИМК. Вып. 77.
Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92.
Седов В.В., 1963. Из новых исследований 1961 г. // КСИА. Вып. 96.
Седов В.В. и др., 1987. Отчет о раскопках Псковской археологической экспедиции. 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12161.
Седова М.В., 1978. Ярополч-Залесский. М.
Седова М.В., 1985. Предметы восточного импорта из Суздаля // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Баку.
Седова М.В., 1987. Эпиграфические находки из Суздаля // КСИА. Вып. 187.
Седова М.В., 1994а. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Седова М.В., 1994. Работы во Владимире // АО 1993 года. М.
Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.
Седова М.В., Беленькая Д.А., 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М.
Седова М.В., Чалых Н.Е., 1983. Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции за 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9863.
Седых В.Н., 1982. Керамика Тимеревского поселения // *Дубов И.В*. Великий Волжский путь. Л.
Семянчук Г., 1997. Дрысвяты – памежны горад Полацкай зямлі у раннім сяреднявеччы // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 2.
Сенигова Т.Н., 1972. Средневековый Тараз. Алма-Ата.
Сениченкова Т.Б., 1997. Еще раз о ближневосточной керамике из Старой Ладоги // Ладога и ее религиозное сознание: (Третьи чтения памяти Анны Мачинской). СПб.
Серов О.В., 2001. Фастівщина в добу Київської Русі // Археологічні пам’ятки Фастівщини: Науково-інформаційний бюлетень. Фастів.
Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии: (Гнездовский могильник близ Смоленска) // Материалы по археологии России. СПб. № 28.
Скоробогатова Т.В., 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. № 4.
Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1991. Т. IV.
Словарь русского языка / Под ред А.П. Евгеньевой. М., 1983. Т. II.
Словарь древнерусского языка (XI–XVII вв.). М., 1980. Вып. 7.
Словарь украинского языка. Киев, 1908. Т. II.
Смішко М.Ю., 1952. Дослідження пам’яток культури и полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. // АП УРСР. Т. 3.
Соловьев С.М., 1893. История России с древнейших времен. СПб. Кн. 1, 2.
Спасский П.Х., 1910. История торговли и промышленности в России. СПб. Т. 1.
Спицын А.А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в работах Л.К. Ивановского // МАР. СПб. № 20.
Спицын А.А., 1903. Гдовские курганы в работах В.Н. Глазова // МАР. СПб. № 29.
Спицын А.А., 1911. Торговые пути Киевской Руси // Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб.
Срезневский И.И., 1893. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. Т. 1.
Станкевич Я.В., 1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. № XV.
Стародуб Т.Х., 1983. Проблема стиля иранской керамики XI–XIV веков: (на материале коллекций СССР). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.
Стародуб Т.Х., 1988. Иранская керамика с надглазурной полихромной росписью (минаи) // Музей. М. Вып. 9.
Стародуб Т.Х., 2005. Ладжвардина: К вопросу о стиле расписной иранской керамики XIII–XIV вв. // Грани творчества. М. Вып. II.
Стрельник М., 1996. Керамічні вироби з колекції “Десятинна церква” у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ.
Судаков В.В., 1988. Отчет об охранных археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14170.
Сухарев И.А., 1948. Два блюда XV в. из Самарканда // Материалы по археологии Узбекистана. Ташкент. Т. 1.
Сухобоков О.В., 1975. Славяне Днепровского левобережья. К.
Сухобоков О.В., 1991. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского юго-востока. Воронеж.
Сухобоков О.В., 1992. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ.
Сухобоков О.В., Юренко С.П., 1991. Из работ левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР // Археология и история юго-востока Руси. Курск.
Сыроечковский В.Е., 1935. Гости-сурожане // Изв. ГАИМК. Вып. 127.
Сычева Н.С., 1979. Неполивная керамика Средней Азии в собрании ГМИНВ // НС ГМИНВ. Вып. 12.
Тарабардина О.А., 2004. Посольский раскоп 1999 года в Новгороде: стратиграфия, хронология, атрибуция комплексов // Новгородские археологические чтения – 2. Великий Новгород.
Тарасов С.В., 1983. Раскопки на Верхнем замке в Полоцке в 1980 г. // Древнерусское государство и славяне. Минск.
Тасмагамбетов И., Самашев З., 2001. Сарайчик. Алматы.
Тепловодская Т.М., 1977. Некоторые данные о технологии изготовления керамики в позднесредневековом Отраре // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.
Терещук К.І., 1981. Середньовічні торговельні шляхи Східної Волині // Археологія. Київ. № 36.
Терський С.В., 1996. Про писемність в містах Західної Волині X–XIV ст. (за археологічними даими) // Наукові записки Львівського історичного музею. Львів. Вип. V, ч. 1.
Терський С.В., 2000. Галицько-Волинська держава та Схід // Наукові записки Львівського історичного музею. Львів. Вип. IX.
Терський С.В., 2004. Старий ринок у Львові // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів. Вип. 7.
Тесленко И.Б., 2001. Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон // Морська торгівля в Північному Причорномор’ї. Київ.
Тесленко И.Б., 2004. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак.
Тесленко И.Б., 2004. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев – Судак.
Тимощук Б.А., 1971. Славянские памятники Перебыковской излучины Днестра // АО 1970 года. М.
Тимощук Б.А., Томенчук Б.П., 1977. Раскопки древнерусского городища на Буковине // АО 1976 года. М.
Тимощук Б.А., Филипчук М.А., 1982. Отчет об исследованиях городища XII–XIII вв. в с. Черновка Новоселицкого района Черновицкой обл. в 1982 г. // Научный архив ИА НАНУ. № 1982/58.
Тимощук Б.О., 1982. Древньоруська Буковина. Киев.
Тихомиров М.Н., 1966. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М.
Толочко П.П. и др., 1981. Новое в археологии Киева. Киев.
Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О., 1976. Розкопки Київоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Київа. Київ.
Толстов С.П., 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // ТХАЭЭ. Т. 2.
Тотев Т., 1976. Манастирът в “Тузлалъка” – център на рисувана керамика в Преслав през IX–X в. // Българска Археология. София. Год XVIII, № 1.
Травкин П.Н., 1993. Плесская крепость 1410 года // Плесский сборник. Плес. Вып. 1.
Травкин П.Н., 1997. Исследования в Плесском музее-заповеднике // АО 1996 года. М.
Тропин Н.А., 1996. Древнерусское поселение XIII–XIV веков у села Аргамач-Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.
Тропин Н.А., 1999а. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец.
Тропин Н.А., 1999б. Золотоордынские находки в верхнем Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 13.
Тропин Н.А., 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж.
Тропин Н.А., Чалых Н.Е., 2001. Находки гончарных горнов второй половины XIII–XIV вв. на р. Воронеж // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула.
Трофименко Г.В., 1993. Новые исследования Переяславского детинца // Слов’яни і Русь у наукові спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів.
Труммал В.К., 1971. Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. // СА. № 2.
Трусау А.А., Соболь В.Е., Зданович Н.І., 1993. Стары Замак у Гродне XI–XVIII стст. Мінск.
Трусов О.А., 1985. Изучение памятников архитектуры на территории Белоруссии // АО 1983 года. М.

Узбекско-русский словарь. М., 1988.
Фасмер М., 1967. Этимологический словарь русского языка. М. Т. II.
Федоров-Давыдов Г.А., 1958. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // ТХАЭЭ. Т. 2.
Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Археологическая типология и процесс типообразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.
Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
Фехнер М.В., 1956. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. // Труды ГИМ. М. Вып. 31.
Филанович М.И., 1990. Материалы к исторической топографии средневекового Ташкента // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент.
Финогенова С.И., 1987. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // Советская археология. № 2.
Фоняков Д.И., 1991. Изделия из стекла и фаянса в древнем Торопце // КСИА. Вып. 205.
Фролов М.В., 1986. Раскопки в Рыльске // АО 1984 года.
Халиков А.Х., 1986а. Волжская Булгария и Русь // Волжская Булгария и Русь. Казань.
Халиков А.Х., 1986б. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань.
Халиков З.Э., 2000. Глазурованная керамика Термеза и Чагониана // Средняя Азия: археология, история, культура. М.
Химическая технология керамики и огнеупоров. М., 1972.
Хлебникова Т.А., 1975. К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры // СА. № 1.
Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
Хойновский І.А., 1896. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. К.
Холостенко М.В., 1975. Успенский собор // Стародавній Київ. Київ.
Хынку И.Г., 1961. Раскопки на селище XII–XIV веков Лукашевка V // КСИА. Вып. 86.
Хынку И.Г., 1969. Поселения XI–XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев.
Цыбин М.В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
Цыбин М.В., 1989. Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.
Цыбин М.В., 2001. Археологическое изучение Червленого Яра // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула.
Цыбин М.В., 2009. Археологический комментарий к “Пименову хождению в Царьград” // Средневековая археология Поволжья. Йошкар-Ола. (Материалы и исследования по археологии Поволжья; Вып. 4).
Чайка Р., 2002. Торгові зв’язки давньоруського Лиственна // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів. Вип. 5.
Чайка Р., Мазур О., 2003. Град Щекатов часів противоборства князів Данила й Василька Романовичів та Михайла Чернігівського і його сина Ростислава // Галич в доісторії і середньовіччі. Галич.
Чалых Н.Е., 1982. Отчет о работе Муромского отряда Владимиро-Суздальской археологической экспедиции за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9654.
Чалых Н.Е., 1984. Отчет о работе Муромского отряда Владимиро-Суздальской археологической экспедиции за 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11195.
Чалых Н.Е., 1985. Отчет о работе Муромского отряда Владимиро-Суздальской археологической экспедиции за 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11196-в.
Чалых Н.Е., 1986. Отчет о раскопках в Муроме в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11964.
Чалых Н.Е., 1987. Отчет о работе Муромского отряда Владимиро-Суздальской археологической экспедиции за 1987 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 15651.
Чангова Й., 1959. Средневековни амфоры в България // Известия на археологическия институт. София. Т. XXII.
Чангова Й., 1992. Перник. София. Т. III.
Чеботаренко Т.Ф., Тельнов Н.П., 1983. Исследования Южнославянской экспедиции в 1979 г. // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев.
Чернецов А.В., 1981. Два перстня-печати из Старой Рязани // Памятники культуры. Новые открытия: 1980. Л.
Чернецов А.В., 1994. Отчет о работе Старорязанской экспедиции в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18231.
Чернецв А.В., 1995. Отчет о работах Старорязанской экспедиции в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18231.
Черников В.Ф., 1967. Крепость “Оленья гора” близ г. Лысково на Волге // КСИА. Вып. 110.
Черников В.Ф., 1995. Славянское селище Большая Тарка // Памятники истории и архитектуры Европейской России. Нижний Новгород.
Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.
Черных Н.Б., 1996. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопов у педагогического института и I, III, V на ул. Ленина // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3.
Чжао Цзин, 1986. Чжунго гудай таоцы. Пекин. (На кит. яз.)
Чилашвили Л.А., 1980. Города Кахетии: (XIV–XVII вв.). Тбилиси.
Чулков М.Д., 1781. Описание Российской коммерции, при всех портах и границах от древнейших времен до нынешнего настоящего. СПб. Т. 1.
Чулошников А., 1932. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII в. // Труды историко-археографического института и института востоковедения. Л. Т. 6, вып. 3: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв.
Чхаидзе В.Н., 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.
Шаякубов Ш., Султанов А., 1987. Голубая керамика Хорезма // Декоративное искусство СССР. М. № 8.
Шеков А.В., 1996. Работы в Щекинском и Дубенском районах Тульской области // АО 1995 года М.
Шеков А.В., 1997. Исследования в Тульской области // АО 1997 года. М.
Шекун А.В., 1985. Селища IX–XIV вв. в низовьях междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Чернигов.
Шекун А.В., 1987. Исследования на Черниговщине // АО 1985 года. М.
Шекун О.В., *Веремейчик О.М*., 1999. Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів.
Шекун О.В., Сита Л.Ф., 1992. Пам`ятники IX–XII ст. в околицях с. Старий Білоус поблизу Чернігова // Старожитності Південної Русі. Чернігів.
Шелковников Б.А., 1952. Керамика и стекло из раскопок города Двина // Труды Гос. Исторического музея Армении. Ереван.
Шелковников Б.А., 1955. Киевская керамика X–XI вв., расписанная цветными эмалями // СА. Т. XXIII.
Шелковников Б.А., 1957. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван.
Шелковников Б.А., 1958. Средневековая белоглиняная поливная керамика Армении и свидетельство Идриси // СА. № 1.
Шелковников Б.А., 1959а. Поливная керамика Саркела - Белой Вежи // МИА. № 75.
Шелковников Б.А., 1959б. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури, из Орен-Кала // МИА. № 67.
Шеломенцев-Терский С.В., 1988. Ремесло и торговые связи Пересопницы в X–XIII вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.
Шеломенцев-Терский С.В., Шеломенцев-Терский В.С., 1995. Летописная Пересопница (итоги археологических исследований 1974–1991 гг.) // Славянская археология. 1990: Раннесредневековый город и его округа. М.
Шеляпина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // МИА. № 167.
Шитов В.Н., 1992. Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья. Саранск. (Труды НИИМ; Вып. 104).
Шитова Т.Б., 1980. Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладоги // СА. № 2.
Шишкина Г.В., 1979. Глазурованная керамика Согда. Ташкент.
Шляхова В.И., 1980. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде // СА. № 4.
Шляхова В.И., 1991. Тимуридская керамика Сарая // Вестн. Московского ун-та. Серия 8: История. № 1.
Шмидт Е.А., 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.
Шпаковский А.Я., 1915. Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII вв. // Сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при университете св. Владимира. Киев. Вып. VII.
Штыхов Г. В., 1978. Города Полоцкой земли: (IX–XIII вв.). Минск.
Штыхов Г.В., 1969а. Заславль в свете раскопок 1967–1968 гг. // Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии. Минск.
*Штыхов Г.*В., 1969б. Раскопки в Лукомле в 1966–1968 гг. // Древности Белоруссии. Минск.
Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк. Минск.
Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
Щапова Ю.Л., 1991. Возможности и перспективы нового подхода к изучению древней посуды // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
Щека Ю.В., 1997. Турецко-русский словарь. М.
Энговатова А.В. и др., 2004. Средневековое поселение Настасьино // Труды Подмосковной экспедиции. М. Т. 2.
Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1982. Т. II, вып. 8.
Юра Р.О., 1986. Любеч // Археология Украинской ССР. Киев.
Юхт А.И., 1994. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России: (20–60-е годы XVIII века). М.
Ягодинська М., 1999. Давньоруське житло на підкліті з Теребовлі // Українська наука: минуле, сучасне, майбутне. Тернопіль.
Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес: (XII–XIV вв.) // МИА. № 17.
Якобсон А.Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. Вып. XV.
Якобсон А.Л., 1953. Дворец // МИА. No 134.
Якобсон А.Л., 1958. К истории русско-корсунских связей (XI-XIV вв.) // ВВ. Т. XIV.
Якобсон А.Л., 1959. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // МИА. No 67.
Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
Якубовский А.Ю., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Изв. ГАИМК. Л. Т. VIII, вып. 2–3.
Янин В.Л., 1988. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.
Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М.

Abramowicz A., 1959. Ceramika z Czermna nad Huczwa // Archeologia Polski. Warszawa. T. IV, z. 1.
Agosto A., 1982. Orientamento sulle fonti documentarie dell’ Archivio di Stato di Genova per la storia dei Genovesi nella Russia meridionale // Cinquant’ anni di storiografica medievistica italiana e sovietica. Genova.
Allan J.W., 1974. Some observations on the origins of the Medieval Persian Faience body // Colloquis on Art and Archieology in Asia. London. No 4.
Allan J.W., 1976/1977. Silver: the key to bronze in Early Islamic Iran // Kunst des Orients. Wiesbaden. Heft 1/2.
Allan J.W., Llewellyn L.R., Schweirer F., 1973. The history of so-called Egiptian Faience in Islamic Persia: investigations into Abu’l-Qasim’s Treatise // Archaeometry. L. Vol. 15, No 2.
Arne T.Y., 1914. La Suede et L’Orient // Archives d’ Etudes Orientales. Upsal.
The Art of Central Asia. Л., 1988.
Aslanapa O., 1971. Turckish Ceramic Art // Archaeology. New York. Vol. 24, No 3.
Aslanapa O., 2006. Turcish tile and ceramic art. Istanbul.
Atil E., 1973a. Ceramics from the World of Islam // Freer Gallery of Art. Washington. III.
Atil E., 1973b. Exhibition Catalogue of Turkish Art of the Ottoman Period. Washington.
Avdussin D.A., 1977. Gnezdovo – nachbar von Smolensk // Zeitschrift für Archeologie. Berlin. Bd. 11, No 2.
Bahgat A., Massoul F., 1930. La Ceramique musulmane de L’Egypte. Cairo,
Bahrami M., 1949. Gurgan Faiences. Cairo.
Bakirtzis C., 1989. Byzantine Amphorae // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
Bakirtzis C., Papanikola-Bakirtzis D., 1981. De la ceramique Byzantine en glacure a Thessalonique // Byzantino-Bylgarica. Sofia. Vol. VII.
Barnea I., 1954. Amforele de la Dinogetia // Studii si cercetari de istorie veche. Bucuresti. Anul V.
Barnea I., 1967. Ceramica de import // Dinogetia Asezaela feodala timpurie de la Bisericuta-Garvan. Bucuresti. T. I.
Bernus-Taylor M., 1993. Les Arts de l’Islam. Paris.
Bjelajac L., 1989. Byzantine amphorae in the Serbian Danubian Area in the 11th–12th centuries // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
Boas A.J., 1994. The import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem // Israel Exploration Journal. Jerusalem. Vol. 44, No 1–2.
de Bock W., 1897. Poteries vernissees du Caucase et de la Crimee // Memories de la Societe Nationale des Antiquaires de France. Paris. T. 56.
Caiger-Smith A., 1985. Lustre Pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. London.
La Ceramique Chinoise. Fribourg; Paris, 1978.
Charleston R.J., 1979. World Ceramics. London.
Cottica D., 2007. Micaceous White Painted Ware from insula 104 at Hierapolis/Pamukkale, Turkey // Canak (Bezas 7) / Ed. by B. Bohlendorf-Arslan et al. Istanbul.
Dark K.R., 2001. Byzantine Pottery. Stroud.
Davids samlung: Islamisk kunst. Kobenhavn, 1975.
Demangel R., Mamboury E., 1939. Le quarier des Manganes et la premiere region de Constantinople. Paris.
Dimand M.S., 1958. A handbook of Muhammadan Art. New York.

Earwood C., Malachowska S., 1993. The medieval town of Davidgorod, Belarus // Antiquity. London. Vol. 67, No 256.
Ettinghausen R., 1939. Evidence for the identification of Kashan Pottery // Иранское искусство и археология. Л.
Fehervary G., 1973. Islamic Pottery. London.
Fehervary G., 2000. Ceramics of the Islamic Worldin the Tareq Rajab Muzeum. L.; N.Y.
Francis P.J., 1989. Beads of the Early Islamic Period // Beads. Vol. 1.
Francois V., 2005. Elaborate Incised Ware: un temoin du rayonnement de la culture Byzantine a l'epoque Paleologue // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Киев.
Frierman J.D., 1970. Phisical and chemical properties of some Medieval Near Eastern Glazed ceramics // Scientific Methods in Medieval Archaeology. Berkley; Los Angeles; London.
Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities // BAR IS. No 198.
Gardin J.-C., 1963. Ceramiques et monnaies de Lashcari Bazar et de Bust // Memoires de la Delegation Archeologique Francaice en Afganistan. Paris. T. XVIII.
Gomperetz G.S.G.M., 1968. Korean Pottery and porcelain of the Yi period. New Jork.
Grabar O., Holod R., Knustad J., Trousale W., 1978. City in the desert. Qasr al-Hayr East // Harvard Middle Eastern Monograph Series. Cambridge. No 4.
Grube E.J., 1963. Raqqa-Keramik in der Sammlung des Metropolitan Museum in New Jork // Kunst des Orients. Wiesbaden. Heft IV.
Grube E.J., 1976. Islamic Pottery of the 8th to the 15th Century in the Keir Collection. London.
Grube E., 1995. Cobalt and luster: The Nasser D. Khalili collection of Islamic art. Oxford. Vol. 9.
Gunsenin N., 1989. Recherches sur les amphores Byzantines dans les Musees Turcs // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
Gunsenin N., 1990. Les amphores Byzantines (Xe – XIIIe siecles). Typologie, production, circulation d'apres les collections turques. Paris.
Gunsenin N., 1993. Ganos, centre de production d'amphores a l'epoque byzantine // Anatolia antiqua (Eski Anadolu). Paris. Vol. 2.
Hayes J.W., 1992. The Pottery // Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton. Vol. 2.
Henderson J., Raby J., 1989. The technology of fifteen century Turkish tiles: an interim statement on the origins of the Iznik industry // World Archaeology. London. Vol. 21. 1.
Hobson R.L., 1932. Guide to the Islamic Pottery of the Near East. London.
Hobson R.L., 1971. The Wares of the Ming Dynasty. Rutland.
Ioannidaki-Dostoglou E., 1989. Les vases de l'Epave Byzantine de Pelagonnese-Halonnese // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
L'Islam dans les collections nationales. Paris, 1977.
Islamic Art in the Kuwait National Museum: (The al-Sabah Collection) / Ed. by M. Jenkins. London, 1983.
Islamic Pottery. 800–1400 // Victoria and Albert Museum. London, 1969.
Islamic Pottery from the IX to the XIV centuries in the Collection of Sir Eldred Hitchcock. London, 1956.
Islamische Keramik. Düsseldorf, 1973.
Islamische Kunst in Berlin / Museum für Islamische Kunst. Berlin, 1971.
Jacobsen K., 1959. Islamische Keramik // Bilderhefte des Museums fur Kunst und Gewerbe Hamburg. Hamburg. Bd. 1.
Jenuns S., 1967. The Chinese Porcelains in Topkapu Saray, Istanbul // Oriental ceramic society Transactions. London. Vol. 36: (1964–1965, 1965–1966).
Jones A.H.M., 1928. The Byzantine Pottery // Preliminary Report upon the Excavations carried out the Hippodrome of Constantinople in 1927 on behalf of the British Academy. London.
Kalanlar. 12 ve 13 Yuzyilarda Turkie'de Bizans / Ed. A. Odekan. Istanbul, 2007.
Katz K., Kahane P.P., Brashi M., 1968. From the Beginning. New York.
Koval' V.Y., 2006. Eastern Pottery from the Excavations at Novgorod // The Pottery from Medieval Novgorod and its region / Ed. By Clive Orton. New York.
Kovalenko V., 2007. The finds of Byzantine Ceramics in Chernihiv Environs // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris.
Kuhnel E., 1976. Islamic Arts. London.
La Ceramique Chinoise. Fribourg; Paris, 1978.
Lane A., 1938. Medieval finds at al-Mina in North Syria // Archaeologia or Miscellaneous tracts, relating to Antiquity. L. Vol. LXXXVII.
Lane A., 1939. Glazed relief ware of the Ninth century A.D. // Ars Islsmica. Ann Arbor. Vol. 6,. Pt. 1.
Lane A., 1957. Later Islamic Pottery. London.
Lane A., 1958. Early Islamic Pottery. London.
Lion-Goldschmidt D., 1975. La porcelaine Ming. Fribourg.
Llubia L.M., 1967. Ceramica medieval espanola. Barcelona.
Lucas A., 1948. Ancient Egiptian materials and industries. London.
Marzouk M.A., 1959. Egyptian Sgraffito ware (excavated at Kom-ed-Dikka in Alexandria) // Bulletin of the Faculty of Arts of Alexandria University. Alexandria. Vol. XIII.
Mason R.B., *Keall E.J.*, 1991. The Abbasid glazed wares of Siraf and the Basra connection: petrographic analysis // "Iran". London. Vol. 29.
Mathew G., 1956. Chinese porcelane in East Africa and on the coast of South Africa // Oriental Art. London. Vol. II, No 2.
Medieval Near Eastern Pottery // Victoria and Albert Museum. Small Picture Books. London, 1957. No 42.
Medley M., 1964. A handbook of Chinese Art. London.
Medley M., 1974. Yuan porcelain and stoneware. London.
Megaw A.H.S., 1951. Three Medieval pit-groups from Nicosia // Report of the Departament of Antiquities: Cyprus. 1937–1939. Nicosia.
Megaw A.H.S., 1968. Zeuxippus Ware // The Annual of the British School of Archeology at Athens. London. No 63.
Megaw A.H.S., Jones R.E., 1983. Byzantine and allied pottery: a contribution by chemical analysis to problems of origin and distribution // The Annual of the British School at Athens. London. No 78.
Mieroslawski M., 1979. Pseudomajolika 16–17 wieku z Zamku Krolewskiego w Warszawie // Rocznik Warszawski. Warszawa. T. XV.
Migeon G., 1922. L'Orient Musulman. Paris.
Migeon G., 1927. Manuel d'Art Musulman. Paris.
Le Mille e una Notte. Faenza, 1990.
Morgan C.H., 1942. The Byzantine Pottery // Corinth. Cambridge. Vol. 11.
Morgan P., 1991. New thoughts on old Hormus: Chinese ceramics in the Hormus region in the thirteenth and fourteenth centuries // "Iran". London. Vol. 29.
Mostafa M., 1949. Two fragments of Egiptian lustre painted ceramics from the Mamluk period // Bulletin de Institut d'Egipt. Caire. Vol. 31.
Nicolacopoulos G., 1985. Ceramiques encastrees de anciennes egleses de Grece // "Faenza". Faenza. Vol. 67.
Nicolescu C., 1959. Ceramica smaltuita din secole X–XV in lumina ultimelor cercetari archeologice // Studi si cercetari de Istoria Artei. Bucuresti. No 2.
Nicolescu C., 1960. La ceramique Roumaine emailee du moyen-age, a la lumiere des dermieres recherches // Byzantinoslavica. Prague. Vol. XXI, No 2.
Noonan T.S., Kovalev R.K., 1997. Prayer, Illumination and Good Times: the Export of Byzantine Wine and Oil to the North of Russia in Pre-Mongol Times // Byzantium and the North / Acta Byzantia Fennica. Helsinki. Vol. VIII (1995–1996).
Noonan T.S., *Kovalev R.K.*, 1999. Wine and Oil For All the Rus'! The Importation of Byzantine Wine and Olive Oil to Kievan Rus' // Byzantium and the North / Acta Byzantia Fennica. Helsinki. Vol. IX: (1997–1998).
Oriental Art. London, 1973. Vol. XIX, No 4.
Oriental Islamic Art: Collection of the Calouste Gulbenkian Foundation. Lisboa, 1963.
Oxenstierna E.G., 1966. Die Wikinder. Stuttgart.
Oz T., 1955. Turkish Ceramics. Ankara.
Papanikola-Bakirtzi D., 1999. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens.
Papanikola-Bakirtzi D., 2002. Everyday life in Byzantium. Athens.
Pecorella P.E., 1983. The 1980–1982 campaigns at Tell Barri/Kahat, in the Jazirah // Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes. . Damas. Vol. 33, pt. 1.
Philon H., 1980. Early Islamic ceramics. 9th to late 12th centuries / Benaki museum. Catalogue of Islamic Art. Athens. Vol. 1.
Pinder-Wilson R., 1957. Islamic Art. London.
Pope A.U., 1939. Suggestion towards the identificationof mediewal Iranian faience // Иранское искусство и археология. М.; Л.
Pope A.U., Ackerman P., 1964. The Ceramic Art in Islamic Times. The History // A Survey of Persian Art. Tokyo. Vol. 4.
Pope A.U., Ackerman P., 1965. The Ceramic Art in Islamic Times. Illusrations // A Survey of Persian Art. Tokyo. Vol. 10.
Pope J.A., 1956. Chinese porcelains from the Ardebil Shrine. Washington.
Pope J.A., 1952. Fourteenth-century Blue-and-White // Freer Gallery of Art occasional papers. Washington. Vol. 2, No 1.
Popovic M., 1989. Importation et production locale de ceramique a Rus (fin Xie – debut XIIIe siecle // Recherches sur la Ceramique Byzantine. Athens.
Poppe A., 1984. On the so-called Chersonian Antiquities // Medieval Russian Culture / California Slavic Studies. Berkley. Vol. XII.
Porter V. 1981. Medieval Syrian Pottery. Oxford.
Porter V., Watson O., 1987. "Tell Minis" Wares // Syria and Iran / Oxford Stydies in Islamic Art. Oxford. Vol. IV.
Poulsen Vagn, 1970. Islamisk Fauence fra Syrien // C. L. Davids Samlung. 1945–1970. Kobenhavn.
Pringle D., 1984. Thirteenth-century pottery from the monastery of St. Mary of Carmel // "Levant". London. Vol. XVI.
Redford S., 1986. Excavations at Gritille (1982–1984): the Medieval Period. A Preliminary Report // Anatolian Studies. Ankara. Vol. XXXVI.
Reitlinger G., 1939. Islamic glazed pottery from Kish // Иранское искусство и археология. М.; Л.
Rice D.T., 1930. Byzantine glazed pottery. Oxford.
Rice D.T., 1939. Iranian elements in Byzantine Art // Иранское искусство и археология. М.; Л.
Rice D.T., 1965. The pottery of Byzantium and the Islamic World // Studies in Islamic Art and Architecture in honour of prof. K.A.C. Creswell. Cairo.
Riis P.J., Vagn Poulsen, 1957. Les verreries et poteries medievales // Hama. Fouilles et recherches. Copenhague. Vol. IV, 2.
Ritter H., Ruska J., Sarre F., Winderlich R., 1935. Tine persishe Beschreibung der Fayencetechnik von Kashan aus dem Jahre 700 H // Orientalische Steinbьcher und persishen Fayencetechnik. Istanbul.
Robinson R.C.W., 1983. Clay tobacco pipes from the Kerameikos // Mittelungen des Deutschen Archaologisches Instituts Athenische Abteilung. Berlin. Bd. 98.
Robinson R.C.W., 1985. Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora // Hesperia. Princeton. Vol. 54, No 2.
Rogers J.M., 1972. Apamaea. The Medieval Pottery. Preliminary Report // Apamee de Surie: Bilan de Recherches Archeologiques 1969–1971. Bruxelles.
Sanders G.D.R., 1987. An Assemblage of Frankish Pottery of Corinth // Hesperia. London. Vol. 56, No 2.
Sarre F., 1925. Keramik und andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek. Berlin; Leipzig.
Scanlon G.T., 1970. Egypt and China: trade and imitations // Islam and the Trade of Asia. Oxford.
Scanlon G.T., 1971. The Fustat Mounds. A Shard Count. 1968 // Archaeology. New Jork. Vol. 24, No 3.
Schnyder R., 1978. Slip painted and sgraffito in Early Islamic Earthenware // Colloquis on Art and Archieology in Asia. London. No 8.
Schultze-Frentzel U., Salge H., 1975. Glazed and decorating colours of Persian Islamic ceramics examined by X-radiography and transparent Seljuq glazes examined by electron-probe microanalysis // Kunst des Orients. Wiesbaden. Bd. X, heft 1/2.
Soustiel J., 1985. La Ceramique Islamique. Le guide du connaisseur. Fribourg.
Stevenson R.B.K., 1947. The Pottery // The Greate Palace of Byzantine Emperors. Oxford.
Sypryn M., 1975. Polmajolicowa ceramica z Jaroslawia // Wiadomosci Archeologiczne. Warszawa. T. XL.
Tampoe M., 1989. Maritime trade between China and West // BAR IS. No 555.
Taylor du P.J., Megaw A.H.S., 1951. Cypriot Medieval Glazed Pottery – Notes for a preliminary classification // Report of the Departament of Antiquities. Cyprus. 1937–1939. Nicosia.
Thiriot J., 1987. Ceramiques fines islamiques du Midi de la France au Bas Moyen-Age // A Ceramica Medieval no Mediterraneo Ocidental. Lisboa.
Volkov I.V., 2006. Amphorae from Novgorod the Great and comments on the wine trade between Byzantium and medieval Russia // The Pottery from Medieval Novgorod and its region / Ed. By Clive Orton. N.Y.
Waage Fr.O., 1944. Antiohia-on-the-Orontes. Princeton. Vol. IV, pt. 1.
Wang Qingzheng, 2002. A dictionary of Chinese Ceramics. Singapore.
Watson O., 1985. Persian lustre ware. London.
Watson O., 2005. Ceramics from Islamic lands. N.Y.
Wiet G.M., 1930. Album du Musee Arabe du Caire. La Caire.
Wilkinson C.K., 1963. Iranian Ceramics. New Jork.
Williams C.A.S., 1960. Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. New Jork.
Williams C.A., Zervas O.H., 1994. Francish Corinth: 1993 // Hesperia. Princeton. Vol. 63, No 1.
Ξυγοπολος A., 1930. Πηλινον Byzantion Θυμιατηριον // Αρχαιολογικη Εφημερις. Αθηναι.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМКУ – Археологический музей Казанского университета
АН СССР – Академия Наук СССР. М.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АСК – Археологическая служба Коломны, Коломна
АПВЗ – Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев,1990.
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия. М.
ВАСК – Всесоюзная археологическая студенческая конференция. М.
ВВ – Византийский временник. М.
ВЕАЖ – Восточноевропейский археологический журнал. Киев. (Публикации в сети ИНТЕРНЕТ).
ВСГМЗ – Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник. Владимир.
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГИАМ – Гродненский историко-археологический музей. г. Гродно (Беларусь)
ГИМ – Государственный исторический музей. М.
ГИМ ФПЗ – Филиал ГИМ “Палаты в Зарядье XVI–XVII вв.” Москва.
ГМЗК – Государственный музей-заповедник “Коломенское”. Москва.
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока. Москва.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л.
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., 1909.
ЕГУ – Елецкий Государственный университет (г. Елец Липецкой обл.)
ЗВОРАО – Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. М.
ИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. г. Азов.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук. М.
ИИМК – Институт истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КДУ – Киевский державный университет. г. Киев.
КМА – Курский музей археологии. г. Курск.
КМК – Краеведческий музей г. Коломны.
КОКМ – Калужский областной краеведческий музей. г. Калуга.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.–Л.
ЛИМ – Львовский исторический музей. г. Львов
МАЕГУ – Музей археологии Елецкого Государственного университета. г. Елец
МАИУ – Музей археологии Института украиноведения. г. Львов.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МГУ – Московский государственный университет. М.
МЗДК – Музей-заповедник “Дмитровский Кремль”. г. Дмитров Московской обл.
МИА – Материалы по археологии СССР. М.
МИГМ – Музей истории города Москвы (переименован в 2005 г. в Музей истории Москвы)
МИМ – Музей истории Москвы (до 1990 г. – МИРМ; в 1990–2004 гг. – МИГМ).
МИК – Музей истории г. Киева.
МИРМ – Музей истории и реконструкции Москвы. М.
МКМ – Муромский краеведческий музей.
ММК – Музеи Московского Кремля.
НАНУ – Национальная Академия Наук Украины. Киев.
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. г. Великий Новгород.
НИИМ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при правительстве Мордовской ССР. Саранск.
НИКМ – Новогрудский историко-краеведческий музей. г. Новогрудок (Беларусь)
НМИКБ – Национальный музей истории и культуры Беларуси. Минск.
НМИУ – Национальный музей истории Украины. Киев.
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
НС ГМИНВ – Научные сообщения ГМИНВ. М.
ПГМЗ – Псковский государственный музей-заповедник. Псков.

ППКЗИПР – Материалы I Симпозиума по проблеме “Поливная полихромная керамика Закавказья – истоки и пути распространения”. Тбилиси, 1985.
ППДЭ – Подольская постоянно действующая экспедиция Института археологии НАНУ. Киев.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.
РА – Российская археология. М.
РАНИОН – Российская ассоциация научных исследований по общественным наукам.
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет. М.
РГИАМЗ – Рязанский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Рязань.
РГМЗ – Ростовский государственный музей-заповедник. Ростов.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГОМЗ – Смоленский государственный объединенный музей-заповедник.
СМЗ – Софийский музей-заповедник. Киев.
СЭ – Советская этнография. М.
ТГОМ – Тверской Государственный объединенный музей. г. Тверь.
ТНИИРЦ – Тверской научно-исследовательский реставрационный и археологический центр. г. Тверь.
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. г. Тверь.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УРИЦВ – Управление по реконструкции исторического центра г. Владимира.
ЯИАМЗ – Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. г. Ярославль
ЦАИ (ГУОП г. Москвы) – Центр археологических исследований (Главного Управления охраны памятников г. Москвы).
ЧИАМЗ – Черниговский историко-архитектурный музей-заповедник. г. Чернигов
ЧИМ – Черниговский исторический музей. г. Чернигов
ЧКМ – Черновицкий краеведческий музей. г. Черновцы

BAR IS – British Archaeological Reports. International Series. Oxford.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Альбарелло – аптечный сосуд, предназначавшийся для лекарственных препаратов, парфюмерной продукции и других ценных жидкостей (масел, настоек и т.п.). Альбарелло имели форму цилиндра с небольшим перехватом в средней части, суженным цилиндрическим горлом и **поддоном**.

Ажур – техника декора **полуфаянсовых** сосудов (ее иногда называют также **грендери, т.е. "рисовое зерно"**), состоявшая в просверливании в их стенках после первого обжига сквозных отверстий (или прорезывании отверстий фигурных форм) и последующим глазурованием. **Глазурь**, заполняя отверстия, делала сосуд водонепроницаемым, но просвечивающим (как бы "ажурным" на просвет).

Амфора (средневековая) – сосуд, предназначенный для перевозки и длительного хранения жидких и сыпучих продуктов (вина, масла, нефти, пряностей, зерна и т.п.), имеющий округлую или удлиненную форму, происходящий из Византии и стран с провинциально-византийской культурой. Амфоры имели две (редко – три или более) ручки, узкое горло и закругленное или заостренное дно (хотя встречались и плоскодонные мф). За редкими исключениями амфоры изготавливались из высококачественной (как правило ожелезненной, красной) глины путем вытягивания на ножном гончарном круге быстрого вращения и имели на внутренней поверхности рифление (следы вытягивания сосуда из куска глины).

Ангоб (от фр. *engobe*) – специальное покрытие, наносимое на поверхность керамического изделия до его обжига и закрывающее его цвет или грубую структуру материала. Ангобы составляются, как правило, из того же материала, что и тело изделия (например, глиняные сосуды покрывают ангобом, имеющим глиняную основу), они могут иметь тот же цвет, что и основа, либо отличаться от нее по цвету (цветные ангобы – белый, красный, черный и т.п.). Как правило, ангобы являются водными растворами и в сыром виде имеют жидкую консистенцию. Часто ангобирование изделий проводится с целью последующего покрытия их глазурью (БСЭ. Т. 3. С. 598).

Афтоба (афтофа) – сосуд в виде узкогорлого **кувшина** с трубчатым носиком-сливом, выходившим из средней или верхней части тулова (иначе называются также **кумган**, куман). Афтоба принадлежат к группе сосудов – **водолеев**. В странах Востока афтоба предназначались для омовений, совершаемых правоверными мусульманами перед намазом.

Барботин – жидкая глина того же состава, что и основа керамического изделия, применяемая для соединения отдельно изготавливавшихся частей сложнопрофилированных сосудов, а также для прикрепления к поверхности последнего налепных декоративных деталей и ручек.

Бисквит – непокрытый глазурью **фарфор** (БСЭ, Т. 3. С. 396).

Блюдо – сосуд в виде крупной тарелки (дисковидной формы, с отлогими бортами и плоским краем). Диаметр блюда, как правило, составляет не менее 30 см (однако четких критериев для отделения блюда от тарелки не разработано). Блюда принадлежали к столовым сервизам и предназначались для раскладывания кушаний при трапезах. На Востоке существовали различные разновидности блюд, названия которых к тому же отличались в разных языках.

Венчик – верхняя профилированная часть сосуда, имеющего закрытую форму (т.е. такого, у которого верхняя часть имеет меньший диаметр, нежели тулово). Венчики присутствуют у большинства горшков и сосудов горшковидных форм. У блюд, тарелок, кувшинов, чашек, бутылей венчиков нет, а имеется только **край**.

Водолей – сосуд с носиком-сливом (различных конструкций). К числу водолеев относятся **афтоба (кумганы)**, а также сосуды индивидуальных форм.

Восстановительный обжиг – обжиг керамических изделий в закупоренном горне без доступа кислорода извне, при котором происходит восстановление металлов из их оксидов (т.е. процесс, обратный происходящему при **окислительном обжиге**). Используется при изготовлении **чернолощеной** и **мореной керамики**, а также при изготовлении глазурованных изделий с **люстровым** декором.

Выемчатая техника – способ **декора** сосудов, покрывавшихся **ангобом**, когда он удалялся вокруг тех или иных фигур (например, фигуры животного, абриса листа растения и т.п.), на которых ангоб сохранялся (в этом случае такой способ называют еще техникой "**резерва**"). В результате вокруг светлой фигуры образовывался контрастирующий более темный фон. Иногда такую технику декора называют "**шамплеве**". Выемчатая техника могла применяться и для выборки ангоба с самого рисунка (тогда изображение становилось темным, а ангобный фон вокруг нее – светлым. Эта техника применялась исключительно при изготовлении **глазурованной** керамики.

Глазурованная керамика – **керамика**, поверхность которой покрывалась **глазурью (поливой)**. Иначе называется в русском языке **поливной** керамикой.

Глазурь (от нем. *glas* – стекло) – стекловидное покрытие на поверхности керамических изделий, закрепляемое вторым (дополнительным) обжигом этих изделий. В русском языке до появления этого термина такое покрытие называлось **поливой**. По своей химической природе глазурь представляет собой стекла различного состава – свинцовые, щелочные, соляные, шпатовые (однако, в отличие от стекла, глазурь не варят, а наносят на поверхность изделия в виде порошка **фритты**, ее водного раствора или иным методом, после чего при обжиге происходит ее остекловывание). Глазурь делает керамические изделия водонепроницаемыми и придает им декоративные свойства (БСЭ. Т. 6. С. 584).

Глиняный концентрат – смесь из глин различного состава и свойств, изготавливаемый для получения заданных параметров формовочной массы (искомого цвета, пластичности и т.п.).

Гравировка – способ декора, при котором по поверхности еще необожженного керамического изделия острым предметом выполнялся прочерченный (углубленный) рисунок. Гравировкой могли украшаться как неглазурованные изделия, так и покрытые глазурью, причем эта техника могла осуществляться как по основе, не закрытой ангобом, так и по ангобу (в последнем случае эта техника называется "**сграффито**").

Грендери (от фр. *grain de riz*, т.е. "рисовое зерно") – техника декора полуфаянсов, называемая в отечественной литературе **ажур**.

Декор (от фр. d**ecor и лат. decoro) – система украшения изделий** (БСЭ, 1972. С. 48). Включает **глазурь**, **орнамент**, различные технические приемы неорнаментального характера (например, придание изделию особенной формы, техника **ажура** и т.п.)

Дресва – дробленый камень, крошка из кристаллических пород (гранита, кварцита и т.п.), добавляемая в формовочную массу для повышения ее пластичности, уменьшения усадки глины при сушке и понижения пороговой температуры обжига, необходимой для достижения ее спекаемости. Применение дресвы характерно для архаичных технологий, предусматривающих использование несовершенных обжигательных устройств. В керамике Востока дресва применялась крайне редко.

Испано-мавританская керамика – глазурованная керамика, производившаяся в окрестностях испанских городов Валенсия, Малага и Гранада мусульманским мастерами (после реконкисты – морисками – мусульманами, оставшимися жить на отвоеванной у арабов территории; позже – христианами, перенявшими навыки своих учителей-морисков). Испано-мавританская керамика широко экспортировалась в страны Западной Европы и Средиземноморья. В Италии она вызвала к жизни в XV в. подражания, которые в Европе стали называть **фаянсами**. Наиболее известной и дорогой разновидностью этой керамики была майолика с люстровой росписью, изготавливавшаяся в XIII–XVIII вв.

Калып (калыб) – форма (матрица) для тиснения керамических изделий, как правило, имеющих сложную профильную моделировку или рельефные детали на поверхности. На Востоке калыпы применялись при изготовлении изделий из **кашина**, а также ряда глиняных сосудов с рельефным декором. Калыпы изготавливались из алебастра или глины и предназначались в основном для изготовления чаш и кувшинов (в калыпах формовались две половины тулова кувшина – верхняя и нижняя, которые потом соединялись при помощи **барботина**.

Каменная масса – материал керамических изделий, близкий к фарфору, но непрозрачный, имеющий плотный, почти без пор, черепок серого или коричневого цвета. Известна в Китае, а также в Европе (с XV в.) (БСЭ. Т. 11. С. 252). Из каменной массы, в частности, изготавливались **селадоны** (**Лунцюань-яо**).

Каолин (от названия деревни Гаолин в районе Цзиндэчжен провинции Цзянси в Китае) – низкопластичная горная порода, состоящая в основном из минерала каолинита, образующегося при выветривании, перемывании и переотложении магматических полевошпатных пород (БСЭ. Т. 11. С. 342–343; *Wang Qingzheng*, 2002. P. 125). Обладает высокой огнеупорностью. Впервые свойства каолина были открыты в Китае, где его стали применять для производства **фарфора**. В настоящее время месторождения каолина известны в разных местах мира, но в эпоху средневековья Китай был единственной страной, где добывался и использовался этот уникальный материал.

Каса *см*. **миска.**

Кашин – силикатная масса, служившая основой для изготовления восточных **фаянсов** (в европейской литературе этот материал часто называют **кварц-фриттой**). Приготавливалась из смеси перемолотого кварцевого песка (от 80 до 95%) с незначительными добавками стекла, белой глины, извести, других компонентов, разведенных на воде с добавлением клея органического происхождения. Кашинные изделия могли формоваться на гончарном круге, подобно сосудам из глины, но для производства тонкостенных или сложнопрофилированных сосудов применялось тиснение кашина в специальных формах (**калыпах**). Термин происходит от имени иранского города Кашан, славившегося в эпоху Средневековья своими изделиями из этого материала. Кашин был изобретен в Древнем Египте во II тыс. до н.э., но широкое распространение получил лишь с XII в., когда его стали применять иранские и сирийские мастера. Впоследствии кашинные изделия изготавливались в Средней Азии, Золотой Орде, Турции.

Кашинная керамика – керамика, изготовленная из **кашина** (т.е. восточные **фаянсы** и **полуфаянсы**).

Кварц-фритта см. **кашин**.

Керамика (от греч. *keramike*) – изделия, полученные в результате высокотемпературной обработки различных минеральных соединений (илов, глин, силикатных материалов и т.п. с добавлением как неорганических, так и органических соединений), обладающие свойствами искусственного камня. Основную долю керамики составляет посуда, однако в ее состав входят также различные облицовочные материалы (изразцы, плитки и т.д.) и разнообразные бытовые вещи (игрушки, курительные трубки, грузики и т.п.).

Контур – в декоре керамики внешняя граница того или иного изображения, маркированная краем пятна краски либо линией (см. **мертвый край**).

Корчага – русское средневековое название сосуда в виде крупного горшка, предназначенного для хранения воды и продуктов питания (масла, зерна и т.п.). В Северном Причерноморье подобные сосуды именовались **пифосами**, в Армении – карасами, в Азербайджане – кюпами, в Средней Азии – **хумами**.

Край – верхняя граница любого емкостного сосуда (горшка, чашки, кувшина, тарелки и т.п.).

Кракле (от фр. *craquele*) – сеть тонких трещинок на глазурованной поверхности керамики, возникающая из-за несоответствия коэффициентов расширения тела сосуда и его глазурного покрытия в процессе обжига (БСЭ. Т. 13. С. 316). Другое название этого явления – **цек**.

Красная глина – глина, в состав которой входит железо, окисление которого в процессе обжига приводит к приобретению керамикой красного цвета. В сыром состоянии такая глина может иметь самые разные цвета – от красного до черного.

Краснолощеная керамика – керамика из красножгущихся глин, покрытая **лощением**. Была широко распространена в гончарном производстве Волжской Булгарии (X–XV вв.), Золотой Орды и степного Причерноморья (XIV–XV вв.), Средней Азии.

Кувшин – сосуд закрытого типа, состоящий из емкостной части, горловины и ручки. Использовался для переноса на близкие расстояния жидких продуктов и как столовая посуда (емкость для напитков). На Востоке эквивалентом этого русского названия было тюркское слово "куза".

Кумган (куман) – тюркское название сосуда-водолея в виде **кувшина** с трубчатым носиком-сливом, выходившим из средней или нижней части тулова (т.е. то же, что **афтоба**). Проникнув на Русь, такие сосуды стали использоваться как столовые (как вместилища вина, воды), впоследствии от них произошли морфологически близкие им "квасники".

Лощение – способ обработки поверхности сосудов, изготавливавшихся из глин, который состоял в ее заглаживании инструментом с заполированной поверхностью (галькой, куском кости), в результате чего эта поверхность уплотнялась и приобретала глянцевитый блеск. Лощение могло быть как сплошным, так и полосчатым или орнаментальным (где каждая полоса представляла собой след от инструмента).

Лунцюань-яо (кит.) – керамика из местности Лунцюань в провинции Чжэцзян – китайское название керамики, получившей в Европе наименование **селадон**. Изготавливалась с X по XVI в. Является одной из разновидностей фарфора (в широком смысле термина).

Люстр (от фр. *lustre* – глянец, блеск) – пигмент для росписи глазурованных керамических изделий, который в результате **восстановительного обжига** проявлялся в виде металлического или перламутрового отблеска (БСЭ. Т. 15. С. 123).

Майолика (от итал. *maiolica*) – керамические изделия из обожженной глины (независимо от ее цвета), покрытые непрозрачной **глазурью**. Термин происходит от названия итальянской керамики XV–XVII вв. с цветным черепком и росписью по сырой непрозрачной глазури либо люстровой росписью (производившейся в Фаэнце, Флоренции, Кафаджоло, Сиене, Урбино и др.). В Италии майоликой первоначально называлась керамика, привозившаяся с острова Мальорка, где производились закупки **испано-мавританской керамики**, послужившей прототипами для итальянской майолики. На Востоке майоликовые изделия не получили широкого распространения, хотя были там известны (к их числу относились, например, сосуды с люстровой росписью, изготавливавшиеся в Месопотамии и Египте в IX–X вв.).

Мертвый край – линия (как правило, выполненная черной или более темной, чем основное цветовое поле рисунка), ограничивающая изображение в составе декора керамики.

Миска – сосуд открытой формы, разновидность крупной чаши, столовая посуда для твердой и жидкой пищи. Миски имели, как правило, полусферическую или усеченно-коническую форму, с вертикальными бортами. На Востоке известны разновидности мисок, различавшиеся своими названиями, наиболее распространенным из которых было "**каса**".

Мореная керамика – неглазурованная керамика, прошедшая восстановительный обжиг, из-за чего ее поверхность приобретала черный или темно-серый цвет. В позднесредневековой Руси такая керамика называлась также "черненой" или "синеной".

Надглазурная роспись – роспись, выполнявшаяся минеральными красками или цветными эмалями поверх слоя глазури после ее обжига. Надглазурная роспись требовала проведения третьего (закрепляющего такую роспись) обжига.

Окислительный обжиг – обжиг керамических изделий в открытом горне со свободным доступом воздуха, благодаря которому в горне происходят процессы окисления металлов (прежде всего, железа, присутствующего во всех ожелезненных (красножгущихся) глинах).

Опаковая полива (опака) – непрозрачная глазурь (полива), заглушенная окисью олова или любым другим способом.

Орнамент (от лат. ornamentum) – разновидность декора: узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов (БСЭ. Т. 18. С. 524). Орнамент на керамике мог выполняться гравировкой, тиснением, отпечатками штампов, росписью (красками или ангобом).

Пиала – маленькая **чаша** (объемом до 200 мл).

Пифос – древнегреческое наименование крупных тарных сосудов, внешне напоминающих большие горшки или амфоры без ручек, предназначавшиеся для долговременного хранения воды, вина и продуктов питания (зерна, рыбы, масла и т.п.).

Пластичность – свойство твердых тел (в том числе – керамической формовочной массы) необратимо изменять свою форму и размеры под действием механических нагрузок (БСЭ. Т. 19. С. 643).

Подглазурная роспись – роспись минеральными красками или ангобами, выполнявшаяся по поверхности керамического изделия до глазурования. Использовавшаяся в этом случае глазурь могла быть только прозрачной для того, чтобы сквозь нее можно было видеть рисунок росписи.

Поддон – дополнительный элемент дна сосуда, предназначенный для того, чтобы сделать его более устойчивым на плоскости. Поддоны могли быть кольцевыми (в виде полого цилиндра) или монолитными (в виде сплошного цилиндра). Чаще всего поддоны делались у таких разновидностей посуды, как блюда, тарелки, чаши, альбарелло.

Полива – русское название **глазури**.

Полумайолика – керамические изделия из обожженной глины, покрытые прозрачной глазурью. Последняя составляет главное отличие этой разновидности керамики от **майолики**. Полумайолика была широко распространена как на Востоке, так и на Западе. Разумеется, это наименование условное (применяемое в современной науке), в старину (и тем более в странах Востока) оно не использовалось.

Полуфаянс – восточные керамические изделия из силикатного материала (**кашина**), покрытые прозрачной глазурью.

Резерв – разновидность **выемчатой техники**, при которой слой ангоба удаляется на большой площади вокруг контуров рисунка.

Роспись – способ декора керамики путем нанесения орнамента или разноцветных пятен при помощи минеральных красителей или ангобов.

Сграффито (итал. "*sgraffito*" – процарапанный) – гравированный декор, выполнявшийся по слою сырого белого ангоба резцом (тонкой палочкой), в результате чего обнажалась цветная (как правило, красная) основа глиняного сосуда. Техника сграффито в поливной посуде стала впервые применяться иранскими мастерами в XI в. (сам же принцип применялся еще мастерами архаической Эллады). Термин появился в Италии, где такая керамика стала изготавливаться с XIII в. в подражание византийской и восточной поливной посуде. Допустимо также называть эту технику "**граффи́то"** (итал. *graffito*).

Селадон – европейское наименование китайской керамики **Лунцюань-яо**, разновидность китайского **фарфора** (в широком смысле термина). В отличие от белого фарфора, селадоны изготавливались из серой (или коричневатой) **каменной массы** и облицовывались, как правило, нежно-зеленой прозрачной глазурью. Сам термин происходит от имени героя романа французского писателя Дюфре "Астрея" – Селадона, украшавшего одежду лентами зеленоватого цвета. На Среднем Востоке селадоны назывались "мартабани".

Сепая – треножник, изготавливавшийся из глины и служивший для разделения глазурованных сосудов в стопках при их втором обжиге, служившем для остекловывания глазурного покрытия. Европейским эквивалентом этого восточного термина является **шпурмарка**. В западной литературе сепая часто называют "триподами" (не путать с сосудами-триподами, имеющими три ножки).

Симоб-кузача см. **сфероконус**.

Сфероконус – европейское описательное название небольшого тарного сосуда, предназначенного для транспортировки ртути или иной ценной жидкости (парфюмерного препарата, лекарства и т.п.). В Средней Азии назывались **симоб-кузача** ("ртутный кувшинчик"), в Закавказье, вероятно, – **турундж**.

"Сырая" глазурь – порошок глазури в виде водного раствора фритты, нанесенный на поверхность сосуда и находящийся на нем до момента проведения обжига. Может служить основой для декора (например, нанесения росписи красителями).

"Сырой" люстр – люстровый краситель, нанесенный на поверхность глазури и находящийся там до момента проведения обжига. Может служить основой для декора (например, гравировки по нему).

Тарелка – сосуд открытой (дисковидной) формы, с отлогими бортами и плоским краем). Диаметр тарелки, как правило, составляет не более 30 см. Тарелки принадлежали к столовым сервизам и часто выполняли функцию индивидуального прибора для еды.

Терракота (от итал. terra cotta – "обожженная глина") – керамические неглазурованные изделия из глины, поверхность которых имела различные оттенки красного цвета (от розового до коричневого).

Турундж см. **сфероконус**.

Фарфор (из тур. фарфур от перс. фегфур) – керамические изделия из массы как правило, белого цвета, обычно просвечивающей в тонком слое, без пор. Фарфор был изобретен в Китае и получался в результате длительного высококачественного обжига тонкодисперсной смеси каолина, белой глины, молотого кварца и полевого шпата (БСЭ. Т. 27. С. 212). Наряду с белым фарфором существовала также его серая разновидность, применявшаяся для изготовления **селадонов**. В начале XVIII в. секрет изготовления фарфора был открыт в Германии, а впоследствии фарфоровую посуду стали изготавливать во многих странах Европы, в том числе в России.

Фаянс (от франц. *faïnce*) – плотная мелкопористая керамика, обязательно покрывавшаяся непрозрачной глазурью. На Востоке фаянсы изготавливались из силикатного материала (**кашина**). В Европе фаянсами стали называть **майолику**, производство которой было начато в ряде городов Италии в XV в. и прежде всего – в городе Фаэнца, от имени которого и произошло название этой разновидности керамики. Итальянский средневековый фаянс изготавливался из светложгущейся глины. Впоследствии попытки копировать итальянскую керамику в других странах Европы привели с изобретению разнообразных масс белого или светло-желтого цвета, в состав которых входила известь (в виде мела или иных материалов). Современный фаянс изготавливается практически из тех же материалов, что и современный фарфор, но с иной рецептурной нормой (с высоким содержанием кварца – до 35%). Таким образом, современный фаянс сближается со средневековым восточным, почти целиком состоявшим из размолотого кварцевого песка.

Фестоны – полукруглые (или иной, более сложной формы) выступы на краю блюда или чаши, разновидность декора, относящегося к рельефной моделировке тулова сосуда. Фестончатую (волнообразную) моделировку могло иметь и само тулово (в горизонтальном разрезе).

Фритта – охлажденный в воде сплав из минеральных компонентов глазури (т.е. в основном кварцевого песка), предварительно размолотых и смешанных с другими стеклообразующими компонентами (золой растений).

Хум – среднеазиатское название крупного сосуда для хранения жидкостей и сыпучих тел, по форме близкого **корчаге** или **пифосу**.

Цек – сеть тонких трещинок на глазурованной поверхности керамики, возникающая из-за несоответствия коэффициентов расширения тела сосуда и его глазурного покрытия в процессе обжига (см. **кракле**).

Цзиндэчжен-яо – фарфор, изготавливавшийся в городе Цзиндэчжен в провинции Цзянси (Китай), отличавшийся монохромной синей подглазурной росписью.

Цычжоу-яо – керамика из светложгущихся глин, изготавливавшаяся в местности Цычжоу и отличавшаяся разнообразной надглазурной росписью (черной глазурью поверх слоя белой поливы, белой глазурью поверх черной, красной и зеленой глазурями поверх белой поливы и т.п.).

Чаша – столовый сосуд средних размеров и емкости, предназначавшийся для твердой и жидкой пищи (в том числе напитков). Преобладали чаши полусферической формы, однако эта форма не была единственной.

Чашка – столовый сосуд небольших размеров и емкости (как правило, не более 200 мл), предназначавшийся для питья. Формы чашек были весьма разнообразны. Как правило, чашки имели ручку.

Чернолощеная керамика – керамика с черным цветом поверхности, обожженная в **восстановительном режиме**, поверхность которой еще до обжига обрабатывалась лощением в основном в декоративных целях.

Чираг – восточное название сосуда, выполнявшего роль масляного светильника. Представлял собой округлую плошку с вытянутым лоткообразным носиком для фитиля и вертикальной петлеобразной ручкой.

Шамот (от франц. chamotte) **– глина, обожженная до потери** пластичности и полного спекания. После дробления и измельчения шамот применяется в качестве отощающего (уменьшающего пластичность и усадку изделия при сушке и обжиге) компонента формовочной массы (БСЭ. Т. 28. С. 825).

Шихта (от нем. schicht) **глазурная – смесь сырьевых материалов** (золы растений, перемолотого песка и т.д.) в определенной пропорции, подлежащих обработке (БСЭ. Т. 28. С. 418) при изготовлении **фритты**, а затем глазури.

Шпурмарка см. **сепая**.

SYMMARY

During the compiling of this catalogue of the eastern glazed Ceramics finds in Russia there has been studied more than 2200 sherds (including dozens of entire vessels) and collected information about 16 000 fragments of amphorae, 2000 non-glazed fragments of table vessels and containers, as well as dozens of samples of decorative, engineering and architectural ceramics of the Middle Ages (the end of IX–XVII cc).

This catalogue has been compiled in accordance with the classification based on characters of technology and decoration of ceramics (in a lesser degree on morphology and functional purposes). Non-use of chronological classifications and other methods based principally on the history of ceramic products, was caused by the nature of the material (represented mainly by small fragments), but having a set of features technology of ceramics. Time and place of manufacture of such specimens were determined with different degree of accuracy; however such determinations were sufficient to identify the main areas of East ceramic distribution, draw conclusions about the ways of its entry to Russia during different historical epochs.

First of all, the main Oriental regions – ceramic products importers – have been identified. In the pre-Mongol period the most prominent place, among the ceramic products importers, belonged to the Byzantine Empire (and the Black Sea Coast countries that connected with the Empire in political and cultural fields), Iran, Volga Bulgaria, and then, during the subsequent period – The Volga region centres of the Golden Horde. Besides that, ceramics import was came to Russia from Syria, Egypt, Central Asia, the Caucasus, China, Ottoman Turkey. Each of the listed regions delivered its own particular set of products to Russia. Thus, during the different periods there changed the ratio of imported types of ceramics and the share of participation in this import of various East countries. Character of import and degree of its influence on Russian culture varied also.

In the pre-Mongol era of the Russian state, a gradual development became happening in the political, trade and cultural contacts of Rus' with the East. In these relationships Byzantium had the paramount importance, whence the first examples of highly artistic glazed ceramics came to Rus'. Mentioned glazed ceramics and patterned silks and jewelry formed representations about the luxury and influenced on the aesthetics of ancient Russian aristocracy. However, the Byzantine glazed pottery couldn't receive wide spread in Russia due to the fact that there were no sufficient demands on it: the aristocracy preferred dishes made of precious metals, the urban population had neither funds to buy ceramics nor cultural requirements.

At the earliest stage of the Old Russian State formation, the Byzantian and another Oriental wares were used only by the higher aristocratic estate, being seized as trophies during campaigns against Constantinople, Crimea and other areas in the East or received as a gift from the Byzantian authorities. Later the representatives of church, who required inexpensive, but beautiful things for divine services, became owners of such ware. It is possible that ceramics owners were merchants, who made trips to Constantinople. Besides that, the glazed ceramics could be delivered to Russia by other non-trading channels – as property of immigrants and pilgrims.

In contrast to the glazed pottery, the Byzantine amphorae were not an independent subject of import, but served as containers for the wine and other products transportation. The main consumers of wine were princes, their surroundings and the church. However, the Christianization of Rus' and the necessety of the liturgy in the numerous churches, a number of which increased steadily, caused the need in considerable quantaty of wine. This fact served as the main reason for the bulk import of wine from Byzantium, receptacles for which were amphorae. Olive oil for the church lamps was brought in the same amphorae.

The natural consequence of strengthening the Christianity positions in the Rus' lands was pilgrimage spread to Byzantium's and Palestine's shrines, the conquest of the Holy Land and Syria by the Crusaders also contributed to the mentioned pilgrimage spread.

From this trips to Palestin pilgrims brought various "souvenirs", including beautiful glazed ware. Selectivity of purchases was determined by pilgrims' taste and the offer they faced. In the territory of the Middle East during XI–XII cc. the Syro-Egyptian luster ceramics and the Syrian ceramics "lakabi" were notable for the richest decor. Therefore the samples of that ware were brought to Rus'.

While the amphorae were imported to Rus' from the South, in the north-eastern border there were developing the trade with the Volga Bulgaria and the Arab East.

In the course of trade with Volga Bulgaria the high-quality red earthenware ceramics began to be imported, and from the XII century the Iranian art ceramics started to get position in the Rus' market. The most striking sample of Iranian art ceramics was faiences with luster paintings that received a wide distribution in Russia society, reaching even the farthest west of Russian lands.

The main transport arteries of that time passed via Dnepr, Dnestr, Don and Volga and they were the basic routes to import Oriental ceramics during Pre-Mongol era. Thus the Byzantian and Syro-Egyptian ceramics imports came by the first three ways, while Iranian and Volgo-Bulgarsky products were deliveried through Volga routes. The biggest importers of such ceramics were capital cities Kiev, Novgorod, Chernigov, Suzdal, and Old Ryazan. Thus Byzantine amphorae with wine reached almost to every ancient town and many large rural settlements.

Out-of-date hypotheses about import of "Crimean" amphorae to Russia and the considerable role of the Chersonesus in Rus' trade stemmed from the inaccurate attribution of amphora material, that were ascribed to the Chersonesus' manufacture, but in reality, amphorae of the XI–XIV cc. were made in various parts of Minor Asia. Trade relations in this period were established directly between Rus' and Constantinople, while the Chersonesus played the second fiddle in the commertional contacts.

In the Golden Horde period radical changes suffered in Rus'-East relations, caused by the ruin of the Rus' lands as a result of Mongol-Tatar invasion and the establishment of vassal dependence on the considerable part of Rus' territory from the Golden Horde. At the initial stage of this epoch the import of wine amphorae from Byzantium (definitely broken in the XIV century) was almost completely stopped. So at that time Eastern Glazed Ceramics were imported to Russia by representatives of the Horde's administration: they used the pottery in their private lifes. This circumstance can explain the appearance of appreciable amount of Byzantine and Black Sea Region's glazed pottery in the desvasted Northeast Russia that previously there almost never met. Another channel for Eastern ceramics could have been an import from the Horde (by Russian princes, who were forced to frequent and lengthy staying in the Khan lands). Thus, the character of Eastern ceramics import changed: the Black Sea Region's ceramics, the Iranian luster ware and Chinese ceramics (including seladon) were widely used, just that pottery were brought in bales with the property of Golden Horda nobles.

In the XIV century the weakening Rus' dependence from the Horde created the conditions to the nobility and the princes' demand for the eastern art pottery, already well-known by Russian citizen the previous period. Welkestablished links with the Horde and the presence of large manufacturing centers in the Volga region led to massive trade imports of such ceramics to Northeastern Russia, whence the pottery were sold to other Russian lands. The unique combination of conditions led to the fact that for the first and last time in the Middle Ages the real stream of Oriental glazed pottery gushed to Rus'. Less than for half a century, there were brought more glazed vessels than in all previous and subsequent (up to the XVIII century) history of Russia. There continued import of semi-majolica from the Black Sea Region, Volga Region kashi ceramics, and occasionally imported potters from Central Asia and Transcaucasia. Feudal War 1360–1370's. in the Horde, and then the total collapse of the Golden Horde urban culture in Volga Region under the blows of Timur army, put the end to this short-Jived upsurge eastern ceramics import to Russia. The new era, that followed the independence of all Russia from the Horde, and formation of two great entities in Eastern Europe – the Moscow and the Polish-Lithuanian state – were characterized by almost complete isolation of the PolishJ-Lithuanian states from eastern links and constant evolution of such relations between Moscow and the Orient. The only channel for the Eastern ceramics import to the western Russian lands was contacts with Turkey, whereas the principal significance for Moscow was the trade with Iran and Central Asia. However, in both cases the eastern ceramics held hardly noticeable place, because the main subject of that trade was silk and cotton fabrics.

Once again we emphasize that not all oriental ceramics import came to Russia via trade channels. The considerable part of the glazed pottery was delivered as non-trading import. Trade occupied the central place for the importation of Byzantine amphorae (as a wine container), Iranian ceramics luster (XII – early XIII cc.), glazed pottery from the Golden Horde in the Volga Region (XIV c.).

Oriental Ceramics import is not just a "proof of Rus' Foreign Relations – it illustrates the commercial, diplomatic, military, church contacts. Each vessel, brought to Russia from the East, is a complex of certain reasons, often associated with the personalities who left trace in history. Although, it is not always possible to name those people, they do not become "unrecognizable". It could have been either a head of a campany in the Caucasus or the military leader, buried in a barrow; it was always a concrete person – whether a pilgrim or Prince Rurikovich, Moscow tsar or a merchant. In most cases, the Oriental import is presented by small, redeposited fragments of vessels, but we should remember: each of them (each!) represents an extraordinary personality of his epoch.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Раздел 1

ВОСТОЧНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ИМПОРТ НА РУСИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

1. ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КЕРАМИЧЕСКОГО ИМПОРТА В РОССИИ

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИВОЗНОЙ ВОСТОЧНОЙ КЕРАМИКИ

3. ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГЛАЗУРЕЙ КЕРАМИКИ ВОСТОКА

3.1. Состав глазурей восточных фаянсов и полуфаянсов

3.2. Состав глазурей восточной майолики и полумайолики

Раздел 2

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СВОД НАХОДОК ИМПОРТНОЙ ВОСТОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА РУСИ

1. БЫТОВАЯ ЕМКОСТНАЯ КЕРАМИКА

1.1. Посудная керамика

Поливная (глазурованная) керамика

Фаянсы

Серия 1. Фаянсы без дополнительного декора

Серия 2. Фаянсы с надглазурным декором

Серия 3. Фаянсы с подглазурным декором

Серия 4. Фаянсы с внутриглазурным декором

Полуфаянсы

Серия 1. Полуфаянсы без дополнительного декора

Серия 2. Полуфаянсы с надглазурным декором

Серия 3. Полуфаянсы с подглазурным декором

Майолика

Серия 1. Майолика без дополнительного декора

Серия 2. Майолика с надглазурным декором

Серия 3. Майолика с подглазурным декором

Полумайолика

Серия 1. Полумайолика без дополнительного декора

Серия 2. Полумайолика с надглазурным декором

Серия 3. Полумайолика с подглазурным декором

Фарфор

Селадон

Сине-белый фарфор

Белый фарфор

Неполивная керамика

Серия 1. Керамика без дополнительной обработки поверхности

Серия 2. Лощеная керамика

1.2. Тарная керамика

Керамика без дополнительной обработки поверхности

Амфоры

Пифосы

Тарные кувшины типа “Таматарха”

Сфероконусы

Тарная лощеная керамика

1.3. Специальная керамика

Лампы

2. БЫТОВАЯ НЕЕМКОСТНАЯ КЕРАМИКА

2.1. Украшения

Бусы

Пуговицы

Подвески

2.2. Курительные трубки

2.3. Культовая керамика

3. СТРОИТЕЛЬНАЯ КЕРАМИКА

4. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА

Сепая

Водопроводные трубы (кубуры)

Раздел 3

ХРОНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ ВОСТОКА НА РУСИ

1. ПРЕДЫСТОРИЯ ИМПОРТА КЕРАМИКИ ВОСТОКА В ЛЕСНУЮ ЗОНУ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2. КЕРАМИКА ВОСТОКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ (ДОМОНГОЛЬСКАЯ ЭПОХА: IX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII в.)

3. КЕРАМИКА ВОСТОКА НА РУСИ В ЗОЛОТООРДЫНСКУЮ ЭПОХУ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – XV в.)

4. КЕРАМИКА ВОСТОКА НА РУСИ В ЭПОХУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (XVI–XVII вв.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦА РЕЗУЛЬТАТОВ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СПЕКТРАЛЬНЫХ АНАЛИЗОВ ГЛАЗУРЕЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. КАТАЛОГ НАХОДОК АМФОР НА ТЕРРИТОРИИ Д РЕВНЕЙ РУСИ

ЛИТЕРАТУРА

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

SUMMARY

Научное издание

Коваль Владимир Юрьевич

КЕРАМИКА ВОСТОКА НА РУСИ IX–XVII ВЕКА

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректор

Подписано к печати 00.00.2010
Формат 60 × 90$^{1}/_{8}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 0,00. Усл.кр.-отт. 00,0. Уч.-изд.л. 00,0
Тираж 000 экз. Тип. зак.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отмечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12